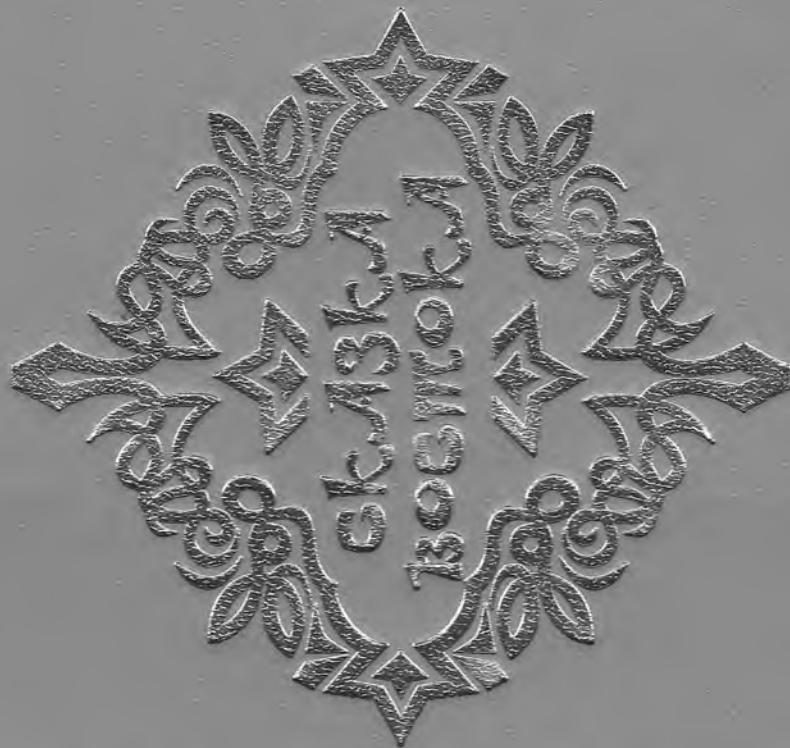

КАИТА
ИБРАГИМОВ

811.12
811.12

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

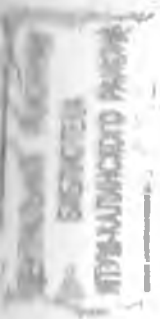

10

УДК. 81
ББК. 84

КАНТА ИБРАГИМОВ

СКАЗКА ВОСТОКА

ГРОЗНЫЙ
2010

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
И 15

Издано в авторской редакции

Ибрагимов, К.Х.

И 15 Сказка Востока. Роман. / К.Х. Ибрагимов. – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». 2010. – 640 с.

ISBN 978-5-900231-90-7

Роман «Сказка Востока» (2007) повествует об исторических событиях конца XIV – начала XV веков, о времени, когда на бескрайних просторах Евразии, от границ Китайского царства до берегов Средиземного моря, господствовала «империя» Тимура Великого (прозванного европейцами – Тамерланом), одного из самых жестоких последователей Чингисхана. Образу тирана-завоевателя в романе противостоит Молла Несарт – прототип Хаджа Насреддина, великого ученого, философа-гуманиста и пророка тех лет. Роман впервые опубликован в 2007 году.

Глубокий исторический анализ судьбоносных для современной цивилизации катаклизмов средневековья сочетается с занимательностью сюжета, не лишённого приключенческой выразительности и литературно-художественного вымысла.

Канта Ибрагимов – писатель, доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства, – известен широкому читателю по романам: «Прошедшие войны» (1999), «Седой Кавказ» (2001), «Учитель истории» (2003), «Детский мир» (2005), «Дом проблем» (2009).

www.ikanta.ru
kanta_ibr@mail.ru

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-900231-90-7

© К.Х. Ибрагимов, 2010

*Памяти отца —
Ибрагимова Хамзата Исмаиловича*

11043 2 1901

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

Вместо предисловия

Лишь в зрелом возрасте я впервые приехал в Москву и, попав на смотровую площадку Воробьевых гор, был просто потрясен масштабом столицы СССР. Летнее утро было солнечным, освежающим, и воздух, хоть и прохладный, но не совсем прозрачный, с легкой дымкой загадочности, недосказанности, очарованности. И взглядом все не охватить, не насмотреться. Но мое внимание особенно привлекло одно величественное светлое здание, которое находилось совсем рядом, прямо над Москвой-рекой, а на крыше этого грандиозного сооружения по-волотой блестела какая-то замысловатая, узорчатая конструкция, чем-то таинственным к себе маня.

Любопытство меня съедало. Я осмотрелся, кругом много людей, в основном, как я определил по виду, гости столицы. А вот несколько в стороне, облокотившись на холодные мраморные перила, курит, смотря в даль, импозантный мужчина в очках, по возрасту, быть может, немного старше меня; у него я и спросил, что это за здание.

— Это здание, — не глядя на меня, отвечал мужчина, — средоточие знаний, значит силы.

— Неужто ЦК КПСС¹? — удивился я. Тогда москвич обернулся, бегло осмотрел меня и сказал:

— Еще важнее, действительно сила, основа основ государственности — Академия наук СССР.

---

¹ Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза — руководящий орган Союза Советских Социалистических Республик.

— А что за символ на крыше? Вновь обернувшись, уже в упор глядя на меня, мужчина жадно докурил сигарету и вдруг резко отошел. Я думал, что подальше от моих докучливых вопросов, а он, бросив окурок в урну, вернулся и с иронией выдал:

— Это знак — золотые мозги Союза! — и, видимо, что-то заметив на моем лице, он более серьезно продолжил: — Я думаю, — его рука указала на здание, — архитектор замыслил это как некий символ химического соединения... Но на самом деле получилось как есть — лабиринт истории науки: сверху глянец, аж блестит, а внутри тех труб столько грязи, столько пыли, ржавчины и паутин интриг, что лучше не трогать и историю не ворошить.

— Интересно, — не сдержался я и, как открытие, выдал: — А я ведь историк!

— Неужели?! — совсем дружелюбным стало лицо мужчины. — Тогда мы коллеги, — он протянул руку, — Калмыков Иван Силантьевич.

Разговорившись, мы поняли, что являемся не просто коллегами, а специалистами по одной теме исследования — Октябрьской революции 1917 года в России. Расставаясь, мы обменялись адресами, и позже Калмыков (а он был доктором наук) мне много помогал. Но эта связь оборвалась. Причин тому много, а главное, по-моему мнению, в том, что объект нашего исследования потерял актуальность, ибо в России свершилась новая революция начала 90-х годов, страна СССР распалась, следом война на моей родине, в Чечне... К счастью, все войны когда-нибудь кончаются. А я, как и прежде, научный сотрудник. Наш так называемый научно-исследовательский институт, где я работаю ныне, расположен в полуразрушенном здании на окраине руин города Грозного. И здесь, если честно, не до науки: масса бытовых проблем. Вот газ сумели подвести, еще полгода за электричество боролись, а тут и вовсе счастье — телефон достался. И казалось, кто к нам позвонит, кто наш номер знает? А позвонили, межгород, даже из Москвы, и лично меня, простого научного сотрудника, подозвали. Связь плохая, ничего не слышно, потом отключили напряжение, а когда вновь подали — поступил факс.

Оказывается, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук совместно с каким-то международным гуманитарным фондом провел Круглый стол по проблемам войны

и мира на Северном Кавказе. По материалам выступлений готовится сборник. Я включен в состав редколлегии, что весьма почетно. Но это не все. Хотя я и не присутствовал на заседании, от меня требуется предисловие и еще — развернутая статья, характеризующая современное социально-экономическое состояние Чеченской Республики.

Внизу — контактный телефон, фамилия — Калмыков Иван Силантьевич. Сразу позвонил, повезло: услышал позабытый было голос.

— Это я тебя включил в редколлегию, — из-за плохой слышимости Иван Силантьевич кричит.

Я хотел было возразить: не побывав на заседании, как писать предисловие.

— А вот так и писать! — постановил Калмыков. — Ты ведь видишь, как искажают историю, все налицо, точнее, с оглядкой на лица... Нам, ученым, надо хоть как-то выправлять ситуацию. Так что срочно вылетай.

Самолетом — дорого, да и из Грозного не летают, так что только через два дня поездом прибыл в Москву и прямо с вокзала на метро добрался до площади Гагарина, надолго устоял в высотное здание Российской академии наук.

Была зима, холодно, ветрено, низкое хмурое небо и редкий колючий снег. А конструкция на крыше уже не блестит. И почему это «лабиринт» или «золотые мозги России»? Может быть, ненужное нагромождение? Кто-то поумничал. А скорее, я что-то недопонимаю.

При входе в здание никакого трепета не было, были проблемы: пропуск не заказан, узнав, что из Чечни, придирчиво, с подозрением осматривали.

В лифте нужный мне этаж оказался последним. Прямо в «лабиринт», под «мозги». К удовлетворению, Калмыков встречал меня у лифта. Как всегда подтянутый, но поношенный, впрочем, как и я.

— Ты почему так долго? — будто мы только вчера расстались, он по-простецки подал руку.

— Готовил статью, — так же сходу стал оправдываться я.

— Да кто ее читать будет, — махнул Иван Силантьевич небрежно рукой, приглашая меня, двинулся по странному зигзагообразному пустому коридору, где заблудиться немудрено.

Кабинет Калмыкова где-то в тупике, зато просторный, светлый. По легкой пыли на столах видно, что здесь мало и редко кто бывает. Я сразу подошел к окну, вид из которого был от высоты головокружительный.

— Так, некогда-некогда, — торопился Иван Силантьевич, — давай свои материалы.

В моем портфеле сверху, чтобы не разбилась, лежала бутылка коньяка, так сказать, гостинец с юга.

— Ну, кавказцы, вы не можете без этого, — словно недоволен, развел руками хозяин. — Так, а это статья, — он вскользь перелистал ее, — очень много, надо наполовину сократить... А где вступление?

— Как я мог написать вступление, — теперь и я развел руками, — если с материалами Круглого стола вовсе не знаком?

— Ну да, — Калмыков сел, довольно шустро снял очки, надел другие, стал разглядывать этикетку: — Ваш коньяк?.. О, какие у вас были коньяки!.. Наурский винзавод, пять лет выдержки, — читал он. — Неужели правда?

— Я пожал плечами.

— После проверим, — он встал. — А сейчас, — положил руку на внушительную пачку бумаг, — вот все материалы, забирай в гостиницу. Номер забронирован, завтра к обеду жду с предисловием.

— Как к обеду? — взмолился я.

— Всего две странички, — он по-свойски похлопал меня по плечу, как бы выпроваживая, стал помогать собираться, оправдываясь: — Прости, у меня сегодня чертовски много дел, надо идти.

Мы вместе покинули здание академии, и я хотел было на улице спросить кое-что про «лабиринт», но Иван Силантьевич, как и при встрече, сухо протянул руку, растворился в снежных сумерках столицы.

По сравнению с моим бытом в Грозном, условия академической гостиницы были просто шикарными, правда небольшой телевизор барахлил, но это было к лучшему: надо скорее ознакомиться с материалами сборника.

Несколько первых статей — только о добре и мире, и даже гордость берет за свой многострадальный, мирный, трудолюби-

шой народ. Но вот статья, где с самого начала ненависть, клевета. В итоге — бомбы на головы чеченцев, как заслуженная кара.

Теперь я уже читал внимательно. Еще в двух-трех статьях почти то же самое, если не хуже, вплоть до того, что и депортировали чеченцев правильно... До утра просидел. Злость во мне кипит. Вывод один — провокация: меня специально включили в академическую редколлегия, мол, что вы хотите, редактор — чеченец, все верно и подтверждено.

До обеда время еще было, но я не мог заснуть. В полдень был уже в здании под «лабиринтом». Пропуск не выписан, телефон не отвечает. Отягощенный пачкой рукописей, я прослонялся на сквозняке и прихожей не один час. Давно бы ушел, знай, куда деть чужие материалы. Усталый, разбитый и злой, в сгущающихся сумерках я уже медленно спускался по заснеженному мрамору парадной лестницы, как в упор столкнулся с запыхавшимся Калмыковым.

— Извини, извини, — не давая ничего сказать, потащил он меня обратно под «лабиринт».

В полумраке лифта сквозь запотевшие очки он виновато пытался заглянуть в мое лицо и, видя мою хмурь, тяжело вздыхая, перевел взгляд на свои разбухшие, изношенные сапоги. Пока старый лифт скрипя, почти на каждом этаже останавливаясь, полз до самого верха, Калмыков, будто бы для убедительности кивая головой, печально вымолвил:

— Жена тяжело больна... Конечно, дети, как могут, помогают. Но сейчас все дорого. А тут, что мы получаем? Вот и приходится подхалтуривать на стороне... Я хотел позвонить, но у тебя нет мобильного... Впрочем, у меня тоже... Виноват.

От этих подробностей в тепле светлого кабинета, под мерный звук закипающего чайника я уже было смягчился, но меня вновь поманил вид из окна, и, глядя на блеск горячей огнями Москвы, вспомнил мрак руин Грозного, где обитаю я, и, не оборачиваясь, твердо заявил:

— Я отказываюсь быть членом редколлегии и вообще не хочу участвовать в этом пасквиле.

— Отчего же? — дрогнул голос Калмыкова.

— Я положил перед ним материалы Круглого стола и по закладке раскрыл абзац, где было относительно терпимое очернительство чеченского народа.

— Так-так, — Иван Силантьевич отставил заварочный чайник, сел очень ловко и быстро, поменял очки, по-моему, прочитал все, задумался, стал вновь перечитывать, уже медленно, вода подстрочно карандашом.

— Я думал, что он собирается с мыслями и сейчас скажет, что это наука, надо мнение, пусть даже ошибочное, уважать, выслушать, это тоже полезно. Однако случилось для меня совсем неожиданное — Калмыков резко бросил карандаш.

— А кто автор? — он стал быстро перелистывать. — А-а, знаю я этого лжеученого.

— Можно этот абзац убрать? — робко предложил я.

— Не можно, а нужно, и не только абзац, а всю статью, к чертовой матери!

— Так есть и похлеще, — взбодрился я от поддержки.

— Что?! — Калмыков стал просматривать все мои закладки. — Так — отложил он материалы, снял очки. — Это ненаучно, — он встал. — Я более скажу, это не по-мужски.

Иван Силантьевич вновь засуетился вокруг чайника.

— Придется нам изрядно сегодня поработать, — озабоченно сказал он. — Завтра материалы необходимо сдавать. Клевету всю уберем, ей не место в академическом сборнике, — в два стакана он стал наливать крепкий чай. — Я весь продрог... Попав в пробку, автобус час на месте стоял. Пешком пришлось до метро добираться, сапоги худые... Нет, чай не спасет, надо принять радикальные меры, — с этими словами он достал из шкафа уже початую бутылку моего коньяка и, увидев мой удивленный взгляд, объяснил: — Вчера вернулся, допоздна работал.

Из того же шкафа Иван Силантьевич взял две видавшие виды рюмки с пожелтевшими краями, разлил коньяк.

— А ты пьешь, кавказец?

— Если за здоровье, — мое настроение явно улучшилось.

— Только за здоровье, а то весь дрожу. Да и ты, видать, озяб, ожидая меня... Ну, — поднял он рюмку и, будто бы читая все мои мысли: — Ах да, закусить.

Он подошел к маленькому холодильнику, что стоял в углу, раскрыл и долго глядел, словно там есть выбор, кроме как одной тарелки с пересошим сыром и пары ломтиков хлеба.

По рюмочке не получилось, и мы уже, как говорится, плотно утеслись, а разговор только о Кавказе, Чечне.

— Вы, чеченцы, сами виноваты, — начал профессор Калмыков, — вы сами себя в горы и ущелья загоняете, а доказательств, что вы жили на равнине и всегда, и не просто — налицо... Вот возьмем твой подарок, — он взял уже пустую бутылку коньяка, — Видишь, адрес — станица Наурская, как явствуют историки, взятая русскими на ура. Здесь сразу два вопроса, как минимум. Во-первых, клия «ура» — монголо-тюркского происхождения. Во-вторых, а у кого, как не у чеченцев, эта территория была взята? Значит, и на левом берегу, далеко за Терекком, на равнине, и даже в степях жили чеченцы почти всегда: и в Хазарии, и в Алании, и страна Симсим, и значительно позже, вплоть до покорения Россией.

— Так почему же это четко не определено в исторической науке?

— Понимаешь, каждая эпоха на свой лад перекраивает историю. Последний раз это случилось при Сталине в советское время, в сороковых-пятидесятых годах. Тогда, после победы СССР во Второй мировой войне, все было дозволено. А, как известно, и это время на Кавказе уже не было чеченцев: депортировали. Их и впредь не должно было там быть, а значит, и до этого тоже. Вот и выплеснули из тазаика вас вместе с водой... Все в Лету кануло. Вот и ищи ветра в поле, точнее, в секретных архивах, может, что-то и осталось.

Иван Силантьевич довольно быстро ликвидировал следы нашего застолья, потирая руки, постановил:

— Так, пора работать. Все твои замечания справедливы. Как редакторы, мы обязаны привести все к науке, а значит, к общественным ценностям. Но, — он поднял палец, — прежде надо устроить небольшой перекур.

Оказывается, курить можно только в специально отведенных местах — на лестничных клетках. Довольно долго мы блуждали по едва освещенному коридору, где я пытался разглядеть таблички кабинетов.

— О, — поразился я на ходу. — А у вас здесь и музей, оказывается, есть.

Калмыков лишь кивнул.

На лестнице было мрачно, сыро, холодно, сквозило. Было слышно, как за окном набирает силу ветер. В полном молчании, о чем-то думая, мы уже докуривали, когда Иван Силантьевич неожиданно заявил:

— Кстати, а знаешь, кто нанес самый сокрушительный удар по всему Кавказу, и особенно Северному?

— Кто? — чуть не закричал я.

— Тимур, или, как называют европейцы, Тамерлан, — бросив окурок в урну, он довольно бодро тронулся обратно, как бы между прочим продолжая: — Как и все великие полководцы, он был деспот и злодей. Непокорных он уничтожал до последнего, любил из отрубленных голов пирамиды строить. А вы ведь всегда непокорны, строптивы. Вот и лазал он со своей сотысячной армией по вашим горам и ущельям, последнего выискивал, все с землей сровнял, все отравил... Об этом мало кто знает, но это исторический факт.

Кое-что из этого я уже исследовал, но слышать такое от специалиста — будто надо мной навис грозный меч Тамерлана. Я заблудился, то ли заблудился, и наскочил на неожиданно остановившегося историка.

— Впрочем, — не реагируя на мою неловкость, не оборачиваясь, промолвил он, — в этом музее башка¹ Тамерлана... М-да, самого в конце-концов обезглавили.

С этими словами он поспешил дальше, а я, обуреваемый смешанными чувствами, продолжал смотреть на эту дверь и, когда шум шагов стих, чего скрывать, словно от испуга, побежал вслед.

Когда я вошел в кабинет, Калмыков стоял у окна и туда же поманил меня. На улице уже сгустились сумерки, ярким блеском светилась столица. Всюду лежал снег, и лишь прямо под нашим окном темной извилиной чернела не совсем замерзшая Москва-река.

— Я боюсь высоты, и редко когда подхожу к окну, хотя красота-то какая, — Калмыков постучал по стеклу, словно это препятствие могло его защитить от падения. — А вообще-то, — видя, что я почти уперся лбом в холодное стекло, он придвинулся ближе, — по моему глубокому убеждению, что подтверждается

---

¹ Башка — от тюркского «баш» — голова.

и многочисленными исследованиями, с огромной вероятностью, летом 1395 года, разгромив на Тереке Тохтамыша, Тимур без особого труда покорил все южнорусские города и вплотную подошел к Москве-реке, стал лагерем напротив города.

Резкий порыв ветра ударил в окно, так что мы оба отпрянули.

— Ну да, — после некоторой невольной паузы заговорил Калмыков, — Москва тогда — уже богатый город. Цель Тимура — нация. Шансов выстоять против полчищ кочевников у Москвы нет. И, как явствуют документы, богатые слои населения вели тайные переговоры о сдаче города. И вдруг, совершенно неожиданно, прямо посреди ночи Тимур отсюда в спешном порядке бежал.

— У-у-у! — завыл за окном ветер, задрожало окно. Калмыков довольно быстро отошел, сел за стол.

— Так, нам надо работать, — вновь постановил он.

— А почему Тимур бежал? — я уже был заинтригован.

— Говорят, что на противоположном берегу выставили святую икону — она спасла. Но это домыслы клерикалов. На самом деле, мне кажется, все было совсем иначе.

— Как? — не сдержался я.

— Ну, это мое предположение совсем ненаучно и из моих уст — уст историка-исследователя — будет звучать, по крайней мере, уж чересчур банально, если не мистично, а я сам обязан естественной наукой бороться... Так что давай работать, время поджимает, — он посмотрел на часы.

Вновь ветер стал напирать в окно, просочился в щели, и выцветшие шторы пришли в легкое движение.

— Ап-чи! — чихнул Калмыков и, доставая платок: — Садись, давай к делу.

Теперь я каюсь, да, признаться, меня этот сборник совсем не интересовал. Я уже витал в «лабиринте» XIV века и поэтому предположил, что мы оба простудились, да и сквозит в кабинете. В общем, от меня поступило недвусмысленное предложение.

— Пожелание гостя — закон, — вздернув палец вверх, постановил Иван Силантьевич, — сбегая в буфет.

Подискутировав и на эту тему тоже, мы решили идти вместе. Было уже поздно, ассортимент академического буфета нас не устраивал, и тогда, ввиду того, что у меня нет пропуска и могут быть

осложнения, мы скинулись и Калмыков отправился в ближайший магазин. Вернулся он не скоро и не один и, было видно, совсем навеселе.

— Ну, познакомься, — видимо, расслабившись, Иван Силантьевич забывал о своих проблемах, голос задорный, веселый, — тебе повезло, — обращался он ко мне, взмахивая рукой, — лучший специалист в мире по тимуроведению, кстати, мой ярый оппонент, но в жизни мы друзья — Олег Кузьмич!

Калмыков стал выкладывать из пакетов продукты:

— Вы не поверите, — смотрю, килька жареная, ну прямо как в добрые советские времена. Правда, цена — о-го-го, — все говорил он. — Я бы уже давно вернулся, да вот у Кузьмича в отделе день рождения, заташили, подзадержался, прошу прощения.

Стол был накрыт. Не только килька, но и тосты были просоветские, многословные, да все не о том, а я хотел, чтобы вновь говорили о Тимуре. Но у них начался, наверняка уже не впервой, диспут о роли компартии на современном этапе.

Меня эти политические хитросплетения, может быть, и заинтересовали бы в иные времена, да не теперь, когда сознание занесло в средневековье. От их речей мне стало скучно, и, видимо, выпитое сказалось, да и не спал я прошлую ночь, вот и стал носом поклевывать, едва скрывая зевоту. И тут неожиданно Иван Силантьевич по столу кулаком грохнул и чуть ли не криком:

— А я утверждаю, что пока труп Ленина земле не предадим, не будет у нас в стране порядка.

— Да что за суеверие?! К чему эти шаманские заклинания? — дружелюбно улыбаясь, развел руками Олег Кузьмич.

— Это не суеверие, — вознес Калмыков указующий перст, — а жизнь. И я более того скажу — эту башку Тамерлана тоже надо восвояси вернуть иль того лучше — прямо в окно, в Москву-реку, а там и Волга, и пусть плывет к своим пустыням, к хазарам и аланам.

Мою сонливость как рукой сняло, а Олег Кузьмич уже по-свойски толкнул меня в бок, говоря:

— О-о! Смотри, куда его занесло. Да при Тимуре уже не было хазар. И аланы — выдумка, миф.

— Что значит «выдумка»? — повысил голос Калмыков. — Вот перед тобой потомок хазар и алан, — указал он на меня.

— Ну ладно, ладно, — пошел на попятную Олег Кузьмич, — Давай лучше выпьем, — стал он разливать водку.

Теперь выпили без тоста, так же молча закусили. И вновь обращаясь ко мне, Олег Кузьмич, посмеиваясь, сказал:

— Понимаешь, сейчас в науке парадоксальная ситуация: историю интерпретируют, как хотят, в том числе и в первую очередь наши академики. И вот для борьбы с этим злом, с этой лженаукой, создали высокую комиссию во главе с уважаемым моим другом, — он указал на Калмыкова. — И что ты думаешь? Сам впал в другую крайность — сомнамбулизм.

— А это что такое? — удивился я.

— Ясновидящий, предсказатель снов, — с явной иронией, — Иван Силантьевич утверждает, что вот здесь, именно на этом месте у Москвы-реки стал лагерем Тимур, ожидая сдачи столицы. И однажды ему приснился сон, что отсекут ему голову и поставят в Москве на всеобщее обозрение, как сам Тамерлан любил делать.

— А что? — недовольно встал из-за стола Калмыков. — Тебе, как главному тимуроведу, известно, что Тамерлан видел вещи сны и им всегда следовал. Об этом все знают, и это описано в его так называемой автобиографии.

— А что, он и вправду видел вещи сны? — встрял я со своим.

— Да выдумки все, — махнул рукой Олег Кузьмич, — как сейчас говорят, самореклама. Под пророка Мухаммеда подстраивался, якобы наместник Всевышнего. А сам грабил лишь мусульманские страны, мол, за чистоту веры боролся. Только на христианскую Грузию напал, а вот на Византию, совсем ослабевшую, но богатую, не пошел.

— А на православную Русь он разве не пошел? — перебил его Иван Силантьевич.

— Ну, во-первых, Русь, хоть и православная, была частью Золотой Орды. А во-вторых, как гласит летопись, Божья благодать за нас вступилась.

— О-о! — вскрикнул Калмыков. — Это говорит ученый — коммунист-атеист.

Они опять заговорили о политике, да я свой язык не сдержал:

— А что, и вправду голова Тимура здесь? — С этого все и началось.

— Ты не веришь? — как бы насупился Калмыков.

— А что, надо продемонстрировать гостю, — предложил Олег Кузьмич.

— Уже поздно, — посмотрел на часы Иван Силантьевич, — Мария Ивановна, небось, ушла.

— Да это даже к лучшему, никто мешать не будет, — решил Олег Кузьмич.

— А ключи, сигнализация?

— Ой, будто мы всего не знаем, — не унывает Олег Кузьмич. — Велика важность — башка злодея. Был бы из золота, нам не достался бы.

— А выпить больше нет? — это я уже разгулялся в преддверии встречи с Тамерланом.

Пока я томился в коридоре возле двери «Музей», они оба исчезли в каком-то кабинете, появились со связкой ключей. Зажгли свет. В нос ударил затхлый, спертый, тяжелый воздух, напоминающий могильную жуть. Помещение оказалось небольшим. Мое внимание привлекли многие экспонаты, и я было уже прошел мимо.

— Иди сюда, — возвратил меня Иван Силантьевич, — вот он. Опять в Москве.

Оказывается, голова Тамерлана постоянно хранится в Кунсткамере в Санкт-Петербурге, но временно перевезена в Москву на музей-выставку в честь юбилея Российской академии наук.

Я ожидал увидеть нечто необычайное, может, великое, даже страшное. А передо мной обыкновенный бюст, правда, под стеклом, как Ленин в Мавзолее, и так, ничего особенного: старый степной человек, которых я немало встречал при поездке в Среднюю Азию. Только вот, наверное, Герасимов¹ старался сделать его злым, волевым, жестоким, но мне показалось, получилось наоборот: немного обижен, виновен, растроган, даже просит прощенья, губы поджаты. И если бы не великолепный, действительно ископаемый, бесценный шлем на голове — заурядный, рыжеватый дехканин.

---

¹ Михаил Герасимов — советский антрополог и скульптор, который по черепу реконструировал лицо Тамерлана.

По существу, работа безукоризненна: как живой, словно в музее восковых фигур. Но тут-то подлинный череп, который так покрыт мишурой, что вот-вот заговорит. И неужели этот тиран, этот повелитель мира, или, как он сам себя называл, «подлирная звезда» и Властелин, сейчас отдаст приказ или закричит в прости?! Нет! Выражение его глаз так скорбно, что, наоборот, кажется, он хочет что-то попросить, вымолить.

— О-о! Вы уже здесь, — с шумом появился Олег Кузьмич, весь запыхавшийся и довольный. — Все ушли, я все принес! — в авоськах водка, пиво, уже початая бутылка вина и всякая нехитрая снедь.

— Ой-ой! Только не здесь, только не сюда! — взмолился Иван Силантьевич. — Ведь это музей! Кто узнает — конец!

— Да ладно тебе! — удала появилась в движениях Олега Кузьмича. — Давненько я мечтал вот так с Тимуром посидеть, — он по-хозяйски, попросив меня помочь, положил на пол какой-то смысловатый экспонат и бесцеремонно, скрипя стертым паркетом, пододвинул стол прямо к Тамерлану, по ходу мне говоря: — Ты знаешь, он запретил вино и всякое спиртное, но сам устраивал такие попойки, во время которых напивался вдрызг до потери памяти.

— Да и умер он от перепоя, — встрял в наш разговор и Иван Силантьевич, стал помогать стол накрывать.

Ветер завыл с новой силой, аж засвистел. Все усталились в окно.

— Ну и погода разошлась, — вымолвил тихо Иван Силантьевич.

— Да-а, — поддержал Олег Кузьмич, и, как сейчас принято говорить у молодежи, он высказался в тему: — вот в такую непогоду во время похода на Китай, — ткнул пальцем в сторону бюста, — он попал в пургу, застрял в Отраре, и его историографы говорят: заболел воспалением легких. А на самом деле Тимур в Отраре устроил грандиозный пир с оргиями, как он любил, и от этой попойки скончался.

— Пьянству — бой! — то ли шутя, то ли серьезно постановил Калмыков. — И вообще смешивать спиртное — опасно.

— Ну, здесь холодновато, — это уже моя провокация.

— Да-да, надо по чуть-чуть, — стал разливать Олег Кузьмич.

— Нам надо работать, — не совсем твердо заявил Калмыков, — ведь завтра девятнадцатое, — один день до сдачи сборника в печать.

— Да ладно, никому твой сборник не нужен, а кому нужен, еще подождет, — как и бутылка, бразды правления в руках Олега Кузьмича. — Ну, еще по одной, так сказать, за здоровье... Ой, — вдруг он покосился в сторону Калмыкова: — Ты что сказал — девятнадцатое? Вот это мистика! Как раз девятнадцатого января 1405 года Тимур скончался.

— Ровно шестьсот лет, — прошептал Калмыков.

— У-у-у! — завыл ветер за окном.

— Вот судьба, — несколько ниже тон Олега Кузьмича. — Как он выставлял отрубленные головы напоказ, так и его башку в конце концов выставили... А душа, небось, мечется, покоя ищет.

— Что это ты о душе, загробной жизни и судьбе заговорил? — еле заметная гнусавость появилась в голосе Ивана Силантьевича. — Ты ведь наш нестигаемый атеист.

— А как не говорить, — задумчив стал Олег Кузьмич, — ведь сказано, будет проклятие, если его откопают. Вот, в июне 1941 года его достали, и сразу — война.

— Брось ты, — небрежен Калмыков, — Вторая мировая война уже два года до этого шла и была неизбежна.

— Между прочим, — перебивая, сказал Олег Кузьмич, — я знал человека, кто выкапывал Тимура в мавзолее Гур-Эмира. Говорят, когда раскрыли эбеновый гроб, то пошел такой дурманящий запах, что целые сутки помещение проветривали, а рыжая борода Тимура совсем рассыпалась.

— Интересно, ее ли принесли или что иное? — это вновь я не по делу.

— А что, давайте проверим, — после очередной рюмки воспряли мы духом.

— Не-не, — забеспокоился Калмыков, — лет двадцать ящик не вскрывали, и не дай бог.

— А вообще, как живой, — не унимался я, — действительно, борода настоящая ли? — я уже встал, ощупывая маленький замочек на стеклянном ящике. — Вот бы пощупать его.

— Да, — Олег Кузьмич тоже встал, — в целях науки пощупать узурпатора, я думаю, будет полезно, а то вдруг надумают, как и Ленина, закопать. А ну, Силантьевич, давай-ка ключи.

И вроде промолчал, но наверняка вид у меня был тоже требовательный.

— Да вы что, вы что?! — начал было противиться Иван Силантьевич, но не так чтобы ретиво.

К замку и вправду давно не прикасались: маленький ключик после долгих усилий едва со скрипом повернулся. И когда мы стали открывать вроде стеклянную дверцу, она оказалась толстой, тяжелой, из какого-то плотного пластика. А петли уже проржавели, не выдержали: дверца рухнула и прямо острым углом в мой сапог, пробив не только кожу сапога, но и мою собственную, чуть не до крови. Во избежание чего-либо мою ссадину обработали последними каплями водки.

— Вот деспот, и сейчас на нашу жизнь покушается, — возмущаясь Олег Кузьмич и, угрожая пальцем: — Смотри мне, Ленина, может, эти дерьмократы и закопают, а ты еще тысячу лет будешь здесь стоять.

Я, видимо, к этому моменту уже изрядно окосел и нос к носу сошелся с башкой Тамерлана.

— Вы поглядите, как живой, — произнес я, — а кожа, кожа шстоящая, — и я нажал пальцем на выпирающую азиатскую скулу.

— Ну-ну, не лапай так, не трогай, — хотел меня в это время отстранить Калмыков и тоже, как и я, замер в изумлении: из глаз, оставляя на изборожденной морщинами, якобы обветренной, но еще сохранившей румянец и жизнь коже, медленно скатилась крупная капля и, блестя светом неоновых ламп, застряла на кончике рыжеватых усов.

— Боже! Он плачет, — натужно выдавил Иван Силантьевич.

— А ну, — расталкивая нас руками, приблизился Олег Кузьмич, не как я, а запросто пощупал физиономию, даже бороду дернул. — Да что вы, набожники, физики не знаете? Скопился конденсат в пустотах, нажал пальчиком — капля потекла... А они: плачет тиран! Надо было раньше плакать, когда воздвигал «минареты» из черепов.

— Вот времена были, — прошептал Калмыков.

— А ныне что? А Гитлер? А Сталин? А атомная бомба на Хиросиму? — судил Олег Кузьмич. — Да и сейчас, что у нас?!

— А минареты и вправду были? — изумился я.

— А что? Факт: Исфаган, Тус, Дели, Алеппо, Багдад, Магас...

— Магас — наш город, — возмутился я.

— Об этом весь сказ. Ведь вы непокорны, а непокорных он не щадил.

— Да, — подтвердил Калмыков. — Как написано в летописях, при взятии Магаса у всех пленных, от мала до велика, было отрезано по правому уху, люди проданы в рабство в Сирию и Египет, тамошним мамлюкам... А гору ушей пересчитали: более 260 тысяч!

— Ну, не так, — возразил Олег Кузьмич. — Во-первых, Ата-мелик Джувейни писал это с чужих слов и любил зачастую преувеличивать. А во-вторых, это случилось в дотимуровский период во время монгольского хана Аргуна, внука Чингисхана.

— Кстати, могилу Чингисхана так и не нашли, — перебивая, сказал Иван Силантьевич.

— А жаль, — вздохнул Олег Кузьмич, — его башка здесь была бы более уместна.

— Не скажи, не скажи, Кузьмич, это как посмотреть. От монголов мы и пользы немало получили.

— Разве что твою фамилию, хе-хе... Да ладно, не обижайся, — похлопал по плечу Калмыкова Олег Кузьмич. — Давайте лучше выпьем.

— Не-не, — поднял руки Иван Силантьевич. — На коньяк — водку, а теперь еще вино с пивом — хуже ерша, гремучая смесь.

— Да ладно, садись, Силантьевич, тряхнем стариной... И ты садись, — это мне.

— По музею разлился аромат душистого вина.

— Мне домой надо, жена больная, — уныл голос Калмыкова.

— Вот и выпьем за здоровье дам!.. Стоя! До дна! — командовал Олег Кузьмич.

— Мне вино понравилось, а может, жажда мучила. Словом, я еще раз наполнил свой стакан.

— Это правильно, — постановил Олег Кузьмич. — А вот то, что только себе налил — нехорошо... Вот так!.. Ну что ж, мы ведь не пьяницы, и без тостов не пьем. Силантьевич, скажешь пару слов?

— Надо все закрыть, убрать, — Калмыков озабоченно посмотрел на часы: — Поздно. Жена больная.

— Т-с-с, — выдал губами Олег Кузьмич, небрежно махнул рукой. — у тебя всегда жена, — он ткнул меня. — Даже в молодости, в экспедицию поедем, он через день нюни распускает — жеман, жеман! А как истинно сказал Пророк (мир ему и благословление!): «Все в мире просто, кроме женщин и разговоров о них!» Правильно я говорю, кавказец? — он снова ткнул меня.

— У-гу, — промычал я. На большее не был способен, в отличие от Калмыкова уже и циферблат не различал.

— А я считаю — неправильно, — вновь прорезался голос Ивана Силантьевича. — Ты искажаешь смысл Святого писания. Женщина — это величайшее творение Бога! И я...

— Да, начни с Евы, — перебил его Олег Кузьмич. Как и по другим темам, они и здесь засели надолго дискутировать, часто обращаясь ко мне. Я нить разговора уже потерял, что-то мямлил невпопад. Я устал, был пьян. Действительно, разговор о женщинах был не простой, аж жажда подступила. Меня потянуло к пиву, после которого окончательно развезло, и я уже ничего не слышал. Лишь когда они вновь стали упоминать имя Тимура, слегка очнулся, что-то спросил.

— А что, ты этого разве не знаешь? — не как ранее, а локтем, сильнее ткнул меня Олег Кузьмич, так что я чуть не упал со стула. И это, наверное, привело меня в какое-то чувство.

— Что не знаю? — словно спросонья стал озираться я.

— Вот Тимур, не то что мы, — громко пояснял Олег Кузьмич. — Настоящий мужик! Почти что семьдесят...

— Шестьдесят девять, — уточнил Калмыков.

— В любом случае, старше нас с тобой был. А каждую ночь ему поставляли ровно десять совсем юных девочек.

— И мальчиков, — вновь Калмыков.

— А зачем десять? — это я. На это вначале среагировали молчалием, тоже глотнули пивка.

— Ну, значит... был такой мужчина, настоящий хан. Ты посмотри на него, — мы все вновь уставились на бюст.

И мне показалось, что Тимур моргнул, мол, вот такой я был молодец! Что, завидуете? Но я об этом видении умолчал, — значит, кое-как соображал.

— Вот гигант! Вот мужчина! — воскликнул Олег Кузьмич.

— Надо и ему налить пивка!

— Конечно, надо! — расщедрился и я.

Вот тут я уже не помню, угостили ли мы его или нет. Помню, что Калмыков нас осаждал, а потом сделал пояснение.

— Вы-то говорите об одной стороне. А что он делал наутро?

— И утром? — это тоже я.

— Утром, — стал говорить Калмыков, — если ночь его прошла хорошо, то одаривал он юнцов подарками. Но если настроение бывало плохим, иль сон под утро привидится плохой, а это к старости у него было чаще, то делал так знак, — он наискось махнул рукой, — и детей умерщвляли.

— Вот изверг! — это я, и следующее предложение: — Кильку ему в рот и пирожным по харе.

— Ну-ну, это ведь экспонат, музей, — успокаивал меня Калмыков, — академическое достояние, историческая ценность.

— Какая ценность?! — возмутился я и уже чувствовал, как стали действовать бессонная накануне ночь, алкоголь, гнев, провалы в памяти, пьяный бесконтроль.

— Да это что, его отпрыски и приспешники были еще наглее, — за столом продолжался разговор. — Вот Силантьевич утверждает, что Тимуру под Москвой приснился вещий сон, и он ушел на Кавказ. А на самом деле, внук Тимура, оставленный наместником в Магасе, увидел свадьбу и потребовал к себе невесту-красавицу, будто мало ему было наложниц-рабынь. А у кавказцев вопрос с женщинами сугубо шепетильный, вот и посадили наместника на кол, и всех тюркитов истребили. Вот тогда-то и вернулся Тимур на Кавказ, все сровнял с землей, почти всех истребил, в рабство загнал, лишь немногие в недоступных горах укрылись.

— Вот гад! — зарычал я. — И вы его за это на постамент, бюст из мрамора, шлем с рубинами и на самый пик Москвы, выше лишь «лабиринт» ваш золотой из надуманной истории.

— Скорее всего, я еще какую-то несурязицу плел, может, и лично в адрес коллег. Если честно, не помню или не хочу вспоминать. Вот только четко помню, что как-то умудрился я раскрыть окно, вьюга в музее, а я кричу:

— В землю его, растоптать!.. А лучше — в Москву-реку, пусть килька сожрет!..

...Очнулся я на диване, в гостинице, в одежде, даже обувь не снял. Я еще сквозь острую головную боль подумал, может, мне

все что приснилось, и лишь увидев мой пробитый сапог, я, что мой, вспомнил. Стало стыдно, позорно, и главное, я многое вообще не помню, даже как попал в гостиницу.

Все ныло, жалкие остатки совести съедали нутро. Дабы завыть, вновь уткнулся в спинку дивана и, видимо, уснул. Простулся от кошмарного сна: по-моему, и мою голову пытались сторвать, в милицию сдать, болит. Жажда заставила доползти до холодильника.

В следующий раз, я пробудился от длинных телефонных звонков.

— Пришел в себя? Хе-хе, ну ты даешь, — голос Калмыкова совсем без уныния. — Все замяли... Ну, ты хоть завтра с утра обзвись: сборник сдать надо. А Кузьмичу мы поделом наваляли, меньше трепаться будет. Ха-ха, он рядом, тебе привет передает... Пивко хоть есть у тебя?

Не знаю, как Тимур, а я позвонил родственнику, попросил денег и бежал от Москвы гораздо быстрее. Почти все сорок часов до Грозного я, мучаясь, пролежал на верхней полке, боясь кому-либо в глаза посмотреть. А когда ненадолго под стук колес засыпал, все снилась мне голова Тамерлана, и кажется мне порой, что он смеется, зло твердит: «Смог бы, и ты так же пожить захотел бы. А то живешь как букашка-таракашка, так и слохнешь как тварь, без памяти». А то вижу совсем иное: плачет он, просит простить, захоронить, а еще лучше в Москву-реку, и вправду, бросить.

К психиатру я, конечно же, не обращался, да немало времени провел в каком-то кошмаре: ночью те же сны, не дай бог, вещице, а днем — непреходящее чувство вины. И это длилось до тех пор, пока случайно, среди записок нагрудного кармана, не обнаружил визитку: Новопалов Олег Кузьмич, академик, доктор исторических наук, и телефоны, в том числе и от руки написанные, — мобильный и домашний.

Еще пару дней я не решался позвонить, а когда услышал этот знакомый неунывающий голос, словно гора с плеч, вновь ожил.

— Ты что пропал?! — как всегда громко и непрерывно говорил Олег Кузьмич, так что и извиниться не дал, и сразу видно — исследователь, во всем причинно-следственную связь ищет. — Я той встрече очень рад. Если не в Бога, то в судьбу точ-

но верить стал. Ты видел, как башка Тимура слезу пустила? Никто не верит. А он хитрый и коварный: нас, старых, хладнокровных северян чувствами не возьмешь, а перед тобой, наивным горцем, расчувствовался: милосердие или гнев хотел вызвать, добился своего — чуть не захоронили. Хорошо, сигнализация сработала, охрана примчалась... Да бог с ним, с этим шлемом, я думаю, сама же охрана и украла, а там все стекло — подделка. Мы новый напялили — еще краше стал.

Я хотел было что-то спросить, но голос совсем пропал, а Олег Кузьмич продолжал:

— Ты-то ладно, молодой. А мы, два старых олуха, пошли тебя в гостиницу провожать, а ты нас в ресторан. Хорошо, что в наш, академический. Все спустили, даже часы. Я лет двадцать так не гулял. А ты — джигит, до утра — лезгинка! Ну, давай, я тороплюсь. Не пропадай, звони.

Еще через пару дней я не стерпел и позвонил вновь на мобильный.

— Что у тебя? — видно, что Олег Кузьмич занят. — погоди, — слышен стук шагов. — Говори.

— Я хочу писать... о Тимуре.

— Гм... Тебе нужны материалы? — его голос был очень серьезен. — Приезжай... Еще раз взглядишь в лицо Тимура, может, напоследок. Я теперь думаю, надо Москву избавить от духов ига ордынского и коммунистического — Тимура и Ленина... А тебе я помогу: дело ученого — искать, писателя — писать, а читателя, если хочет, — читать, дабы знать историю, чтобы жить...

Если чего-либо не знаешь, либо позабыл, пройдишь по следу Пера, ведь роспись — дар Божий. (Древнее изречение)

*Если чего-либо не знаешь,
Либо позабыл, пройдишь по следу
Пера, ведь роспись — дар Божий.*
(Древнее изречение)

Часть I

Не века, а целые тысячелетия на бескрайних просторах срединной Азии каким-то невероятным образом плодились несметные орды степных кочевников, которые вначале перемещались на запад, вслед за своими стадами в поисках все новых и новых пастбищ. А потом, вплотную столкнувшись и познакомившись с плодами древних цивилизаций Передней Азии и Европы, сквозь узкий прищур глаз, приревновав роскошь и благополучие огромных городов, собирались в бесчисленные полчища полудиках, презирающих оседлость, дом, очаг и сад; выносливых, неприхотливых, безжалостных людей, которые не раз, а почти каждые полвека, с глубокой древности вплоть до 1683 года, осады Вены, где явно обозначился технический прогресс и превосходство стрелкового оружия, а не личное мужество в контактном бою, — эти варвары, как их извечно называли европейцы, с неукротимой яростью захватывали почти весь евроазиатский континент — от Тихого до Атлантического океана, обездоливая целые страны, уничтожая цивилизации.

Как утверждают историки, кочевое рабовладельческое хозяйство срединной Азии, питающее войну и питающееся войной, одетое в сверкающую металлом военную оболочку, — главный тонус той эпохи. И та эпоха, эпоха средневековой таинственности, загадочности и жестокости, породила не одного покорителя и владыку мира. И среди них, конечно же, самый великий — Чингисхан. Но не менее одаренной и грандиозной была и личность Тимура, или, как его называли европейцы, Тамерлана.

Разумеется, как удачливый разбойник-авантюрист с большой дороги, Тамерлан в начале своего жизненного пути умело воспользовался плодами своего величайшего предшественника, своего пожизненного кумира. Однако, если оценивать Тамерлана в зрелом возрасте уже как полководца, правителя, политика, администратора и лидера народа и семьи, то равных ему мало. Быть может, таких, кто превосходил бы его, не существует вообще. Он из когорты Македонских, Дариев, Цезарей, Чингисханов и Бонапартов. Этот прирожденный кочевник из мальчишки-пастуха вырос до одной из величайших фигур прошлого, благодаря которому круто изменилась история не одного народа, а, может, целого континента...

* * *

Чингисхан, о славе которого Тимур еще с детства мечтал, до этого даже не додумался. И как был кочевником-степняком, так им и остался, и город свой не возвел, и мавзолей после себя не оставил, лишь память, для кого — зверства, для кого — идола. А вот Тимур, вроде потомок Чингисхана, уже по-новому смотрел на мир, да это не в военном деле, где он по жестокости ничуть не уступал чингисидам. Дело в ином: он не только думал о будущем, он его неустанно возводил. И захватывая любой город, любую страну, он заранее выяснял, кто там умелый ремесленник, ученый, врач, поэт, музыкант, строитель, архитектор, и кого оставлял при себе, а кого лаской, посулом или угрозой отправлял в свою столицу Самарканд. Так он построил один из прекраснейших городов мира, разрушая такие же города.

Для Тимура — кочевника-завоевателя, как и для его воинства, — снести голову, поджечь и сровнять с землей город, изнасиловать женщину и по прихоти, может, ребенка — удаль, и зачастую дело обыденное. Ведь главная цель — грабеж. Но, вместе с тем, к своей семье, особенно к сестрам, детям и внукам, Тимур относился с сердечной любовью, с непонятной для этого тирана трепетностью и вниманием.

В молодости этого не было. Молодой Тимур любил преодолевать трудности и препятствия даже зимой, обескураживая противников, стремительно пересекая бескрайние пустыни и высоко-

горные перевалы. А с возрастом, когда в руках оказалась огромная власть, империя, несметные богатства и судьбы целых народов, он стал внимательней к своему личному здоровью и своей личной безопасности, к возвышению и увековечению своей персоны.

Чингисхан и до этого не додумался. А Тимур — тоже житель бескрайних степей, пустынь и полупустынь — очень хорошо знал, что вода — это все, источник жизни, и ввел в структуру своего административного управления специальную должность — визирь воды.

Такое название малопонятно, даже смешно, а в те времена визирь воды — один из главных в свите Тимура. По сути, визирь воды отвечает не только за воду, а за здоровье и настроение Джехангира¹. А для этого по пути предполагаемого военного похода, а точнее, во все стороны света, направляется огромная армия разведчиков, как военных, так и дипломатов, а также под видом купцов и странствующих факиров², дервишей³ и монахов.

Информация от разведки поступала самая разнообразная, но визирь воды выбирал ту, что необходима ему. Для властелина мира во время похода надо выбрать самое изумительное место стоянки. И если Тимур пожелает жить вне города (а кочевники в основном только так и хотят жить — на природе, в роскошной юрте), то заранее подыскивают место, и не одно, а и запасное, — недалеко, чтобы вид был сказочный, источник воды — целебный, поселений — нет (если есть, сносят), климат — благоприятный; и не было бы в обозримом прошлом эпидемий и всяких гадов: змей, крыс, комаров.

За свою жизнь, всю в военных походах, Тимур обошел и повидал немало земель — от Урала, Сибири, Поволжья до Индии, Персии и Месопотамии. И нигде он не задерживался: сражался, убивал, грабил и обратно в Среднюю Азию, в родной Самарканд. Но когда он дошел до Кавказа, то изумился красоте, щедрости и благодатности этого края.

¹ Джехангир (*тюрк.*) — властелин мира.

² Факир (*араб.*) — бедняк, в более широком смысле — побирушка, аскет и служитель культа.

³ Дервиш (*перс.*) — мусульманский странствующий монах.

— Да, действительно, это божественный уголок Земли! — восхищался Повелитель.

— По преданию, здесь находился райский сад Эдем, и здесь, в этих Араратских горах, некогда жили Адам и Ева, — на ходу объясняли Тимур известные богословы историю сотворения мира.

— Именно здесь и будет располагаться мой стан, — отдал Тимур распоряжение визирю воды.

Кавказ так понравился завоевателю, что он подолгу бывал здесь. И все было бы хорошо, но одно не давало ему покоя — люди Кавказа очень стройны, грациозны, отважны в бою, да уж слишком горды, и даже строптивы, непокорны и своенравны.

— На Кавказе проживают многие народы, — прежде чем пойти туда с войной, Тимур выслушивает подробные доклады о положении предполагаемого противника. — Каждый народ говорит на своем языке, у каждого народа свой князь. Постоянны междоусобицы. Но, когда появляется внешний враг, кавказские народы объединяются, помогают друг другу.

— Так, это интересно... а мы пойдем вот так, — двинул вперед фигуру и перешел на другую сторону шахматной доски. В эту игру он играл постоянно, ею буквально болел.

Они стояли на живописном холме, который с трех сторон омывали говорливые воды Куры. Осень была в самом разгаре, все пестрело, горело, увядало. В небольшом подлеске, прижатом скалой к самому плесу, щебетали встревоженные щеглы. Оттуда же веяло густым томительным ароматом отцветшей тины, слышались всплеск рыб и жалобный лай засыпающей лягушки.

— А мы ответим вот так, вот так тебе, вот так, — и он одной фигурой грубо сбил другую так, что она упала не только с перла шахматной доски, но, сделав на золотой, отполированной поверхности стола резкий полукруг, плюхнулась наземь, подминая своей тяжестью душистую траву, словно это не кусочек бивня, а в действительности слон. — Продолжайте, продолжайте, — отдал Повелитель распоряжение, а сам, будто вокруг никого нет и он никого не слушает, вновь склонился над доской.

— При внешней угрозе народы Кавказа объединяются и...

— Это я уже слышал, — грубо перебил Тимур, — и вы уже должны знать, как надо действовать в таких ситуациях, — он оглядел свою свиту, остановил взгляд на сыновьях.

— На кол всех посадить, — резко бросил сын Мираншах. Только он смел и ему позволялось так грубо говорить при Великом эмире.

Лицо Тимура искажилось в недовольной гримасе, и он передал взгляд на рослого молодца, свою надежду и любовь — внука Мухаммед-Султана, сына уже покойного первенца Джахангира.

Тимур похлопал по плечу своего любимца и, ткнув пальцем в лобной рубиновый шлем:

— Банка дана человеку, чтобы думать, а если она не способна думать, то ты, Мираншах, прав — сядет на кол.

Тимур вновь вернулся к шахматам, поглаживая бородку, задумавшись и вновь глянул на свое потомство:

— Кстати, я ведь получил сегодня письмо от своего духовного наставника Саида Бараки¹, дай Аллах ему здоровья и долголетия. Читай, — шелкнул он пальцами в сторону визиря воды.

Визирь воды, друг Тимура с самого детства, стоял, как изваяние, в угодливой позе. В той же позе он, засуетившись, ненадолго отошел, тут же вернулся и, слегка кашлянув, поправляя голос:

— В управлении своим государством ты, Абул-Мансур-Тимур, должен использовать четыре основных принципа: обдуманный расчет, разумную решительность, выдержанную стойкость и постоянную осмотрительность. Государь, не имеющий ни четкого замысла, ни рассудительности, похож на безумца, все слова и действия которого суть только заблуждение и беспорядочность, они порождают лишь стыд и угрызения совести... Знай, что искусство управлять состоит частью из терпеливости и твердости, частью — из притворной небрежности, что оно — в умении казаться не знающим того, что знаешь...

— Вот! — перебил визиря Тимур. — Дальше не читай. — Он опять склонился над шахматами и, привычно потирая рыжеватую с проседью бородку: — Так, куда пойдём?

Свита молчала, не зная, то ли он говорит о шахматах, то ли о военном походе. Первым заговорил Мираншах.

---

¹ Саид Бараки — европейская транскрипция; Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайаби — математик, астроном, историк.

— Надо идти на запад — разбить Баязида¹ и мамлюков² Сирии и Египта, а потом Константинополь.

— Ты хочешь расквитаться? — ехидность в голосе Тимура; его сын, оставленный управляющим в покоренном Багдаде, так загулял, что, будучи пьяным, чуть не попал в плен к мамлюкам, которые отвоевали город. Уходя от преследования, Мираншах дважды вступал в бой, потерял много людей и обоз с добром, пока вновь не вернулся под крыло всемогущего отца.

— А ты что думаешь? — обратился он к одному из своих военачальников Шейх-Нур-ад-дину Сабуку.

Сабук — тоже друг детства, ровесник Тимура, богатырь, участник всех походов и столько на нем ран, в том числе и на лице, что один его вид страшит.

— А я считаю, надо идти на север, на Золотую Орду, — голос Сабука груб, с хрипотцой, будто песок пустынь в горле осел, — в тот раз мы Тохтамыш³ не добились, пожалели, а он, наш милый зятек, вновь, говорят, окреп, на наши завоевания зарится.

— Надо идти на Сирию, — бесцеремонно вмешался Мираншах, — там богаче города.

— Что значит крохотная Сирия? — чуть ли не рыча, возразил Сабук, — Золотая орда — это целый мир, добра оттуда не выведешь, а девушки — не то что черномазые сарацинки, а белоснежные гурии.

— О-о! Ха-ха-ха! — воскликнул Тимур, однако его вечно суровое, обветренное лицо, казалось, не умело улыбаться. — Вот видишь, мой друг, молодежь еще жизни не знает.

— Конечно, не знает, — хрипел Сабук, — это они думают, что вся жизнь впереди. А нам, старикам, юная кровь нужна.

---

¹ Баязид I (прим. 1338–1402), правил с 1389 г., султан Османской империи, правнук основателя империи Османа.

² Мамлюки (араб.) — невольники, воины-рабы, составляющие гвардию династии Айюбидов. В 1250 г. мамлюки свергли Айюбидов, захватили власть в Сирии и Египте и правили до 1517 г., пока не были свергнуты турками-османами. В 1711 г. мамлюки вновь захватили власть и были ликвидированы лишь в 1811 г. Мухаммедом Али.

³ Тохтамыш (?–1406) — чингисид, потомок хана Джучи, хан Золотой Орды с 1380 г. Пришел к власти при помощи Тимура.

— Объясни молодым, — глаза Тимура совсем сощурились и не понятно, то ли он смеется, то ли скалится.

— У-у-у! — будто уже в экстазе затрясся Сабук. — На ночь старое кавказское вино и новое нежное детское тело — утром в бой рвешься!

— Что на срьсь несешь? — рявкнул Тимур. — Наша цель — распространение истинной веры и борьба с язычеством и неверными.

Всё разом склонили головы, наступило молчание, лишь озабоченные по весне птицы в подлеске не вняли гласу Повелителя, в один ворон прямо разошелся, пролетел совсем низко над шахматным столом, еще издал звук гортанный «каррк-каррк». Пронзительной стрелой, резко спикировав, упал в заросли, где-то у берега.

Никто не обратил на это внимание — денно и ночью стан Повелителя охраняют двенадцать тысяч лично преданных воинов и в радиусе пяти километров никто не смеет ни ползать, ни ходить, тем более летать. А сам Тимур вроде вновь поглощен шахматной игрой и вдруг вопрос:

— Так что там о Кавказе?

— На Кавказе проживают многие народы, но доминирующая нация — грузины. Грузины — древний народ, имеют высокоразвитую культуру, исповедуют христианство.

— Какое вероломство! — воскликнул Тимур. — Ведь их царь и все знать на коленях вымолила у меня жизнь, и я пощадил их, когда они приняли мусульманство.

— Вероотступники — всех истребим! — приблизился к отцу Мираншах.

— В моих частях служат более пятнадцати тысяч кавказцев, в том числе и грузины, — вмешался в разговор командующий одной из армий, — и они — отважные воины и верные люди.

— Вот и надо доказать веру, — разошелся Мираншах, — направим их на своих же, нехай истребят друг друга.

— Это не разумно, — вступил в разговор другой военачальник.

— Что значит разумно-неразумно? Главное — нам выгодно! — чванливо заявил Мираншах.

— Хватит! — прекратил их спор Тимур. — Продолжайте о Кавказе.

И это было то, о чем писал ему его духовный наставник — умение казаться не знающим того, что прекрасно знаешь и лучше чем все, потому он и может именовать себя эмиром эмиров¹.

На этот прекрасный уголок земли — Кавказ — Тимур впервые пошел восемь лет назад, в 1386 году. Та первая кавказская кампания оказалась очень трудной, долгой, кровопролитной. Столица Грузии Тбилиси была взята после двухнедельного штурма. После этого Тимур стер с лица земли древнюю столицу Грузии Мцхету и крупный город Карс.

На Кавказе препятствием были не города, а горы, как сами по себе, так и прилепившиеся к ним хорошо укрепленные селения, откуда появлялись неуловимые горцы, нападавшие небольшими отрядами и наносившие удары оттуда, откуда их не ждали.

Самоотверженность кавказцев не спасла. Многочисленное Тимурово войско разгромило богатейший край, вытоптало виноградники, истребило столько народа, что от окоченелых трупов невозможно было дышать, даже идти по дорогам Кавказа. Дабы получить мир и спасти себе жизнь, царь Грузии Георгий VII сам явился с поклоном к Тимуру и прикинулся сторонником ислама.

Тимур принял вассальную зависимость Грузии при условии, что впредь ежегодную дань будут платить не Золотой Орде, а ему, и еще большую, в виде золота, драгоценностей, чистокровных коней, девушек в гаремы. И это не все — грузинские отряды были включены в состав Тимуровых войск, одни — силою, другие — убеждениями.

Однако это не значило, что Грузия покорилась Тимуру, о своей капитуляции она по-настоящему не заявляла никогда. Дабы вконец склонить грузин, Тимур на Грузию вновь послал своего сына Мираншаха, этого деспота, полусумасшедшего тирана. Да в это время случилось то, чего Тимур никак не ожидал. Великий эмир отдыхал в живописных местах северного Азербайджана, в районе Самурского хребта с прекрасными условиями для соколиной охоты, когда его уведомили о том, что хан Золотой Орды Тохтамыш внезапно преодолел Дербентский про-

¹ Эмир (на класс. араб. — «амир») — правитель, военачальник.

вой и движется с севера с огромным войском. Не имея сил держаться долго, неся потери, сдавая позиции, Тимур бежал в сторону Грузии, где местные проводники ценою своих жизней все-таки смогли хоть как-то отомстить тирану, завели Тимура в алазаниские топи. И будь Тохтамыш немного решительней — конец бы Тимуру. Но пока Тохтамыш обдумывал, с какой стороны подступиться к реке Алазани, подоспел с войсками Мираншах. От первого же встречного удара хан Золотой Орды ретировался, буквально бросив часть своих ратников, убрался на Северный Кавказ.

Тимур тогда не только сохранил жизнь пленникам, но, снабдив их всем необходимым, отослал обратно в Золотую Орду, а вместе с ними направил грамоту хану, содержащую весьма сдержанные упреки, даже более ласковые, чем сердитые. Это была искусная дипломатия, тонкая игра. И, забегая вперед, отметим, что в жизни Великого эмира Тохтамышу была предназначена роль первого плана. И именно противостояние этих двух личностей оказало колоссальное влияние на ход истории, судьбы целых народов...

Мнения историков о Тохтамыше, впрочем, как и о других исторических личностях, весьма противоречивы. Одни называют его безрассудным, жестоким, беспринципным и даже трусливым, другие же, наоборот, отважным, умным, энергичным, справедливым и если не гениальным, то, по меньшей мере, талантливым. Так, в некоем списке великих полководцев мира он чуть ли не в первой десятке.

Тохтамыш был прямой потомок Чингисхана по линии Джучи, правнук Берке-хана. Таких потомков уже развелось немало, а «поругать» хотелось, свободных пространств не было, и Тохтамыш стал плести козни против своего дяди Урус-хана, правителя Кок-Орды (Кипчакский улус — приблизительно территория современного Казахстана). Изгнанный Тохтамыш в 1376 году объявился в стане врага, в Самарканде, где дальновидный Тимур встретил его с почестями, приличествовавшими истинному потомку Чингисхана.

Вслед за Тохтамышем в Самарканд прибыл один из предводителей Орды, тоже потомок Чингисхана, на белом коне в качестве посла.

— О Тамерлан!¹ — воскликнул посол. — Урус-хан, господин Востока и Запада, господин Сарай-Берке и Астрахани, повелитель Голубой и Белой Орды, а также ханов Сибири говорит так: «Тохтамыш убил моего сына и укрылся у тебя. Выдай мне его или я пойду на тебя войной, и мы сойдемся на поле битвы».

— Тохтамыш, — ответил Тимур, — доверился мне. И я буду защищать его от вас. Отправляйся к Урус-хану и скажи, что я выслушал его слова и готов к битве.

Привлечь на свою сторону кровного родственника Чингисхана — большая удача. Тимур оказал Тохтамышу щедрое гостеприимство, назвал его своим сыном, с царской щедростью дал оружие, золото, обмундирование, верблюдов, шатры, барабаны и стяги. И это не все. Ладный, высокий, прямой хранитель Ясов², Тохтамыш так пришелся ко двору, так покорила Великого эмира своею образованной персоною, что в дружеских чувствах Тимур вручил ему в помощь своих воинов и даже родную сестру в жены. Правда, сестра была значительно старше Тохтамыша, а один из Ясов Чингисхана гласит: «Не имей дело с женщиной, которая еще не может родить, и той, которая уже не может родить».

— Это не беда, нет правил без исключений,³ — подбадривает молодожена Тимур, — ведь другой Яс гласит: «Победителей не судят... даже в истории». Так что вперед, разгрома дядю.

Плести интриги Тохтамыш уже умел, а вот воевать еще не научился: в первом же столкновении он потерпел неудачу, вновь вернулся под крыло Тимура в Самарканд. Тимур снова послал зятя в поход на Сабран³, но того опять прогнали. Тогда Великий эмир отправился в поход сам. Стояла зима 1376—1377 года. Схватки были жестокими. В конечном итоге Уруса разбили, он бежал в степи, где и умер в том же году.

И тогда Тохтамыш не смог удержаться на троне. Сыновья Уруса — Йохта-Кия и Тимур-Мелик продолжили борьбу, изряд-

¹ Тамерлан (от перс. «Тимур-ленг» — хромым Тимур) — так называли его за пределами его державы. Только два правителя могли обращаться к Тимуру таким образом — Урус-хан и император Китая.

² Ясы (монг.) — свод законов монголов, составленный Чингисханом.

³ Сабран — город на реке Сырдарья, в районе современного Туркестана.

но потеснили Тохтамыша. Однако Тимур прислал ему подкрепления, и Тохтамыш разгромил двоюродных братьев, занял их место в Кок-Орде, а затем так поднаторел в военном деле, что в течение последующих трех лет стал владыкой Кипчакского улуса, думев вновь объединить удел Джучи, став ханом Золотой Орды.

Справедливости ради следует отметить, что с 1361 года правившей в уюадке Золотой Ордой правил некто Мамай — человек деспотичный, склонный к праздной жизни и разгулу. Пользуясь его слабостью, русские князья перестали ходить на поклон в Сарай¹ и платить дань. В 1373 году Дмитрий Донской, избежавший от одной из карательных экспедиций, посчитал свои силы достаточными, чтобы дерзнуть на поход против Булгара (1376). В августе 1378 года он разгромил Мамаю на Волге, а в сентябре 1380 года — на Куликовом поле, в месте слияния Дона и Непрядвы.

Именно тогда на территории Европы появился Тохтамыш. Слишком слабый, чтобы ему сопротивляться, Мамай отступал и в Приазовье потерпел поражение. Ища спасения, Мамай бежал в Крым к своим друзьям, генуэзским купцам, которые, присвоив его казну, подло его умертвили.

Воцарившись в покоях ханской резиденции Сарай-Берке на Волге, Тохтамыш должен был показать, на что он способен. Оказалось, на многое. Под его предводительством полуживая Орда поспрянула. Всего за несколько месяцев он сумел восстановить в своем улусе жесткий порядок и, как окреп, первым делом направил посольство в Москву, к Дмитрию Донскому, с уведомлением об уничтожении их общего врага Мамаю, а также о своем воцарении. Князь Донской никак не отреагировал. Тогда Тохтамыш двинул войска на Москву. К нему присоединились князья Рязанский и Нижегородский. Москва подверглась осаде. Как утверждают летописи, у защищавшихся было диковинное для кочевников оружие — арбалеты и пушки. Но и это не помогло: хан

¹ Сарай-Берке (Новый Сарай) — столица Золотой Орды (1260–1395). Разрушена нашествием Тимура. Ныне городище у с.Царев Волгоградской области... Сарай-Бату (Старый Сарай) — первая столица Золотой Орды. Основана Ханом Батыем (1254–1480). Ныне городище у с.Селитренное Астраханской области.

Золотой Орды уже изучил кое-какие военные хитрости своего сюзерена Тимура; Москва пала 26 августа 1382 года, была разграблена и сожжена, а многие жители казнены.

После этого в Сарай-Берке к Тохтамышу прибыли в качестве аманатства¹ сыновья русских, северокавказских, грузинских и азербайджанских князей, а также послы и сановники из Венеции, Генуи, Константинополя, Египта, Китая и других стран. Лишь Тимур не воздал ему хвалу как Великому государю. Более того, старший сын Тимура Омар-шейх захватил Ургенч, все каракалпакские степи, вплоть до Аральского моря. А сам Тимур отобрал другой лакомый кусочек — все Закавказье. Самолюбию хана Золотой Орды была нанесена серьезная рана. Проявлять снисходительность на Востоке не принято, тем более в такой ситуации, и, значительно окрепнув, используя удобный момент, Тохтамыш в конце 1387 года внезапно напал на Трансоксиану², родину Тимура, когда сам Великий эмир отдыхал на Кавказе.

Гонец, принесший весть о нападении Тохтамыша, проявил удивительную расторопность, преодолев более двух с половиной тысяч километров за семнадцать дней. И это благодаря созданной Тимуром системе дорог, караван-сараев³, анчосов⁴.

Положение сложилось опасное. Тохтамыш разбил войска Омар-шейха, занял Хорезм, Бухару, Карши, и уже Самарканд был в окружении, когда после стремительного марша, загубив немало воинов и лошадей, у родной столицы появился сам Тимур. Тохтамыш даже в бой не вступил. Как лиса прячется в нору, так и он удалился быстро в свои степи.

После этого, казалось бы, Тохтамыш должен был угомониться, однако все случилось наоборот: суровой зимой 1388—1389 годов он вновь объявился. И не думая о внезапности, использова-

¹ Аманат (*араб.*) — заложник.

² Трансоксиана — область, находящаяся северо-восточнее Окса (Амударьи), на севере она ограничена Сейхуном (Сырдарья). Географически этот регион является древним Хорезмом. Это восточный край Ирана, до нашествия монголов населенный в основном ираноязычными народами.

³ Караван-сарай (*перс.*) — постоянный двор.

⁴ Анчос (*тюрк.*) — служащий, содержащий лошадей для нужд армии и государства.

том случае, он готовился к войне серьезной, хорошо спланированной и, как надеялся, решительной и окончательной. Тохтамыш собрал огромное войско, где бок о бок с тюрками и монголами должны были биться его вассалы: русские, кавказцы, болгары и литовцы.

Через прекрасно налаженную разведку, в том числе и в самой столице Тохтамыша, Тимур знал обо всех передвижениях своего врага. Послав сына, Омар-шейха, в обход, сам Великий эмир выступил навстречу Тохтамышу.

Сшибка, произошедшая в окрестностях Ходжента в январе 1399 года, носила характер неустойчивый и жестокий. Тохтамышы рати были гораздо многочисленнее, но недостаточно сплоченные. И тем не менее, он заметно наступал, как вдруг появившийся у него в тылу Омар-шейх смял его линии, что быстро привело к панике и обычному в таких обстоятельствах беспорядочному бегству. Объединенные силы золотоордынцев переправились через Сырдарью и затерялись в необъятных степных просторах.

Эти повторяющиеся набеги убедили Тимура в том, что Тохтамыш очень опасен, а Тимур в жизни следовал всегда трем основным принципам: никогда не превращать свою страну в арену сражений, не уходить в оборону, всегда атаковать так стремительно, как позволяет состояние коней. Приказ о боевом походе был отдан. Военачальники стали роптать, мол, армия измотана, надо бы передохнуть. Тимур все понимал — у воинов нет стимула. В предыдущих походах всем досталась огромная добыча: скот, рабы, наложницы. И теперь хочется всем этим насладиться, расслабиться. Но так можно растерять армию, утратить боевой дух, дисциплину, дикость кочевника, а приобрести мягкий нрав оседлого человека.

Осенью 1390 года Тимур созвал Курултай¹ по поводу женитьбы своего сына Мираншаха. Тогда же им были отданы последние распоряжения о подготовке к выступлению в поход. Под Ташкентом он сделал смотр войскам, пополнил их вооружение и снаряжение, назначил командиров и выслал вперед эмисса-

¹ Курултай — съезд, совещание монгольских вождей для принятия важного решения, которое обязательно для всех.

ров, лазутчиков и передовые отряды с заданием подготовить пути следования, а также собрать сведения о позициях, занимаемых противником.

К северу от Сырдарьи раскинулись необъятные пространства Золотой Орды. Как только войска Тимура перешли реку, в лагерь Великого эмира явились послы Тохтамыша с подарками Тимуру от имени хана: девять великолепных коней и сокол в бриллиантовом ожерелье, а также передали письмо вроде уважительное, по сути — то ли хитрое, то ли боязливое, в целом лукавое, просит дружбы навек.

— Я никогда не нуждался ни в чьей дружбе, ни в союзе с кем-либо, — сказал послам Тимур. — Когда ваш повелитель был ранен и преследовался врагами, я, как известно, оказал ему помощь и назвал его сыном — тогда никому неизвестного человека, и в борьбе с Урус-ханом я потерял многих своих воинов... Взамен я от него ничего не просил... Он вспомнил обо мне для того, чтобы выразить свое презрение, поступить со мною как с самозванцем, тогда как я построил свое благополучие собственными руками, не имея, в отличие от него, счастья быть рожденным на троне... Да будет он удушен своим желанием мира... Горе ему! Он разбудил богов войны, роковым оружием которых я являюсь!

Неизвестно, чем руководствовался Тохтамыш, но, несмотря на этот грозный ответ, он проявил упорство и вновь прислал послов к Тимуру, в том числе и родственника Тимура, что служил при дворе Тохтамыша.

— Хан слишком часто нарушал клятвы, — сурово отвечал Тимур. — Если он искренне желает мира, то пусть пришлет Алибея на переговоры с моими военачальниками.

Али-бей — главный советник хана Золотой Орды, человек смелый, решительный и одаренный, когда-то в молодости вместе с Тимуром промышлял грабежом на караванных путях. Долго шли они по авантюрным тропам жизни плечом к плечу, не раз спасая друг друга. А когда добрались до власти, поняли, что она может быть лишь в одних руках. Притесненный Алибей убрался на север, в Орду, проявил себя не только в ратных делах, но и в придворных хитросплетениях, во всяком случае, стал влиятельным сановником, к которому Тохтамыш прислу-

инвалид, Тимур, желая личной встречи со старым другом, надеясь, видимо, склонить его к себе или хотя бы нейтрализовать, однако Али-бей не приехал. Тогда Тимур заявил, что впредь не позволит пустым речам сбить себя с избранного пути! Он не будет искать покоя, пока «не угаснут Тохтамышевы очи от зренья своей мести!»

Пока шли эти переговоры, золотоордынская армия растворилась в бескрайних песках. Тимур думал, что Тохтамыш будет в районе Аральского моря, а разведка доложила, что Тохтамыш ушел прямо на север. Тимур бросился вслед и оказался в непроходимых песках Муюнкума. Три месяца они преодолевали пустыню. Люди голодали, мучались. Однако Тимур своим поведением всех воодушевлял: даже в пустыне он носил облачение из роскошного набивного шелка и самой лучшей парчи и всегда был среди воинов, решительно пресекая всякие проволочки и беспорядок. Отставшему насыпали в сапоги песок, привязывали их к шее провинившегося и заставляли весь следующий переход двигаться босым. Если он снова отставал, то умерщвляли.

Игноря об этом невероятно трудном походе, историки отмечают два удивительных события. Первое — это то, что Тимур, как и Чингисхан, взошел на высокую гору Сюбюр-Тенгиз и, согласно языческому ритуалу, обратился к Небу со словами благодарности или просьбы. И перед спуском велел соорудить тур¹ (по-монгольски «обо») и выбить на нем: «В стране семисот черных токмак, в год овцы, в средний весенний месяц (апрель 1391), султан Турана Тимурбек шел с двумястами тысячами войска имени своего ради, по кровь Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если Богу будет угодно! Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас с благословением»².

Второе событие — это охота, наверное, величайшая охота в истории человечества... Дело в том, что запасы провизии полностью закончились. Лошади, благодаря обильным пастбищам, находились в относительно неплохом состоянии, однако ими нельзя было жертвовать ради утоления голода. Без лошади ко-

¹ Тур (*тюрк.*) — каменная башня.

² Хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

чевнику трудно обходиться, тем более воевать, а потерять значительное число лошадей означало для армии катастрофу. С ухудшением ситуации воины стали роптать, кое-где выходить из подчинения. Они не знали, что их ждет впереди: бескрайняя, безлюдная, холодная даже по весне Сибирь их отпугивала, угнетала. Поворачивать назад тоже было опасно: ослабленные люди могли не выдержать нового перехода через пустыни. Без сомнения, ордынцы, которые истинно по-монгольски так далеко Тимура заманили, в этом случае перестали бы скрываться и постарались бы превратить отступление армии Тимура в кошмар.

Именно в такой тяжелой обстановке проявляется величие полководца: Тимур отдал странный приказ — охота, и не специальными отрядами, что и до этого велась, а всеобщая. В бескрайней степи развернулась флангами стотысячная армия в пятидесятикилометровую линию. В то время как центр линии оставался неподвижным, ее края двигались галопом, образуя полукруг, внутри которого оказалось значительное количество степной живности. Фланги продолжали двигаться навстречу друг другу, чтобы сомкнуться с северной стороны.

Круг замкнулся и стал стягиваться. Мимо полуголодных воинов не мог проскочить даже заяц. Почувствовав себя в западне, дикие животные затеяли безумную паническую гонку. В сужающемся пространстве круга бешено носились, спасаясь от охотников, вепри, волки, медведи, олени и антилопы.

Некоторые особи животного мира, попавшие в западню, удивили воинов. В летописи упоминается особый вид оленя, размером больше буйвола, по-видимому, лоси. Тимур, первым войдя внутрь круга, подстрелил из своего лука несколько оленей и антилоп. Его мастерство стрельбы восхищало всех. Большинство усталых воинов могли натянуть тетиву длинного лука лишь до ключицы, Тимур же мог отвести оперение стрелы до самого уха.

Эта грандиозная охота дала изобилие мяса. Состоялся пир. Тимур, однако, не дал армии предаться празднеству. На следующий день его ординарцы объявили всеобщий смотр войск. Ровно в полдень среди войск появился сам Тимур с окружением. На нем золотой шлем, украшенный огромным сверкающим алмазом, на плечах — шуба из белого горносталя. В руке эмир дер-

золотой жезл из слоновой кости с набалдашником в виде золотой головы быка. Позади него штандарт с гербом самого Великого эмира — увенчанный солнечным диском золотой лев. При его появлении военачальники и эмиры спешили и стали на колени.

Эта зримая роскошь и великолепие несколько подняли дух армии, но ненадолго. Тохтамыш сознательно заманивал его все дальше на север, где даже в июне вдруг выпал снег. А потом пошли леса, более частые и густые, рати вязли в болотах. Снова началась жизнь впроголодь. Грабить было нечего: на пути ни одного поселения, ни души. А Тохтамыш все уходил и уходил на север. И тут случилось то, что всю жизнь сопровождало Тимура и не раз помогало — это вещие сны. Так, когда Тохтамыш на него напал, снилось ему, что почему-то с севера осветил его яркий луч, маня к себе. Как только Тимур двинулся в ту сторону, свет исчез, и там застыла в вечном покое путеводная Полярная звезда.

Колдунов, шаманов, гадателей и предсказателей Тимур не любил, и был приказ — таковых, как и нищих и шутов, повсеместно истреблять. Однако при себе, как и любой средневековый правитель, Тимур держал несколько звездочетов, ученых мужей, и якобы ясновидящих, к мнению которых Великий эмир прислушивался, но вывод всегда делал свой.

Тот сон звездочеты объяснили: свет с севера — путь, который надо свершить, чтобы разгромить хана Золотой Орды.

И как в небе одна неподвижная Полярная звезда, так и ты на Земле единый правитель. Это грядущее отвечало помыслам Тимура, ведь он должен стать Повелителем мира и посему выступил в поход, и никакие трудности и преграды не могли его остановить на этом пути.

За пять месяцев изнурительного похода армия Тимура так и не нагнала хана Золотой Орды: кони не могли преодолеть болота Тобола; мошки, комары и слепни атаковали людей и животных, все голодали, начались болезни и недовольство не только простых воинов, но и преданного окружения. И в этот самый тяжелый момент, видимо, от нервного и физического перенапряжения, дала о себе знать старая суставная болезнь Тимура. Он слег, его лихорадило. Пребывая постоянно в липком поту, он не мог ни думать, ни командовать, ни принимать решения.

В упадке сил он понимал лишь одно, что пренебрег одним из Ясов Чингисхана: должно остерегаться преследовать войско, которое без видимой причины обращается в бегство или долго отступает, в тылу может быть ловушка, либо сильное подкрепление. И то, и другое случилось: попал он в самое затруднительное положение. И в это время сон, что очень редко бывает, ведь ублаженный женщинами и вином он обычно крепко спит. Неужели вещей? Словно наяву!

Как он любит, весь при торжественном наряде охотится Тимур на медведя в этих топях. Идет след в след, вот-вот нагонит, а не может, не может идти, все вязнет и вязнет в болоте. И вот провалился, стало его засасывать. Кричит он о помощи и спасении, а трясина все больше засасывает его. Он уже задыхается, уже чувствует прелый вкус болотного мха во рту. И тут медведь сжалился, примчался с подмогою и, хватая за уши, молвит человеческим голосом:

— Не такие уж мы неблагодарные, — дернул он с силою — оторвалась голова, а мишка любитесь, — не забудем мы твоей услуги, в стольном граде водрузим бабку твою на веки вечные, как символ избавления от Орды и Орды становления.

И как была голова в драгоценном шлеме, так водрузили ее на какой-то постамент, то ли из черепов, то ли еще из каких-то стоннов. В общем, он уже не живой, но умереть не дают. Дух его витает, мечется, чего-то человеческого хочет, а он перед Всевышним Судом предстал, и после долгих-долгих лет заточения, после показаний всех свидетелей ему даже в аду места не нашлось. И вернули его на страшную землю, шлем-подделку напялили, бороду приклеили, в стеклянную клетку заточили, не всем подряд, а кое-кому демонстрируют..

— О-о-о!!! — зарычал, пробуждаясь от этого кошмарного сна, Тимур, обеими руками схватился за голову. — Всех звездочетов, предсказателей, мулл и шаманов ко мне, — приказал он.

Тотчас явились старцы, в смиренной позе пали пред ним на колени, ковер поцеловали:

— Что изволит наш Повелитель? — крайне услужлив их тон, покорен их взгляд, сострадание в их виде и жестах.

Пересказал Тимур им свой сон, даже от этого ему снова стало плохо. Мудрецы переглянулись, глубоко задумались, понурился

слова. Но что-то сказать надо, и самый старший, самый мудрый держит слово:

— Только Владыке мира Бог мог послать такое великое знамение. И как бы мы ни были просвещены и Всевышним наделены умом, и нам нужно подумать, для того чтобы разгадать этот сон.

— Да-да, — поддержали остальные старцы, ибо кому-то надо на следующую ночь расположение звезд посмотреть, кому на бараньей лопатке погадать, кому петуха на рассвете послушать, кому и у костра попрыгать, а кому поплотнее поесть, послаще поспать, и ему во сне секрет раскроется.

Через сутки они вернулись. Но в этих диких местах и солнце вовсе не садится, и ночь не ночь — коротка, а звезд не видно. С бесконечным закатом туман над болотом стелется, а барашка — как блеет, позабыли, петуха давно уж сварили, словом, молчались сутки за здоровье Повелителя, но ответ, хоть и не прост, все же разгадан:

— Сколько троп знает медведь, столько хитростей ведомо охотнику, — тюркскую поговорку напомнили они, а дальше — столько хвalebных, витиеватых, по-восточному подобострастных, сладких речей, мол, Повелитель всегда на высоте, на постаменте, победитель.

Между тем, самого Тимура этот страшный сон встряхнул и придал новые силы. И не в таких переделках бывал, и немало на своем веку уже повидал — у самого борода убелена.

И хоть эти старцы мудрецы, да и он не лыком шит, видит: все-что они предчувствуют, угадывают — глаза прячут, но не от прежнего раболепия, и пока не от измены, скорее от сомнения — не на ту «лошадку» поставили? Кто же этот будущий Повелитель-победитель?

Хоть и во сне, а башку его уже оторвать грозятся и не обязательно это будет Тохтамыш или Али-бей, что во вражеском стане. Вокруг недругов немало: не только эмиры туменов¹, но родня и даже дети и внуки могут на поколебавшийся трон пошриться, сам таким был по молодости, знает — верить никому нельзя. Вот потому денно и ночью двое самых верных стражни-

¹ Тумен (монг.-тюрк.) — десять тысяч воинов, современная дивизия.

ков из числа преданных головорезов-убийц, для которых он царь и бог, охраняют его жизнь, его башку. Но это до тех пор, пока эта башка лучше других соображает.

— Думай, башка, думай, — силясь перебороть недуги, сам себя понукает Тимур. — Только победители долго живут и вообще — живут!

И тут он вспомнил о своем главном лекарстве:

— Расставьте шахматы! — В этом походе у него даже не было возможности позабавиться игрой. А он по жизни игрок, но не в какие-то там кости, что выпадет «шеш-беш», а сызмальства игрок только в шахматы, где побеждает думающий... Да, ситуация у него очень тяжелая. Отступить некуда и невозможно, нужен бой, где предстоит либо победить, либо погибнуть. Надо рисковать всем, но в затевавшейся партии нужно полагаться только на свой ум, метод, а не на случай, предавшись хандре сновидений, слушая мнения льстивых мудрецов.

Однако Тохтамыш на бой не идет, все отступает, вконец хочет измотать, действует наверняка, явно переигрывая, ждет, пока армия Тимура полностью деморализуется, потеряет боеспособность и веру в полководца.

Смута в войсках началась. Араз-лакшеры¹ и тайные соглядатаи уже приносят тревожные сведения, и рассадник крамольных настроений — лагерь духовенства и мудрецов. Вот к кому, согласно Ясу, Тимур всегда относился с доверием и благосклонностью. Но раз такое дело, нет правил без исключений. Коротки летние ночи в Сибири, видать, старцы крепко уснули: сгорели все их палатки, никто не спасся. А тут же, рядом с мудрецами, в отдельном порядке, живут всякого рода развлекатели войск: музыканты, акробаты, поэты и множество купцов, которые ради выгоды преодолевают те же тяготы, что и армия в походе. Зато после победы они по дешевке столько добра у воинов скупают, что наживают целые состояния, им война очень выгодна, но следовать они хотят лишь за армией-победительницей, чтоб не пасть в вихре поражения. И вот Тимур докладывают, что купцы подались куда-то в сторону. Они люди свободные, да Тимур по-

---

¹ Араз-лакшер (*тюрк.*) — уполномоченный в войсках, военный комиссар или инспектор.

ка еще великий эмир, и многие из этих купцов своим состоянием ему обязаны. Вернули их силой и бросили пред Тимуром на колени.

— Что ж вы меня покидаете? — язвительен голос Повелителя.

— Не понны мы, стары, устали, бодем, домой хотим, — отвечают кунцы.

— Так Самарканд в какой стороне, а вы куда путь держите?

— До Самарканда далеко, не дойдем. Гораздо ближе до Сарай-берке, там подкрепимся и тогда вернемся в Самарканд.

И тут Тимур осенило: «Как я раньше не додумался?! Зачем мне медведя по тропе выслеживать, надо в его берлогу залезть».

В тот же день по приказу Тимура затрубили фанфары сбор в поход, забили барабаны. Но прежде чем тронуться, Тимур вышел в свой шатер сыновей и внуков.

— Момент грозный и решающий, — молвил им Тимур. — Готовы ли вы вместе со мной или победить в бою, или умереть?

— Готовы! — поклялись все, стали на колени и по очереди поцеловали шероховатые голенища шагреновых сапог. А любимые внуки, Мухаммед Султан и Пир-Мухаммед, при этом плакали.

Узнав об этом, у всех военачальников пробудилось мужество, они тоже явились в главный шатер командующего и, преклонив колени, тоже поклялись.

После этого Тимур развернул войска на юго-запад и двинулся прямо к Волге, в сторону столицы Золотой Орды. Путь был неблизкий и нелегкий. За десятидневный переход они преодолели реку Урал, Южно-Уральские горы, сделали еще несколько переходов и достигли бы Волги, но тут у самарской излучины, у небольшой реки Кундурча, прямо как из-под земли напротив стали Тохтамышевы рати.

В иное время Тимур сразу ринулся бы в атаку, так он всегда был уверен в себе. Но на сей раз дело совсем иное: его воины устали, голодны, и их значительно меньше, чем свежее войско Тохтамыша.

Обычно перед каждым значительным боем Тимур проводит совещания, где каждый командир получает конкретное задание-приказ, невыполнение которого грозит смертью. Однако на сей раз — никаких совещаний, Тимур уединен, вроде играет в шахматы, и лишь по ночам у него идут какие-то тайные встречи.

А днем, уже не первый раз, армия Тохтамыша пытается вступить в бой. Тимур маневрирует на месте, уклоняется, и никто не знает, что он ведет другую игру.

Тимур понимает: на сей раз в открытом бою ему Тохтамыша не одолеть, надо что-то придумать. И он придумал.

Сражение началось 19 июня 1391 года. Тохтамыш, весьма достойный ученик Тимура, давно изучил его тактику ведения боя. Учитывая, что его воины бодрее и маневреннее, значительно преуспел, особенно на флангах, которые обычно были сильнее, чем центр, и первыми вступали в бой. Чтобы не дать свежей коннице Тохтамыша свободного пространства, Тимур постоянно заставлял свои силы плотнее вступать в контакт. Два дня шла рукопашная сеча. Потери Тимура были значительными, но войска стояли насмерть.

На третий день случилось неожиданное. Утром, в самый разгар боя, тумен внука Абу-Бекра, что находился в самом центре, чуть ли не на передовой, строгим маршем покинул поле боя и в стороне, на пригорке, хорошо видимом издали, раскинул шатры, зажег костры, якобы готовясь к пиру победителей.

В это же время другой любимый внук слушал приказ и наставление Тимура:

— Какая польза от жизни без славы?! Вперед!

Мухаммед-Султан повел по центру в атаку свои войска и тоже странность: впереди не лучники и копьеносцы, как положено, а пятьсот барабанщиков, и как забили они джирхг¹, словно гром обрушился. Воодушевились воины Тимура, закричали хором боевой клич:

— Дар и гар!² Ура-а-а!!!

Внезапно случилось еще более непредвиденное — золото-ордынский знаменщик выпустил из рук древко туга о девяти конских хвостах... Известно, что большое знамя повелителя в Азии — это символ власти и победы. Во все времена его отступление или исчезновение определяет ход битвы. Знамя видно отовсюду и воины никогда не теряют его из виду. Когда знамя

¹ Джирхг — барабан в человеческий рост, с помощью которого древние монголы передавали информацию на значительное расстояние в степи.

² Дар и гар (*тюрк.-монг.*) — Получай и умри!

разведается, воины знают, что повелитель не покинул их, но лишь оно исчезнет или отступает, то это может стать причиной из-за бегства с поля боя.

Запаниковав, перепуганные золотоордынцы бросились наутек. Они, преследуемые противником, познали все ужасы уничтожения. Всеми покинутый Тохтамыш исчез в степи и так поспешно бежал на запад, что очутился в литовском княжестве.

Войско Тимура обосновалось лагерем на берегу Волги. Целый месяц пировали: пили, пели, ели, плясали, делили богатства Золотой Орды, заставляли себе прислуживать самых красивых в мире дев.

Во время затянувшейся пирушки, в хмельном бахвальстве Тимур выдал секрет своей победы.

Дело в том, что с обеих сторон, в основном, воевали монголо-тюркиты. По крайней мере, на ответственных должностях лишь они. И в то же время нередки случаи, когда близкие родственники, не говоря уже о старых соратниках, стояли друг против друга, разделенные фронтом. При соприкосновении таких огромных масс людей, а это более двухсот тысяч, неизбежны перебежки в стан врага, взаимное проникновение лазутчиков.

Тимур, который более чем на воинскую доблесть, полагался на военную хитрость, через разведчиков узнал, что знаменосец Тохтамыша — его старый соратник, ибо когда-то Тохтамышево войско — это часть армии Тимура, которую он сам с поддержкой передал. По заданию Тимура этому знаменосцу передали повеление Великого эмира.

— Я все равно выиграю, ибо Аллах на моей стороне, а Тохтамыш и Али-бей — неблагодарные трусы... Когда пойдут в атаку барабанщики, ты бросишь знамя. Сохранишь свою жизнь, получишь огромные деньги и твой сын будет назначен одним из ханов Золотой Орды... Не согласишься, весь твой род, что живет в Ургенче, на моей территории, будет истреблен, а юные и молодые — проданы в рабство... Другого — нет, решай!

Зажатый в тиски обстоятельств, знаменосец сказал, что скоро даст ответ. На следующий день он увидел, как войска Тимура, несмотря на измотанность, стойко сражаются, и дал ответ:

— Деньги вперед.

Великий эмир был не только выдающийся полководец, но и прекрасный шахматист. Мало кто ему мог противостоять и в этой мирной игре, но если кто его обыгрывал, то Тимур, прирожденный лидер и победитель, приходил в ярость, — и судьба шахматного обидчика была плачевной. Эта молва о Тимуре, как и все остальные, распространилась по свету, и даже те, кто мог бы Великого эмира обыграть, не смели и помыслить об этом, а посему достойных противников не было.

— Так есть здесь шахматисты? — гневно повторил свой вопрос Тимур.

— Э-э, есть, — чуточку вперед подался визирь воды и, видя, как Повелитель удивленно повел бровями, сразу же пояснил: — только он находится в тюрьме.

— Ты что, издеваться надо мной вздумал? — с годами нрав Тимура стал круче: он мог быть по-царски щедрым и милостивым и в то же время не только за поступок, но и за нечаянно брошенное лишнее слово обходился беспощадно даже с близкими. — Небось, какой-нибудь голодранец иль вор.

— Никак нет, мой Повелитель, — виновато склонился визирь¹ воды, будто действительно его давил непомерный груз. — Это местный Молла² по имени Несарт.

— Хм, это за что же Моллу посадили? — Как последователь Ясов, Тимур очень почтительно относился ко всем просветителям, тем более к религиозным деятелям любых вероисповеданий — это был один из залогов успеха завоевателя.

— Его дело весьма щекотливое, правда, давнее, он уже лет двадцать в заточении.

— Двадцать лет в тюрьме? — удивился Тимур. — Оф! Представляю, как он там провонял. А ты его ко мне, да еще в шахматы играть?!

Лицо Тимура всегда было сурово, и по тону нельзя было понять, что у него внутри, какая последует реакция. Да в это время незаметно появился маленький юркий племянник Повелителя, сын его любимой, уже покойной сестры Туркан-ага, звали которого Чанар. По родству Чанар на многое не претендует

¹ Визирь (араб.) — буквально: носильщик тяжестей, министр.

² Молла (мулла) — служитель религиозного культа. В то же время на Востоке так называли ученых мужей.

и, может, поэтому, а может, из-за личных качеств он особо привилегирован: начальник тайного сыска в любое время имеет доступ к Тимуру. Его теперешнее появление всем понятно — прибыл гонец.

Это в былые времена Тимуру все при свите докладывалось, все сообщца выслушивали и вместе принимали решения. Ныне все иначе. И не потому, что Эмир эмиров стал Повелителем мира, действительно, полмира завоевал. Нет, масштаб иной, борьба иная, методы иные, и сама жизнь иная. Если в свите почти что каждого государя есть люди, подкупленные Тимуром, то почему они не могут быть и рядом с ним?

Тимур и Чанар уединяются в отдельном шатре, куда нет доступа никому, кроме личной охраны. Почти что одновременно прибыли гонцы, оба из Самарканда. Первое послание было от Сарай-Ханум, главной жены Тимура, второе — от Хан-заде. Люди называли их Большой госпожой и Малой. Между этими шипятельными женщинами при дворе Тимура шла острая прижда, которая в немалой степени портила жизнь Повелителя, и, казалось бы, стоило такому беспощадному и всемогущему человеку, как Тимур, всяческими способами урезонить этих женщин, навести покой и порядок в своем доме, дабы не мешали ему в грандиозных делах. Но не все так просто, даже в жизни Повелителя мира. И та и другая женщины имеют сыновей, наследников и опору Тимура, вот и приходится даже такому государю разбираться в женских сплетнях и интригах своего двора.

Кто бы знал, сколько здесь порока, хитросплетений, коварства и лжи? И как бы в тот момент ни было, а Тимур, рано потерявший мать, с любовью относился к своим женщинам, будь то сестры, жены, дочери и невестки. В честь многих из них он возвел известные архитектурные шедевры. Но это — история, а сейчас этих женщин надо уgomонить. А как это сделать? Очень просто — развести. И хотя госпожа в походе — обуза, а Сарай-Ханум уже не молода, дальнюю дорогу не осилит, посему Тимур позволяет Хан-заде прибыть к нему, мол, по невестке соскучился, да и сама с сыновьями увидится, покоренным и прекрасным Кавказом полюбуется.

— С жиру бесятся, — итог Тимуровых раздумий о фаворитках своего двора.

И почему-то именно в этот момент он вспомнил о другой женщине, которую действительно любил. Тимур был молод (всего двадцать два года), а имя его уже наводило страх. Это личные летописцы выправили историю жизни Тимура. А был он в молодости разбойником с большой дороги, да, видать, разбойником не простым, ибо сам эмир Самарканда и областей, некто Казаган¹, уже наслышанный о дерзких проделках Тимура, пригласил его к себе. Но Тимур отказал в просьбе эмира не грабить проезжающие караваны купцов, а наоборот, сам сделал предложение — поставить себя во главе Казаганова воинства.

— Не рано ли тебе? — спросил эмир Казаган, которому не понравилась выходка Тимура.

— Дай задание, время покажет, — самоуверенно настаивал Тимур.

— Хорошо, — согласился Казаган и дал Тимуру очень трудное задание, будучи уверенным, что зарвавшийся юнец там сложит свою буйную голову. А Тимур не только выполнил поручение, но даже переусердствовал: соседнего эмира взял в плен, трофеи в Самарканд доставил. Многие историки пишут, что в благодарность Казаган выдал за Тимура свою внучку. На самом деле это Тимур послал отца Тарагая со сватовством, и не кого-нибудь, а самую избранную девушку в округе — прекрасную, как молодой месяц, стройную и грациозную, как кипарис, пятнадцатилетнюю красавицу Алджай. Вот таким удалым молодцом был Тимур! Своими подвигами он сам создавал себя и свое имя. Это позже историки сложили генеалогию Тимура, якобы он прямой потомок Ноя и Чингисхана. Так такие генеалогии на Востоке у каждого султана или президента со временем появляются. А отец Тимура не был никаким вождем племени барласов², простой воин-кочевник, дожил до старости, за выслугу получил небольшой надел, немного коней и другой скотины, ко-

---

¹ Эмир Казаган — правитель Трансоксианы, незаконно присвоивший себе власть с помощью коварства и убийств.

² Барласы — отюреченное монгольское племя, прибывшее в Среднюю Азию вместе с нашествием Чингисхана и осевшее здесь.

дарую Тимур с самого детства пас. Именно тогда, в степи, перебивая жару и стужу, голод и жажду, он закалил свою силу и выносливость, стал прекрасным наездником. А по вечерам, слушая бесчисленные легенды о Великом Чингисхане, Тимур мечтал стать таким же великим. Постоянно играя в военные игры в бескрайней степи, сам, как и многие его сверстники, с самого детства учился стрелять из лука сидя в седле, бросать аркан, сражаться копьем и даже орудовать самодельным деревянным мечом.

На игры с мальчишками-сверстниками времени было мало. Но играть Тимур любил, был заводилой и даже в детстве не любил проигрывать. А однажды случилось то, что, наверное, определило дальнейшую его жизнь. Он с друзьями поспорил: кто быстрее добегит до стены обрыва, тот — хан. Случилось так, что Тимур споткнулся о камень, упал, и, видя, что его соперники еще вот добегут до стены, догадался схватить тот самый злополучный камень, и, яростно бросив в цель, заявил:

— Я опередил вас, пока вы руками хотели коснуться стены, у меня ум был уже там. Я — хан!

Дети стали спорить, кричать, ссориться. Проходивший мимо старик разнял детей и мудро разрешил их спор.

— Эх, молодцы! — выдохнул старик. — Этот мальчик, — указав он на Тимура, — действительно соображает, назначить его ханом будет умнее.

Тимур проникся любопытством к этому странному старцу и, следя за ним, заметил, что старик, часто бывая в чайхане, никогда не играет в кости, как все остальные завсегдатаи, а всегда в шахматах, зачастую играя сам с собой.

— А почему вы не играете в кости? — как-то, набравшись смелости, обратился к старику Тимур.

— Кости — это случай: повезет — не повезет. А создатель наделил человека разумом, чтобы думать и решительно действовать. Только так можно в шахматах, да и в жизни победить.

— Научите меня! — попросил юный Тимур, он хотел только побеждать и в шахматах, и в жизни.

— Вот царь, — поучал его старик, как будто внушал, — это ты. Запомни, царь — это ты. А у царя должна быть самая красивая царица...

Да, у Тимура была самая красивая царица — черноокая Алджай, которая родила ему семерых детей: пять мальчиков и двух девочек. Двое мальчиков умерли в детстве. Еще двое, в том числе первенец Джехангир, надежда Тимура, погибли молодыми, но Алджай уже тоже не было. Знахари и шаманы утверждали, что ее иссушил плохой сглаз. Один лишь Тимур знал — это ревность и любовь сгубили ее. Обремененная детьми Алджай оставалась в Самарканде, в то время как Тимур постоянно пропадал в военных походах, а там пленницы, рабни, и передвижной гарем, и незаконнорожденные дети, и их матери. И мало, что таковых сам Тимур не признавал, они умудрялись кое-что и кое-как у Великого эмира урвать, к себе привлечь; в общем, видела Алджай любимого мужа все реже и реже... А теперь Тимур вспоминает ее все чаще и чаще. Сколько Алджай вынесла с ним лишений, страданий, сколько пересекла горных троп и пустынь. Ведь тогда Тимур всеми преследовался, бегал ото всех по всей Средней Азии, и верная жена всегда с ним, даже в боях рядом. А чего стоили те два месяца, что они провели в заточении в пустыне Туркмении?! Невыносимый зной, иной раз сутками и капли воды не дают, тучи кровожадных насекомых терзают тело, и он еле жив. Но и тогда глаза любимой Алджай не выражали печали, потому что молодая жена не должна омрачать настроение мужа.

«Пусть Бог защитит тебя, о мой суженый», — каждый день подбадривала его Алджай. И если бы не она, невыносимо было бы в неволе. До сих пор при воспоминании об этом его в дрожь бросает. А всего два месяца!

— Всевышний! — взмолился Тимур. — А только что говорили, какой-то Молла почти двадцать лет в тюрьме... Такое невозможно!

...Эти воспоминания испортили настроение Тимура, и дабы как-то отвлечься, он пожелал к вечеру устроить соколиную охоту прямо на берегу Куры. Вечер был тихий, теплый. Но и с охотой в тот день не повезло: то ли всю дичь распугали, то ли соколы сытые были. Гневом кипела душа Тимура, да на закате пришло доброе известие: его внук, младший брат Мухаммед-Султана, сын Хан-заде, Пир-Мухаммед ходил с боевой разведкой к окрестностям Тбилиси и Мцхеты, разбил отряд горцев, сжег

несколько селений, возвращается с добычей. Вот Тимур видит, как от дальней охраны скачут к нему галопом трое всадников. На значительном расстоянии Пир-Мухаммед лихо осадил своего коня, резво соскочил, на бегу снимая шлем, бросился на колени к стремям деда, поцеловал носок сапога:

— О мой Повелитель! — тяжело дыша, горячо говорил шук. — Я доставил тебе райский подарок — старое грузинское вино и шестьдесят семь сказочных гурий.

— Хе-хе, — губы слегка скривились на вечно суровом, обветренном лице Тимура, — тебя что, Сабук надоумил?

Ужинал Тимур в кругу родных и близких, и это ныне не скудный стол кочевника, где в основном мясо, бульон и кумыс. Сто лучших поваров из Персии, Сирии, Византии, Индии и Китая готовят ежедневно лакомый шедевр из изумительных яств, и все это на золоченых блюдах подносит многочисленная прислуга из рабов. А дабы настроение поднять, звучит музыка, сегодня — это соло на кифаре.

Сам Тимур ужинает недолго, у него в этот вечер еще дела. Под покровом ночи в его уединенный шатер придут нужные люди, там пойдет не только сбор информации, но и некий торг — будущий передел мира. И если Тимура купить нельзя, то откупиться можно.

Только к полуночи Тимур смог освободиться от тайных посетителей. Он вышел из шатра, чтобы на чистом воздухе все обдумать и принять окончательное решение. Ночь была тихая-тихая, звездная, безлунная; с севера, с кавказских гор, дул прохладный, свежий ветер, напоминая о приближении зимы.

— Думай, башка, думай, — сам себя, как обычно, подстегнул Тимур.

На запад, где находятся богатые европейские порты, он не пойдет: были послы, есть заверения в дружбе и верности, вновь очень щедрые подарки и услуги.

Идти на юг, Сирию и Египет, — очень далеко, да и делать там нечего: несколько лет назад была засуха, теперь голод и мор, а воюют мамлюки-кавказцы отчаянно, из привилегированного рабства обратно в настоящее рабство попасть не хотят. Остается север — Тохтамыш. Вот кого окончательно разгромить надо... А там, севернее кавказских гор, от Каспийского до Черного мо-

ря, поля золотые, от хлеба живность жиром лоснится, а народ там воинственный, трудолюбивый, богатый. Вот почему Тохтамыш не угомонится, подпитка у него щедрая. И чтобы Золотая Орда и Египет не договорились, надо рассорить их и поодиночке истребить... Решено: он идет на север. Но на пути непокорные, строптивые грузины. Их в тылу оставлять нельзя...

Вот теперь Тимур заслужил ночной покой. Как обитателю пустыни, ему присуща любовь к растительности и проточной воде. Вот такой сказочный миниатюрный садовый рай с родничком устроен в его отдельном спальном шатре. Здесь запах курящего сандала и амбры смешан с испарениями соков афганской конопли и ферганского мака. Его слух будет ублажать мелодия армянского дудука, а потом раб-индус незаметно введет полуобнаженных танцовщиц, и на подъеме блаженства появится евнух-перс и его жрицы любви — вот кто знает все премудрости сладострастия, кайфа¹ и разврата.

Однако Тимуру приелись эти еженощные отлаженные представления. Старый воин-друг Сабук тысячу раз прав, и внук ему сделал подарок — выдержанное красное вино и на выбор белоснежное, бархатное, совсем юное хрупкое тело, которое от одного прикосновения грубой, черной руки уже дрожит. Сквозь неукротимый плач юная пленница силится сторониться его ласк, а он хочет, уже и без дудука, испить этот свежий нектар, этот румянец с щек, но она и кричать не смеет, лишь еле слышное в свой предсмертный час:

— Мать, отец, спасите, помогите!

Но Тимур кавказского наречия не знал, он считал, что осчастливил и благословил ее...

* * *

До рассвета еще далеко, но на востоке небосвод уже посветлел. Там легкой стайкой вытянулись с севера на юг перисто-волнистые бледно-фиолетовые облака. Над Курой встал густой пар, так что снежных кавказских гор совсем не видно. Звезд тоже нет, лишь тоненькая, юная, обескровленная луна,

¹ Кайф (араб.) — блаженство.

небо переливчатое низкое, давящее, пустое. Вот только на западе ярко одиноко горит богиня Иштар¹, она еще властвует над землей, — ночь не прошла, нет красок дня, все вокруг во тьме. Природа еще спит, да почему-то люди не спят, вокруг шатра Тимура горят огни, оживление. Сам Повелитель буквально вывалился на воздух, за голову обеими руками схватился, будто она болит, или кто ее оторвать грозит. Ему вновь приснился дурной сон: голова его на севере в снегах стоит, на постаменте.

Мудрецов-звездочетов до зари разбудили, привели к Тимуру. Выслушали они владыку, меж собой пошептались, вынесли вердикт:

— О благословенный Богом, о Великий эмир! Белый снег — это мир и согласие, которое ты принесешь всем народам на своем пути; ты восстановишь справедливость меж правителей и вассалов, неподкупность кадиев²; будет много благодеяний для человечества: обилие дождей, плодов, хлеба, льна, меда, винограда и рыбы.

— О Посланник Аллаха! — поддержал разговор другой старец. — Это поистине вещей сон. Ты считаешь нас, служителей истинной веры и поэтому Всевышний так благосклонен к тебе. А мы будем зазывать народ молиться каждый раз за такого правителя, как ты.

— О-о! — еще страстней схватился за голову Тимур. Конечно же, этим подлым льстецам языки надо бы повырывать.

Однако, согласно Ясам, богослужителей необходимо почитать. Вот он под их льстивые речи вместе с ними через силу позантрикал, одарил дорогими шелковыми халатами, проводил с внешним почтением, да голова у него все равно болит. Правда, есть у него ото всех хворей лекарство — отдал приказ шахматисты расставить, но и тут беда — соперников нет, ныне сам с собой играть не может, жаждет он кипучей жизни, значит, борьбы, и если не на поле боя, то хотя бы шахматные фигуры сметать.

¹ Иштар — прототип Венеры в шумеро-аккадской мифологии; и на Востоке богиня плодородия и плотской любви, богиня войн и распри.

² Кадий (араб.) — судья.

Конечно же, к тому времени судьба так часто благоволила Тимуру, что он уже ощущал свое великое предназначение и, понимая, что он беспрекословный лидер и должен быть вопреки всему действительно сильной личностью, пытался всегда владеть собой и держать чувства в узде. Но в это утро ему не по себе.

— Найди мне достойного соперника, — кричит он на визиря воды, — только не этого вора, что двадцать лет гнил в тюрьме, у нас таких и своих хватает.

— Мой Повелитель! — робкий шепот визиря. — Говорят, этот Молла астролог.

Как человек, стремящийся к великим целям, Тимур всю свою жизнь учился, все время совершенствовал область своих познаний, и с этой целью окружал себя выдающимися личностями, лучшими умами своего времени, каковым, как понял из доклада визиря, несомненно, был некий Молла Несарт.

Молла Несарт — ученик и последователь великого ученого, математика, философа и астронома Ширвани¹, который основал знаменитую Марагскую обсерваторию, и одним из первых выдвинул гипотезу, что Земля вращается вокруг Солнца, а Луна — вокруг Земли. За это уже престарелый Ширвани был предан анафеме и умерщвлен, обсерватория разрушена, а его ученику Несарту по молодости лет жизнь сохранили, правда, в тюрьме. Тюрьма того времени на Среднем Востоке — это, в основном, огороженная территория, которую охраняют государственные воины. Иной заботы у государства об узниках нет. Одежда и пропитание — это только то, что как подаяние приносят к воротам тюрьмы местные жители. Большинство заключенных содержатся в зинданах². Там, в невыносимых условиях, особенно зимой, они находят свой мучительный конец. Однако и здесь есть исключения: для редких привилегированных особ есть некие наземные помещения. Этой чести, как незаурядный, просвещенный человек, удостоен и Молла Несарт.

---

¹ Фарид-ад-дин Ширвани (?—1375) — составил звездные таблицы, карту звездного неба, доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, а Луна — вокруг Земли.

² Зиндан — земляная тюрьма (т.е. глубокая яма).

Для него созданы более-менее сносные условия труда, а это философские труды, труды по математике, он основатель тригонометрии, и, конечно же, это возможность в свой замысловатый прибор-астролябию наблюдать за ночным звездным небом, чтобы создать таинственные астрономические таблицы, на базе которых он составил достоверный восточный календарь, и, к удивлению всех, с поразительной точностью предсказывал затменные солнца. Понятно, Молла Несарт не зря заточен в тюрьму — связан он с нечистой силой. Но в мире много людей с нечистыми мыслями, а они, как часто это бывает, люди у власти и при деньгах. Вот и тянет их к этому нечестивцу, и это не только мужчины, а порой нет-нет, да и женщины под тяжелой паранджой — у всех тяготы от богатств. Вот и просят, кому судьбу предсказать, кому сон отгадать, кого влюбить, а на кого и вовсе порчу навести. Конечно же, в тюрьму ходить не совсем сподручно, зато как рискованно, загадочно и романтично, к тому же дешево, да блажь: вдруг этот знахарь не то сбавит, можно посрамить, а то и вовсе подсрачник дать, только не сильно — Молла костляв, так не только судьбу, но и ногу можно повредить.

Разумеется, Тимур не ровня этой объевшейся мелюзге, если его жест — и кого угодно к ногам его бросят. Да захотелось и ему таинство постичь на месте и на деле звездочета повторить. Но у величия тоже есть свои изъяны — вместе с охраной молва, что Тимур едет, разнеслась по округе. Испуганные тюремщики выстроили в ряд заключенных, стали наводить порядок, чтоб не сильно воняли. Да Тимур оттого и Повелитель, что в делах скор, разнряженный и важный появился он в тюрьме, и как ни силится хладнокровным быть, а нос все морщит, шелковый платок с позолотой и благовониями у лица держит, нет, не хочет он вспоминать позабытый смрад человеческого испражнения.

Все заключенные и тюремщики пали ниц, едва появился Тимур, и лишь один бородатый в лохмотьях стоял скромно, почти вильно склонив голову. В иное время и в ином месте за такую дерзость охрана давно бы сняла голову. Но сейчас есть приказ Тимура, он сам идет во главе и интересуется, кто за что сидит. И вот дошел он до стоящего.

— Ну, а ты, — Тимур сразу понял, что это и есть Молла Несарт, — ты тоже безвинно страдаешь?

— Нет, Великий Эмир, я несу заслуженное наказание, ибо мой строптивый язык несет всякую ересь.

— Гм, — ухмыльнулся Тимур, — смелых людей он уважал. — Эй, стража, немедленно освободите этого преступника, дабы он не совратил этих невинных.

В тот же день Моллу Несарта доставили в ставку Повелителя, вымыли, постригли, облаговонили, придели, на голову надели овечью шапку (без головного убора к Тимурзу нельзя) и объяснили, как следует себя вести:

— Двое охранников, держа за руки, проведут тебя в шатер Властелина Поднебесной, ты упадешь на колени, поцелуешь край ковра и будешь ждать повеления.

— Я — горец Кавказа, — возмутился было Молла, — и ни перед кем на коленях не стоял и стоять не буду.

— Тогда голова твоя на ковер полетит, — бесстрастен голос охранника. — Понял?

— Хе-хе, — прикидываясь дурачком, улыбнулся, — как такое не понять?!

Завели его в огромный шатер Тимура, от блеска и богатства которого слепит глаза. По краям деревьев из золота с висящими изумрудами и алмазами, будто листва. Тут же клетки и в них диковинные певчие птицы, ласковую трель издают. Подпевают им небольшой оркестр в углу. На невиданном по красоте и мастерству исполнения большом персидском ковре полукругом сидят, по-турецки скрестив ноги, заморские послы, вассалы, визири и военачальники, а в завершение, у трона, родня. Сам трон высок — это шедевр мирового искусства, захвачен в Багдаде, ему более тысячи лет. И Тимур не первый правитель, кто восседает на нем, и такого достойного, как утверждают теперь, на нем не сживало, и в одеждах он под стать — весь в шелках и бриллиантах.

От этого великолепия ноги у Моллы Несарта сами подкашиваются, да на колени он не стал, а его уже ткнули сзади, и выбора нет: башку точно снесут. И тут его осенило, бросился на колени, восклицая:

— Здравствуй, о Всемогущий Бог!

— Я не Бог, — сурово ответил Тимур. — Я... Молла не дал ему повторить!

— Хвала тебе, Господи, я увидел Тебя! — вновь он с треском закричал в небом.

— Что ты мелешь?! — возмутился Повелитель. — Я — Тимур, слуга Аллаха.

— Я ошибся? — недоумевает Молла. — Раз ты не Бог, то слезай и садись, как человек, рядом с этими людьми. Почему же ты оказался так высоко, под самую крышу?

Острослобие Тимур ценил, зато шутов ненавидел. Понимая, что какой-то проходимец, прикидываясь мудрецом, осмелился свободно посмеяться над ним, он в порыве гнева хотел просто махнуть страже рукой, чтобы наглеца обезглавили, но эта дерзость, а главное, желание сразиться с сильным шахматистом взбодорило его, и, принимая навязанный тон, иначе — неловкость, Тимур тоже, как бы шутя:

— Как старый астролог ты ведь привык задираТЬ голову, вот и пришлось мне взобраться наверх, — усмехнулся Тимур.

Эта шутка была встречена восторженно. А Молла Несарт следил за ним, что тоже оценил юмор, и, уже вставая с колен, сказал:

— О Повелитель мира, ты действительно велик, как Полярная звезда на небе!

— И сколько же звезд на небе? — настроение Тимура улучшилось.

— Столько, сколько волос на моей шапке.

— И сколько волос на твоей шапке?

— Миллиард. Если не веришь, прикажи своим визирям, пусть сосчитают.

— М-да, — и без того узкие глаза Тимура еще больше сузились, — и вправду твой язык без костей. Может, вырвать его, чтобы ты снова в тюрьму из-за него не попал.

— Воля твоя, — склонился Молла. — Однако надо ли мне догадываться, что ты действительно Великий Тимур?

— Откуда у тебя такая дерзость? — стал резок голос Повелителя.

— От моего незавидного положения, — ответил Молла.

— Глупец! Разве ты не счастлив сегодня? Я тебя вызволил из тюрьмы, где ты гнил двадцать лет. Тебя умыли, одели, и ты удостоен чести лицезреть меня.

и руки сохранит... Твой ход, Повелитель, — и пока пораженный Тимур смотрел в гнев на доску, Несарт перешел на персидский язык: — А Повелитель сдох¹, — и в тот же момент картинно воздел руки: — Так это только в шахматах. А тебе, о Великий Тимур, будет вечная жизнь и здравие! — тут он тоже, как при молитве, низко склонился и, находясь в такой позе, спросил: — О, справедливый из справедливейших, как наш уговор?

Изо всех сил Тимур постарался выдавить улыбку:

— Я тебя вытащил из тюрьмы, хе-хе, какой свободы ты еще хочешь?

После этих слов даже птички, поющие в углу, почему-то разом умолкли, никто не шелохнулся, лишь затрещали изношенные кости — это Молла Несарт вновь выпрямился:

— О Великий Правитель, — теперь он понял, что шахматная баталия закончилась и он вновь буквально под пятой. — Ты действительно милосерден и справедлив! Смогу ли я, столь жалкий человек, когда-либо с тобой расплатиться?

— Сможешь, — жесток взгляд Тимура. — Мы еще раз сойдемся, но не в эти шахматы, которые ты за двадцать лет тюрьмы выучил наизусть. Мы сразимся в мои шахматы, — он лишь повел рукой, и это поле боя моментально убрали, и не два раба, а чуть ли не с десятков поставили посреди ковра невероятно массивный, большой стол. Он, видно, тоже из литого золота, инкрустирован перламутром, изумрудами и алмазами.

— Здесь в два раза больше клеток, — поясняет свое изобретение Тимур, — и, соответственно, в два раза больше фигур.

— У Великого человека — все в величии! — склонил голову Молла Несарт и с явной жалобой: — Мы будем сражаться или...

— За свою башку сражайся, — рявкнул Тимур.

— А если выиграю? — тих, но тверд голос Несарта и, видя, что ответа нет, уже громче: — Слово сдержишь?

— Что ты мелешь? Я всегда свое слово держу!

— Это общеизвестно, о Великий Тимур!.. Только одно, позволь мне заметить — не всегда лишь моя башка на кону будет.

— Что ты этим хочешь сказать?

---

¹ От персидского выражения «шах-мат» — Государь умер.

— Ко мне в тюрьму твои визири приходили, просили твой взор расчитать. Однако я не гадатель... Правда, сны ты, говорят, вещий видишь, — тут Молла Несарт резко оборвал речь.

Продолжай, — процедил Тимур.

Продолжение сна только ты сможешь видеть... А мне, раз такое выпала честь, за свою башку или свободу до конца позволю сражаться.

Словно изучающе долго, тяжело всматривался Тимур в лицо Молла Несарта:

— Я думал, ты шут, а ты — смелый человек... Смелость я уважаю. Ходи, ныне твой первый ход.

Эта схватка длилась очень долго. Вначале явный перевес был на стороне Тимура. Но потом, видимо, Молла Несарт принаоровился к этому масштабу поединка, и когда фигур стало меньше, он и вовсе перехватил инициативу, однако дожать не смог.

— Ничья, — вслух объявил Тимур. — Может, полголовы отнесем?

Раздался всеобщий хохот.

А Молла молчит, склонил голову, ждет.

— Ладно, я милосерден, — доволен Тимур, — даю тебе еще один шанс, но теперь первый ход мой.

— О Повелитель, — взмолился Молла Несарт, — ноги устали, не держат.

По природе Тимур был неулыбчив, смеяться вовсе не умел, а тут записался хрипотцой:

— Кх-кха-кха! Может, плечи твои устали от болтливой твоей башки? Так осталось недолго им страдать. Кхе-кхе-кхе.

— Давай оба сядем, — не до смеха Молле.

— Где это видано, чтобы на стульях сражались?! Я не моложе тебе, так что борись на равных. Правда, если хочешь, можешь на колени стать... Не хочешь? Вот мой первый ход, — и Повелитель, как всегда, повел в атаку правый фланг.

К середине партии — а это действие долгое, время к полуночи — когда фигур на столе значительно поубавилось, преимущество Тимура, как и его приподнятое настроение, были на высоте. Совсем по иному выглядел его соперник. Молла Несарт явно устал, совсем сник: опираясь обеими руками о массивный стол,

он, наверное, больше силился устоять на своих больных ногах, нежели думать о шахматных страстях.

— Давай отдохнем, — наконец не выдержал Несарт.

— Что значит «отдохнем»? — более чем язвительен тон Тимура. — Кто отдыхает в разгар боя? Иль ты хочешь сдаться? Башку потерять? — обыденно вопрошает Властелин.

— От этих ядовитых замечаний и угроз Молла Несарт еще какое-то время держался, да хватило его ненадолго:

— Можно попросить воды?

— Ну, — щедро развел руками Повелитель, — ты кавказец, мы находимся на Кавказе. И, как мне известно, здесь гостей не принято простой водой потчевать, — он сделал жест прислуге, — сейчас тебе подадут прекрасное грузинское вино из погребов монастырей древней Мцхеты... Каков букет? А аромат? — видя, как Молла с жадностью припал к бокалу. — Внук подарил... Так ты ходи, ходи. Вот мой ответ... Что ж так взгрустнул, иль опьянел? Ходи быстрее, конец уж близок.

Молла Несарт хотел двинуть коня, как-то неловко это получилось, и тяжелая фигура упала.

— О-о! Ты совсем ослаб, — заботлив Повелитель. — Кстати, а я знаю превосходный рецепт для прилива сил и буквального омоложения, — он несколько склонился над столом, поближе к Молле, по-приятельски потрепав костлявое плечо. — К этому вину — юную красавицу, и ты — словно вновь родился.

После этих слов он грубым жестом поманил визиря, что-то шепнул ему на ухо. Очень скоро в роскошном шатре почувствовалось некое возбуждение, веяние, стало еще светлей, веселей и громче полилась музыка, потекли по воздуху пьянящие благовония, как из-под земли неожиданно появились совсем юные танцовщицы и так же незаметно исчезли. А пред столом, в сопровождении евнухов, выставили сказочную особу. Она — высокая, тонкая кость, стройна, кожа белоснежная и гладкая, на губе, искусно загримирована свежая, глубокая рана. Она еще очень юна, но в больших и бездонных темно-голубых глазах нечеловеческая испепеляющая тоска. На ней лишь полупрозрачная воздушная вуаль, открывающая всю прелесть девичьей красы, а с плеч до самого пояса спадают пышные

длинные волосы. Евнухи пытаются ее склонить, она, кусая рапешую губу, изо всех сил противится.

— Оставьте ее, — приказал Тимур, еще раз оценивая взглядом природную статью. — Ты не хочешь преклониться передо мной?

— Она не знает наших языков, — подсказал визирь воды. Сам Тимур владел тюркским, персидским, уйгуро-монгольским и чуть-чуть латынью Востока — арабским.

— Кто переведет? — недоволен он.

— Вот, Молла Несарт, местный, — вновь подсказывает визирь.

— Переведи, — приказал Тимур.

Сам Молла, с появлением этой девушки как-то ожил, воспрянул духом; что-то родное, знакомое, близкое было в ней. Он стал с ней говорить на непонятном для всех говоре.

— Молчи! — рявкнул Тимур. — Переводи лишь мои вопросы и не отвечай... Она не хочет склониться предо мной?

— Кавказские девушки ни перед кем не склоняются, так их и воспитывают, — слово в слово перевел Молла.

— Она не знает, кто я? — прошипел Тимур, он вновь властным жестом поманил к себе визиря; в его руках появилась крупная золотая монета с его выпуклым профилем, на сторонах которой на арабском и греческом выгравировано «Великий Тимур — Повелитель мира». — На, дарю, чтоб запомнила, кто я, — поднес он ей монету.

Девушка, небрежно рассматривая золотой кусок и явно усмехаясь, сказала что-то Несарту, но тот не стал переводить.

— Говори! — приказал Тимур.

— Она не верит, что ты Повелитель.

— Почему же?

— Говорит, если ты действительно Повелитель мира, то недорого дарить девушке всего одну монету.

Все замерли, и вдруг девушка с нескрываемой снисходительностью на лице обратилась к Тимуру:

— Ты арабским владеешь? Так вот, много денег я тоже не люблю — не нуждаюсь в подачках.

— По-ординому вздернулась бровь Тимура:

— Откуда у вас, кавказцев, такая спесь?

— Это не спесь, — горделиво вздернула она подбородок, — это природная данность!

— О! — перебил ее Повелитель. — Слышал, слышал — «арийцы» с Кавказа. Может, и в тебе течет голубая кровь?

— Во мне течет кровь моего отца — азнаур¹ Атчароя.

— Ты дочь Атчароя? — воскликнул изумленный Молла Несарт.

— Да, я Шадома, дочь Атчароя.

— А где мой друг детства, твой отец?

— Эти варвары, как туча саранчи, на нас внезапно напали, отец погиб, на моих глаза обезглавили, — тут она впервые уронила голову на грудь, пытаясь скрыть уже привычные слезы, вся задрожала.

— О Великий Повелитель! — как и у визирей покорно-слащавым стали голос и поза Моллы Несарта. — Ты во всем велик, щедр и прав; к этому вину, действительно, нужна такая красавица. Уступи мне ее.

— Хе-хе, хитер, хитер, — еще более сощурились глаза Тимура. — Выиграешь эту партию — твоя. Проиграешь, как условились, твоя башка за дерзость слетит тотчас. Ну а ее, прекрасную, — он провел пальцами по ее шелковистым волосам, — не ублажит меня — поутру... Так что, ходи.

Некрасивое, изможденное лицо Несарта все испещрено морщинами, а теперь он так внутренне напрягся, что посерел, и на лбу меж глаз какой-то сгусток кожи возник. Он тяжело стоял, опираясь руками о стол, переминаясь с ноги на ногу, и все же не выстоял. Когда фигур на столе оставалось совсем мало, он пал на колени. Однако на это почти никто не обратил внимания, потому что его колюче-буравящий, неотступный взор витал над доской, все более и более прижимая противника...

Было далеко за полночь, совсем темно, под порывами холодного, резкого ветра со стороны Каспийского моря накрапывал мелкий осенний дождь, когда по едва различимой разжиженной дороге, петлявшей вдоль реки, удалялись от лагеря Тимура две торопливые тени.

— Быстрее, быстрее, — дергал Молла Несарт руку девушки, если дорога шла по наклонной. На подъеме они менялись ролями.

---

¹ Азнаур (груз.) — витязь.

— Не могу, не могу, — задыхался старик, — ноги ватные, будишь же меня, и ведь двадцать лет в каморке ютился.

Так, порой скуля, порой подбадривая и поддерживая друг друга, они преодолели какой-то путь, да далеко не ушли, и на очередном подъеме старик упал и сил у него уже не было.

— Вставай, вставай, — причитает над ним девушка.

— Не могу, — как у выброшенной на берег рыбы, широко раскрыт его беззубый рот. — Может, одна убежишь?

— Боюсь, — она вся дрожит.

— Да-да, — словно способен ее защитить, все еще не выпускает он ее руки. — Мне кажется, за нами следят... Сейчас, чуть освободу и тронемся. Преодолев еще один подъем, они резко свернули с дороги; пробираясь сквозь небольшой лес и колючий, густой прибрежный кустарник, вышли к каменистому берегу реки.

— Насколько я помню, где-то должен быть брод... Подожди здесь, — Молла Несарт немного отошел вниз по течению. Река по осени немноговодная, да все же кавказская, говорливая, на порокатах ворчит, и то ли показалось ему, то ли так оно и было — девичий визг. Бросился обратно.

— Шадома! Шадома! — изо всех сил завопил он; в ответ — дикий топот копыт по камням. — Сволочи! Гады! Изверги! — его ноги подкосились.

* * *

Как и все великие люди, Тимур мало спал. Пробудившись на заре в приподнятом настроении, он не без усмешки вспомнил в отрочестве друга детства: «Старое вино — юная девушка». И действительно, чувствуя прилив сил, он решил развлекаться на природе — приказал спешно организовать охоту. Ему доложили, что поодаль, в живописном займище реки, дичь по осени разжирела: утки — стаями, косули — табунами, а вепри совсем людей не боятся, даже не боятся.

Поутру дождь перестал, и хоть солнца из-за туч не видно, все равно светло и красочно. Для Тимура, кочевника пустыни, крас-

ки осеннего Кавказа — как благодатная кисть Бога! Нравится ему Кавказ, хорошее у него настроение, торопится он к охоте, впереди свиты скачет, и тут неожиданно из кустов выскочил какой-то старик, размахивая руками и крича: «Ты обманул ме...». Он уже чуть было не ухватился за узды коня самого Тимура, как несколько плетей с разных сторон сшибли его с ног, а копьё пригвоздило к земле.

— Это ты? — Повелитель узнал Моллу Несарта. — Что, свобода уже надоела? — По его жесту орудие от старика отвели, но он еще лежал в грязи, и, видимо, вновь осознав сложившееся положение, он повторил то, что хотел изначально сказать, правда, совсем в ином виде:

— Повелитель, девочку мою ночью отобрали.

— Был бы мужчина, не отобрали бы, — Тимур дернул поводья, через пару шагов коня остановил, презрительно глянув на старика: — Раз с утра повстречался этот урод, охота будет неудачной. Бросьте обратно в тюрьму.

Однако в этот день охота удалась на славу: сам Повелитель поразил не одну дичь, и, вернувшись в лагерь в очень хорошем расположении духа, он захотел сыграть в шахматы и, вспомнив Несарта, потребовал доставить его; он не только жаждет реванша, ему нужен достойный соперник.

— Молла, — милостив тон Тимура, — я думаю, что если я, выезжая на охоту, встречу человека с таким лицом, то удачи мне не видать. А вышло все наоборот. Поэтому я помиловал тебя и освободил.

— Благодарю, Повелитель, — склонился Несарт. — Позволь мне задать один вопрос, — и, увидев снисходительный кивок, — утром, посчитав меня зловредным человеком, ты бросил меня в тюрьму, хотя, как оказалось, охота была очень удачной. А я встретил тебя и мне не повезло — вновь тюрьма, голод, холод. Теперь скажи по совести, кто же из нас приносит несчастье?

— Ха-ха-ха! — хлопнул ладонями Тимур. — Сам подумай, я только раз тебя посадил, зато дважды из тюрьмы вызволил. Так что, смотри, будешь еще дерзить — счет уравнию... справедливости ради.

— Ты всегда справедлив, Повелитель, — за эти неполные сутки, что Молла добился свободы, он усвоил одно — как положено преклоняться.

— Ну что, сыграем в шахматы? — спросил Тимур.

— А вчера, Повелитель, ты предложил сразиться.

— Да, и ты заслужил свободу, — констатировал Тимур. — Разве ты не пресытился ею?

— Есть вещи, которыми не пресыщаются.

— Назови же их.

— Глаза — взглядом, ухо — новостями, женщина — мужчиной, пламя — дровами, ученый — знаниями, сама жизнь — свободой.

— Мудро, — оценил Тимур. — Но хватит болтать, давай играть.

Они довольно быстро провели две партии на большой доске, и в обеих победил Тимур.

— Может ты поддаешься? — спросил он.

— Играю, как могу, — ответил Молла, — просто нет стимула.

— О каком стимуле ты говоришь? — суров стал голос Тимура. — Быть рядом со мной — для любого человека счастье и честь!

— Это так, Повелитель.

— Отныне ты при моем дворе, — постановил Тимур и бросил взгляд в сторону визиря воды. Тот, поняв приказ, склонил голову. — Любое твоё пожелание будет исполнено. Только смотри, не поддавайся в шахматах, пеняй на себя, башку снесу.

Под этот заклад они начали третью партию, игра была равной, напряженной, вряд ли кто посмел бы Тимура побеспокоить, если бы не сверхважное донесение — над ухом Повелителя являлся начальник тайного сыска.

— Да ты что? — удивленно воскликнул Тимур. — Немедленно ко мне.

Назвала всех, даже визиря воды, удалили. Начальник сыска вопросительно посмотрел в сторону Моллы Несарта.

— Его оставь, — повелел Тимур, — мы доиграем. Он все равно ничего не поймет.

Вскоре двое охранников, держа за руки, доставали крепкого, очень смуглого мужчину зрелого возраста, с ясно выраженными монголоидными чертами лица, который с готовностью стал на колени, поцеловал край ковра.

— Ну, иди ко мне, иди ко мне, дорогой Едигей, — очень доброжелателен Тимур.

— О Властелин! — бросился к нему гость. — Как я счастлив лицезреть твое Величие! Ты мне заменил отца! — Теперь он припал к ногам Повелителя, целуя его красные кожаные башмаки, отделанные шелком, в который вкраплены золотые нити.

— Едигей, ты мне тоже дорог как сын, — под поцелуи и объятия полилась заливная восточная лесть. Но это длилось не бесконечно; с тюркского, который Молла Несарт прекрасно понимал, они перешли на монгольский, и моментально любезность с их лиц исчезла, и языка знать не надо, идет торг, сделка, предательство и вероломство, называются страны, города и исторические личности, против которых будет направлен их стовор, их армия, где они овладеют несметными богатствами, — это Северный Кавказ, вроде провинция Золотой Орды.

— Там, от Каспийского до Черного моря, — описывает цель Едигей, — земли жирные, черные, на них хлеба колышутся, словно золото. А стада там тучные, кони стройные, сивогривые. А люди богатые, свободолюбивые, красивые, мяса мало едят, больше мед, зелень, икру. В рабство продать — в двадцать раз дороже персов или негров стоят. А какие там города — в роскоши и зелени утопают!

— А твой брат, Иса-бек, как он?

— Повелитель мира, Иса-бек — мой старший брат, и ты знаешь о нашей сплоченности. Без его согласия я не явился бы к тебе.

— Да, — согласился Тимур.

Делая вид, что вновь увлечен игрой, он подошел к шахматному столу, надолго задумался, а думать о чем было, ему предстояло принять очень важное решение и при этом опираться на такого коварного, далеко не глупого и очень влиятельного человека, как Едигей, и его братьев.

Конечно, Тимур понимал — сегодня (да и вчера) Едигей боится его, раболепствует, вроде верно служит. Но служит ли он

ому одному? Ведь его брат Иса-бек — один из приближенных хана Тохтамыша, да и сам Едигей только из Золотой Орды пришел. Не хотят ли они его заманить в ловушку и там истребить?

А с другой стороны, оттолкнуть Едигея, просто уничтожить или поддаться. Как семья Тимура была во главе отюреченного монгольского племени барласов, так и семья Едигея стоит во главе такого же промонгольского племени мангыт. И хотя это племя не является прямым потомком Чингисхана, да оно еще древнее, могущественнее, а в данный момент мангытский юрт стал столь многочисленным и сильным, что к нему примкнули многие монгольские племена, такие как уйсуну, канглы, кипчаки, найманы и, наконец, великие кереиты. И не только Тимур, но и Тохтамыш понимают, что Едигей — хитрая лиса и ведет хитрую игру, пытаясь не в первый раз столкнуть лбами двух правителей и надеясь обоих обессилить, чтобы самому захватить власть в Чингисхановом улусе¹. Однако поделаться с этим, по крайней мере, пока, ничего невозможно. Дело в том, что в армии и Тохтамыша, и Тимура служат и с той, и с другой стороны по тридцать-сорок тысяч соплеменников Едигея, меж которыми традиционное кочевническое родство, которые, в случае чего, могут ударить в спину Тохтамыша, и тем более Тимура, ибо он, в отличие от первого, не является потомком Чингисхана. И эти голопорезы и смутьяны бескрайних пустынь верно служат Тимуру лишь потому, что его полководческий гений пока что окончательно утоляет их алчную жажду к добыче, схватке, насилию, разгону и разврату. Вот и приходится даже такому великому завоевателю, как Тимур, изворачиваться, вести тонкую дипломатию, порой льстить.

Он двинул вперед шахматную фигуру, обратился к Молле Невзарту:

— Не сдаешься? — и, пытаясь скрыть хромоту, как можно ближе приблизился к гостю, чуть ли не по-кошачьи, тепло обнимая — Идики, — так он его ласкает, — ты ведь ровесник и друг моего покойного первенца Джехангира, ты мне как сын родной,

¹ Улус — область, страна.

После очень долгой паузы Тимур процедил сквозь зубы:

— Согласен, — и вновь подойдя к шахматному столу, — вот тебе первое задание: все, что надо, бери, на рассвете в путь, доставь сына мамлюкского султана к моим стопам.

— Повелитель! — взмолился Едигей. — Я неделю в седле был, через горные перевалы, по козлиным тропам к тебе тайком пробирался. Сжался, я очень устал!

— Хе-хе, в твои-то годы и устал? А говоришь, беклербек. Ну ладно, сжалюсь над тобой. Есть у меня рецепт вечной молодости... хе-хе, подарок внука, я давно такой не встречал, прямо от сердца отрываю, а к утру ты испьешь ее благородной голубой крови, насытишься ее юной плотью, и, даю слово, сам будешь в бой...

— Шадома, дочь князя Атчароя, по праву моя, — давая о себе знать, неожиданно, не очень громко, но твердо встрял Молла Несарт и, видя, как в гневе исказилось лицо Тимура, попытался исправить оплошность: — Повелитель, ведь таков был накануне уговор? — как мог ниже склонил он голову.

— Босьяк! — зарычал Тимур. — И куда ты собрался ее вести — ни кола, ни двора?!

— У нее фамильное село, княжеский дом, родня, — втянув от испуга голову, все же пытался возражать Молла.

— Нет у нее ничего, нет! — кричал Тимур. — Мы все стерли с лица земли, всех истребили, кроме красавиц! И так будет со всеми неверными, кто попадет на моем пути!

— Благослови Всевышний твой путь, — не без жеманства произнес Молла Несарт и как-то неподобающим для столь высоких слов образом вознес руки.

— Мне кажется, — недоволен Тимур, — ты сильно лукавишь.

— Ты как всегда прав, Повелитель, — ответил дерзко Молла Несарт, — ведь речь идет о справедливости твоего пути.

— Ах так! — сузились губы Тимура. — Ты не веришь в справедливость моих помыслов, — он хлопнул в ладоши. — Иди и забирай свою Шадому, если она теперь вновь захочет оборванкой стать.

По его хлопку появился визирь, следом главный свнух, который робко возразил Тимуру:

— Мужчине в гарем нельзя.

— Это уже не мужчина, — постановил Тимур, — изношенный хрыч.

Невольно-бледное, изможденное, перекошенное судьбой лицо Несарта еще больше исказилось, от гнева потемнело:

— Я еще спрашиваю, — дрожащей рукой он взялся было за изящную фигуру, хотел еще что-то сказать, как по молчаливому сигналу Тимура его схватили за локти, чуть ли не оторвав от ковра, потащили куда-то, а присутствующий при этом Едигей не стал возражать!

— Царь-повелитель, что за наглец? Ему если не башку, то язык непременно помещаю бы.

— Не-ка, Иди-ко, я уже который раз Кавказ покоряю. Скажу правду, народ здесь дикий, необузданный, даже старики, как неоплаченные жеребцы, все норовят лягнуть... Вообще-то я шуток не верю, но этот старик мне полезен, — он склонился к уху Едигея и шепотом: — Иногда надобно правителю простое слово доносить, а то витиеватая придворная лесть душу уластит, так и жадность потеряешь...

А в это время глаза Моллы Несарта крепко завязали грубой тканью. Но прохладному веянию он понял, что его ведут по улице, потом вновь помещение, ноги просто утопают в толстых коврах, какая-то заунывная восточная мелодия — детский хор, пьянящий аромат благовоний. И даже с закрытыми глазами здесь ощущается сказочная, щедрая нега, а его все ведут. И он идет куда-то ити и с наслаждением вдыхает аромат. Когда сняли с глаз повязку, он буквально обомлел от невиданного великолепия: здесь, и в сизо-голубоватом свете, словно луной освещен, багровый серебристый светится фосфором, в воде плавно качаются белые нежные кувшинки и золотистый водяной лютик. А далее — восточный сад, гранат созрел, плодами горит, на виноградной лозе висят сочные свисаю, вьющаяся китайская роза вся в алых цветах. Здесь заливаются райские птицы, и посреди этой усладной неги огромный расписной диван¹, на котором полулежа покоится очаровательное, злачное, юное тело, сливающееся с разноцветными шелками, лишь бриллиантовая диадема² украшает головку.

¹ Диван (перс.) — возвышенный пол, покрытый коврами.

² Диадема (греч.) — женское драгоценное украшение в форме небольшой итеритой короны.

да империи — это внутренние противоречия и известные интриги византийского двора. Однако эти внутренние распри сопровождали Константинополь во все времена ее существования. Тем не менее, эта твердыня устояла перед полчищами персов и победоносного арабского халифата. А в 1204 году полумиллионный город, где воинский гарнизон численностью более 70 тысяч, буквально сдался сборной дружине западных наемников крестоносцев-латинян, которые спекулировали единоверием. Войдя в Константинополь, они предали столицу православия огню, многих греков поубивали, все что могли — а это бесценные памятники мировой литературы и искусства, древние храмы и даже императорские усыпальницы — они разграбили, уничтожили, переплавили. Лишь кое-что было вывезено, и до сих пор эти памятники украшают некоторые города Европы...

А возвращаясь к причинам распада Византийской империи, следует отметить, что исторически судьба православной державы более была связана с Востоком, нежели с католическим Западом. Именно Восток питал Константинополь всеми ресурсами, а это и доходы, и военные люди, и даже традиции. Но когда турки-сельджуки, а потом монголы захватили восточные провинции Византии, империя стала обескровленной, обнищала и не смогла не только контролировать дальние территории, но и защищать саму себя. В итоге, по заговору крестоносцев, греческая Византия распалась на несколько частей. Тем не менее сама столица — портовый город — имела такой потенциал и такое важное стратегическое положение, что Константинополь, не как прежде, но вновь ожил, приобрел некий вес и авторитет, пока в начале XIV века на просторах Малой Азии не появилась новая сила — турки-огузы под предводительством султана Османа, который и создал так называемую Османскую империю.

Потомки Османа исторически во многом преуспели, а в конце XIV века, во времена Тимура, в Малой Азии и на Балканах загремело имя нового полководца — Баязида. Это он в 1389 году принимал участие в знаменитом сражении на Косовом поле, что в долине реки Лаб, где сербы сошлись с турками в решающем сражении и после двух дней упорных боев,

Своих противника, убили султана Мурада, а затем и старшего сына султана Мустафу. Другой же сын султана, а именно Баязид, не дал соплеменникам дрогнуть. Он взял бразды правления, сам руководил в атаку и на исходе третьего дня, разгромив сербов, захватил в плен их князя Лазаря и взял в жены его дочь — красавицу Деснину, про которую позже слагали оды, а позже французским писателем был написан блистательный роман. Брат Деснины — Стефан Лазаревич — признал над собой персональную власть султана и вместе со своими подданными стал одним из главнокомандующих в войсках Османской империи.

Баязид был полководцем стремительных переходов, быстрых, изобретательных атак. Его не зря прозвали Молниеносным. После Косовской битвы он ходил в Венгрию, жестоко расправившись со всеми, кто пытался с ним воевать.

При возвращении Баязида на Балканы многие греческие города открывали перед ним ворота, а некоторые и сами приглашали. Так, в греческий город Салону призвали турок сами греки и епископ, и владелица города Елена Кантокузина, предлагавшая султану родную дочь для его гарема. И это был не единичный случай. Как утверждают некоторые историки, на Балканах потомков Османа ждали! Дело в том, что ни одна из сил, претендовавших на Балканы в XIV—XV веках, не была желанной для простых жителей полуострова, которые натерпелись от притеснений византийских императоров, облившихся кровью и захранившихся, от воинственных сербов, болгар, других народов, не способных договориться меж собой мирно, от западноевропейских правителей, истребивших христиан Балканского полуострова за почти трехвековую эпопею крестовых походов... Никому из перечисленных правителей не было никакого дела до простого народа, а османы несли людям обыкновенным некую справедливость, вполне приемлемую для уставших людей...

Победы Баязида ошеломили всех, прежде всего византийский двор, беспомощно наблюдавший за грандиозными событиями. О непокорности новому султану нельзя было и думать. Император Византии оформил вассальные отношения с султаном, более того, перенес невиданное для империи униже-

ние — сопровождал Баязида в поход против Никеи¹, единственного греческого города в Малой Азии, сохранившего независимость благодаря традиционной дружбе горожан с соседями сельджуками². Православным жителям города пришлось увидеть греческого императора в турецком стане. Сам император их уговаривал поддаться туркам и после их отказа бился вместе с сыном Мандилом в первых рядах султанских войск против греков, считавших себя его подданными. Город был взят приступом.

Вскоре после этого, в 1391 году, император Византии Иоанн Палеолог умер. Этим воспользовался его племянник, тоже Иоанн, сын Андроника, который захватил столицу и провозгласил себя императором. В это самое время сын Иоанна Палеолога находился, как аманат, в султанской ставке, откуда он якобы тайно бежал в Константинополь, чтобы занять престол своего отца. Внутри городских стен между двоюродными братьями разразилась настоящая борьба. А султан Баязид, державший в осаде Константинополь (это будет продолжаться на протяжении семи лет), всякими способами помогал то одному, то другому брату-претенденту, в результате выманивая дань с обоих, что в целом еще более ослабляло их империю. После пятимесячного противостояния Иоанн отступил, бежал морем. И с тех пор откуда-то издалека он угрожает императору Константинополя дворцовым переворотом, что не внове при византийских порядках. Сам Мануил II разыскивает исчезнувшего брата с целью избавиться от него, как от соперника. В стане Тимура появляется его посол с уверениями, что Иоанн захвачен людьми Повелителя, и с просьбой помочь избавиться от самозванца. За эту услугу, мол, Мануил II в долгу перед Великим Государем не останется.

Сам Тимур ничего понять не может. Делая паузу, он, как ему свойственно, устраивает византийскому послу пышный прием,

¹ Никея — современный Измит.

² Сельджуки — ветвь племени турок-огузов (X—XIV вв.), названа по имени их предводителя-основателя Сельджука. В период расцвета захватили большую часть Средней Азии, Иран, Ирак, Азербайджан, Армению, Грузию, Курдистан, Малую Азию вплоть до Палестины.

«кто дружит, что же произошло? почему его разведка ничего не сообщает? И это время еще один посол — от самого султана Баглатов, и речь о том же, об Иоанне. Только султану беглец нужен живым, он готов заплатить и тоже сулит дружбу и мир.

Теперь Тимур еще более озадачен: кто-то, прикрываясь его именем, совершил злодеяние. А зачем ему, искусственному дипломату, лишние враги? И мелькнула у него мысль — Едигей, но он же быстро отбросил: Едигей на север ушел, а Константинополь и султан Баглат — за морем, гаремы на юге... А тут вновь посол, от царя Золотой Орды. В своем гневном письме Тохтамыш грозится расправиться с Тимуром, называет его коварным подлецом. И хотя в сопроводительном письме и имени Едигея нет, кажется же нетрудно так повернуть дело), Тимуру теперь кое-что стало понятно.

Оказывается, у Тохтамыша на Кавказе гостили царственные особы: Иоанн — претендент на византийский трон и, что гораздо важнее, сын султана Сирии и Египта — Фарадж. Из почетных гостей было все, но кто-то предложил необычайную охоту — охоту на снежного барса в высокогорных местах. Сим Тохтамыш — степняк, по горам лазать не умеет, да и так кански обрюзг. А отказать желанию таких гостей тоже нельзя. Где-то в горной теснине попали горе-охотники в засаду, перерану перебили, господу исчезли. Среди нападавших тоже были потери, в них признали горных бадахшанцев¹ Тимура, они вывели на след. Правда, горы Кавказа — не азиатские степи, в них потеряться легко, а идти не просто. Зная это, Тохтамыш предпринял все меры, чтобы перекрыть конные переходы с северного Кавказа на южный. А их всего три: Дарьял, Дарбент, Аргун. С двумя первыми проблем нет, а вот Аргунские ущелья — там горцы свободолюбивые и независимые. Но и в этих местах рыскали люди Тохтамыша: вроде перевал никто не проходил, а теперь, к поздней осени, все снегом завалено, да следов нет. До последнего маялся Тохтамыш, все надежду питал, и, лишь уверовав, что поиски напрасны, отправил к Тимуру послов.

¹ Горный Бадахшан — область на территории современного Афганистана.

Сам Тимур вроде должен быть доволен, ведь он все это устроил и, казалось бы, все просчитал. Но вышло наоборот, потому что вслед за этим прибыли люди от египетского мамлюка Захира Баркука с требованием выдать его сына.

«Едигей — предатель!» — первая мысль Тимура. Вот теперь, действительно, Тимур в окружении врагов: он невольно укрепил союз Тохтамыша с мамлюками, к ним может присоединиться и Баязид, а прямо перед ним никак не покоряющиеся грузины и горцы. На несколько фронтов ему не разорваться.

Ему срочно необходимо что-то предпринять, и в первую очередь разыскать Едигея, а для этого запугать старшего брата Исабека, ведь у него подписная грамота. Этого делать не пришлось. Исабек опередил, сам вышел на связь, прислав тайного гонца, и не кого-нибудь, а собственного сына. Такому заложнику не верить нельзя, и он докладывает Тимуру, что все — от идеи высокогорной охоты до засады и маршрута побега — организовал Исабек.

Вроде все было продумано. Они миновали Терек, но по более оживленному Дарьялу не пошли. Едигей с заложниками шел ночами по ба-ник¹, на посту Искота² у Мештарой они договорились, может, откупились. Скорым маршем добрались до крепости-поселения Итон-Кхели, что стоит на самом берегу Аргуна. Два дня отдыхали у местного вождя. Переменив коней, тронулись вверх по Аргунскому ущелью и на рассвете дошли до поста Чагие³. Здесь дорогу охраняли не местные горцы, а подразделения регулярных войск страны Сим-Сим⁴. Видимо, откупиться не смогли, и тогда воины Едигея перебили всех, кто был на посту.

¹ Ба-ник (*Ба-някэ — чеч.*) — «войск дорога» — одно из звеньев целой сети стратегической дороги, охватывающей горную и равнинную части Северного Кавказа.

² Искота (*Искотја — чеч.*) — «На девяти воротах», своеобразная круглосуточная таможня, которая проверяла путников: со злым или добрым умыслом идут они, и куда.

³ Чагие (*Чагјие — чеч.*) — досл.: замок-укрепление.

⁴ Сим-Сим или страна Зем-Зем — находилась в центральной части Северного Кавказа.

Новое это хорониться днями не было смысла и возможно-го боялись погони. А впереди лишь голые альпийские горы и ледяе — вечный ледник — высокогорный перевал Нар-хиех-тарт, который тоже миновали. Затем их видели около Парсмы¹, и впереди у Джолоко (а это уже Тушетия — Алазания), и до стана Тимура — рукой подать. Но Едигей исчез.

Казалось бы, все у Тимура под носом: армия в двести тысяч, вострой и ряд, пройдишь, и они не только людей Едигея, но и зайну скрыться не дадут. Да все не так просто: это не бескрайние степи Сибири, где всей армией он охоту устраивал, это в горах! Здесь горы крутые, остроконечные, все заросшие девственными лесами, а меж гор быстрые реки, на вид мелкие, но пешими просто так не дают. А дороги здесь узкие, меж ущелий-тесно серпантинном выются, и за каждым выступом, за каждым поворотом горца скрывается, свой очаг в обиду просто так не даст. Чего-то Тимур уже который раз несчастную Грузию покоряет, никак покорить не может.

Конечно же, с его воинской армадой он рано или поздно доведет непокорный Кавказ. Однако на это нужно время, а его у него нет: все цари могут вскоре против него ополчиться, а набравши на Тбилиси не пойдешь, хотя и знает он, что у грузин вся армия — тысяч тридцать, не больше. Зато, говорят, у них умный, ловкий, смелый и молодой предводитель — азнаур Тмарзо, который уже не раз трепал его передовые войска, подтверждая известную истину: армия баранов под предводительством льва не выдержит армии львов под предводительством барана.

«Разумный план приносит пользы больше, чем сто тысяч воинов», — думает Тимур. — Здесь надо ловчить и идти на невыгодные сделки». С этой целью он засылает в горы своих лазутчиков, которые все вынюхивают. Но Едигей как в воду канул. Тогда распространяется слух: кто выдаст — поборник Бога, достоин огромного вознаграждения и расположения самого Повелителя мира. Это во все времена действовало. Вскоре объявился доброволец. Его тщательно осмотрели, в том числе и на наличие заразных насекомых, обработали и срочно, несмотря на ночь, доставили в Тимур.

¹ Парсма (иеч.) — щит.

Пришелец, коренастый, кривоногий, смугло-скуластый молодой человек с готовностью бросился на колени и, поцеловав край ковра и встав более чем в уважительную позу, доложил о себе:

— Глава илема Аурах, сын правителя страны Сим-Сим — Тума.

Тимур в это время всецело был поглощен своей страстью — игрой в шахматы, где Молла Несарт загнал его в тупик. Тяжело вздыхая, Повелитель искоса глянул на пришельца, пробежался с головы до пят — весь в пестрых шелках, как павлин.

— Одеждой ты — глава, — не без ехидства заметил Тимур. Он хоть и пользовался, да презирал доносчиков. — Вот только сам ты никак не похож на кавказца.

Пришелец замешкался, лебезя, что-то пролепетал.

— Ты прав, о Повелитель! — неожиданно подал голос Молла Несарт. — Я знаю владыку Сим-Сима, достопочтеннейшего Гайраха. Этот ничем на него не похож.

— Меня знает весь Кавказ, и я... — возвысил голос пришелец, однако Тимур повелительным жестом его остановил:

— Этот плешивый старичок, — брезгливо указал он на Моллу, — двадцать лет дома не был, и потому не все у него дома... А тебе я верю! — он сделал несколько шагов навстречу, гостя обнял и наигранно-вкрадчивым тоном: — Ты знаешь, где мои люди? Тогда начнем с главного, то есть с конца — сколько ты стоишь?

— Ну, — забегали раскосые глаза пришельца, он явно мучился, не зная, какую плату назвать.

— Молла Несарт, — любил Тимур потешаться, хорошо зная людей: главу илема надо вначале низвести, затем вознести, чтобы сговорчивым стал, и сделать это лучше чужими руками, — так как ты думаешь, сколько он стоит?

— Хм, ровно десять таньга.

— Чего? — возмутился пришелец. — Один мой халат столько стоит!

— А я лишь его и оценил.

— Ха-ха-ха, — залился Тимур, затем быстро взял себя в руки. — Вон, вон отсюда этого дурака, — махнул он страже в сторону Моллы и тут же вновь, еще крепче обнимая пришельца

— Ты настоящий горец-кавказец! Я счастлив, что в мире есть такие порядочные, мужественные люди! Ты мой дорогой гость. А скажешь правду, даю слово Повелителя мифов — спасибо!

Ибо, как есть, расскажу, — чересчур подобострастен пришел.

Именно, по его словам, воины Едигея после преодоления вышеступней главного Кавказского хребта так устали, что не смогли без прищипки дойти до реки Алазань, за которой они могли спастись. А за ними шла погоня, которая обошла их, подняла тревогу среди местных горцев и грузин. Везде была устроена засада, и отрядники Тимура были схвачены. Сейчас отряд Едигея находится в руках предводителя грузин — азнаура Тамарзо. Известно, что идут переговоры с целью передачи их правителю Гайраку. Если они уже будут в руках Тохтамыша, так как Сим-Сим в вассальной зависимости от Золотой Орды.

Знаешь, где именно Едигей? — Тимур не может не верить этой информации.

— Точно не знаю, — признается Тума и тут же описывает окрестности. — А если бы и знал, это вам не поможет: у горцев сигнальная связь с горы на гору — барабаны, рожки, огни факелов и т. п. Пока ваша рать будет пробираться по одному ущелью, остальные перекинут в другое.

Да, тут силой не возьмешь, — вслух думает Тимур и взбадривает самого себя: — Думай, башка, думай! — это у него лучше всего получается за шахматной доской, для чего опять зовут Мухаммада Назарта. Скрывая под прищуром презрительный взгляд, он так отечески обнимает пришельца, цедя сквозь зубы: — Ты по какому пути пришел и будешь благословлен и Богом, и мной, — подывая визиря: — Оказать столь великому гостю особый прием.

И должен спешно возвращаться.

Но не, — любезен Тимур. — Семь дней в честь тебя будет трапеза, — теперь сын Гайраха его заложник. — И не каким-то илечом ты будешь владеть, а всем Кавказом! Это говорю я — Властелин и Покоритель Вселенной! Ты это заслужил!

Гей (тюрк.) — пиришество.

...В эту ночь Тимур почти не спал, а не заре отправил послов в столицу Грузии Тбилиси, а с ними сопроводительное письмо на имя католикоса¹ всех грузин. Вот давний след Пера: «Послику² Блистательный и Блаженный, истинный помазаник Бога и Судьбы, мой духовный отец и наставник, благочестивый католикос всех грузин и всего Кавказа, мой верный друг патриарх Абрахам... Всякое бывало между нами, видимо, так Бог испытывал наше веротерпение. Ныне же прими почести и дары мои, выслушай послов моих, дабы кровь людская на Кавказе более не проливалась...»

В Грузии Тимур не впервой, и его воины немало грабили и поджигали церкви и мечети, людей истребляли, однако духовенство щадили. И когда покойный царь Грузии Георгий VII пред Повелителем вроде бы принял ислам, присутствовавший здесь же католикос Абрахам на это даже под угрозой казни не пошел. Эту смелость Тимур оценил, «опричь³ католикоса, всех унизил». Позже по докладам знал, что в Грузии двоевластие. Теперь в Грузии как такового царя нет, есть множество князей, которые порознь мечтают трон занять, да на них у народа и церкви надежды нет. Лишь бравый витязь Тamarzo пред лицом очередного нашествия сильной волей подчинил себе все войска доблестных грузин, привлек на свою сторону многих горцев Кавказа, заручился поддержкой Тохтамыша, стал твердыней супротив врага, и посему католикос Абрахам во имя родины в царя его прочит. А тут варвар, что вновь армадой у ворот столицы стал, просит — значит, требует, чтобы азнаур Тamarzo к нему явился — разговор есть и мир подписать. Нежели не явится Тamarzo — осадит Тбилиси, всю Грузию с землей сровняет.

Как явствует хроника того времени, созвал католикос Абрахам епископов, священников, всех начальников царства Грузии и особо азнаура Тamarzo. Собрались они пред ним, а он публич

¹ Католикос (*греч.*) — титул главы (патриарха) грузинской православной церкви.

² Послику (*устар.*) — потому что; так как.

³ Опричь (*устар.*) — кроме.

он приехал, чтобы сел Тамарзо на царский трон, на что тот учтиво отказался, и сели они все как равные пред Богом, родиной, царством и стали долго совет держать. Наконец Тамарзо отверз уста свои и ирек:

— Слушайте меня. Господь Вседержитель и Владыка наш Иисус Христос и Святая Богородица, уделом коей мы являемся, и Почетный Крест, дарованный нам, ниспослали нам этот благодатный край, наш Кавказ! Ныне вновь на земли наши явился грозитель и теперь зовет к себе меня. Мы знаем все о его бесчинствах и злодеяниях, сколько наших людей он предал погибели в каторгою отдал. И я доподлинно знаю, ежели отправлюсь я к грозному Тимуру, он постарается убить меня. Однако и у нас есть злодей Гиподим: в моих руках люди его, царственные особы. Не отпустить мечтает Хромец. А теперь мудростью вашею раскусить мне дело. Я думаю так: многобурна жизнь сия, непостоянна и преходяща, дни наши исчезнут, как сон, и непременно и скоро предстоит уход из мира сего. Какая польза в жизни моей, ежели из-за меня погибнет множество душ, а я из мира сего уйду, отягченный грузом грехов. Нынче я желаю предстать перед варваром и, да будет воля Божья, пусть казнят меня, лишь бы страна моя миновала беда.

Позабылись все присутствующие этой речи и дали ответ:

— Ашаур Тамарзо! Ты достойный сын нашего народа. Но ты не поддавайся, и не кем тебя заменить. Не позволим Тамерлану взять тебя, не отдадим тебя в жертву.

Выслушав это, Тамарзо сказал:

— Вы говорите из единодушия и любви ко мне, но мне жаль моего народа, словно агнцы², обреченные на смерть, и нет мне утешения... Полчищ Тамерлана не сосчитать, столько стрел и копий и готовим... А может, и я договорюсь, в любом случае, полюбуйтесь моему за народ мой и не откажусь идти к Хромцу в стан, как слово миру обещал он дать.

От этих слов все в изумлении встали, и заговорил католикос:

¹ Отверз (устар.) — раскрыть, открыть.

² Агнцы (устар.) — ангелы.

— Не верю я гяуру¹, да иного нет.. Но коли ты положишь душу свою за народ, мы все как один возложим на себя грехи твои и пред Господом свидетельствуем причислить тебя к святым. И ежели благо положить душу за одного ближнего, то сколько же пользы в спасении неисчислимых душ.²

* * *

Зол Тимур, ох как зол! И зол не на кого-нибудь, а на свое потомство. «Неужели, — думает он, — дети ничего не унаследуют от своих великих отцов?» А вот Чингисхану в этом плане повезло: до сих пор его потомки ему и всему миру противостоят. А что делают его сыновья? Вот, младший сын Шахрух (он оставлен в Самарканде править) прислал отчет, и там, помимо прочего, как доблесть, сообщает: «Со стороны Индии прибыли купцы, а с ними жемчуг, яхонт³ и золото, и я купил у них в счет налогов в казну драгоценностей на сумму сто тысяч. И тут же нашел другого купца из Персии и с большой выгодой для нас продал, так что казна значительно пополнилась».

¹ Гяур (*тюрк.*) — неверующий.

² Компиляция данной и последующих глав составлена на базе: Гачибли (XII в.). Наставления правителем, Весы деяний. М., 2004; Грузинские хроники (Картлис Цховреба). История Грузии. Свод трудов, составленных в XVIII в.; Кодекс царицы Нины. изд-во С.Каухгишвили (Тбилиси, 1942); Цулая Г.В. Грузинский хронограф XIV в. М., 1980; Армянская средневековая хроника. А., 1974; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. СПб, 1884; Миллер В.Ф. Кавказские легенды. М., 1886; Успенский Ф.Н. История Византийской империи. Т.5. М., 1998; Туси Мухаммед Насирэддин. Трактат о полном четырехстороннике (XIII в.), пер. с араб. Баку, 1952; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. Грозный, 1992; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975; Ру Ж.-П. Тамерлан. М., 2005; Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1997; Вейс Г. Истории цивилизаций. М., 1998; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950; Довлетов К.С. О происхождении образа Ходжи Насреддина. Томск, 1962; Двадцать три Насреддина. АН СССР, Институт Востоковедения. М., 1978; Анекдоты Моллы Насреддина, АН Азербайджана. Баку, 1958; Чеченский фольклор. Грозный, 1964; Ахмадов Я.З. Истории Чечни. М., 2004; и др.

³ Яхонт (*греч.*) — рубины и сапфиры.

Гневливый Тимур незамедлительно послал ответ: «Сто тысяч, сто тысяч, сто тысяч, и подобное этому не имеют для нас никакого значения, и мы не желаем связываться с этим. Если вы будете заниматься торговлей, то кто будет править и управлять? Посмотри же, о глупец, на себя и не повторяй больше слова дерзости и не примешивай к нашим деньгам ни единой монеты от прибыли торговли, ибо это принижает достоинство человека, унижает его имя, оскорбляет его положение и образ человека его известности и славе при жизни и после смерти».

Шихрух был его младший, любимый сын. И в иное время Тимур считал бы такое повествование, да все познается в сравнении. Прибыл в его стан грузинский азнаур Тamarзо — вот чей стан была родня!

Вначале Тимур издалека, тайком посмотрел, как грузинский представитель прибыл. С кавказцами он знаком давно. Помнит, как к нему не раз приезжал царь Грузии Георгий VII в сопровождении торжественной пышной свиты. И словно являлись не на поклон, а свататься или пировать: все разнаряженные на монгольский византийский манер, толстые, важные, вежливо-угодливые, а подарки навели чуть ли не караван, исполняли все, что Тимур угодно, вплоть до перемены веры. А вот теперь к нему явились новое поколение Грузии в лице двух ее представителей. На первый взгляд, нет в них особого лоска, блеска, величия, нет во них сибирских мехов, китайского шелка и всяких драгоценных безделниц. Но есть в них природная стать, которая сразу бросается в глаза. На старшем (это совсем молодой человек) холщевая шуба, подбитая мехом горного тура. Второй совсем юн, но тоже лишь белая овечья бурка. Зато кони под стать всадникам: стройные, коровистые, уздечки и седла — все в серебре, как и украшения всадников, отменно блестят.

К вечеру всех гостей стана — важных иноземцев, добывающих аудиенцию Повелителя мира, — выстроили в ряд, по значимости страны или характера встречи. Кавказцы оказались по крайности.

Все становились на колени, подобострастно целовали край украшенного ковра и ждали, что скажет Тимур, пока их визирь ораторствует. Наконец дошла очередь грузин. Хотя им и объяснили порядок Тимурова стана, они дерзко ступили на край рос-

кошного ковра, лишь головы обнажили, слегка поклонились и тут же выпрямились во всю богатырскую статью.

— Мы чтим гостей, — резок голос Повелителя, — но и они должны уважать этикет моего двора.

Скорее всего, азнаур Тамарзо владеет и другими диалектами, но в данный момент он хочет подчеркнуть значимость и культуру родного языка, отвечает через переводчика на грузинском:

— Великий Эмир, на Кавказе нас с детства учат: гость — святое. И если бы ты принимал меня в Самарканде, я был бы гость. Однако под нашими ногами древняя земля Грузии. Она была, есть и будет грузинской! — алым румянцем зарделось его мужественное лицо, а в голубых глазах блеск жизни, вызова, силы.

Сын Тимура Мираншах и внуки — Мухаммед-Султан и Пир-Мухаммед, что сидели на ковре справа от трона, от этой дерзости чуть не рванулись вперед, готовые изрубить наглеца. Но Тимур их жестом остановил, невольно, оценивающе посмотрел на свое потомство. В их узких глазах тоже блеск, но другой — блеск хищника, блеск смерти. И Тимур не столько с ненавистью, сколько с завистью снова посмотрел на азнаура-богатыря и подумал: «Такой ко мне служить не пойдет, а воевать против такого будет не просто».

Пытаясь отойти от этих мыслей, Повелитель завел пространные речи о дружбе с грузинским царем и, вспомнив письмо Шахруха, как бы между прочим спросил:

— А сколько стоит мера зерна в Тбилиси?

— Я воин, а не торговец, — краток Тамарзо.

Тимур понимает, что пустые слова и льстивая похвальба здесь не помогут. По велению Повелителя, все, даже сын и внуки, удаляются, просят уйти и сопровождающего Тамарзо спутника.

— Это мой лучший друг, побратим Малцаг, — тверд Тамарзо, — от него секретов нет.

— Разговор — один на один, — настаивает Тимур.

— Разве ты один? — непреклонен кавказец. — Твой визирь, переводчик, охрана.

— Кхе-кхе, — кашлянул Тимур и, кряхтя, тяжело спустился с трона и, желая побыстрее закончить, сразу же перешел к делу — за Едигея и его людей предложил огромный выкуп.

— Мои богатство — свобода Грузии, — сходу отшел Тamarзо
свой гор.

— Чего ты хочешь? — удивлен Повелитель.

— И твоих людей отдаю — ты с наших земель навсегда уходишь, — жестко глядит на Тимура кавказский предводитель. — И подтверждение тому — письменная грамота.

— Хорошо, — согласен Тимур, — но мне нужен залог.

— И я готова заложную.

— Нет, — не согласен Повелитель. — В твоих руках не бумага, а люди. Ты с побратимом останешься при стане, пока Едигей не пробудет.

Наше сущенный Тamarзо, может быть, и поддался бы на эту ловушку, да катоникос всех грузин, с которым при помощи гонцов договаривались все условия сделки, настоял на обмене людьми саванна Тимура.

— Хотел Повелитель и заполучил Едигея и важных особ, все равно он рано ушел из Тamarзо из его лап. И, пытаясь его вернуть, он отправляет в Тбилиси послов, мол, прежде чем покинуть с миром Кавказ, хочет дать роскошный обед в честь «нерушимой дружбы».

В Тбилисе с радушием приняли послов, поблагодарили, рассказали, что Тamarзо по важным причинам прибыть не сможет. Да Тимуру всегда сопутствовала удача: из Самарканда прибыл гонец — у Шахруха родился первенец, просят деда дать имя. Тимур бескрайно рад этому событию и называет внука Улугбеком! В честь такого события и своего возвращения на родину он устраивает богатый пир. Быть в дружбе и пренебречь таким событием по церемониалу грузины не могут.

Была уже зима, дни промозглые, хмурые, короткие. Прибыли Тamarзо и Мардаг только к вечеру, когда мир во мрак погружен. Только там, где Повелитель, все в ярком свете, словно солнце здесь взошло — это негры-рабы всюду с факелами стоят.

Улугбек Мухаммед Тарагай (1394–1449) — внук Тимура, государь-Шейра, выдающийся ученый-математик, астроном, в Самарканде построил самую передовую для той эпохи обсерваторию и составил «Новой астрономические таблицы». Один из основоположников теории строения нашей Солнечной системы. Видимо, из-за этого был убит в результате заговора ближайшего духовенства.

А предводителя Грузии, как царя, приветствуют, лично Тимур их встречает. И как сошли они со своих бравых коней, затрубили в фанфары венецианские артисты, забили в литавры искусные персы, тут же китайские умельцы устроили невиданный доселе кавказцами сказочный фейерверк.

В честь торжества на высоком холме спешно сооружен шатер в сто метров длиною и в три десятка метров шириною, покрытый бархатом и шелками и поддерживаемый тридцатишестиметровыми столбами, расписанными белой краской и золотом. Здесь П-образно установлены столы, вдоль них добротные скамьи, а для Тимура — царственное кресло. Слева от себя он с почестями усадил сына мамлюкского султана — Фараджа, потом принца Византии Иоанна, далее послы и почетные люди из разных стран. Тамарзо и Малцаг оказались в самом конце. Справа от Тимура его сыновья — Омар-Шейх и Мираншах, внуки, визири, военачальники, старцы-мудрецы, среди которых и Молла Несарт. Лишь Едигея здесь нет, пока нельзя его представлять.

Великий эмир — ярый поборник ислама, однако сам любил выпить, пил много и подчиненных заставлял. Он первым поднял тост:

— За моего внука Улугбека! Дай Всевышний ему долгих лет жизни, во славу моего великого рода!

Потом начались хвалебные тосты за самого Повелителя, и слово дается по порядку, вначале тем, кто сидит рядом с троном. Вокруг стола распоряжается главный виночерпий, и он указывает многочисленным столбникам, какие блюда нести, какие унести, кому и сколько чего налить.

— Айт! — вдруг громогласно произнес Тимур. Все разом умолкли, не смеют шелохнуться. — Что это мой друг Тамарзо и его юный побратим совсем мало пьют, едят? А ведь это лучшее в мире грузинское вино!

— Благодарствую, Великий эмир, — согласно порядку встал азнаур. — Просто мы сидим в конце, но пьем и едим так же.

— У-у-у! — раздался недовольный гул в зале. Жестом Тимур его прекратил:

— Может, ты недоволен, что посадили тебя слишком далеко? — хочет Тимур слащаво говорить, да не выходит. — Но вы ведь так молоды.

Великий эмир, — твердо отвечает Тамарзо, — ты как всегда мой друг Малцаг и вправду юн. Однако многие здесь, кто дороже меня, и почете сидят.

У-у-у! — Вновь Тимур их всех угомонил, а Тамарзо, как ни в чем не бывало, продолжил:

Ну, Эмир эмиров, я не в обиде, ибо на Кавказе так и заведено — гости на лучших местах, а хозяин земли у дверей. Как видишь, Великий Тимур, ты наш обычай перед уходом усвоил.

У-у-у! — еще громче загудел зал.

Тихо! — стукнул кулаком Повелитель и, пытаясь изобразить улыбку: — Мой грузинский друг, конечно, прав. Выпьем за него! — он залпом осушил свой бокал, посмотрел, сделал ли то же самое Тамарзо и его напарник, и, ликуя, закричал: — Ура-а-а!.. Пейте, пейте! Если это сегодня грех, то я эту ответственность беру на себя!

Пейте, пейте во имя Всевышнего. Пейте из любви к государю — Великому Эмиру. Пейте, дабы воздать ему честь!

За Исламелина мира! — вскочив, сказал тост визирь воды.

Все встали, запрокинули головы.

Сесты! — гневно приказал Тимур. — Что-то, я смотрю, на себя Тамарзо и его юный друг выпили до дна, а за меня лишь покружили... Хе-хе, а по местному обычаю я тамада!... Исправьте!

Сидящие этого ждали, около Тамарзо и Малцага появились податчики с большими турьими рогами, до краев наполненными вином.

До дна, если чтите тамаду и свои традиции, — постановил Тимур.

Только кавказцы хотели поднести вино ко рту, как сидящий напротив Молла Несарт что-то произнес на непонятном языке.

Что ты сказал? — возмутился Тимур.

О Повелитель, — Молла перешел на тюркский, — из таких турьих рогов, да за тебя — по-кавказски, негоже так пить, надо динить зубки по кругу.

А на каком языке ты говорил? — беспощаден тон Тимура.

Тамарзо (зрит.) — старшинство во время пира.

— На нахском¹ — языке матери, из Тушетии.

— Так у нас есть владеющие этим языком, — он глянул в ряд почетных гостей: — Мухаммед, что Молла сказал?

Вскочил крепкий, смуглый моложавый мужчина:

— Он сказал — может, в рогах отравы.

— Ха-ха-ха! — злобно рассмеялся Тимур. — Шелудивый пес, за кого ты меня принимаешь? Пригрел змею... Ладно, — небрежно махнул он своей правой, едва сгибавшейся рукой в сторону Моллы, — в честь праздника — прощаю.

С этими словами он встал, хромая, подошел к кавказцам, молча из обоих рогов отпил по несколько глотков:

— Теперь вы, — не отрываясь, он зорко следил, как они, тяжело глотая, с трудом опустошили роги. — Вот так, — обнял он их, — вот теперь я верю, что мы друзья.

Уже явно захмелев, или делая вид, Тимур неровно вернулся на свое место и, не садясь:

— Теперь я хочу поднять тост за моего друга Мухаммеда, сына царя страны Сим-Сим — Гайраха.

В это время Малцаг что-то выкрикнул.

— Ты, юнец, смеешь перебивать меня? — разгневался Тимур. — А ну, переведи, — обратился он к Молле Несарту.

— О Великий Тимур, извини мою оплошность, — коверкая тюркско-монгольский, заговорил Малцаг. — Я хотел лишь пояснить, — его речь уже слегка заплеталась. — Если «Тимур» по-тюркски — «железо», то «Гайрах» по-нахски — «кремень», а этот, Тума, что значит: рожден от связи свободного человека и рабыни.

— Так у нас почти все так рождены, — засмеялся Повелитель.

— То-то и видно, — на нахском процедил Малцаг. Это лишь Молла Несарт услышал.

— Молчи, — зашептал он. Но Тимур этого, видимо, не заметил.

— А что, — спрашивал он у юнца, — у ваших мужчин нет гарема, наложниц? Иль одной обходитесь?

— У горцев один очаг, его хранительница одна — ценана².

¹ Нахский — язык чеченцев, ингушей, бацбийцев-тушинцев.

² Ценана (нахск. — *цѣнана*) — огонь-мать.

— Хехе, — ухмыльнулся Тимур. — Ты еще юн, да чтобы знал, и тебе расскажу один из Ясов Чингисхана: «Никогда не имей детей и женщиной, которая еще не может родить, и той, которая уже не может родить». Понял?

— И, Малцаг, из племени бацой¹ из Тушетии, и меня учили этим законам.

— Подлинно. А что значит твое имя?

— Малцаг² — солнечный человек.

— Хехе, оно и видно — рыжий весь... А этот, — он указал на Тума, — и по обличью наш. Настоящий мужчина, принял истинную веру, дал я ему достойное имя Мухаммед и дарю вот это сокровище, — слуги уже вынесли статую в виде натурального ягненька, всю из чистого золота, а глаза — бриллианты сверкающие. — И еще кое-что подарю, — он ему по-свойски моргнул. — Так выпьем же за верного Мухаммеда! — он залпом осушил свой золотой бокал, бросил его в стенку и заорал: — Танцы давай, танцы!

Вотчас появился оркестр: тростниковая флейта, цитра, тамбурин, бирабан и ребека. Зазвучал плавный, медленный, чарующий турецкий мотив, под звуки которого будто из-под земли стали появляться нарядные танцоры — это крутящиеся дервиши, которые под все ускоряющийся ритм, запрокинув головы, стали крутиться так, что не только сами, но и многие стали впадать в состояние экстаза, крича при этом: «Нет Бога, кроме Истинного Бога! Нет Властелина, кроме Тимура!»

— О-о-о!!! — истошно завизжал Тимур, бросился в круг танцоров, тут, словно щедрый град, отовсюду посыпались золотые и серебряные монеты, драгоценные камни. — Берите, все берите. И всегда щедр, — гремел он. — Весь мир мой! Еще золота, больше алмазов! Все на крут, так мы будем жить! Вечно! — А потом он истошно кричал: — Вина! Всем вина! — и уже, по-видимому, в крайней мере иступления дико завизжал: — Женщин сюда, девочек и мальчиков!

Крутящиеся дервиши моментально исчезли, и новый оркестр в сопровождении протяжного хора завел какую-то томя-

¹ Бацой (*пахск.*), бја — войско, цюй — господня.

² Малцаг (*пахск.*), малх — солнце, саг — человек, мужчина.

щую, сладостно-успокаивающую индийскую мелодию. Под ее плавные звуки из-под полумрака сцены стали выплывать полуобнаженные грации: тут и юные, совсем тростиночки, и более зрелые, словом, на любой вкус.

— Разбирайте, гуляйте, блаженствуйте! — бесновался Тимур.

Он сам криво гарцевал по сцене, пытаясь осчастливить каждую, и вдруг, внезапно остановившись, решительно двинулся в сторону Тamarзо. Музыка мгновенно прекратилась, стало зловеще тихо, напряженно.

— Этот-то еще молокосос, — небрежно махнул Тимур в сторону Малцага, — а ты что сидишь? — обратился он к Тamarзо. — Иль ни одна из моих красавиц тебе не по душе? Хе-хе, так я сегодня добр и особенно щедр... Есть кое-что, что тебя, я надеюсь, удивит и взволнует.

По взмаху его руки вновь полилась музыка, совсем иная, уже торжественная, словно вот-вот на опустевшей сцене появится царица. Так оно и было. Два толстых разодетых евнуха, нежно придерживая за руки, будто сокровище, ввели в центр зала высокую, ослепительно красивую юную девушку: смоляные волосы ниже пояса, под совсем прозрачной легкой вуалью угадываются все прелести ее тела, на высокой белоснежной шее ожерелье камней и под стать ему корона на голове.

В ее бездонных темно-синих глазах полная отрешенность, даже надменность, взгляд в никуда, словно парит.

— Ха-ха! — в восторге хлопнул ладонями Тимур. — Сабук! — крикнул он своего военачальника. — Вот наш эликсир¹ жизни! Вот твоя мечта! Хочешь ее? Подарить?

— О-го-го! — будто взбешенный зверь зарычал Сабук, колотя себя в грудь.

— Тamarзо, — вновь Тимур встал над грузином, — а знаешь, как ее зовут?.. Хе-хе, это Шадома, дочь князя Атчароя.

— Дочь Атчароя? — в ужасе расширились глаза Тamarзо, он даже встал.

— Да-да, дочь твоего бывшего предводителя... Ты, наверное, желаешь ее?

¹ Эликсир (араб.) — вытяжка из растений.

— О Властелин! — взмолился Сабук. — Подари на ночь, век служить тебе буду.

В честь рождения внука — дарю! — вознес Тимур руки к небу. — О-о! Нет, погоди, Сабук... Азнаур Тамарзо, Шадома говорила, что она голубых кавказских кровей. Ты ведь тоже такой. Давай по-мужски. Сразись с этим похотливым вепрем... Да ты не бойся, он только с виду богатырь, а так — труха, старик, в деды тебе пойдет.

— Терпи, молчи, Тамарзо, — на грузинском завопил Молла Несарт. — Это подвох, а она уже не та дочь Атчароя.

— Что он сказал? — обратился Тимур к переводчику и, не дожидаясь ответа: — Да он шут, а ты, Тамарзо, вольный человек, — и ускорил процесс: — Сабук, ты готов сразиться за красавицу?

— Да-ах! — перешагивая через стол, бросился к центру зала вооруженный.

— А ты, Тамарзо, гордый сын Кавказа, готов отстаивать честь своей горянки?

В начавшейся суматохе Молла Несарт уже был рядом с землекопами.

— Тамарзо, сын мой, — умолял он, — не поддавайся на подстрекательство. Этот варвар все подстроил.

— Не полнуйся, отец, — внешне спокоен Тамарзо. — Я этого увидал. Потому мало пил... Силы есть, я трезв, уж с этим чурбачом как-нибудь справлюсь.

— Берегись, что-то здесь не то, что-то не так, — почти плакал Несарт.

Все повалили на улицу.

— Драться на конях, оружие — любое, — ставил условие Полаитель. — Кто на коленях попросит пощады — останется в живых.

Для освещения зрелища повсюду огни факелов. Дует ночной ветер, идет мокрый снег, под ногами слякоть. В дальней стороне снаряжают Сабука, там много людей. Около Тамарзо лишь несчастные Малцаг и Молла Несарт, оба в слезах.

— Что вы меня оплакиваете? — крепится Тамарзо и, видя, что лица совсем упали духом: — Малцаг, утри и больше никогда в жизни не показывай врагу наши слезы... Если что, — он не заговорил.

— Отомщу, — процедил Малцаг.

— Наконец подвели коня Тamarзо. Тут же, уже верхом, появился Тимур.

— Славный у тебя жеребец, — любезен он. — Девочку забережь, коня мне уступишь? — и, не ожидая ответа: — Ты его не убивай, так, вываляй в грязи малость. Хе-хе, потешимся немного, и опять гулять!

— Тamarзо, брат, — словно нож в сердце, страдающе прошептал Малцаг на нахском. — С конем что-то не то, смотри, пена у рта.

— Родной конь — полпобеды. Отойдите все... Начинайте, — дал Повелитель команду.

Свесив наперед копыя, всадники ринулись навстречу друг другу и уже должны были сойтись в центре, как вдруг конь Тamarзо споткнулся, захрипел, как-то странно дернул головой, рухнул кувырком. Тamarзо изловчился, вскочил. Потеряв при падении не только легкий щит, но и копые, он уже доставал меч, но удар копыя противника все же опрокинул его. Он вновь попытался встать, но не успел отразить новый удар. Пытаясь подняться, Тamarзо уперся головой в землю, да так и застыл.

— Тamarзо, брат! — душераздирающий крик Малцага, он рванулся вперед, его схватили, скрутили.

Никто не двинулся с места, лишь Тимур поскакал к центру поляны, спешился.

— Хм, а говорили, голубая кровь, — он ткнул ногой изрубленное предплечье, откуда в такт сердцу бил фонтан. Тamarзо распластался на грязном снегу, запрокинув голову. — Ну, что? — склонился над ним Повелитель, — без руки поживешь, азнаур? — и, видя, как изо рта пошла кровь, сделал привычный знак Сабуку.

* * *

Еще двое суток продолжался этот пир — дикая оргия. Тимур занемог, но некогда — под его пятой империя, масса дел, с чего начать — не знает. Как спасение, требует в первую очередь зачитать письмо Саида Бараки из Самарканда. И будто знал духовный наставник, следующее написал:

Знай, о Великий Эмир, что бременная жизнь и то, что накоплено бедными в миру из порочного ради наслаждения и удовольствия и будет предъявлено им на том свете, как это бывает с человеком, который переел жирной и сладкой пищи до такой степени, что его пищеварение расстроилось, и заболел желудок. Потому он осознавал всю глубину своего позора по боли в желудке и неприятному запаху, исходящему из него, а также по большому количеству испражнений, и раскаялся после того, как пропал наслаждение, и остался один лишь стыд... Чем больше человек предается земной жизнью, тем мучительнее будет его наказание. И этим же он будет наказан во время отнятия его души и выноса ее из тела, потому что каждый, у кого было много богатств — золота, серебра, рабов, рабынь — его мучения во время ухода души будут тяжелее, чем у того, кто не имел ничего, кроме малого. И воистину то, что мучение и наказание не проходит после смерти, а, наоборот, увеличиваются, потому что прилепленность людей к земной жизни — свойство сердца, а сердце само по себе не умирает».

— О о! — лежа на диване, стонал Тимур.

У него болит сердце, нестерпимо ноет все тело. Он кается, его мучает стыд. Пора бы самому задуматься о душе, пора грехи осмыслить, да некогда. Надо решать государственные дела, а он не в состоянии думать. Но такое с Повелителем не в первый раз.

Шахматы! — вот что мысли его в порядок приво-
дит. — И этого строптивца Моллу Несарта сюда.

Брошен в зиндан, — ответ визиря.

Кто посмел, моего святошу?!

Твой указ, тебе перечил.

Хм, — этого Повелитель совсем не помнит и своих решений не меняет. Но тут особый случай: другого такого соперника нет. — Срочно Моллу ко мне.

В сырой и вонючей яме, под открытым небом, снегом и дождем за пару сугок старый Молла совсем зачах. Да лекари Тимура свели свое дело: Моллу скорым образом отмыли, возбуждающим дурманом пропарили, каким-то зельем напоили, приодели, высталили пред Повелителем, и теперь, хмельной, он пуше прежнего осмелел, ставит свои условия:

— Выиграю — пощади, отпусти юнца — Малцага.

— Бери голову, захорони. У-хо-ди! — на нахском закричал Молла.

В страхе, отворачивая лицо, Малцаг снял голову, трепетно держа ее в руках, направился к реке. Вдруг повернулся, что-то на родном, сквозь рыдания, произнес.

— Что он сказал? — спросил Тимур у Моллы.

Несарт молчал, но после настоятельного требования ответил.

— Обещал, что и твоя башка будет так же в снегах стоять вечно.

— Гм, — совсем сузились губы Повелителя, — ну и неблагодарные же вы все, гады, кавказцы. А чьи головы полетят, вскоре увидишь. Сегодня я устал — такую комбинацию прокрутил, заслужил покой.

Но покоя не получилось. Тимур у опять приснился ужасный сон: вновь среди ночи стан в огнях, вновь подняли придворных мудрецов, ясновидящих и шейхов, вновь Повелитель их гонит, называя тупицами и льстецами. Призвал Моллу Несарта.

— О-о! — обеими руками Тимур сжимает полысевшую голову. — Было страшно... Объясни, Молла, что есть сон, что есть смерть?

— Сон — легкая смерть, а смерть — глубокий сон, — бесстрастен голос Несарта.

— О-о! — глубоко и скорбно вздохнул Повелитель. — Молла, я знаю, ты не лстец, как думаешь, когда покину этот бренный мир, где будет мое место, в раю или в аду?

— Хм... Ты погубил столько невинных людей, что, думаю, рай их душами уже переполнен. Наверное, для тебя места там не осталось. Но ты, Повелитель, не огорчайся, водрузишь себе трон на самом почетном месте... в преисподней.

— О-о! Издеваешься! — Тимур от боли жалок. — Неужели рай так мал?!

— Рай не мал, просто бедных и несчастных на земле гораздо больше, чем богатых и могущественных.

— Хватит болтать!.. Сон растолкуй.

— Повелитель, я не Харут и Марут¹, но ты сон расскажи.

¹ Харут и Марут — великие маги и колдуны, упомянутые в Коране. Аллах покарал их за то, что они были колдунами, обманывали людей.

— О! Не впервой, не впервой я этот страшный сон вижу..
Восточный север в снегах лют, а я на постаменте. Народ тамош-
ний мной лобуется, с трепетом прикасается, порой гладит по го-
лове, а я издаю, покоя прошу.

Ну, ты ведь на постаменте, — съязвил Несарт.

Молчи! В зиндан, сгноить! Моллу Несарта схватили, пота-
щили, а он изо всех сил кричит:

— Зато ты не сгниешь! И по жизни везет, видишь... вешие
сны. Поверван!

На отвесно-высоком правом берегу реки, там, где быстрая горная Мартанка впадает в мутную Сунжу, раскинулся большой светлым камнем вымощенный, древний город Магас — столица страны Сим-Сим и всей кавказской Алании.

Многоликий и многоголосый Магас пережил не один период расцвета и упадка. Захватчики-варвары то с севера, то с юга и раз зарились на его закрома — закрома не хилые, обильные. Всем Бог этому краю дал почти все: климат мягкий, умеренный; почвы тучные, гумусные — обильный чернозем, так что жир земли черной лавой сам собой в изобилии из-под трещин вытекает, огонь поднесешь — никогда не потушишь... И к этому природному изобилию такой же многоязычный трудолюбивый местный народ, кто кавказцами зовется. Правда, не все так гладко, ибо, как явствует след Пера иностранных историков-современников: «в Алании сколько диалектов, столько и местечек, сколько местечек, столько и местных князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянно война и распри князя с князем, местечка с местечком».

Однако в последнее время аланские князья перед лицом внешней агрессии пытаются объединиться. Чувствуется, что время наступает очень тяжелое. И мало, что почти вся Алания, за исключением горных районов, находится под игмом монголов Золотой Орды; так с ними, вроде, уже сжились, откупаются по сильному образцу, обычно натурой поставляя в Сарай дань. А тут новая угроза, уже с юга: Грузия, Армения и Азербайджан вновь покорены, жестокий тиран — хромой Тимур — рвется на северные просторы, к солнечной Алании и Золотой Орде.

А в самом Магасе только и говорят, что, разорив Грузию, войско Тимура уже дошли до верховьев Терека и с помощью подкупленных предателей-проводников добрались до Дарьяльского ущелья. Хроника того времени гласит: «Прибыло войск Тимура столько, что не могли вместить теснины ущелья, спешились. И спустились им навстречу горцы и стали метать стрелы, затем обнажили сабли. И не могло напасть одновременно все войско, и повернули передовые воины Тимура, ибо убиты были многие из них. И ушло все войско».

Это лишь сухие строки придворного историка Тимура. И хотя в них почти что все правда, в самом Магасе об этом бое слух иной шел. И может, преувеличений и не мало, но суть легенды, дошедшей до нас, такова. Некто Малцаг, дерзкий, смелый молодой человек, по воле судьбы уже побывавший в лапах самого коварного Тимура, потеряв от его коварства друга-побратима, поклялся отомстить Хромцу. Собрал вокруг себя немногочисленную, но боеспособную дружину и всякими способами начал нападать на воинов-захватчиков. В одну из зимних ночей Малцаг смог внезапно разбить многочисленную охрану Тимура и даже ворвался в его личный шатер. Но не судьба — Повелителя мира там не оказалось, потому что он в это время находился в завоеванном Тбилиси и, наверное, поэтому лагерь не так тщательно охранялся.

Словом, как утверждали кавказцы, хромому Тимуру в очередной раз просто повезло, а Малцаг, разгромив стан самого Повелителя, заимел доблестное имя и славу, а вместе с этим богатую добычу и заложников. Среди них оказались старец Молла Несарт, который был почти что при смерти, и сказочно-красивая гурия по имени Шадома, которую бравый Малцаг присвоил лично себе, нарекая то ли принцессой, то ли спутницей. В общем, не жена, не наложница, а, как часто в мифах бывает, романтическая любовь под солнцем побеждает. Да, это в мифах, а земной жизни конца нет, как и счастья, в круговороте времени все возвращается... А историческая реальность такова, что не мог какой-то «мальчишка», как его называли Тимур, с полутысячной конницей отчаянных горцев противостоять двухсоттысячной армии Повелителя. И если бы не горы в часа, давно бы Малцага изловили, а пока идет его поиск, предостерегают по пятам, и он достойно противостоит.

И может, правда, а может, нет, да говорят, где-то в Алашанской долине на рассвете сошлись лоб в лоб отряд Малцага и небольшой разведывательный отряд Тимура. И выхватил юный, соколиный глаз Малцага в рядах врага кряжистого полководца Сабука, рукой которого и был обезглавлен азнаур Тамарзо.

Закричал во весь свой созревающий, высокий голос Малцого эхо гор разнесло его клич — звал он теперь на честный поединок, один на один, закаленного воина Сабука.

Тюрко-монголы совсем не трусы, и это в традициях времени, чтобы сильнейшие бохатуры¹ перед боем сошлись, померились силами, воодушевили бы своих воинов.

Друг детства и ровесник Тимура, закаленный в боях Сабук, без колебаний вызвался на поединок, тем более что у него личный счет к Малцагу. Его любимую красавицу Шадому Тимуру, вопреки просьбам, подарил Османскому-султану Баязиду Молниеносному. А Сабук тайком, за большие деньги, выкупил воеделенную обольстительницу у султановых послов, отослав в Анкару другую наложницу. Тимуру об этом доложили. Сабуку он пригрозил, а Шадому с удовольствием вернул в свой гарем. И от туда, вроде бы никому не доступного места, ее увели. И вновь Сабуку представилась возможность ее отвоевать, сразившись с «мальчишкой» Малцагом. Однако командир передового отряда не он, а рослый, смелый Мухаммед-Султан. О грезях Сабука Мухаммед-Султан не ведает, а посылать на поединок старика тоже опасно. Сам Мухаммед-Султан вызывается на поединок, тем более что лично хочет к ногам Великого деда башку «мальчишки-босяка» швырнуть.

В каменистой пойме реки стали воинские дружины друг против друга. Хоть и зима, а день в Закавказском предгорье теплый, солнечный. Многочисленные и изощренные в боях воины Тимура заняли более благоприятные позиции. Горцы, как всегда, понадеялись на свою удаль и лихачество.

Вот выехали на середину два молодых воина, застыли на мгновение, сверля друг друга ненавидящим взглядом, и, словно по команде, одновременно ринулись навстречу друг другу.

¹ Бохатур (тюрк.) — богатырь.

Из под копыт резвых коней полетели камни, заскрежетали копыта и шишты. Когда обломались копья, отважные воины спешили бросить и блестящие сабли в солнечных лучах. Как гласит народная мудрость, какой бы ни был сильный петух, не одолеет он петуха в чужом курятнике... Под неистовым натиском Малцага не выстоял кирпичный Мухаммед-Султан, меч обронил, на колени пал, в предсмертном ужасе закрыл голову руками.

А разъяренный Малцаг, предвкушая упоение мезтью, двумя руками вознес высоко меч и крикнул:

— За брата Тamarзо! — И в тот же миг просвистели в воздухе стрелы, потащили Малцага к тюркским рядам.

Ринулись на выручку предводителя горцы. Завязался жестокий бой. И тут подоспел к полю боя сам Тимур с несметным полчищем.

Многие кавказцы полегли, многих захватили в плен, мало кому удалось спастись в горах. А любимый внук Мухаммед-Султан бросил к ногам деда живого Малцага. Пред такой удачей Повелитель мира спешился, пнул поверженного горца и грозно произнес:

— Куда дел старика, Молду Несарта?

— А Шадома где? — не сдержался полководец Сабул.

Где правда, а где вымысел, даже Перо не ведает, да народное предание гласит, будто из-под земли вдруг, откуда ни возьмись, на ближайшей опушке появился Молла Несарт, закричав, махнул рукой, двинулся прямо к Тимур.

— Хвала Повелителю, — почтительно склонился Молла. — Долгих лет здравствовать!

— Ты как всегда вовремя, — сухо отвечал ему Тимур. — Казнь преступного — блаженное зрелище.

— О Повелитель, — развел руками Несарт. — зачем тебе эта казнь?

— Он — враг.

— Нет, не враг, а противник... И подумай, о Властелин, если ты сегоднешь истребишь таких юнцов, с кем ты будешь воевать лет через тридцать.

— И тогда я буду воевать? — смягчился голос Тимура.

— Ты вечен! — постановил Несарт и вкрадчивым голосом: — Лучше сразимся в шахматы.

— Ух! — издал Тимур, — истосковался... нет соперника.

— На него, — указал старик на Малцага.

— Стол сюда! — сумасшедший азарт игры с достойным соперником уже давно довлел над Тимуром.

Результат игры очевиден, ибо вновь в горах Кавказа объявился Малцаг, его образ теперь стал героико-мифическим, и он опять сколотил вокруг себя боеспособную рать. Не в открытом бою, а неожиданными выпадами снова затерзал он войска Тимура. Главную ставку обосновал в самом Дарьяльском ущелье, так что этот путь для войск Тимура стал непроходимым. И тогда Великий эмир обратился к излюбленным ухищрениям.

Вокруг Малцага люди отчаянные, да по языку, нравам и обычаям — разношерстные. А, как известно, у Тимура богатств не счесть, значит, везде свои агенты есть. Подкупил он, кого смог, из ближайшего окружения Малцага. А сам Малцаг то ли поджигатель в жестокости, то ли вконец разнузданся: захватил он богатый гостиный двор, что стоял на высокогорном перевале торгового пути, и расположился в нем. А этот дом, как строили тогда в горах, небольшой, с толстыми каменными стенами, одна дверь, что накрепко изнутри закрывается, и со всех сторон по утку окну, словно бойницы.

И вот в одну зимнюю темную ночь, когда в высокогорье разгулялась свирепая пурга, так, что ничего не видно и не слышно, убаженный прелестями красавицы Шадомы, под вой стихии молодой богатырь спал мертвецким сном и не слышал, как снаружи кто-то осторожно подпирает дверь. Вот последнее усилие — и они вломятся. А в это время Шадома не спит, о своей горестной судьбе думает.

Молодой Малцаг с первого взгляда был очарован наложницей Тимура, и когда проник в стан врага, первым делом бросился ее искать. После освобождения Шадома еще несколько дней пребывала в опьяняющем дурмане, почти беспамятстве, а когда очнулась, горько зарыдала и стала умолять Малцага отвести ее в родной дом. Как это ни было опасно, а Малцаг решил спасти свою девушку, повез ее в самое сердце захваченной Грузии. Замка Шадомы, ее родительского очага, уже нет — одни руины. И близких никого нет, а те, что остались, с презре-

она отговаривалась, потому что слух до них дошел: она — желанная и вожделенная хромого Тимура, и уже не княжна, а рабыня.

— Глупо, плаксиво зарыдала Шадома, упала на колени, склонив голову, но та земля, по которой отец ее носил на руках, где она, как обычно танцевая, заплетала ей толстые косы, где братья ее целовали и целовали, теперь была сырой, холодной, чужой. И впервые она позволила, что ее не убили. А может, самой на себя руки подняла? Тогда в ад попадет и в загробной жизни родных не увидит. Так что же делать? Как же дальше жить? Неужто она действительно отныне рабыня?.. И в это время сильные спасительные руки вторжили ее от отторгающей земли, и жаркий, с гордым акцентом голос Малцага над ухом:

Иду, навечно мосй, царицей!

Шадома — не царица, а условия далеки от гаремных, по-горному (горному) всегда на коне, в походе, и она уже сама участвовала в бою и так привязалась к этому бесшабашному, дерзкому, почти что демоническому молодому человеку, что теперь и жизни без него не представляет, а тут, сквозь вой пурги в диких горах, его то в дверь среди ночи пробирается.

Разгормошила Шадома богатыря, и пока он, обнажив кинжал, спрашивал, что случилось, она, как свирепая кошка, с криком приблизилась навстречу вломившемуся предателю. И пока в дверном проеме завязалась какая-то кутерьма, не раз битый Малцаг воспользовался ходом, о котором он уже думал. Подпрыгнув, он ухватился за деревянную балку и, подтягиваясь, ногтями выбил каменистый настил крыши. Вряд ли в этот момент он думал о своей царице. Правда, сторону побезопасней и со стороны он точно высматривал и резво бросился кубарем вниз. Через несколько дней Малцаг объявился на другой, северной стороне Кавказа, в стольном городе Магасе. Никто даже не подозревал, что удалой Малцаг — под которым конь лихой, оружие сверкает да золотом блестит, а одежда хоть и куцеватая на его тонких плечах, все равно роскошная — всего неделю назад, когда он на произвол судьбы любимую Шадому, бежал от своих же наемников-предателей.

— И теперь рядом с ним всего десятка два ратников, но вид — дикий, обросшие горцы-головорезы, так что их в ворота города не хотели впускать. Да имя Малцаг на Кавка-

зе уже гремит, с самим Тимуром, и не раз, встречался, оружие скрестил и даже, пусть в эпизоде, да одолел. Сам правитель Магаса и страны Сим-Сим Гайрах посчитал за честь молодого воина, закавказского соплеменника, как почетного гостя принять.

Малцаг еще молод, но, всюду сопровождая азнаура Тамарто, уже побывал во многих странах и городах. Конечно же, Магас — не Константинополь, но Тбилиси, Карсу, а тем более Мцхете, он мало чем уступает. Малцаг представлял совсем иное: он помнил рассказ деда о том, как прадед еще полтора столетия назад откликнулся на зов северных соплеменников и со своей дружиной направился защищать земляков от монгольских завоевателей.

Это случилось зимой 1238—1239 годов, когда внуки Чингисхана: Гаяк-хан, Менгу-хан, Кадан и правнук Бури со своими несметными туменами окружили хорошо укрепленную столицу Алании — город Магас. Город долго не могли взять. Не помогали и стенобитные орудия. После долгой осады, продолжавшейся более трех месяцев, столица с помощью переметнувшихся на сторону пришельцев некоторых аланских феодалов (в частности, некоего Матарши), была взята и полностью разрушена. (О том, какое значение имел этот город для завоевателей, говорит хотя бы тот факт, что из всех намеченных для покорения и разрушения городов Восточной Европы и Кавказа в китайской и монгольской хрониках упомянуты лишь Киев и Магас.)

Теперь же, по мнению Малцага, Магас должен был представлять собой жалкий городишко. Однако к концу XIV века город неузнаваемо изменился. В архитектуре и культуре здесь чувствовалось влияние православной Византии, отжившей свой век Хазарии, мусульманского Востока и даже далекого Китая. В самом центре — православная церковь, рядом золоченые купола мечети с парящими в небе минаретами. Отстроены синагога и буддийский храм.

Магас занимал исключительно выгодное стратегическое положение: контролировал проход между Каспийским и Черным морями. Он служил неким постом между Европой и Азией. Располагаясь на плодороднейших землях в живописных предгорьях

Магаса, Магасе привлекал к себе многих людей и был средоточием богатства и роскоши.

Анализ по золотоордынской исторической хронике подымает население в Магасе было около шести тысяч семей, три пятых из них — местные кавказцы. Однако многонациональность была главной отличительной чертой города. Кроме кавказцев здесь проживали турки, персы, монголы, евреи, армяне, цыгане, а также в особом квартале венецианцы и генуэзцы, которые процветали на торговлей, в основном, людьми...

Как почетного гостя Малцага пригласили во дворец правителя. Так дворец, или как его называли на хазарский манер *дворец*, находился вдали от центра. За его высокими каменными стенами располагались главные учреждения, суды и канцелярии семьи правителя. Внутреннее пространство дворцового комплекса делилось на несколько секций с воротами и стражей при каждой. В каждой секции несколько одноэтажных зданий, меж которых уютный дворик, сад и даже фонтан. Здесь же площадь собраний, где проводятся не только правительские и военные торжества, но и спортивные соревнования, а также казни преступников.

На территории дворцового комплекса располагались общественные школы, больницы, библиотеки, бани, казармы, госпитали и в основном деревянные, реже каменные жилые дома. Тут же огромный базар, торговые лавки, ремесленные мастерские, конюшни, столовые; и, что удивительно, если, скажем, в городах Грузии имелись угольные склады, то в Магасе наряду с углем применяется жидкое топливо — местная нефть.

Территория Магаса обширна, с севера и запада естественный рубеж — русла рек, с юга и востока город защищает высокая каменная стена и ров. За последнее время население увеличилось так, что и за городской стеной образовались пригородные поселения. Здесь же ипподром, скотный рынок, ткацкие, кожевенные и другие прикладные мастерские. А еще то, чего Малцаг в закавказских городах не видел — огромные крытые помещения, где хранится зерно для продажи.

Владельцы — люди оседлые, живут, в основном, за счет своего труда, на чужое не зарятся и свое берегут, а чтобы свое сбе-

речь, надобно иметь воинов и оружие, для чего в местных горах добывают руду, есть и оружейные мастерские. Но что более всего поразило Малцага, так это то, что окна почти всех значимых сооружений застеклены. Когда-то вместе с завоевателями, монголами, сюда явились китайцы. Они-то и нашли сырье для производства стекла. Применяв свою технологию, стали изготавливать не только лазурное стекло, но и цветную керамику, наладили обжиг кирпича. Благодаря этому градостроительство процветает.

Местный правитель Гайрах уже в годах, но с виду крепкий, широкогрудый. Он — человек решительный, богатый, влиятельный, и лишь формально признает вассальную зависимость от Золотой Орды, правда, платит дань в Сарай. В соседних областях, где наряду с местными князьями, монгольскими ставленниками, управляют и следят за всем наместники Орды, гнет гораздо сильнее.

Для Магаса эти времена остались позади. Годы правления Гайраха и его отца — оккупантов-наместников в Алании нет, с ордынцами кое-как сжились, страна оживает, набирает силу, и тут другая напасть. В Азии появился новый деспот-завоеватель, какой-то хромец Тимур, он уже полмира покорил, многие народы истребил, сейчас — под самым боком, в Грузии, только горы Кавказа его от Алании отделяют. Это несметные полчища кочевников — более трехсот тысяч, и все — варвары-головорезы, о которых все говорят со страхом. Вот почему появление Малцага в Магасе стало столь желанным. Гайрах устроил в честь молодого человека прием.

Хотя Малцаг и гость, даже почетный, да, как по-кавказски положено, три дня и три ночи его потчевать не стали, слишком молод и не ко времени: враг у ворот — надобно срочно собирать силы, чтобы противостоять врагу.

По зову Гайраха в Магас прибыл Баракан — хозяин страны Буриберди, что располагалась в верховьях реки Кубань. Из городов Нижний и Верхний Джулат, расположенных соответственно у Пятигорска и реки Черек, прибыл предводитель Пулад.

Из западных областей Северного Кавказа, где проживали адыгейские племена, никто не появился. Во-первых, из-за того, что там после монгольско-тюркского нашествия начались меж-

и отчаянной распри. А во-вторых, что не менее важно, от потомков великого аяата, могущественного султана Египта и Сирии, покровителя султанов; с Аланией, тем более с Золотой Ордой и ханом Казикухумским, отношения не поддерживать, дань последнему не платить, ибо вскоре прибудет избавитель в лице истинно верующего Тимура.

Из стран Гор, что на востоке Северного Кавказа, где расположено было шамхальство Казикухумское, нуцальство Аварское, уц-дальство Кайтагское, майсумство Табасарское, эмират Дербентский и султанат Цахурский, тоже никого не было, и, как свидетельствовали хроника того периода, «зеркало согласия между народами там разбито было... И это разногласие было такого рода, что не обещало ничего хорошего и не давало надежды на со-единение».

В такой ситуации правители земель Алании остались одни. Было ясно, что столь многочисленной армии хромого Тимура они не смогут противостоять. Только Тохтамыш может противостоять завоевателю.

Для завоевателей что Тимур, что Тохтамыш — все одно — завоеватель, тюрко-монголы, кочевники-дикари. Однако и здесь нужна особая тактика, ведь Тохтамыш, хоть и потомок великого завоевателя, но Тимуром уже побит, и со стороны теперь видна слабость и даже трусоватость в его высказываниях, в словах и действиях. Теперь всем известно, что Едигей вместе с Тимуром перехитрил его и, тем не менее, Тохтамыш не посмел ни убить, ни казнить, но даже сместить брата Едигея с поста главного командующего армией.

И в это время сами ордынцы, хоть и завоеватели издалека, для обеспечения совместной жизни уже во многом ассимилировались с местными, пережили, стали оседлыми, переняли их культуру, традиции, язык. В общем, с порядками ордынцев и в этом смысле кавказцы уже сжились и, как говорится, из двух зла выбирают меньшее: правители Алании решили поддержать Тохтамыша. И как раз в это время из Золотой Орды прибыли повеления о всеобщей мобилизации, и не так как ранее, в зовущем молодых мужчин — один воин, а, по законам особого ополчения, с десяти мужчин — три воина, и не просто так, а при

полном вооружении, будет смотр: должен быть бравый конь, снаряжение, обмундирование. При отсутствии этих доспехов новобранец попадает в пехоту — это авангардный заградительный отряд, который первым идет в бой в качестве тарана и который первым принимает на себя всю мощь удара быстрой и тяжелой кавалерии неприятеля. Обычно в пехоту попадали выходцы из самых бедных семей. Некоторые семьи, желая хоть как-то обезопасить своих сыновей, шли на крайнее, но не редкое в те времена — продавали в рабство своих младших детей, чтобы купить коня и оружие новобранцу.

В Алании легальной работоторговли нет, а на черном плато мало. Поэтому через посредников вывозят собственных детей на запад, в земли адыгов, или еще лучше, в один из черноморских портов. Там этот процесс налажен и считается чуть ли не нормой. Здесь мальчик, если он крепкий и здоровый, приравнивается по цене к заезженному коню. Он будет заниматься самым тяжелым трудом, и если выживет, с возрастом может получить или выкупить свободу, а может, и воином станет.

Возвращаясь к нашему повествованию, точнее, вновь в город Магас, отметим, что юный герой Малцаг во время призыва вдруг исчез вместе со своей обросшей дружиной, через некоторое время объявился, и не просто так, а пригнал откуда-то рему¹ коней, роздал бедным новобранцам, стал еще большим кумиром. На этой волне, казалось бы, всеобщей популярности он ринулся к местной красавице Седе², прося ее стать пожизненной звездой. Она, быть может, и согласилась бы, да отец ее человек в Магасе известный, богатый, смелых наверняка ценит, но дерзких воров-конокрадов, — нет. К своему удивлению, получил Малцаг родительский отказ. Тогда он обратился к самому правителю Гайраку, чтобы тот его сватом стал. И на сей раз почему-то отказ. Тогда решил Малцаг, как это принято у кавказцев, умыкнуть красавицу. Чуть ли не открыто стал по кругу богатого двора Седа со своей дружиной гарцевать. Да тут-то было, выскочили братья девушки, чудом Малцаг ноги унес.

¹ Рема (чеч.) — табун.

² Седа (чеч.) — звезда.

Правда, вскоре пошатнувшаяся было репутация Малцага в Манассе снова стала процветать, ходило множество слухов, в том числе одна девушка Седа считала, что знает правду. Втайне, через прислугу, она получила от Малцага письменное послание на родном языке, где алфавит грузинский, в котором влюбленный сообщает, что был принят самим Тохтамышем, назначен командиром разведотряда, где сплошь земляки...

И теперь, во главе огромной армии, он направляется в сторону степности Дербент, миновав которую, попадет в Грузию, и там осуществится его клятва-желание — срубит он башку ненавистному врагу кромцу по имени Тимур...

* * *

— Вот что значит святой человек! Вот что значит любимец Алла! — радостно кричал Великий эмир. — Видите, вместе с этим светом к нам явилось солнце и тепло!

Середина зимы. В последние две недели в Закавказье стояла зима, промозглая погода. С Каспийского моря и из далекой Сибири доходил до субтропиков свирепый, пронизывающий ветер. От этой погоды у Тимура ныли больные суставы, он почти не мог ходить, все лежал, ноя, в своем шатре, никого не принимал. А тут весть от духовного наставника из Самарканда. Настроение Повелителя улучшилось.

‘Читайте, читайте, — скомандовал Тимур. — Где этот писец Арабшах?’

«*Повелитель Мира! — писал Саид Бараки. — Справедливость повелителя в течение одного дня лучше, чем поклонение Всевышнему в течение семидесяти лет... Ты — как исток реки, а остальные наставники — как ручьи. И если источник чист, ему не мешает муть ручьев, но если он сам будет мутным, тогда ему не поможет их чистота... Сам береги веру в Бога и борись за распространение веры.*»

Ибн Арабшах (прибл. 1379–1450) — сирийский историк, умер в Каппадокии. В ранности был невольником-писцом при свите Тимура. Написал панегирическое влюбой произведение о своем повелителе «Странности Египта в приключениях Тимура».

— Да-да, борюсь! Еще как борюсь! — взбодрился Тимур. Этому Туме... Тьфу ты, моему нареченному сыну Мухаммеду пошлите еще денег и поддержку.

Это реакция на еще одно сообщение, правда, пришедшее с севера. Оказывается, незаконный сын Гайраха оказался способным малым. На востоке Алании и в Дагестане он поднял такие антиордынские настроения, что Тимура там уже ждут, чувствуют ли не как спасителя.

Вдобавок к этому Тимур вроде бы преуспел и на дипломатическом поприще. Дабы выиграть время и усыпить бдительность Тохтамыша, он, под предлогом заключения мира, с большими дарами направил опытного посла Алмалыка, который был племянником жены хана Золотой Орды. Красноречивому послу удалось достичь поставленной цели: Тохтамыш был крайне доволен и тоже послал дары Великому эмиру.

К этому времени из Ирана и Самарканда прибыли резервные войска, и Тимур уже готовился провести предподходный смотр войск, как разведка донесла, что Тохтамыш миновал Дербентские ворота, маршем перешел реку Самур в однедневном переходе от стана Повелителя, и появились сведения, что авангардные части ордынцев кое-где вступили в боестолкновение, есть потери.

Говорят, от этого, вроде бы плохого сообщения, лицо Повелителя мира просияло:

— Видит Бог, я желал мира, — произнес он, прочитал молитву и крикнул: — Где этот астролог, старый плут?

Моллу Несарта в тот же момент доставили бы в шатер. Однако Тимур был в приподнятом настроении, и, пользуясь хорошей погодой, он решил прогуляться, посмотреть, как живет Молла, ибо ему доложили, что старик чудит, где-то выкупил какой-то странный прибор, днем и ночью в трубу глядит, какие-то записи и расчеты делает.

На вершине недалекого бугра, у самой реки, там, где снег уже растаял, а прошлогодний бурьян нежным ковром слегся, установил на треноге Молла Несарт какую-то штуковину. То в нее глядит, то еще куда-то, в общем, всецело поглощен своим делом, и даже не заметил, как хромым Тимур подошел, благо, без охраны, по-стариковски поговорить хочет, и сходу упрек:

— А ты, старый обманщик. Чего стоят твои ложные пророчества!

— Ты о чем? — встрепнулся Молла.

— Ты ведь сказал, что Тохтамыш далеко, наступать не посмеет. А он уже рядом.

— Прости, Повелитель. Я ведь не астролог-предсказатель, а простой астроном.

— Зачем наврал?

— Ты настоял.

— Так ты ведь на неделю отпросился, мол, «поднимусь на горы, пока облаков, на созвездие гляну».

— Помилуй, мой Повелитель. Звезды предсказали, что Тохтамыш первым в бой не пойдет. Но что поделать, если он такой великий обманщик. Нет в нем веры, даже созвездие обманул.

— Ах да, и это точно, — стал доволен Тимур. — Только ты-то даже верши, и горы не ходил.

— О Повелитель мира! — развел руками Молла Несарт. — Ты действительно наместник Бога на Земле, потому все видишь... Тимур и в Марате.

— Тебе мало, что твоего учителя-еретика Ширвани там поведали и обжгли, и тебя в пожизненный зиндан кинули?

— Ширвани был не еретик, а великий ученый, — тихо, но твердо вымолвил Молла.

— Так он, говорят, утверждал, что Земля вокруг Солнца вращается, а Луна — вокруг Земли.

— Так оно и есть, — громче голос Несарта.

— Ты это мне, Посланнику Бога, говоришь?!

— Прости, Повелитель, но Бог так создал мир, и, если хочешь, а тебе это докажу с помощью своего прибора.

— Что это такое? — заинтересовался Тимур, ибо новшества людей его всегда интересовали.

— Этот прибор называется «астролябия». Его придумал еще Птолемей.

— Он такой древний?

— Нет, этот по эскизам создал Ширвани, я ему помогал... А после того, как обсерваторию в Марате разрушили, один дальновидный купец присвоил его себе, я на днях выкупил.

— Откуда деньги взял?

— Мне не только с тобой, но и с твоими сыновьями и внуками в шахматы играть приходится.

— Ты хочешь меня разорить?

— Это тебе не грозит; твои отпрыски похлеще тебя.

— Неблагодарный, — процедил Тимур. — Так на что ты потратил мое добро?

— Добро лишь трудом добывается.

— Что ты хочешь сказать?

— Только одно, что ты велик и справедлив.

— Хватить льстить, лучше расскажи об этой железяке.

— С удовольствием, Повелитель, — вежливо поклонился Молла. — Ну, если о земном, то с помощью этого прибора можно определить точное расстояние до той горы, ее высоту, и даже глубину вон того колодца.

— Нужная вещь, — сразу оценил Тимур. — Возьмем ее на вооружение. А ты, как властелин этого замысла, будешь получить жалование, ну, скажем, десять дирхемов в месяц, чтобы моих детей не обирал.

— Благодарю, Повелитель. Сама возможность заниматься астролябией — такое удовольствие, что плата мне не нужна... Позволь лишь по ночам звездным небом любоваться.

— Хе, а кто будет со мной в шахматы играть, и чем там любоваться, они так ничтожны?

— Ничтожна твоя плата, а звездное небо бесконечно, — и пока Тимур хмурил брови, продолжил: — звезды о многом говорят. Особенно о твоём Величии.

— Гм, — кашлянул эмир Тимур, видимо, в очередной раз простил старца.

— А что ж ты даже днем в этот прибор глазеешь?

— А вон, видишь, словно тобой откусанная, бледная Луна над горизонтом зависла?

— Что значит — «мной откусанная»? — начал было гневаться Тимур.

— О Повелитель, — ты в масштабе Вселенной!

— Хм, — вновь подобрело лицо Тимура. — И что творится со Вселенной?

— Много интересного, — когда Молла Несарт с любовью касался своего прибора, то казалось, что он просто молодец, с ним

— Вот расчеты подсказывают — через один солнечный день, ориент, где-то в середине апреля, в этих широтах, точнее в эту северную, возможно, будет солнечное затмение.

— О Великий, — встревожился Тимур. — К чему это предсказание?

— Это не предсказание, а вероятный расчет, — Молла поспешно в свои дела. — И, как мне кажется, в этот же период царь Сидиша усидится... Весна, таяние снегов, реки выйдут из берегов.

— Интересно, очень интересно, — о своем задумался Тимур. — А ну пошли играть в шахматы, — только эта игра позволяла ему систематизировать свои мысли.

Что бы ни писали историки, а Тимур был великий стратег, он еще не раз все выпытывал и испытывал астролябию Моллы Шихра, но в то же время вел свои расчеты, что-то прикидывал в загадочная. И даже когда разведка донесла, что передовые отряды Тохтамыша вплотную подошли и кое-где вступают в битвы с новгородцами, Великий эмир не давал команды вступать в бой. Он все еще хитрил, усыпляя бдительность золотоордынского хана, ведя дипломатические переговоры, обещая помощь — вот-вот он уйдет. А сам собирал свои войска и ждал сигнала из крепости Дербент, где щедро услащенные Тимуром эмиссарами местные князья согласились перейти на его сторону, или, в крайнем случае, можно будет посеять меж ними разлад.

Последнее из-за даров вскоре произошло. И тогда Тимур отдал приказ — последний смотр войск, который он произвел лично в это июня в 25–30 километров. Под ужасающий гром литавр, барабанов, труб и рожков воины его, обнажив мечи в сторону завра, произнесли клятву и издали такой боевой клич: «Ура! Что шкколебались горы, и заколыхалось море».

«По приказанию, войско, двинувшись в совершенном порядке, выстроилось в линию таким образом, что крайний пункт левого крыла находился у горы Эльбрус (Кавказский хребет), а крайний фланг правого крыла — на берегу моря Кулзум (Каспийского). Такого значительного по численности и мощи войска никто не видел со времени Чингисхана» — писали историки.

вспомогательные войска. Узнав, что Тимур в очередной раз перехитрил его, навстречу выдвинулся Тохтамыш-хан. Ему советовали сходу ударить по врагу, утомленному почтенным марш-броском, но хан решил по-своему, вроде стал лагерем на отдых.

Как бы там ни было, а Тохтамыш тоже слыл достойным полководцем. Он тоже даром времени не терял, тоже загодя готовился к поединку. Ровно в полночь, дабы вызвать панику в лагере Тимура, Тохтамыш предпринял ложную атаку. Приблизившись к лагерю, ордынцы ударили в барабаны и литавры, затрубили в рога и стали выкрикивать боевой клич. Как писали современники, «в ту ночь Кундже-Оглан из потомства Джучи-хана, исцарапав лицо верности ногтями вероломства, убежал из лагеря Тимура вместе со своим туменом».

Этот заранее подготовленный Тохтамышем упреждающий коварный трюк не мог не сказаться на моральном духе вроде бы сплоченных войск Тимура. Ведь Кундже-Оглан был не кто иной, как потомственный царевич — Чингисид и к тому же сын покойного хана Кок-Орды Урус-хана, которого восемнадцать лет назад сверг сам Тохтамыш при помощи того же Тимура.

* * *

Солнечное затмение во все времена считалось плохим предзнаменованием. Рассчитывая на него, Тимур заслал в ряды Тохтамыша проповедников-предсказателей, которые в случае затмения должны были посеять панику среди воинов противника. Полагаясь на это, Повелитель поутру первым делом вызвал к себе Моллу Несарта, в мудрости и знаниях которого он теперь не сомневался.

— Ну что, мой ученый муж, — пытается быть вежливым Тимур, — когда же будет обещанное тобой затмение?

— Мой Повелитель, — так же вежлив и покорен Молла, — я уже говорил, то ли память меня подводит, то ли прибор, но я ошибся.

— Что ты несешь, шелудивый пес?! — вскипел Великий эмир. — Ты ж обещал затмение!

К сожалению, я обещал, и затмение есть — это ты, как саранча, со своими варварами затмил жизнь на Кавказе. Однако Тохтамыш милости не послать нам сразу два несчастья.

У-у-у! — злобой исходил Тимур, он готов был растерзать врага, но тут сразу несколько гонцов пали к его ногам — войско Тохтамыша ринулись в атаку, ждет приказа и Тимура.

Повторяясь, отметим, в том-то и было величие Тимура, что он умел в решающий момент брать в узду чувства и волю.

Пошел Повелитель из своего шатра, стоявшего на возвышенности, стал оглядывать свои и вражеские позиции. В армии Тимура в основном монголы, турки, персы, курды, афганцы, насильно вербованные грузины, армяне, азербайджанцы и совсем недавно горцев Кавказа. Ордынское войско состояло из тех же татаро-тюркитов, а также болгар, кипчаков, баш-киридов, жителей Крыма с Кафой и Азаном, а также шестидесяти тысяч русских и около тысяч горцев Кавказа.

Опытным взглядом полководца Тимур оценил, что позиции Тохтамыша более выгодные, ибо он напирал с севера, со стороны просторов степи, а войска Тимура были прижаты к реке, и в случае отступления места для маневра было мало. Однако именно это обстоятельство первого дня спасет армию Тимура от поражения.

Ранним утром гонец доложил Тимуру, что правое крыло войска Тохтамыша пошло в атаку: это изменник Кундже-оглан, занял слабое место в армии Тимура, начал сразу же действовать. Действовать стал и Тимур. Для усиления фланга он послал своего сына Мираншаха. Под натиском ордынцы стали отступать, а потом обратились в бегство, а это, оказалось, излюбленный монгольский маневр — ложное отступление и засада. Сам Мираншах едва спасся, но его тумену был нанесен значительный урон.

Но лучшим образом обстояло дело и на другой стороне. А ведь Тимур всегда любил атаковать прежде всего с флангов. Но при рывке Тохтамыш умело использовал его уроки. Понимая, что ситуация весьма опасная, дабы воодушевить войска, Тимур сам решил двинуться к линии фронта. В сопровождении отборных воинов, под своим знаменем и бой литавр он лично возгла-

вил наступление центра, восседая на породистом кавказском жеребце.

Как известно, передовую оборону центра всегда держала пехота. Это в основном призывники из бедноты, у которых не было коней. Под натиском тяжелой кавалерии они погибали первыми. На сей раз Тимур решил лично командовать атакой в центре.

Было очень жарко и душно. Пот, стекавший из-под золотого шлема Тимура, заливал глаза, а он и без того, по возрасту, далеко не особо видит. Да здесь и видеть нечего, все и так ощущается, все слышно, все он представляет. Под лавиной конских копыт, копий и стрел хрустели переломанные кости, над степью стоял вой, крик, непрекращающийся предсмертный мучительный стон, и запах, ой, как знаком и любим этот запах крови, пота, испражнений. И не понять, где человек, где конь. Все это по-скотски сплелось, месиво — ничего не различить. В возбуждении Тимур кричит:

— Вперед! В атаку! Не жалейте себя, тем более врага! Подумайте о наших женах и детях!.. Вперед! За веру!

Как в тумане Тимур видит, что его передовая конница клином врезалась в центр пехотных рядов. По опыту он знает, что пехота долго не выстоит, будет сломлена, уничтожена, останки панически побегут и на «их плечах» можно все сломить... Но что он видит? Атака завязла, кони в бешенстве ржут, мечутся. Это первые ряды пехоты стали насмерть на коленях, выставили щиты и копыя — «ежик» называется, а из-за них стрелы тучами летят.

Кони хороши в движении, а в тесноте и свалке, когда они не могут развернуться, становятся помехой даже не раненые, они, спотыкаясь, падают, подминая седоков. И что видит Тимур? Его конница не смогла пробить брешь в пехоте, уже и отступить не может. Вражеская пехота пошла флангами в атаку, окружила и буквально на глазах Повелителя просто смела его конницу: ордынские пехотинцы, подминая горы трупов, теперь сами устремились в атаку.

Дрогнув в тот момент Тимур, и сражение было бы проиграно. Но он выстоял и, как дикий барс, ринулся в атаку, поведя за собой свежую конницу. По его опыту, хотя бы на сей раз, пехота

...и не могла уступить, ибо теперь стройного ряда не было. Но, в полновоспитанности, каждый пехотинец сражался насмерть, и никто не сворачивал назад, все рвались в бой. Ведь это были, в основном, воины, и они были на своей земле, защищали свои надель, свои роды и очаги...

И здесь образовалась огромная груда трупов: кровь коней и людей, как один, щедро сливаясь, целыми ручьями, пробивая жесткий грунт, потекла по наклонной в сторону Терека.

В паническом страхе и отчаянии все Тимурово окружение до последнего опешило, стало на колени вокруг полководца. Сам Тимур с коня не слезал, он махал саблей, с азартом рвал в бой, и не было страха в его глазах. Добраться до него противник еще не мог. Стрелы, хоть их теперь и было мало у пехотинцев, изредка долетали и до него, но ни одна не угодила. Вспомогательный полководец, охранники буквально силой стянули его с коня, и в этот самый момент сразу две стрелы сразили его в грудь.

Вокруг Тимура стремительно сжималось. И вскоре ему пришлось со своей саблей не воздух рассекать, а отбиваться. Что же он видит? Один высокий вражеский воин без шлема, в крови и поту, так что лишь по пряди волос видно — он рыжий, а шлем у него нет, в обеих руках по мечу, что ни взмах — косит людей, и прямо рвется к Тимуру, рыча:

Наконец-то ты мой, подлый Хромец!.. Ух-ух! — на выдохе, выкрикнув, срубает охрану Повелителя. — Сейчас я доберусь и до твоей обещанной башки, мерзавец. Будет она вечно в ряду чучел твоих.

Тимур дрогнул — он узнал этого молодого воина.

Беспечный мальчик — Малцаг?! — вскрикнул он.

Да, это я, как и обещал... Куда бежишь, стой! Сразись со мной в честном поединке.

Отмечая этот эпизод, историки рассказывают, что люди Тимура протаскивали арбы, связали их и сделали для предводителя своеобразную защиту. На самом деле все было иначе. Да и как могли арбы появиться на передовой. Это сам хромой Тимур умудрился в страхе добраться до тыловых войск, до берега Терека, а там спрятавшись между арбами... На выручку Повелителю бросился эмир Саид со своими людьми. И их одолел доблестный Малцаг.

— Вылезай из-под арбы! — уже настиг Малцаг Тимура и в этот критический момент на выручку деду подоспел любимый внук Тимура, его надежда — Мухаммед-Султан, а вместе с ним и новое секретное оружие Тимура: огнестрельное, или огненные копья. Малцаг с этим новшеством уже был знаком и не отступил. А вот его воины испугались, дрогнули, бросились бежать. Лишь Малцаг еще яростнее кинулся на командира, испытывавшегося защитить своего деда.

Сверстники, Мухаммед-Султан и Малцаг, уже сходились в бой, и сейчас они скрестили оружие. На сей раз Малцагу не повезло: огненное копьё пробило его кольчугу на спине... Ран на теле Малцага было и так много, весь в крови, но эта его сбивала с ног. Сам Малцаг был для своей пехоты тем же, кем и Тимур для своей армии. После падения Малцага пыл и движущая сила нападавших угасла. Однако пехотинцы-земляки не бросили раненого командира. Зная, что обратно им не уйти — далеко зашли, они с боем пробились к родной реке, а там буйный Терек понес их с собою...

Страшный бой между тем продолжался. Потоки крови и груды тел мешали атакующим. Тимур уже не мог управлять расстроенным войском, армия Тохтамыша напирала со всех сторон, и поражение Тимура было неминуемо. Однако и здесь судьба ему благоволила.

Уже после полудня, а еще более к вечеру в войсках Тохтамыша стала сказываться нехватка воды. Было нестерпимо жарко. Кругом голая степь. И если армия Тимура была прижата к реке и вода ей доставлялась, то у побеждающей было армии Золотой Орды прямого доступа к реке не было. Не противник, а жажда, обессилившая людей и коней, не дала войску Тохтамыша добить Тимура в первый же день сражения. (Этот опыт Великий эмир применит несколько лет спустя во время сражения при Анкаре и с Баязидом Молниеносным.) И хотя первый день, бесспорно, был за ханом Орды, битва не закончилась. Впереди были вечер и часть ночи, когда ошеломленный неудачей Тимур, папавшись, тяжело спал. А задолго до утра он пробудился, вызвал Моллу Несарта играть, значит думать... Все еще впереди!

* * *

Шатр на Тереке — это не тот молодой авантюрист, который вынужден Трансоксиану, стойко переносил все невзгоды и тяготы бескрайних пустынь. Как климат и природа благодатного Кавказа отличаются от суровости песчаных дюн, так и Тимур под старостью избегает роскошь персидских дворцов, уже не хотел терпеть лишние лишения: в спешно оборудованном войлочном шатре нет ни уюта, ни тихих жаркой еды, вина. Нет, в таких условиях играть, наслаждаться, сосредоточиться, он не может. По приказу золотой шахматной стоя переносят на воздух. Лишь маленькое масляное кадило дожигает фигуры. Кругом темно, на левом берегу Терека, на востроге Тимура, ни Тохтамыша — ни единого костра — это непроститель, да и нет нужды: все бойцы, кто уцелел в этой мясорубке, жертвы сняты. Только вокруг станов главнокомандующих слышно гонимое дыхание. Им спать нельзя, вновь предстоит бой не на жизнь, а на смерть, правда, смерть простых воинов.

— С какой ход, Тимур посмотрел на жалкую, сгорбленную тень в шатре Моллы Несарта. Его лица он не видит и даже не представляет ему, как, впрочем, и все другие люди, кроме родных, выглядит лицо. Однако сейчас Тимур почему-то захотел увидеть человеческое лицо этого человека: «Что он сегодня увидел? Как он эту бой оценил? Каково его потрясение от этого сражения?»

— Ну и каково тебе? — сквозь ночную темень хочет Тимур увидеть лицо Моллы.

— Здесь ничего, тихо, — глубокая тоска в голосе Несарта. — Но ты пойдешь в степь, в сторону побоища, там до сих пор слышно человеческие муки.

— Ах, ты не воин, тебе не понять.

— Да мне такое понять?

— Смерть за веру — счастливый удел бойца.

— Что ж ты так прытко бежал, про хромоту забыл, все за твоей притася, чуть ли не в гареме скрылся?!

— Молчи! — взревел Тимур, эту сгорбленную тень он почему-то не посмел ударить, зато с яростью опрокинул шахматный стол. И что греха таить, ранее он любил лицеизреть поле своей победы — поле своей победы, ощущая под стоны людей и коней свою силу, мощь и избранность.

Сегодня этого не было, и он ни шагу не посмел сделать в сторону степи, наоборот, направился в сторону Терека. Погода холодная, непроглядная, темная, даже река сливается с берегами. И если бы не частый всплеск — вверх на нерест осетр идет, звуки лягушек по заводям и веяние прохлады, не понять, что рядом река. А за ней, там, где позади остались снежные горы, совсем мрак. И вот одна, вторая и еще вспышка — там по вершинам катится гроза, и оттуда веяние садов, откуда-то доносится ранний крик петуха. И пусть его голос одинок, но он есть, он живой. А ведь по тому селу его армия прошла, значит, разорила. Видно, не до конца. Видно, и он где-то слабинку дал, что-то не рассчитал, на что-то, более чем надо, не понадеялся. Его думы прервал хлесткий всплеск. Понимает он, что это большая белуга в прибрежных водах икру мечет. Но Тимуру тревожно: может, это солнечный человек, Малцаг. Ведь он тоже в реке скрылся.

С ним редко случалось, но сейчас в его сердце закрался страх, даже защемило в груди. Он хотел бежать, бежать из этого благодатного края, где такие сердечные, светлые люди, в свой пыльно-песчаный, покорный Самарканд. И он уже пытался от реки с не твердым, но таким предубеждением, как крупная капля, а потом отголоски предгорной грозы достигли и этого берега Терека... Гроза — это его стихия. Эти далекие молнии, этот глухой, очень далекий раскат словно зарядили его, взбудрили:

— Нет! Не отступлю! — и это не о позициях в данном бою, это о жизненной позиции. — Только вперед! Только в этом мое величие и предназначение... А то, что тысячи гибнут, так и белуга икру снесет, сама зачастую подыхает. Такова жизнь! Вперед! А Тохтамыш — трус, мерзкий трус. Вижу его насквозь. Нужно терпеть и нужно думать... Думай, башка, думай...

Опять расставлены шахматы, вновь перед ним достойный соперник — сгорбленный Молла Несарт, усталый, скорбный. Да это Тимура еще больше воодушевляет. После скорых первых ходов его мысли и желание в нужном тоне, и он призывает к себе Едигея. Молла Несарт был невольным свидетелем их предыдущего торга. Но, видимо, что-то не сработало, где-то не договорились, ибо вид у Едигея совсем неуверенный: грамота была, да ей кто-то, а может, оба не следовали. И вот снова торг, и не

...и слуха Несарта боятся. Отойдя в сторону, ...

— Не бей — мой брат, — в полный голос стал утверждать ...
...и вери данному слову.. Но ты, о Повелитель...

Молли, — напирает на него Тимур, — все изменилось. Они ...
...заговорщики шепчутся, Молла Несарт даже брезгает в их ...
...забыть, тем более подслушивать, и так ясно — идет ...

...Орда — твоя! — наконец в гневном нетерпении ...
...Тимура.

...Тимур не убедил. Был вызван писец. Тимур его торопил ...
...он представил тиму на грамоте, стал буквально выталкивать ...

...Быстрее, быстрее, пока не рассвело, посылай лазутчиков ...

...После этого были вызваны все командиры. По диспозиции ...
...либо дельное Тимур сказать на сей раз не мог, они сами ...
...ситуацией. Он должен был воодушевить их:

— Мои первые бахатуры! От захваченного в Золотой Орде вы ...
...не одну треть, как обычно, а, я обещаю, две трети — ваши!

— Ура-а-а!

— Вы — надежда Бога, веры, мира, наших жен и детей! Мы ...
...Ура!

— Ура-а-а!

...Перед самым рассветом, с ним остались лишь бли- ...
...родственники — сыновья и внуки.

— Если и сегодня проиграю, эти самые бахатуры первым де- ...
...ублажат вас, подтверждая верность и преданность побе- ...
...Вам это ясно?

...Они, склонив головы, молчат.

— Подвиньтесь, что будете верны до конца и беспрекослов- ...
...любой мой приказ.

...Кланемся, — пали на колени, и по старшинству каждый ...
...край его бархатного халата.

Противник ведет перегруппировку сил, — доложила раз- ...
...Тимуру.

...Выше с родными он вышел из шатра. Уже светало. А в сте- ...
...все пришло в движение, вдалеке пыль столбом.

Тохтамыш, может, и трус, но, бесспорно, человек сметливый и, учитывая ошибку предыдущего дня, пытается сегодня подойти поближе к реке. Своими действиями Тимур и мог бы в какой-то мере препятствовать этому. Однако, вопреки просьбам командиров, он на это не пошел и, к удивлению всех, вновь позвал мудрого Моллу Несарта.

— А ну, старик, — бодр голос Повелителя, — с затменным солнцем либо ты, либо твой прибор меня обманули, подвел. Даю тебе еще один шанс выжить.

— О Повелитель, — склонился Молла, — боюсь, вновь ты обманываешься.

— Ты это о чем?

— Шанс выжить, либо нет, не в твоих руках, а Бога.

— Хе-хе, видишь, значит, я ни в чем не виноват — все предписано судьбой.

— И твоей зверской алчностью, — совсем тих голос Моллы.

— Что? — вроде не расслышал Тимур. — Хватит болтать, рассветло. Лучше тащи сюда свой прибор — астролябию... Точно определи, где пойма реки, а где возвышенность.

В это прекрасное теплое весеннее утро, занимаясь по приказу нивелировкой притеречной низменности, даже умудренной жизнью Молла Несарт не смог предугадать военного гения Великого эмира.

Сквозь убеленную дымку туч уже проглядывало высокое апрельское солнце, и бой уже был в разгаре, когда Молла Несарт смог закончить доступные измерения рельефа местности и доложить Тимуру. Задав немало вопросов, Повелитель задумался, прямо на песке заставил Моллу еще раз начертить верхний план и после этого приступил к расстановке своих сил. Молла удивился, когда Тимур вдруг спросил:

— Какова скорость реки?

— А это для чего?

— Хе-хе, в горах была гроза, да еще снег падает, — был чем-то доволен Повелитель, он далеко в тылу.

В тот день бой, не столь упорный, но тоже яростный, на смерть, продолжался. И, как сказали бы военные, сражение носило позиционный характер. Людей полегло немало, но никто и в этот день не взял верх. Тем не менее и на сей раз показались

Тохтамыш Тохтамыша были решительнее, ибо он сумел потеснить врага. Во всяком случае, Тимуру пришлось отступить к вечеру к обширной прибрежной территории, где располагался его стан, и к большому берегу, и можно было удобно подойти к реке.

Из арсенала истинный враг, Тимур спешно отступил, да и свой командный шатер как есть оставил. Именно в этом шатре Тохтамыш подводил с военачальниками итоги прошедшего боя и, осознав, что добрый знак — враг отступил. Однако к полному отбою тревогу: ровная пойма лагеря стала быстро заливать водой. Это хитрый Тимур накануне днем все подготовил. Он собрал тысячи тыловых людей, рабов, пленных и даже женщин и направил их вниз по течению, чтобы они, хотя бы из трупов, сделали плотину через Терек. И река к вечеру стала разбухать. Словом, идея оправдалась: и без того изнуренные войнам Тохтамыша пришлось вместо отдыха и сна, да и ночи менять место расположения.

А в лагере Тохтамыша разыгрались совсем драматические события. По сведениям летописи, военачальник правого крыла золотоордынского хана, некто Актау, потребовал от хана помощи другого военачальника Иса-бека, дабы убить его, как он считал, Иса-бек через связных еженощно общается со ставкой Тимура, и тем его брат Едигей, и доказательств не надо. Второго дня Иса-бек сражается в полсилы, отступает, из-за него не может Кривина одолеть.

На что хан ответил, что его просьба будет уважена после сражения и что сейчас не время для сведения личных счетов.

Нет, мне он нужен сейчас, — стал настаивать Актау, — а когда война, то нет тебе от меня ни послушания, ни повиновения.

Тимур, к чему может привести распря пред началом боя, Тохтамыш стал уговаривать взбунтовавшегося Актау:

Мы находимся в тяжком горе, которое озабочивает нас больше своего желания, и в мрачном положении, которое кручинит нас больше твоей беды, так потерпи и не торопи... Не заставляй же своих братьев искать убежища на обрыве...

Все угрозы и угрозы оказались тщетными. Рано утром 17 апреля Тохтамыш Актау, командир корпуса левого крыла войска Тохтамыша, на глазах всех воинов демонстративно покинул поле боя. Вместе с ним ушли военачальники Бек-Ярык и Таштемир-оглан. Это

около тридцати тысяч войска, в основном, болгары, банкиеры и монголы.

И без того усталые от бессонной ночи золотоордынцы получили удар еще страшнее — моральный. Тем не менее и в этот день воины сражались до конца. Характерный эпизод этого поединка также описан в истории.

Тимур, узнав об ослаблении левого крыла войск Тохтамыша двинул туда отборные силы. Усталые, раненые и павшие духом воины левого фланга после жестокой схватки, не выдержав натиск врага, обратились в бегство. Только командир Еглы-бая с одним своим туменом пытался сдерживать противника. Урученный своим бессилием остановить бегущих, он приказал надеть путы на своего коня и вызвал на единоборство Осман Бахадура, стоявшего корпусом против него.

Это была жестокая схватка, и с обеих сторон пало множество воинов. В ход пошли булавы, дротики, копыя и другое оружие. Когда Осман добрался до Еглы-бая, они переломили друг о друга копыя, поломали сабли и схватились врукопашную. Лошадь Еглы-бая не могла двигаться из-за пут. При ее падении вместе с всадником Осман оказался сверху. Воспользовавшись этим, он отрубил голову Еглы-баю.

Произошедшее событие повергло в ужас золотоордынских воинов, но они бросились отбить у врага отрубленную голову военачальника. Оба войска смешались, завихрился смертоносный клубок. Этот бой был очень похож на бой первого дня сражения. Только тогда битва шла за спасение жизни Тимура, теперь же бой шел вокруг убитого военачальника.

Благодаря численному превосходству, войско Тимура окружило левый фланг войска ордынского хана. Упорный бой длился весь день. Были горы убитых. «Труп Еглы-бая в конце концов вытащили... из-под восьмисот человек юношей с черными кобылками на груди, верхом на белых лошадях и белыми кутасами на шее. Людей же с цветами и видами иными, чем сказанные, не считали»... «Испуганные кони носились по полю и топтали людей, ручьями лилась кровь по степи»...

Шанс у Тохтамыша еще был, да, видимо, изначально он не был уверен в том, что можно одержать победу над противником.

были перебиты небесами. После полудня, оценивая положение войска, хан Золотой Орды сам стал понемногу ретироваться в сторону сражения. Это послужило сигналом к отступлению, которое сразу приняло вид массового бегства.

Трону же ордынское войско распалось на отдельные этнические группы. Одна группа ушла на Дон, Днепр и в Крым, другая, оставшаяся Терек, — в горы Кавказа, а хан со своими приближенными бежал в низовья Волги, в свою столицу Сарай.

Тимур, увидев о победе, впервые прилюдно не сдержал нервы. Он, как ребенок, побежал на поле боя, трясаясь и плача от счастья, увидев кровавую, уже истоптанную молодую траву и, рыдая, благодарил Вечное Небо — это божество отцов, за то, что была достигнута его победой... Он и вправду Властелин!

* * *

С исторической точки зрения, именно Тимур, разгромив Булгария в 1395–1396 годах, фактически уничтожил Золотую Орду — мощное государство, которое являлось угрозой не только для Руси, но и для всей Европы. И именно Тимур поставил точку в существовании династии своего кумира и, как он утверждал, прародителя — Великого Чингисхана.

Нравом, сам хан Золотой Орды, как и при сражении 1391 года, в этот бой бежал. Узнав, что Тохтамыш, вместе со своими царевичами, войнами и нукерами, бежал в сторону Каспийского моря, а там — на север, в сторону своей столицы Сарай-Берке, Тимур хотел было преследовать его по свежим следам, но его остановил один фактор. Во-первых, как он письменно заверил, хан Золотой Орды стал Едигей, который вместе со старшим царевичем и своим войском в пятнадцать тысяч уже направился для защиты власти в Сарай. Во-вторых, и это было существенным, фактом в солидном возрасте, Тимур в этом сражении пережил такое физическое, а главное, эмоциональное напряжение, что преследовать Тохтамыша он просто не смог. В усю Туркестана он остановился на отдых. В честь грандиозной победы устроил большие торжества. Пир был с размахом, с особой пышностью Тимур почтил своего старого друга Сабука, который спас ему жизнь в первый день боя. И если ранее такие праздни-

ки длились много дней, то на сей раз все закончилось через пару суток. Ибо победа — не ради победы, а ради наживы. А что может дать поле сражения? Только два огромных могильных кургана, которые неблагодарные потомки тоже разграбят. А нажива впереди, в городах и весях Восточной Европы. Он отдал приказ идти на север, и в эту же ночь ему опять приснился сон, который преследовал его в последние годы.

— Моллу Несарта, Моллу сюда, — обхватив руками разболовавшую голову, стал кричать Тимур.

— Повелитель, тебе приснился вещий сон? — с видимым сочувствием заговорил тотчас доставленный Молла Несарт.

— У-у-у! — вопил Тимур, еще крепче сжимая голову.

— Расскажи мне сон, — склонился Молла. — Я, конечно же не ясновидящий и не предсказатель снов... Но ты, безусловно великий человек и сам избрал свой путь, по нему всю жизнь и следуешь. Так расскажи, пожалуйста, к чему ты в итоге придешь. Ведь тебе, как ты всегда твердишь, снятся вещие сны.

— Я, я, я видел... Нет, нет, нет! — кричал он, еще сильнее сжимая голову. — Это было ужасно, просто невыносимо, — он говорил торопясь, словно после удущья.

— Говори, говори, — поддержал его искренний было порыв Моллы Несарта.

— Расскажу, все расскажу, — будто пытаюсь исповедоваться, мягким стал голос Тимура. Однако по мере изложения его тон стал крепнуть, словно он оправдывался, и тогда его сказ становился бессвязным, рваным. Он то надолго задумывался, то что-то несуразное плел, переходя с тюркского на плохой арабский, и вновь возвращаясь к родному, к своим исконным богам.

— Ты видел ад! — вдруг постановил Молла Несарт.

— Нет, нет, — как от приговора шарахнулся Тимур. — Там был снег, снег, и не было больше огня. Все белым-бело, снег...

— И оторванная башка.

— Нет, нет, — в нервном тике завизжал Тимур, содрогаясь в конвульсиях, пал наземь.

Охранники бросились на помощь, в панике стали звать пращей, и лишь Молла Несарт не растерялся в возникшей суматохе. Он выхватил из пояса Повелителя обоюдоострый небольшой кинжал, и соблазн был, и ничего он не боялся, и потом, поровав

...и тогда, после мгновенной вспышки, он не смог даже на мгновение взглянуть на тот кровавый путь, что в жизни выбрал Тимур. И тянул сама рука к судорожной шее, а он хладнокровно провел пальцем по веркушке лысины и вскипевшая от адских грехов взбешенная кровь не парализовала кровопийцу, хлынула щедрым потоком по трескотеишему, как самаркандский песок, искаженному греховою лицу так, что Повелитель чуть не захлебнулся...

Тимур по природе был человеком сильным и выносливым. Повелитель ни на минуту не впадал в недуге, а когда стал приходить в себя, час-два уже уже заживающей раны на голове.

— Кто это сделал? — наконец поинтересовался он.

— Молла Несарт, — услужливо ответил визирь воды.

— Ты, — кашлянул Великий эмир, пытаясь в зеркале разглядеть себя. — Получается, спас.

— Прости так, — кружится вокруг визирь. — Только вот не люблю я отцу.

— Ах, а что тебя любить — не красна девица, а мужеложество. Как ты, он вроде не страдает... К тому же, не он к нам с мечами пришел, а наоборот.

— О Повелитель, в том-то и сказ. Стоит ли рядом держать врага, да к тому же столь умудренного?

И тут Тимур выдал одно из своих изречений:

— Убийца праг менее опасен, чем глупый друг. В тот же день Великий эмир вызвал Моллу Несарта для игры в шахматы, что было про знаком полного выздоровления. Противостояние, как и прежде, было бескомпромиссным. И прошло немало времени, когда Тимур штурм не спросил:

— Зачем же ты меня спас?

— О Повелитель, — оторвал Молла взгляд от стола, — я не волшебник, тем более не колдун. Я ничтожный человек и никого спасти, тем более, спасти не могу. Все в руках Всевышнего, и Он знает свое.

— Хе, как же так? Ты ведь твердишь о моих прегрешениях. А говоришь, Бог мне всегда благоволит.

— Бог милостив и терпелив, дает тебе еще раз шанс, надеясь, что ты, наконец, хотя бы под старость, почуяв запах смерти и приближающегося Судного дня, одумаешься, как-либо смягчишь свои грехи, станешь человеком.

— Что ты мелешь, старый остолоп?! — сжал кулаки Тимур. — Я несу в мир чистоту веры.

— Ты несешь смерть и разруху.

— Если ты прав, то почему Создатель мне всегда посылает удачу?

— Ты хочешь сказать, что в противостоянии Каина и Авеля Всевышний был на стороне убийцы?

Простейших истин священных писаний Тимур, конечно же, не знал, а посему, кое-что недопонимая, ненадолго призадумався и, упершись жестким взглядом в Несарта, сухо спросил:

— И что ты этому королю предлагаешь? — он тронул пальцем свою главную фигуру.

— Этот король изначально пастух. Если он, хотя бы сейчас, вновь вернется в свое исконное лоно, то приобретет в будущем вечный покой и вечное счастье.

— Ха-ха-ха! О чем ты бормочешь? — вроде смеется Тимур, а в глазах его злость. — Никогда, ты сам знаешь, никогда шахматный король не может стать пешкой!

— А вот пешка стала королем.

— Да, — в злобе сузились губы Повелителя, — и ты, и мои легионы таких, как ты, мне завидуете. И вы, жалкие пешки, никогда не станете королями. Ибо не ведающий себе равного Бог, являющийся хозяином непостоянной судьбы, вложил в мои руки узду, чтобы я мог управлять движением царств всего мира!

— О Повелитель, ты поистине велик, — склонил голову Молла Несарт. — Только в руках твоих не узда мира, а меч войны, и не думай, что я тебе хоть немного завидую, скорей, наоборот.

— Хе-хе, — попытается сохранить хладнокровие Тимур. — Раб не должен завидовать своему хозяину.

— Я не раб! — процедил Молла Несарт. — Я заложник судьбы.

— Ха-ха, — перебил его Тимур. — И я чувствую, доведет тебя судьба до того, что за твой болтливый язык окажется твоя башка в том ряду, где на жердях вокруг моего стана черепа коней, быков и моих поверженных врагов.

— Все в руках Всевышнего, — выдержал эту жестокость Молла. — Только знаю и я, что твоя башка, как предсказал юный Малцаг, будет стоять в обезьяньем ряду.

— А ведь — начал Тимур, опрокидывая шахматный стол, он сидел на Молду... И в тот момент, и гораздо раньше он мог сделать что да и любого, жизни, однако рассудок сдерживал безумный порыв: он во всем искал свою выгоду и знал, что Молла умрет незамеченным. Он ценил его не только как мудреца, искусного врача, но более всего как смелого, говорящего правду человека.

Несмотря на впечатление этого разговора, недомогания и какого-то странного предчувствия — последствия сна, Великий эмир отдавал, что намерен вернуться в родной Самарканд, где не было уже больше четырех лет. Но его родные дети и внуки и, тем более, начальники, этого не поняли. Перед ними уже поверженная Золотая Орда, а это десятки, если не сотни роскошных городов. А там столько богатств! А сколько женщин, рабов! Вся Тимуровая рать жаждала новой наживы. И тогда Великий эмир понял, что он всемогущ и велик лишь до тех пор, пока способен управлять безумную личность своих подданных... Много он думал по утрам один — он тоже раб своих страстей, заложник своего сердца. И один не будет все новых побед — не будет он королем и даже пенкой не будет. И сам он уже не раз в жизни мечтал и даже завидовал простым пастухам, степным просторам, одинокому богу¹ с семьей. Но к этому обратно пути нет. И последние годы забывая да насладиться, как последний раз, он напивался до олури, ест без меры, а потом оргии, оргии, оргии... и рывок в бой.

И вот курс на север, Тимур, идя вдоль берега Каспийского моря, ждал тишины Волги, надеясь сразу овладеть столицей Золотой Орды. Но из Сарай-Берке, где уже правил Едигей, прибыли послы, оповестившие о Тимуровой грамоте, где стояла его личная печать с гравировкой на персидском «Сила — в правде», и вместе с призывом вручили несметные дары.

Из-за обстоятельства, да еще и тот факт, что хан Тохтамыш давно скрывается где-то в южнорусских городах, побудили Великого эмира свернуть на запад, в сторону Дона. Разграбив, прежде всего и огню придонские поселения, Тимур двинулся дальше на запад, в сторону Днепра, где по данным его разведки распо-

¹ *Бог (турк.)* — войлочное жилище кочевника.

ложился лагерем эмир Актау. Это был тот Актау, который со своими воинами покинул хана Золотой Орды накануне третьего решающего дня сражения на Тереке.

У реки Орель, притока Днепра, встретились два монгола-тюркита, два земляка, два азиатских воина-кочевника. И если Тимур в своем деле уже преуспел и у него на данный момент было семидесяти тысяч войск, то у Актау не такой размах — всего десять-двенадцать тысяч всадников.

Великий эмир, при возможности, всегда искал иные, более выгодные пути, нежели прямое боестолкновение. И на сей раз он послал Актау очень доброе послание, где оценил и смелый и благородный «поступок» дальнего, но родственника. Поэтому Повелитель пригласил Актау присоединиться к себе, а для начала — в гости.

Сам Актау в гости не поехал, а направил сына с дарами, чтобы проверить искренность намерений земляка. И Тимур в доверие не остался — на золотом подносе вернул Актау голову сына, а вместе с этим письмо: «Ты, Актау, — подлый пес. Ты предан своему хану Тохтамышу, потомку великого Чингисхана. А меня и подавно предашь».

Был приказ Актау взять живым. Но он сражался до последнего, погиб в бою.

После этого армия Тимура двинулась на север. По одним источникам, Великий эмир, видя бедность русских городов и зная, что сама Москва за семь лет до этого была покорена и сожжена Тохтамышем, у города Елец неожиданно повернул обратно. По другим — Тимур все же покорил и разграбил Москву. Есть еще одна версия: Тимур дошел до Москвы-реки, стал лагерем на возвышенности правого берега (нынешние Воробьевы горы), откуда, как на ладони, был виден большой, богатый столичный город, где проживало более пятидесяти тысяч человек.

Великий князь Московский отважно выступил на защиту родного города. В то же время в Вышгород Владимирский поспешили люди, чтобы привезти древнюю икону Божией Матери. Процессия монахов и священников доставила икону в Москву, пронося ее между рядами стоявших на коленях верующих, которые взывали:

Святая Богоматерь, спаси Россию!

Именно этому событию августа 1395 года приписывается окончательное спасение русских земель. Вместе с тем придворные историки Тимура свидетельствуют о другом.

Прибыли к Тимуру богатые купцы из Москвы. Требования купцов оказались жестокими и невыполнимыми. Сам Тимур провел смотр войск, ближе к вечеру — совет военачальников, на котором отдан приказ — штурм на рассвете. После этого, как обычно, безумная ночь. И вновь был сон. И в середине ночи вокруг шатра переполох. Вновь зовут Моллу Несарта.

Сидит горестный Тимур на царском ложе, пожелтел лицом, склонил за голову.

Повелитель, — учтиво склонился Несарт, — снова тот же сон.

Да, только гораздо хуже.

И что же ты видел?

Не могу, не могу... У-у, даже пересказать не могу.

А ты поделись, глядишь, полегчает, — вкрадчиво настаивает Несарт.

Не легко и урывками стал излагать свой сон Тимур:

И пять часов не спал, а долго и тяжело, словно пять столетий мучениях провел... И передо мной — все лица и лица, и все возрасты, злые, враждебные, там и дети, и женщины, и старики, и все разных рас и верований. И все против меня... И потом — он замолчал и вдруг, нервно ежась, внезапно перешел на испуганный шепот: — Что же это за край дикий? Здесь даже в августе холод, как в мае на реке.

Так ты сон не досказал, — допытывает Повелителя Несарт.

И на рассказу, — мелкая дрожь пробежала по телу Властителя, — он сильнее кутается в шерстяной халат.

А сон-то вещей, — мало сочувствия в голосе Моллы. — И я не верю, но как человек глубоко верующий, этот сон растолкую тебе даже доскажу.

Попробуй, — сомневается Тимур.

Твой сон, — медленно начал Молла Несарт, — предвестник страшного дня. У простых людей он действительно один, у тебя же этот страшный мучительный день будет длиться более пяти со-

тен лет. Ибо стольких людей ты истребил, и они будут тебе судить.

— Я — поборник веры, — уже стал оправдываться Повелитель.

— Какой веры? — вопрошает Молла. — Нет такой веры — казнить, жечь, заливать мозг опиумом, гашишем и вином, а потом насилловать женщин и детей.

— Замолчи, — пытается прикрыть уши Тимур.

— Нет уж, выслушай, тем более что конец твоего сна я давно знаю.

— Каков же он? — поразился Повелитель.

— Вот здесь, именно здесь, в Москве, в этом холодном краю на белоснежном постаменте, как и предсказывал Малцаг, будет маяться твоя башка в окружении таких же обезьяньих черепов.

— Не-е-е-т!!! — завизжал Повелитель.

— Да-а-а! — стремясь заглянуть в глаза, пытал его Молла Несарт. — Изменись, покайся, наконец, стань человеком.

— Разве я не человек?

— Человек довольствуется малым, а ты — Властелин?!

— А что? — неожиданно вскочил Тимур. — Да, да, я — Властелин, — гремел он. — Я достиг этого! Прочь! Прочь!

Вмиг появились охранники. Сбитого Моллу Несарта потащили из шатра. А визирь воды тоже тут как тут и подсказывает Повелителю:

— Может, Моллу — того, — и он повторил тайный жест Тимура — отрубить башку.

— Нет! — закричал Великий эмир.

— Лучше в Москву-реку, — лъстиво предлагает главный эмир. — А тебе, о Повелитель, сейчас такое блаженство доставим, какого только ты достоин.

— Вон! Все — вон! Прочь! — еще пуще завопил Тимур и, оставшись наедине, в бессилии упал на пышное ложе, пытаясь зарыться с головой в одеяло: — А ведь этот старик точь-в-точь разгадал сон... Неужто вещей? Нет! Нет! — окутанный одеялом, он вскочил. — Коня, коня!..

Мечтая обмануть судьбу, Тимур еще до рассвета покинул лагерь и направился в сторону юга. И как в молодости, когда был беден и от всех скрывался, он много суток, почти не отходя,

пошел в сторону полуденного солнца. Когда же он достиг Азовского моря, где было жарко, сухо и ветрено, почувствовал близость бескрайних просторов, вкус молодой конины и кумыса. Там воцарился сладкий и спокойный сон. А потом был роскошный завтрак из гостей, хвалебных тостов, и он вновь убедился, что он — странник, или, как внушил ему новый звездочет, на этот раз — он достойный Гог!

* * *

На Самарканде пришло письмо от духовного наставника Саид-Ибрагима: «Мой дорогой сын — Великий Тимур! Ты спрашиваешь, как я представляю себе ту ночь, утром после которой будет Возрождение (Судный день)? Я отвечу тебе словами из священного текста: «Увидел знатный человек царя Харуна ар-Рашида из Арабии босиком, с непокрытой головой, стоящим на раскаленной земле, воздевшего руки и говорящего: «Боже! Ты — Ты. Не — а. Мое свойство — каждый день возвращаться к неповиновению в Тебе, а Твое Свойство — каждый день возвращаться к Тебе в Твоем Прощении и Милостью!» И сказал тот знатный человек: «Посмотрите на смирение могущественного земли перед Возрождением небес».

А кто ты спрашиваешь — описать мне справедливость. Тоже в Коране, на джеины, где сказано: «Будь каждому мусульманину, который старше тебя, сыном, своему ровеснику — братом, а тот, кто младше тебя — отцом... Будучи правителем, наказывай каждого преступника по мере его преступления. И смотри, оstedивший ударить мусульманина из-за твоей злобы, ибо это приведет тебя в Ад».

Это письмо Тимур получил, находясь у стен Азова. Здесь, на юго-восточном побережье Черного моря были крупные портовые города, в которых издавна промышляли в основном работоторговцы из Венеции, Генуи, Каталонии и даже баски.

Работство в исламе запрещено, значит, с этим злом надо бороться, — справедливо решил Повелитель, и в угоду своим действиям, он впервые, отдавая приказ о нападении, предусмотрел

Джеин (араб.) — книга, в данном случае философский трактат.

тельно издал письменное распоряжение (так надежнее), чтобы мусульман не трогали. То ли мусульман там было мало, то ли в пылу драки не разобрались, словом, никто не мог устоять перед тюркским натиском, черноморские фактории европейцев почти все были навегда, мало кто успел уплыть. После опустошительного грабежа все предали огню.

— Так здесь совсем не было мусульман! — как бы оправдываясь, восклицал Тимур, но когда все награбленное пересчитали в тоннах золота и в миллионах дирхемов, взошедшие были под Москвой всполохи совести навегда и бесповоротно исчезли.

Однако в жизни не все так просто. Между большими военачальниками и сыновьями Тимура возник жаркий спор во имя дележа добычи, и кто-то осмелился намекнуть о слабости Повелителя, ведь Москву он так и не взял, значит, там выгоду упустили. Этого шатания Повелитель допустить не мог. Шейха Сабука, спасшего ему жизнь на Тереке, он еще пощадил, а остальных шестерых командиров позвал с собой на охоту и там умертвил.

Все, он обманул судьбу, на север больше носа не кажет и больше в слабости его никто не упрекнет. Он должен жить, значит думать, а для этого — в шахматы играть. Посему Молча Несарт прощен, вновь к Повелителю доставлен. В общем, жизнь наладилась, значит — снова в бой.

В конце осени 1395 года Тимур продолжил путь на юг, к Кубани. И хотя у Великого эмира был договор с мамлюком Египта и Сирии, что он не тронет историческую родину могущественного султана Баркука, все это осталось далеко позади, и местные адыги, представляя, какая опасность надвигается на них, применили в борьбе с врагом классическую тактику древних скифов — путь следования тимуровских полчищ превратили в непроходимую пустыню, а сами отступили за Кубань.

Более недели рать Тимура передвигалась по выжженной земле. Кони и награбленный скот без провианта дохли. У Кубани стали лагерем на недолгий отдых, а потом штурм, в котором сам Тимур уже не участвовал, послал лишь двух внуков. Адыги яростно защищались, но силы были не равные. Тюркиты дошли до Анапы, разграбили ее и вернулись с добычей к Повелителю, ко-

этой горой расположился в районе Бештага¹, там, где находилась резиденция хана Золотой Орды. Это живописное место с прекрасным климатом, с целебными источниками так привлекало Тимура, что он оттуда даже не выезжал. Лишь сыновья его были направлены в разные области Кавказских гор, и каждый стремился показать, что именно он достоин стать первым и надежным наследником, главой рода. И чтобы это доказать, каждый проявлял крайнюю жестокость, затмевая в этом даже доблесть Повелителя. Но количество жертв — вовсе не показатель. Главное — сколько богатств ты оттуда Тимуру доставишь. Вот и рыскают отпрыски по всему Кавказу.

Одним из инук Мухаммед-Султан был направлен в страну Бештаган, что меж Кубанью и Лабой, где через горную долину Дару и Дазури пролегал древний Шелковый путь до портов Кизил и Поти.

Именно Мухаммед-Султана Тимур считал наиболее одаренным из своего потомства, его он втайне готовил на свое место. Чтобы дальним прицелом, дабы заранее описать героический путь, Мухаммед-Султана сопровождают в горной экспедиции опытные историографы Повелителя. Вот что они оставили своим читателям.

«Многоопытные отряды Мухаммед-Султана, рассыпавшись по горным ущельям, нашли много крепостей и встретили там же сопротивление кавказцев... В горных укреплениях и замкнутых ущельях было много сражений... Разорили их крепости и милостью судьбы для победоносного войска стала великая добыча из имущества неверных, сколько пленных, а скотины — краше в мире нет». После этого похода пришли в движение православные Зеленчукские храмы, и наступила пора Адисской епархии.

Другой инук, тоже сын покойного первенца Тимура Джеханшир Пар-Мухаммед, направился чуть восточнее по Баксанскому и Чегемскому ущелью прямо до горы Эльбрус. По преданию, в горах одно поселение, захватчики потребовали от него шестьдесят девушек. Не желая такой участи, девушки бе-

¹ Бештаг (турк.) — Пятигорье.

жали в лес, который молодой Пир-Мухаммед приказал поджечь, и все девушки, не сдавшиеся, там погибли.

Сын Тимура Мираншах был направлен в сторону Эль-Хантовских ворот. Там находился город-крепость Верхний Джугатай, где предводителем был Пулад. Мираншах знал, что здесь находится Удурку, который скрывался после поражения на Терек. Удурку, наместник Кавказа, командующий одним из корпусов в армии Тохтамыша, — потомственный чингисид-монгол, перед которым Тимур якобы преклонялся, на самом деле всячески истреблял.

Мираншах передал Пуладу ультимативное письмо отца — выдать живым Удурку. Пулад, уверенный в неприступности своей крепости, ответил: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены. Удурку нашел у меня убежище, и пока душа будет в теле, я его не выдам. И пока смогу, буду защищать и оберегать его».

В те времена северное предгорье Кавказа представляло собой густые леса и, как записано в летописи, «от множеств деревьев и сплетенных ветвей туда с трудом проходил даже быстрый ветер». В таких условиях полчища тюркитов не имели возможности для маневра, и с помощью рабов и пленных была спешно вырублена просека от Терека до крепости длиной в двадцать километров.

Ценой огромных усилий и многих потерь город-крепость был взят, всех жителей поголовно вырезали, строения сожгли. Пулад, наверное, погиб, а вот «Удурку удалось бежать, он занял крепость Кабчигаи, что на входе в Дарьяльское ущелье, и начал игру с жизнью».

И эту крепость захватил Мираншах. И отсюда Удурку умудрился уйти вверх по Обезской¹ дороге, в сторону Грузии. Однако почти вся Грузия и тем более эта стратегически важная дорога была под контролем Тимура. У селения Абаса² Удурку схватили, доставили в Пятигорье, где Тимур приказал заковать его в цепи, бросить в зиндан. Там он вскоре и помер от голода и холода.

¹ Обезская — ныне Военно-Грузинская дорога.

² Абаса — нынешний Ларс.

Вскоре после Тимура стал Магас — самый крупный и богатый город на Северном Кавказе. Тимур знал, что защита города обеспечена, так как много воинов участвовало в сражении на Терек-реке Золотой Орды, и многие были в пехоте, значит, погибших было мало. Повелитель осведомлен о силе защитников Магаса, поэтому велел сконцентрировать все войско в единый кулак. Но из-за ревности и надежды в те края был отправлен самый любимый сын Омар-шейх. И тут случилось то, чего он никак не ожидал. Омар-шейх убит! Убит под Магасом. Это был страшный удар. За более чем сорок лет непрерывных сражений у Тимура не было такой потери. Правда, умер первенец. Хотя Тимур и не мог догадаться, но уверен — это дело рук одной из его жен. Мать Омар-шейха умерла, и наследника отравили. То горе Тимур едва выдержал, утопил свою боль в чужой крови. А здесь какие-то кавказцы сына умертвили и даже труп не отдают.

Великий эмир места себе не находил, пытался забыть себя и свое горе. С трудом придя в себя, решил мстить: истребить подлую. А во этого надо разузнать, как же это случилось.

Рабыня доложила Омар-шейху, что от Магаса в сторону города свадьбная процессия с песнями и танцами. У кочевников-землепашей право первой ночи с девушкой было обыденным делом. И, как известно, это правило в некоторых местах соблюдали, но только не на Кавказе, где отношение к женщинам было более девушке, особо щепетильное.

Омар-шейх этих традиций не знал, да и знать не хотел. По его приказу тюркские воины окружили процессию, думая, что для молодой девушки быть с великим принцем — особая честь. Кавказцы сначала не поняли, а когда поняли, оценили — плевком ударил луку, засверкали кинжалы, полетели стрелы. Двух-трех человек горюнок оставили в живых, да невесту Омар-шейх похитил в ближайший подлесок. Так бы все и прошло, вот только кавказская традиция многое изменила.

Известия права нахский жених показываться на своей свадье на своем родных, особенно старших. А эта процессия шла из Алании в Византию, в сторону Грузии. И надо же было такому случиться, невестой была красавица Седа, а жених ее — наш знакомый Малши, который вместе с близкими друзьями ехал чуть позади, обжывая останавливаясь, чтоб у очередного родника произнес-

ти благословенный тост молодым за бузой. Так они и сидели поочередной раз, когда вдруг услышали, а потом и увидели растерзанных землячек.

Будучи во хмелю, и без того темпераментные канкаши бросились бы спасти посрамленную честь. Но во главе их — жених Малцаг, хоть и молод, да не раз уже бит, а вместе с ним местные смельчаки, которые к тому же прекрасно ориентируются в непроходимых лесах. Спешно двинулись они по дороге, что шла вдоль реки. И надо же, вновь судьба: Малцаг узнал сына заклятого врага, а Омар-шейх — недобитого ишак-верца. И могли они на равных сразиться, но Омар-шейх вспомнил тюркскую поговорку: «В чужом курятнике любитель петух проиграет...» От двух стрел спасла его кольчуга, и он уже был на коне, почти исчез из поля зрения, как Малцаг выпустил стрелу прямо в горло.

Где-то к полуночи Малцаг постучал в центральные ворота Магаса. Здесь масса беженцев из западных областей Кавказа, город на замке, на особом положении. Все знают, какие бесчинства творил Тимур по пути своего следования. Правитель города пожилой Гайрах уже какую ночь не спал, думая о надвигающейся опасности. А тут охрана доложила о новой неприятности. Ладно, все знают, что Малцаг — личный враг всемогущего и жестокого Тимура, и хотя он смелый воин, но то, что, женившись, засобирается воссояси, многие приняли как трусость. Однако он вернулся, и не просто так, а как только он, отчаянный, мог — вместе с убитым сыном бесчеловечного Хромца.

Было над чем Гайрашу задуматься. С одной стороны, убийца сына Тимура, Малцаг — повод для нападения. Да Тимур, или, как его уже называли, Тимурленг¹ — Тамерлан, и без повода все разоряет. С другой стороны, Малцаг — соплеменник, гость, воин, а теперь и женат на дочери достойного мужа Магаса. В общем Малцага, его невесту и дружину в город пустили. А Омар-шейха сам Гайрах решил по-человечески в пригородном лесу захоронить, так чтобы и перед Богом было справедливо, да и сам Тимур его благородство оценил.

¹ Тимур-ленг (*перс.*) — Тимур-хромой; в европейской транскрипции — Тамерлан.

Жизни пришлось недолго. Скоро под стенами крепости объявился сам Тимур, и рядом не кто иной, как незаконнорожденный сын Гайраха, Тума, или, как он сам теперь себя называет, Магас.

Взвизг Магаса и труп Омар-шейха, — потребовал Тимур.

Писть — свитос, — ответил Гайрах.

На Кавказе положено выразить соболезнование даже врагу. И потому на благородство грозного пришельца, Гайрах вместе с сыном Магасом выехал из крепости, чтобы показать Тимуру, где именно почестями захоронен Омар-шейх¹.

Тимур не верил в смерть сына, пока не увидел его труп. А как только увидел, повел, что все смертны, упал на колени, рыдая. И Гайрах, как хозяин этих земель, пытался его успокоить:

Смирись, смирись с волей Божьей, — тоже плакал кавка-

За тебе смирись! — вдруг вскочил Тимур и на непонятном для Гайраха языке что-то сказал.

В тот же момент воины Тимура сбили Гайраха и его сына с коней, сбавали и бросили в ту же могилу.

— Ты кой ты сын? — слащавым голосом обратился Тимур к своему сыну. — Тума ты или Мухаммед, мой сын или его?.. Ты слышишь? Иль прыгай туда, иль закапывай, оставаясь со мной в долине Магас.

Цивил погребасемых было видно и они кричали, а потом лишь когда пошевелилась, Мухаммед закапывал медленно, пытаясь протиснуться, и когда черный слой благодатной земли покрыл его, Тимур, он стал действовать с усердием, стараясь выслужиться перед Тимуром.

Алла тебе, о Повелитель! Я вечно твой! И тем горжусь!

Пирасость мужчины — воинская доблесть, — постановил Тимур, — и ты это должен делом подтвердить.

На следующий день несметное полчище тюркитов окружило крепость Магас. Под своим штандартом появился сам Повелитель. И хотя зрение с годами ослабло, ненавистного врага он не разглядел, но мол, тем более что молодой, стройный, дерзкий

¹ По одной из персий, Омар-шейх убит на Кавказе во время первого похода в 1391 г. По другой, и она совпадает с местными сказаниями, он убит в долине Магас в 1395 г.

Малцаг стоял на самой высокой башне крепостной стены и с вызовом размахивал огромным красно-белым флагом своей страны.

— Сдайте этого Малцага, и мы вас пощадим, — повторил условие глашатай тюркитов.

— Малцаг — наш Турпал!

— Мухаммед, — негромко произнес Тимур, — теперь ты законный хозяин, поди и утихомирь этих людей.

Тума-Мухаммед и впрямь подумал, что он хозяин, вместе со своей свитой по-барски двинулся к воротам. Лишь щиты и удача спасли от стрел.

— Да, подобру они тебя не понимают, — сжалился Тимур побледневшим от страха Тума-Мухаммедом. — А по правде, народ везде такой неблагодарный. Их надо силой, силой и беспощадностью давить. Вот тогда они любят, уважают и ценят. Понял, Мухаммед?

Услужливо кивая, тот в ответ что-то пробормотал.

— Ну, раз понял, выдвигай вперед своих воинов. А мы подсобим.

Великий эмир дал команду к бою. Загремели фанфары, забили барабаны. Пошли кавказцы на кавказцев, а сзади войска Тумы подпирают тюрко-монголы, не дают им отступать, тоже силой оружия давят их к стене, откуда летят стрелы, камни, раскаленная смола. Этот короткий зимний день завершился так: сам Тума-Мухаммед, будучи позади под надзором богатыров Тимура, остался в живых, а большинство его воинов после братоубийственного боя остались лежать под стенами Магаса, родной столицы.

На следующий день Тимур отдал приказ своей рати и особое поручение:

— Этого рыжего смельчака Малцага — живого, их красно-белый флаг — к обеду, к ногам.

Не только к обеду, но и к вечеру завоеватели не смогли даже лезть даже водяной ров, окружавший город-крепость с двух сторон. А там, где были русла рек Сунжи и Мартанки, до того отвесный крутой берег и еще стена, что все усилия оказались тщетны.

¹ Турпал (чеч.) — тур — меч, пал (от «пал») — щит.

На ровном долгих зимних ночей Тимур надеялся послать в долину своих китайцев-минеров, чтобы они подложили под центральную стену иррычатку. Но дозорные Магаса были начеку. И в долине выжидателям было не до отдыха: из леса, с тыла, с самых неожиданных сторон налетали небольшие повстанческие отряды сартов и нападали на них.

Поняв, что одним нахрапом Магас не взять, Тимур, как при осаде Восточных крепостей, вынужден был обратиться к инженерной мысли, благо кругом леса много. Были изготовлены деревянные шпалы и помосты через ров, очень много лестниц и пандусов к крепостной стене. Со всех четырех сторон начался ожесточенный артиллерийский штурм. А в двух-трех местах тюркские отряды сумели забраться на стену и уже, было, закрепились, к тому же поддержали сотысячной армией. Однако в это время Тимуру пришла помощь из леса. Пришлось Тимуру срочно изменить план действий. Пока шли маневры, осажденные сбросили в долину свои стены. И когда к вечеру команда Повстанцев забила отбой, на центральной стене Магаса, как всегда, первым появился бесшабашный Малцаг с красно-белым флагом.

Еще три дня Тимур безуспешно атакował Магас. Потом объявил перемирие; по опыту он знал, что таких отчаянных защитников лучше брать не в бою, а измором. Да к тому же он ждал, пока придут катанульты, доставляемые из южного Азербайджана. Эти пакные машины уже прошли через Дербент, а потом Магас пришел на просторах Дагестана. Вскоре обломки катапульти обнаружили в Каспийском море.

Тогда же установило Тимура. Недалеко от Магаса стали строить передвижную башню на колесах, которая по высоте должна была бы соответствовать уровню крепостной стены. Такая артиллерийская техника впервые была применена ассирийцами еще в третьем тысячелетии до нашей эры, но с тех пор мало чем изменилась.

В тот же вечер на склоне в сторону крепости была выложена из камней широкая дорога. По ней как-то утром, когда был крепкий мороз, и мир был от снега и солнца, покатали тюркиты с шумом и боем своим артиллерийским аппаратом. Уперлась башня в крепость, как и предполагали инженеры. Побежали воины по этапам вверх. Их много, и они — как нескончаемые потоки муравьев, будут через трупы

своих же все рваться и рваться к добыче. И никто их не сможет остановить. Против башни средство одно — поджечь. И защитники Магаса это ловко свершили: полилась со стен зажженная нефть.

Было о чем Тимуру подумать. Ведь если говорить о его таланте, то военным гением он, безусловно, был. И этот злой гений в нем просыпался лишь тогда, когда он играл в шахматы. Однако его соперник, Молла Несарт, сейчас не в почете — под «домашним арестом».

— Позовите старика-шахматиста, — повелел как-то ночью Тимур. — О, как ты бледен! Что ж ты так осунулся? — сжался он над Моллой.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы на твой Самарканд твою же саранча напала.

— Я сам на Самарканд раза три нападал... — усмехнулся Великий эмир. — А теперь краше города нет. И с тех пор, как я на троне, в моем государстве нет мора.

— Гм, — в свою очередь попытался усмехнуться Молла. — У Всевышнего хватило ума не послать Самарканду сразу два несчастья.

— Ха-ха-ха, опять дерзишь? Недоволен мной? А ты ведь знаешь, что в этом мире все предписано Богом, и власть дана сильнейшему.

— Ты — людоед, — гневно процедил Молла.

— Эй, ты, старый Несарт, — грозен стал Тимур, — мне кажется, что котел твоей башки бурлит всякими мыслями, подобными перцу. Я вижу, варево перепрело, и пора котел снять с огня.

— Хм, — выпрямился Молла Несарт. — То, что ты людоед, знают миллионы людей, которых ты безвинно казнил. Быть с большинством людей — удел раба Божьего... Я не могу терпеть, видя, как ты истребляешь мой народ. Согреши в миллион торжественный раз — это лучше, чем тебя видеть.

— Ишь чего захотел? — вплотную придвинулся Повелитель. — Что ж ты как баба заскулил, еще слезупусти, — видишь, как у Моллы увлажнились глаза, говорил он. — Стань мужчиной, защити свой край! А мы ведь ровесники. Иль не дано, в штаны пачкаться?

Задрожал от негодования Молла Несарт, сжал от бессилия кулаки. Лево́й здоровой рукой Тимур грубо схватил бороду Моллы, рванул к себе, но в последний момент одумался.

То давешний кавказец, мужественный человек, — как бы странно ни встретил он седую бороду Несарта и, следом тронув бороду в знак отличия от твоей, жиденская.

Ты засобачил, некоса глядя на поникшего Моллу.

Насару ты не сказал «как у козла»? — непонятно, издевался Тимур или нет.

Не знаю что сам это знаешь.

Ах да, я сегодня добр. Впрочем, к тебе я всегда благосклонен — и вдруг иным тоном: — А хочешь помочь своим людям?

Молла Несарт молчит, хочет посмотреть в глаза Повелителя, и еще он природе узкие, и с годами тяжелые веки нависли, так что трудно им понять.

Ты хочешь или не хочешь?..

Несарт вопрос?

Видишь и мои стоклеточные шахматы — уйду отсюда навсегда и навсегда.

А проиграю?

Не бессудь, судьба.

Молла Тимурона сна у Москвы они не только не играли, даже не боялись. Эта игра была, как всегда, упорной. И если в обычных шахматы Молла Несарт играл явно лучше, то в игре по правилам Повелителя случалось когда как. И на сей раз игра длилась долго. Тимур сдался, но не было на его лице привычной улыбки от проигрыша.

Ну что, твоя взяла, — миролюбиво развел руками Повелитель. — Идти Бог, придется уйти... Только вот что, — Тимур по-шахматски встал Моллу Несарта под локоть. — Ты, я надеюсь, останешься при мне. А то с кем я буду играть? Кто мне в глаза прямо скажет, кроме тебя? Твою победу надо отметить. Молла приказал он.

Во время широкого застолья он усадил Моллу Несарта рядом с собой и, пытаясь перекричать музыку, на ухо, твердил:

Роль нашей дружбы я должен оставить добрый след на этой земле, должен что-либо достойное построить... Что ты не говоришь? Нет, все грехи на себя беру. Хе-хе, как ты сказал, миллион берем будешь... А ты мне в добром деле помоги, надо построить капал, и память обо мне.

— А зачем капал? — удивился Молла Несарт.

— Тайна, — великодушен сегодня Повелитель. — Ты свой прибор-астролябию достань, помоги моим инженерам.

— А с миром уйдешь? — пытается в его глаза заглянуть старик Молла.

— Ну, что за вопрос, — недовольно насупился Повелитель. В последующие два-три дня никакие боевые действия не велелись. В лагере Тимура царила атмосфера скорого перехода. Под влиянием этого настроения Молла Несарт и прикрепленные к нему специалисты подробно исследовали топографию обширной местности. Ни он, ни, наверное, остальные не знали замысла Повелителя. А он был зловещ. Ведь вокруг Магаса, то здесь, то там просто фонтанирует из-под земли черная нефть. Используют ее жители Магаса успешно обороняются.

«Так почему же эту горящую нефть не пустить на тот же Магас? Всего этого добра здесь в избытке», — по-военному мудро решил Тимур.

Имея стотысячную армию и множество рабов, можно было бы и в емкостях доставить черную жидкость. Но, просчитав все, Тимур понял, что это несподручно, займет много времени, а толку будет мало.

«От нефтяного фонтана надо отвести канал до рвов крепости. Нефть легче воды — пусть горит все черным пламенем» — так решает великий стратег.

А когда под самый конец замеров Молла Несарт наконец-то понял замысел Тимура, было уже поздно: он собственными руками вырыл могилу осажденным — Магас приговорен.

Вслед за инженерами и землемерами, стали землекопными тысячи тюркских воинов, пленных и рабов. До наших дней дошло предание под названием «Ров Тамерлана», где сказано, что захватчик вырыл огромный ров в поисках своего сына. И это правда, он заставил вырыть ров в поисках средств мести за сына. И по этому каналу, берущему начало у фонтанирующего источника нефти, до самого Магаса потекла зажженная черная смесь. Все погрузилось во мрак, снег в округе стал черным. Защитники и жители Магаса были обречены. Первым делом загорелись обшитые железом деревянные ворота. И даже сквозь них тюркские не могли пройти: не только мужчины, но и женщины стояли на смерть.

На вторые сутки огненный жар дошел до глубинных древесных пород, они и внутри загорелись, и среди ночи, когда от мороза деревья в лесу трещали, раздался иной грохот: рухнула каменная стена. Тимуру об этом доложили, и он с нетерпением ожидал сигнала, чтобы начать последний штурм. Но его опередили: из долины Магаса выдвинулся боевой отряд. Силы были неравные, саваров побили и потеснили обратно. Был слух, что кое-кто саварской в горы уйти, но таких было мало.

На рассвете в уже обескровленный город хлынули полчища саваров.

За каждого раненого Малцага — сто тысяч, за его голову — пятьдесят тысяч, — объявил Повелитель.

Началась резня, убивали поголовно всех. Здесь рыжих и черных нет, все чумазые, в копоти, и без разбору головы летят. Как мужчин и взрослых женщин перебили. За детей и юношей везли почти дорогой и ходовой товар на рынке рабов.

Ночью еще два дня грабили. После этого вспомнили об обещании Повелителя: головы отмывали в реке.

Врагивых — ко мне, — наконец закончил эту вакханалию Повелитель. — У остальных, всех — и живых, и мертвых, правые стороны стрелять, пересчитать.

Из этих ушей получилась целая гора. По данным одних исследователей, их было пятьдесят тысяч, по другим — двести тридцать. Это было поголовное истребление населения, гибель цивилизации.

И Повелитель тоже горько плакал, но, конечно, не по гибели своего сына, а за его печаль — прощание с родным сыном Омаром. Уйгурские мастера закончили процедуру бальзамирования. Чиншная траурная процессия должна доставить тело сына Повелителя в Самарканд, где искусные зодчие уже изготовили погребальницу.

Последний момент, и инкрустированный золотом и алмазами гранитный гроб будет закрыт. Все громко плачут. Под конец траурной молитвы, стоит глубокая тишина, а откуда-то доносятся исторический вопль, от которого сам Повелитель встрепетывает. Оказывается, это Молла Несарт кричит, волосы на себе рвет, рыдает по погибшим.

Доставить сюда, — повелел Тимур.

Буквально на руках притащили корчащегося в страданиях Моллу.

— Ты изверг, варвар, ты не человек, ты Тамерлан! — хотел было броситься он на Великого эмира, но старика сбили, и он, жалкий, скрючившись, все еще рыдая, содрогался у ног владыки.

— Кто его выпустил? — спросил Тимур и, даже не расслышав ответ: — Казнить.

Над Моллой блеснул меч.

— Стой, дурень! Я велел казнить тех, кто его охранял, — крикнул Повелитель. — А этого, — он легонько пнул носком сапога Несарта, — привести в порядок, я желаю в шахматы играть.

В подчинении визиря воды, кто отвечает за покой Повелителя, палачи, врачи, всякие знахари и колдуны, дервиши, как духовные наставники, повара, опийных дел мастера и, конечно же, евнухи. Морально Молла Несарт давно подавлен. Надо на короткий срок подавить физически, и для этого подвергают жестокой боли, и не раз. После чего ты готов на все, лишь бы не испытывать страдания. И в контрасте с этим расслабляющий массаж под сладкую музыку, тут же читаются стихи о блаженной жизни. Опийный дым витает в шатре. Ему преподносят всякие кушанья, а в них подмешан дурман. Все это сопровождается тайными животом от красивых райских гурий...

— Ты не выразил мне соболезнование по поводу смерти отца, — с осуждением заговорил Великий эмир.

— Ты прав, Повелитель, — склонился Молла Несарт. — Даже врагу мы обязаны соболезновать. Прими мое соболезнование. Но ведь погибли десятки тысяч моих соплеменников, а ты тоже молчишь.

— О, о чем ты говоришь?! Почти каждый день я теряю до тысячи верных соратников, а разве ты об этом вспоминал?

— Они, как ты, — захватчики. Пришли сюда грабить и убивать, и нет им ни моего, ни тем более Божьего прощения.

— Ну, в какой высокий ряд себя поставил, — видно, и Повелитель неплохо время провел, хорошее у него настроение. — И раз ты упомянул Бога, то все мы под ним ходим, и что бы ни произошло, предписано Им.

— Не твоим устам о Боге говорить и свои бесчеловечные дела за Его спиной прятать.

— Ну ну ну, опять дерзишь. Видно, плохо мой визирь поработал. Повелитель похлопал Несарта по плечу. — Видел я, как ты с друзьями развлекался... Не ожидал, не ожидал от тебя такого греха. А ведь Он, — Повелитель ткнул пальцем вверх, — неведомо тебе все видел... Какой грех, какой харам?!

С легкой усмешкой оглядывая Моллу, Повелитель несколько мгновений сидел в тоне:

— Даю, прощаю, прощаю, если извинишься за Тамерлана.

— Ам, ты себя уже уровнем с Богом ставишь? — не без вызова спросил Несарт.

— На крайней мере, я сильнее всех, с кем бы ни боролся.

— Отвечу тебе словами Пророка, мир ему и благословение: «Счастье тому, кто одолел себя, а не тот, кто победил другого».

— Живи. — это борьба, — повысил голос Великий визирь. — по моему, мой визирь переусердствовал, и ты еще от Саифа не вернулся в жизнь.

— Нет именно, не вернулся, — в тон ему пытается отвечать Молла Несарт. — А давай-ка оба вернемся в брнную жизнь. Давай, а тебе покажу, что ты натворил.

Молла Несарт схватил его руки, потянул к выходу.

— Ты хочешь показать мне жизнь? — спрашивал Повелитель, своим видом под сильным внушением, поддался зову старца.

Они вышли из шатра. На плечи Тимура накиннули шубу из парового войлока, Несарт такой чести не удостоился.

Если подать сани, реальная картина жизни недалеко — распоряжается Молла.

День был пасмурный, холодный, ветреный. Накануне выпавший обильный снег не мог скрыть ужас прошедшей битвы. Густой туман, тесно напивавший к долинам рек, выглядел мрачным, почти тупым, неживым. Все было сонно, тихо, будто в послеполуденной дремоте.

Они шли недолго, быстро, по наклонной, в те места, где земля, казалось, теплилась жизнью, по крайней мере, там еще клубился дым.

— Поворачивай туда, — приказал Молла Несарт.

У турко-монголов одно хорошо: после сражений они обязательно закапывают своих воинов в общей могиле — кургане. Не после такого побоища не разобрать, где свои, а где враги,

и поэтому в огромную яму кидают всех и все, в том числе остатки животных и оружие, что невозможно увезти в Самарканд.

— Пошли, — довольно проворно Молла Несарт соскочил с саней и пошел, пока не остановился у помойной ямы.

— Смотри, смотри. Не зажимай нос! — требовал Несарт. — Видишь эти тысячи человеческих голов? Они, как и твоя голова, были полны стремлений и стараний в собирании земной жизни. Они усердствовали в накоплении богатств, в строительстве земной жизни, растили детей и молили о долгой и счастливой жизни. Сегодня ты видишь, они гниют, тела их истлевают. И все равно тебе нейдет. В эту же могилу сливают помойку и остатки с твоего пиршеского стола, — это та вкусная еда, ради которой ты ухищряешься, зверствуешь, вырывая ее у других. Но к чему приводит твоя жизнь и твоя борьба! Ты сегодня горько оплакиваешь своего сына. А кто поплачет над ними? Ты ведь все истребил. Помолись за них, поплачь над ними, проси прощения, изменись, стань, наконец, человеком.

— Ву-у-у! — завыл тоскливый ветер, где-то в лесу заплакали шакалы, от страха шарахнулись лошади, черным одетом вспорхнула туча ворон, пошел косою, редкий, колючий снег, который, падая на мерзкий грунт, отбивал неровный пульс земной жизни.

— Ты меня хочешь разжалобить, несчастный старик, — сухо процедил Великий эмир. — Все предписано судьбой, и твоя жизнь — это борьба с неверными, и за чистоту веры.

— Ты изверг, — прошептал Молла Несарт.

— Что? — хмурая, глубокая ложбинка вкривь пролегла на переносице Тимура, он грозно сделал шаг вперед, и, казалось, еще мгновение и Молла Несарт полетит в помойную яму, да, видно, не судьба. Послышался резвый стук копыт, лишь особо наглый гонец имел право общаться напрямую. Совсем юный воин загоня осадил коня, молнией соскочил, сделав пару шагов на коротких ногах, бросился на колени:

— О Повелитель, объявился Малцаг, красно-белый флаг, он напал на нас в горном ущелье.

— Коня, коня! — взревел Великий эмир.

— Как и юный гонец, он так же лихо хотел оседлать поврежденного серо-белого жеребца, ногу до стремя не достигнув, сел

они чуть подсобили, он их грубо отпихнул, хотел сам, но не смог, вновь ему помогли, а он, как сел в седло, так и двинулся к ним кнутом по лицам. Никто руки не поднимал, никто не шелухнулся.

— Ты, дракхный старик, — свысока бросил он Молле Неприятности, — выдать, нашу сказку забыл: волк козленка не узнает, а ты заблел. Понял? — Молодой жеребец рвал удила, а ты били копытами. — А башка этого рыжего уroda, — она, быть может, и твоя, тоже будет в этой помойке лежать.

Молла Неприятности не скор, — хочет, да не может голос Моллы Неприятности, по старчески слаб, но он продолжает: — Вот тебе, — он блаженно ухмыльнулся, развел руками, словил. — А твою сказку забыл, зато про твой сон вещий вспомнил. Ты про Тимерлан, вспомнил.

— Ты молчи! — свистнул кнут. Хватаясь за голову, старик слышал свист — по крупу коня. — Вперед, за мной!

— Ты молчи! — многотысячный дикий вопль, аж снег с деревни и черной тучей вороны взлетели.

* * *

— Ты дорогой сын, Великий Тимур, — писал из Самарканда своему наставнику Саид Бараки, — Всевышний, хвала ему, — Прощи снисходительность, вели творить добро и отвергай зло. Я разьясню тебе этот аят¹. Это когда ты прощаешь, кто был несправедлив к тебе, даешь тому, кто обделил тебя, прерываешь связи с тем, кто забыл, и хорошо относишься к тому, кто обижал тебя... Помни, прощать того, кто был несправедлив к тебе, — верх мягкости и смелости. Давать тому, кто обидел тебя, — верх великодушия. И продолжать отношения с тем, кто обидел тебя, — верх милости...»

Помни, мой учитель совсем состарился, — почему-то задал. Повелитель, плотнее кутаясь в новую меховую шубу, ехавшую к нему ханом Едигеем с далекого холодного севера.

¹ (араб.) — знамение, стих Корана (часть суры).

Именно туда, на север, к большой реке Волге рвутся все эти военачальники, родня и все визири-советники. Там, в степи Золотой Орды, скопились огромные богатства монголов, которые они награбили за три столетия своего господства на евразийских просторах. Теперь там правит Едигей, который по совету Тимура пришел туда к власти и письменно обещал им платить положенную половинную часть из всех богатств и такую же часть от доходов. И Едигей с караваном немало богатств прислал и еще больше, говорят, напрямую в Самарканд отправлено все равно это не то, чем он мог, чем он должен обладать. И следовало Тимуру не мелкими селениями в горах Кавказа заниматься, а на Сарай-Берке идти. Да никто не знает, что он теперь боится на север идти — вещий сон предостерегает. И все советники, родные, а теперь даже духовный наставник Саид-Барки, будто зная его душевный порыв, умоляют простить, забыть, смиростивиться, согласиться с предписанной Богом судьбой. Но это не для него, Великого эмира — Властелина мира. Он не уйдет отсюда, пока не отомстит за сына, пока не обезглавит этого рыжего Малцага, пока еще есть хоть один живой горец-кавказец. Всех под корень! С этим заклинанием Тимур двинулся в горы Кавказа.

Из-за непроходимых лесов в горы идти было трудно. И только вдоль больших рек может продвигаться армия Тимура. И по Повелителя, и после него главной артерией, по которой передвигались захватчики, была река Аргун. Раз в десять или в двадцать лет в горах Кавказа выпадают обильные дожди, тают снега и тогда накапливается в Аргунском ущелье неудержимая масса воды. Вырываясь меж гор на равнину, она сметает все на своем пути. Так возникла широкая равнинная пойма, где и сейчас располагаются села Атаги, Белгатой и Чечен-аул. Именно в этой стратегически удобной пойме расположился стан Тимура перед штурмом гор.

А вокруг, в лесу, беспрестанный барабанный бой, по ночам на вершинах гор маячат огни факелов — это горцы передают тревожные вести: враг пришел, всех кличут на ратный бой для защиты родины.

Надеясь застать противника врасплох, горцы среди ночи совершили отчаянную вылазку. Да у кочевников многовековой

в жестоких войнах, строгая дисциплина и боевой порядок. Каждый день, а тем более ночь, они строго охраняют свой лагерь, и для этого, даже если и останавливаются ненадолго, выкапывают защитный ров, строят заграждения, ставят охрану во всех местах.

Усталые и смелые, и отчаянные в бою, и готовы насмерть умереть за свой очаг, но не искушены они в боевом порядке, и часто они уступают, и численностью. Словом, из ночной атаки они не выжили. И тогда, на следующий день, стали фронтально атаковать и горы проход. А во главе их тот же дерзкий Малцага, и он преследуем ухитряется над его головой красно-белый стяг.

И бой, в бой! — закричал Тимур, сам руководил сражением. И тогда вместе произошло не одно сражение, и до сих пор сохранились курганы — захоронения — и есть легенды, связанные с ними. Ни после Тимура здесь курган не остался, не отдал он своим и чужим уважения ни своим, ни чужим. После упорного боя выжила лишь армия Тимура разгромила горцев и, не найдя там своей брани красно-белого нахского знамени и Малцага, Малцага эмир заторопился вслед за отступившими в ущелье гор, и приказал быстрее расчистить путь, всех убитых сбросить в долину реки Аргуна.

Тогда проход к горам открыт, и нет больше здесь силы, чтобы им противостоять стотысячной армаде варваров. Почему явились сюда не для того, чтобы попусту выискивать добычу какого-то сорванца. Этим дикарям, этим отважным и предприимчивым воинам далеких степей за труды и пролитую кровь нужна добыча, и не та, что имеют от грабежа небольших племен, а та, что они заслужили, разгромив хана Тохтамыша. Почему все сокровища Золотой Орды достались одному Эмиру в его руке? А чем хуже остальные военачальники и их доводы? Почему?

Видно кажется, что всемогущий Великий эмир. Он велик до тех пор, пока способен удовлетворить непомерную алчность, чревоугодие своих дикарей. К тому же склоняются дети и внуки. Ведь Малцага — старший шейх, хоть и брат, но не по матери, а был старший, Малцага — главный претендент на трон стареющего Тимура. Поэтому — такова судьба. И нечего в зимние холода по заснеженным горным тропам лезть, выискивая какого-то Малцага.

Каким бы деспотом и тираном Тимур ни был, а не считаться со своим окружением он не мог. И он тоже решил, что благоприятней будет, пока зима и приволжские болота льдом скованы, атаковать богатый Сарай-Берке, насытить армию несметной добычей, а потом вернуться на Кавказ.

Под нажимом приближенных Тимур склонился к этому решению. И никто не знает, как тревожно у него на душе. Он панически боится идти на север. Как ему объясняют новые знахари, он по иному благословлен Всевышним. Становясь спиной, а тем более удаляясь от священных религиозных мест, он уходит из поля тягостной благословленной ауры. Однако всемогущие знахари и почтенные евнухи и визири знают свое почтенное дело, они обезопасят его сон и покой, и для этого все чудесное создано и готово. Этот роскошный передвижной гарем, этот неземной рай Властелина прекраснее всего, что описывается в «Тысяче и одной ночи», — это настоящая сказка Востока, о которой лишь можно мечтать!..

Да, это мечты и желания, но никакой опийный дурман, никакие внушения, никакая роскошь, а тем более дрожащее юное тело не спасут от выбранной самим человеком судьбы, ибо жизнь не обманешь... Вновь, как и предчувствовал, приснился Тимуру кошмарный сон. Вновь посреди ночи вокруг шатра Повелителя людской переполох. На помощь зовут всех и, конечно, Моллу Несарта.

Тимура зимой мучает подагра, болят израненные рука и нога, поэтому в царском шатре натоплено как в бане. Не зная, чем угодить и помочь Великому эмиру, суетятся кругом главные визири и евнухи. Сам Тимур, подперев отяжелевшую голову рукой, сидит горестный посреди роскошного, расписного огромного дивана, где белье — нежнейший шелк нежно-розового цвета, такого же, как дрожащее юное тело на ковровом полу. И на это маленькое тело никто не обращает внимания: оно не ублажило страсть Властелина. Не повезло — утром будет умерщвлено. Свита Тимура сочувствует страданиям Повелителя, не знает, как и чем помочь. Ведь видно, что хозяин напуган, ветра пустить так, что улетучился весь аромат восточных благовоний. А главный визирь, кто обязан более всех о здоровье Повелителя беспокоиться, приказал:

— Откройте подувы, нечем дышать, — поморщился он.

— Ваше неприятен мой запах? — прорычал Тимур. — Нос, башкой отрубить, — скорый приказ.

Ты же охранники скрутили самого важного визиря, связав его в погачи и погачи, бросили бревном рядом с юным, по-прежнему живым телом.

Ну, кому еще показалось, что здесь нечем дышать? — Тимур проходил в взглядом главного евнуха, который не смог обеспечить покой покой.

Мой Повелитель, мой господин, — подобострастно залез в уши твой его голосок, — здесь стоит аромат роз и фиалок. А еще благородный твой богатырский дух!

Ты подхалимничаешь! — непреклонен Повелитель. — Отдай мне твою голову.

От этих действий Великий эмир несколько воспрянул духом, широко оглядел всех, остановился на скромно стоящем Шахзаде Насарте:

— А ты, мудрец, что скажешь? Смердит в моем покое или не смердит?

Вся свита притихла в испуге: любой ответ — головы нет. Молча Насарт медленно подошел к ложу Тимура, сдержанно поклонился и встал смиренно, да твердо сказал:

Повелитель, по твоей милости я давно под арестом, в шалаше, который не топят, насморк замучил. Откуда мне знать, какие запахи в твоём почтенном покое?

Ты — шерзал на своем месте Тимур, — ну ты и плут.

А что я знаю, — словно не слышит, продолжал Насарт, — как навести покой и в твоей почтенной душе, — наверное, наосле и ему в холодном шалаше томиться.

Что как же? — заинтересовался Тимур.

Прояви милосердие, вели творить добро, отвернись от несправедливости.

Что?! Ты читаешь мои письма?

Нет, Повелитель, я читаю Коран.

И что же там вычитал?

О Повелитель, прояви свою мягкость и доброту к этому вашему созданию, — он указал на скрюченное у дивана существо.

во, — да и этих, — пнул он небрежно обрюзгшее тело одного евнуха, — не вели казнить... Новые будут не лучше.

— И как, по-твоему? — явно сдался Тимур.

— Ну, хотя бы вели им яички отрезать.

— Что?! — заорал Тимур. — Ты издеваться надо мной мал? Откуда же у евнухов яички?

— Боже, как они несчастны! — вознес руки Молла. — А ты, о Властелин, хочешь и последней округлости их лишить.

— Хе-хе, — усмехнулся Повелитель, сделал царственный жест, — прощаю всех, — и вновь, строго глянув на Моллу. Я видел тот же сон.

— Видать, ты хотел идти на север.

— Да, — склонил голову Тимур, — но теперь продолжу путь на юг.

— Это верное решение, — поддержал его Несарт, он думает, что «юг» — это восвояси, в Азию, а оказывается, в горы Кашиан, проход к которым уже открыт.

В самый разгар зимы, когда выпал обильный снег, в узких теснинах ущелий гор нелегко продвигаться степной кавалерии за каждым поворотом горцы в засаде, с каждой вершины падают лавины камней и стрел. Но это не останавливает Великого эмира, он обязан отомстить за смерть старшего сына, чтобы оставшимся неповадно было... А путь в горы тяжел, и не сдаются просто так ни горы, ни горцы.

— Мухаммед, мой любимый сын, — прямо во время похода кличет Тимур сына Гайраха. — Что-то и твои люди не совсем расторопны... А ты меня заверял, что в этих горах твои проводники все тропинки знают. Так где же этот рыжий трус, этот улюбленный Малцаг?

— Повелитель, ты заменил мне отца, — искренне предан Мухаммед. — Ты же видишь, как я стараюсь. Ни души не осталось в горах.

— Еще бы, вся моя рать за тобой ходит.

Действительно, стотысячная армия заполонила все ущелья, все дороги и тропы. И как сообщает летопись, скопище Тимура встретило яростное сопротивление горцев. А в Аргунском ущелье было много неприступных мест, укрепленных башнями, крепостями и замками, которые Тимур не без труда одолел.

разрушил, а защитников уничтожил, сбросил в бездонные пропасти.

Армия кочевников достигла таких горных высот, что не только конный, но даже пеший не мог дальше идти. Снега было много и мороз ужасный, ветер ураганный с вечных ледников. Дыхать тяжело, нет провианта для людей и коней. Тимур приказал команду спускаться с вершин, но в самый последний момент Мусаммед-Гума еще более выслужился — в урочище Гуммади может находиться Малцаг, по крайней мере, над самой высокой каменной башней еще развевается красно-белый флаг.

Вперед! Кажется, сама природа выступила на защиту горцев. У самых вершин надвинулся страшный буран, кони не выдерживали, дохли, снежная лавина унесла в ущелье более тысячи человек. Лютая непогода продолжалась не один день, но даже она не остановило завоевателя. Когда все улеглось, и над горами появилось яркое зимнее солнце, Тимур увидел перед собой сказочно красивое высокогорное поселение, где люди издревле занимались скотоводством и разведением пчел... Эту сказку маловероятные горцы не смогли отстоять.

Всех мужчин перебили, женщин и детей взяли в плен и у половецкому выпытали: Малцаг находится еще выше, в местности Шахит-Кад.

Такого чуда даже Тимур не видел. На самой вершине остроугольной скалы гордо высилась каменная башня-крепость, над которой развевается флаг. И эта башня так высока, что, задев голову, с головы Повелителя шапка упала. И ни одна стрела даже до основания крепости не долетела.

— В атаку! —скомандовал Великий эмир.

К башне вела лишь одна узкая тропа. Как только по ней двинулись воины Тимура, начался заготовленный камнепад. Многие погибли, этот единственный проход оказался замурованным. Кто-то из военачальников предложил поставить охрану, но все подохнуло от голода. Однако Тимур ждать не хотел. Он выдел специальный отряд бадахшанцев. Эти люди выросли в горах и привыкли к горным баранам в скалах. Бадахшанцы сумели по скалам пробраться почти что до самой башни, но дальше идти не пошло. Они несли потери.

— Повелитель, — докладывал их командир, — узкий проход одна стрела и наш воин убит.

— Так сколько у Малцага в качане стрел? — злобно рычал Тимур. — Если даже тысяча, посылайте десять тысяч воинов.

Здесь количество не помогло. За день атаки образовалась целая груда трупов, которая ночью примерзла и окончательно закрыла проход.

Тогда Тимур вызвал инженеров. Осмотрели местность и решили строить осадные сооружения. С трех сторон соорудили наверняка длинные лестницы, по которым, как бесчисленные муравьи, поползли вверх тюркиты.

— Взять Малцага живым! Только живым брать! — отдавал приказ Тимур. — Сто тысяч тому, кто живым рыжего доставит.

Немногочисленные защитники башни сражались до последнего. И стрелы их кончились, и копья обломались, и мечи при тупились, врукопашную пошли. Ворвались захватчики в башню, а там много этажей и за каждый — бой. И вдруг, на самом первом показался окровавленный Малцаг. Десятки рук тянутся к нему отбивается он коротким кинжалом, но он его не спасет — вырвет из раненых рук. И тогда он в отчаянном прыжке рванулся в сторону родного флага, сорвал его с древка, обвязался им, как сачком сением и с криком бросился, словно вольная птица, с головокружительной высоты. Да ему не повезло: глубокий снег и десятки вражеских рук не дали ему погибнуть. На закате короткого зимнего дня пред Тимуром выставили пленных из башни.

— Кто такая? — указал он на юную горянку. — Седа? Жена Малцага? Хороша! В мой гарем... Этих — в пропасть. А с этим, — он пнул связанного Малцага, — утром разберусь. Хе-хе, может, его жена-красавица что подскажет...

На следующее утро у Тимура приподнятое настроение. Капитуляция врага — особое торжество. Приглашены все уважаемые люди Повелителя, в том числе и Молла Несарт.

— Ну, что? — склонился Великий эмир над Малцагом, грубо вздернул его подбородок, заглядывая в светлые глаза. — Так чья башка будет на снежном постаменте вечно стоять?

— Твоя, — сквозь окровавленный рот выдохнул пленный.

— Тьфу, — плюнул ему в лицо Тимур. — Казнить! — рявкнул он и, уступая место палачу, сделал шаг в сторону, приставив

судьбовость и мученное молодое лицо, и вдруг жестом остановил зловещный меч. — Пстой-ка, — он вновь склонился к Малцагу — эта морда, эти дерзкие глаза так жаждут смерти... Малцагу? — Повелитель стал смотреть по сторонам, остановился на Молла Несарте. — Эй ты, плешивый мудрец, как ты смеешь! «Провини снисходительность, вели творить добро и повернешь от невежд»... Хе-хе, вот так я и сделаю. Проявлю снисходительность, сотворю добро, — он вновь вывернул подбородок Малцаго и, глядя сурово в лицо: — Ты так легко не отделаешься. Будешь долго мучиться... Я знаю, как надо «отворачиваться от невежд». Ты будешь рабом!

— Молла, — как от острой боли замычал молодой горец, и когда Тимураго челюсть отпустил, выпалил: — Нет!

— Ха-ха-ха, угадал. Будешь, будешь, — с этими словами Тимура вытаскивая из-под халата маленький подкинжальный нож в голый, доиким движением, под тоскливый тонкий визг подбородочного отрезал одно, потом второе ухо Малцага, кинул их к ногам Моллы Несарта и с явным удовольствием, вытирая руки кончиками, приказал евноху кастрировать, яйцами накормить и отправить — в рабство, в пожизненное рабство, с клеймом!... А мы все — гулять! Накрывай дастархан! Молодое вино сюда! Женщины сюда! Музыкантов сюда!.. Так будет со всеми повстанцами на нашем верном пути!

* * *

Вострация, как и рабство и все подобное в исламе, впрочем, как и во всех остальных мировых религиях, запрещены. Однако Повелитель так повелел — этому быть. К тому же все это закончится праздником. А когда праздник, гуляют все, за исключением двух-трех телохранителей Тимура, что неотступно следуют за ним, многочисленной внешней охраны стана, а также повара и евнохов, для которых работы во время пиршества только прибавляется.

Молла Несарт об этом порядке уже знает, посему посреди ночи, особо не таясь, засеменил в апартаменты главного евноха. Евнох — это не работа и не призвание, это, скорее, судьба, судьба всеми презираемого человека. Евнохи существовали практи-

мой. И сам Повелитель уже об этом подумывал. Да его новый сын Мухаммед-Тума прямо во время пира, под хмельком, решил еще раз выслужиться: доложил, что не все нахские племена истреблены.

— Дело в том, — преданно шептал он на ухо Властелину, — что хитрые горцы увели стариков, женщин и детей в непроходимые Черные горы, что восточнее Аргунского ущелья, туда, где нет дорог и никаких караванных и военных путей.

— А ты знаешь туда дорогу? — сразу отрезвел Тимур.

— Конечно! — на все готов Мухаммед-Тума.

— Там женщины и дети? — переспросил Повелитель и, еще раз услышав утвердительный ответ, браво закричал:

— Ох, харемин ичинэ гирмэ!¹ Ты, мой любимый сын, — хан Алании и всего Кавказа! Да чего там мелочиться, назначаю ханом всей Золотой Орды! — махал руками Тимур.

— Да-да, ичгери², — поддержал Тума.

С военной точки зрения эта операция не вызвала особых трудностей. В горных лесах прорубили просеки и поэтапно дошли до бассейнов рек Басс, Хули, Гумс. Здесь сопротивление было минимальным. Мужского населения практически не было, оно погибло в предыдущих боях. Эти места были густо заселены, много было беженцев с равнины. Как и ранее, армия Тимура разграбила и разрушила все горные поселения. Молодых захватили в плен, остальных уничтожили.

А когда Тимур двинулся еще дальше на запад и дошел до рек Аксай и Ямансу, Мухаммед-Тума взмолился:

— О Повелитель, это мои владения.

— А разве до сих пор были не твои владения? — вроде искренне удивлен Тимур. — Ну, ничего, не огорчайся. Я тоже так начинал. Ибо надо вначале своих побить, чтобы чужие боялись. Так где твой дом, где твое гостеприимство?

— Мой замок в предгорье, на равнине.

— Молодец, жить надо на просторе. А эти горцы под стать своим горам: высокомерны и упрямы... Мы их побьем, чтобы

¹ Проникновение мужчины в чужой гарем, внутрь (тюрк.).

² По одной из версий, именно поэтому данный район стали называть Ичкерия.

...и этого прораить легче было... Хе-хе, сынок, поверь моему опыту.

Спустился Тимур на равнину. Подойдя к городу Мухаммеда-Тума, он по-доброму сказал:

Мой любимый сын, созови всех мужчин вон на том майдане.

Зачем? — не на шутку встревожился Мухаммед-Тума.

Видишь? — смеется Тимур. — Я должен тебя, нового хана, представить.

Когда все мужское население собралось на огромной площади, неожиданно появилась тюркская конница, взяла всех за плечи и пошла.

Ничего не делай, не проливай преданную тебе кровь, — пал на колени Мухаммед-Тума.

Даво слово, преданную мне кровь не пролью, — все еще говорит ему Повелитель, — если все свое богатство сюда выложишь. Да свои его дедушек и двести мальчиков.

Мухаммед-Тума, может быть, и готов был требование Тимура исполнить, но его земляки — нет. Тогда их всех истребили, одного Тимура оставили.

Что ж ты плачешь, мой сын? — по-прежнему ласков голос Повелителя. — Разве может мужчина плакать? Ты лучше мне зови отца и жену, верни и живи спокойно, хан Мухаммед.

В этот же день доставили Тимуру древнее искусство.

О! Хорош, хорош! — любовался богатством Повелителя. — И все бы ничего, — искоса посмотрел он на Мухаммеда-Тума. — Вот только какой же ты хан, и кем ты будешь править, если своих подданных сам истребил... И никакой ты не Мухаммед, ты действительно ублюдок — Тума.

И вель предан тебе, Повелитель, — в ногах валялся Тума.

Хм, ты отца предал, свой народ предал. А то, что пока еще живы твои земляки — верю, и слово свое сдержу, не прольется твоя свиная кровь. Повесить!

С чувством исполненного долга пребывал в этот день Тимур. Он сегодня отомстил за сына, и хотелось отдохнуть, в шахматы поиграть. Вызвал Моллу Несарта.

Увидев, как пришедший Молла пристально поглядел на зовущего дедушку, Тимур восторженно воскликнул:

О-о! Бог вернул мне это сокровище!

— А разве ты не дал Туме, и Тума не взял у тебя этого котенка, как священный закат?

— Ну, — встрепенулся Повелитель, — и что ты этим хочешь сказать?

— А то, что Бог не принял твой закат, — ткнул он Повелителя пальцем. — Значит, окончательно от тебя отвернулся.

— Что ты несешь, гнусный раб!

— Да, я раб Божий, но не твой раб, проклятый Тамерлан!

Наказание было жестоким, но не смертельным. Великий эмир всегда руководствовался не эмоциями, а расчетом: таков грамотный человек, как Молла Несарт, нужен ему и его империи...

На этом поход против Золотой Орды можно было считать оконченным. Однако хитрый Едигей, севший в Сарай-Берке вместо свергнутого хана Тохтамышша, по мнению Повелителя и его окружения, выплачивал мало дани — всего половину, как договаривались. Надо было забрать все.

В конце зимы 1396 года произошел штурм Астрахани, затем был разграблен и разрушен Сарай-Берке. Многих жителей утопили в ледяной Волге, а Едигей¹ и его родня спаслись бегством.

Больше грабить нечего, и Тамерлан твердо решил возвращаться на родину тем же путем, через Дербент. Передовой отряд, возглавляемый Мираншахом, встретил яростное сопротивление дагестанцев возле селения Тарки. Потеснив горцев, Мираншах стал их преследовать. В районе реки Шураозень он попал в засаду. Его отряд был разбит дагестанцами, а сам Ми-

¹ За остатки разбитой Золотой Орды еще много лет вели борьбу Едигей и хан Тохтамыш, пока в 1406 г. последнего не отравили. Едигей стал основателем Ногайской Орды и до конца жизни воевал с сыновьями Тохтамышша, и от их рук, будучи уже престарелым, погиб в 1419 году. Намыняк Едигея (сын сестры), чингисид, потомок хана Шибана (брат Батый-хана) — Абулхаир в 1446 г. уничтожил империю Тимуридов и создал в Средней Азии Узбекское государство. Потомки Едигея не дружили меж собой. Межклановая борьба раздробила Ногайскую Орду. Ханы Орды стали вассалами Московского царя, платили дань... В 1608 г. с востока пришла новая волна кочевников — калмыков. Они окончательно разбили ногайцев. Как и Золотая, Ногайская Орда «иссякла», на ее территории утвердилось новое кочевое государство — Калмыцкое ханство.

линых спасся бегством. Тогда сам Тамерлан возглавил поход. Как обычно, разгромил много поселений, взял многих в плен. И есть предание, что жителей одного из захваченных сел, которые не желали ему подчиняться, уложили на чистом поле и прогнали по ним всю конницу.

А еще есть сведения, что один одноглазый кумыкский предводитель, будучи осажденным полчищами Тимура под Тарки, добился свидания лично с Повелителем, предстал верхом на коне и заявил: «Я, слепой, приехал спросить тебя, хромого, для чего ведешь с нами войну, и что у нас есть такого, что бы ты мне взял?» Повествуют, якобы Тимуру понравилась простота кумыка, и он простил его племя, даже одарил подарками.

Историки по-разному оценивают поход Тамерлана на Золотую Орду. Да сам Великий эмир оценил так: вернувшись в свой любимый Самарканд, он отменил все налоги в своем государстве на целых три года — столько было вывезено богатств! А люди!!

Рабство в той или иной форме — следствие любой войны во все времена. Тамерлан почти полностью перенял организационную структуру армии Чингисхана и изначально ввел должность «визирь людей», что и поныне звучит гуманно. Визирь людей по рангу ниже, чем визирь воды, главный евнух или сахиб-дивана (министр финансов). Однако он выше многих военачальников, ибо под его началом огромные людские и финансовые ресурсы. Визирь людей — человек сугубо гражданский, правда, люди и их судьбы его не интересуют. Он оперирует лишь цифрами и должен максимально обогатить казну и, если надо, выполнить тот или иной государственный строительный заказ, будь то большая дорога, канал, мост, архитектурное сооружение и даже целый город, такой как Самарканд.

У Чингисхана и его потомков визири людей в основном были уйгуры¹ и китайцы. С этими народами, впрочем как и с монголами, Тамерлан с самого юношества воевал и в услужении был. Наверное, поэтому он к ним ревностно и враждебно относился, не доверял. А после походов на запад встретил много деловых людей среди персов, евреев и армян, которые умели распоряжаться деньгами. Именно их он на эту должность назначал.

В разные периоды службы в зависимости от поручений Тамерлана под началом визиря людей — от двух до нескольких десятков тысяч человек. Обычно визирь людей находится в сто-

---

¹ Уйгуры — народность, живущая в Средней Азии и в некоторых районах Западного Китая, язык — тюркский.

Однако к концу любой военной кампании он вызывается к великому Повелителю, ибо только он может ведать, как рационально распределить всех пленных, учитывая потребности казны и величественное градостроительство.

Изначально всех пленных делят на следующие категории: духовенство (любого вероисповедания), зажиточное сословие, мужчины, женщины, дети.

Тамерлан, как и Чингисхан, выражал особое отношение к духовенству: их, как и их имущество, обычно оберегали. Если полностью уничтожались города и села (как например, на Северном Кавказе), то местному духовенству предлагалось такое лучшее местожительство, и даже в Самарканде. И там за него давали выделялись земли, строились дома, выдавались пожизненные пособия, прислуга и прочее-прочее. Примерно то же самое предлагалось зажиточным людям и их семьям. Эти две категории граждан быстро ассимилируют, и преданнее их в любом государстве нет и не будет. Парадоксально, но зачастую они на особом учете и в почете, а когда необходимо, их смело используют во всяких непристойных, но очень прибыльных делах. Словом, они всегда при власти, пока через два-три поколения, а скорее раньше, полностью не деградируют и не исчезнут.

Далее — женщины. Как говорят на Востоке, там, где женщины — все непросто. Женщина — это военная добыча, трофей. Каждый воин имеет право обладать им, за это проливается кровь. После каждой значительной победы по указу Повелителя несколько дней продолжаются дикие оргии, после чего всех женщины необходимо сдать в особое место в подчинение визиря войны. Тогда женщина уже не наложница, а рабыня — объект торговли, живой товар, который надо беречь.

Во время похода лишь крупные военачальники, такие как командиры туменов да сыновья и внуки Тамерлана, имеют право обладать небольшим передвижным гаремом. Есть походные наложницы (одна-две) и у тысячников и некоторых особо отличившихся сотенных командиров. Больше — ни у кого. У каждого воина должен быть стимул для новых побед. А если этот стимул — белокожая девушка из Руси или Кавказа, то большего поощрения и не надо.

Дети — есть дети, да это о своих чадах. А дети покоренных народов? Ну, не смогли их родители своих потомков отстоять, значит, такова судьба. Мальчиков вывезут и поместят в специальные учреждения, где из них выбьют, если надо, и выветят всякую память о родине и предках, воспитают неких мангууртов — доблестных воинов. И мало кто из них доживет до зрелого возраста и умрет своей смертью... Еще печальнее участь девочек.

С мужчинами попроще. В первую очередь отберут хороших ремесленников и мастеровых. Их отправят прямо в Среднюю Азию для строительных работ в Самарканде, Бухаре и других городах (так, после похода на Золотую Орду было отправлено более сорока тысяч человек). Остальные мужчины-рабы, впрочем, как и многие женщины и дети, будут на месте проданы привилегированным или специально аккредитованным купцам — перекупщикам, для которых Тамерлан — одновременно варвар и кумир, а в целом — партнер по чрезвычайному обогащению.

Сам Тамерлан тоже относится к купцам по-разному, в своих интересах, зачастую высокомерно и потребительски. Среди них у него есть «любимчики». Они из кожи вон лезут, пытаются угождать Тамерлану, чтобы выкупить побольше «товару» (а как же иначе, ведь и они рабы своих страстей, своей алчности). А Повелитель — не скупой продавец, он тоже торгуется, делает скидки и подарки. И вот надумал Повелитель особо одарить одного рыцаря, но услужливого купца по имени Бочек: лично повел показать не обычный товар.

— Где этот безухий урод? — в сопровождении небольшой свиты Тамерлан появился в покоях евнуха Кульбачтая. Повелитель небрежно пнул лежащего под окровавленной грубой простыней и, вздернув вверх бородку, властно процедил: — Покажи.

— Показать уже нечего, — тоненько слащав голос свиха, — разве что ватка на ране, — и он очень медленно, но демонстративно стал стягивать простыню.

От этого зрелища в ужасе исказились холеные лица купцов.

— Оставь, раз не на что глядеть, — довольство в хриплом голосе Тамерлана. Нагнувшись, взглядываясь в истерзанное лицо поверженного: — Ну что, рыжий пес, мой дорогой Малцаг?.. Хе-хе, как дела? Хе-хе, — он перевел довольный взгляд на толстого

— Этого, — он еще раз его пнул, — лично дарю. Определись в свой дом, к любителям юношей, — и вновь поклонившись: — У тебя, Малцаг, все впереди, хе-хе, точнее, теперь сзади. Умереть, пока кишку наизнанку не вывернут.

Завязало молодое тело, вздулись вены на шее, исказилось уродливо и мимоденное лицо. Хотел было привязанный Малцаг что-то сказать, да и этого не смог: во рту песочная сухость, в горле ком, а в глазах слезы, в душе, как и в теле, жгучая неискоренимая боль... За свою короткую, но слишком буйную жизнь он многое повидал, многое пережил, многое перенес и ко всему, ведущему к смерти в бою, был давно готов, но такого, да в своих краях Кавказа, даже не представлял: он раб, и не просто раб — вострат! Позор!

— А-а-а! — жалобно простонал Малцаг.

— Ха-ха-ха! — вот этого жаждал Тамерлан.

И вот же вечер в честь богатых купцов был дан званый пир, на котором от гильдии купцов слово держал тот же Бочек:

— Наш Повелитель! О Великий Тимур! Когда Всевышний и главный Господь пожелает сделать одного из своих слуг вождем и положить на его голову корону царства и диадему верховной власти, так чтобы благодаря его справедливости и беспристрастности опустевший мир вновь расцвел, и жребий жителей обитаемой части был облачен потоком его щедрости и милосердия, в первую очередь «Тот, кто создал душу прежде тела» украсит жизнь того человека вышивкой блаженства и влечет его душу светом великой мудрости. А потом, когда он спускается из высшего мира к месту привала, Всевышний возвращает его душу в колыбели мудрости и благоразумия и прикладывает грудь кормилицы, которая есть сама доброта и безопасность, ко рту его сокровенного знания и вдохновляет его на благие дела и откровенные речи и умиряет его в его поступках уздой разумения, так что он постепенно, день за днем поднимается по ступеням величия и всемогущества, как предик это Всевышний в его судьбе. За тебя, наш Властелин! За твою Богом избранную судьбу!

— Действительно, от судьбы никуда не уйдешь. На словах, порой и в делах, Тамерлан, как ретивый борец за чистоту веры, долгие часть жизни крайне негативно относился к мужчинам с не-

естественными наклонностями. И он прекрасно знал, что тот самый купец Бочек относится к такому меньшинству.

За это Тамерлан купца глубоко презирал, да отвергнуть, даже несмотря на свое всемогущество, не мог, ибо это тоже каста, и не такая, как каста евнухов, а гораздо могущественнее и влиятельнее, существует испокон веков. Это люди с некоторыми физиологическими отклонениями, которые зачастую встречаются и в животном мире. Они буквально по нюху узнают друг друга, любят, ценят, значит — помогают друг другу, образуя издревле некие братства иль сообщества, скрытую мощь и огромный капитал которых даже Тамерлан вынужден невольно признавать.

Отдавая ненавистного Малцага своеобразному купцу, Тамерлан ожидал наиболее презренную участь для убийцы своего сына. Однако сам купец Бочек отнесся к судьбе пленного по-своему, посчитав, что сама судьба преподнесла ему в руки переделанную субстанцию, и посему он к ней должен отнестись с особым вниманием, тем более что даже на первый взгляд этот молодой, симпатичный парень харизматичен, и в нем что-то бунтарское и необычное есть.

Купец Бочек далеко не молод. Он давно и досконально изучил рынок человеческих потребностей и знает, что в каждом здоровом человеке, каким бы целомудренным он ни казался, присутствует чувственный потенциал, который, будь возможность, порою берет верх над разумом, совестью и богобоязненностью. Это есть похоть. Именно в этом завуалированном сегменте потребления Бочек является специалистом, даже монополистом. Свое дело он любит, товар ценит, особо бережет. Поэтому, вопреки пожеланиям Тамерлана, Малцагу на первых порах где-то даже повезло. Просто он этого не понимает, ведь он не кочевник степей, который где бы юрту ни поставил, там и дом его. И кто кочевника на новом месте знает? Кому он нужен и что ему нужно? Не понравится — отправится дальше, куда глаза глядят. А глаза глядят вдаль: там, может, лучше. И плевать, что было и осталось позади.

Совсем иная психология горца. Горец зажат в теснине гор. Здесь все на виду. Здесь нет сыпучих песков, где носится перекасти-поле. Здесь на отвесных горных склонах, пустив мощные корни сквозь каменную твердь, растут многовековые кряжистые

вероятно в долины, которые все знают, все помнят, за все воздадут и обидного не простят. И люди здесь такие же: по-своему суровые, но Заиреки наивные, любят гостей, да сами в гости мало ходят. Своей родной край им особо мил, помнят и знают предков до седьмого колена. И вдаль здесь не глядят — невозможно, лишь бегут в вершинам. И оттого честолюбие, но не тщеславие, долг, а не гордость, импульсивность, а не уравновешенность, индивидуальность, а не общность, дерзость, но не раболепие... Вот примерно такой был молодой Малцаг, который родился и вырос на южных склонах главного Кавказского хребта, в верховьях реки Алазань, где традиционно занимались выращиванием винограда.

Малцаг был совсем мал, когда его отец и два старших брата, впервые поехали в Тбилиси продавать виноградное сушло, без вести пропали. Это было время первого похода Тамерлана на Грузию, когда была разрушена столица. А потом тюркские воины собрались и до высокогорья. Диким вихрем они ворвались в их небольшое село. Мать успела спрятать Малцага в темном погребе, и он, прижимая уши, еще слышал, как она кричала и стонала. Конечно, он никогда бы не вылез из укрытия: так он был испуган. Да голод, страх, гнетущая тишина и удушающий дым поманили к свету. А там растерзанная, голая мать со вспоротым животом, и дымящие языки пламени, спускающиеся по крыше...

Он бежал, бежал из сожженного села. Спасло его то, что он инстинктивно взял направление не вниз, откуда явились варвары, а вверх, в леса, где его подобрал пасечник, грузин, который жил за перевалом. Именно в этой приютившей его семье его новым старшим братом стал Тamarзо. Но и в этой семье с миром долго жить не удалось: и до этого поселения добрались кровавые шпательца Тамерлана. Однако отсюда, зная о надвигающейся опасности, детей заблаговременно отправили подальше в горы, в Сванетию, к родственникам Тamarзо по материнской линии.

Шло время. Тamarзо возмужал, закалился в жизни и ратных делах, стал полководцем. И рядом с ним тенью рос и Малцаг, образуя следуя за единственно родным человеком. А когда и Тamarзо был уничтожен руками Тамерлана, еще юный Малцаг понемногу был полностью подавлен, в смятении, потерял всякий смысл жизни. И над ним некоторое время довлел неукротимый

страх, который со временем, как уходящая болезнь, куда-то отступил. И был период полного безразличия и почти животного существования, которое также со временем сменилось на крайне противоположное: в нем не зарделась, а заискрилась жизнь. И это действительно была пора, во время которой он ценою своей бунтарской жизни хотел расквитаться с Тамерланом. Знал, что это почти нереально, да его меч был в полувзмахе от ненавидимой головы врага. Но судьба послала ему сына его злейшего врага — Омар-шейха. Вот после чего Малцаг свою жизнь и в грош не ставил, ведь теперь он мог с высоко поднятой головой явиться в иной мир к своему Тamarзо, и мечтал он это сделать с оружием в руках. Однако всемогущий Тамерлан и этого счастья ему не дал, к позорной участи приговорил. В темном холодном шатре, где обрабатывали туши баранов, Малцага бросили на слизкий, пропитанный жиром и ливером грязный деревянный стол, связали руки и ноги, и главный евнух, отстранив всех, заглянул в страдающие глаза Малцага, что-то невнятно прошептал и резанул меж ног так, что буйная, горячая кровь хлынула по бедрам. Малцаг ужасно взвыл не столько от боли, сколько от унижения; прокусил губу.

Он еще не знал и никогда не узнает о тех перипетиях, которые разворачивались вокруг него. И все же судьба ему благоволила: его, как сотни тысяч пленников Золотой Орды, не погнали почти что босиком по снегу в сторону Дербента, на стройки в Самарканд и иные города Азии, а, дав какую-то обувь, призвав за руки к телеге, повели на запад в сторону черноморских портов.

Кто бы знал состояние Малцага? Из надменного, бесшабашного, даже сумасбродного он превратился в жалкое, униженное, раздавленное существо, которое теперь и мужчиной назвать нельзя, и он не просто раб, а раб-кастрат, которого ждет позорная участь. Наверное, поэтому за весь день пути он ни разу не поднимал свою большую голову, где вместо ушей запекшиеся раны.

Ноги он свести не мог, широко от раны расставлял, оттого часто падал. И тогда тащила его по грунту воловья упряжка. Сам Малцаг даже не делал попыток как-то встать; в глубине души он ждал и искал смерти, но не такой мучительной и долгой, а мгновенной. И не раз, а много раз и денно и ночью он мечтал об ору-

то в руках и не кого-то убить, а свой живот вспороть. Да мерзлый живот — дрянь, не хочет он быть вспоротым. Наоборот, хочет быть полным и сытым. А сам Малцаг, хоть и ущербный мужчина, отличный раб — товар, надо беречь: ставят на ноги, своевременно кормят, кое-как обихаживают, правда, не так, как юных красивых девушек, которые по шесть душ сидят на каждой телеге. И телега — нескончаемая вереница. И идет она по протоптанному караванному пути, что называется «Северный торговый тракт» или, как в древности, «Северокавказский отрезок Великого шелкового пути».

Живой товар должен быть доставлен на средиземноморские рынки, и как можно быстрее, пока еще свеж. Самый короткий путь — через Зеленчукский проход и перевал Архыз, прямо в долину Сухум. И хотя весна уже началась, середина марта, и горы уже зеленелись, а этот путь осилить не удалось: на горы навалились черные тучи, с ними густой снег, мороз, а потом пурга. Не преодолев даже первый перевал Умпыр, караван с невольничьими развернулся обратно. И дабы сберечь товар, по приказу князя Бочка самых лучших девушек поместили в полуразбитые тавернами Зеленчукские храмы, и почему-то сюда же попал и Малцаг.

Если было бы очень холодно или жарко, необрабатываемые раны Малцага воспалились бы, а заражения не избежать. А так, погоды умеренная, питание и обхождение сносные, и молодой организм, вопреки настроению, переборол все. За время пути он окреп и окреп, стал лучше слышать. Поэтому его, как кастрата, быть может, как будущего евнуха — обучая, а более из-за нехватки такого рода персонала, приставили обслуживать и присматривать за битком набитым красавицами храмом.

Поначалу девушки его смущались, и он их, как загнанный животное, сторонился. А потом по распоряжению Бочка прямо в храме устроили баню. Осознав нынешнее состояние Малцага, девушки, как бы издеваясь над ним, стали бесстыдно демонстрировать ему свои юные тела.

Реакция Малцага была мгновенной. Он уже несколько дней вместо мертвецкого опустошения наблюдал какой-то прилив плоти в нижней части живота и уже не раз трогал раненные гениталии, веря и не веря. А тут взгляд его затуманился, потупил-

ся, будто съедает стыд. Резким движением рук он прикрыл болевое место, под общий девичий хохот резво побежал по узкой лестнице наверх. Впервые оставшись наедине, внимательно осмотрел и ощупал по-прежнему вскипавшую плоть и израненную мошонку.. Что за чудо?! Все на месте! Он все бы расцеловал. В бешеном экстазе он упал на колени, вознес руки, благодарил судьбу, а потом так закричал, что оставшиеся цветные стекла храма задрожали. Девушки внизу испугались, приумоладились. И в это время сверху появился лукаво улыбающийся Малцаг. Он им по-молодецки нагло подмигнул, да так, что они разом, инстинктивно, поспешили прикрыть свои тела, а он, в свою очередь, безудержно захохотал.

Конечно же, Малцаг был отчаянным малым, да не совсем дураком. Этот день, следом ночь и еще день он кое-как продержался, а потом молодая плоть взяла свое. Ночью он навестил в храме шорох: показал, что в курятнике есть петух, да не простой, а дерзкий и сильный, так что поутру все голые красавицы стали шелковыми. А сам Малцаг себе места не находил, думал, боялся, что вот-вот донесут, или опытные евнухи и охрана догадаются.

Однако и на сей раз ему повезло: в горах выпал обильный снег, не пройти. Ждать некогда, и Бочек дает приказ срочно сниматься. Решено идти в обход гор, вдоль Кубани, до северных черноморских портов.

На прикубанской равнине весна в разгаре: все цветет, все живет, все благоухает. И если ранее несчастные девушки в тюрьме пребывали и тянули заунывные песни, то теперь и здесь жизнь брала свое: то тут, то там шутки, иногда веселые песни. Зато Малцаг опять к арбе привязан. И хочет он казаться, как и прежде, подавленным и несчастным, по-прежнему голову опускает, да взгляд, этот убитый было горем взгляд, теперь не подлобья, да блестит, во все всматривается. И, разумеется, никто не знает, что в его теперь уже не поникшей, а опущенной голове давно зреет план побега. Ему кажется, что это совсем не трудно, просто нужен удобный случай. И такой случай уже назревал. И охрана, считая, что он со своей участью окончательно смирился, мало обращала на него внимания, а иногда даже привлекала, как своего, к хозяйственным делам, высвобождая

и простор. А торжество духа не скрыть. И в теле восстановилась сила и стать, а на лице заиграл румянец, что даже купец Бочек обратил на это свой взор и с умиленной улыбкой заговорил.

А Малцаг, хоть и слыл молодым, думал, что в жизни он много повидал и почти все знает. Оказалось, далеко не так. Особенно не искушен он был в женских делах. От его лучезарных взоров погорелись у некоторых девушек глубокие амурные грезы, до такой степени, что две из-за него передрались. Проигравшая все рассказала охране.

Связанного Малцага доставили к купцу Бочечу, раздели, проверили, ахнули:

— Как же так поступил евнух Кульбачтай? — все дивился Бочек. — Ведь не за такой товар я ему деньги платил.

— Товар не порчен, — попытался дерзнуть Малцаг.

— Хе-хе, ты прав, — ухмыльнулся купец, — и за это заплатит мне Кульбачтай золота столько, сколько его башка весит... Хе-хе, и шпиче его башку хромой Тимур снесет. Хе-хе, — купец внимательно осматривает, — ты прав, товар не порчен, силен, — он чувствует его тело, — но ты мой раб и надобно немного проучить.

Показали Малцага действительно не много, даже не до покусмерти: побили прутьями по оголенным пяткам, да так, что он и встать на ноги не мог, да это ему теперь и не надо. Вслед за тем его отмыли, облагородили благовониями и понесли на руках в особый шатер, где уже возлежал на шелковых розовых и голубых подушках массивный купец Бочек, на котором лежала полупрозрачная изысканная ткань, под которой не скрыть обрюзгший живот, что почти отдельно свисает от тела.

— Иди ко мне, ко мне, — голос у Бочека приторно-ласковый, томный, а в глазах туман такой же, как и в воздухе, пропитанном ароматом нежных цветов и опиума. — Иди ко мне. Ты такой сильный, красивый, молодой... О-у, какое у тебя тело! Иди сюда и ты получишь все, что захочешь.

— Я хочу свободы! — чуть ли не вскричал Малцаг.

— Гм, — ухмыльнулся Бочек. — А что такое свобода? — и помыслив Малцаг соображал: — нужно приласкать верблюдицу, прежде чем доить ее.

— Я не способен на это, — резок голос Малцага.

— О, как грубо. А способности, я вижу, еще какие есть... И так же ко мне, и я приведу тебя в райский сад, блаженный оазис, где ты будешь вечно есть сладостный шербет из золотых сосудов.

— Скверен водопой, к которому ведут.

— О! Мой дорогой, ты знаешь выдержки из Корана? Малца Коран не изучал, но эти слова слышал.

При упоминании Священного писания, Бочек, словно в знак уважения, попытался как-то изменить свою вальяжную позу, даже сел и продолжал со знающим видом:

— А знаешь ли ты, что сказано там же? «И твой Господь не обидчик для рабов».

— Ты хочешь сравнить себя с Богом?

— Хм, — скривилось в гримасе оплывшее лицо Бочка. — Вы, кавказцы, все строптивые... Хе-хе, о рабстве и понятии не имеете, мол, все благородного происхождения. Но тебе, я думаю, рабство на пользу пойдет, — он лишь сделал жест рукой.

Вот когда Малца подвергся жесточайшим пыткам, после чего на плече и правой груди ему выжгли клеймо «пожизненный раб» на арабском и греческом языках. И на этом не угомонившись раскаленный прут вонзили в пятки так, что от долгого истощающего крика воздух просто звенел.

Малца теперь уже ни на что не способен, и его можно было просто умертвить. Да потому и богат купец Бочек, что каждой мелочью дорожил. Как никчемный груз бросили раба на западную арбу, на которой перевозили всякую хозяйственную утварь, донесли с караваном до Черного моря, а там работоторговля испокон веков процветает.

Рабство — это безбожие, безнравственность, дикость. Однако этот бизнес во все времена есть. А в средневековье это дело особенно доходно. И на первый взгляд кажется, что работоторговля — это что-то хаотичное, спонтанное, полулегальное, ведь любая вера выступает против этого, и служителей веры — хоть отбавляй. Да на самом деле все узаконено, все по порядку под строгим контролем, и облагается пошлиной и налогом, есть санитарный досмотр.

В Северо-Причерноморском регионе всего несколько мест, где можно продавать рабов и откуда их вывозят. Это в основном итальянские, генуэзские и венецианские колонии-порты, там же

го купца: «Славяне, русские и аланы сходны по нраву с тюрками, но более терпеливы. Аланы мужественнее тюрков ночью и более дружелюбно расположены к своим хозяевам. Хотя мастерством они ближе к византийцам и имеют художественные наклонности, у них все же есть разного рода недостатки. К примеру, они склонны к воровству, неповиновению, разглашению секретов, им присущи нетерпеливость, глупость, леность, враждебность по отношению к хозяевам и стремление к побегам. Достоинствами для хозяев являются мягкость нрава, покладистость и быстрота сообщения. К тому же они действуют осмотрительно, говорят прямо, храбры, хорошие проводники и обладают хорошей памятью».

Что касается цены, то она на Черноморском побережье в три-четыре раза ниже, чем в местах назначения — средиземноморских портах. Дороже всех, а это сотни, порой и тысячи дукатов, стоят юные красавицы — черкешенки, аланки и грузинки. (Для сравнения, так же оценивается и хороший конь.) Очень дорого, до 50—70 дукатов, стоит кавказская молодежь, как будущие воины и охранники. Дорого стоят и дети, особенно девочки, ирредуемые собственными родителями. Очень мало, как ущербные и не сумевшие защитить себя, стоят разного рода пленные, особенно люди в возрасте, раненые и больные: эти годятся лишь для грубой или сельскохозяйственной работы. Их так и называют «сезонный» раб. К примеру, таких во множестве закупают египетские землевладельцы и под африканским солнцем нещадно используют на выращивании и сборе хлопка, на тяжелых строительных работах. За один сезон в невыносимых условиях (плохое питание, болезни, тоска и пр.) эти люди выматываются, буквально иссыхают от палящего зноя. И они вряд ли доживут до следующего сезона, и нет смысла их кормить. И тут возможен торг: полуживых рабов продают любителям экзотической охоты, они служат приманкой для крокодилов Нила. А тех рабов, которые и на приманку не сгодились, просто так в Ниле топят (на то он и раб!).

Аналогичная ситуация складывалась и с нашим Малцагом. Кто его купит, если он не только ходить, даже стоять не может? Дабы украсить товар, по указке Бочека Малцаг первые два-три дня стоял, опершись на поручни телег. Покупатель подойдет, по-

дуплет, толкнет, и он со стоном падает. Тогда охрана в досаде его даже не видит, так что на четвертый день он уже и встать не мог и похитить его невозможно. На такой товар уже спроса нет, и разгосподованный Бочек долго злобно смотрел на совсем жалкого Милцага, у коего в глазах лишь тоска, как у старой загнанной собаки, которая и мух отогнать не может. А купец, подчитывая убытки, перевел взгляд на бескрайнее штормящее море: судя по тучам, придется раба бросить. И в это время, а дело шло в субботу, с моря, прямо из-под солнца, как спасение, к каменистому берегу подошла небольшая гребная галера, с которой поспешно и уверенно сошел крепкий, хромой, высокий мужчина — ярко выраженный кавказец. Направился к брошенному на берегу Милцагу, как у скотины, руки, грудь пощупал, в рот, на зубы пощелкал и спросил:

— Сидеть можешь?

— Он все может, — угодливо зашевелилось толстое тело Бочка, и, уловив вопросительный взгляд, ласково выпалил: — Всего десять дукатов.

— Три, — последовал ответ, и на этом торг свершился. Кавказец с галеры оказался местным черкесом. Черкесы или, как правильно, адыги обитали на обширных территориях западной части Северного Кавказа по бассейну реки Кубань, от абхазов на юге, до Дона и Крыма на севере. Адыги — развитое многочисленное общество, где уже сформировались феодальные отношения, и, как писали историки, у них одна беда: нет единого царя, всего междоусобица, распри.

В каждом поселении кто самый богатый, тот местный феодал и хозяин. И он никого не чтит и никому не подчиняется. Такой же феодал из соседнего села — первый враг, конкурент и с ним постоянная вражда.

Главная статья экспорта, а значит и дохода Адыгеи — рабы. Похищение человека, даже соплеменника, особенно ребенка, — дело обыденное, доблестное. Адыгейские феодалы не отбивались от продажи в рабство своих собственных родственников. Богатые и могущественные адыги нападали на бедных и беззащитных. И дело дошло до того, что не только в одиночку, семьями, и даже целыми селами адыгейцы из-за притеснения и нищеты убегали в Египет, где был шанс попасть под опе-

латыми фразами древних философов. Ведь еще Аристотель¹ сказал: «С самого часа своего рождения одни предназначаются для подчинения, другие — для господства...» Оказывается, других вариантов и нет, по крайней мере, сам Таир иного и не видел и твердо знал, что бедный — раб. И, пытаясь от этого состояния подальше уйти, он нещадно эксплуатировал рабов и покупал самых дешевых лишь на сезон, чтобы в зимние месяцы задарми никого не кормить.

Вот так, по весне, да подешевле, имея наметанный глаз, купил Таир в гребцы истерзанного Малцага. И вряд ли Малцаг не то что сезон, но и одну ходку бы выдержал: до того он был искалечен и слаб. Да судьба вновь сжалилась над ним. Дело в том, что у Таира в родных местах были кое-какие дела. Ушел он с галеры на два-три дня, а задержался надолго. Оказывается, богатого земляка свои же украли, выкуп потребовали. Пока суд да дело, время шло, и оно пошло на пользу Малцагу: от морской воды, помощи лекаря-раба, а в основном из-за природной силы и молодости, ожил Малцаг, окреп. И когда по истечении месяца появился хозяин Таир, хотел было Малцаг свой кавказский норв показать, да не тут-то было. Поиздержавшийся, разъяренный черкас стал похлеще Тамерлана: щедрыми полосами отбивалась тяжелая плеть вокруг тела Малцага, оставила новые рубцы, да так, что он, позабыв обо всем, так рьяно и судорожно стал грести, что от запекшихся кровяных мозолей еще долго не мог оторваться от ненавистных, отполированных руками тысяч рабов тяжелых весел.

У Таира и один сезон мало кто выдерживает, а Малцаг смог. И, наверное, не оттого, что был особо вынослив, стоек и силен. Просто в этот год дела Таира плохо пошли, галера подолгу простаивала в портах. А когда выходили в море, от непрерывной гребли руки буквально немели, не сгибались. Тогда свист кнута перебивал шум волн, и горемычный Малцаг со слезами на глазах не раз мечтал прыгнуть в море и утонуть, да мощная цепь на ногах: прикован к борту, который его, в конечном счете, и спас.

Это случилось зимой, когда умелые капитаны поставили свои корабли на прикол. А жадный Таир понадеялся на хорошую

¹ Аристотель (384–322 гг. до н.э.) — греческий философ.

послать, а главное — посул был велик: он почти единственный перевозчик. От Константинополя до Крыма они дошли без провоза, так же и возвратились. И на этом можно было сезон завершить. Однако Константинополь переживал не лучшие времена, дороговизна рабов и цены — не те. А вот южнее, если пройти неблизкое Мраморное море и пролив Дарданеллы, можно достичь острова Лесбос, который со времен античности является центром работорговли.

Они были уже у цели, когда над Эгейским морем сгустились тучи, и даже новичок Малцаг понял, что будет шторм, и, судя по волнам и ветру, неукротимый. Забегал Таир по галере, соревнуясь с ветром, засвистел было кнут, да ненадолго: первая огромная волна просто слизала всех, кто не был прикован к борту, а потом забрало галеру по волнам, как щепку. Малцаг многое пережил, и не один шторм, но такого ужаса и беспомощности даже не представлял. Вначале он еще как-то хотел оценить ситуацию и попытаться было командовать гребцами, как выправить курс, но его крик потонул в коловерти шипящего рокота. Сразу стало совсем темно, будто мир залился густым мраком. И казалось, что перекричать это буйство никто не в силах. Однако когда галеру бросило на скалы, не треск галеры, а рабский вопль душ на мгновение оглушил стихию.

Мечтал Малцаг, и не раз за последний год, найти покой на дне морском. А когда попал в мрак ледяной пучины, потеряв всякий ориентир, в смертельной панике забултыхался. И вряд ли он смог бы всплыть: уже наглотался едко-соленой воды и задыхался от распирающего кашля, еще воды хлебнул и в бессилии от такой кончины впился в свою грудь ногтями. Но вдруг словно неведомая сила потянула его за ноги, и он вылетел стрелой, почувствовав невесомость своего тела. И тут, после гробовой тишины, воцарившейся на мгновение, он буквально вспарил над пенно-кипящим котлом и хотел бы улечься, да та же сила вновь потянула его вниз, и он провалился в пучину волн. Эта бешено голодная, дьявольски распирающая морская пасть вновь готовилась его проглотить. От непомерного страха он попытался закричать, не смог: вырвался кашель. Но истошный вопль, человеческий вопль стоял у его уха, и когда через мгновения его опять подняла волна,

будто вознесла над миром, он увидел рядом две головы, эти два ненавистных доселе затылка рабов. В отличие от себя он их так и считал — рабами, потому что за прошедший сезон дважды подговаривал их к бунту на корабле, и оба раза они предавали. И мало того, что побили — к этому он привык, три дня не кормили, и никто не поделился. Они действительно были рабами, к коим себя он никак не причислял, посему всех соседей — рабов-гребцов — просто презирал и за людей, тем более за мужчин не считал.

Однако сейчас, в этом вихре ада, сквозь сумрак шторма, увидев знакомые силуэты голов, блеск живых человеческих глаз, как-то сразу вновь ощутил, пусть и ледяную, но жизнь — эту повседневную, непрерывную борьбу. А рядом были люди, и у них одна судьба, и они прикованы к одному просмоленному, как пробка, бревну, которое, словно поплавок, им и утонуть не даст, и на поверхности за ноги как угодно яростно швыряет.

— Малцаг, помоги, спаси! — сквозь дикий рев он услышал свое имя.

Да, он, Малцаг, не раб, и эта стихия его спасет. Эта искрометная мысль придала ему сил, и он решил сражаться до конца.

— Держитесь за бревно, обнимите бревно! — стал командовать он, думая, что его слышат.

Правда, и сам он это сделать никак не мог. Огромное бревно хаотично металось меж волн, беспорядочно вертелось, то в порыве уплыть, то резко притягивая к себе, ударяя с неимоверной силой. И все же после долгих потуг Малцаг сумел приноровиться, кое-как прилип. Но это не было спасением: руки онемели, и все тело заледенело. И он уже чувствовал, что замерзает, уже билось о него тяжелое, безжизненное тело соседа. Второго он тоже не видел. Там, к краю, накренилось бревно, и он уже отчаялся — конец. Но на гребне волны его угасающий взгляд выхватил проблеск огня и чудовищный мрак прибрежных скал, на которые с неистовым ревом бросилась эта волна. И хлесткий удар, вновь удар... Он ощутил твердую землю, вес продрогшего, онемевшего тела и, уже теряя сознание, последнее, что уловил, как дьявольская волна, уползая, с ядовитым шипением уносит за собой прибрежные камни из-под него.

* * *

Турки — древнейший народ. Согласно легенде, они произошли от волчицы и Турке, сына Яфета. А в Центральной Азии существовала великая тюркская цивилизация, где был достигнут высокий уровень обработки металлов, развились выращивание и торговля лошадьми. С другой стороны, некоторые ученые, черпавшие сведения у китайцев, считают, что до V века нашей эры в тюрках ничего не было известно.

Как обычно, по-видимому, истина где-то посередине. Во всяком случае, турки (или тюрки) существовали всегда у так называемого Черного входа в Китай, там, где озеро Манас, Внутренняя Монголия и Черный Иртыш. Они были на южных просторах Сибири и востоке Центральной Азии. Это были большие племена, имевшие мало общего друг с другом, за исключением некоторого сходства языков (некоторые племена, например, такие как киргизы, караимы, каракалпаки, уйгуры, ассирийцы и другие сохранились до сих пор). Их называли тюрками потому, что они разговаривали на одном или родственных языках, которые называли тюркскими. Но это не аналог турецкого языка. Изначально некоторые из этих языков имели много общего с монгольским.

При всех обстоятельствах эти племена оставались кочевниками-скотоводами. Они ели много мяса, носили одежду из шерсти и шелка, пили кобылье молоко. Их, сильных, умелых в ратном деле мужчин, называли бахадрами, знатных женщин — хатун, а предводителей — ха-ханами. Они были прекрасными и выносливыми наездниками, на скаку умело пользовались рогатыми луками, с тетивы которых срывались свистящие стрелы, носили металлические кольчуги и вуг-тут, штандарты с волчьей головой. Золотая волчья голова была эмблемой вожака волчьего племени. Воля хана — непрекаема.

В этих воинственных людях угадываются предки завоевателей, которые, приходя в движение, рассеиваясь, занимали огромные пространства далеко за пределами своей родины.

Так, в XI веке турки-сельджуки вторглись в Армению и Византию. 19 августа 1071 года состоялось сражение у города Манцикерт, после которого Константинополь практически потерял

контроль над восточными территориями, и образовалась новая империя Великих Сельджуков Персии, простиравшаяся в zenithе могущества от Афганистана до Средиземного моря.

Империя Сельджукидов просуществовала более двух веков (с 1037 по 1300 годы) и, по мнению некоторых ученых, сыграла значительную роль в истории мира. Считается, что именно репутация сельджуков, как непобедимых воинов, основанная на ряде побед, которые они одержали над византийцами, западноевропейскими крестоносцами и армиями хорезмийских шахов, натолкнула монголов на мысль напасть вначале на Киевскую Русь вместо того чтобы сосредоточить усилия на вторжении в Персию и Ирак, что они и сделали, только позже.

Но это еще не все. Если, как считал Геродот, история действительно представляет собой сочетание случайностей и личности, сельджуки, вероятно, несут ответственность еще за одно очень важное для Европы событие. Принято считать, что племя турок-османов получило свои первые земли в Малой Азии благодаря милости одного из последних султанов-сельджуков.

Дело в том, что в конце концов сельджуки стали жертвами монгольских завоеваний и внутренней междоусобицы. Их упадок продолжался до тех пор, пока не сохранили свое господство лишь сельджуки Рума в Малой Азии.

В то время как тюркская держава переживала упадок, небольшие воинственные группы племен утвердились в Анатолии. Среди них всегда существовали отряды гази-мусульманских воинов, которые, не довольствуясь завоеванными территориями, постоянно стремились к продолжению военных походов и расширению границ господства ислама. К XIII веку некоторое число кочевых отрядов гази обособились в самостоятельные ханства, почти свободные от власти сельджукских или монгольских вождей, правивших в глубине континента. Одной такой кочевой армией командовал Эртугрул — отец Османа, основателя Османской династии...

Здесь смешиваются история и легенда и рождается следующее предание.

Эртугрул, влиятельный полководец из тюркской знати, вел отряд всадников численностью четыреста человек через Анатолийское плато, когда увидел, что идет бой неравных соперников.

В трудный момент он поспешил на помощь меньшему по численности отряду сражавшихся воинов и вместе с ним выиграл битву. Преподителем отряда, которому помог Эртугрул, оказался не кто иной, как Алаудин Кайкобад — султан сельджуков Руда, который и знак благодарности подарил Эртугрулу земли, располагавшиеся вдоль границы с Византией, на крайнем северо-западе своих владений. Таким образом, Эртугрула поставили преподителем пограничного войска, наделив его полномочиями защищать владения султана, по возможности расширять их.

В 1281 году Осман наследовал своему отцу Эртугрулу, а в 1299 году он провозгласил свою независимость. И с этого времени начался путь Османа как завоевателя. И хотя его ханство первоначально было одним из самых незначительных среди государственных образований, поделивших между собой державу сельджуков, династия Османа в течение сотен лет одолела большинство своих соперников и основала империю, носившую это знаменитое имя шестьсот лет. В зените своего могущества владения Османской империи простирались от Будапешта на Дунае до Асвана на Ниле и от Евфрата почти до Гибралтара...

В конце XIV века, а точнее в 1397 году, когда Малцага после краха государства выбросило на берег Малой Азии, правил правнук Османа — Баязид Молниеносный, который прославился не только как искусный полководец и любитель гаремных наслаждений, но прежде всего как грамотный правитель. И если сказать, что Баязид — турок, то между этим турком-урбанистом и теми турками-кочевниками, что ушли на запад тысячами напад, было такое же колоссальное расстояние, какое разделяло побережье Средиземного моря и пустыню Гоби... Именно Баязид начал строить мощную экономику и сплошную систему социального обеспечения страны. Он подошел к реализации этих задач настолько серьезно, что через несколько лет после его вступления на престол для населения Малой Азии наступил период настоящего процветания.

Ничего еще турками-сельджуками, продолжилось бурное развитие крупных городов. Наиболее заметной в каждом районе города была мечеть с комплексом общественно значимых зданий, обычно вырастающих вокруг нее. Их обеспечение, строительство и содержание финансировалось типично мусульман-

ским способом, принятым во всем исламском мире. Поскольку пожертвование — одна из пяти важнейших добродетелей мусульманина, все строительство, можно сказать, осуществлялось за счет доходов частных благотворительных фондов, называемых вакфами.

В Европе такого еще не было, а в средние века в городах Османской империи на дотациях государства и вакфов рядом с мечетью обязательно должны были быть общественные бесплатные (и не только для бедных) столовые, баня, больница, аптека, библиотека, школа и даже гостиница.

В одной из таких больниц очнулся Малцаг. Вокруг все чисто и тепло, хорошо кормят, чернокожие мальчишки-рабы прислуживают. Здесь молодые люди обучаются медицине. Всем этим заведует старый врач по имени Сакрел. Он же лично наблюдает за Малцагом.

Сам Малцаг о такой идиллии даже не мечтал: глаза заблестели, румянец на щеках, и чувствует, как крепчает, даже голос прежний, звонкий, прорезался. Но однажды появился сгорбленный, маленький, тщедушный тип, явно мелкое должностное лицо, с парой грозных янычар — и прямо к Малцагу. От страха Малцаг съезжился, мурашки по телу, язык прикусил, и это его спасло: он просто не мог открыть рот для ответа, а подоспевший Сакрел скороговоркой выдал:

— Он еще очень болен, да и вряд ли по-турецки понимает.

— А греческий, фарси, арабский? — недовольно скривил рот служащий.

— Полечим еще недельку, — ушел от ответа старый врач, — мы обязаны немощным сострадать, — принял он повинную позу.

В тот же день, вечером, якобы для обработки ран Сакрел ушел Малцага из многолюдной палаты в свой кабинет, уложил на кушетку и, мягко поглаживая его руку, доверительно сказал:

— Молодой человек, я не знаю твоего имени, но остальное известно, — и, перехватив вопросительный взгляд Малцага, продолжил: — По внешнему облику ты, безусловно, кавказец. По количеству ран, к тому же полученных в разные периоды, ты воин и, видать, не плохой, раз многие раны впереди... Далее, ты попал в плен, скорее всего, к извергу Тамерлану. Об этом говорят твои отсутствующие уши, и они же говорят, что ты, хоть и молод, да здорово врагу насолил... Ну а это, — Сакрел коснулся клейма

на плече, — это тавро я очень хорошо знаю. Купец Бочек — негодий и мерзавец, каких свет не видывал, — при этом, тяжело выдохнув, врач встал. — Это вечная метка — ты пожизненный раб без права выкупа.

— Нет! — вскрикнул Малцаг, тоже вскочил. Он дрожал, глаза налились гневом.

— Не кричи, успокойся, — обнял его врач. — Я тебе помогу, — и, видя, как в надежде изменилось лицо Малцага, добавил: — Молодой кавказец, тем более такой как ты, — желанный раб охранника любого бая.

— Прислуживать я не буду!

— Это лучшая участь раба.

— Я — не раб, я — воин Малцаг с Кавказа!

— Хм, молодец, воин Малцаг, — не без иронии. — Ты действительно воин, раз даже роль галерного гребца не вышибла из тебя эту спесь.

В недовольстве заскрежетали зубы Малцага.

— Прости, — попытался исправиться старый врач, — это дух, — он отошел в сторонку. — Однако этот дух хорош на поле битвы, а в рабстве — только смерть.

— Лучше смерть! — бросил Малцаг, и ему почему-то вспомнился штурм и как с этой смертью боролся. Он сел на кушетку, горестно закрыв лицо руками. — Что мне делать? Как быть?

— Понимаешь, Малцаг, в этом мире столько господ, потому что гораздо больше рабов у них под пятой... Смирись.

— Нет, нет, не могу, — уже не кричал, а почти что скулил Малцаг и вдруг оторвал руки от лица: — Помогите мне, возьмите в себе в охрану, в прислугу, как хотите.

— Хм, — как-то жалко усмехнулся Сакрел. — К счастью или к сожалению, но у меня прислуги нет, я и сам под охраной, и шаг в сторону сделать не смею.

— Это как? — удивился Малцаг.

— А вот так, — искажилось лицо врача, он вплотную подошел к Малцагу, грубо рванул свой халат, обнажил плечо. — Узнаешь?

— Тавро Бочека? — изумился Малцаг. — Ты тоже раб?!

— Как видишь, — сух голос врача. — Я раб Бочека. А эта башаница и все остальное, включая мечеть, построены на его щедрые жертвования. И каждую пятничную молитву одним из

первых возносится имя этого самого Бочека. Хотя религия его одна — алчность и чревоугодие

— Да как же так? — не перестает удивляться Малцаг.

— А вот так, — сух голос Сакрела.

— И вы не пытались... э-э, — умолк на полуслове Малцаг.

— Бежать? — угадал его мысль врач. — Пытался. Как и у тебя пятки выжжены... Давно бы сдох, да специальность врачаветели спасла мне жизнь.

— Рабство — это жизнь?

— Пойми, все мы рабы Божьи и должны смириться со своей судьбой, и Бог нам воздаст.

— На том свете? — заметные нотки ехидства в тоне молодого человека...

— Твоя беда — ты слабоверующий, а может, и вовсе не верующий в Бога человек.

— А купец Бочек или Тамерлан — глубоко верующие?

— Это лишь Богу виднее, — очень мягок и добр голос врача. — Наше дело — смирение и покорность.

— И что оно вам дало? — едва уловимая грубость в интонации Малцага.

— Под старость мне позволили жениться, теперь у меня три ребеночка, — он аж засиял лицом. — Поверь, семья — высшее счастье.

— А Родина?!

— Гм, — замешкался Сакрел, — у меня ее, как таковой, не было. Есть лишь многовековая мечта.

— А у меня была, есть и будет, — по-молодецки напыжился Малцаг. — И она должна быть у каждого мужчины!

Наверняка этот тон не понравился Сакрелу: явно выпроваживая пациента, он тронулся к двери.

После этого прошло несколько дней. Врач был по-прежнему внимателен, но не более того. Сам же Малцаг уже жалел о своей дерзости, пытался вновь наладить отношения, но врач его избегал. У Малцага иного выбора не было, и никого, кроме Сакрела, поэтому он настойчиво искал с ним встречи.

— Понимаете, — как можно вежливее обратился он, — мы невольно повязаны одной судьбой, одним тавро и, мне кажется, должны друг другу помогать, как братья.

— Чуждой человек, — усталый взгляд в глазах врача, — в мои времена, человека глубоко верующего, все люди — братья... А что является тавро, то я знаю тысячи и тысячи людей с таким тавром.

— Это не люди, это рабы! — опять вспыхнул Малцаг. Словно вода прибывала, дернулись на скуле Сакрела желваки:

— Мой рабочий день кончился, — не своим голосом сухо прошептал он и, окинув Малцага взглядом с ног до головы, быстро ушел.

Внезапно охватило Малцага. С ужасом он представил, как за ним читается этот горбатый паша¹ — опять кандалы — он раб... И почему не утонул? Даже в рабстве, но жить хотел? Значит он раб...

С этого ощущения он пребывал в постоянном угнетении, даже не знал, как быть и что делать, ведь в любой момент за ним могли прийти. Да старый врач как-то странно повел курс лечения: перевязывал ноги Малцага толстым слоем марли, сверху каково-то попомую мазь наложил, так что на всем этаже у всех глаз шипит, слезится. Из-за этого запаха горбатый сановник даже в палату не пошел. А Малцаг не мог понять действий врача. И тут воцарилась удача — священный месяц рамадан, больных еще лучше лечить, никого до праздника выписывать не будут. Но новый визитной, да еще какой, поступил. Это был огромный, крепкий караванщик африканец, у которого, видать, давно уже вырвали язык. Говорить он не мог, только кричал от боли невыносимо и беспрерывно, будто раненый бык. Его спина, ягодицы и даже верха ног, будто плугом, были испещрены следами от жесткого бича.

— И меня так били, — почему-то выдал Малцаг.

— Тебя так еще не били, — сухо отреагировал Сакрел. — Но ты в этом идешь. Ушей уже нет, тавро — есть, пятки прожжены — склонен к побегу. Потом вырвут строптивый язык и, вый конец, как его, не только выпорют, а хребет переломают. Что тебе с ним делать?

— Добить, — бесстрастно сказал Малцаг.

— Я врач, а не палач, — процедил Сакрел.

¹ Паша (турк. — перс.) — титул военных и гражданских сановников.

В тот же вечер он напоил африканца какой-то микстурой, сушил вату под нос. Несчастный ненадолго затих, а потом до утра — истощенный вопль. Утром процедуру повторили — облегчение не наступало.

— Теперь ему нужен палач, а не врач, — вновь подсказал Малцаг.

Ничего не ответив, Сакрел вышел, тотчас вернулся, весь бледный, как прибрежный песок. Заслонив собою африканца, он что-то сделал и очень быстро ушел. Больше криков не было. Малцаг подошел прикрыть веки, ему сразу стало дурно... Он спал мертвецким сном, около суток, а когда проснулся, одна лишь мысль — бежать, бежать на родной Кавказ, где рабства нет!

Поставив эту цель, он стал все изучать. Благодаря лечению и времени, раны его почти зажили. Он значительно окреп, набрался сил. Путь предстоит не легкий и не близкий. Оказывается, шторм в ту ночь унес их мимо острова Лесбос еще дальше на юг, и он в большом портовом городе Измир. На парусно-гребной галере до Кавказа можно дойти за пять-семь дней, в зависимости от погоды и морского течения. Проникнуть на галеру трудно, почти невозможно. Надежда — встретить земляков. Все провалится в порту. А если морем не удастся, остается лишь пеший путь. Караван купцов до Тбилиси ходит около месяца. Он будет идти только ночью — пусть будет два. Главное — свобода!

А доктор Сакрел, словно прознал о побеге, впервые за долгое время заговорил с Малцагом.

— Раб — основа и богатство любого строя... А посему рабов охраняют пуще золота. Смотри, не делай глупостей. Вспомни того африканца.

В том-то и дело, что того африканца Малцаг никак забыть не мог. И это воспоминание еще больше подогревало его порыв.

Он не знал этой страны, не знал этих людей, дорог, традиций и порядков. Он единственно надеялся на свою силу, выносливость, умение ориентироваться и удачу. Расчет был один — бежать на праздник Рамадан. И это ему здорово помогло. В последний день поста с вечера начались массовые гуляния, танцы, музыка, шум. В этот вечер в больницу понаехало много богатых людей, раздавали щедрые подарки, в том числе и одежду, которая так нужна была Малцагу.

Тридцать Малцаг крепко спал, а до зари, пока еще не прозвучал утренний «занг», он свободно покинул здание больницы, перешагнув через забор мимо спящей охраны и прямо в порт, куда по шлюзу определил бы он дорогу.

Малцаг уже знал, что это города — по истории, архитектуре, нравам и культуре — значительно разнятся. А вот порты — они почти все одинаковые: разношерстные и шумные, шик и нищета, с разгулом и тоской, благоуханием и вонью, с криком и гульбой, с драками и танцами, с контрабандой и кучами хлама, а в конечном порту — это всегда мечта и желание, и даже для раба-грабителя — простор.

Была зима. Накануне прошел дождь, и по узким грязным переулкам, и шиваясь, текли мутные потоки, которые подсказывали Малцагу, куда надо идти. Из-за низких хмурых туч и утренней мглы и туманений море с высоты не видно, но уже чувствуется восточная песнопойной стихии, резкий, влажный, соленый воздух. И так хочется дышать, так легко и весело и свободно вниз идти. Неумный еще молодым и от природы бесшабашным, он считал, что задуманное почти свершилось, и от этого он двигался по наклонной чуть ли не вприпрыжку, напевая себе под нос.

А праздник уже чувствуется. Спозаранку город наполняется оживленностью. Все довольны, улыбчивы, разнаряженные, задорными играми бегают дети, кричат, играют, капризничают. Откуда-то уже слышится музыка, лают собаки. Попрошайки занимают выделенные места. Все смотрят, даже озираются на Малцага. Ему кажется, что это оттого, что он выше всех прохожих. Вот вдалеке оживляются конные янычары. Чуть ли не бегом Малцаг проскочил в совсем узкий проулок, где сплошь месиво и от куч мусора и дуж помоев тяжело идти. Поплутав по тесным переулкам, он наконец вышел на модную широкую, мощеную улицу. Затерявшись в толпе, оглядывая все свысока, он и не заметил, как к нему подошли грубые стражники:

— Ты куда, урод? — стали они выдергивать Малцага из потока.

— Что вы к нему пристали, сегодня праздник, — зашумела толпа.

— Отпустить его! — властный голос с балкона.

¹ Занг — призыв к молитве.

Малцаг вновь свободен, но как муторно на душе. И надо бы ему как-то слиться с толпой, да длинный рост не позволяет. И он решил, что правильнее будет идти не по середине, а с самого края вдоль стен. А тут, на центральной улице, что ведет с площади, сплошь дорогие магазины, и вдруг он кого-то знакомого мельком заметил, встал, очень медленно вернулся, — видимо, витрина очень дорогого магазина, большое зеркало, чего он давно не видел, толпы людей проходят, а один действительно урод длинный, изможденный, худющий как жердь. А одет? Неужели это он? А что будет, если каук¹ снять? Он осмелился, снял. Без ушей, лысый череп, лишь большущие синие глаза горят, шатают жизнь...

Напялив шапку, втянув голову в плечи, еще больше ссутулившись, Малцаг вновь тронулся вместе с толпой. Впереди обозначилась огромная площадь. Там ужелюдно, шумно, сладкие запахи туда манят. Но там сипахи² стоят, издали видно — за порядком следят. Нет! На этом празднике не место беглому. Надо идти в порт.

Уже видно море, запах водорослей и гнилой рыбы, стал слышен беспокойный прибой и, наконец, побережье. Вот где желанный простор! И настроение Малцага чуть улучшилось, легче стало дышать. Правда, и здесь на него обратили внимание; — торговые лавки и чайханы в ряд.

— Эй, старик, зайди к нам, отведай свежий плов, халву. Все даром, день какой!

— Хочешь, с собой возьми, сколько хочешь, бери! Все бери! — кричат из другого прибрежного заведения.

А третий торговец видит, что ранний прохожий всех сторонится, сам выбежал навстречу и, ласково улыбаясь Малцагу, монетку сунул. Обожгла эта монетка руку. Он и по виду нищий рыб! Отойдя поодаль, он глянул на нее, — «Осман — Баязид», кинул в море, тотчас пожалел, и более — себя: порт почти что пуст. И как он не догадался? Ведь разгар зимы, время штормов. И кто сейчас сунется в море? Лишь самый отчаянный, или у кого боль-

¹ Каук (*перс.*) — высокая шапка на вате, вокруг которой наматывается сарык-платок.

² Сипахи (*турк.*) — привилегированная армейская кавалерия.

шой корабль в два яруса гребцов. С десяток таких судов, слегка качиваясь, стояли на привязи в акватории. Здесь в порту, в отдалении от города, ощущалась сила резкого, пронизывающего ветра, иногда со свистом. Море средне штормило. Некоторые волны с яростным шумом бились о берег, разбрасывая брызги.

— Эфенди, эфенди, ты явно кавказец, — неожиданно из небольшой лавки вышел краснощекий, коренастый хозяин. — Я родом из Карса, а ты откуда? Приболел? Морская болезнь? — забросал Малцага вопросами. — Заходи, заходи, все даром. Столько наготовили к празднику, а никого нет. Видишь, какая погода? Кости ломит, небось, вновь шторм идет.

У Карса Малцаг воевал под командованием побратима Табарю, там получил первые ранения. Наверное, поэтому он поддался искушению бесплатно поесть.

В небольшом помещении безлюдно, уютно, приятный полумрак. Пахло жареной рыбой, сладостями и амброй. Хозяин усадил Малцага за небольшой тандыр¹, на котором сразу же появились даваш, сухофрукты, халва.

— Так ты откуда? — накрывая стол, опять спросил хозяин. Табы сразу не отвечать, а обдумать, Малцаг сразу же набил рот дашой, знаком попросил запить.

— Айран, морс, шербет², — предложил хозяин и, видя замешательство гостя, подмигнув: — А может, бузу³? В честь праздника и аркь⁴ бесплатно, чуть-чуть.

В это время, перекрывая шум прибоя, с улицы послышался какой-то гвалт.

— Господи! — хозяин прильнул к маленькому оконку. — Опять эти мерзавцы, — он, нервничая, засуетился. — До утра здесь гуляли. Гашиш курят. А тут ураза⁵... Беда.

Пнув дверь, развязно ввалилось несколько человек, по виду — моряки.

¹ Тандыр (*тюрк.*) — столик над печкой, покрываемый одеялом.

² Шербет (*перс.*) — восточный фруктовый прохладительный напиток.

³ Буза (*перс.*) — легкий хмельной напиток из проса, ячменя и гречихи.

⁴ Аркь (*тюрк.*) — турецкая водка.

⁵ Ураза (*араб.*) — пост.

— Накрывай стол, — не разуваясь, тяжело и бесцеремонно они повалились на достархан. — Арку неси, да повеселей.

— Сегодня священный праздник — пить нельзя, — в полуденном состоянии стал хозяин. — Вдруг мулазим¹ нагрянет.

— Разберешься, — они кинули на скатерть несколько дирхемов², и, пока хозяин ловко подбирал монетки, они с удивленным разглядывали Малцага.

— А это что за чучело там сидит?

Хозяин склонился, что-то на ухо, видать, старшему, сказал. Тот на непонятном для Малцага языке заговорил со своими, все захохотали.

— Неси хаш, да побыстрее, — вновь последовала грубая команда.

Пока хозяин торопливо накрывал стол, пришедшие, перебивая друг друга, стали страстно говорить, перешли на спор, который продолжался всю трапезу под немалое количество хмельного. Довольно быстро утолив голод, они потребовали кальян и без особого напоминания хозяин принес странный поднос, на котором лежали раскаленные металлические спицы и тростниковые трубки. Маленькая лавочка наполнилась дурманящим ароматом ханки³.

Сизый, терпко-слащавый густой дым, как плотная едкая паутина, завис в полумраке, так что глаза Малцага с непривычки стали слезиться, и он невольно кашлянул.

— Эй, урод, — обернулся один из моряков в сторону Малцага. — За кайф надо платить.

— Он отработает, — бросил другой.

От их дикого хохота задрожало тусклое оконце. Внезапно резкий порыв ветра потрянул дом, ворвался внутрь, растворив полону дыма. Пришельцы встревожились, замолкли, прислушиваясь к нарастающему шуму стихии. Меж ними вновь возник шумный спор, и, видимо, мнения разделились. Двое, жестикулируя недовольно руками, встали, направились к выходу, но их словно за ноги дернули, обратно усадили.

¹ Мулазим (*тюрк.*) — надзиратель.

² Дирхем (*араб.*) — серебряная монета.

³ Ханка (*монг.-уйгур.*) — сильнодействующий опий.

— Эй, хозяин, — вдруг крикнул старший, — а где Шадома? Шадому дайви!

Точно обухом по голове, прояснилась мысль Малцага... Шадома?! Редкое имя. Неужели это та обольстительно-сладкая красавица Шадома, которую он у Тамерлана отобрал, которую, как первую любовь, все время помнил, которую бросил на заснеженном канцдзском перевале, когда она спасала ему жизнь. Неужели это она, его Шадома? — приятные грезы унесли Малцага в небеса.

— Шадому сюда! — вновь грубый голос.

— Да вы что? — с испугом залепетал хозяин. — Шадома много دينار¹ стоит, сюда не отпустят, да к тому же сегодня выходной, праздник.

— В том-то и дело, что праздник, будем... — он не успел договорить, шквальный ветер, свист, рев волны оглушили весь двор.

Все замолчали, испуганно переглянулись. Снаружи рванули двери, и вместе с яростным, диким порывом ветра в лавочку влоптал промокший моряк. Указывая в сторону моря, он что-то тревожно кричал. Как по команде, толкая друг друга, они быстро покинули помещение.

— Ну и погодка, — скорее прикрыл за ними дверь хозяин и, равнодушно улыбаясь, приблизился к Малцагу: — Ну, как еда? Тебе и парням будет хорошо, они щедро платят... А ты пей, кушай, только шанку во время еды сними, как-то не по-христиански. Ты кто по вере? — вместо ответа, увидев исподлобный взгляд: — Конечно, это не важно, ведь Бог един, — тут он как-то тупо засмеялся. — Вот это ханка! Хе-хе, даже я Шадому захотел... А они славные парни, не пожалеешь.

Малцаг уже понял, что эти «славные» парни не кто иные, как морские разбойники — пираты. Видимо, спасаясь от непогоды, они зашли в этот порт. У таких рабы-ребцы и сезон не держат, а во время шторма, чтобы сильнее гребли, забивают плетью насмерть.

Эта лавочка как ловушка, с помощью хозяина здесь пираты заманивают к себе на борт новых гребцов. Конечно же, у Малца-

¹ Динар (латин.) — золотая монета.

га был соблазн сесть на их корабль и уйти куда угодно, тоже стать пиратом, всем мстить, всех грабить. Да разве эти разбойники будут с ним как с равным считаться? Ведь он даже языка их не знает. Вновь прикуют до самой смерти к палубе, пока к рыбкам на корм не пойдешь.

— Богатые, щедрые ребята, — опять твердил хозяин, — иди с ними, не пожалеешь, — и словно его подслушивали, два пирата вернулись, бесцеремонно схватили Малцага:

— А ну, вставай. Пошли.

В возникшей сутолоке с головы Малцага слетела шапка. От безухого вида все оцепенели. Этого мгновения было достаточно, чтобы вполне окрепший Малцаг показал свои боевые качества.

От хлынувших потоков крови старому хозяину стало дурно. В ужасе, раскрыв рот, он пытался к выходу, когда и его Малцаг настиг, сдавил сморщенную шею, ткнул лицом в плов.

— Кто такая Шадома? Где она? Живее! — тормозил он старика.

В искренности ответов не было сомнения. Оказывается, сам хозяин Шадому никогда не видел, только слышал о ней. Она куртизанка, не всем доступна, очень дорогая, содержится в роскошном серале¹ под названием «Сказка Востока», это в самом центре города.

Как раб, Малцаг уже давно знал, что по закону времени тот, кто не сдает беглого раба, понесет серьезное наказание, а кто раба хотя бы и временно приютит, да к тому же накормит, тот может и сам в рабство попасть. Исходя из этого, а более не осознавая, что он раб, оставил Малцаг хлебосольного хозяина в живых, правда, деньги его прихватил. На ходу напяливая шапку, он спешно покинул маленькую харчевню. На улице, как и в его душе, бушевал шторм, острыми прутьями хлестал косой дождь. От шквального ветра тяжело было дышать и даже стоять. Волны так разыгрались, что шипящие языки доползали до ног Малцага и в любой момент грозили его уволочь. Невдалеке, сквозь пелену дождя и брызг было видно, как пираты безуспешно дергают канаты, пытаются спасти галеры.

¹ Сераль (*турк.*) — дворец.

Путь морем был отрезан. Оставалось, пользуясь непогодой и праздничной суматохой, попытаться днем покинуть город. Однако, вопреки здравому смыслу, он двинулся навстречу опасности, быстро направляясь в сторону центра. Теперь у него была одна мысль, одна мечта — увидеть Шадому. И для него эта встреча была не просто встреча с красивой любимой девушкой, это была встреча с юностью, встреча с родными и близкими и, наконец, встреча с Родиной.

От этих иллюзорных мечтаний и грез все внутри кипело, он даже не замечал разбушевавшейся стихии. Малцаг уже был на широких мощеных улицах центра города. Из-за непогоды праздник не удался — кругом ни души. Даже спросить, где «Сказка Востока», не у кого. А в ногах слабость, дрожат, буквально подкашиваются от все возрастающего страха, что эта Шадома — не та Шадома, которую он знал. Его Шадома не может быть публичной женщиной. Значит, наложница в чьем-либо гареме — другого у рабыни нет. Какая разница? Второе даже хуже, чем в гарем постороннему хода нет.

Гришь и ревность съедает нутро Малцага. В поисках «Сказки Востока» до нитки промок и продрог. Он уже долго блуждает по пустынному центру города. К обеду ветер усилился, стало еще холодней, зато дождь ослабел и пошел вперемежку с крупным черным снегом. Наверное, от этого стало светлее, но «Сказки» не видно. И он не раз, не два ловит себя на мысли вернуться в городскую больницу. Где больница, теперь он тоже не может понять. В его душе и в голове началось смятение. Он не знает, чего хочет: бежать на Кавказ? Встретить Шадому иль больничную медсестру? И, как спасение, он увидел скрывающуюся под плащом маленькую фигуру.

— Эй, — окликнул Малцаг и хотел было спросить дорогу на Анкару, еще более — больницу, а язык выдал: — Где «Сказка Востока»?

Она оказалась совсем рядом. В самом центре, на возвышенности, уголая в роскоши вечнозеленых растений, где фонтаны даже в непогоду бьют, белокаменный огромный комплекс с роскошными колоннами, статуями и аркадами, что простоят здесь на одно столетие. Здесь, на целебном источнике термальных вод, что издревле течет из котловины бывшего вулкана, постро-

ены жемчужные азиатские бани. Здесь же школа, библиотека. Здесь же апартаменты государственных чинов, дорогие магазины и чайханы. Здесь и гостиница, или караван-сарай, и при нем театр со всевозможными увеселениями. Это действительно скалка, и не только Востока. Здесь еще господствует византийский язык, и здесь, в этом старом портовом городе, властвуют не религии, языки и традиции, а власть денег, огромных денег, несметных богатств. Но и деньги не всякому открывают вход. Здесь своя когорта избранных, а таких как Малцаг и близко не подпускают. Самого же Малцага, пока он, разинув рот, любовался, задержали янычары-охранники, ни слова не говоря, отправили в городскую тюрьму. И на сей раз Малцагу повезло: не били и не пытали, только допросили, и три дня он обедался: правник — для всех несут в тюрьму пищу.

А потом был суд, настоящий суд, где был кадий-судья, господин винитель — тот горбатый сановник — и свидетели — врач Сакрел и хозяин прибрежной лавочки, что донес на Малцага и поджидал с янычарами у «Сказки Востока».

Главный вопрос: была ли попытка побега? К тому же, судя по пяткам, уже не первая.

— Нет, ваше величество, — как мог, защищал Малцага доктор Сакрел. — Был праздничный день и послабление режима.

Второй вопрос — убийство пиратов.

— Раз прежний хозяин погиб при кораблекрушении — это уже вердикт судьбы, сохранившийся в архивах, — и прямые наследники неизвестны, то данный раб становится собственностью города, а точнее собственностью нашего Великого Эмира, Властителя города Измир и его окрестностей... Некие пришлые разбойники позарились на жизнь этого раба, значит, на священную собственность Эмира. В данном случае раб действовал по закону.. Учитывая это, а еще более милосердие нашего Эмира, а также умеренно-положительную характеристику врача Сакрела, определить в дубильную мастерскую.

Дубильная мастерская — это гораздо лучше, чем городская каменоломня или шахта рудника. Она находится на окраине города, в захолустье. Из-за стойкого неприятного запаха там трудно дышать, значит жить. А живут там только рабы или бывшие рабы, и все холостые. Женщины, впрочем, как и мужчины, дол-

они не поддерживают. Дубильная мастерская занимается выделкой шкур животных для нужд армии. Также есть возможность продать излишки по своему усмотрению. Надзирателей здесь нет, все на самоконтроле и самообеспечении. Кто умудряется прожить первые пять лет — автоматически получает освобождение от рабства и соответствующую часть доходов от производства. Деньги получаются не малые, и многие из дубильщиков, не имея иных возможностей, так и остаются здесь на всю жизнь, и сами становятся хозяевами, надсмотрщиками, палачами. А копра — топливо в печке... Так называемые хозяева дубильных мастерских выжили в невероятно тяжелых условиях. Им не нужны новые совладельцы, но им нужны новые рабы, к которым они чрезвычайно нужны.

По своему буйному нраву попытался Малцаг на первых порах показать строптивый характер: драку затеял, многих избил. Так дубильщики его по-своему и наказали: посадили всего на полчаса в бочку с раствором кислоты для дубления, после чего все прежние пытки позабылись. Три дня он не только есть и пить, а дышать не мог, задыхался от непрерывного сухого кашля. И вряд ли он выжил бы, да собратья по цеху спасли: то мазали на него, то оливковым маслом мазали.

Малцаг ожил, значит должен работать. Работа дубильщиков не столько трудоемкая, сколько вредная. Если организм справится, то может прожить и десятки лет, а если нет, то и полгода не протянет, от чахотки помрет — до того здесь зловонно и ядовитые пары. В этом плане Малцагу изначально повезло: может все время воздухом подышать. Его работа — собирать по городу собачьи экскременты, применяемые в технологии дубления. И на ногах Малцага тяжелые железные оковы, так что передвигается с трудом и бежать невозможно. Ночью, задолго до зари он уходит в город. В каждом квартале есть базары, где мясные лавки, там множество собак и их отходов. С рассветом, когда город просыпается, он должен город покинуть, потому что от него исходит мерзкий запах, да и сам вид его отвратителен.

В первый день Малцаг набрал лишь треть сумы. Боясь вернуться, он задержался в городе в поисках, и его избил горожанин, потом мулазимы, а старые дубильщики молча показали на бочку с раствором, так что всю следующую ночь Малцаг блуждал

по городу среди одичалых собак, сам себя ощущая собакой, но все-таки не рабом. И, наверное, это чувство как-то спасало его и поддерживало.

Вскоре, почти по нюху, он находил в городе большие стаи, и, видимо, нрав у них был один. Во всяком случае, собаки к нему привыкли: не лаяли и даже не убегали. Скоро, наловчившись, еще до рассвета он набирал полную суму, прятал ее в укромном месте и брел к берегу моря, чтобы хоть немного отдышаться. Так понемногу он приходил в себя. И когда наступила весна, он почувствовал, как окреп его дух, потому что он стал впервые смотреть на свои оковы не как на неизбежность существования, как доступ к хлебу, где корыто и тепло, а как ярмо, от которого надо избавиться, чтобы жить. И от этой мысли Малцаг взбодрился, понял, он еще человек и есть еще люди вокруг — это доктор Сакрел и, может, Шадома.

До нее не добраться. И где живет доктор, он не знает, зато путь к больнице уже разведан. И здесь беда: по времени никак не получается. И тогда Малцаг решил подать знак: бросил у входа кусочек вонючей дубильной шкурки. Ответа нет. Второго раз — то же. А на третий Сакрел догадался, что это условный знак, до зари поджидал у больницы.

— Помоги, Сакрел, — просил Малцаг, — совсем дышать не могу.

— Вижу, вижу, — с одного взгляда понял врач, но в больницу вести Малцага не посмел, — постараюсь тебе помочь.

Договорились у входа в больницу устроить тайник, из которого Малцаг каждое утро в течение месяца будет забирать лечебные снадобья. Еще Сакрел предупредил, что, опасаясь за семью, больше на контакт не пойдет, только в крайнем случае.

Посреди ночи Малцаг бывал у больницы. Первым делом патшак пил какую-то горькую неприятную микстуру, от которой всегда слегка пьянел. Потом, собирая экскременты, сосал кусочек барсучьего или медвежьего жира и, под конец, коробок из тростника, в нем — густой мед.

Доктор свое дело знал: к концу месяца дыхание почти восстановилось, и даже голос окреп, так что старые дубильщики с удивлением на него поглядывали. Однако сам Малцаг существовать так пять лет, а потом стать хозяином вовсе не желал. Мысль об ином, и он опять дает условный знак Сакрелу.

Уже подвигалось лето. С юга, из аравийских пустынь, при-
вставал палящий зной, даже ночи стали теплыми. Притаив-
шись в колючих кустах можжевельника, Малцаг с нетерпением
ждал появления доктора. Вначале он услышал звуки шагов, по-
том в предраассветных сумерках темная тень с капюшоном, как
призрака. Малцаг не испугался, напротив, очень рад, выскочил
навстречу.

— Фу, в жару ты еще больше смердишь, — отстранился Сак-
рел, он прячет лицо. — Из-за тебя я рискую: у меня семья, де-
ти... крайне недоволен его голос. — Что ты еще хочешь?

— Зубило, — тихо выдавил Малцаг.

Наступила долгая пауза. Сакрел медленно стянул капюшон,
в ошкенте уставился на Малцага:

— Иновь бежать?! Так и не смогли вышибить из тебя этот дух
свободы... Удивительно! Этим ты меня и привязал к себе... Зуби-
ло шатра будет, но убежать ты не сможешь.

— И жить так не могу.

— Мне тебя жаль.

В предраассветных сумерках холодно блеснули глаза Сакрела:

— Прощай, на сей раз навсегда, — он стал уходить.

— Спасибо, врач. Я буду долго тебя помнить.

Сакрел остановился, чуть постояв, медленно обернулся:

— Неужто ты веришь, что убежишь от рабства?

— Конечно, верю, ведь я невольник, но не раб!

Сакрел молча кивнул, что-то пробормотал и, исчезая, наки-
нул капюшон.

На следующий день, ближе к обеду, под лучами палящего
солнца, на пустынном берегу моря, уйдя подальше от города,
рабив до крови руки и ноги, Малцаг сумел освободить только
один ногу, дальше дело не пошло: зубило совсем затупилось,
и сил уже не было.

Малцаг надеялся, что сможет долго идти, но не пришлось:
обходя город, позвякивая колодой, на окраине он наткнулся на
чернокожего пастуха, такого же раба, который обязан был вы-
служиться.

Малцага не били и не судили. Лишь была процедура опозна-
ния раба, где был тот же горбатый сановник и вызван доктор Са-
крел (дубильщиков не вызывали: они воняют). Еще день Малца-

га держали в городской тюрьме, а потом отправили на другую работу, откуда не убежишь, просто не сможешь идти.

Работа не грязная, зато изнурительная... Центральная городская мельница. Огромные каменные жернова, из которых торчат четыре деревянные жерди, к ним привязаны три вола, четвертый — Малцаг. У него одна рука свободна, в ней плеть, он должен погонять впереди идущее животное. Если жернова слабо шумят или совсем затихли, то появляется здоровенный надсмотрщик, и он бьет плеткой самого Малцага.

Помещение не проветривается, страшная духота. От мучной пыли не продохнуть, и у Малцага вновь обостряется кашель. В полдень — час отдыха: кормят и поят на привязи. И лишь вечером мулов отгоняют к стойлам, а Малцага — в клетку. Праща, клетка и не нужна, он взахлеб пьет воду и валится с ног, даже сеть не может. Лишь под утро, едва придя в себя, он начинает набивать желудок: благо, мучной похлебки дают сколь угодно. От этой тяжелой пищи то запор, то понос, и он, как скотина, испражняется на ходу.

У скотины, чтобы голова не кружилась, глаза весь день привязаны. Малцагу и этого снисхождения нет, и не только днем, даже ночью в мучительном сне перед ним весь мир кружится, все кувырком, все болит, и лишь одна мысль, как и у мулов, — отогнать мух и комаров, расчесать раны от укусов клопов. Каждый день одна мечта — дожить до спасительной ночи, и ночью одна мечта — поесть, попить, поспать. Другого желания не было и не могло быть. Он уже знал, что превратился не просто в раба, а в животное, как однажды случилось неожиданное: присев на корточки, у его клетки очутился доктор Сакрел. Вот тут что-то дрогнуло внутри Малцага. Понял он, что старый врач изучает его. Из последних сил, кое-как, Малцаг взял себя в руки, еле подполз и, постаравшись выдавить гримасу ухмылки:

— Ты как сюда проник?

— Заплатил.

— Тогда проникни еще раз... Мне нужен нож.

— Боже! — отпрянул Сакрел. — Что ты за человек?!

— В том-то и дело, что человек, а не раб и не скотина! — взорвался Малцаг.

— Не шути, — вновь придвинулся к решетке Сакрел. — Нож не принесу, боюсь, и невозможно, проверяют. Да и прийти я вообще не смогу: последние гроши отдал.

— Так что ж ты пришел?

Сакрел хотел было что-то сказать, но не смог. Сжав губы, он бессильно прильнул, меж ними была лишь решетка, их руки соприкоснулись, и в это время появился надсмотрщик:

— Все, время вышло, врачеватель.

— Терпи, Малцаг, смирись. В будущей жизни тебе за все воздадут, — горячо прошептал Сакрел.

— Хм, что будет в будущей жизни — никому не известно. А я этой пожить хотел.

— Прощай... Прощай, Малцаг, я поражен.

С уходом Сакрела Малцаг совсем иссяк, вновь в бессилии вывалился. Однако чуть позже, немного поспав, он поймал себя на том, что мысль чуть-чуть заработала, да в ней столько тоски и удрученности, что быть животным оказалось гораздо легче, и он им снова стал... Теперь, наяривая круги, он думал лишь об одном: когда же ноги зашлепнутся, он повиснет на жердях, и его забьют как собаку. И он зависал, его истязали и будто высекали энергию. И он снова шел и с яростью хлестал вола.

Но конец был близок. И главный признак в том, что эта полюбка, словно параша, не лезет больше в рот. Он совсем обессилен, как бывший воин, понимал испытующий взгляд надсмотрщика: добить сегодня или еще день подождать?

Малцаг сказал бы «добей», если б это было на поле боя, поужаски, с мечом в руках. А здесь, среди собственных испражнений... Нет! Скрипя зубами, он вставал, всем своим видом старался выказать, что еще жив, что хочет жить, что не хочет быть прирезанным, как накануне старый вол.

Это была искра, последняя искра. Она быстро погасла, и он чувствовал, будто уже осязал запах своей смерти... В тот день он даже не притронулся к этой опротивевшей постной мучной полюбке. Дважды надзиратель спускался к нему, заглядывал в котел и в его глаза. Когда тяжелая дверь скрипнула в третий раз, Малцаг со всем смирился, он даже не шелохнулся, спиной ожидая палача. А у этого палача даже поступь другая, легкая, пугливая, не похоже на него.

— Малцаг, Малцаг, — вдруг услышал он свое имя, от этого вскочил. И по голосу, и по лицу старого врача не узнать.

— Сакрел, что с тобой?

— О-о-о! — жалобно зарыдал старик. — Мои девочки, мои совсем маленькие девочки, — больше он ничего не мог сказать. Крупные слезы текли по его опавшим щекам и седой бороде.

— Что с девочками? Что с ними? — сразу ожил Малцаг.

— Забрали. Увели... Они ведь еще дети, младшая — совсем ребенок.

— Как увели? — даже голос у Малцага окреп.

— Взяли и увели... Я — раб! И мои дети — рабы.

От сознания своего бессилия оба умолкли, потупившись. В стороне, у стойла, протяжно фыркнул мул. Оба посмотрели туда, потом друг другу в глаза:

— Так зачем ты пришел? — некая враждебность в тоне Малцага.

— Не знаю, — Сакрел уже не плакал, горечь в его воспаленных глазах. — Наверное, зависть. Я не смог как ты выстоять. Сломился, смирился... Я принес нож, борись до конца.

— Хе-хе, — усмехнулся Малцаг. — Поздно, Сакрел, я не борец. Нет больше сил, — он протянул через решетку свою иссохшую руку, погладил холодную кисть старика. — А ты, Сакрел, держись, живи. Ты нам нужен... А девочки... Что тут нового? В этой стране с самой юности все они попадают в гарем.

— О-о, Господи! — вновь заплакал Сакрел. — Если бы и там гарем, то полбеды. Их ведь забрали в «Сказку Востока».

— Что? — воскликнул Малцаг, светлые глаза заблестели. — Что ты сказал? — в его тощей руке откуда-то появилась сила, он схватил доктора за грудки, как некогда спасательное бревно, рванул к себе: — Повтори!

— «Сказка Востока», — испуган Сакрел.

— Ты был там когда-нибудь? О куртизанке Шадоме слышал?

— Я публичные дома не посещаю, — Сакрел попытался отсвободиться, но Малцаг яростно его тряхнул.

— Что ты несешь, старый хрыч? — злобно прошипел Малцаг в уголках рта появились пузырьки, как у бешеной собаки. — А твоя больница, дубильня или эта мукомольня что — багдальня? Зачем ты сюда пришел? Ты не знал, что тут мукомольня

— Вот, а там — женщин? И там хоть шик, а здесь срачь... И что ты и ни болтал, я раб, и ты раб! Но нам ведь дано имя «мужчина», и мы обязаны хоть как-то бороться. Ты слышишь? — трясут его Сакрела.

— Что я должен сделать? — задрожала борода старика.

— Беги домой, приведи себя в порядок, приоденься, возьми еще пять золотых монет...

— Ты что?! — взмолился врач. — Откуда? Нету! — и, видя врачьи глаза Малцага: — Клянусь, нет! Последнее этой свинье слова, — кивнул он на дверь, за которой надзиратель.

— Тогда возьми в долг, — не сдавался Малцаг.

— Кто мне даст?

— Молчи. Ты сам сделал из себя раба. Но ведь ты врач, человек и честный, всем нужный, уважаемый... Слушай меня. Малцаг сейчас же в «Сказку Востока», там Шадома. Назовешь мое имя. Если это та Шадома, то... — Малцаг глубоко глотнул, и молчал.

— А если не та? — его мысль хотел продолжить Сакрел. — Как я погашу долг?

— Хе-хе, — схидно усмехнулся Малцаг. — Долг раба — вовремя подохнуть.

— У меня семья, еще сын.

— Молчи, — грубо перебил Малцаг. — Твой сын, как и ты, раб. И нищий, подрастет, с ним обойдутся еще хуже, чем с девочками.

— Что мне делать? — опять слезы ручьем.

— Хоть сейчас попи не распускай. Сакрел молча плакал.

— Пойми, — дернул Малцаг старика, — если это та Шадома, беги, и уверен, по крайней мере, облегчит участь твоих девочек...

— Это пище! Что ты еще хочешь? Хоть теперь убей в себе раба.

— Я пошел, — дернулся Сакрел. — Прости... Прощай.

— Беги, — настаивал Малцаг, и когда врач уже коснулся двери. — Погоди, нож-то отдай, раз принес.

И лучищееся глядя на Малцага, старик вернулся:

— Самоубийство — страшный грех.

— Хе, — с напускной бесшабашностью ухмыльнулся Малцаг. — Лучше уж я умру как мужчина, а не как жалкий раб, от рук твоей свиньи.

Врач молчал, а Малцаг, усмехаясь, продолжил:

— Что ж ты не скажешь: «Смирись, все мы рабы Божьи!»

— Все мы рабы, — склонил голову Сакрел.

— Да не раб я, не раб! — прошипел Малцаг. — Беги, ради детей беги и борись до конца, а смириться еще успеем!

Припрятав нож, вцепившись в решетку, Малцаг чего-то стоя, ждал. Он знал: пока стоит, его не прибьют. Он пришел ждать, привык терпеть, но ноги не держали. И он стал на колени, а потом едва не упал, да в это время лязгнула дверь, она пригласила встать.

— Гм, — хмыкнул толстый надзиратель, удивленно поведя подбородком и, тяжело дыша, ушел.

Надзиратель еще дважды приходил, а Малцаг все стоял. И позже, когда за дверью послышался храп со свистом, и в мукомольне стало совсем темно, он все еще стоял. Он не цеплялся за жизнь, он за нее боролся до конца. И когда силы иссякли, он повалился, на ощупь нашел нож, коснулся лезвия и где-то в глубине души вспыхнул слабый огонек позабытого азарта боя. Это был его последний бой, и, предвкушая эту страсть, он явственно ощутил запах крови, запах смерти. От этого он получил неожиданное наслаждение, в последний раз глубоко вздохнул... И он учуял некий новый аромат, аромат цветущих роз и сказочных благоуханий. Потом был лязг засова, слепящий свет и шелест шелка. Он не видел под яшмаком¹ ее лица, и она никогда бы не узнала его, если бы не голос:

— Шадома!

* * *

Говорить о женщине, тем более женщине-рабыне, плохо, — дело, по крайней мере, недостойное...

Шадома, как и Тамерлан, — исторический персонаж. Зачастую у великих людей существует несколько генеалогических версий, где приукрашенных, где, наоборот, очерненных.

За тьмой веков различить истину порою невозможно. И как показывает жизнь, надежнее всего — держаться середины

¹ Яшмак (*тюрк.*) — разновидность полупрозрачной вуали.

Но где эта середина — тоже трудно понять. Во всяком случае, верните и изложим то, до чего удалось «докопаться».

Точно известно одно: Шадома — персиянка с богатой родо-войной и историей. При этом ее жизнь тесно связана с Кавка-зом, в частности, с Грузией и Арменией. По одной из версий, или легенд, ее предок — очень богатый перс, живший в Грузии, при нападении иранского султана Джелал ад-Дина на Тбилиси в 1236 году, вошел с ним в сговор и город сдал.

По другой, чуть позже, в 1239 или 1240 году, дочь грузинской царицы Тамары¹ Русудан из политических целей была выдана за-муж за сельджука Рума² Кейхусрова II³. Их дочь Соркотани (или Есулун⁴) была писаной красавицей, попала в руки завоевате-ля — монгольского ильхана Ахмеда (то ли в плен, то ли в виде контрибуции). Когда мамлюки Египта разбили монголов под Египетом⁵ (1227 год), она вновь попала в плен и стала подарком, а также — женой местного перса, который был проводником мамлюков.

Сын от этого брака Камаль на службе у монголов становится главным битикчи⁶ у наместника Грузии и всех западных терри-торий, по имени Юлдузчи (здесь некоторое хронологическое не-соответствие, так как Юлдузчи был при эмире Аргуне, а это не

¹ Тамара, Тamar (около середины 60-х гг. XII в. — 1207 г.) — царица Грузии (1184—1207). В ее царствование Грузия добилась значительных успехов.

² Так назывались восточные территории Римской империи, пример-но территория современной Турции.

³ Кейхусров II — Гияс ад-Дин. Его отец Кейкубад I (ала ад-Дин, пра-вил с 1219 по 1236 гг.) был заточен в тюрьму братом-правителем. Когда последний умер, Кейкубад I был освобожден и возведен на престол. В годы его правления империя Сельджуков стала вновь процветать. Од-нако при помощи собственного сына Кейкубад I был отравлен. Кейхус-ров II был бездарным правителем. Женившись на грузинке Русудан, он так влюбился в нее, что отказался от остальных жен и всего гарема. При Кейхусрове II начался распад империи сельджуков; он был задушен своей же свитой, близкими людьми.

⁴ На Востоке часты двойные имена. Внучка царицы Тамары в грузин-ской хронике — Соркотани, а в персидской — Есулун.

⁵ Конья (Иконий) — город на юге современной Турции.

⁶ Битикчи (*перс.*) — секретарь-исполнитель.

совсем стыкуется по времени), и дослужился до внушительной должности помощника ельчи¹. Камаль и его потомки женились на грузинках и осели в Грузии. Видимо, они были предприимчивыми и могущественными людьми, если смогли сделать карьеру при грузинском дворе и приобрели сан вельмож и сохранили это влияние на целый век.

Приняли ли они христианство или остались мусульманами — неизвестно. А если судить по воспитанию Шадомы, то они вели светский образ жизни, образцом которого служили манеры Константинопольского двора. Шадома, помимо родных персидского и грузинского, знала греческий, латынь, латынь Востока — арабский. Она с детства обучалась пению, танцам, музицированию, была начитана, наизусть знала «Шахнаме» («Книга о царях») Фирдоуси и «Витязя в тигровой шкуре» Руставели.

Оставаясь в корне персами, были ли предки Шадомы гражданами и патриотами Грузии? Конечно же, были, ибо и дед и отец Шадомы воевали в рядах грузинской армии против Тамерлана. За это и поплатились: почти все были истреблены, и поместье сожжено, а юная красавица Шадома, которой было всего пятнадцать, попала в плен и, как неземная гурья, отобрадена лично для Тамерлана.

В те времена верхом щедрости и доброжелательности считалось подарить соседнему правителю не золото и жемчуга — чем не удивишь, а прекрасную девушку. Тамерлан, насытившись девственным очарованием Шадомы, в явно политических целях, дабы уластить отношения, решил подарить это сладкое сочинение своему потенциальному сопернику, турку-осману — Баязиду Молниеносному.

Как известно, этого не случилось, и виной тому был молодой Малцаг, который в отсутствие Тамерлана напал на его базовый лагерь под Тбилиси, где освободил много пленных, в том числе и эту прекрасную девушку.

Малцаг был старше Шадомы. Трагедия Шадомы разыгрывалась на его глазах. Еще на пиршестве Тамерлана в честь

---

¹ Ельчи (монг.) — сборщик налогов, главное государственное лицо на захваченных территориях, которому монгольский хан в столице лично вручает именные пайцзу и ярлык — атрибуты беспрекословной власти.

удавения внука Улугбека, где Шадома уже была наложницей, а Малцаг — буквально заложником, меж ними возник немой контакт или диалог. Они в равной мере и одновременно пострадали от злодейств Тамерлана. Их судьбы растоптали, исковеркали, никого из близких в живых не оставили. Наверное, поэтому, когда Малцаг Шадому спас, между ними изначально сложились не просто нежно-трогательные любовные отношения молодых людей, а некое боевое товарищество. Ибо Малцаг как абрек⁴, как партизан и мститель, сколотил из оставшихся сплоченный боевой отряд и всячески досаждал неопознанным врагу.

Кажется бы, что Шадома, изнеженная, избалованная роскошью, не вынесет тягот суровой походной жизни. Малцаг предлагал ей остаться пока в высокогорном ауле у надежных людей, пока идет война. Этот отчаянный молодой человек покорила ее, она не хотела и его терять, потому что более в этой жизни опереться было не на кого. Под стать Малцагу, а в момент истины даже отважнее его, оказалась и сама Шадома. В суровую зиму, в гору, когда на заснеженном перевале Дарьяла жилище Малцага стало предательства, окружили воины Тамерлана, рискуя жизнью, защитила Шадома возлюбленного. А Малцаг бежал, бежал на север, за высокие горы, до самой Алании.

Были ли у Малцага после этого угрызения совести? Мечтал ли он позже о Шадоме? Насчет угрызений — вряд ли. Ведь он воин, его цель — сражаться до конца, а не держаться за женский сонм. А вот мечтать — мечтал. О такой, как Шадома, не вспомнить и не мечтать нельзя. Мечтали о ней и в стане Тамерлана.

По ней давно вздыхал друг детства Тамерлана старый нойон⁵ Сабук. Не хотел ему уступать ложе и старший из оставшихся сыновей Властелина Мираншах. Дело дошло до драки, и была бы кровь, да их разняли. О случившемся доложили Повелителю:

— Ведь это мой подарок Баязиду, — вспомнил и Тамерлан.

Шадому привели в порядок, навели дополнительный лоск и как дорогую игрушку отправили со своеобразными почестями в Бурсу — столицу Османов, в гарем султана Баязида.

⁴ Абрек (осет.) — горец-разбойник, головорез.

⁵ Нойон (монг.) — крупный военачальник, командующий.

«Гарем» (харам) — слово арабское, обозначает все, что запрещено. Восточный гарем — это та его часть, где жили женщины: матери, жены, малолетние дети, наложницы, рабыни, а также евнухи, охраняющие и обслуживающие их. В том или ином виде гаремы существовали во все времена, как явление, не противоречащее природе. Так, по легенде, прославившийся своей мудростью царь Соломон имел семьсот жен и триста наложниц.

Каждый гарем жил своей тайной жизнью, вырабатывая свой особый этикет, развивая и охраняя традиции, совершенствуя структуру и иерархию и впитывая опыт всего света, особенно в части любовных наук и борьбы с соперницами, секретов обольщения и красоты. В результате возникла своеобразная культура, которая уже тысячи лет цветет и плодоносит под сенью загадочных сералей. А тайны, окружающие этот пленительный мир утонченных чувств, так и остаются тайнами, сколько бы их ни пытались раскрыть.

Гарем — это вся беспредельная роскошь султана и вся нищета человеческих душ. Гарем султана, в котором находится более тысячи человек, исторически имеет строгую иерархию. Благоклонность султана определяет все. Разумеется, главная в гареме — валиде-султан (мать султана), за ней — хаз-нидар-уста (великая казначейша). (У замкнутого государства в государстве — свой солидный бюджет.) Затем идут бах-кадины (первая, вторая, третья, четвертая жены султана). Потом бах-ирбаль (фаворитки его величества), гезде (девицы, замеченные султаном, чающие и вздыхающие), кадины-эфенди (матери принцев и принцесс), султанши (не выданные замуж принцессы крови). Это элита гарема. Каждая из этих дам имеет свой особый двор (даирэ) и свиту из женщин. Они осчастливлены султаном. А сколько таких, которые так и не попадут на глаза султану? Так и проведут всю жизнь в этом заточении, так и не узнав, что есть иной мир. А этот мир — мир гарема — это жестокая коварная и беспощадная борьба за право занять вожделенную нишу, поймать удачу и попасть в ложе султана и вдруг забеременеть, и совсем счастье — родить сына, довести его до трона. Вот это финал! Но это удастся одной из тысяч. И здесь Шадоме повезло: как подарок Тамерлана, ее в первые же дни представили Баязиду.

— Как ее зовут? — спросил султан.

Этого было достаточно, чтобы рабыня Шадома была сразу проведена в ранг гезде — попавшейся на глаза. Она уже прошла курс гаремного этикета, и по специальному знаку главной жены султана Шадома в поклоне приблизилась и поцеловала край дивана, на котором восседал Баязид.

Монаршее желание — высшая честь. Шадому сразу же определили в лучшие апартаменты, привели в необходимый вид и стали давать необходимые наставления, перед тем как султан пожелает ближе познакомиться со всеми ее достоинствами иль недостатками.

Баязид Молниеносный, или султан Гром, как его прозвали европейцы, был отважным воином и командующим. Он был примерно такого же возраста, как и Тамерлан. Однако, в отличие от последнего, Баязид последние годы почивал на лаврах былых побед. Этот турецкий султан, оставаясь в душе турком, уже вкушил персидское изящество, европейский шарм и арабский кайф. Он уже не мог сесть самостоятельно в седло, и не хотел, он беспрестанно пил вино, предавался чревоугодию, гаремному наслаждению и так растолстел, что с трудом передвигался.

В один день с утра Шадому стали тщательно готовить. Это банный день. Искусные пожилые женщины ее купают, делают массаж, умащивают ее тело мазями и благовониями, от которых исходит цветущий аромат альпийских лугов. И в этот, и в последующий день ее кормят разными сортами меда и всевозможными сладостями, в ней ничего не должно быть кислого, горького, терпкого. Она изнутри, до самых кончиков волос, должна быть свежей, чистой, сладкой, желанной.

В отличие от гаремных страстей Тамерлана здесь не применяются наркотических средств. Накинув прозрачную розовую тунику из шелка, Шадому посреди ночи повели в священные гостинные покои султана. А там — блеск огней, роскошь и богатство всего мира.

Шадома — не простая рабыня, из простолюдинок, она всесторонне образована, начитана и уже знакома с заманчивыми сказками Шехерезады. Она понимает, что в гаремной жизни все есть — от райского сада до смертельной ревности. Да это все в сказках. А жизнь, гаремная жизнь — это тяжелое испытание, где право на эту жизнь не легко заслужить. Шадоме уже повезло:

на нее лег глаз султана. Но это не все. Впереди ее еще ждет испытание.

Огромный зал, где бьет фонтан, золотые деревья и райские птицы поют. Посредине освещенный бассейн, в котором плавают разноцветные лепестки роз. На диване возлежит султан. Шадому раздели донага, подвели к ложу, заставили сделать несколько круговых движений, чтобы султан мог лучше рассмотреть.

Шадому поставили у бассейна, а вслед за ней в зал ввели еще пять девочек, да таких юных, еще бесформенных созданий, рядом с которыми Шадома казалась сама себе взрослой и пышнотелой. Ей стало совсем неловко, тяжело, и был бы разум оценен дурманом, а так — тошно, невыносимо.

По едва уловимому жесту султана заиграла приятная музыка. Как обучали, танцуя, девушки одновременно ступили в бассейн и там, как морские нимфы, стали изящно извиваться. Подобную сцену образно описал Д. Дорис: «...Это массовая изоляция юных, прекрасных и пылких женщин; чья красота, свежесть и сама жизнь принадлежит единственному господину — угрожающему уродливому старцу».

Кульминация этого действия впереди. Когда султан возжелает, он бросит в бассейн золотое яблоко. Кто это яблоко выловит, ослепнет и стлится ложем султана... Вот рука его уже поднялась, музыка смолкла, все застыли в предвкушении острой схватки. Яблоко полетело — бассейн закипел: визг, крик, яростная борьба... И лишь Шадома от всего этого отстранилась, опершись на бортик, с каким-то надменным презрением наблюдает за этой кутерьмой.

В другое время и при другом султани за эту выходку ждала бы ее мучительная смерть. Но у Баязида иное настроение, иное намерение. По правде, не нужны ему эти юные создания, он испытывает страсть к сербке Деснине.

А Шадоме эта рабская жизнь противна. Хоть и персиянка, а с самого детства она и представить не могла себя в чьем-либо гареме, в услужении — такого была воспитания, такого была нрава и самомнения. За столь неслыханную дерзость ее отправили в пожизненную ссылку, в дальнюю походную резиденцию Баязида, которая находилась под Коньей, в южной части султаната. Он бывал там во время военного похода, охоты или еще по каким делам.

Малки от хозяев евнухи чувствовали себя вольготно, порой безответственно. Это они в пути следования недосмотрели за нарядщицей. А строптивая Шадома и здесь решила проявить себя, не зная, что чадра — это форма защиты, а не стиль жизни, она, в отличие от остальных женщин, пренебрегла этой одеждой на всем, сидела в летний зной на высоком верблюде с открытым широм.

В результате к вечеру лицо почернело, обветрилось, покрылось волдырями, случился солнечный удар, начался жар, озноб, и она стала бредить во сне. Такую «красавицу» в резиденцию не привезешь, за порчу отвечать евнухам придется. Можно было на пути списать, можно просто умертвить, да евнухи решили не брать на себя такой грех: поручив Шадому судьбе, бросили ее ночью на окраине одного села. На рассвете дехканин шел в поле по своим делам, увидел полуживое тело.

Простые люди всегда добры и отзывчивы. Отнес крестьянин Шадому в свой небогатый дом, где все с любовью ее выхаживали. Они бы и рады такую красавицу принять в свою семью, да по всем признакам она — рабыня. Власти узнают — наказание будет суровым. Лучше доложить. Местный мелкий правитель, как всякий чиновник, заинтересован лишь в шкурных делах. Посмотрел он на рабыню, понял все и, не торгуясь, быстренько продал ее своему купцу. Этот купец разбирался в товаре, вывез он рабыню в ближайший крупный порт Измир, на рынок людей. Там шныряли торговые агенты купца Бочека, вновь Шадому перекупили, но на сей раз она попала не в чей-то гарем, а в роскошный публичный дом под романтическим названием «Сказка Востока».

Сегодня многие полагают, что гарем — это что-то вроде публичного дома на азиатский манер. Между тем, как образно определил один из современных писателей, различие здесь примерно такое же, как между метро для всех и роскошным лимузином для избранных.

Шадома довольно быстро это поняла. Как Малцаг, как почти все кавказские люди, она попыталась на первых порах показать свой свобододолюбивый горский нрав. Так в публичном доме и не такое встречали. Вначале ее умело поистязали, так, чтобы товарищеский вид не пострадал, потом три дня ни воды, ни еды, а следом корабль в порт зашел, на нем человек тридцать изголодавшихся

по женщине чернокожих великанов: еще трое суток она в аренде была.

После такого с женщиной, как таковой, покончено. Она даже не рабыня, не одалиска, она — ничто, прообраз современной резиновой куклы для всех. Она теряет своеобразие, оригинальность, цвет. Просто на глазах исчезает юность, красота, женственность. Конец один: скор, очень печален и даже могилки не будет — в море. И пожалеть ее здесь некому и поплакаться ей некому. Здесь мужчины как мужчины: хозяева — сплошь скопидоны, любят друг друга, или клиент — животная тварь, видит в женщине не суку. И женщин-рабынь здесь нет — одни лишь прибитые создания, которые должны принести доход.

Думала Шадома руки на себя наложить, так и это невозможно: спит по чуть-чуть, и то под присмотром, много бодрствует — тогда под клиентом. Она была сломлена, опущена, морально и физически изничтожена. Она просто чувствовала, как идет на дно. Жизнь не просто опостылела, она буквально отсутствовала, ибо она рефлекторно утратила такие человеческие качества, как реакция на цвет, звук, запах и вкус, потому что с этими ощущениями жить среди этого мерзкого зловония, похоти и жизненной страсти нельзя. С потерей этих жизненно важных ощущений она стала терять и способность думать, так как это тоже не нужно, вредно, просто невозможно. Твоя роль — исполнять команды, пока не будет последней — подыхать.

Наверное, все так бы некоторое время и продолжалось, если бы у нее с некоторых пор не появился «постоянный» клиент — других желающих уже нет. Это маленький, жалкий мужчина, который к пожилому возрасту утратил внешний облик, но не остальное. Этот старичок постоянно кутался в абу¹, под которой скрывал свои странные религиозные одежды, а вместе с ними верования. После общения он тут же замаливал свои грехи, потом прощал все грехи Шадомы, и под конец склонял ее к истинной вере, название которой сам еле произносил.

Их встречи были регулярные и протекали одинаково, пока старичок под конец не сказал:

---

¹ Аба (*перс.*) — верхняя одежда из грубой шерсти, род плаща или бурки

— Дочь моя, ты доброе создание. Прости. У меня нет лишних денег, я беден... Твое тело одрябло — скелет, изо рта — вонь, в глазах всегда тоска, а теперь и смерть... Бог милостив, он тебе все подаст, все простит, благословит. Ждут тебя райские кущи. Но как в таком виде ты предстанешь перед родителями, близкими и родными?.. Возьми себя в руки, ты такая же, как мы все: ни хуже, не лучше. И весь мир такой. Воссоздай свое истинное лицо, то лицо, которое тебе дал изначально Бог!

Обычно после приема клиента есть возможность поспать — это одно, что у Шадомы осталось. Спит она мертвецким сном, никаких видений или ощущений. Просыпается лишь от криков команд и пинков: к ней идет очередной клиент. Но на сей раз желающих ее уже нет, и заснуть она не может. Никогда до этого не видела, а сейчас прикроет глаза — перед ней ее красивые родители, от нее свой взор притуплиают.

— Нет, не наша это дочь, не наша Шадома, — печально молвят они.

От этих сновидений совсем плохо стало ей. И рано-рано поутру, когда в «Сказке Востока» все спят, за ней уже никто не присматривает — отработала, пошла она в банный комплекс, где веркала. Как и Малцаг, от своего вида ужаснулась, упала на холмовый пол, долго плакала, и эти слезы что-то вымыли или намыли. Стала она замечать вкус, цвет, запах. Появились у нее голод и жажда, захотелось ей жить, хоть так жить, чтобы оттянуть ужасе встречи с родителями. Но как ни странно, ей и так жить не дают. Как и к Малцагу, иногда заходят к ней скопцы, злобно заглядывают в глаза, ждут конца, а его нет. Зато аппетит появился, но кормят очень мало: она не зарабатывает. И тогда у Шадомы родилась мысль. Знает, что старичок приходит в «Сказку Востока», знает к кому: такой же, как она, угасающей черкешенке. Как в землячке, обратилась она с просьбой, явился к ней старичок. С порога оторопел.

— Что с тобой, дочь моя? Глаза-то как посветлели! То ли помирать, то ли жить захотела?

— Жить! — выпалила Шадома. — Помоги, мы ведь теперь одной веры.

— Да-да, — возбудился старичок, стал еще разговорчивей. Оказывается, как полуперс, он — потомок Дария, как полу-

грек — потомок Александра Македонского. Его религия древнее Заратустры и где-то схожа с несторианством. Его молитва или, как сказал, магистерская формула, — действительно абракадабра. Но у Шадомы с детства память хорошая, она напряглась и постаралась, дважды прочитала молитву.

— Умница! — поцеловал ее в лоб старичок.

А потом были еще откровения. Конечно, это религия признает только единобожие, но они, как мистики, имеют возможность общаться с потусторонним миром.

Шадома, как ей в детстве внушили, строго верила в Бога, но что до религий — была далека. И теперь она особо не вникает, все более убеждаясь, что старичок — дурачок. А он вдруг спросил:

— Ну что, родителей видела? — у нее аж рот раскрылся. — Хе-хе, скоро не увидишь... Теперь мы сестры и братья, — он вновь поцеловал ее в лоб, и никаких плотских утех.

В этот день был клиент, хоть и жалкий, да и еда была, тоже жалкая, но не так, чтобы с голоду умереть. И она хорошо спала, сон не видела. А наутро испугалась: неужто больще не придет? Как обычно, он явился к вечеру, вновь в лоб поцеловал, взялся узелок развязывать. В этой комнате лишь топчан и маленький столик, на котором две миски еды еле умещаются. Теперь этого стола не хватает, и на топчане еда, а старичок беспрерывно говорит:

— Мне-то много не надо — подаванием живу. Но сегодня пришлось походить по богатым кварталам. Фу, устал... Чем люди богаче, тем скуpee на милостыню... Ну, ничего, братья по вере помогли.

Ее комната наполнилась ароматами. Хотела Шадома сдержаться, да не смогла, обеими руками набросилась на еду.

— Не торопись, не торопись, — заботится о ней старичок. — Мясной плов позже съешь, — он бережно достал из кармана маленький коробок, посыпал плов каким-то порошком. — Это ныне тебе полезно, с трудом достал, — шепчет он, думая, что она не знает вкус маковой росы, которой ее щедро кормили в стане Тамерлана.

Когда старичок ушел, Шадома не помнит: уже спала. А проснулась — тревога на сердце: всю ночь странные сны. И о них спросил ее старичок, вновь придя.

— Ты хочешь стать великой? — изумлен пришелец.

— Я хочу жить! — твердо ответила Шадома.

— Ты хочешь мстить?

— Я хочу хорошо жить.

— Что значит «хорошо жить»? — Шадома, склонив голову, молчала. — Вот я весь мир пешком обошел. Никогда денег не было и сейчас ничего не имею, но считаю, что хорошо живу, ибо скоро здесь вечный покой найду.

— А почему именно здесь? — перебила его Шадома.

— Здесь я родился.

— И я домой хочу!

— М-да, — задумался старичок. — Дома-то и родных у тебя, небось, нет.

— Я хочу жить, — теперь нет в ее голосе твердости, вновь услышанное.

— Человек — там, где он сам себя поставил.

— Это слова зажавшейся свиньи, — сузились губы Шадомы.

— Хе-хе, ты где-то права. И, как сказал Всевышний, хвала человеку: «Человек получит то, к чему он стремится»... Так к чему ты стремишься, дочь моя?

— Выйти отсюда! — резок ее голос.

— Тс-с, — успокоил ее старичок. — Это правильно и похвально. Но как?

— Помоги мне!

— Всего два пути. Один ты отвергаешь — хочешь жить. Второй — выкуп. У меня таких денег нет, и попрошайничеством я не шкребу, да и иного не умею... Как же нам быть?

— Помоги мне, помоги! — молит Шадома, и слезы текут ручьями.

— Обветренное, испещренное глубокими морщинами лицо старичка на вид бесстрастно, лишь узкие блеклые глазки бегают:

— Дай мне подумать, — после долгой паузы вымолвил он и горопливо ушел.

На следующий день старичок пришел раньше обычного, еды мало принес, и зелья вовсе нет, а сам озабочен:

— Шадома, дочь моя, — вкрадчиво тягуч его по-старчески хриплый голос. — Твои глаза еще сильнее блестят. В них ненависть. Ты хочешь жить, чтобы мстить. А это плохо... Поверь, Бог

всех накажет, а ты смирись, покаяйся, очисти свою душу и тело, и тебе ста...

— Что ты несешь, блудливый старик! — Шадома вскочила. — О каком очищении ты говоришь?! Здесь, в самом гнусном месте! — она перешла на крик, истерику. — Вон! Пошел вон, не годяй! Ты противен, как и твоя вера!

Дверь распахнулась, на шум вломился здоровенный чернокожий охранник.

— Ничего, ничего, — бросился к нему старичок. — Это мы так забавляемся: — Выпроводив охранника, он склонился было над рыдающей девушкой, она жестко пнула, да так, что он полетел к той же двери, застонав, ушел.

Всю ночь и следующий день Шадома не спала, скулила, как запертая в клетку волчица. К ней никто не зашел, ее совсем не кормили, и к вечеру, мучаясь, — придет — не придет, ее обуял крепкий сон. И она не слышала, как старичок пришел, как разложил еду, от которой шел аромат восточных специй, и лишь когда он стал гладить ее голову, она открыла глаза.

— Вставай, дитя мое, — он поцеловал ее в лобик. — Поешь, пока манты теплые... Уф, устал. Народ скупой, еле на вход вымолил.

— А раньше как находил? — все-таки злость в ее голосе.

— «Раньше» — не каждый день, — лукавство в глазах старика, — да и знаешь — на дурное всегда деньги находятся, — тут он тяжело вздохнул. — Но я тебя прошу — это забудь. Прости старика: перед смертью пытался наверстать упущенное. Оказывается, всему свое время... А ты ешь, ешь, тебе надо жить.

Это прозвучало словно команда, и она с небывалой жадностью набросилась на еду.

— А ты молодец, — глядя на нее, произнес старичок. — Сила есть: вчера пнула — еле хожу, и аппетит отличный, это очень хорошо.

Шадома молча поглощала пищу.

— Слушай, доченька моя. Я из тех, кто шел по жизни налегке, а не с тяжелой ношей. И я никогда не печалился, потому что у меня нет того, чья потеря опечалила бы меня. Но под конец жизни я пожалел, что у меня нет детей, и, не имея иной возможности, я стал надеяться, что хотя бы одалиска от меня забеременеет.

— Что? Кхе-кхе, — Шадома поперхнулась.

— Ты спи, спи, — погладил ее руку старичок, стал продолжать. — Я думаю, Бог услышал мои молитвы, послал мне тебя, дочь моя. Я виноват перед тобой и очень страдаю.

— И за меня страдать не надо, — вскипела она, тут же виною подкупила взгляд. — Прости. Ты для меня и так много сделал: у меня еще вернул.

— Это не жизнь, дочь моя, это не жизнь, — впервые слезы покатились по его лицу.

— Успокойся, поешь со мной, ты ведь, наверное, голоднейшая, — теперь Шадома принялась о нем беспокоиться.

— Нет, нет, — отпрянул старичок, но после очередных уговоров согласился: — Да, совместная трапеза — счастье.

— Да, — угрюмо согласилась Шадома, — мы дома всегда вместе обедали, и это было такое счастье.

— Дочь моя, что прошло — прошло, нельзя склеить разбитое, надо дальше жить.

— Как здесь жить?

— Ты ведь права, дочь моя. Всевышний, хвала ему, сказал: «Если бы Я не сдерживал одних людей посредством других, та земля пришла бы в расстройство». Значит, мы должны бороться.

— Как? — беспомощность в голосе Шадомы.

— Слушай меня внимательно, — совсем близко придвинулся к ней: — Я человек жалкий, старый, нищий. Но я обошел весь мир, много чего повидал, много чего знаю и, думаю, чем-то тебе помогу.

— Помоги! — взмолилась Шадома.

— Знай, дочь моя. Ближе всего — смертный час, который я ежеминутно жду. Дальше всего — надежда, к которой ты придешь. Ты станешь великой и богатой, ты расквитаешься за все и о многом пожалеешь. Но ты этого хочешь...

— Хочу, — перебила она его.

— Так вот, помни, и сейчас, раз и навсегда, реши, — этот путь верный и подлый, долгий и коварный, тяжелый и безрезультатный. Это путь к славе и к власти!.. Ты согласна?

— У тебя есть клад? — нотки иронии в ее тоне.

— Хе-хе, шутишь? Это хорошо. А клад есть — это ты.

— Ха-ха-ха, жалок твой клад!

— Молодец! Вот так: «Радуйся тому, что Он нам даровал». Не грусти. Он даровал тебе неземную красоту, которая уже в твоих глазах, и мой опыт, который я передам тебе... Слушай. Вот женщина — это основа, ключ и к благу, и к злу. Вот этим ключом мы и будем пользоваться. Ты помнишь сказку «Тысяча и одна ночь»? В ней есть история о том, как царь влюбился в жену своего визиря, «обладательницу красоты и прелести». Отправив сановника инспектировать отдаленные области, царь явился в его дом и признался жене визиря в своих чувствах. Женщина оказалась не глупой, она принесла царю книгу с увещаниями и наставлениями, чтобы царь почитал ее, пока она приготовит кушанье. Царь стал читать книгу и нашел в ней изречение, которое удержало его от прелюбодеяния и сломило его решимость совершить грех. А женщина приготовила множество блюд и поставила на стол. И начал царь есть из каждого блюда по ложке, а кушанья были разные, но вкус их один. Царь удивился этому, молвил: «О женщина, я вижу, что блюд много, а вкус один». И женщина ответила: «Да осчастливит Аллах царя! Это — сравнение. В твоём дворце сотни наложниц разного рода, а вкус их — один».

— К чему ты это? — отстраненность в тоне Шадомы.

— А к тому, что абсолютной красоты и привлекательности нет. Надо соблазнять иным.

— Я не собираюсь никого соблазнять.

— А как ты собираешься бороться? — Шадома молчит. — У тебя, как у женщины, к тому же женщины-рабыни, оружие лишь одно — обольщать.

Он пристально взгляделся в ее глаза, она их не отвела.

— Правильно, — оценил старичок, — ты хочешь бороться.

— Пока не знаю — как?

— Слушай дальше, — настаивал он. — Пример из живой природы. У одного петуха десять одинаковых кур.

— Фу, зачем так?

— О! Молодец! Уже паясничаешь? Так и надо, — улыбается, будто дело идет. — А у петухов полагообразнее, чем здесь. Разве не так?

¹ Памятник средневековой арабской литературы, сборник сказок, сложенных в X—XIII вв. (рукописи относятся к XVII—XIX вв.).

— Так, — вновь омрачилось лицо Шадомы, а старик продол-

— Вопрос в том, по какому признаку петух определяет очередность. В том-то и дело, что определяет-то не петух, а курица, которая выделяет некие ферменты — запахи, что и говорит о ее готовности. Только на этих запахах строятся все половые взаимоотношения в животном мире.

— Мы-то не животные, — вновь лукавство в ее глазах.

— Мы хуже животных, — твердо констатирует старичок. — Просто люди утратили животный инстинкт. Но только не в похоти. Мужчина — как петух, его надо обольстить, покорить, привлечь своим запахом и обаянием.

— Что-то я ничего не пойму, — с иронией. — Я должна «выделять запах»?

— Каждая женщина в месяц раз «выделяет запах». Нам нужны шнурки с нижнего белья, которые этим питаются, ну и еще кое-что в том же роде.

— Как это мерзко! — задрожала Шадома.

— А здесь быть не мерзко? — грубо надвинулся старичок... Вскоре месяца прошло после этого разговора. Каждый день было одно и то же: старичок откармливал ее и еще доставлял всякие неудобья. Шадома не только ожила, а посвежела, похорошела. В ней клиентов и теперь не допускали, и она понимала, что старичок проплачивает полные сутки, оттого сам совсем исхудал. А потом он пропал, предупредив, что уходит в горы за каким-то цветком. Вернувшись, объяснил сорт, место произрастания и время цветения, который распускается лишь на рассвете, в определенное время года.

Никонеск они приступили к изготовлению снадобья. Шадома выжидалась, отворачивая лицо, а он все в поту корпел, заставляя ее все запомнить.

— А это не вредно, вдруг кто другой съест? — волнуется Шадома.

— Абсолютно безвредно, даже полезно, пусть едят все, и сама выжидай. — будут и тебя любить, и сама будешь любить.

— Тогда, может, весь мир вскормить, пусть пообреет.

— На всех не хватит.

— Но женщин много.

— То, к чему ты стремишься, многим не надо. И слава Богу! Шадома задумалась и, помолчав, спросила:

— Кого мы им вскормим?

— Только первое лицо. Управляющего «Сказкой Востока».

— А как ему в рот положу?

— Ты с ним была? — Она смутилась. — Конечно, была, этот пес никого не пропустит. А ты готовить умеешь?

— Умею, но у нас прислуга была.

— Хорошо, и я подскажу пару рецептов, — не унывает старик. — А кстати, я заметил, кухня богата там, где процветают гаремы.

— Почему? — удивилась Шадома.

— Каждая наложница, а они со всех концов, ищет путь к до- жу хозяина через желудок. Вот кухня и процветает. Станешь ку- харкой?

— Кухаркой?! — недовольна она.

— Это рост, — поднял он палец. — С чего-то надо начинать. И помни — денег у мужчины не проси. Сделай так, чтобы сам умолял взять. И еще — мужчине о своих заботах не рассказывай, только о кайфе, мол, ты богатырь, добродетель, чуть ли не бог! — он тяжело вздохнул. — Все, что мог, я сделал. Теперь сама держай, да посмелее. С Богом! И помни — все-таки человек там, куда себя поставит.

На следующий день, помня, что «Сказка Востока» — сугубо коммерческое заведение, а управляющий — чревоугодник, Ша- дома добилась встречи с ним и, ссылаясь на свободное время, предложила свои завидные кулинарные способности в обмен столовой за умеренное вознаграждение.

— А ты что, вкусно готовишь? — из-под пышных бровей та- желый взгляд управляющего.

— Можете проверить, — полное откровение и кокетство в жестах Шадомы.

Все получилось не как в сказке, сразу, а как предрекал ста- рик. Первый день был самым тяжелым. Она приготовила блюдо по рецепту своего наставника: ничего особенного — заливная баранина с острым соусом. Поела сама, управляющий попробо- вал, скривил лицо, ушел. Остальные кухарки — толстые черно- кожие рабыни — пригрозили ей: занимайся проституцией и не

победой наш хлеб. Шадома им тем же ответила. Началась драка, она здорово получила, но не проиграла, тем более не сдалась.

В перархии публичного дома кухарки чуть ли не на последнем месте, но Шадома поняла, что это действительно рост, и, все за ночь обдумав, она наутро вновь у управляющего:

— В столовой антисанитария, беспорядок, много отходов и слабый меню, отчего клиентов мало, дохода нет.

У управляющего одна пышная бровь пошла вверх: Шадома — ответственная по столовой. В полдень на шикарном подносе ей сама доставляет в кабинет управляющего ароматный обед. Управляющий — мужлан, да отличить грубость рабыни-простоволынки от манер прирожденной аристократки и он может. Обиравшая её, даже благодарит. А она и тут дальше пошла:

— Ваша светлость, какой вкус! Вы играете на арфе? Ой, это всего лишь декорация? Какая жалость! А то я с удовольствием съграла бы вам для лучшего аппетита.

В «Сказке Востока» все есть. Тотчас доставили арфу.

— О-о! — восторгается Шадома. — Это хороший инструмент, я бы хотела сыграть, но он годится для танца живота, а ваш уровень — персидская арфа.

Вечером управляющий ужинал под чарующие звуки персидской арфы, а в ночи его слух услаждал другой звук:

— Вы очень музыкальны, что редкость... А брови изящны, как линии арфы, в них гордость орла!

Это все ночью, а до зари она все в трудах, искренне радуется делу, с нее ответственности никто не снимал. Она так четко организовала производство, что все довольны, а кухарки, что дрались с ней, просто благоволят. И лишь она знает, что это действительно эликсира-снадобья. И оно так сильно, что через некоторое время случилось неожиданное: управляющий предложил ей выйти первой женой. Вновь гарем? Она деликатно отказалась, объяснив, что он нуждается не в очередной жене, а в верной помощнице. Тогда ей выделили апартаменты и предложили днем предаваться кайфу ничегонеделания, от чего тоже отказалась. И лишь в конце, не выдержав, она обратилась с единственной просьбой:

— Мне самой хоть раз надо сделать закупки продуктов на базаре, а то блюда страдают.

Старичок теперь к ней проникнуть не может, вовсе пропал. А Шадома истосковалась по нему, сама двинулась на поиски. Попрошайки у мечети за умеренную мзду сразу старика признали, сказали, что и раньше был дурачком, а теперь и вовсе испортился — к труду приобщился: водовозом стал. А вот где искать — по всему городу.

Время у Шадомы ограничено. Все базары объездила, все обыскала. Полдень, жара. Она опаздывала и подгоняла извозчика, когда услышала родной старческо-писклявый голос.

— Вода, свежая, холодная, — ее старичок скрючился, совсем иссох, почернел. Одинокое стоял под сенью такого же старого дерева — в такой зной покупателей нет.

Она была скрыта под чадрой, только сошла с брочки и сделала пару шагов, как старик бросился навстречу:

— Шадома! Дочь моя! Я тебя узнал, узнал! Никакая мешковина не скроет твою грацию, твою царственную статью, — он плакал, уткнувшись лицом в ее грудь. — Я знал, я верил в тебя. Молодец!

Они отошли в тень дерева. Она раскрыла лицо, тоже плакала.

— Не плачь. Как ты похорошела! А глаза!

— Бедный, — сжимает его руки Шадома, — ты ведь всю жизнь налегке шел, а не с тяжелой ношей. К этому ли ты стремился, туда ли ты себя поставил?

— Да-да, к этому шел, к этому стремился. Наконец-то нашел свое место, нашел тебя! Теперь я счастлив!

— Возьми, — смущаясь, она кладет ему в руки увесистый мешочек.

— Да ты что! — смеется он. — Это я для тебя денег накопил. Ведь я должен тебе что-нибудь дать.

— Ты мне жизнь дал.

Они бы вечность говорили и никогда бы не расстались, но он торопит ее:

— Будь осторожнее, не выдай себя, никогда не расслабляйся... Больше не ищи. Я знаю, будешь помнить, а большего счастья не надо.

Она уже схватилась за поручни, но не поднималась, сквозь слезы глядя в него. Он подошел, хотел было подтолкнуть, а сам обнял, как бы навсегда прощаясь, и вдруг сказал:

— Шадома, дочь моя, хочу признаться: это снадобье-элик-
сир — моя выдумка, ложь.

— Что? — изумилась Шадома, сразу посуровело ее ли-
цо. — Зачем ты это сделал?

— Старый трюк, — развел старичок виновато руками. — На-
до было вселить в тебя уверенность, внушить силу магии.

— Она уже села в бричку, ткнула извозчика.

— Постой, — закричал старичок. — Что-то такое я где-то
слышал. Может, доля правды в этом и есть, во всяком случае,
моя грана чудодейственна.

Это откровение Шадому расстроило. Она почувствовала себя
слабой, беззащитной, слабой, беззащитной. Сознывая это, подвергая ее
доказательством старичок как-то умудрился извне прислать ей записку на ста-
рорусском: «Дочь моя! Всевышний, хвала Ему, сказал: «Тот, кто
явится со спокойным сердцем, здоровый телом и у кого есть
вера на предстоящий день, — тот имеет все в земной жизни». Так что
не горюйся, не расслабляйся, терпи... Ты достигнешь своего».

— Она терпела. У нее была мечта выкупить себя из этого рабст-
ва. Перспектива была далекая: когда она утратит «товарный» вид
или только за выслугу лет — по возрасту. Правда, был у нее еще
один расчет, он тесно связан с мужланом-управляющим, и, как
говорила старичок, она не просит ничего. Ее цель — в один миг
уйти, объегорить его еще больше, вскружив голову. Она
была почти у цели, но управляющий неожиданно исчез. Ходил
слух, что он проворовался, а более то, что в «Сказке Востока» ос-
таивались люди, посланные Тамерланом, заклятые враги тур-
ков-османов. Последнее обвинение больше касалось купца Бо-
лова, как хозяина «Сказки Востока». Однако, как обычно, на-
шли крайнего — управляющего.

Шадоме не до политики — свою шкуру спасти надо. Но как?
Ее выкидывают из столовой и апартаментов, она вновь в узкой
бричке, вновь выставлена для клиентов и ее старичок — первый.

— Дочь моя, все знаю. Тебя оценили в золотой, — жалостли-
во говорит он, — я столько в месяц не наскребу. Что мне делать?

— Ничего, успокойся, — хочет выглядеть хладнокровной
Шадома. — Это даже к лучшему. То я, как местная королева-ра-
быня, хоть сутки горбатила, а теперь — в той же роли. Зато вре-
мя поспать и подумать есть.

— Это правильно — думать надо, думать и... э-э, эликсир приготовить.

— Что-о? Ты ведь сам сказал, что это ложь!

— Ну, раз сработало, почему бы не повторить.

— Бесплезно, этот только мальчишками увлекается, да постоянно жрет, в эту дверь не пролезет.

— Понятно, — озабочен старик. — Кто думает лишь о том, чем наполнить свой живот, стоит лишь того, что из него выходит.

— Вновь меня будут насиловать и я буду стоять не болше, — грустно вздохнула Шадома, в печали задумалась, вдруг бросилась под кровать. — На, все мои деньги — за вход, доставь мне еще той травки.

— Что ты задумала?

— Жить! — с вызовом бросила она.

До появления травки, значит эликсира, надо ждать два дня. Не пришлось: в тот же день, к вечеру, ее вызвали к новому управляющему. В знакомом кабинете таинственный полумрак, полумрака цвета и запахи, больше напоминающие будуар, чем комнату хозяина. Подминая весом роскошный, расписной огромный кожаный диван, восседает совсем голый, бледнокожий, оплывший мужчина-боров. Салфетка брошена на бедра. Перед ним массивный стол из литого золота и слоновой кости: только такой может держать обилие яств и напитков. Ей надлежало броситься на колени, поцеловать край дивана и в повинной позе ждать появления нового управляющего. Это в ее планы не входило, да и что замыслила, сходу реализовать не смогла. Она явно опешила, сам толстяк выручил ее.

— Говорят, ты прекрасно играешь на арфе, — у него мягкий хриловатый фальцет, который никак не соответствует его массивному виду, — а ну, услади наш ужин и покой.

Послышался жалобный всхлип, и лишь тогда Шадома заметила маленького голенького белокурого мальчика на самом краю дивана. Он обеими ручонками протирал заплаканные глаза. Крайне рискуя, Шадома вмиг решила, что ей делать.

Она галантно, по-европейски, как положено благородной даме, поклонилась, вроде бы благородному мужчине, и пока управляющий, разинув рот, дивился этой невиданной доселе выходке, она бросилась к мальчику:

Какой славный, очаровательный ребенок! Что случилось? Ты ты плачешь?.. Что? — она ласково, чуть ли не по-матерински прижала его. — Ты не хочешь с дядей купаться в бассейне? Тебе больно?.. А давайте вместе, все втроем искупася. Будет веселей. А потом, — ее голос нежен и ласков, — я вам тихо на арфе сыграю, а потом ты сладко заснешь.

Старичок с травкой еще не объявился, а Шадома уже вновь в прежних апартаментах. На нее возложено опекуновство мальчика. А потом мальчика удалили, боров вкусил прелесть женского общества. Вот теперь Шадома занята чисто женским делом. Управляющий в нее не просто влюблен, он покорен ее ласками, ревами, ее музыкой и танцами, ее красотой, грацией, ее запахом и нежностью, безудержной страстью и кротостью. Она, как заглядывающий котенок, то ласкается, то томным взглядом заораивает.

А толстяк сам был с детства мужчинами измучен, так и прожил всю жизнь, думая, что женщины — это что-то чуждое и страшное. Шадома не первая его женщина, но лишь она «раскрыла» ему глаза. Это, наверное, первая любовь, и он ее страшно ревнует, постоянно держит при себе — этим и поплатился.

Была встреча, тайная встреча, очень важных персон, ибо сам управляющий всех обслуживал, а Шадома находилась в соседней комнате, правда, ничего не слышала и не пыталась подслушать. Видимо, мужчины о чем-то сверхважном договаривались, потом расслабились, расшумелись. Шадома слышит, как кто-то тихим приказным тоном сказал:

— Ты, говорят, с какой-то девкой связался. Покажи, пусть она нам на арфе сыграет.

Сам управляющий ввел ее в большой зал, где вокруг обильного стола сидело трое мужчин, стоял терпкий аромат специй, крепкого армянского вина и едкой анаши. Как только Шадома увидела, она уважительно, но галантно и с достоинством поклонилась. Едва тронула арфу, набрав пару аккордов из персидских мотивов, к ней двинулся средних лет мужчина (видать, самый славный из присутствующих) и отвел ее в отдельную комнату.

Шадому политика не интересовала, но этот по-восточному хорошо воспитанный мужчина был с ней весьма любезен и в пылком бахвальстве рассказал, что он бейлик, потомствен-

ный сельджук Рума, правитель этого и еще трех близлежащих городов, а вскорости будет владеть всей Анатолией и Константинополем.

Следующий на очереди, значит и по важности, был пожилой бородатый крепыш, по форме одежды — купец-иудей, по конскому запаху, грубым рукам и диалекту (всего три слова сказал) — настоящий дикарь, тюркит, военный. Третьим был ослышавший от жиры купец, такой же манерный, как управляющий. Он похлопал Шадому по ягодицам, что-то невнятно пробормотал и, убивая время, сел есть виноград, запивая шербетом. Позже Шадома узнала, что это и был истинный хозяин «Сказки Востока», порта, да и половины города — знаменитый купец Бочев.

Однако ее хозяином в данный момент являлся управляющий «Сказки Востока», который, едва гости ушли, накинулся на Шадому с кулаками, при этом сам плакал, называя ее изменницей, продажной. В итоге она вновь попала в свою келью, на обиходные харчи, выставлена напоказ по весьма средней цене, так что многим будет доступна.

«Где мой спаситель? Где мой милый старичок? Что мне делать?» — не спала Шадома всю последующую ночь, места себе не находила, знала, что выхода из этого тупика уже нет.

На заре в «Сказке Востока» общее построение, где будет произведен гигиенический и психологический осмотр. Вновь Шадома упала с высот. Так теперь еще злее и больнее будут подтрунивать, издеваться и шипать ее коллеги по блюду. Страшась этого, она до последнего пребывала в своей темнице, как снизу раздавался шум, переполох, крик, грубый топот приближается. В ужасе она раскрыла рот, раскрылась дверь.

— Это Шадома? — здоровенные янычары не вмещаются в ее келью, хватают за волосы, выволакивают в коридор.

На улице при людях обращение с ней было вполне сносным, а когда вскоре достигли какого-то важного, явно государственного заведения, с ней обращаться стали совсем хорошо. Это были мелкие чинуши. До обеда томили ее здесь, правда, чаем полили, и по обрывкам фраз она поняла, что влипла в какой-то политический скандал. Оказывается, Тамерлан, готовясь напасть на османа Баязида, заслал в его империю массу шпионов. Один из них под видом купца-иудея был пойман на заре при выходе

из города! кто-то донес, что в «Сказке Востока» была тайная встреча.

В тот же день после обеденной молитвы началось судебное заседание. На Шадому накинули полупрозрачный яшмак, так чтобы она могла видеть, а ее лица — нет. Это был не тот обыденный бытовой суд, что вершился над Малцагом. Здесь дело было серьезное, государственное, много важных сановников, духовенства, военных.

За время неволи глаз Шадомы, дабы выжить, стал наметанным, да и улавливала она все с полуслова. Ей хватило одного взгляда, чтобы сходу оценить ситуацию. Управляющий сидит тихо, поникший, угрюмый: он подозревается. Рядом тот диван, что под купца-иудея маскировался. Он очень бледен, весь в поту, осадки на лице нет, но видно, что изрядно потрепали.

Чтобы хоть как-то отомстить Тамерлану, убийце ее семьи, Шадома хотела сходу заложить шпиона. А потом подумала: «Чем лучше эти турки-османы, что насилуют ее? Надо вести свою игру». Так она, еще не понимая, вошла в политику.

— Имя, вероисповедание? — был ей первый вопрос.

— Шадома, раба Божья, — был скорый ответ.

Тот ответ, видимо, не удовлетворил судью, но «копать» далее он не стал. Задал еще пару процедурных вопросов и перешел к делу.

— Да, знаю, это наш управляющий, — следующий ответ.

— Этого не знаю, — когда указали на «купца-иудея».

— В «Сказке Востока» занимаюсь танцами, пением... а чем еще можно заниматься в благочестивом обществе?

По решению судьи Шадому, как женщину, решено опросить в отдельном помещении. Там раскрыли лицо, никакого насилия, да тон грубый, надменный.

— Да, я одалиска. «Сказка Востока», все знают, — публичный дом. Но поверьте, в моей келье, там вы были, и днем ничего не видно. А ночью вообще мрак... Что вы хотите? Рабыня я, невольница, но была и есть благородных кровей.

Вечером Шадома в своей «конуре». Единственная мечта — поделиться всем со старичком. Но входа в учреждение нет: все закрыто день, два, три. Их еле кормят, и ходит слух — притон инвизитируют. Всякие надежды породил он. Шадома гадает, что

лучше не будет. И вдруг как-то вечером, будто завели часы, все задвигалось, все забурлило, а в коридоре позабытый хрипящий фальцет управляющего:

— Шадому срочно наверх, в апартаменты.

Та же компания, за исключением «купца-иудея».

— А ты молодец, умница, — вновь хлопнул ее по ягодицам купец Бочек, — хороша!

— Иди ко мне, красавица! — вскочил навстречу Бейлик. — Петь и играть будешь? Будешь, будешь, ха-ха-ха!

С тех пор Шадома — привилегированная особа, живет в роскошных апартаментах. Никто не докажет, но ходит молва, что сам правитель к ней часто навевывается, купец Бочек, будучи в городе, с нею общается, а сама Шадома доступна только для особо избранных: пять золотых — час! Таковых мало, и Шадома стала устраивать танцевально-музыкальные концерты — приемы, попасть на которые — честь и мечта.

Все, что предрекал старичок, постепенно сбывалось. Все, что он советовал, она строго исполняла. Этим и жила. Лишь в одно она внесла существенную поправку. Ее старичок всю жизнь провел среди нищих и блаженных людей, которые денег не знают и не хотят. Бог на день хлеб давал — счастье! Завтра — Он же судьбой не обделит. Это добрые люди, думающие о внемземной жизни, о вечности.

Круг же общения Шадомы — это люди, всецело отдающие себя земной жизни, не обращая внимания на загробную, кроме как на слова (таких всегда большинство). Среди этих людей вежливость и внимание зиждется на одном — количестве денег. И вера у них одна — большие деньги, которые они наживали отнюдь не честным путем. Посему Шадома не брезгует кланяться у них излишки, порой умело заводит, зная, что подгулявшие толстосумы, выпендриваясь друг перед другом, сорят на ее концертах состояниями. Она бы могла быстро разбогатеть, но статус рабыни, масса вымогателей, надсмотрщиков и простых коллег, с которыми надо делиться, откупаться, помогать, не давали расти ее показному благосостоянию.

Тем не менее судьба ей в чем-то благоволила: сбылась хотя одна ее мечта. Покидать «Сказку Востока» ей запрещено. Да в этом заведении все подпольно. По тем же правилам и она

онет, дунет кому надо пару дирхемов и выход в город открыт. Так, на правах инкогнито она купила в тихом месте города небольшую, уютный домик с тенистым двориком и колодцем. Даже прислугу наняла для своего родного старичка. Он уже совсем не ходит, в белоснежной кровати лежит и, виновато улыбаясь, тихо молвит:

— Дочь моя, зачем так тратиться? Пришло мое время прощаться с жизнью... Путь к Богу с пыльной улицы или с чистой дороги одинаков.

— Она молчит, тихо плачет, глядя его холодеющие костлявые руки. Хочет быть с ним, но не может. С огромным риском, отдавая большие суммы, она каждое утро бежит к нему. А тут, как надо, дунет Бочек нагрянул: все на службе, по полной программе. Она через силу, сквозь слезы горя вынужденно улыбается, всех удивляет, концерт за концертом дает, никак вырваться не может... В пятницу священный день, до обеда свободна... Он дождался ее, глаза улыбнулись и еле-еле выдохнул:

— Я счастлив. Спаси тебя Бог. Прости.

— После нашествия Тамерлана, в одночасье потеряв всех и все. Шадома так не переживала: видать, была еще юной, много не понимала и не так страдала. Теперь, столько пережив и вновь обретя родное, близкое существо, которое буквально заботливо дало жизнь, стало маяком и путеводителем, эта потеря казалась ошеломляющей. Полная апатия ко всему, горечь вечного одиночества и никакой цели, как вдруг прозвучало это имя: «Маша!»

* * *

— О о! Мой дорогой друг, мой единственно достойный соперник! Как я соскучился по тебе... Устал с дороги? А выглядишь колодцем, — так, то ли искренне, то ли с издевкой, встречал Тамерлан только что прибывшего из Тебриза Моллу Несарта. — Ну, не надо этих церемоний, не надо из-под палки льстить, я ведь знаю, что ты гордый и чванливый кавказец и заслуженное мною к тебе попреклонение не признаешь. Хватит, хватит, вставай, довольно долго лобзаешь мой ковер. Лучше расскажи, как мой сын Мираншах поживает-царствует?

— О Повелитель, — как положено, в почтенной позе застал Молла. — Имею честь лицезреть тебя и быть принятым тобою. Хвала Всевышнему, ты вечно велик и солнцеподобен.

— Боже, — небрежно перебил его Тамерлан, — вижу ты не три время с сыном провел, наконец-то научился почтению.

— Ты — Властелин, ты — прав. Однако я позволю заметить: в раннем возрасте я лишился отца и матери, да успели они меня как положено воспитать. А то, что я долго на коленях стоял, — объясню: этот ковер на родном Кавказе соткан и я вдыхаю аромат безмятежного детства. А то, что долго лобзаю, — чуму от твоего сынка привез.

Лицо Повелителя невольно скривилось, вытянулось, глянул он недовольно в сторону визиря воды. Тот сделал знакомый жест: мол, проверено, продезинфицировано. После этого Тамерлан облегченно вздохнул, вновь, величественно улыбаясь, как бы по-отечески покровительствуя, обнял Моллу Несарта и со степенным прищуром, заглядывая в его глаза:

— Возблагодарите Аллаха, везде мор, однако с тех пор, как и воссел на трон Самарканда, в моем государстве этой напасти нет. Потупив взгляд, тут же Молла заметил:

— У Аллаха хватило ума не послать Самарканду сразу два несчастья.

— Ха-ха-ха, опять дерзишь? — у Великого эмира явно хорошее настроение.

— Ну, а как мой любимый сын Мираншах?

— О Властелин! О Повелитель! — декламационно воскликнул Несарт. — Можешь гордиться, твой отпрыск явно превзошел тебя.

— Хе-хе, слышал, слышал, в шахматы он всегда обыгрывает тебя.

— А как иначе? — развел руками старик. — Нечаянно выигрываешь — голову потеряешь.

— Гх, мир от этого не опустеет, — Великий эмир стал хромым: поступью топтать кавказский ковер. — А я и мои дети, и внуки, и правнуки никогда не будем проигрывать.

— Все в руках Всевышнего, хвала Ему, — вознес руки Несарт.

— Хм, — на это ухмыльнулся Властелин. — А как насчет обсерватории?

— Великий эмир, — тон Несарта стал серьезным. — Единственной на весь мир Марагская обсерватория твоими воинами разрушена до основания. Если ты соизволишь построить такую же обсерваторию — тогда твое имя останется в веках.

— Считай, что соизволил, — выпалил Повелитель. Несарт тронул за живое. — Она будет построена здесь, в Самарканде, и ты назначаешься ответственным за это дело.

— О Повелитель, — вновь в почтенной позе склонился Несарт, — Правитель Тебриза, Кавказа и всех западных земель! Твой достопочтенный сын Мираншах по злому науськиванию придворных невежд заключил многих достойных мужей — ученых, поэтов и ремесленников — в заточение. Прикажи освободить их, они тебе здесь нужны.

В великих делах Великий эмир принимал решение молниеносно:

— Наделить Моллу Несарта особым статусом, — указал он валием главному визирю, — и выделить мою казначейскую пайцу¹.

Это была если не наивысшая, то очень значимая привилегия, так что от такого поворота судьбы вся свита Повелителя была вынуждена преклониться пред новым назначением. Сам Молла Несарт веса своего положения еще не знал, знал лишь, что на него официально легла большая ответственность не только перед царем, но и перед историей.

— Когда я могу отбыть в Тебриз? — теперь в его голосе одна лишь покорность.

— Ну, зачем так спешить, — добр Повелитель. — Побудь со мной, отдохни. Устроим пир, сразимся в шахматы, пока твоя верность вновь не надоест мне... Тут играть даже не с кем, а я без шахмат думать не могу.

— Что ты теперь задумал? Опять в поход? — тревога в глазах Несарта. — Подумай о Боге, о себе и что нас ждет в неотвратимый Судный день, который недалек. Ты, как и я, уже стар, а за душой — пусто: сплошная нищета и откупиться нечем.

— Хе-хе, сам ты стар и нищ, — вместе с подбородком высоко вспернулась рыжеватая с проседью бородака Повелите-

¹ Пайца, ярлык — грамота, знак высшего должностного лица империи.

ля. — Идем, я тебе кое-что покажу. Они прошли через длинную сказочно обустроенную роскошную галерею, вышли в уютный тенистый сад, где ласково журчали фонтаны и заливались дико-винные птицы, вошли в другое помещение, внешне скромное, да сразу видно — крепкое, могущественное, еще более охраняемое. Здесь тихо, пусто, безлюдно, каждый шаг, даже шелест ханатов отдавался эхом. Это был огромный зал и посреди него гора — гора сияющих алмазов, великолепных рубинов, ослепительных изумрудов.

— Хороши мои камешки? — воскликнул Повелитель. Он любил хвастаться своими богатствами и водил иногда особо избранных в свою потайную сокровищницу. — Разве я нищий? Нравятся они тебе?

Молла Несарт почтительно прижал руку к сердцу и спросил:

— Мой Повелитель, сколько стоят эти камни и какую они приносят пользу?

— Стоят они столько, сколько строит полмира от азиатских пустынь до самого Черного моря... Ну, а насчет пользы — пользы они не приносят, ибо лежат здесь в сокровищнице, дабы утешать и ласкать мой взор.

— А я тебе сейчас покажу камешек, который почти ничего не стоит, но польза от которого очень велика, — Несарт достал из кармана оселок¹.

— Каждому свое, — удовлетворенно развел руками Повелитель.

— Туда с собой ничего не возьмешь.

— Это ты не возьмешь, а я... — Повелитель надолго задумался. Чувствовалось, в нем шла непростая борьба, и ее итог: — Ты видел, какие усыпальницы я для жен и сыновей воздвиг?

— Боже, Повелитель, и не думай! — в каком-то порыве искренности Молла Несарт посмел схватить его большую руку. — Ты истребил мой народ, однако в сердце моем, как Всевышний сказал, хвала Ему, нет места мести, вражде и зависти. Я свыкся с тобой и судьбой. Но ты подумай о будущем.

— Я только о нем и думаю, — процедил Повелитель.

¹ Оселок — точильный камень, камень для испытания драгоценных металлов.

Вспомни, что рыжий Малцаг предсказал, что в вешем сне ты умрешь.

— Замолкни, урод, — Повелитель грубо выдернул руку, а здоровой рукой ткнул Несарта в грудь, что он провалился в гору сокровищ.

— Ха-ха-ха, — натужно захохотал Молла, — мало кто такое выдержит, даже ты, — он с трудом выбрался. — Фу ты, остры как бритва, а вонь — как город после твоей осады, — он стал отряхивать одежду, — не дай Бог, в карманы попали — страшный характер!

— А мой хлеб есть — не харам? — другой горой встал над ним Повелитель.

— Взяв в плен — корми, не хочешь — убей, но куском хлеба не попрекай, тем более что я его заработал.

— Это как же ты его заработал?

— Хотя бы этим советом.

— Каков же твой совет? — как обычно, надменен голос Повелителя.

Молла Несарт без опаски подошел поближе к Тамерлану и, строго всматриваясь в сощуренные глаза:

— Ты ревностно относишься к Чингисхану, во всем следуешь ему и пытаешься держаться его Яса. Так его могилы до сих пор не нашли и не найдут.

— Молчи! — оборвал Тимур. — Ты думаешь лишь о смерти, а не о величии и бессмертии.

— Смерть неминуема.

— Мои потомки будут чтить меня и вечно охранять... Ты видел раньше Самарканд? И посмотри теперь — такого чуда в мире нет! И никто — ни Чингисхан, ни Искандер, ни Дарий — такого не смогли. Они лишь разрушали, а я в пустыне рай создал. Пошли, я покажу тебе свой город, что я за сказку сотворил!

Самарканд, чьим древним центром являлся холм-городище Африсиаб, полностью разрушенный чингисидами, еле-еле отстоялся, и до прихода к власти Тамерлана представлял собой заурядный азиатский городишко из саманных домов. Беззаветно любивший свою столицу Тимур задался целью превратить Самарканд в метрополию, достойную его величия.

После каждой победы не только сам Повелитель, но и его военачальники и сотни тысяч воинов возвращались домой с огромной добычей. В Самарканде и в его окрестностях скопились несметные богатства. Сюда потянулись со всех концов света караваны купцов. Город буквально на глазах стал строиться, расти. Этот был спонтанный, взрывной бум, без планомерной архитектуры и цельного градостроительства. На узких грязных улочках теснились базарчики и многоликий люд. Здесь, в этой новой столице зарождающейся империи, в коловерти и мнѣшествах, смешались все расы, языки и религии. Был полный хаос и кавардак: там, где богатые, — там и нищие, попрошайки и воры.

Всему этому пришел конец, и начался подлинный расцвет Самарканда в июле 1396 года, когда Тамерлан, разгромив Золотую Орду, с несметными богатствами вернулся домой. Он пробыл в Самарканде безвыездно более двух лет, и именно в это время шло самое широкомасштабное строительство.

Тимур ненавидел нищих, попрошаек, боролся с этим злом, но избавиться не смог, ибо сама мусульманская религия предполагает давать милостыню, значит должны быть те, кто ее берет. А вот воровство он искоренил как никто иной. И рук не отрезал, а сделал это очень искусно. Каждый факт воровства по закону Тимура должен был докладываться местному судье-кадию. Последний, по указу того же Тимура, безапелляционно возлагал всю ответственность на местного правителя, который обязан был восстановить ущерб из личных средств. Воров практически не стало...

В природе пустот не бывает. Тамерлан, разрушив многие города, стал возводить свои, и это не только Самарканд, но и Хива, Бухара, Карши, Шахрисабз и другие. Что касается столицы, то Самарканд, как город-град, он воздвиг за очень короткое время. Как и в ратных делах, и здесь гораздо преуспел, лично сам весь процесс строительства контролировал. И есть сведения, что, будучи недовольным, он приказал разобрать до основания два уже построенных дворца и начать строить заново.

Самарканд, как мыслил Повелитель, раем на земле не стал, но город-сад, оазис в степи, он сумел в кратчайшие сроки соору-

Так, на севере города находился Баг-и Шамаль (Северный сад), где в 1397 году по приказу Тамерлана построили павильон, облицованный фаянсовой плиткой. По свидетельству летописцев, это сооружение по своему великолепию равных не имело. В том же году Тимур приказал разбить сад в степи Кан-и Гуль. Этот сад был назван открывающим сердце (Баг-и Дилафша), посвящен очередной жене. А еще был Новый сад сплошь из длинных травяных и фруктовых аллей, которые сходились в центре, где стоял белокаменный дворец с золоченой крышей, под которой Повелитель обычно принимал послов. Чуть позже были заложены сады: голубиный и райский сады, посредине которых красовались прекрасные водосемы.

Однако главная достопримечательность Тимуровского Самарканда — это существующая и поныне центральная площадь Регистан, от которой подобно лучам расходятся проспекты. Существует поверье, что, стоя именно на этой площади, Повелитель с надменной гордостью спросил у Моллы Несарта:

— Ну, как тебе мой город? Потрясен?

На что Молла, дабы хоть как-то досадить, не без ревности закричал:

— Город ты возвел чудесный. Но вот эта улица вроде и центральная, да очень узкая, не твоего размаха.

Это был бульвар, который проходил от Регистана до реки. Шуря на солнце глаза, как на поле боя внимательно осмотрел Повелитель эту многолюдную улицу и сказал:

— Действительно узка, — он усмехнулся, — как ты думаешь, ослепивший пес, за какой срок я ее сумею преобразить?

— Ну, — призадумался Несарт, — зная твой нрав, месяца за два-три.

— Ха-ха-ха, — властный смех. — Командиры, ко мне. — Два высших военачальника из свиты Тамерлана спешно приблизились, склонились в почтении. — Приказ! Вот эту улицу вы должны расширить в два... нет, в три раза. Все перестроить, чтобы был блеск, простор и величие. Срок — месяц... нет, двадцать дней. Не уложите вовремя — казню...

Естественно, оба военачальника взялись за дело с максимальным рвением. На эту улицу были вызваны две тысячи воинов, как надсмотрщиков, и около трех десятков тысяч ремес-

ленников, мастеровых, рабочих и рабов. Все дома вдоль уважаемой улицы были за сутки снесены. Протестовать бесполезно: все владельцы домов бежали с пожитками, которые удалось унести, пока рушились стены их жилищ. Работы велись круглые сутки, ночью — при свете факелов. И как сообщает летопись, они были похожи на бесов, работающих у адского пламени.

Тамерлан лично почти каждый день приезжал и каждый раз все усложнял и усложнял задание, за невыполнение которого проводилась казнь, и не одного-двух, а целой группы людей, якобы замешанных в казнокрадстве, предательстве, неверности вере и Повелителю. Обычно апогеем этого действия или зрелища было то, что кое-кого Повелитель в самый последний момент щадил. Спасенный, обезумев от счастья, бросался в ноги Великому эмиру, сапоги целовал, обливал их слезами. А запрошенная представлением толпа в удовлетворении гудела: «Справедливый суд, справедливый Государь!» и как доказательство — щедрый бесплатный пир, значительный капитал в воздух.

— Тимур велик! Да здравствует наш Повелитель, единственный Государь! — неистовствовала в реве толпа.

А что касается строящегося проспекта, то он был закончен даже раньше двадцати дней. Тимур со свитой проехал по нему. Под ноги его коня сыпалось золото и драгоценные камни. Он выразил свое удовлетворение и, искоса, свысока глянув на Моллу Несарта:

— Ну что, старик, каков я?

— Бог за шесть дней сотворил мир, а ты за двадцать — рай на земле.

— То-то, — удовлетворен Тамерлан, — молодец!

— Спасибо, Повелитель, — в почтении застыл Молла.

— Да я о сыне, Мираншахе. Сумел он тебя к разуму привести?

— То-то и видно — своим поделился. Щедрый — все отдал.

— Но-но, что ты несешь? — возмутился было Великий эмир, но быстро пришел в себя, настроение его сегодня не испортить праздник какой: его город еще краше стал. — Поехали играть. Проиграешь — десять раз петухом закукарекаешь.

— А если выиграю? — встревожился Молла.

— Все твои выходки прощаю, — даже не смотрит в его сторону Повелитель.

Во время игры настроение у Тамерлана тоже приподнятое: играет в его стоклеточные шахматы, и в них он явно напирает. Та игрой наблюдает множество приближенных. И вот главный судья Самарканда решил воспользоваться благоприятной обстановкой. Дело в том, что владельцы снесенных в центре города домов, а это весьма зажиточные и влиятельные люди, пожаловались судье, и он осмелился просить Тимура возместить убытки пострадавшим домовладельцам.

— Что?! — вскипел от ярости Повелитель. — Разве город принадлежит не мне?!

— Да-да-да, все — твоя собственность, все! — заявил судья, тошно ретировался, согнувшись в три погибели.

И тут слово взял Молла Несарт:

— Повелитель, это я подтолкнул тебя на снос домов. Чувствую вину. Если выиграю, возместю ущерб.

Эмир немного поразмыслил и согласился.

На следующее утро Молла Несарт, как и вся свита, был в покоях Тамерлана. Видимо, Повелитель плохо провел ночь: он был в крайне скверном настроении, часто протирает глаза, вокруг него сновали врачи — евреи и китайцы.

— Эй, плешивый старик, Молла Несарт, — вдруг раздался крикливый голос Великого эмира, — ты вроде мудрый человек, чтобы все знаешь в отличие от этих знахарей. Что мне делать? Каждое утро, когда я просыпаюсь, у меня полчаса в глазах темно. Ничего, даже твою козлиную бороду не вижу.

— О Повелитель, — несколько выдвинулся вперед Несарт, как положено, руку к сердцу приложил. — А ты, пожалуйста, просыпайся на полчаса позже, только сразу в зеркало не смотри.

— Ха-ха-ха, — все-таки уважал Властелин остролова. — Вот ты нахал... Хе-хе, а в зеркало я давно не смотрю, знаю, что безобразен.

— О Повелитель, — еще раз ниже склонился Молла. — Тебе самому на себя-то смотреть тошно, а каково же нам, твоим подданным, которые очей от тебя отвести не смеют.

— О-о, — Тамерлан грубым движением оттолкнул врачей, тяжело встал. — Давай, давай сквернословь дальше. Вот отпра-

вишься вновь к сыну Мираншаху, как шелковый станешь, ими обуздает он тебя.

— Теперь у меня пайзца Повелителя, — опять огрызается Несарт.

— Пайзца моя, хочу даю, захочу отберу, — непонятно, то ли в шутку, то ли всерьез, но тон и взгляд суровы. — Ты меня вчера чуть без денег не оставил: заставил полгорода восстановить. Пошли, покажу, как гора обмельчала.

Тамерлан любил в свою сокровищницу ходить.

— Мой Повелитель, — войдя в закрома, удивился Молла, — вроде как было... даже кажется, гора еще выше стала.

— Хе-хе, так оно и есть, — доволен Властелин. — Пока я живой, ни единого камешка отсюда не вынесут, разве что принесут

— А как же проспект перестроили?

— Это я подчиненным поручил, — невозмутим Тимур, — они люди богатые. Пусть обеднеют, а то жирком обрастут, воевать более не захотят.

— А гора за счет чего выросла? — любопытствует Молла Несарт. — Вроде налогов в Самарканде нет, да и военных походов тоже.

— Хе-хе, строптивых, зажавшихся министров казнил, имущество конфисковал... А они должны помогать в строительстве.

— Скажи, Повелитель, — не отстает Молла. — Вот ты каждые два года, а то и год, этих министров сажаешь, вешаешь. А я вот смотрю, на освободившееся место толпами метяг, даже через меня пытаются взятку дать, чтобы слово я замолвил. Разве не боятся они?

— Свято место пусто не бывает... Видать, на что-то надеются.

— Что ты околеешь или в поход надолго уйдешь, — рискует Молла и быстро исправляется, — но ты им этой радости не дашь.

— Хе-хе, первого не дождетесь... Ты уж точно, — и совсем иным голосом: — А в поход скоро пойду.

— Снова в поход? — ошарашен Молла. — Вновь истреблять? Зачем тебе все это? Посмотри, у тебя богатств на сто поколений

— У мужчины один путь — путь войны, побед и славы. Наступила долгая пауза, после которой Несарт выдал:

— Тобой руководит лишь алчность.

— Будто не слышит, Тамерлан зачерпнул в ладони камни, — его глаза заблестели, как и эти бриллианты.

— Ты ведь в прошлый раз сказал, что от них тебе пользы никакой нет, — все до чего-то допытывался Молла.

— Пранду сказал, — сух голос Повелителя, — мне пользы нет. Но будь они в чужих руках, знаешь, сколько вреда мне могли бы причинить?

— Это как же?

— Гх, — кашлянул Властелин. — Ты, старик, блаженен, в земном и мирской суете страсти не имеешь — этим и пленяешь меня. Однако, как ты и сам знаешь, большинство людей лишь на деньги молятся. Тот, кто беднее их на дирхем — ничто, кто богаче — господь... Мне нужна власть, абсолютная власть, а для этого я должен быть самым богатым... Как на небе — один Бог; так и на земле должен быть один Правитель. Почему?

— Появил, ты просто людоед, — не выдержал Молла.

— Ах ты, старый ишак! — от удара Несарт вновь оказался в сфере алмазов.

— Что ни говори, а Молле Несарту, как любому из смертных, не хотелось расставаться с жизнью, тем паче среди таких богатств, и он, съездившись, тихо промолвил:

— О Повелитель и Покоритель мира, ты не посмеешь казнить неповинного.

— Ни сей раз казню, ты меня оскорбил!

— О Властелин, — чуть ли не скороговоркой заговорил старик. — Ты считаешь, что надо снять голову мне за слово «людоед». Но ведь я повторил только то, что до меня о тебе сказали молчаливые люди. Будь справедлив, прикажи сначала казнить их, а уж тогда и я сложу голову.

Насупенное лицо Повелителя слегка отошло, какая-то гримаса застыла:

— Вот ты дрянь, — сказал он и продолжил, — живи, пока я добрый.

— И таким войдешь ты в историю, — все-таки не унимался Молла.

— Мц, — как усмешка, выдал губами Повелитель, — а ты в историю точно войдешь как мой придворный шут.

— Ну, — выкарабкался из камней Молла, — рядом с тобой жить — либо шутком, либо дураком быть.

Тамерлан этого не услышал, то ли сделал вид, что не услышал, а сказал о своем:

— Пошли сразимся.

— А на что? — осмелел Несарт.

— На что хочешь?

— Вот на эту гору.

— Чего? — аж остановился Повелитель. — И что ты с ней будешь делать?

— Людям раздам.

— Точно, дурак, — беззлобно постановил Тамерлан.

Как и все великие люди, Властелин способен был делать одновременно несколько дел. Так, во время затяжных игр в шахматы он выслушивал многочисленные доклады, давал указы и распоряжения, а также успевал диктовать «Автобиографию» и личное «Уложение».

— Эй, писарь, не спи, — обратился Повелитель к секретарю. — Записывай... Людей следует либо ласкать, либо уничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может, из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести... Я всегда был убежден, что занятие, наиболее достойное правителя, — это поддерживать священные войны, истреблять неверных и стараться завоевать мир...

— Что ты пишешь, что ты говоришь?! — в это время в чад появился духовный наставник Саид Бараки. Только он имел право так бесцеремонно входить и тем более перебивать Великого эмира.

Несмотря на почтенный возраст, это был статный, внешне благопристойный, довольно живой, энергичный старик, который на правах главенства стал внимательно читать последнюю запись:

— Я ведь сказал — такое не пиши, — сурово бросил он юному писарю и, быстро уничтожив запись, обернулся к Повелителю. — Мой дорогой сынок Тимур, это в первую очередь будут читать твои дети, внуки и праправнуки. Это останется в истории, а посему ты — не средоточие зла и насилия, а посланник Бога

смысл добра и милосердия... Пиши, — он слегка ткнул в затылок шахири. — Уложение Тимура... Моим детям — завоевателям мира.

— Постой, постой, — попытался противиться Повелитель. — о каких завоеваниях ты говоришь? Разве я при своей жизни не завоюю весь мир?

— Сын мой, — очень ласков голос духовного наставника. — Ты и так много свершил. Уже далеко не молод. Пора до вечном подумать. Нам надобно отныне и денно и ночью молиться, замаливать грехи.

— О каких грехах ты говоришь? — все-таки выразил свое недовольство Тамерлан. — Ведь я помазанник Божий, и ты это не раз утверждал.

— Так-то оно так, — оправдывается наставник, тоже в повиную позу стал. — Однако кто каждую ночь пьянствует, пиры до утра устраивает? А на носу священный месяц рамадан. Будем совершать намаз до самого вечера. Бог милосерден, все нам прощит.

— О-о! — взмолился Повелитель. — Я себя очень скверно чувствую, я болен... Иди, помолись за меня, мой любимый учитель, а я, как только мне полегчает, присоединюсь к тебе. Ой-ой-ой, вновь глазам больно и темно.

— Вот видишь, болен, — заботлив духовный наставник. — Я тебе расскажу древнюю мудрость для обретения и сохранения здоровья. Слушай... Четыре вещи прибавляют света глазам — зеленая, струящаяся вода, чистая земля и любованье лицами любимых людей. Четыре, которые уменьшают его, — прием сухой пищи, обливание головы горячей водой, долгое пребывание на солнце и взирание на врага. Четыре, которые оздоравливают тело и делают его плодовитым, — это удобная одежда, свобода ума от неприятных мыслей, приятный аромат и спокойный сон. Четыре, которые ослабляют его, — употребление несвежего мяса, излишество в совокуплении, долгое пребывание в туалете и ношение плохой одежды. Четыре, которые поднимают дух, — своевременный прием пищи, соблюдение меры во всем, отказ от непосильных работ и умение не поддаваться беспричинной печали. Четыре, которые губят душу: ненужная дорога, езда на коротком коне, ходьба через силу и совокупление со старухами...

— Боже, какие старухи?! — скрывает едкую усмешку Повелитель, а Молла Несарт как бы про себя прошептал:

— Он больше к мальчикам стал тяготеть.

А духовный наставник, между тем, как проповедь, хорошо поставленным голосом продолжает:

— Четыре, которые возвращают сердце к жизни: практический ум, знающий учитель, верный товарищ и приятная жена И, наконец, четыре, которые губят его: холод, жара, удушливый дым и боязнь несчастливых чисел.

— Таких как возраст? — спросил Повелитель.

— В том числе, — ответил учитель.

Вопреки наставлениям Великий эмир и последующую ночь провел в привычном безудержном загуле, правда, наутро опять занемог. Вновь знахари кружились вокруг него, многочисленная свита стояла в молчаливом прискорбии, пытаясь всем видом выказать свое сочувствие.

— Мог бы я свои глаза отдать Вам, о Властелин мой, — ни секунды бы не думал, с удовольствием отдал, — так, с яркой пылкостью говорил только что назначенный молодой министр финансов.

— Еще успеешь, — бесстрастно процедил Повелитель и, пытаясь оглядеть свиту: — А где этот старик, Несарт? А-а, иди ко мне, — издевка в его голосе. — Я сегодня на полчаса позже встал, а пред глазами мгла.

— Повелитель, — учтиво склонился Молла. — Всевышний, хвала ему, в Коране сказал, и твой учитель вчера говорил: «Свет моих очей — молитва». Откажись от грешных привычек и все...

— Замолчи! — рявкнул Властелин. — Из-за своих стараний ты, в конце концов, лишишься своего грязного языка.

— «Все старания будут отблагодарены» — записано в Коране, — как обычно, не унимался Молла Несарт.

— Отнять у него пайзцу, вышвырнуть отсюда, — в гневе рявкнул Повелитель. — Я с тобой скоро разберусь, — вслед уволакиваемому старику кричал он.

А старик и в этой ситуации не сдавался.

— О Повелитель, Повелитель, не торопись, — кричал он, — я знаю истинную причину твоей хвори.

— Отставить! — постановил Тамерлан. — Сюда его!

Как его пригасили, так и стоял Молла Несарт на коленях, глаза его прямо глядели в лицо Властелина.

— Не ш свою шкуру пекусь, — тихо вымолвил он, — обсервацию, шауку спасать надо...

Несарт еще что-то хочет сказать, но Великий эмир его грубо перебил:

— Хватит нести чушь! В чем причина? Молла тяжело вздохнул и опустил взгляд:

— Трех на себя беру.

— Говори!

— Хворь — от безделья... Твоя жизнь — поход.

— Ты прав, ты прав, старик! — вскочил Тамерлан, обнял Моллу — Вернуть ему пайзцу. Расставить шахматы. Военный совет! Будем играть и я буду думать... Хе, а мне уже легче ста-

С боку от шахматного поставили еще один роскошный стол, на нем все яства мира, — Властелин по ходу игры завтракает, а где идет совет.

— Впереди священный месяц рамадан, нельзя воевать, одуряет, — на своем настаивает духовный наставник.

— Вот именно, мой учитель, — оправдывается Тамерлан, — на священную войну иду, на борьбу с неверными гяурами.

— Куда ж ты держишь путь?

— Индия, — был сделан приговор древней цивилизации.

— Ведь это мусульманская держава! — воскликнул учитель.

— Они исказили ислам, — тверд ответ Повелителя. — Лучше скажи мне на священное дело.

В период расцвета Халифата арабы дошли только до берегов Инда. Проникновение ислама в Индию произошло гораздо позднее. Это турки завладели афганской провинцией Газни, оттуда потомок Газневи—Махмуд — предпринял множество походов в Индо-Гангскую долину и основал мусульманскую империю со столицей в Дели. Его династии наследовали другие тюркско-афганские феодалы. Потом правили Мамлюки (1206—1290), Хальджи (1290—1321) и, наконец, Тоглуцкая династия (1321—1414). К концу XIV века власть Тоглуков ослабла. Если до этого они владели почти что всем субконтинентом, то в результате мятежей многие южные провинции отпали.

в столице автоматически переходило в руки матери царя, а если ее нет, то в руки старшей жены. Первая жена Тимура, мать уже покойных Джехангира и Омар-шейха, при непонятных обстоятельствах умерла. Есть версия, что ее, как и первенца, отравили. После этого первой женой стала Сарай-Ханум или Большая тюркская жена, как ее при дворе нарекли. Она была матерью двух оставшихся сыновей — Мираншаха и Шахруха¹.

Тимур уже был в годах, по прежнему предавался загулу и после сильно болел. Вопрос о наследнике витал в воздухе. И казалось, что это должен был быть кто-то из сыновей. Однако Тамерлан по этому поводу хранил строгое молчание, ибо дети Сарай-Ханум подавали мало надежд. Мираншах был жестоким, грубым и крайне неуравновешенным, любил праздную жизнь, хотя и был отважным воином. Шахрух, наоборот, мягкий, добрый, еще очень юн и тянет его не к ратным делам, а к домашнему уюту.

Другое дело внуки, особенно самый старший — Мухаммед-Султан. Весь в деда: крепкий, выносливый, смелый и при этом весьма рассудительный, рациональный. И никто, никто не знает, что уже есть письменное завещание, хранится у духовного наставника. Там прописан наследник — Мухаммед-Султан. Но это в тайне: заранее узнают — наследнику будет тяжело жить. Вот и хранит Тимур строгое молчание, мол, умирать не собирается, там видно будет. И все потенциальные наследники, может, и не любят друг друга, да верность предку и трону хранят, строго соблюдают семейную субординацию. А вот женщины-фаворитки, их всего две, всеми способами борются за трон. Традицию знают все: та мать, чей сын взойдет на трон, станет полновластной царицей и просто изживет не только соперницу, но и ее сыновей. Посему борьба идет подковерная нешуточная. Эта борьба вредит государству, вредит Тамерлану, но ее устранить невозможно — это исторические реалии всех монархий: за все, даже за могущество надо платить. И не так-то легко монарший хлеб есть, эту фамилию

---

¹ У Тимура было множество жен и наложниц, от них — множество детей, но право голоса и наследства имели только дети, родившиеся от дочерей монгольских ханов.

неизвестность нести, если перед тобой такая соперница, как Ханзаде или, как ее нарекли в народе, Малая Госпожа. Вот кто всеми путями к трону детей продвигает, и у нее все шансы есть.

Мало того что Ханзаде — вдова, мать Мухаммед-Султана и Нур-Мухаммеда — женщина очень смелая, умная и красивая. После смерти мужа, она сумела сблизиться с Тимуром, получив его личную благосклонность. А когда Мираншах, сын ее соперницы Сарай-Ханум, был назначен правителем западных территорий вплоть до Кавказа, она поехала к нему в гости, чтобы развеяться. Своей красотою и обаянием покорила сердце деверя, вышла за него замуж (это по кочевым традициям тоже норма) и даже родила сына Халиля, который уже стал юношей.

Кажись бы, что почти все козыри в борьбе за трон были в руках Ханзаде, в том числе и старший сын Мираншах. Да не все так просто в интригах императорского двора. Большая госпожа, пользуясь своим главенством, стала тоже воздействовать на своего первенца. Люди, верующие в Бога, в это верить и подчиняться не должны, но все равно, говорят, в мире есть всякие женщины, разные снадобья, отвары или отравы. Словом, и так не совсем уравновешенный Мираншах попал под перекрестный огонь двух влиятельнейших женщин — матери и жены. Под их воздействием он стал совсем сумасшедшим, алкоголиком, наркоманом, деспотом. Мать от него далеко, а вот жену Ханзаде посадил в тюрьму, пытал, хотел было убить, но она умудрилась бежать. Не без влияния старших сыновей не только спаслась, но добилась аудиенции лично с Тамерланом, что даже для такой женщины не просто. Повелитель всегда был к Ханзаде благосклонен: она получила такие же апартаменты и привилегии в гареме Тамерлана, как и Сарай-Ханум. По традиции она была признана второй дамой или Малой госпожой. Теперь борьба из заочной, когда они были далеки, стала очной — под одной крышей, в одном дворе.

Чтобы эту вражду как-то ослабить, Тамерлан предпринял следующий ход — он в очередной раз женился на юной дочери монгольского хана. В этом замысле есть иной подтекст, более существенный в стратегическом плане.

Целю в том, что неизвестно, как долго продлится поход в Индию, и надо обезопаситься со всех сторон. Золотая Орда раз-

громлена и с севера угроз нет. На западе всюду мятежи, но там нет консолидированной силы, к тому же там Мираншах и с ним двадцать пять тысяч воинов. А вот с востока опасность есть. И вот тогда с монголами Тамерлан породнился, и в этом очень дальновидная стратегия: он мечтает, давно мечтает захватить Китай. Но это впереди, а пока он двинулся на Дели.

Это после Тамерлан любит наслаждаться награбленным, а до этого он, несмотря на свой возраст (ему уже пошел шестьдесят третий год) и свои болезни (есть подозрения на костный туберкулез), он был человеком целеустремленным, выносливым и одержимым. Он, как и его окружение, знал, что в случае провала, гибели или пленения его империя сразу же рухнет. И равные до последнего отговаривали его от индийского похода, и даже звездочеты предсказали ему неблагоприятный исход. На что он самонадеянно ответил: «Экая важность — совпадение планет! От звезд не зависят ни радость, ни горе, ни счастье, ни несчастье! Я никогда не стану откладывать исполнение того, для осуществления чего я принял все необходимые меры».

В начале 1398 года Тамерлан с основным войском спешно выступил в поход. От его внуков поступала весьма противоречивая информация. Как и предполагал дед, его любимец Мухаммед-Султан со своим заданием успешно справился, перейдя Зейид, двигаясь вдоль гор Кашмира, он исполнил приказ: взял область Лахор.

В отличие от старшего кичливый внук Пир-Мухаммед с большими потерями преодолел горы Гиндукуш, надолго застрял в боях под Кабулом, так и не смог сломить сопротивление афганцев. Лишь по приказу Тимура Мухаммед-Султан прислал на помощь родному младшему брату десять тысяч своих воинов, и только после этого Пир-Мухаммед смог двинуться дальше. Однако его цель — Мултан — тоже долго не покорялась. После двух месяцев осады город сдался. Да это облегчения не принесло: от какой-то болезни все кони пали, и в это самое время местный полководец, афганец Муса, напал на гарнизон Пир-Мухаммеда у крепости Ираб, разгромил его, а военачальника Лашкер-Шаха, старого друга Тимура, взял в плен и казнил.

Зная, что ситуация Пир-Мухаммеда очень тревожная, Тамерлан стал форсировать марш. Это был наитяжелейший переезд

ли через непроходимые горы в самый неблагоприятный период года, когда днем все тает, журчит, и рябит от солнца и снега в глазах, а ночью все сковывается льдом, когда от малейшего толчка с вершин обрушиваются снежные лавины, а в узких ущельях бурлит вода, закрывая проход, и тогда приходится сутками стоять на месте в эту стужу или дождь, пока инженерная команда не прочистит проход или не наведет мост, а отходных путей нет. И здесь, за каждым поворотом, небольшие, но жестоко наказанные за свои горы афганцы, которые ни днем ни ночью никого не дают. На этом переходе бывают дни, когда лишь Тамерлан едет верхом, и его коня человек десять поддерживают. А потом и это невозможно: изготовили что-то вроде ломовых дрог, на них Повелитель, а его коня несут на руках. И это потому, что правая большая рука Тамерлана от переохлаждения забрела еще больше, опухла, от абсцесса ему делали анестезию, и после этого он шел целый день пешком через заснеженный перевал.

Об этом переходе в истории остался один рассказ. На пути встретилась крепость, возведенная на вершине горы. Овладеть ею оказалось невозможным: потери были несоразмерны. Разъяренный Тамерлан обрушил потоки брани на своих командующих и даже угрожал саблех. Все покорно молчали. Как обычно в такие моменты Повелитель начинал играть в шахматы. Думая, что он окончательно успокоился, один из ближайших соратников заметил, что столь малая крепость не стоит стольких усилий. Этот старый друг за трусость был лишен всех званий, имущества и тут же был отправлен в ссылку на кухню, где и дожил до конца своих дней... А крепость не без огромных усилий и потерь была взята, всех истребили, все сожгли.

После сложного горного перехода Тамерлан спустился в Кабул, в область Кафиристан. Эта местность всегда была бедной, за что к тому же до него ее обшарили его внуки. Но тем и велик Тамерлан, что у него всюду нестандартный подход. Вроде бы следов очередному своему капризу, он велел своим ратникам, будто бы ничего более важного нет, выкопать для местных жителей столь необходимый длинный оросительный канал, позволивший впоследствии построить в том краю множество новых поселений.

От этого мероприятия он получил немало выгод. Во-первых, благосклонность местного населения, за что в молитвах просят носить его имя. Во-вторых, надежный тыл. В-третьих, пополнение его рядов местными воинами, что весьма важно. И, наконец, к нему, как к великому полководцу и человеку, потянулась местная знать, и среди них некто Малик — брат того самого разбойника Мусы, который уничтожил весь гарнизон Пир-Мухаммеда в крепости Ираб.

— О Повелитель, — говорил Малик, — мой несчастный брат Муса — жестокий и неверный человек. Он поступил плохо с твоими людьми и казнил твоего командующего... Я не таков, буду верой и правдой служить тебе, и у меня под командой тысяча воинов.

— Веди сюда людей, — постановил Тамерлан.

После этого он велел арестовать Малика как предателя, а его людям предложил служить в его рядах, противление — казнь. А следом послание Мусе: «Дорогой Муса! Вопреки наветам твоего недостойного брата, я давно наслышан о тебе, твоей смелости и верности... Что случилось, то случилось, видно, так было предписано Всевышним, хвала Ему... Я верю в нашу долгую дружбу, мы породнимся: у меня много внучек. А сейчас ты назначаешься командующим фронта и крепости Ираб, а позже и Мултан с областью — твои. С этим искренним посланием и высылаю к тебе гарнизон из двух тысяч человек. Сам прибуду в гости позже... С уважением, эмир Абул-Мансур-Тимур».

Вскоре Повелитель прибыл сам к Мусе и был принят как величайший гость, в честь которого был дан роскошный пир. Однако на следующий день, когда Тамерлан соизволил прогуляться вокруг крепости, кто-то из воинов выпустил в сторону Великого эмира стрелу. Эта провокация не осталась безнаказанной: голову Мусы насадили на шест, его воинов разрубили.

В начале октября на сооруженном для него понтоне Тамерлан переправился через Инд. Противостоять его огромной армии здесь не было сил. Города сдавались без сопротивления. Воины Повелителя вели себя как всегда — дикари. Опять насилие, смерть, грабежи, поджоги, рабство. Лишь одного требовал Великий эмир от своих воинов — не трогать богословов.

В Идиом Тамерлан первым делом бросился в сторону Мултана, где в осажденной крепости спасался внук Пир-Мухаммед, работавший в крепости, Тамерлан отдал приказ: «Провинция Пенджаб на пять дней ваша».

Это были густонаселенные места, где в основном жили простые крестьяне. Разорение, насилие и убийства продолжались пять дней, после чего у каждого воина появилось много рабов и добычи.

Поход на Дели продолжился, и на пути оказалась мощная Батхирская крепость, где было многочисленное войско раджпатов. Это были смелые воины, и смерти они не боялись. Но у них не было опыта войн, не было той тактики, дисциплины и военной хитрости, что имелись у нападавших. За упорное сопротивление Тамерлан приказал всех жителей сжечь, а город сравнить с землей.

После этого без всяких препятствий Великий эмир дошел до ворот Дели. Разведка Тамерлана, работавшая в Дели уже целый год, донесла, что город кишит беженцами. Армия султана Дели — в пятьдесят тысяч, хорошо вооружена, имеются дотолы неизвестные «огненные горшки» — что-то вроде зажигательных гранат, начиненных горячей смолой, и ракет с железными наколками, которые, коснувшись земли, взрывались и подкашивали. Но главный страх внушали слоны.

Войско Тамерлана составляло девяносто две тысячи человек, из них шестьдесят — быстрая кавалерия. При таком раскладе сил (как и как иначе?), раз пришел, надо было начинать штурмовать город. Да и том-то и заключался полководческий гений Великого эмира, что он в разных ситуациях по-разному подходил вроде бы к одной и той же цели — захвату крепости. На сей раз он просто отошел подальше от поселения, позволил воинам развлекаться с пленными, приказал рыть оборонительный ров. И одновременно ходит слух: мол, добычи вдоволь, ее бы через горы везти. А с запада, где Мираншах, все неспокойно: грузины — с севера, мамлюки — с юга и Баязид Осман — по центру собирали большие территории. Сын ситуацию не контролирует, что-то там тревожное происходит. И даже в сам Самарканд кака-то неприятности проникли. Тамерлан, у которого постоянно налажена связь со всеми территориями, в курсе всех дел, и он

высылает в столицу срочного гонца с приказом: «Казнить Шад-Мульк!»

В Самарканде тревога: под каждым кустом, в каждой подворотне все разыскивают некую Шад-Мульк, найти не могут. И мало кто знает, кто она такая. В столице волнение. При чем тут такая-то Шад-Мульк, если Повелитель уже месяц под Дели стоит, взять не может, даже в атаку не идет? Неужели конец? Неужели сдался старик? Хоть бы живой вернулся.

Да и в самом стане Тамерлана господствует такое же настроение. Даже Повелитель пребывает в нерешительности, не знает, что правильнее предпринять, тем более что астрологи и шаманы опять предрекают неблагоприятный исход. На очередном военном совете два опытных военачальника обратили внимание на возможную опасность: в обозе, с тыла, более ста тысяч пленных — это обычные земледельцы, девушки и юноши.

— Что если с фронта надавят слоны, а с тыла поднимутся пленные?

— Разумно, — немного подумав, ответил Повелитель. — Всех, я повторяю, всех истребить немедленно. И смотри лично я своей рукой убью того, кто по скупости или из жалости моего приказа ослушается.

Приказ был исполнен ровно за час, и как говорится в летописи, некий ученый-богослов, что был в свите Тимура, который в жизни и курицу не зарезал, был вынужден умертвить полтора десятка своих рабов.

От такой крови люди сходят с ума, а Тамерлан, наоборот, воодушевился. Он сделал несколько как всегда неожиданных распоряжений по подготовке к бою и направил силы в атаку. Задача была одна — как только появятся слоны, изобразить панику и страх и отступить в определенное место, где вырыты ямы для девушек для слонов. Некоторые слоны проваливались, однако многие шли вперед, и контратака продолжалась. Тогда Великий эмир пустил в ход вторую заготовку: несколько тысяч буйволов обвязали просмоленной соломой и ветками хвойных деревьев, подожгли и погнали в сторону индийцев. Обезумевшие от страха мощные буйволы смели со своего пути слонов, вклинившись внезапной лавиной в армию индийцев, а следом шла конница тюрков... Султан Махмуд-шах бежал с поля боя. А Великий эмир

«Победа — женщина. Она отдается не всегда, и надо стараться ее овладевать».

В конце октября Тамерлан вступил в один из прекраснейших и богатейших городов тогдашнего мира.

«Подайте нас и город! — его встречала влиятельная мусульманская знать Дели.

«Я всегда благосклонен к единоверцам, — отвечал Повелитель, но взамен потребовал огромную дань.

Когда контрибуция была выплачена, он выставил охрану в центре города и уединился в чужом гареме. В эту же ночь, вопреки указу Тамерлана, в городе начались погромы. На утро первые сутки влиятельные делийцы пытались дойти до Тимура. Он был пьян и спал. А когда проснулся, картина была ужасная: город дотоптал, почти все мирное население было перебито. Больше страшного насилия в летописи нет, а Тимур просто заявил: «Валит Бог, я этого не хотел».

Там не менее, отдохнув в Дели пару недель, Тамерлан двинулся дальше. Он захватил город Мирут, истребил все население и добрался до реки Ганг. По сведениям его шпионов, там за рекой, в непроходимых лесах у подножия Гималаев, тысячелетиями живут раджи. Туда ни Македонский, ни кто-либо другой из завоевателей ни до, ни после не проникал. Там все богатства мира. Там, как хотел Тамерлан продолжить поход, но его войско превратилось в некий кочующий сброд, ведущий за собой стада животных, женщин, мальчиков, телеги с мешками.

Этот народ надо было скорее вести в Самарканд, не то ожидать можно что угодно: дисциплины уже нет, все обогатилось. И тогда он послал в Самарканд гонца: «Я победил!» А вслед еще одного: «Казнить Шад-Мульк!»

«Кто такая Шад-Мульк?» — спрашивали все, да мало кто знал настоящее имя — Шадома!

* * *

Шадоме казалось, что за свой пусть и недолгий век она уже успела повидать и испытать всю грязь и фальшь человеческого бытия. Однако то, что предстало пред глазами и сдавило от воли гортань, повергло ее в ужас. «Как так, наверху белый хлеб,

а внизу такой смрад, и все под одной крышей?» — был ее первый произвольный вопрос, когда она попала в полуподвальное помещение внешне благопристойного, чистенького предприятия под названием мукомольня. А когда при свете убогого ночника она увидела в клетке какое-то живое существо, чуть не потеряла сознание, да произнесенное ее имя, и не как шепот, а чисто на кавказский манер, заставило ее восторгнуться, и всякая-то сила потянула вперед.

Его бы и родная мать не узнала даже по голосу: это просто шевелящаяся жердь, на которую накинута провонявшаяся фанкалиями лохмотья, а сверху — буквально череп, без ушей, обтянут посеревшей кожей, и лишь глаза, эти большущие светлые, обезумевшие глаза. Вот их-то она узнала. Она их до сих пор помнила, потому что только их в жизни любила.

Эти очи Шадома знала. Знала, что когда Малцаг спокоен или ему приятно, его глаза как-то странно увлажняются, словно маслом помазаны, и цвет приобретают темно-синий, мягкий, добрый. В непогоду эти глаза светлеют, блестят, в них шалость предстоящей грозы. Но бывает еще одно выражение — это в бою или в преддверии боя, когда глаза округляются, становятся стеклянно-серыми, бесстрашными, свирепыми, хищными, как у зверя, — это борьба, когда он забывает о жизни и смерти, это состояние опьянения, безрассудства, дерзновенного упоения и вихря огня. Именно эти глаза увидела Шадома, и она их узнала.

В ее сознании только совсем молодой Малцаг был тем полным, тем горцем-джигитом, настоящим героем, который не только посмел, но и сумел как-то противостоять диким полчищам Тамерлана. И именно Малцаг нагло, дерзко и смело напал на святая святых — базовый лагерь Великого эмира, разгромил его и, самое главное, вызволил ее из хищных лап этого коварного злодея.

Малцаг ненамного старше Шадомы. Они оба были юны, и она была его самой первой и поэтому бесконечно желанной женщиной. И он полюбил Шадому с первого взгляда еще тогда, когда ее, совсем еще юную, чистую, белокожую, несчастно заплаканной девочкой привели в шатер как дар Повелителя. И на его глазах Шадому насильничали, а потом, одурманив сознание

шумом и другими гадостями, заставляли голой танцевать, дескать, ублажать.

Все это Малцаг видел, еще худшее представлял, но, помня об обстоятельствах, а более — имея мужское достоинство, он ни разу не только не упрекнул или намекнул, а даже не вспоминал об этом. Лишь раз или два, пытаясь ее обезопасить, Малцаг хотел отправить Шадому подальше в горы, к сванам. Однако гордая девушка и поотрез отказалась, с Малцагом делила все тяготы суровой походной жизни, чуть ли не сама принимала участие в боях. А последний эпизод, когда Малцаг с ее помощью бежал, она тоже приняла как должное: тогда либо оба погибли бы, либо один из них свастись.

С тех пор об участии Малцага она ничего не знала. Свою жизнь спасенной никогда не считала. Правда сама жизнь уже дважды делала ей подарки, короткие мгновения радости, — это время, проведенное с Малцагом, и неожиданное появление ее старичка. Последний, вдохнув было в нее искру жизни, недавно навсегда ушел, и она пребывала в гнетущем состоянии, в некоей безвыходной тоске и пустоте. И вдруг судьба вновь послала ей бывшего человека, ее первую и единственную любовь — Малцага! При виде его она едва не лишилась чувств, да благо рядом был доктор Сакрел.

— Надо действовать, надо его спасти, — поддерживая, взбормотал он Шадому.

Как надо действовать в Измире, Шадома уже знала: к счастью, здесь все, кто у малейшей власти, на деньги падки. От предопределенной Шадомой суммы надсмотрщик Малцага чуть не пооркнулся от ликования: ему и добывать не надо, и трехмесячный доход, и утром он подпишет акт, что больше такого муниципального раба, как Малцаг, уже нет. А сейчас он с готовностью поможет увести полуживого раба. А Малцаг на вид — ну совсем скелет, а поднять, тем более нести его нелегко. Да, видно, свобода и свежий ночной бриз вдохнули в него жизнь, так что он сам пошел, только не прямо, а по привычке в бок его копит, словно вновь круги под кнутом наяривает. Этого всплеска энергии хватило ненадолго: ослабевшие ноги в один миг подкосились, и он, теряя сознание, упал.

— Понесли, я тороплюсь, — волновалась Шадома.

— Куда мы его понесем? — также взволнован и Сакрел.

— Ко мне домой, — задыхаясь, отвечает она.

— У тебя есть дом? — оторопел Сакрел. — Ну и ну, а я двенадцать лет здесь — в чужом сарае ютимся.

Измир — город небольшой, делится на две части: крепость, порт, где Родосские рыцари-христиане (Смирна), и сам город, что значительно разросся при сельджуках. Путь до дома Шадома вроде недалекий. Однако им было не под силу Малцага повести, да к тому же могли привлечь нежелательное внимание Малцага, словно догадываясь об этом, ненадолго пришел в себя и, опираясь на спутников, пытался идти, но уже на пороге буквально рухнул.

Домик небольшой, саманный, чистый, теплый, всего две комнаты. Без излишеств, но все, что нужно, есть. Зажгли масляную лампадку, и стало совсем уютно.

— Ну, ты молодец! — восхищался доктор, а она словно не слышит, возится возле постели, очень спешит.

Сакрел уже повидал жизнь, к тому же он врач, значит психолог. Он сразу понял, что меж этими молодыми невольниками какая-то мощная связь, какая-то сила влечения, что гораздо больше любви. Однако Малцаг лежит почти без чувств, а девушка — умело ухаживает за ним: на лице и в движениях никаких чувств, никакой страсти, вроде только расчет и сухость. Но Сакрел понимает, что эта внешняя суровость — как защитная маска от жизни лихой... а что станет с его девочками, совсем детьми? От этих мыслей скупая слеза невольно покатилась по щеке, застряла в поседевшей бороде.

— Я подневольна — раба, — подтверждая мысли Сакрела, строго говорит Шадома. — Должна бежать... Смогу придти только днем, и то изредка.

— Я тоже раб, — сказал Сакрел, поняв, что девушка давно это определила. — Как раз днем на службе в больнице, а каждую ночь буду наведываться... А сейчас с тобой уйду, лекарства ему нужны.

Они спешно засобирались, уже покидали жилище, когда тяжело сопящий Малцаг шевельнулся, с трудом приподнял голову.

— Шадома, — слабым голосом прохрипел, — спаси его девочек.

— Каких девочек? — удивилась она. — Где они?

— У тебя, там, в «Сказке Востока», — прошептал Малцаг. Строже и печальнее стало лицо Шадомы, она задумалась после продолжительной паузы неуверенно ответила:

— К счастью или к сожалению, но «Сказка Востока» — не задание... Я постараюсь.

— Постарайся, — медленно подняв руку, Малцаг слегка пощипал пальцами ее плечо и, как бы подталкивая, прошептал:

— Иди, спаси их, а то как мы...

В ту же ночь Сакрел вернулся. Он буквально заставил Малцаг принимать нужные микстуры, а когда начал растирать странно пахнущей мазью, Малцаг погрузился в глубокий

Сважды Малцаг просыпался — никого не было. Светлый и он в пьяной истоме, блаженно засыпая, думал, что наконец попал в рай. Легонько теребя по плечу, его разбудил Сакрел, на лице улыбка:

— Я так рад, так благодарен тебе, — сходу выпалил доктор, в этом шепотом, как великую тайну: — Дети домой вернулись... Ты счастлив, а жена!.. Ты не представляешь!

Чуть позже его голос был требователен и строг:

— Это все надо съесть... Твой желудок отвык, а силы нужны... ешь, запивай... Через недельку встанешь.

На следующий день Малцаг уже сам встал, а ночью, когда Сакрел осторожно приоткрыл калитку, он его встречал.

— Это ты? — испугался доктор. — Да как же так возможно все удивлялся он. — Пошли в дом, тебе нужен покой.

— А где Шадома? — о своем печалился Малцаг. — Почему не приходит?

— Не знаю... В ту ночь на рассвете она привела моих девочек... была очень встревожена и торопилась.

— Думая о ней, они замолчали. Первым заговорил врач:

— Видать, нелегко ей мои девочки обошлись... А я ее толком тебе поблагодарил.

— Еще успеешь, — грубо процедил Малцаг и, отрешенно глядя в огонь: — Ты должен пойти в «Сказку Востока».

— Да ты что?! — встрепенулся Сакрел, невольно отпрянул, увидев гневный взгляд Малцага, он сразу сник и тихо вымол-

вил: — Один вход туда стоит золотого, — он глубоко вздохнул, — а я, поверь, в долгах.

Это откровение смутило больного, он покосился в сторону свертка с едой:

— О, об этом не волнуйся, — оживился врач, — в больницы еды вдоволь: милостыню дают... А вот денег — нет... Сам знаешь, все больные, как ты, — рабы.

— Я уже не раб! — чуть ли не крикнул Малцаг, от возбуждения сжал кулаки. — И никогда им не был!

— Успокойся, успокойся, — обхватил его Сакрел, — тебе нельзя волноваться, поешь. — Он усадил молодого человека, и чуть позже, когда Малцаг уже жадно ел: — Аппетит появился — очень хорошо. — И как бы про себя, — нравится мне твой бунтарский дух: где-то он тебя сгубил, где-то спас, но сейчас быстро к жизни вернулся.

— Какая это жизнь! — возмутился Малцаг. Он с ненавистью посмотрел на грудь, где клеймо, провел рукой по ране, где когда-то было ухо, печально опустил голову.

— Ты не огорчайся, — какая-то ирония появилась в тоне доктора. — Я уже об этом думал, — он тонкими пальцами погладил клеймо на груди, такое же — на плече. — Все поправимо... У тебя и так все тело в ранах, появятся еще две: вырежу я тебе их — пустяк.

— А уши? — как ребенок насупился Малцаг.

— А что уши? Вот отрастишь волосы и ничего видно не будет... А пока шапку носи, или чалму, как здесь ходят.

— Вырезай сейчас, — загорелись глаза кавказца.

— Ну-у, ты что? Это ведь операция. Тебе окрепнуть надо.

— Я уже крепок, — вскочил Малцаг.

— Это дух твой всегда крепок, — постановил врач. — А тело посмотри на себя — одни кости. А операция — как две раны. Ты ведь знаешь, что это такое.

— Когда можно будет? — загорелся молодой человек.

— Посмотрим, — ответил Сакрел, засуетился по комнате, что-то прибирая.

— Ты уходи, — уловил его мысль Малцаг и, видя, как тот что-то не решается сказать: — Мне уже лучше, можешь приходить через ночь, даже через две.

— Да, — горестно вздохнул доктор, — боюсь за детей, как бы они не забрали... Рабы, — развел он руками.

— Ты с этим смирился, — сух молодой голос.

— Нет-нет, надо что-то делать, что-то предпринять... Где же Шаоми?

— Хо-хе, — неестественно едок тон Малцага, — на публичную ставку будем уповать.

— На говори так! — повысил голос Сакрел. — Она спасла нас.

На это Малцаг ничего не ответил, а доктор еще помялся в кресле и напоследок сказал:

— Ты это от ревности... значит, любишь. Прошло две недели, Шаоми не появилась.

— Это из-за моих девочек, — все сокрушается доктор, а тут еще работа: Малцаг выздоравливает, молодой организм требует забот, и не как прежде, а с голодными глазами он бросается на каждый сверток с едой и с набитым ртом, как бы усмехаясь:

— Ха-ха, своих детей еле кормишь, а тут едун напал, да еще какой неблагодарный.

— Тебя-то по жизни я обязан кормить и благодарить, — жалок голос врача, — да и в больнице много не возьмешь... Стыдно, — он глубоко вздохнул и жалобно продолжил: — мулазимы притивали, говорят, больницу обворовывают... Даже пригрозили.

— То-то на тебе лица нет, — бесстрастен голос Малцага.

— Что мне делать, я ведь раб?

— Принеси мне одежду, — вдруг выпалил кавказец.

— Что ты надумал? — испугался доктор, а потом, — только то, что на мне, тебе уж больно мала. — И вновь, увидев его уничтожающий взгляд: — ладно, я как-нибудь постараюсь.

С каждой встречей, а они становились все реже и короче, разговор у них не клеился. Оживающий Малцаг выдвигал массу дел, требований, чего кроткий врач никак исполнить не мог. Лишь одно он предложил:

— Давай сделаю операции.

— Операции? Некогда, — ответил Малцаг, непонятным блеском горят его глаза.

В следующий раз, когда доктор пришел, в доме никого не было, и на столе очень много еды, и такой, какой сам Сакрел давно не видел. В тягостном волнении Сакрел стал ждать, вскоре за-

снул, и уже в узком окошке брезжил рассвет, когда его разбудил Малцаг.

— Ты где был? — тревога в голосе Сакрела.

— В море купался, — как утро свеж и бодр молодой кавказец.

— Ночью по городу ходить опасно: янычары и мулазимы кругом.

— Так они друг друга и охраняют, — посмеивается Малцаг, и тут же, с тоской: — Днем, в таком виде, куда я пойду?

— А это откуда? — доктор кивнул в сторону стола.

— О, Бог послал, — напускная бесшабашность в жестах кавказца. — Да и что же я за здоровый мужчина, ежели самого себя не прокормлю?

— Воровство — нехорошо, — почти шепотом выдал доктор, пряча взгляд.

— А ты, не воруеть в больнице?

— Ну, — дернулся Сакрел, — мне за труд положено.

— А я что, мало трудился? — расправил плечи Малцаг. — Ты мне свою холуйскую мораль не читай. Лучше вспомни своих детей-рабов.

Они разошлись в разные стороны маленькой комнатенки.

— Ты мне ничем не обязан, можешь более ко мне не ходить, — холодность в словах Малцага.

— Приду и буду ходить, — в тон ему ответил врач.

— Тогда, — молодой человек сделал шаг навстречу, — ты должен наконец-то понять одно: мы здесь рабы, хуже скотов. У этого общества нет перед нами никакой ответственности. Неужели она у нас должна быть?

— Нам надо бежать, — как великую тайну прошептал доктор.

— Куда? Как? Тем более с твоими детьми... А Шадома?

— Что нам делать? — подавлен реальностью Сакрел.

— Мне нужен кинжал, длинная веревка и крюк.

— Завтра...

— Нет, сейчас же, — перебил Малцаг.

— А работа? Больные?

— А Шадома? Каково ей? Действуй! — уже в полный голос командует Малцаг. — Днем с оружием идти тебе же безопасней, — он уже все просчитывает. — Мне нужна дождливая ночь, сильный дождь.

— А дождь зачем?

— А в дождь, тем более ночью, все — и люди, и собаки — по углам прячутся.

Как и велел Малцаг, доктор в то же утро возвратился. Правда с ножом не получилось: принес большой туповатый нож и ярлык — так, для крупной рыбешки. Зато веревка длинная, приваив и хороший плащ.

— А это зачем? — удивился Малцаг.

— Ну, будет дождь.

— А что, верно, — доволен кавказец. — Вот теперь ты правду мыслить... Приходи в ночь после дождя.

Хоть и в этом им благоволила судьба: двое суток, не переставая, лил дождь. Он еще накрапывал, когда Сакрел среди ночи явился в потаенный дом. Малцаг спал, от скрипа дверей вскопая, увидел доктора, довольно потянулся:

— Хорошо, что пришел, я проголодался.

Сакрел как примерный слуга стал безропотно накрывать стол и, не выдержав, сам заговорил:

— Весь город лишь об одном болтает: кто-то из своих почти всю дубильную мастерскую перерезал.

— А почему из «своих»? — словно праздность в тоне Малцага.

— Собаки пропустили.

— Ну, мы с тобой давно не дубильщики, — бодро вскочил кавказец и, принухиваясь к еде: — больше больничные объедки есть не будем, объелись... А что касаето дубильщиков, не волнуйся, они и так там как мухи дохли. Я сам раз десять из лап смерти вылезал... Если бы не дождь, поджег бы эту заразу.

На это откровение Сакрел ничего не сказал, все отводил взгляд. А Малцаг тем же неунывающим тоном:

— О чем еще в городе сплетничают?

— Говорят, много у дубильщиков денег украдено.

— Вот это — брехня... Но нам для начала хватит. На, — он кинул доктору звонкий мешочек, — доля твоя.

— Я-я-я, — испугался Сакрел, как от огня отпрянул. — Я догадываюсь тем, что Бог мне послал.

— Хе, — ехидно усмехнулся Малцаг, подошел к лампе, погасил огонь, какая-то жесткая тень пробежалась по его лицу. — Тогда посылай девочек обратно в «Сказку Востока».

На это доктор ничего не ответил, как обычно он делал, опустил понуро смиренную голову.

— Что молчишь? — навис над ним Малцаг. — Ты знаешь, что делают с лошадю, которая в панике, пусть и под всадником, да бежала с поля боя?.. Так вот знай: ее в первую очередь прирезают.

— А при чем тут лошадь? — чуть приподнял голову Сакрел.

— А при том... Воин, хоть он и бежал с поля боя, но если он мужчина, то, как волевой человек, переборет страх, и снова ринется в бой. А лошадь — скотина, животное. Раз познало страх и грохот войны, испугалось — все, ее не остановишь, вновь от звона мечей побежит сломя голову.

— К чему ты это?

— А к тому, что пора раз и навсегда решить... Либо ты со мной и вперед, либо — раб, и уходи...

— Нет! — вскочил Сакрел. — Я с тобой!

— Мы оба под Богом!

— Да, — расчувствовавшийся врач обнял кавказца. Позже, успокоившись, Сакрел тихо спросил:

— Малцаг, скажи, откуда у тебя этот дар зажигать людей?

— Хм, ты не поверишь. От моего злейшего врага — подлого Тамерлана.

— Ты знаком с Тамерланом?

— Представь себе, сам явился, — некий пафос и бравада в голосе Малцага, но это длится лишь мгновение. Он тут же померк, словно боль в груди, и уже очень тихо, со злобой: — Истребил всю семью, весь народ, города, и я здесь по его личной воле.

Он устало опустил на деревянные нары:

— А ты как рабом стал? — задал вопрос.

— К счастью, с этой гадиной лично не знаком... Но судьбы наши схожи.

Этот диалог как-то окончательно слил их воедино. Они поняли, что здесь, где они были рабами, им более не жить. Надо бежать. Но тут их пути расходятся: Малцаг хочет идти на север, на Кавказ, а Сакрел, наоборот, — на юг, в Бейрут, там должна жить родственники, значит, помощь.

Но пока это только мечты, а сейчас необходимо выяснить, что стало с Шадомой.

— Не посылай меня в «Сказку Востока», — взмолился Сакрел.

— Не могу, видеть не могу, даже вспоминать эту мерзость не могу.

Выбора нет, Малцаг сам должен идти к Шадоме, но и этого вперед не допускает.

— На тебе два клейма купца Бочека, ты опять рискуешь. Неужели чего, ты раб.

На следующий день были сделаны две операции. Малцаг терпеть и почему-то от боли не скулил, а как бы назло сухо смеялся, твердя, что ранения во время боя — ерунда по сравнению с полученным порезом.

Пока эти раны заживали, кавказец находился дома. А за это время Сакрел должен был купить ему одежду. Они долго совещались, решили, что костюм должен быть не броским, но добротным, и не местного пошиба, а заморского фасона, мол, Малцаг работал в город-порт по своим делам.

Костюм всегда играет большую роль, а в средневековом обществе это не только одежда, но и этнический, социальный и даже смысловой знак. Неизвестно, чем руководствовался доктор Сакрел, может, с дальним прицелом и интуитивно, может, чистая случайность, но он купил дорогой костюм мамлюка, а тот, что носят мамлюки — степняки-кипчаки, а тот, что нынче в моде, — костюм мамлюка-кавказца, кои сейчас у власти в Сирии и Египте.

— Весь день выбирал, — доволен собой доктор. — Знакомый купец помог, как раз по размеру.

Нижняя рубашка и белье — чистый белый шелк, штаны до щиколоток кожаными ремешками завязываются, сверху приталенный темно-зеленый бешмет — прообраз (подобие) черкески. На поясе широкий ремень, инкрустированный золотом и камнями. На голове высокая шапка из серебристого каракуля. Но самое главное достоинство этого костюма — кожаные сапоги на высоком наборном каблуке из кожаных пластин, подбитом железными шпорами и шипами, носок загнут кверху и окольцован дорогим металлом, голенище богато расшито тисненой золотой нитью.

— Настоящий мамлюк! — от восторга ударил в ладоши доктор.

— Пстой, — неожиданно изменился в лице Малцаг. — Мамлюк — ведь это раб.

— Да, — сияет лицо Сакрела, — по-семитски, это — раб. Но какой раб! Полмира под их пятой. Сам Тамерлан от них не раз бежал.

— Бежали его сынки, — поправил Малцаг, — а сам Тамерлан никому не проигрывал.

— Проиграет тебе, — вдруг выдал доктор.

Оба от этих грез надолго умолкли и, погодя, как бы возвращаясь в реальность, Сакрел сказал:

— Мне кажется, ты особенный человек... Думаю, и ты это ощущаешь.

Малцаг промолчал. Поглаживая дорогую ткань, он любовался собой, и этот наряд напомнил ему Грузию — время, когда был жив его названный брат азнаур Томарзо, когда они вызволили из плена Тимура сына султана мамлюков Фараджа. Эти воспоминания испортили его настроение и, думая о своем, он печально произнес:

— Нарядами Тамерлана не удивить, тем более не одолеть. Однако жизнь продолжалась. Как раб, Малцаг уже умер, и клейма нет, вроде свободный.

И уверял Сакрел, что мамлюки, тем более в таком одеянии, ведут себя в городе привольно, даже надменно. Тем не менее на грязных узких улочках Измира, где в основном простой люд, Малцаг здорово стусевался, чувствовал себя очень неловко. Он знал, что все озираются, и он все сутулился, страдал от своей броскости. И лишь попав на мощеные, широкие центральные улицы, где были богатые кварталы, он стал более-менее уверенным. А когда вспомнил, как достался ему этот костюм, он представил, скольких жизней стоили эти дворцы. От этого в глазах появилось некое презрение к окружающей действительности. С этим выражением он вдруг лицом к лицу столкнулся с целой группой вальяжных янычар и, как восточная мудрость гласит, «встретил на пути сильных и важных господ, с почтением, первый поздоровайся». А Малцаг, наоборот, выправив статью, словно их не замечает, шел степенно напрямик. Это возымело действие: янычары раступились и, как показалось, склонили головы вслед.

Этот эпизод окончательно взбудрил Малцага, и он явственно ощутил, как в нем вновь пробуждается его природная дерзость.

ованность и честолюбие. Именно с таким чувством самоуверенности он хотел попасть в «Сказку Востока», да время было еще раннее, и его почему-то потянуло в сторону порта. Он двинулся по наклонному бульвару, уже видел широкую набережную и ощущал соленую сырость и шум прибоя, когда навстречу, лишь как эпизодам свойственно — громко, несколько развязно разговаривая, группой вышли вооруженные люди. По одежде, как они — мамлюки, только все гораздо проще: холщовая ткань и сапоги незатейливые, из сыромятной кожи.

— У-у, — словно от боли процедил Малцаг, решил было отойти к парапету, делая вид, что сморкается, закрыть лицо. Его уже замечка заметили, разом умолкли, настороженно-оценивающе стали смотреть.

Наступил неожиданный и очень ответственный момент. Малцаг даже не успел подумать, как себя вести, и тут сработала природа: он остановился, и не просто так, а как подобает командиру на смотре войск — чуть задрал подбородок.

— Что за расхлябанность, гвалт? Как вы себя ведете? — строго начал он на местном говоре, а потом перешел на грузинский: — Что здесь делаете? Откуда и куда путь держите?

Тут мамлюки показали, что они не свора морских корсаров, а вымуштрованные воины: стали в ряд, чуть ли не по стойке «мирно». Старший, крепкий, взрослый, несколько тучноватый мамлюк, отдал, как подобает, честь и стал отвечать на ломаном грузинском, что держат путь из Египта в Константинополь, остановились в Измире вынужденно: на борту больной, нужен врач.

— Ты абхаз? — по акценту попытался определить Малцаг.

— Адыг, помощник капитана, — доложил старший мамлюк.

«Сам Бог послал», — подумал Малцаг, а вслух выдал иное:

— Та-а-ак, у меня очень важное дело... Но помощь соотечественникам — первостепенная задача перед каждым из нас.

В больнице показываться он опасается, да и значимость свою надо показать.

— Мне некогда. Вот вам деньги, — он, не считая, отсыпал им несколько дирхемов. — Наймите бричку и до центральной мечети, там больница, спросите доктора Сакрела. Скажите, лично Малцаг вас прислал.

— Малцаг?! Точно, красный Малцаг! — вдруг вскрикнул один из мамлюков, бросился к нему. — Не узнал? — смотрел он снур преданно-вопрошающим взглядом. — Я — Дибир, с Осветни, с Дарьяла. У тебя служил. И на Тереке с тобой был, в шаге от Тимура... Помнишь?

Тяжелые судьбы изменили лица: как ни пытался Малцаг, а Дибира вспомнить не смог. А тот продолжал:

— Я ранен был, в плен попал. Повезло: в Египет, к мамлюкам занесло. Там много наших земляков, помогли... А ты как? Молодец! Ты всегда таким был. Говорят, ты долго Магас защищал, он на Тимура убил... А еще брехали, будто он тебя в плен взял. — тут он пристально взгляделся на шапку Малцага.

— Это мы его скоро пленим, — перебивая, твердо парировал новоявленный мамлюк.

Самое страшное, чего боялись Малцаг и Сакрел, — это то, что Малцага в городе узнают, изобличат. Так и случилось: его узнали, да признали. От этого совсем важен стал Малцаг, и не то чтобы потерял бдительность, а дабы кое-что выяснить, решил посетить корабль мамлюков, по пути выведывая то, что его интересовало.

Капитан корабля, нанятый грек родом из Крыма, поначалу с некоторой осторожностью встретил внезапного посетителя. А Малцаг, как бы между прочим, изрядно приукрашивая, рассказал историю, как он вызволил из лап Тамерлана принца Фараджа. И тут же, как по секрету, шепнул на ухо капитану, что он по личному заданию султана мамлюков Баркука проездом находится здесь. Следом Малцаг обнаружил недюжинные знания в устройстве и достоинствах корабля, чем завоевал полное доверие и уважение капитана. А когда прибыл доктор Сакрел, по совету партнера все понял и, искусно подыгрывая игре, более чем положено склонившись, очень почтительно молвил:

— Ваше Величество, честь служить вам. Что изволите поручить? — Все было сделано, Малцаг — тот, кто есть, — очень важная персона.

Важной персоной оказался и больной. Это видно и по одежде, и по тому, как корабль, свернув с пути, зашел в порт. А Малцаг знает морские порядки: если простой смертный в море заблудился, то терпит до порта назначения, либо за борт.

У больного острые боли внизу живота. Сакрел довольно тщательно осмотрел и, как бы консультируясь, отвел Малцага в сторону:

— Случай заурядный: либо почечная колика, простыл, воспалительный режим, микстуры, травы. Либо воспаление придатка, аппендикс — тоже травы и опиум. А можно операцию — больно, но быстро. Хуже, если киста яичка — это опасно. В любом случае надо обследовать: дам сыворотку и увижу реакцию.

Тик, — указующе поднял палец Малцаг. Он задумал свой диагноз, — Надо больного положить в твою больницу, и надолго.

— Да ты что? — как обычно возмутился доктор. — Ты знаешь свою больницу — для рабов.

— Хм, а разве он не раб? Мамлюк. Организуешь отдельную палату и держи, пусть лечится.

— Что ты задумал? — чуть ли не на цыпочках встал Сакрел, возмущенный в слова Малцага.

— Ним нужен борт — бежать.

— Чудо! — прошептал Сакрел, потирая руки, вновь вернулся к больному.

Но оказалось не так просто. Дело в том, что на больного возложена особая миссия, и без него продолжать путь — не имеет смысла. От этого начался спор, который длился до тех пор, пока Малцагой не заорал от нового приступа.

— Ты нам здорово помог, — пожимал руки Малцага капитан. — На обратном пути будут деньжата, в знак благодарности поведу в «Сказку Востока». Ты был там?

Малцаг не ответил, его взгляд затуманился, устремился вдаль вперед на неясными думами. А капитан, загоревшись, продолжал:

— О! Здесь прекрасное заведение. Даже лучше, чем в Константинополе. В «Сказку Востока» Измира приезжают со всего света. Это рай на земле, полный кайфа и блаженства. Вчера ночью пришли, я сразу туда. Правда, деньги нужны, но это стоит того. Поверь мне, стоит. Там такие вина, гашиш, музыка, танцы, женщины, мальчики.

— Шадома, — печально вырвалось у Малцага.

— О, так ты знаешь Шадому?! Блеск! Только вот вчера ее похитило — не было. А я все деньги прокутил... И не жалею. Кайф!

— Пойдем сегодня, — резко предложил Малцаг, ему нужен провожатый в незнакомое заведение. — Я приглашаю.

— Сегодня?! — словно обухом по голове, преобразился капитан. — Так-так-так, — задумался. — А что? Шторм, зачем на ночь глядя в море выходить?

У «Сказки Востока» Малцаг уже бывал, здесь его задержали. И если в тот раз он был буквально сражен — было днем, то теперь вечер — еще краше, загадочней и заманчивей, фонтан от нем горит.

Расписные колонны, статуи и аркады из-под земли освещаются. От целебных источников колдовской аромат стоит, а в вечнозеленом саду — нежная трель птиц. Прямо с улицы от этой фантазии человек пьянеет, завораживается, настроение — жить вот так, хотя бы ночь, а потом трава не расти. И думать о другом не хочется. Да Малцаг думает. Теперь знает он, что не один, а много рабов под этим фонтаном жернова крутят, на десятиметровую высоту воду гоняют, и жить, если это жизнь, они будут недолго. И он бы давно подох, если бы не Шадома. Где она? Что с ней?

Вход платный, очень дорого: золотой динар за двоих. Именно здесь можно скрывать, тогда нужны рекомендации.

— Посол мамлюков, — представил Малцага капитан. — Выше него наш султан, а потом только звезды.

«Сказка Востока» — комплекс дворцов. И внешний шик просто ничто по сравнению с внутренним убранством: всюду гранит, позолота, бархат, шелк, красное дерево. И все это в свете тысячи ламп. И аромат здесь сладко-пьянящий, расслабляющий, утоляющий блажь.

Главная причуда «Сказки Востока» — банная часть. Это три больших бассейна с морской, обычной и термальной водой. Тут же турецкая баня, парная и массажная. Напротив банного комплекса трапезная: есть общий зал, есть кабинета, еда прямо на столах и ее столько, что большинство блюд Малцагу просто не знакомо. А если и этого не хватает, можно что еще посвежее заказать. Здесь нет слова «нет», здесь есть все, что съедобно — от блюд Китая до Испании, от Волги до Нила. И спиртного — море: вина всех цветов и стран, буза и водка, даже корейская. Тут же кальяны и наргиле, есть опийный и га

шпанный зал. Правда, ханки здесь нет, сильно возбужда-ет — запрещено.

Всюду музыка, разные оркестры. В одном зале хор мальчи-ков, и другом — смешанный. В полумраке вестибюля — танец эшотти, дальше — почти обнаженные девочки, которые, танцую, погружаются в бассейн и там, соблазняя, танцуют.

Всюду на диванах и коврах возлежат и сидят мужчины, по-близости негр-раб, готовый как угодно услужить. По залам, сме-ясь, словно порхая, прохаживаются местные одалиски, на них лишь полупрозрачная ткань и они так юны, что и скрывать нече-го. Здесь нет запретов, поэтому прямо из бани, лишь обернув-шись хлягом, можно ходить по всем залам. Здесь нет проблем и господствует философия кайфа и неги, сладкого ничегонеде-лания, тихая эйфория бездумья.

Отчего-то Малцаг вспомнил пир Тамерлана под Тбилиси. С удивлением отметил, что Властелин мира не во всем пер-вый. Оказывается, есть места и пощедрее, ведь все перечислен-ное бесплатно, а платить надо в игорном зале, где тихая музыка, выступают маги и циркачи. Но более всего здесь заняты сами посетители: играют на деньги, в шахматы или кегли, нарды иль ваши бенц, кости иль шары, и самое заманчивое — китайский ару, подобие рулетки. В этом зале нет блаженства и эйфории. Тут царят страсть, азарт, драматизм, ведь порой проигрываются целые состояния.

А еще платить надо на втором этаже, где можно уединиться для интимных услуг. Есть прейскурант цен, и лишь начальная сумма — от одного динара, а дальше все зависит от фантазии и средств.

Капитан — завсегдадай, хотел было начать, как положено, с банного комплекса. Однако Малцаг резко воспротивился: банку не снять, да и свежие раны на груди и плече. Он сказался уж очень голодным, что так и было, и они начали с застолья, где сакавец чуть пригубил, а капитан изрядно выпил вина, и его сразу же потянуло к азарту, в игорный зал, где новоиспеченный бампок сразу же раскошелился на ставку.

Малцаг в играх ничего не понимал, лениво послонялся средь играющих, потом с несказанным любопытством ознакомился с другими развлечениями и, убедившись, что Шадомы нигде не

видно, он обратился к администратору — толстому, слепому евнуху.

— Э-э, к сожалению, — очень обходительны тон и манера и если бы Малцаг услышал, что Шадома нет, с ним случился бы удар, но евнух после долгой паузы сказал: — она не принимает. Я могу предложить еще более утонченные варианты, на любой вкус. У нас все есть, и все возможно.

— И концерты она не дает? — на своем настаивал Малцаг.

— Больна, — вежливый и короткий ответ. — Не может обещать... Но у нас широчайший выбор. Что вы хотите?

— Я хочу ее видеть, — Малцаг незаметно сунул монету в руку евнуха.

Тот понимающе кивнул, быстро удалился. Вернулся не скоро, с кислой миной на лице:

— Простите, даже дверь не открывает.. Она много дней не ест. Что-то с ней стряслось, будто подменили.

— Могу я к ней пройти? — кишит нутро Малцага.

— О, нет, посетителям туда вход воспрещен, — равнодушный взгляд администратора устремлен под потолок, но, почувствовав в руке вновь прохладу металла, он быстро оживился: — Учитывая ваши чувства и постоянство, пройдемте.

По рассказам доктора Сакрела, Шадома находилась в роскошных апартаментах, где от толщи ковров и идти тяжело. А они идут по какому-то темному сырому коридору, где от разбитых полов чеканится каждый шаг его стильных сапог, и так никуда, что он невольно пригибается.

Без слов администратор указал на обшарпанную дверь.

— Шадома, Шадома, — Малцаг толкнул, легонько постучал — ни шороха. Тогда он на грузинском стал читать любимый отрывок из Шота Руставели.

— Малцаг, — послышался голос изнутри, дверь распахнулась. Увидев его, она в испуге воскликнула, попятилась, упала на кровать.

Прикрывая за собой скрипучую дверь, Малцаг вошел. Это маленькая, узкая комнатенка с узким обрешеченным окном, спертый, если не дурной, запах и полумрак.

— Малцаг, Малцаг, это ты?! — она отпрянула в самый конец кровати, как испуганный котенок, свернулась в клубок, поджав ноги. — Как ты преобразился. Откуда этот наряд?

Шадома, — он мечтал, как обнимет ее при встрече. Однажды теперь он едва сделал всего один шаг и не оттого, что захотел.

Просто здесь с его ростом очень тесно, и, чтобы не прогибаться, он, как скорый гость, сел на самый край кровати, не глядя в ее сторону. Правда он мало что различал, лишь силуэты.

От неожиданной встречи оба были ошеломлены, долго пребывали в молчании, которое нарушил Малцаг:

— Что с тобой, Шадома? Она не ответила. Он повторил, уже пытаясь разглядеть ее. А она, уткнув лицо в колени, вдруг стала рыдать.

— Шадома, перестань, успокойся, — он только теперь попытался легонько дотронуться до нее.

Но словно током прошибло, она как-то судорожно дернулась, выгнулась вперед, и в слабом свете окна Малцаг увидел скуластый контур ее осунувшегося, изможденного лица, эти слипшиеся, в беспорядке спадающие засаленные космы. А синих, этих темно-синих, бархатистых глаз совсем не видно. Ему стало не по себе, видимо, он машинально отпрянул.

— Хм, что, ныне брезгуешь, дотронуться боишься? — она уже не плачет, вызов во всем.

Он обернулся к ней и, видя, как она вся дрожит, он с силой обхватил ее, прижал к себе.

— Шадома, что с тобой, что? — горячо зашептал он, уже прижав к этому едкому запаху, вспоминая, что он ему уж больно знаком, — это запах рабства, сопряженный со смертью. — Что с тобой, Шадома? Что они сделали? — Она молчала. Теперь, поддавшись его силе, тихо и жалобно скулила. — Это из-за меня? Может, из-за девочек Сакрела?

Тут она ожила, робко отстранилась, пытаясь заглянуть в его лицо.

— Как они? — тепло появилось в ее голосе. — Хм, хоть одно доброе дело в жизни сделала.

— И меня спасла, — напомнил он и, видя, как вновь сникла, — Что с тобой, скажи, что? — и доподлинно зная, что в этом мире, тем более в этом заведении, все решают деньги, он, как пьяну, выдал: — У меня есть деньги... На, возьми.

Приглушенный звон монет в кожаном мешочке их обоих будто отрезвил. Она выскользнула из его объятий, подошла к ок-

ну, пытаюсь вдохнуть свежий воздух. В комнатенке стало совсем темно.

— Малцаг, — она стояла к нему спиной, — разве ты не знаешь, что со мной? Ты теперь свободен и забыл, что такое рабство?

— Я ничего не забыл.

— А знаешь, каково быть женщиной-рабыней?

— Я тебя выкуплю.

— Хм, кого еще хочешь ограбить? Раз повезло, может, два, но не более. Здесь свое охранять умеют.

— Мы убежим, — он подошел к ней сзади, как-то робко, словно неумело, попытался обнять.

— Не насилуй себя, — отстранила она его руки, впервые мешка появилась в ее тоне. — Уходи!

— Да что с тобой?! — отступил Малцаг.

— Уходи, — она развернулась к нему лицом.

— Он хотел отвести свой блуждающий взгляд и чисто машинально остановился на мешочке с деньгами.

— Уходи, заberi, — с реакцией кошки Шадома схватила мешочек, впихивая ему в руки, стала его выталкивать.

— Успокойся, уймись, — еще пытался что-то сделать Малцаг.

Она вновь стала плакать, шуметь. Все это переросло в истерику и тогда в дверь постучали, раскрылась.

— Уходите, уходите, — теперь и администратор выталкивал его.

Обескураженный Малцаг даже не помнит, как снова очутился в роскошном фойе, и тут к нему подскочил капитан:

— Ты где был? Всюду искал. Я проигрался, дай еще в долг. Толком ничего не соображая, Малцаг, будто избавляясь, отдал ему весь мешочек. Даже на улице он не мог отдышаться, не мог прийти в себя. В жизни у него не было тяжелее и несноснее ситуации. Он не знал, что делать, что думать, что предпринять. Единственная надежда — бежать домой, точнее — в дом Шадомы. И не дай бог Сакрел сегодня не придет.

Доктор, словно чувствуя неладное, ждал в волнении во дворе. Бессвязно, как сумел, Малцаг описал ему картину встречи.

— Надо мне к ней пойти, — решил доктор.

— Да-да, пойдй, завтра же пойдй, она больна, — упрощал Малцаг, тут же вспомнил о деньгах и что у него их большие нет.

— У меня кое-что осталось, — успокоил Сакрел.

Наверное, так долго, как в этот день, время для Малцага не прошло. Лишь в сумерках вернулся доктор, тяжело вздыхая, уселся сел.

— Не томи, говори быстрее, — не сдержался Малцаг.

— В общем, это полное истощение, — заключил Сакрел и, видя, что кавказец ничего не понял: — Она любила и любит тебя. После встречи с тобой публичной девкой быть более не смогла. Она, видимо, никого больше не принимала, даже конферты давать перестала. Словом, это глубоко в душе. С ней там общаться не будут. Боюсь, она на исходе, может скоро зачахнуть.

Сакрел! — воскликнул Малцаг. — Ты ведь врач, помоги ей, свини.

— Хм, — усмехнулся доктор. — В том-то и дело, что ее врач теперь ты и только ты, — он встал, придвинулся к Малцагу, коснувшись пальцем в грудь: — Ты ведь любишь ее?! Спасай.

— Как? — словно от толчка отступился Малцаг.

— Помнишь, ты рассказывал, что, когда ты разгромил лагерь Гимерлана, выкрал Шадому, усадив ее на коня перед собой? От запаха ее тела и волос плюнул на многочисленную погоню, бросил коня, свернул с дороги, и трое суток, под носом у врага... ты забыл, что есть иной мир, иная страсть или другое желание.

— Гм, — явно смущаясь, Малцаг прикрыл рукой лицо и, видимо, все заново переживая, он вдруг выдал: — Кстати, а это нас тогда и спасло.

— Вот пусть эта любовь и сейчас нас всех спасет. Иди.

— Денег нет, — страшные слова.

— У меня еще остались, — они поделили последнее, и, прощая Малцага, доктор горестно сказал: — Ты знаешь, ведь, выкупная моих дочек, Шадома выложила целое состояние.

На что кавказец, улыбаясь, ответил:

— Я твоих дочек еще не видел, но уверен, чтобы их там не осмислить, можно выложить и два состояния. — И уже во дворе — ты о деньгах не волнуйся: раз у других они есть, то и у нас будут.

Словно окрыленный, как на первое свидание, кавказец выскочил со двора, а доктор вслед прошептал:

— Молодость, любовь! Благослови вас Бог!

На сей раз даже «Витязь в тигровой шкуре» не помог Малцагу открыть дверь.

— Шадома, я сейчас все разнесу, — он с силой надавил.

— Не смей, арестуют, — выдала она себя. Лишь отодвинув засов, как он вихрем ворвался, хватая за руки, рванул к себе, то ли вопросительно, то ли утвердительно, горячо крикнул:

— Шадома, ты моя?! — они слились воедино.

...Эта ночь, эта бурная встреча, после стольких лет мучения и лишений была поистине жаркой, страстной, ненасытной. Это были не три дня юношеских искр в предгорьях Кавказа, это был выстраданный вулкан чувств накопившихся страданий. Это был бешеный пожар, пожирающий их нутро!..

Администратор «Сказки Востока», думая, что посетитель скоро уйдет, немало прождал у дверей Шадомы. Потом он не раз приходил и невольно подслушивал. Будучи скопцом в душе и в теле, он с презрением относился к плотским утехам людей. Однако на сей раз он услышал и словно унюхал нечто иное, сладкое — то, чего он до сих пор не ощущал, не видел, не встречал. В этой встрече было что-то странное, воспаленное, перезревшее, так что даже вокруг витала какая-то колдовская и манчивая аура страсти. И он впервые в жизни понял, что такое любовь. Ему вдруг стало завидно, жалко себя: он заплакал. Не в силах вынести эти мучения, он то уходил, то возвращался, и вновь подслушивал. Вот утихли, тишина, потом мужчина бубнит, она слышно плачет. Он успокаивает ее, ласкает, и администратор этого не выносит, уходит. Под утро снова много говорят, тот же неразборчивый мужской бас, а в ответ заливистый, чистый женский смех:

— Ха-ха-ха, ну, Малцаг, ну, Малцаг!

На следующую ночь администратор вновь провел визитера к Шадоме, вновь подслушивал, но той ночи нет, она сторела в пламени страсти. Теперь здесь не до любви: о чем-то много говорят, порою спорят. И аура иная — тягость и печаль. Чужие заботы администратору не нужны, интереса нет, и он больше не подслушивает. А молодые все говорят, они все-таки хотят жить, и не в рабстве, а свободными людьми и у себя на родине, на Кавказе. Вот тут и начинается спор. Оба знают, что весь Северный

Кавказ обглодал. Страну Аланию Тамерлан не просто разорил и разграбил, Мети за убитого сына, он ее полностью уничтожил, все поселения и города сровнял с землей, все водоемы отравил. Там оставлен гарнизон в десять тысяч всадников. Их цель — добивать тех, кто еще чудом остался в живых. А в живых остались лишь единицы горцев, и те обитают или скрываются высоко в горах. Словом, там жизни нет, и туда Малцаг сейчас не рвется. Это цель, его мечта, все, что его гложет и в то же время дает жить и бороться — месть.

И раскнигаюсь с этим подлецом. Тамерлан еще узнает, кто такой Малцаг, — не раз и не два, как заклинание, повторял кавказцы.

Шалом! Это слушала, слушала, не стерпела:

— Малцаг, о чем ты говоришь? О какой мести? Ведь мы рабы. Ты никто и ничто по сравнению с этим хромцом.

— Затмолчи! — гнев в его голосе, сжаты кулаки. — Во-первых, я уже не раб и никогда им не был, по крайней мере, в душе. А, во-вторых, что значит «ты»? Ты отделяешь свою судьбу от моей? Разве мы не будем впредь всегда вместе?

— С чем ты говоришь? Ты сейчас выйдешь и вроде свободен. А я ни о чем не жалею. Но после того как я встретила тебя и уведо отводи дочку Сакрела, мое положение здесь в корне изменилось, и ты видишь, кто я и смогу ли я отсюда живой уйти.

— Сможем, я помогу, — решителен Малцаг.

— Хм, как? Здесь одна охрана — тысяча человек.

— Это срунда, — не унывает Малцаг. — У Тамерлана — сто тысяч, но и его мы одолеем, отомстим.

— Как? Что за наивность, если не глупость, — в отличие от мужского, тосклив женский голос. — Мы жалкие, ничтожные люди.

— Молчи! — вскричал Малцаг, встал. — Мы не «жалкие и ничтожные люди». Мы кавказцы и должны бороться, должны отомстить. Понятно?

Она, понуро опустив голову, молчит, а он после долгой паузы, как бы про себя, уверенно выдал:

— Льва не заботит величина стада.

— Малцаг, очнись, по-моему, ты болен. — Скрежеща зубами, он искоса глянул на нее:

— Я не болен, а изранен, да сдаваться не намерен — жажду борьбы. А ты — единственно родное существо, в тебе я ищу соратника. Но, видать, «от сытой собаки охоты нет».

— Это я? Это я «сытая собака»? — вскочила Шадома. В ее руках нервная дрожь, глаза навывкат, обезумели, и был бы очередной нервный срыв. Но у Малцага уже опыт есть: он схватил ее в объятия, обдал своим пылким жаром, словно уже в бою...

Словно почувствовав в воздухе эту доселе невиданную страсть, администратор засеменил к двери подслушивать:

— Малцаг, мой милый Малцаг, — слышит он, — не хочу быть ни «соратницейй», ни подругой, никем, хочу быть только твоей единственной, женой!.. Скажи «да»! Ну скажи!

Он не отвечает, захлебнувшись в поцелуях.

Администратор «Сказки Востока» работает не первый год, свое дело знает и, как говорится, теперь посетителей наскочить видит. Это при первой встрече Малцаг действительно был как бравый мамлюк и никаких сомнений не вызывал. Зато теперь, уходя после третьего посещения «Сказки Востока», администратор заметил, как мамлюк хорохорится, а в глазах смятение, тоска.

Пришел Малцаг под утро домой усталый, повалился в кровать, от бессилия аж простонал. Как ни думай — кругом беда: ни находность и самое страшное — денег совсем нет. И одна мысль — кого бы еще ограбить? (Тамерлан зарождается в нем.) Это дело он хочет обсудить со своим теперь уже невольным по-дельником Сакрелом. Он появится к ночи, а может и позже.

Единственное спасение от томительного ожидания — сон. Все-таки Малцаг воин, а не раб, надо взять себя в руки, собрать все силы и волю, как следует выспаться, чтобы принять разумное решение. Да спать не получилось: вскоре его разбудил доктор, по одному виду стало ясно — стряслось что-то неладное.

— Малцаг, — шепотом, словно их подслушивают, — кто-то из дубильной мастерской выжил, тебя ищут. Ко мне в больницу и даже в дом приходили янычары, обыск и допрос был.

— За тобой не следят? — вскочил кавказец.

— Не знаю, как мог плутал, через базар пришел... Боюсь.

— Ой-ой, только не раскисай, — делая большие шаги, затащил по комнате Малцага. — Надо бежать, — в очередной раз они затрагивают эту тему.

— Да-да, бежать, — твердит доктор. — На днях хозяин зашел в твою хибару и ехидно спрашивает: «Как ты умудрился дочек из «Земли Востока» вызволить?» — И при этом прямо на моих глазах он исподу их щупает и, нагло смеясь: «А что, созрели, созрели. Хороши!» — Он нервно потирает руки. — Малцаг, боюсь, вернут вновь заберут. К этому все идет. На сей раз я не переживу. Не смогу!

— Не унывай, — вроде бодр кавказец. — Как твой больной мальчик? За ним придет корабль, на нем и уплывем на юг.

— Да-да, в Бейруте у меня родня, они нам помогут.

— Могли бы и сейчас помочь, — напускная ирония в его то-

не. — Ну да ладно, успеют. А сейчас верни костюм купцу, пусть отдаст со скидкой, нам деньги нужны... Чего ждешь? Беги! Купи что попроще. Быстрее, мне надо выйти в город, разведать.

— Зачем? Малцаг, тебя ищут. Твой рост, рыжий цвет днем не скрыть. А ты — наша сила, надежда. Поберегись!

— Иди, — выталкивает доктора Малцаг. — Без Шадомы я не стану. Украсть — невозможно, выкупить — деньги нужны, и не какие. Так что поторопись, действуй.

Выпроводив доктора, Малцаг задумался над ситуацией. Как-то либо решений он не видит, да по своему опыту уже знает, что главное в любой ситуации — не потерять хладнокровие, а если и он запаникует — всем конец. Еще предстоит ожесточенная барьба, ему нужны силы и спокойствие. Для этого первым делом надо выспаться: он несколько ночей не спал.

Словно ничего не случилось, он спокойно лег и уже погружаясь в глубокий сон, как что-то знакомое учуял. После того, как Тамерлан отрезал уши, у него были страшные боли, и он плохо слышал, исчезло обоняние, ослабло зрение, и даже появилась седина в висках. Потом, по мере выздоровления и в процессе борьбы в рабском существовании, эти чувства как-то постепенно к нему вернулись и не как ранее, а очень обостренно, так что он и в потемках видит, любой шорох услышит, и осязание такое, что он ему порой и не рад. И вот сейчас он что-то уловил, в кровати присел, машинально глянул в тусклое окно, и тут калитка скрипнула — женщина в черной парандже. По этой кошачьей пластике он узнал бы ее из тысячи.

— Шадома, ты как здесь? — выскочил он полуголый ей на встречу.

Буквально заталкивая его, вернула в дом, раскрыла лицо.

— Ба! — воскликнул Малцаг. — Так ты ожила! А глаза?!

— Перестань, не до этого, — отстранилась от его рук. — У нас беда...

— Она у нас давно, — кичится он перед Шадовой.

— Ты не представляешь, — румянец появился на ее щеках. — Это конец. Тебя, оказывается, разыскивают. Я называла твое имя, администратор подслушивал.

— А как ты пришла? — теперь его тон серьезный.

— Этот свнух тебя накануне выследил, он меня и привез.

— Я с ним разберусь, — он выхватил из-под подушки тесню, хотел было дернуться наружу.

— Малцаг, — встала она на его пути. — Не будь наивным, он не один.

— Чего он хочет?

— Поговорить с тобой.

Вот тут Малцаг явно занервничал, задержался.

— Ну, если не можешь, — Шадома не знала, как быть. Пыталась ему помочь, тихо выдала: — Давай я скажу..

— Молчи! — перебил ее Малцаг. — Хоть он и не мужчина, но если хочет поговорить со мной — это уже по-мужски. Значит, не хочет сдавать властям, а ищет личную выгоду.

— Да, — оживилась Шадома.

— Ха-ха, но я не могу так выйти, — Малцаг развел руками. — Мне нечего надеть.

— А где твой наряд? — удивилась она.

— О! — победно вскрикнул Малцаг, выглядывая в окно. Скрипнула калитка, что-то прижимая к груди, по двору засмеялся доктор Сакрел. Запыхавшийся, потный, он ввалился в дом, увидев Шадому, совсем изумился:

— И ты здесь? — тяжело дышал он и сходу: — Дом окружен.

— Ха! — хлопнул по-молодецки Малцаг его по плечу. — Молодец! Не испугался. Значит, из тебя уже выходит рабство. Ты купил одежду? — он быстро стал облачаться в простенькие одеяния, давая пояснения доктору. — Это «не окружили», это нас охраняют — разница большая... Шадома, пошли, зови своего евнуха.

Они вошли во двор, когда Малцаг Шадому нежно за талию обнял, притянул к себе и жарко зашептал в ухо:

— Дорогая, ты не волнуйся: хуже, чем было, уже не будет. А причем мы вместе, и что бы ни случится — к лучшему, — он невольно отодвинулся, вглядываясь в ее лицо. Она была ухожена, у нее был румянец на белоснежном лице, волосы блестящие, черные, в них аромат. Но главное — это ее огромные смоляные с ванильным оттенком раскосые глаза, в них жизнь, огонь. — Ты так изменилась, просто преобразилась, — в восторге он снова ее обнял.

— Ты оросил, — в ответ шепчет она, пряча взгляд. — Оживил ее веник... Впредь мы вместе? Всегда?

— Да, — тверд его ответ и словно это обыденное дело: — Зови этого свинуха.

Администратор, как и все скопцы, не просто пухлый и толстый, он рыхлый и громоздкий, так что бочком едва протиснулся в калитку. Увидев Малцага без головного убора, то есть без ушей, он явно оторопел. Понимая реакцию, кавказец, как ни в чем не бывало, как старому приятелю, подал руку и сходу:

— А ты молодец, что один зашел, без охраны. С тобой, я вижу, можно дело иметь. Так что ты хочешь? Говори.

— Фу, — администратор несвежим платком вытер пот на запыленном подбородке и узкими, как у борова, глазами, пытаясь разглядеть Малцага: — Ну, дело, сам понимаешь, шибко шепетильное. Да и я не один.

— Сколько? — вызывающий тон кавказца.

— Тысяча, — выпалил скопец и, уточняя: — Тысяча золотых. Если учитывать, что Малцаг в дубильной мастерской выкрал всего четыре десятка золотых и об этом говорят как об огромном богатстве, то названная сумма невероятна. Однако Малцаг уже пошлет потихоньку Восток: здесь торговаться любят и это принято. Поэтому он сходу выпалил:

— Получишь сто, через две недели, и это сумма за нас двоих, — он прижал к себе Шадому.

— Тогда двести, — пошел на попятную администратор и с удивлением глянул на девушку. — А причем тут она?

— За нее я и плачу, — чуть ли не тычет пальцем Малцаг — Знай, это моя жена. Просто мы попали в коловерт судьбы.

— И еще знай, отныне ты с нами повязан, а с нас взятки плати — нечего терять. Но вот твое любое излишнее движение, и ты пострадаешь более нас. Так что набил себе цену — помогай.

— На что ты намекаешь? — стало пунцовым лицо администратора.

— Никаких намеков, — как можно спокоен Малцаг. — Ты уже вошел в сговор, свершил торг, нарушил местный закон. Будет суд и тогда...

— Суд — это я, — тяжело задыхал грузный евнух.

— Ха-ха-ха, — с откровенным вызовом засмеялся Малцаг. — Если ты надеешься на своих ожиревших охранников из «Сказки Востока», то мы и не в таких переделках бывали. Разве не так, Шадома? — он игриво поманил ее к себе.

Администратор от злости уже сопел, беспрерывно облизывая толстые губы, моргал, и казалось, вот-вот он набросится с кулаками. Почти так и случилось: сделал он шаг вперед, завизжал, поднимая свои пухлые руки. Однако Малцаг не шелохнулся. От его игривости не осталось и следа: исподлобно-сверлящий пронзительный взгляд и стойка хищника, гофорового к броску — вот что увидел евнух, явно оторопел, сразу обмяк, и, отступая, ухватился за последнее — Шадому.

— Вот мой аманат, — дернул он ее к себе и, как бы угрожая пальцем Малцагу: — А ты помни: две недели, как ты просишь, и двести динар, как я сказал.

— Ну, вот и договорились, — вновь что-то артистичное или плутовское в манерах Малцага. — Только зачем так сурово? Мы ведь теперь партнеры, обязаны друг другу помогать.

Рыхлое лицо евнуха совсем исказилось. Не отпуская руки девушки, он двинулся к выходу, но в этот момент и Шадома уперлась.

— погоди, постой, — взмолилась она, — позволь на пять минут в дом войти.

— Никаких минут, — уперся администратор.

— О, зачем так грубо? — слащав тон Малцага, и он, как бы нечаянно, преградил путь. — Хоть в этом уступи женщине, мы ведь мужчины, — поддевает он за вечно больное.

Сопит администратор, в поту все лицо, а Малцаг в том же духе.

— Пять минут меньше и двухнедельный срок так быстрее срывается.

— Ладно, — и в этом уступил скопец. — Только пять минут — выпустил он ее руку.

— А Шадома, словно шаловливая девчонка, завизжала, бросилась к Малцагу и, буквально повиснув на его руке, повела его к дому.

— Доктор, Сакрел! — еще с улицы чуть ли не кричала Шадома. — Послушай, послушай! Повтори, — теперь она вглядывалась в Малцага. — Кем ты меня назвал? Повтори, пожалуйста.

— Женой, — тихо выдал он.

— Жена, жена! — закричала Шадома. — Сбылась моя мечта, сбылась... Ты понимаешь? — она толкнула Сакрела в плечо. — И действительно была наложницей, а с детства мечтала быть женой, настоящей женой. Хоть на мгновение, да желание сбылось, — она обвила руками шею Малцага. — Я твоя жена!

Малцаг стоял как вкопанный, рассеянно глядя в никуда.

— Не волнуйся, — теперь нежная печаль в голосе Шадомы, — я знаю, что в действительности я твоей женой не буду. Судьба глумилась надо мной: отныне недостойна. Да все равно я счастлива; хоть на словах жена и два свидетеля есть.

— Двести динар, — вдруг как-то злобно выдохнул Малцаг, выкапывая свою заботу.

Праздник улетучился, все встревожились.

— Где раздобыть? — Малцаг бросился к узкому темному переулку, что выходило на улицу города, словно выискивая цель.

— Малцаг, не смей, — бросилась к нему Шадома. — Грабеж — не наш удел, мы не воры.

— Что ты несешь? — вскипел кавказец. — Какой-то подлый Батердан разгромил и разграбил наши земли. И он — великий феодал, шахиншах, и его имя возносится в пятничных проповедях. А я хочу избавить нас от рабства — сразу вор и разбойник, — от гнева даже губы Малцага посинели. — Неужели вы испытываете какую-то ответственность перед этим аморальным обществом, перед этим скопищем безнравственности и плебейства?

— погоди, Малцаг, — наконец заговорил доктор Сакрел, в его лице авторитет старшего. — Вот защитник и, я допускаю, само метилье — это одно. А вор и разбойник — совсем иное.

И не думай, дорогой Малцаг, что эмир Тамерлан или, скажем, хозяин «Сказки Востока», купец Бочек, являются олицетворением и духом Востока. Восток — это прародина цивилизации, это кладезь знаний, человеческой морали и центр единобожия. Но случилось ужасное: варвары-кочевники — идолопоклонники с далеких сибирских степей — явились сюда, повернули все вспять, породили хаос в умах и в душах... Вместе с тем, время не остановит — все успокоится, станет на свои места. И какие-то узурпаторы или богатеи для нас не кумиры. Я не завидую ни судьбе, для меня они — никто. Однако, — Сакрел поднял указующе палец вверх, — как гласит древняя восточная мудрость, лишь две вещи должны поражать нас больше всего — звезда над головой и совесть внутри нас.

— О-о! — схватился за голову Малцаг. — О какой «совести» ты глаголешь?! Посмотри на нее, на себя, на меня. Вспомни своих дочек.

Повисла тяжелая пауза, которую снова первым нарушил Малцаг:

— Лучше подскажите, где взять двести динар? Меня ничто не остановит, — злостью налились его глаза.

— Нет, Малцаг! — кинулась к нему Шадома. — Тебе рывок вать нельзя, ты наша сила и надежда, — повторила она слова Сакрела.

— Хм, в том-то и дело, что «сила» гнилая, — усмешка в его устах, — а деньги добыть должно.

— Я достану, — решителен голос Шадомы.

— В «Сказке Востока»? — непонятно, язвительен или нет его вопрос, но она в тон ему отвечает:

— Да, в «Сказке Востока». Это моя участь — твоей жены.

Заскрежетали зубы Малцага, побежали волнами желваки по скулам, прикрыл он в бессилии глаза. А Шадома с лаской прожалась к нему и на ухо, с теплотой и нежностью в голосе:

— Не переживай, у тебя еще будет юная, чистая жена, и и...

— Замолчи, Шадома, — теперь и он ее обнял. — Все будет хорошо. А ты всегда со мной.

— Да, Малцаг, спасибо.

В это время раздался грубый стук в дверь, и гнусавый голос администратора «Сказки Востока»:

Выводи поскорей.

Ведь встретились, переглянулись. В этой ситуации первой Шадома, она к ней заранее готовилась:

Помогите мне, — по-деловому засуетилась она. — Мне нужна немного денег. Доктор, достань амбру и вот эту траву, говорят, здесь в горах растет, — она протянула Сакрелу засушенную траву — гербарий.

Вот они! — вновь стук в дверь.

Сакрел достал из кармана несколько монет, вырученных от продажи костюма мамлюка. Малцаг настаивал, чтобы все деньги пошла Шадома поделила пополам. Прощаясь, второпях обхватила его тора. Надолго, со страстью прильнула к Малцагу, будто как-то хотела, пытаясь вдохнуть этот родной запах.

Из руку уводил свнух Шадому, у калитки остановился и не без мысли шагнул Малцагу:

Ты не высовывайся: ищут всюду.

Эти слова были своеобразным приговором: он опять в заточении, словно под домашним арестом. Однако не это одно его теперь угнетает. Главное, отчего он так моментально сник, в отличие от бравлада, — он не видит Шадому. Он ее, как никогда ранее, любит, ревнует и не может понять, почему опять отпущена ее в «Сказку Востока», ведь отныне она его жена. А как его теперь?.. Какая честь у раба?! Так значит, он все-таки раб?!

Под гнетом этих мыслей усталый и обмякший Малцаг вошел в дом, а Сакрел, как истинный доктор, проводит свои исследования при тусклом свете окна изучает гербарий:

Интересно, любопытно, кто же Шадому этому научил, кто называет?.. Вот эта трава — сольданелла горная. Это яд или лекарство — зависит от дозы.

Малцагу эти выводы почему-то не интересны, он очень устал, хочет спать.

— А вот эта трава — аденостилис альпийский, растет в ущельях и у родников высоко в горах. Я в эти вещи не верю, но знаю, как эту траву некоторые знахари применяют для приворота людей и как сильнодействующий ароматизатор.

— Чего? — только теперь очнулся Малцаг. — Шадома — во-первых?

Сакрел ничего не ответил, лишь пожал плечами. У него от Шадомы задание — срочно достать эти травы, дело не из легких, и он быстро ушел. А Малцаг, оставшись наедине, устало повалился на кровать. Он проснулся, когда кругом был мрак, а в комнате новый, непонятный смешанный запах — это еле уловимый вкус свежесдобитого хлеба и кислого молока, который редко перебивает некий до боли знакомый аромат.

Обычно после глубокого, богатырского сна Малцаг вставал бодрый, жизнедышащий, активный. А тут и спал плохо и встал весь разбитый, понурый, словно что-то навсегда потерял, упустил. Сразу же вспомнив Шадому и где она, он понял, что его потеря — она, и оттого ему стало еще грустнее, печальнее, даже жить не хотелось.

Под этим новым впечатлением он с доселе непонятной нетерпимой и ленцой тяжело зажег сальную лампаду и по мере того, как она возгоралась, все больше и больше удивлялся. На столе еще теплый хлеб, горшок с молоком, сыр — это принес Сакрел. Там же шелковый платочек, явно принадлежащий Шадоме, и рядом стеклянный флакончик, от которого исходит благоухающий аромат, которым наполнены все роскошные залы «Сказки Востока». У дверей полупустой кожаный мешочек, в нем аккуратно сложенная, еще не высохшая, чуть подпрямленная трава, запах которой напомнил свежесть и чистоту снежных вершин.

После здорового сна у Малцага всегда ненасытный аппетит и он поедает все подряд. Теперь этого нет: многие вопросы беспокоят его. Сколько времени спал? Явно немало. Почему не проснулся от прихода доктора, и почему его не разбудил? Откуда платок и флакон из «Сказки Востока»? Неужели и Шадомы сюда приходила или Сакрелу это передала? Зачем? Чтобы он ее помнил? Так он только о ней и думает, мучается, ренюет. И даже проблемы с деньгами, побегом как-то отошли на второй план. Его съедает любовь. Он хочет ее видеть, с нею быть, ей и только ей служить, на руках носить, если попросит — ноги ей целовать. И это ощущение столь для него ново, столь сильно и столь необузданно, что он пребывает одновременно в каком-то непонятном состоянии блаженства, эйфории и страдания.

По природе Малцаг — воин и, как это ни примитивно, у него всего одна мысль — сражаться до последней капли крови за свою, за близких и родных. И интерес у него был исключительно ратный — иметь хорошего скакуна, оружие, снаряжение и командовать: «В бой!» Так это было, и вроде бесследно прошло. Теперь в его голове столько мыслей, что покоя нет, и интерес иной, почти досужий, но как он неспокоен и в то же время приятен. Конечно он не раб, но и не свободен, он женат — это семья, теплота — желанные дети, дом, очаг, быт и связанные с этим радости и заботы.

Только теперь он начинает понимать так называемые житейские удобства доктора Сакрела. Оказывается, это не слабость — это обывательская семейная жизнь. Это масса лишений и ограничений, это не броско, безоглядно вперед, а осторожное оглядывание назад. Это не дерзость, бравада и бесшабашность — это сдержанность, терпение и умиротворение. Это жизнь без риска, полнота и влета героизма. Это жизнь в нужде, в вечном поиске приютити и приниженного существования. И это все компенсируется многим: спокойствием и комфортом жилья, семейным уютом, лаской детей и нежностью любимой. Шадома!.. Что ему осли? Зачем куда-то бежать? Они откупятся и будут жить в этом таком приятном доме.

И почему эта мысль раньше не пришла ему в голову? Словно видит впервые, Малцаг осмотрел внимательно эту комнату, весь дом, даже вышел во двор и по-хозяйски, чего он ранее не умел и как брезговал, стал оценивать прочность забора, почему дверь скрипит, насколько глубоок колодец.

Вспнувшись в комнату, он ощутил как проголодался. И если раньше он как хищник набрасывался на еду и ел, пока не насытится, зная, что будет день и будет вновь добыча, то теперь он отложил половинку, подумав, — только треть хлеба, ибо неизвестно, что будет. Случись что, Сакрел не сможет скоро прийти. А если придет, чем угостить? А вдруг сама Шадома объявится?

— О-о! — простонал Малцаг, думая о Шадоме. И как он до сих пор без нее жил?!

Нас, никому они не бегут. Им некуда бежать, и никто их нигде не ждет. И нет у них никого и ничего. А тут такой прекрасный уютный дом, тенистый двор. Как он раньше об этом не задумы-

вался? Где же Шадома? Как он хочет ее видеть. Была бы она рядом — и большего счастья нет!

Мечтая ее увидеть, он глянул в окно, в сторону калитки. Уже светало и ощущались некие контуры предметов. И в этот момент, как и бывало ранее перед появлением Шадомы, Малцаг почти что явственно стал осязать ее загадочно манящий дух, некую ауру женской притягательности, когда нет иных чувств кроме как пылкая плоть. Он уже пытался было рвануться во двор — и застыл у окна: калитка жалобно скрипнула, темная фигура шла по двору. И той было все: и страх, и неизвестность, колдовская притягательность и лишь Шадоме присущая кошачья пластика рельефного тела.

Она стремительно и бесшумно вошла, аккуратно положила какой-то сверток у двери, скинула с себя сплошную черную паранджу — и словно блеск восходящего солнца: на ней облегающее алое платье на тонких ляпочках, всюду блеск камней, на белоснежной гладкой коже. Малцаг желал ею любоваться, касаться ее, ласкать, говорить. Однако в глазах Шадомы сухость и отчуждение, какая-то потаенная, странная цель. Без всяких вступлений, без слов и жеманства, словно это смысл жизни и в последний раз, она, в дикой страсти упиваясь, прильнула к нему и со слезами на глазах прошептала:

— Малцаг! Мой Малцаг, ты проснулся...

Было совсем светло, когда она, как пришла, так же спешно и засобиралась. Обескураженный Малцаг даже не смел ее удерживать. Правда, он хотел с ней поговорить, и только о добром и почему-то ляпнул:

— Ты так быстро преобразилась, изменилась, как в сказке.

Вновь соблазняя изяществом тела, она стояла к нему спиной, заправляла пышные волосы.

— Ха-ха, — недобро усмехнулась. — А где я нахожусь? Забыл В «Сказке Востока»... где ты все повидал.

— Шадома, — он встал с кровати, подошел к ней, обнял, не давая одеться. — Я люблю тебя. Мы будем жить здесь, в этом доме, вечно, вместе.

Наверное, впервые за встречу Шадома явно расслабилась, поддавалась его ласке и тихо ответила:

— Малцаг, а разве я не мечтаю об этом? Все для этого сделала. Все — и чистое, и скверное, — она обернулась к нему и, шепотом

— Прости... Нам обоим не надо строить иллюзии. И никогда не рожу, я тебе не жена. А ты никогда не забудешь «Сказку Востока».

Забуду, прощу, люблю.

Малцаг — ласка в ее голосе, — любовь, как хворь — прощай. И пойми, теперь я не способна быть твоей женой.

Мы ведь любим друг друга. У меня помимо тебя никого

Стукнулся, — с каким-то укором. — В том-то и дело, что кроме тебя у меня тоже никого нет. Ты, — она ткнула его в грудь, — и повторю, только ты есть, и ты моя единственная сила и надежда.

И люблю тебя, — перебивает он, — и готов на все.

Малцаг, — в ней вскипает злость, — оставь любовь! — она не может кричать и чуть ли не шипит: — Малцаг, ты воин. Где твоя злость, где твой звериный оскал? Где этот бесстрашный горный, которого я люблю? А сейчас, посмотри на себя. В твоих глазах злость, смирение.

Шадома, не говори так, я люблю тебя, ты моя жена, — он пытается схватить ее руки, но она вырвалась, и чуть ли не дрожа:

Малцаг, запомни: женщину надо любить лишь мгновение.

А жену? — подавлен его голос.

Жену надо уважать, ценить, по прихоти — холить и лелеять, но не любить. Любить надо Бога, а потом — себя. Понял? — она злобно топнула, подняв паранджу, двинулась к выходу, у самой двери остановилась в задумчивости и неожиданно со всей силы пнула кожаный мешок с травой, да так, что раздался хлесткий хлопок, и вырвался наружу густой клуб пыли.

Ай! — вдруг вскрикнул Малцаг. От острой боли гримасой искажилось его лицо. Этот удар Шадомы по мешку, словно укол в рваные пятки, прошиб по позвоночнику вверх и осязаемым ударом отуманил на секунду мозг. Едва не потеряв равновесие, он, как пьяный, тяжело сделал несколько шагов до нар, еле сгинулся, тяжело сел, обхватил голову и прошептал:

— Как зловонна твоя трава, вынеси мешок, не то я задохнусь.

Когда Шадома вернулась в комнату, а отсутствовала она немного, просто изумилась: Малцаг, словно год не ел, обеими руками обхватил большой круглый хлеб и кусал его как зверь. Еще

не дожевав, он стал жадно пить молоко, разливая его по груди и так продолжал есть. Искоса глянув на Шадому с набитым ртом, он спросил:

— Ты была здесь? — Она лишь кивнула. — И долго я спал?

Она почему-то не ответила. Подошла к столу, грубо отломив кусок хлеба, села напротив, тоже стала есть, глядя на него в упор.

— А ты ведьма, — вдруг выдал он.

— Ха-ха-ха, — залилась смехом она, поперхнулась, раскричавшись, стала сухо кашлять.

— Запей молоком, — он стал о ней нежно заботиться. Когда приступ прошел, они сидели в обнимку, ее голова — на его груди.

— Ну, расскажи, что там не воле? — он гладил ее пышные черные волосы, вдыхал ее чарующий аромат.

— Хм, ты считаешь «Сказку Востока» волей? — нет упрямая, есть печаль.

— Думаю, пока ты на мне опыты проводила, — здесь он умышленно сделал паузу, ожидая бурный протест, но она, прижавшись к нему, еще сильнее прижалась к нему, по всхлипам — плакала, всхлипы дрожала.

— Прости, прости, — наконец она подала тихий голос. — Ты такая дура, дура и дрянь... Чуть не сгубила тебя... Дорогой, милый, — она целует его. Ее слезы щедро орошают его лицо. — Прости... Думала на минутку. Мне надо бежать, не то еще насмарку, — она высвободилась, бледная, со стойкой синевой под глазами, все протягивая к нему руки, спиной понятилась к двери.

— Постой, — он в прыжке нагнал ее, слегка трянул. — Шад дома, родная, нам нельзя раскисать. Скажи, как дела? Я силен в тумане.

Шадома тяжело вздохнула, потупив взгляд, доложила.

— Ты хоть помнишь, что мы должны?

— У-ф! — укол в пятку исказил лицо Малцага, он отошел от нее, устало сел.

— Этот дом мне был родным, — Шадома с непомерной тоской осматривала стены комнаты. — Здесь я находила уют, тепло, близких людей. Теперь я его отдала... Осталось немного, — она уже надела паранджу и сразу стала старой, чужой, даже страшной. — Когда будет корабль?

Малцаг ничего не отвечал, молчал, а она печально продолжала:

— Если бы ты знал, как мне тяжело возвращаться в «Сказку Востока», легче — на плаху.

— Давай сейчас убежим, — неуверенно встал кавказец.

— Малцаг, от тебя сейчас все зависит... Помнишь, как ты все обдумывал перед каждым боем. Вот и сейчас готовься.

— Что-то я сбился с толку, — как спросонья протирал он лицо.

— Моя вина, — вновь призналась Шадома.

— При чем тут ты, если я тебя люблю? — теперь в этом слове нет прежней теплоты.

Оба это заметили, и в данных обстоятельствах оба молча одобрили. И чтобы от этой темы уйти, он с интересом спросил:

— Что еще, расскажи?

— Купец Бочек вернулся. С ним, по-моему, люди Тамерлана. Деньгами сорят. Что-то затевают.. Мне надо бежать, ждут.

— Ты с охраной?

— И ты тоже: дом под наблюдением.

— Ты когда придешь?

— Ничего не знаю, как получится, — ее голос из-под паранджи какой-то старый, даже не узнать. — Придет корабль — дай-те знать... На тебя вся надежда, Малцаг.

Уже выходя, она как-то воровато взяла сверток, что оставила при входе.

— А это что? — вновь командирские нотки в тоне Малцага.

— Еда, сок, — явно повинен ее голос, — но они тебе, слава Богу, уже не нужны.

— Небось твое зелье? Ха-ха-ха! — ее провожает все тот же дерзкий Малцаг. — Если вкусно, оставь, я голоден, как волк, — и буквально выхватив у нее сверток: — ха-ха, подыхать не собираюсь, я любить тебя хочу.. Может, еще останешься?

Она уходила, когда солнце начинало припекать. Малцаг провожал ее взглядом через окно. Это была не та Шадома, что до рассвета припорхнула ласточкой к нему: по двору, медленно, как стируха, качаясь, двигалась лишь сплошная, черная, как колдовство, безжизненная тень... Осталась ли любовь в его сердце? Неизвестно. Известно лишь то, что он представлял, как она вынуждена будет вновь ублажать людей Тамерлана, и от этого столько невинности собралось в нем, что для любви там место вряд ли ос-

талось. Хотя, как знать? Ибо и после ее ухода он, конечно, не как прежде, да все думал о ней, жалел, тосковал, ценил и уважал. Жена?! По-видимому, нет, скорее, очень близкий человек, друг и даже где-то соратник. А если так, то, как постановили Шадома, он — воин, в данном случае, командир, и ему действительно приличествует не любовные шашни разводить, а думать о побеге.

Хотя Малцаг и воин, он понимает, что плененный воин, знает, где и как находится. И вроде пользовался он всегда для входа и выхода общей калиткой, но при этом дислокацию хорошо изучил. Его дом, точнее бывший дом Шадомы, который теперь принадлежит администратору «Сказки Востока», — угловой: это и хорошо, и плохо. С третьей стороны живет зажиточный человек и там, к забору, гаремная территория. Через нее не пройдешь: вероятно, охрана. А вот если там где-либо спрятаться, то никто не найдет и не догадается искать. Так это не проход, это тупик.

А вот с четвертой частью повезло. Эту территорию арендуют какие-то торговцы. Они то заваливают двор тюками, то он пустой, и люд здесь постоянно меняется, как на постоялом дворе. Оттого и огромные привязные собаки уже на людей не реагируют, лишь на кошек и крыс. Но Малцаг их на всякий случай порою подкармливает: надежным должен быть обходной путь.

Так это не все — есть еще колодец. Вначале Малцаг думал, что это артезианский колодец. Но выяснилось, что колодец не глубокий, и вода в нем периодически поступает и медленно убывает. Оказывается, в каждом квартале города есть емкость, которую раз в неделю водовозы наполняют водой, и она по подземным каналам растекается по дворам.

У этого крайнего, по замыслу Малцага, хода большой недостаток: каналы узкие, он с трудом пролезает, и, главное, если в систему только влили воду, то этот путь непреодолим.

Да это все на крайний случай, потребуется — калиткой воспользуется. Ведь те, что караулят его, — разжиревшие рабы-охранники из «Сказки Востока». Они сами действуют неофициально, маскируются под нищих, соседей, прохожих. Посему у них особого оружия нет. А Малцаг уверен, что в случае чего он с двумя-тремя и даже с четырьмя как-нибудь справится. Вот

мало лишнего шума и крови ни ему, ни администратору «Сказки Востока» не надо — вот и соблюдается пока баланс. Но Малцаг должен все предусмотреть. Его союзник — ночь, и желательнее — темная ночь. Он так захвачен своим планом, что едва дождался захода солнца, а уже в поздних сумерках полез в колодезь. Воды мало, а его костюм, хоть и единственный, да из грубой прочной дерюги. У Сакрела особый нюх предрекателя: такие костюмы носят матросы и рабы-гребцы.

Его цель — порт. Там лишь к полуночи начинается разгульная жизнь. Дабы не рисковать, да и себя проверить, Малцаг нырнул в море на окраине города. Вода прохладная и освежающая. Как и помнит, сколько толщи воды под ним — жуть, дух захватывает, а следом вспомнит рабство — и море благодать, и осьминоги спасли людей.

И порту кораблей мало — это признак нестабильности, скорой или рядом идущей войны, неразберихи, упадка торговли и авантажи корсаров в море. Мамлюкский корабль большой, узкий, не сложно: его нет. А у Малцага все просчитывается на скорость и на время. Еще до полуночи, поиграв с соседскими псами, проверив второй путь, он вернулся в свое убежище, а тут, словно царство сна: на его кровати доктор Сакрел храпит. Лишь от прикосновения Малцага, вскочил:

— Как ты испугал меня! Где ты был? Когда проснулся? Взбавившая доктора, Малцаг по-свойски ударил его по плечу:

— Это лучше ты скажи, что со мной было?

— Не знаю, — первая реакция Сакрела, но, чуть поразмыслив, окончательно пробудившись, он медленно заговорил: — по медицине все объяснимо. Ты столько пережил, перенес — психика, и как рефлекс ослабленного организма — летаргический сон, — он уже встал и ходил, заложив руки за спину. — Думаю, эта реакция где-то тебя спасла от какой-то катастрофы.

— Не от Шадомы ли? — открытая ирония в вопросе Малцага.

— Не-не, боже упаси, Шадома для меня — все, — он вознес руки, словно молясь, сделал по комнате пару шагов, посмотрел на Малцага как-то странно, изучающее, сел рядом и после паузы — правда, должен сказать, было то, от чего до сих пор поражен, — он вновь осмотрел кавказца. — Как-то ночью пришел, смотрю, свет в окне. Обрадовался, забежал. Здесь Шадома, поч-

ти голая, волосы распущены — красота! Я даже не представляю, но какая-то страшная завораживающе-отталкивающая красота. Над тобой она то ли знахарствует, то ли ласкает, а ты здесь — чуть не опьянел. Я ее тихо кликнул, она вроде не слышит. Тронул за плечо, а она не своим голосом: «Оставь мужа и жену наедине, дай хоть здесь напоследок насладиться». — Тут Сакрел сделал глубокий выдох, словно тяжесть свалил с плеч, и как бы чуть отдышавшись, продолжил: — Признаюсь, я просто убежал, убежал от греха подальше. И если честно, я еще неделю ей грезил. Может, — он заглянул в глаза Малцага, — и сейчас добьешь ее? Мне стыдно, не молод, но с таким телом колдовать тебе надо, я такое даже не представлял!

— Ха-ха-ха! И тебя приворожила, — громко рассмеялся Малцаг. — То-то я смотрю, ты весь осунулся, сторбился, а меня, друга, бросил в беде, забыл, лишь изредка навещаешь.

— Да что ты говоришь?! — вскочил Сакрел. — Хозяин твой при мне и матери дочь насиловать стал, — он начал плакать.

— А ты что? — некий упрек в вопросе Малцага.

— Не дал. Он меня избил. Я детей спрятал в больнице. Он пронюхал: ночью туда. Хорошо, что сторож помог. Я детей снова домой. Боюсь. Разрываюсь меж тобой, семьей, а тут у нашего мамлюка рецидив, инфекция.

— Как он? — о главном, о побеге думает Малцаг.

— Теперь на поправке, — он вновь пустил слезу. — Малцаг, прости, я должен домой, боюсь.

— Бояться не надо, — строг Малцаг, — страх человека съедает.

— Что мне делать?

— Дай болвану по башке, может, поумнеет, — вроде беззаботно голос Малцага.

— Ага, — вяло промямлил Сакрел, понуро направился к двери и тут остановился. — Тебя караулят.

— Не меня, дом охраняют, иди. И будь начеку: со дня на день корабль прибывает.

Проводив доктора, Малцаг завалился спать. И вроде только заснул, тормошит его Сакрел.

— Малцаг, Малцаг, проснись, беда!.. А я этой дряни и шарахаться по башке поленом дал.

— У-у! — сладко потянулся Малцаг. — Подох?

Нет, я его связал, — доктор весь дрожит. — Что теперь делать? Мне здесь не жить. Это конец!

Это начало, — бесшабашность в тоне Малцага. — А ну, не вставай нос! Наконец ты совершил поступок... Так, дай подумать. Ага. — уже одевается Малцаг. — На выход, ты — через калитку, а через забор. Встречаемся на углу у базара.

Уже брезжил рассвет. С моря дул сильный ветер, собирался дождь, когда они добрались до жилья Сакрела. Малцаг был потрясен! Его пристанище — дворец по сравнению с этой хибарой, так тихо, маленький стол, нары вдоль обеих стен, а меж ними, как в тисках, лежит связанный мужчина, кляп во рту, а под головой раскурigtsно подушка.

Заботливый палач, — съязвил Малцаг. — А семья где? В больнице, — догадался он, видя, как доктор со страхом смотрит на жертву. — Твой пациент, мамлюк, ходить может?.. Бери его, скорее и быстрее в наш дом.

А с этим что? — наконец прорезался голос у Сакрела.

Оу! О нем не беспокойся. Его уже ждут в раю юные гуроны — Малцаг пнул лежащего: — Что, насильник детей, или в ад тебе дорожку протоптал?

Он ой! — вскричал Сакрел, — только не при мне.

Тоже мне, доктор, ножа испугался.

Вот именно: доктор, но не палач.

— Давай, беги в больницу, встречаемся дома.

Было светло. Вместе с порывистым ветром шел мелкий хороватый дождь. Уже появились редкие прохожие. Малцагу следовало торопиться в убежище, да, питая надежду, он тронулся в сторону порта — спасения нет.

Дождь перестал. Сквозь тучи пару раз выглядывало солнце, было довольно высоко. И Малцаг давно возвратился. Вот теперь переживает: ведь Сакрела и его семьи нет. Еще немного и он, не выдержав, побежал бы в больницу. И тут, как праздник, хрипнула калитка, поддерживая мамлюка, появился доктор.

Ты что так долго? — бросился навстречу кавказец.

Обрабатывал ему рану, делал перевязку, — оправдывается Сакрел. И в это время он вводит в дом трех светлых очаровательных детей и маленькую, смуглую, забитую природой и судьбой седую женщину.

— Боже! — пафос в тоне Малцага. — Неужели эти ангела от вас?

— Ты прав, от Бога, от Бога, — смущается Сакрел, впервые за долгое время он пытается улыбнуться, ведь как-никак, а дело в относительной безопасности.

Эта искра радости как след метеорита. Малцаг и Сакрел постоянно перешептываются, словно это может им помочь. Мамлюк испуганно озирается, подозревая неладное.

— Вы что, натворили что-то? — вдруг подал голос он. — И меня хотите впутать? Я буду кричать.

— О, — напускная гримаса на лице Малцага. — Ты, пожалуй, не кричи — пупок развяжется. — Он подошел вплотную к мамлюку и грозным тоном: — Видишь, я без ушей, еще раз рот не по делу откроешь, останешься без языка.

— Я эмир Хаджиб, — начал было мамлюк, но его глотку перехватил Малцаг. Задыхаясь, он стал пунцовым.

— Я ведь сказал, — шипел над ухом мамлюка Малцаг, — еще вякнешь, полетишь в колодец... Ха-ха, будешь вторым за день.

Малцаг ожидал, что доктор Сакрел и тут начнет выказывать свою человечность. Но он, что поразило кавказца, одобрительно кивнул: у них теперь выбора не осталось. Спасение — если вскоре придет корабль, и они смогут на него сесть.

— А Шадома?! — одновременно произнесли они. В ней теперь главная загвоздка, ведь она, в отличие от них, под присмотром.

Оба ломают голову, как с ней быть? Ясно одно — ее бросить они и не думают, но что делать — не знают: не то чтобы в «Сказку Востока», а выйти в город им сейчас очень опасно. Ждут почти, надеясь, что Шадома придет.

Солнце клонилось к закату, и муэдзин провозгласил с минарета вечерний азан, а из крепости Смирны зазвонили колокола, когда Малцаг поднял руку, призывая всех молчать. Он что-то учуял и как всегда не ошибся: скрипнула калитка, черная паранджа, и не как в последний раз уходила, в ее походке вновь пластика и уверенность горной рыси.

— Доктор Сакрел, что ты натворил? — она крайне встревожена. — За твою голову объявлено десять динар.

— Ого! — не унывает Малцаг. — Вот гады, а за мою и дирхеми не дают.

— Малодец, Малцаг, вот такой ты мне нравишься, — пытается утешить Шадому, но это у нее ныне плохо получается, и она спрашивает о главном: — Корабль не пришел?

Мальшан отрицательный ответ, она, как о постороннем, тихо смеется.

Конец Бочек пригнал с Кавказа новую партию девушек, она устало села под деревом во дворе и, долго думая о своем, неожиданно спросила: — Малцаг, что значит «Седа» по-нахски?

— Седа — звезда. Так звали мою жену.

Шадому надолго впилась в него взглядом, будто напоследок, сжало глотка и выдала как приговор:

— Она и будет твоей женой... сейчас приведу, — без слов ушла. И точно, словно праздное дело, вскоре вернулась, втокнула девушку во двор, и пока Малцаг разглядывал худенькое, жалкое первоначальное создание — иных Бочек и не покупал, Шадому выжидала.

— Где она? Вот ненормальная, — произнес Малцаг и снова пристально взгляд на юной гостье: — Как тебя зовут? — спросил не на рошном.

— Ты похчо?! — вскрикнула девушка, глаза ее зажглись, она привалилась к нему, как к спасению, и так вцепилась, что ему стало больно.

Но привде, Малцаг с землячкой особо не церемонился. Дела были неважные: раз объявлен выкуп, кто-нибудь донесет, даже так же охрана администратора. И тогда не только их судьбы, но и судьба этой девушки станет еще плачевнее.

Как никто иной Малцаг все это понимает, сам показно храбрится и других пытается взбодрить. Он ждет ночи — времени, когда должна объявиться Шадому, и они обязаны что-либо предпринять, до утра отсюда хоть куда уйти. А иного выхода нет: этот дом теперь как мышеловка, много людей, что не останется незамеченным до поры до времени.

Но время порой бежит, порой не торопится, да в любом случае на месте не стоит. Легкий бриз принес с околицы крик первых пегидов. В небе облака, и кажется, что луна по ним бежит. И будь Малцаг сейчас один, с легкостью убежал бы. Теперь он не один. И это не балласт, это теперь единственно родные люди, и с ними он должен все делить, главное, за собой вести. Но куда — пока не

знает. Да по инстинкту война чувствует, что в воздухе витает напряжение, развязка близка, и как знак — звук приближающейся повозки. Но это не Шадома, он не чувствует ее. Однако калитка скрипнула, и медленно протиснулось огромное тело администратора. Раздражая нетерпение Малцага, евнух долго и тщательно протирает платком вспотевшую голову и тонким голосом заволакует:

— Даже не знаю, с чего начать, — тяжело дышит он, — с плохого или с хорошего.

— Начинай с плохого, — пытается быть хладнокровным Малцаг.

— Шадома дура, — сходу объявил администратор. — Надо было, вновь девочку увела... Небось здесь, — он кивнул в сторону дома и, чуть погодя: — Управляющий «Сказки Востока» ее бы не тронул, в нее был влюблен. Да хозяин, Бочек, здесь, донедолга Шадома в подвале, никто не спасет.

— Говори о хорошем, — тверд голос Малцага.

— Погоди, я о плохом еще не кончил... Вы не рассчитались с ней.

— Молчи! — резко урезонил администратора Малцаг, вплотную придвинулся, так что чувствовал его твердый живот и, бешено сверкая глазами: — Наш уговор — двести золотых за Шадому.

— Я не виноват, — попятился скопец.

— Но этот дом ты заполучил и большую часть денег тоже. Спасай ее, не то все вместе загремим в подвал.

— Это невысказано, невозможно. Я простой администратор, но ни управляющий, ни даже сам глава города ничего не сделают: Бочек здесь — всё. Хотя бы вам надо бежать, детей спасать.

Этот аргумент веский.

— Как бежать? — чуть мягче стал тон Малцага.

— Хе, вот это хорошая новость, — в свете выглянувшей луны видно, как расплылось и без того широкое лицо администратора. — Капитан в «Сказке Востока» к вечеру объявился, значит, ваш корабль пришел.

— Это новость! — не сдержался от радости Малцаг.

— Вот и расчет, — объявил администратор. — Я по-мужски свою миссию выполнил, — он двинулся к калитке. — Только помни: в порту досмотр.

— Погоди, — преградил ему путь Малцаг. — Помоги в порту, ты ведь такой мужчина, — с ударением на последнем слове.

Но могу, — сходу отмел скопец, — там столько глаз. Растерянной Малцаг слышал, как жалобно скрипнула калитка, как зашуршала под тяжестью повозка, тронулась и вдруг остановилась. Вновь грузные шаги, скрип калитки. Вновь он долго протирает платком голову.

Фу, — грузно выдохнул администратор. — Хоть одно доброе дело свершу: детям надо помочь... В порту главный мулат — мой брат. Собирайтесь, скоро вернусь.

Малцаг в это верил и не верил, думал и не мог. Понятно одним администратору здесь никак не нужны. Либо они тайно прощаются, либо их надо физически истребить. Скопец вроде вытирает пернос, что тоже не просто.

«Может, что-то человеческое есть?» — думает Малцаг, а следом другая мысль: «А вдруг хочет подалее вывезти и там убить?»

Нелегко Малцагу, нелегко. Он чем мог, вооружил всех, кроме детей, даже чуть взрослую землячку. Всех предупредил, даже попросил, как действовать в случае опасности.

В этом, можно сказать, привычном напряжении он пребывал до утра, пока они практически без забот не оказались на борту корабля.

— Уходим, уходим! — скомандовал капитан.

— Погоди, еще сутки, — упрашивал Малцаг.

— Беглые рабы — хуже контрабанды. Надо быстро уходить.

— Тогда я останусь, — полез за борт кавказец.

— Постой, — удержал капитан. — Пойми, у меня на борту — теперь шептал: — секретный груз... Я помню, сколько золота ты мне оставил в «Сказке Востока», и лишь за тобой в этот порт пришел, а не ради этого болвана, — он указал на больного мамлюка, — Скажи, что ты хочешь? Может, я помогу.

— Пойди еще раз в «Сказку Востока», — умолял Малцаг. — Ты ведь всех там знаешь. Найди Шадому

— Шадому? Так я ее знаю, вчера танцевала, пела, играла, — тут он запнулся, — да не как всегда, с каким-то надрывом, вышумом... И ты знаешь, прямо во время концерта ее оборвали, убили.

— Помоги, — взмолился Малцаг. — Поверь, она стоит того. Многого она стоит.

Вряд ли капитан поддался бы на уговоры Малцага, да небо сжалилось над ним: как бывает в межсезонье, внезапно налетел ветер, проливной дождь, а с ними такой шторм, что в море не выйти. Капитан боится досмотра: весь день бегал к бортам, то на небо смотрит, то на берег. Но там ни души. Волны пристань разбивают, корабли качают, вот-вот с якорей сорвут. А к вечеру такая темень: ни зги не видать. Да тут, наверное, сыграл азарт.

— Пойду ради тебя и Шадомы в «Сказку Востока», — добрый капитан. — Все узнаю, скоро приду.

Явился он на следующее утро, еще пьяный, но говорит правду, бессвязно, мог.

Оказывается, накануне за большие деньги Бочека из тюрьмы был освобожден один из шпионов Тамерлана. Этот шпион, друг Тамерлана, — один из главных военачальников по имени Сабук. Он явился в Измир под видом еврея-купца, находившийся под покровительством купца Бочека. Кто-то донес и Сабук посажен в тюрьму. И вот много месяцев спустя его вызволили, чествовали в «Сказке Востока» и, желая откупиться, Бочек предложил:

— Мой друг, Сабук, что хочешь проси, только прости.

— У меня, как и у всех близких людей Тимура, все есть! Мы полмиром владеем, и твоё богатство — от нас... Так что же можешь мне предложить?

— Не знаю. Ну скажи, что ты желаешь? Вот камень — десять карат.

— Засунь, — оскорбляет он, как хочет, — у меня таких — сундук... Ты виноват — ответишь. А теперь, дай погулять, истосковался по женщинам.

— Все твои! — щедр Бочек.

— Всех не надо... Шадома где?

Шадому спешно вытащили из подвала. Предоставили ей все услуги, какие были в «Сказке Востока». Она отказалась. Около часа была в уединении в своей комнате, еще час она общалась с Сабуком, после чего тюрокит позвал Бочека.

— Отдай мне Шадому... Все прощаю! Запрягай коней!

— За окном ливень, шторм, — заботился счастливый купец.

— Шторм — в моей душе, — ответил Сабук. — Я на Шадоме
Огниво.

И тот же вечер веселый, праздничный кортеж под усиленной
охраной отправился на север.

А корабль мамлюков, едва немного поутих шторм, взял курс
на юг. На его корме под порывистым ветром стоял печальный
безусый мужчина. То ли брызги волн, то ли дождь, как слезы,
промокли его лицо, и он в такт качки, словно молитву все повто-
рил: «Зачто, Шадома, зачем?..»

Общеизвестно — излишество зачастую порождает извращение. Это касается и личности, и семьи, и народа, и государства. Пример тому — средневековый Египет.

Египет — страна с величайшей историей. И это не только пирамиды и сфинксы, это, прежде всего, мудрые, трудолюбивые люди, которые на протяжении веков и даже тысячелетий создавали богатство своего края. И что наперво приходит на ум — можно жить, тем более разбогатеть в этих бесконечных неурожаях. Однако у Египта есть с виду тонкая, но очень мощная и благодатная кровеносная артерия — низовье Нила, которая изредка позволяет египтянам собирать ежегодно по два, порой и три урожая хлеба. Вот что по этому поводу пишет древнегреческий историк Геродот: «Великая река Нил наводняет и орошает поля, а оросивши, вступает в свои берега: тогда каждый засеивает свое поле и пускает на него свиней, которые втаптывают семена в землю».

А в ветхозаветном рассказе «Иосиф и его братья» сказано, что хлеб в Египте временами стоит дороже золота, тем более убогара, и именно с помощью хлеба фараон сумел объединить все египетские земли, подчинить себе всех египтян и обрести всемогущество.

Но это было уж больно давно. С тех пор Египет по закону цикличности то еще более расцветал, то, наоборот, не раз развивался захватчиками. А потом случалось, что и Египет выступал в роли агрессора. В общем, за долгую историю Египта бывали взлеты и падения. Однако неизменным было одно — Нил и орошаемые земли вокруг него, где, как утверждают некоторые

привычки, зародилось искусство по иному жить, то есть наиважнейшее искусство — земледелие...

Чужие люди многого достигли, все великое и не перечислить. Но, как ни странно, лабораторным или искусственным путем вывести шакли ученые так и не смогли. Видимо, это Божий дар людям. И ниспослан этот дар не на всю землю, а выборочно — долина Нила, Междуречье, позже Китай. Вот где, по мнению науки, впервые появились оседлые люди.

Оседлые люди или земледельцы. Упомянув их, как не вспомнить кочевников-пастухов, коих в данной книге по справедливости либо по несправедливости не раз называли дикарями, варварами, леснотами. Ведь кочевник, все богатство которого умещалось в седле, в лучшем случае в повозке, с завистью, ревностью и презрением смотрел на обыденную жизнь земледельца.

А что же земледelec? Земледelec — это труд, это прикованность к одному и тому же месту. И здесь психология иная, нежели психология кочевника, который гуляет по просторам, куда его судьба приведет. Взгляд кочевника устремлен вдаль, за горизонт, туда, где, может быть, еще более сочные луга для его тучных стад. Кочевнику нужен простор, бескрайние степи, бездонное небо и это — свобода, как необъезженный жеребец — дерзновенный дух! Это счастье знать, что бесконечная земля — для тебя!

У земледельца логос¹ совсем иной, его взгляд устремлен вниз, к земле, и он постоянно прогибается перед ней, ожидая, что упадет из облитой потом почвы. И не может земледelec глядеть за горизонт: его хлеб, его существование — под ногами. И оно зависит не только от его труда, но во многом от погодных условий. И не дай Бог будет засуха или наводнение, град, болезнь или нашествие саранчи, все, урожая нет, иной земли нет, значит и жизни не будет. Вот и приходится земледельцу не просто трудиться, а думать, корпеть, чтобы припасти запасы зерна на случай неурожая. Отсюда технический прогресс, цивилизация и новая культура, а одновременно накопительство, корысть, алчность... Так кто же лучше и что лучше? Не знаем. Просто вновь обратимся к той же Библии, где земледelec Каин убивает своего брата, пастуха Авеля.

¹ Логос (греч.) — понятие, мысль, закономерность.

А при чем тут средневековый Египет? Дело в том, что за многие столетия земледельческая цивилизация низовья Нила накопила огромные богатства. Эти богатства сосредоточены в руках феодальной верхушки. На эти богатства зарятся многие соседи, и эти богатства надо охранять, а для этого нужна армия. Огнестрельное оружие уже есть, но оно еще не эффективно. В бою применяются копья, сабли и стрелы, а это подразумевает полный контакт, а значит, воин, тем более военачальник, должен быть храбрым, сильным, выносливым. И должен сызмальства упражняться в конной езде, вырабатывать навыки владения оружием. Все это непросто. Да и зачем? В Египте столько богатств, что главенствующая верхушка утопает в роскоши, изнежена, и пренебрежена. Им не до ратных дел, они могут позволить себе отдалиться от неге ничегонеделанья. А армия? А защита и безопасность? Для этого богатые общества издревле используют наемников. Но египтяне пошли еще дальше. Для чего нужны временные наемники, когда лучше их и надежнее пожизненные воины, то есть рабы, что по-арабски называются мамлюки?

Как ранее отмечалось, рабство существовало во все времена, и богатые общества никогда не гнушались этим. Вместе с тем рабы-мамлюки Египта и Сирии — это особенная страница в истории рабовладельческого строя. И как ни странно, первоначальный импульс этого исторического феномена зародился очень далеко от пустынь Африки и Аравийского полуострова, правда, тоже в пустынях и полупустынях Гоби и Алтая, что на другом краю Азии, в Монголии. Именно там в середине XII века родился Тэмуджин, впоследствии назвавшийся Чингисханом, который сумел объединить кочевников в организованную армию, и вихрем пронесся с востока на запад по всему огромному азиатскому континенту.

После монгольского нашествия на средиземноморские рынках появились рабы, в основном тюркиты-кыпчаки, которых стали оптом закупать состоятельные египтяне, сначала для личной охраны, а потом на базе мамлюков создали регулярную египетскую армию. Дело было поставлено на широкую, государственную основу, дошло до того, что стали специально закупать в большом количестве малолетних детей, которых зачастую кастрировали, помещали в отдельные лагеря

и с самого детства возвращали людей, годных лишь для военной службы.

Количество мамлюков в Египте ежегодно росло. И если поначалу в этническом плане это были в основном туркиты, то с наступлением тринадцатого века появились рабы-кавказцы — это монгольская орда покорила Кавказ.

Династия Айюбидов, стоявшая в те времена у власти в Египте, не могла не понимать опасности, исходящей от засилия армии рабами-мамлюками. Для того чтобы создать какой-либо внутренний противовес и некое противостояние, власти разделили мамлюков на две части по некоему этническому принципу. Одну часть входили выходцы из Средней Азии и Сибири — это перидиты, их называли мамлюки-бахриты или речные мамлюки, а они дислоцировались в лагерях дельты Нила на самом побережье, охраняя морские ворота Египта.

Мамлюки-кавказцы назывались бурджиты, или башенные мамлюки. Они находились в основном в казармах на острове Равди на Ниле. Видимо, тоскуя по родине, мамлюки-кавказцы строили в своем лагере каменные башни, какие есть лишь на Кавказе. Может, за это они и получили название «башенные».

Не в один день, а со временем мамлюки достигли больших высот в египетской армии и сделали карьеру при каирском дворе. Все это сопровождалось значительным обогащением, ведь за успешную службу воинов надо поощрять. А мамлюки восвояси умели. Так, они совершили поход на юг в Нубийскую пустыню, где издревле добывалось золото и где с некоторых пор хозяйничали племена эфиопов, которые были разгромлены и изгнаны с этих мест. Затем был поход на запад, где ливийские берберы захватили районы малого и большого оазиса Харге.

После того как в тылу, на юге Египта, был наведен должный порядок, мамлюки приступили к главной задаче — освобождению Северного Египта, Палестины и Сирии от христиан-крестоносцев. Эта задача была совсем не простая, но отважные мамлюки преуспели в ратных делах и добились того, чего не могли сделать до них многие: они без особого труда разгромили под Гитой объединенную армию сирийцев и христиан, захватили Иерусалим и всю Святую землю.

Реакция христианского мира на взятие мамлюками Иерусалима была столь бурной, что лично король Франции Людовик IX (впоследствии Людовик Святой) получил благословление и поддержку от Папы Римского, возглавил очередной (седьмой) крестовый поход. К берегам Египта в районе древнего города Дамнетта пристал флот из 1800 судов. От одного вида бесчисленной армады воинский гарнизон города бежал (их впоследствии истребили), а Дамнетта без боя покорился крестоносцам. И в это время султан Египта из потомков Айюбидов от болезни умер. Это держалось в строжайшей тайне, страной стала править одна из вдов — Шаджарат-Дурр, которая поручила возглавлять армию мамлюку Бибарсу.

Под предводительством вождя Бибарса мамлюки вступили в бой с армией Людовика IX. На третий день сражения крестоносцы были окружены, почти полностью уничтожены, а сам французский король попал в плен, из которого был выкуплен за 800 тысяч ливров золотом.

После этого мамлюки отвоевали и захватили весь Синай, Сирию и Палестину. С богатой добычей и десятками тысяч пленных рабов мамлюк Бибарс вернулся в Каир и предстал перед всем двором и государыней, рядом с которой восседал ее старший сын, теперь фактически хозяин Египта. Этот изнеженный и избалованный потомок Айюбидов после того, как Бибарс доложил об итогах похода, усмехнувшись, сказал:

— Вот дела. Раб привел нам новых рабов, — позабыв, что его охраняют тоже рабы-мамлюки, а их вождь теперь заслуженный военачальник Бибарс.

Вечером в честь возвращения мамлюков с победой при дворе был устроен грандиозный пир, все отпрыски Айюбидов предавались утехам благодати роскоши и не догадывались, что Бибарс отдал приказ мамлюкам уничтожить за ночь весь род Айюбидов. Так, на утро придворные вельможи обнаружили на троне нового султана из мамлюков-рабов.

Этот дворцовый переворот никак не сказался на жизни Египта, просто вместо одной феодальной касты к власти пришла другая. И ничего особенного в этом не было.

С древнейших времен, когда в Египте господствовал берберский язык, и позже, когда сюда проникли и стали господствовать

ить семитские языки и их носители, эту богатую страну не раз потрясли восстания и перевороты, о чем свидетельствуют древние литературные первоисточники конца Среднего Царства — «Поучение Ипувера» (текст Лейденского папируса № 344) и «Поучения Ноферреху» (Санкт-Петербургский Эрмитаж).

С древнейших времен и до времен мамлюков египетское общество мало в чем изменилось и напоминает собой гигантскую иерархию, основанием коей служат угнетенные массы рабов и восточных крестьян-феллахов, которые пожизненно прикреплены к земле, принадлежат хозяину данной земли, и их отличие от рабов лишь в том, что феллахи и их дети не могут быть проданы и не могут быть освобождены. Далее ремесленники, кустари, горняки и свободные жители, над которыми стоят налоговики, армяны и надсмотрщики. Над всей этой угнетенной массой — сверхбогатая аристократическая каста, которая время от времени меняется и обычно приходит извне.

Так, египетская династия Айюбидов начала свое существование с некоего Саладина (Салах-ад-дин Юсуф ибн Айюб), который был по происхождению армянский курд, родился в Текрите. Его отец Айюб (Иов) был талантливым военачальником, сумевшим дать сыну прекрасное образование в лучших учебных заведениях Дамаска.

Саладин, обладая редкими для правителя благородными качествами, добился огромных успехов. Даже европейцы называли его рыцарем Востока. При жизни нарекли святым. Будучи отважным и умелым полководцем, он сумел захватить Египет, Сирию, Месопотамию и Иерусалимское королевство. Саладин был великодушен к пленным, был честным и добрым человеком, любил детей и был галантным по отношению к женщинам. Умирая, он заповедал, чтобы его один день носили в саване по городу и во время шествия кричали: «Вот что Саладин, победитель Востока, уносит с собой из всех своих завоеваний».

А завоевал Саладин немало земель и богатств. На это огромное наследство стали претендовать семнадцать его сыновей. Давно они не могли все поделить, а когда поделили, поняли, что каждому досталось столько, что можно и дальше жить в блаженстве, припеваючи. В огромной стране, поделенной на удельные княжества, начались смута и брожение. Как закономерный итог,

этим воспользовались мамлюки, в руках у которых была реальная сила, а теперь и власть. Захватив власть в Каире, мамлюки поодиночке уничтожили всю династию Айюбидов. После этого и между самими мамлюками началась борьба за лидерство. В какой-то момент, когда главнокомандующий Бибарс отсутствовал, султанский трон захватил некто Айбек. В результате непродолжительной борьбы Бибарс сумел вернуть себе единоличную власть в Египте и Сирии.

С древнейших времен, со времен фараонов, в Египет существовала масса пленных рабов. В сохранившихся надписях на пирамидах к рабам относились так же, как и к скоту, называли просто «джет», то есть тело. И вот эти рабы-мамлюки захватили власть. Однако захватить силой власть — одно, а сохранить власть в стране, где за тысячелетие вымуштрована особая когорта жрецов-чиновников, непросто, учитывая то, что мамлюки в основном занимались только военным делом и физической закалкой, пренебрегая образованием. И они, как правило, не получили арабско-мусульманского образования, некоторые султаны даже не знали арабского языка, а знавшие отказывались на нем говорить. Тем не менее мамлюки с середины XIII (1250 год) и до конца XVI века, вплоть до завоевания Египта османами, а позже еще целый век владели Египтом, Сирией, Палестиной и частично Индией, породив на Ближнем Востоке особую культуру, носителями которой была военно-аристократическая прослойка влиятельных людей.

Да это история. И первое время мамлюкам было нелегко: противоречие и даже открытое противостояние между мамлюками-бахритами и мамлюками-бурджитами; местные чиновники, разворовывающие казну, нашествие саранчи, засуха, голод и эпидемия. И, наконец, как экзамен на выживание, монголы, которых никто до этого не побеждал, захватили Сирию и ее столицу Дамаск и уже подошли к Палестине.

Мотивации для яростной схватки у мамлюков было предостаточно. Именно из-за монголов мамлюки попали в рабство. Они жаждали мести, боялись повторения судьбы, тем более после того как вкусили сладость власти.

Как известно, в долине Айн-Джалут под Назаретом монголы впервые со времен Чингисхана были разбиты, их командир и

в плен и казнен. Еще дважды, в 1277 году при Альбистане и в 1303 году близ Дамаска, монголы пытались взять реванш, в два раза были разбиты. После чего уже окрепшие мамлюки сами стали нападать на соседей, расширили свои границы, захватили Ближневосточное Армянское царство.

Мамлюкский султан — это не династийная или социально-этническая данность. За этот трон надо яростно бороться, а не только в подковерных интригах, а надо показать себя на поле битвы. И здесь во главе угла мужество и сила. Но и это не главное. Ноэль — это стратег, это терпение и, конечно же, разум. И раз мамлюки — это разные этнические группы, то в итоге побеждает тот, за кем больше воинов.

Изначально султаны мамлюков — кыпчаки. Лишь однажды, в 1279 по 1290 годы, к власти приходит черкес — Кепаун, выдающийся военачальник и правитель. После этого еще сто лет в власти мамлюков турки-кыпчаки, уйгур и даже монгол. Но со второй половины XIV века в Сирию и Египет попадает много дешёвых рабов с Кавказа. Кавказцы начинают теснить, а со временем и доминировать во всех властных армейских структурах Ближнего Востока.

Мамлюки-бахры, или степняки Азии, по духу — кочевники, они еще не признают оседлость, культуру земледелия и жажду накопительства. Среди них жесткая дисциплина и субординация, командир — это все: и бог, и царь, и господин, и иного мнения и взгляда быть не может. И это в чем-то хорошо, а в чем-то и плохо, но в итоге это — победа.

А вот мамлюки-бурджи, или кавказцы, по природе оседлые, знают стоимость клочка земли, ценят колосок в степи, а не сухой меч, мечтают об амбарах зерна и сундуках золота, любят щеголять, в целом, по традиции гор, любят и ценят семейный очаг. И армейская дисциплина здесь совсем иная: командир среди кавказцев — это не деспот, не беспрекословный диктатор, а заслуженный авторитет, у которого превалирует не жесткий приказ, а отеческая забота, и среди подчиненных не безропотное повиновение, а скорее братская солидарность, дружба. С такой дисциплиной свой набор, может, и отстоишь, но материка, как азиаты, не завоеешь.

«Среди мамлюков кавказцев всего четверть. Но они предприимчивей, сообразительней, индивидуально сильнее, а в целом,

сплоченны, помогают друг другу, становятся обладателями обширных земель и богатств. И эти кавказцы, некогда угнанные в рабство, теперь посылают на Кавказ значительную помощь.¹ Но этого мало. И теперь к обеспеченным мамлюкам-египтянам в поисках счастья и покоя выезжают с Кавказа целые фамилии села и даже области, как случилось в Грузии.

Вместе с этим преобразились города Ближнего Востока. Кавказцы принесли сюда свою культуру, новую моду, архитектуру и традицию, словом, так сказать, «обновили кровь». «В Дамаске, Каире, Иерусалиме и Хайфе можно увидеть белоснежные лица очень красивых, стройных, горделивых девушек и женщин: это прекрасные черкешенки, грузинки и осетинки, — пишет Бейбарс ал Мансури. — Тут же честолюбивые, слегка заносчивые светлокожие кавказцы, на них здесь доселе невиданные высокие каракулевые шапки, шелковые рубашки и шерстяные черкешки. На ногах обязательно высокие сапоги со шпорами из дорогого металла. И не только сами, но более кони у кавказцев грациозны — все подпруги золотом и серебром орнаментированы, а у высших эмиров и драгоценные камни в сбруе».²

Это на родине кавказцы разъединены высокими горами. Каждый горец за свой родовой надел, за свою теснину ущелья ухватился, иного видеть не хочет и не признает, кроме как своей вершинной горы. Оттого и междоусобица, мелкая вражда, разобщенность. Зато в чужом краю, вдали от родных гор, кавказцы друг в друге души не чают, помогают своим, дружны. И хоть об этом умалчивает историк, а хотели кавказцы на султанский трон посадить своего, но турки-татары — абсолютное большинство, и дабы сохранить мамлюкское единство, кавказцы до поры до времени чтили верховенство бахритов. Да произошел очередной прецедент: султан мамлюков — турки-татары — то ли продал, то ли почему-то уступил. В общем, потеряв мамлюки без боя контроль над Армянским нагорьем, потом горцами в Передней Азии, а следом чуть ли не всю Сирию с Палестиной,

¹ Взято у Ибн Абд ал-Захир (1223–93) — личный секретарь мамлюкских султанов Египта, каирец, араб, написал биографию Султана Бейбарса I.

² Бейбарс ал-Мансури (ум. в 1325 г.) — мамлюкский полководец и историк, раб, ставший наместником Египта. Автор книги «Сливки размышления об анналах хиджры».

...Этим кавказцы не смогли смириться. Как предательство это восприняли и все египетские визири. Дворцовый переворот назревал, но мамлюки — люди военные. Началось открытое противостояние, которое переросло в однодневный бой под Кадром. Было много жертв, и все мамлюки поняли одно — они могут потерять власть и вновь стать простыми рабами. Ночью султан-тюрок был убит своим же окружением, и на следующий день, весной 1382 года, провозглашен новый султан — тридцатилетний Захир Баркук, адыг, который, как известно, еще в детстве был продан в рабство бедными родителями в одном из портов Египта. С тех пор до конца существования мамлюкского Египта рабами становились лишь выходцы из Кавказа: адыги, абхазы, грузины и пахи.

Но это было позже. А Захир Баркук оказался настоящим лидером. С детства он впитал воинский дух, закалился в боях, преуспел в административных делах и в управлении государством. Он царствовал около двух десятков лет, с мечом в руках потеснил окружающих соседей и со временем заимел солидный международный авторитет, так что владыки мира не могли с ним не считаться. Многие государства платили ему дань или подносили дорогие подарки, лишь бы мамлюк их не трогал, а при необходимости поддерживал.

...Пот и мамлюкский корабль, на котором Малцаг с семьей Сабреда и Седой уходил на юг от Измира, исполнял секретное задание, а точнее особую дипломатическую миссию. Как ранее отмечалось, Византийская империя, или то, что от нее осталось в конце XIV века, — Константинополь, с былой славой, а теперь буквально осажденный Османом Баязитом город, который из-за имперских излишеств растлел изнутри и шел к окончательному упадку. Однако у Константинополя, имевшего за собой пятнадцатилетнюю историю владычества, еще кое-какой потенциал оставался. И император Манул II, желая чужими руками расправиться с ненавистным Османом Баязитом, отправил послов к Тимурлану, который объединил татар Средней Азии и покорил уже Индию, Персию и Золотую Орду.

«Всемогущий Повелитель Тимур, — писал в грамоте, которая отправилась, император Византии, — если нападешь на Османа

Баязита, обещаю всемерную помощь, в подарок двадцать кораблей... Дань, которую Константинополь и Пера платят Баязиду, буду отныне платить великому хану Темиру... И мамлюки не будут мешать. Султан Захир Баркук мой друг, кум, мы с ним договоримся, лишь бы хан Темир поскорее шел на Баязита...»

Вот так, как и всегда, плелись политические хитросплетения. Главная задача Византии и Тамерлана была нейтрализовать сильных мамлюков, не то союз Баязита с мамлюками стал бы непобедим.

Чтобы задобрить, а точнее подкупить султана Египта, через Грузию и Черное море в Константинополь Тамерлан прислал много богатств. К этим дарам должны были прибавить подарки от Византии, и вот с этими щедротами двух императоров возвращался корабль мамлюков, на котором плыл и Малцаг.

Весь день под дождем, пока они покидали Измирский залив и был виден берег, где осталась Шадома, Малцаг пребывал на корме корабля. А к вечеру, когда судно чуть сильнее закачалось на высоких волнах открытого Эгейского моря, он, усталый, спустился на нижнюю палубу, надеясь, что капитан даст ему переодеться в сухую одежду. Однако случилось неожиданное:

— Там место беглых рабов, — капитан даже не впустил Малцага в свой отсек, указал на дальний трюм, где среди каких-то мешков ютились Сакрел и его семья вместе с Седой.

Мешки были жесткие, местами выпуклые, воняло какой-то кислотой, слегка щипало глаза так, что Малцаг с отвращением вспомнил дубильную мастерскую. Зато здесь сухо, тепло, хлеб и родственных рук. В такт качки он так заснул, что позабыл о Шадоме и никаких снов не видел, словно провалился в небытие, и лишь детский плач, а потом визг вернули его к жизни. Он, отлядываясь, потянулся, совсем рядом Сакрел.

— Малцаг, вставай, смотри. — В полутьме спросонья Малцаг вначале ничего не мог разглядеть. А протерев глаза, вскочил: капитан за руку тянет Седу наверх.

— А ну оставь! — рявкнул Малцаг, вырывая девчонку, с силой отталкивая капитана. — Это моя сестра.

— Ты что? Ты что, безухий? — вскричал испуганно капитан, быстро полез наверх и уже сверху: — Хе-хе, сестра. Скоро увидишь сестру.

На борту много воинов-мамлюков, и Малцаг с тревогой, чем бы ни случилось, стал оглядываться, чтобы что-то предпринять для защиты.

Это что-то иной, даже полжизни где-либо проведя, ничего еще и не поймет, а Малцаг, пусть и гребцом-невольником, но много двух лет на море был, может, не все, но многое знает. Многоислужный корабль мамлюков — редкость на море. Такой корабль стоит до нескольких тысяч голов лошадей, и им могут обладать лишь очень богатые купцы, короли и султаны. Это судно с высокими бортами, с квадратным парусом, до ста гребцов, с большим водоизмещением, с такелажной оснасткой. Такой корабль достигнут благодаря войнам: это крестonosцы впервые создали такие корабли для перевозки морем тысячи людей в плен.

Такое судно выгодно для торговцев, но оно очень уязвимо, потому что из-за размеров маломаневренно. За такими судами водятся в море многочисленные пираты, и на своих маленьких кораблях гребных галерах атакуют купеческие корабли. Однако большой корабль, тем более с товаром, — это просто сокровище, а его тоже оберегают всеми возможными способами. Для этого используют не только воинов, но и остальной арсенал средств. Так, Малцаг после беглого осмотра быстро смекнул, что корабль не затопится: вся деревянная конструкция пропитана уксусом и дегтем, а мешки, на которых они сидят, наполнены горшками, в которых негашеная известь. Горшки бросают в противника и этим ослепляют его и травят. Остального Малцаг не видит, но оно тоже должно быть в арсенале такого корабля. Это прежде всего огнемёт на основе «греческого» огня, мощные арбалеты, просто камни, стеклянные сосуды с мыльным раствором, а, может, учитывая, что с юга, и бочки со скорпионами.

Все это для обороны хорошо, но находиться в таком трюме, там более детям, нельзя. И, несмотря на вероятную опасность, Малцаг всех своих вывел на палубу, ожидая всего что угодно от капитана. А тут не до них: чистый, свежий, упругий ветер играет с брызгами волн, море прилично штормит, но не сердито, а в небе от вчерашних свинцовых туч лишь брюхастые бело-серые облака, и они куда-то спешат, весеннему солнцу простор дают.

— Неужели это свобода? Какое счастье! — прошептал стоящий рядом с Малцагом доктор Сакрел.

— В этой жизни свободы нет, — его взгляд прикован к капитану, который руководит установкой паруса, и кажется, что он видит его впервые: это азартный игрок, лют, пьяница, развратник и гуляка, да прекрасно знает свое дело. Несмотря на резкий боковой ветер и большую волну, капитан, умело руководя тросами и моряками, ловко развернул такую махину, меняя курс влево, и корабль так устойчив, немного накренился. Этого хватило, чтобы дети Сакрела завизжали от испуга.

— В трюм! Все в трюм! — приказал капитан. А Малцаг притянул к себе доктора и на ухо:

— Ты за своим пациентом, эмиром Хаджибом, следишь? — и видя непонимающий взгляд: — Надо следить. Он всю дорогу должен нуждаться в тебе.

— Все в трюм. Исполнять приказ капитана, — это палубный шкипер, помощник капитана, стал орать на семью Сакрела. Встретившись со взглядом Малцага, он явно осекся и чуть тише, со злобой добавил: — Посторонним в трюм... Либо за борт. Не исполнять приказ!

Беглые рабы — женщины и дети — уставились на Малцага. У Малцага выбора не было, он знал корабельный устав: первым спустился вниз, принимая детей. Теперь одна надежда на доктора, который вскоре присоединился к ним.

— Как эмир? — бросился к нему Малцаг, словно это его заботит.

— Степняк, море не выносит, боль в животе, плох, — искреннее сочувствие в голосе Сакрела.

— Хе, это хорошо, — рад Малцаг. — Нам нужна связь с ним, мы здесь задохнемся. Дети заболеют. — Хоть и полумрак в этом трюме, а Сакрел видит ему знакомый дерзкий блеск глаз кавказца. — Он тебя вызовет... растереби рану.

— А если не вызовет?

— Будем соображать, — зловещие нотки в тоне Малцага.

— Надо головы мокрой тканью окутать, — как врач засуетился Сакрел. — Ты — наша сила, — первым делом он хотел было позаботиться о Малцаге.

— Отстань, — отстранил его ухаживания кавказец, — я к этому давно привык. — Нервничая, он стал вновь рассматривать со-

кафе и надул мешков и вдруг ехидно ухмыльнулся: — Еще сутки по-
буршим, и опоемся...

— Что? — тиня прав Малцага, встрепенулся Сакрел.

— Дам некру — все на дно пойдет либо...

— Только не это, — взмолился доктор. — Бог нам поможет. Действительно, помог. Вскоре Сакрела позвали к мамлюкскому эмиру. После его жалоб капитан уступил требованиям Хаджиба, и бедошам разрешили два раза, утром и вечером, по полчаса высоваться на палубу, дали поесть. Эти уступки Малцага не удовлетворили, и ночью, благо их не охраняют, он самовольно поднялся на палубу подышать. Небо чистое, звездное, безлунное. Принадно, ветер тот же, почти попутный, северо-западный. Да что за блажь: парус спущен, гребцы работают изо всех сил, идет поперек волн; по звездам видно: почему-то поменяли курс. Малцаг не лоцман, да в этих водах бывал не раз. По безопытности и гораздо короче идти на юг между материком и островами Хиос. А корабль с южного поменял курс строго на запад, так убежище пиратов — мелкие северные Эгейские острова и маленький необитаемый остров Псара, куда отсылают по-
жалеанных каторжан.

Пораженный этим изменением маршрута, Малцаг к полуночи упустился в вонючий трюм и под легкую качку, ненавистный запах вонючки и действия газов крепко уснул, так что на утреннюю проверку его еле разбудили. А на борту еще большая блажь: гребцы все спят, парус наполовину поднят, курс вновь выверен на юг вилке, в утренней дымке, как мираж, на горизонте бугорки островов, капитан лично за кормчего стал, видно, напряжен, озабочен.

— Сакрел, Сакрел, — дернул доктора Малцаг, — иди быстро к своему эмиру, спроси, не богатство ль какое-либо они везут?

— А что? — встрепенулся Сакрел.

— А то, что капитан корабль явно подставляет.

— Не может быть!

— Может... Точнее, уже так... Вон, две точки — наверняка галеры к нам идут. — Малцаг прищурился, рукой козырьком прикрыв глаза, смотрел против солнца. — Сакрел, на море никакой опасности нет, и даже детей в плен не берут, всех, кроме гребцов, отправляют и за борт. Так что быстрее!

— А если они заодно? — ужас в голосе доктора. Бешенством исказились глаза Малцага, рванув грудки, он притянул к себе Сакрела и ядовито прошипел:

— Скальпель под сердце и сюда, я с этим разберусь, — и бляди устался Малцаг на капитана. — Быстрее, Сакрел, твоих детей никто не пощадит.

К удивлению Малцага, доктор Сакрел появился очень быстро, а следом и свирепый бледный Хаджиб с костылем.

— Капитана ко мне! — пытался повысить голос больной эмир.

— Что за команда?! — на визг перешел капитан. — Я на борту командир.

— Эмир Хаджиб, ты все видишь, — бросился к главному мямлюку Малцаг. — Останови воинов, а этого подонка я усмирю.

— За борт его, за борт! — скор эмир, уже слышен дикий вопль с надвигающихся легких галер.

Малцаг выхватил меч у близстоящего воина, бросился к корме.

— Бунт на корабле, бунт! — закричал капитан.

Перед Малцагом неожиданно появился вооруженный шкипер. Сраженный, он вцепился в борт, с помощью Малцага повис в море. Капитан и не посмел сопротивляться, в испуге от взбешенного вида огромного Малцага он попятился к краю.

— За борт, за борт, — кричал эмир. Однако Малцаг знает море и соображает, что без опытного капитана движение такого корабля невозможно.

— Связать его, в трюм, — теперь командует он. — Сакрел, в трюм. Все мешки сюда. Парус поднять! Грести! Грести! — он еще надеется увести огромный корабль, но скорость не набрала, он уже различает возбужденные лица пиратов.

Единственное их преимущество — это высокие борта, а в остальном все позиции проигрышные. Быстрые галеры идут с наветренной стороны, достигнув расстояния обстрела, они пустят тучу стрел, а против ветра стрелять — почти что впустую. Применять «греческий» огонь и негашеную известь против ветра тоже невозможно. И вновь кричит:

— Грести, грести! — И видит, как в гримасах ложных усилий исказились лица гребцов-невольников. Но он сам был таким и знает, что эти рабы жаждут любых перемен, с надеждой ждут

дальше кораблекрушения, не говоря уже о захвате пиратами, когда им придется изменить судьбу. Теперь они не гребут, а лишь делают шаг — а это не стовор — это известная Малцагу психология неустойчивого гребца.

Воины-мамлюки! — закричал Малцаг. — Слушай мою команду! Всех гребцов перебить, занять их места, сверху щиты... Паруса! Парус спустить! Спустить парус! Приготовить горшки! Приготовить дрогики. Всем под щиты. Без команды не стрелять. Не грести. Стоять!

В это время первый залп пиратских стрел со свистом настиг корабль. Потом еще и еще тучи стрел. Вся палуба под щитами, по ней и так качки прокатывается волнами густая черная кровь, и очевидно — это кровь гребцов, или еще прибывает. Малцага это не интересует, он тоже под защитой, но зорко высматривает маневры галер.

Галеры длинные, узкие, с пропорцией 10:1 в бимсе у миделя, очень легкие; высота от киля до планшира всего два метра. Это тоже пиратский вариант: они как угорь по воде скользят, легко разбивая волны, но неустойчивы.

Оба борта набиты битком и Малцаг видит теперь не только тесноту, но и блеск глаз: в них страсть хищника и радость скорой добычи. Бездельствие на корабле их не тревожит, они, видать, уверены, что здесь их кто-то ждет, помогает. Абсолютно не боясь, пираты с диким визгом уже догоняют корабль, галеры с обеими сторон начали обходить корабль, уже размахивают крюками, готовясь на abordаж, как Малцаг рявкнул команду:

Грести! Правый борт — назад, левый — вперед!

Он сам лег на кормило. Корабль, не дрейфя, под действием ветра и моря сам норовит стать поперек волн. Вот этому разводу и стал помогать Малцаг. Судно медленно, но верно развернулось по всю ширь, что задумал Малцаг, претворилось наполовину: одна галера не смогла уклониться, сходу, с тупой силой вревалась в корму, заскрежетала. Почти все, кто были на палубе, повалились от удара. И в это время умело полетели смертоносные крюки. С шипящим свистом они намертво впились в деревянные борта. Команда «В атаку!» Лишь тогда Малцаг отдал свой приказ:

Колчаны и дрогики — попеременно!

Мамлюки, что сопровождали корабль, — из регулярных войск и знают этот прием, одновременно стреляют из луков, бросают дротики и прячутся под щиты на время, пока достается очередная стрела из колчана. Организованная стрельба с высоты в значительной мере сократила число, но не бесчеловечный пыл нападающих.

Малцаг во всю глотку орал, но теперь мало кто его слышал. С правого борта с галерой беда и оттуда мало криков: пока отбиваются. А вот с левого борта взяли на абордаж, и корсары, эти неутомимые муравьи, полезли на штурм.

— Горшки, кидайте горшки! — кричал Малцаг, но в этом страшном вое сам себя не слышал. Поняв, что команды больше не нужны, он сам бросился в самое пекло. То была короткая, кровавая и страшная битва. На море всегда бьются яростнее, чем на суше, потому что отступление и бегство невозможны.

Если бы не умелый маневр, то итог поединка был бы иной, а теперь, к концу схватки, одна галера уже затонула, вторая горит, в море плавают много людей, а Малцаг вновь командует.

— Спасайте, всех спасайте, на борт!

— Зачем тебе они сдались? — здесь же рядом эмир Халджиб.

— А кто грести будет? — о дальнейшем думает Малцаг.

С пленными пиратами, а их осталось более полусотни, не церемонились: еще побили, чтобы сбить оставшуюся спесь, хотели очистить палубу от мертвых и тяжелораненых, потом они до блеска мыли весь корабль, а после этого приковали к мосту гребцов. Вот тут у пленных заиграла гордость, даже кнут не помогает, теперь свободолюбивые пираты и утопиться готовы.

А мамлюки почти все прошли школу рабства, они знают, как это честолюбие изничтожить, предлагают всякие пытки вплоть до голода и жажды. Но это долго, самим изнурительно, и то, что видел Малцаг, почти никто не пережил, вот и прошелся он быстро по рядам, каждому пленному в пятку шило воткнул. Крик такой, что в перепонки давит, да у Малцага ушей нет. Он на борту у перевязанного капитана:

— Хе-хе, тебе оба уха и обе пятки, как мне, иль еще как?

— Пощади, пощади, Малцаг! Без меня такой корабль не пойдет, — уничтожающим взглядом кавказец смотрел сверху, да капитан спас себя: — Где-то пробоина, на палубе крен.

Оказывается, на носу галеры был металлический таран. Остаток дня под руководством капитана заделывали приличную брешь. И лишь в сумерках, пользуясь тем же попутным ветром, подняли полный парус; вначале неумело, вразнобой, а потом, когда Малцаг напомнил о второй пятке, дружно заскрипели весла.

В полночь после столь тяжелого дня на корабле все спят, даже новые гребцы. Лишь в одном месте какое-то движение, там доктор Сакрел, и лежат раненые. От перевозбуждения Малцагу не спится, к тому же он вызвался дежурным по кораблю. Но теперь оставаться на корме он не может, тянет его, как топмана, на нос корабля. Он вглядывается в темную страшную даль и думает, что его ждет впереди, куда его приведет этот парус. И так задумался, что даже не среагировал, когда к нему подошел Сакрел. Чувствуя локоть друг друга, они долго стояли, молча всматриваясь в бездонный мрак, пока доктор тихо не выдал:

— Я сегодня не раз вспомнил, как ты рассказывал про Тамерлана.

— Правильно сделал, — груб ответ. — Эту жестокость он породил.

Наступила долгая пауза, которую так же нарушил Сакрел:

— А с гребцами нельзя было как-то иначе?

— Можно было, можно! — закричал вдруг в ярости Малцаг и, увидя, как доктор отпрянул, уже тише, но так же жестко добавил: — Сакрел, мне надоел твой вшивый гуманизм, вся эта лживая набожность и паразитическая добродетель. Неужели ты не видишь этот мир? Или у тебя зрение иное? Сколько раз ты мне задаешь этот плебейский вопрос?! Жизнь — борьба! И если хочешь «иначе», то мы с тобой были бы давно там, — он ткнул пальцем вниз, — а твои девочки до утра — под пиратами и гребцами. А на рассвете — тоже за нами... Так это никогда не поздно, утопиться всегда сподручнее, а вот бороться, хотя бы ради потомства — вот это жизнь! И в ней законов нет, есть Тамерлан, он — Повелитель, царь и властелин!

...Больше в пути приключений не было. На острове Самос они прикупили еще рабов-гребцов, набрали пресной воды и пищи. Потом остановились у острова Родос, после был Кипр, где

эмир Хаджиб уже полностью выздоровел и руководил активно всем процессом.

В отличие от него Малцаг, наоборот, полностью спик, как то на глазах после Кипра угас. Тоскуя по пестрому и цветущему Кавказу, он и Измир считал какой-то убогой полупустыней. Увидев голую землю Кипра, совсем погрузстнел, а когда до стигли пустынных берегов Сирии, ему просто стало странно как среди этих голых песков и камней можно жить? А тут еще начиналось лето. Малцаг в столь южных широтах никогда не бывал, от жары ему невыносимо. Днем он пытается укрыться в трюме, да там воздух вонючий, духота, крысы. Он бежит наверх, и там несносно. Все над ним смеются, а он не находит покоя, мечется из стороны в сторону. Все ему неважно, противно, и лишь доктор Сакрел понимает, что это не внешний жар, это жар души мучает Малцага. Не знает он, что ему дальше делать, как ему быть, как жить. Что он будет делать в этих пустынных, знойных странах, в этих незнакомых городах? Ведь он ничего не умеет и не знает, чего хочет. Зачем он уходит все дальше и дальше от своей земли? А что делать на своей земле, на Кавказе? Ведь он уже знает по рассказам земляков, что там никого нет, Тамерлан всех изничтожил, все отравил, и даже редкие дороги не только бурьяном, но уже и лесами заросли. Так и это не все. Говорят, Тамерлан в районе бывшей столицы Магас оставил мощный экспедиционный корпус из отъявленных головорезов, и цель их одна — добывать всех горцев, что его сына убили, за каждую башку — солидный подарок. Так вот им надо мстить! Идти домой и мстить! Но как? С кем? Где взять людей, где взять оружие и коней? А может, все забыть, всех простить и стать как доктор Сакрел? Семья, дети, дом, родина...

— У-у-у! — раскалывается от жары голова Малцага. — Где родина? Какой дом? Какая семья?.. А Шадома?

С этими мыслями, точнее тревожными, весь долгий путь метался Малцаг по большому кораблю, не находя себе места в столь ограниченном пространстве. Днем, в жару, он чувствовал себя совсем плохо, а окружающие поддразнивали. Что будет дальше, когда лето распахнет? Вот это «дальше» было совсем несносно, и он как благодать искал любую тень и как спящего

ждал ночь. И она наступала, и приходила приятная прохлада. Но он покоя не находил, и сон не шел. И как-то среди ночи, видя, что и Сакрел не спит, кавказец сел рядом с ним и, глядя в бесконечное, свободное звездное небо, понимая, что что-то с ним не так, печально спросил:

— Доктор, что мне делать? Не выношу я этой жары.

— Малцаг, — Сакрел погладил его грудь, — дело не в жаре. Вот тут у тебя тоска... По медицине — меланхолия, депрессия.

— Дай мне лекарство, вылечи от этой заразы.

— От этой заразы лекарства нет. Твоя печаль — из-за неопределенности в будущем. Грустить бессмысленно. Нужно, хорошо подумав, действовать.

— Как «действовать»? — повысил голос Малцаг.

— Ну, ты уже не мальчик, — убажываясь спокойным тоном Сакрел, — пора иметь дом, семью, детей.

— У-у! — простонал кавказец, вскочил. — Какой дом, какая семья, откуда дети?!

— Успокойся, садись, — доктор дернул его за штанину, и когда Малцаг вновь сел, он уже по-отцовски строго: — Я знаю, ты не домосед, ты прирожденный воин. Но и у воина должна быть семья, должно быть потомство, которое продолжит твоё дело.

— И куда я эту семью дену, как прокормлю, у какого очага посажу?

— Не волнуйся. Ты видел, где и как я своих детей родил?.. Именно, дети — высшее счастье!.. Все это в руках Бога, а наше дело — лишь суета... Вот прибудем в Бейрут, сыграем свадьбу. Какая радость!

— Какую свадьбу? — в удивлении чуть отпрянул Малцаг. А доктор склонился и стал напористо шептать на ухо:

— Седа может быть тебе сестрой, но в нашем обществе взрослая девушка должна быть либо женой, либо рабыней. У тебя выбора нет, ты обязан ее спасти, а это — статус жены, и Шадома только так хотела.

При упоминании имени Шадомы Малцага словно током прошибло, он резко вскочил, вслед за ним тяжело встал и доктор и так же, став совсем близко, тяжело дыша:

— Малцаг, я уже стар, а ты ведь родной. И, как Шадома говорила, ты — наша сила. Держись.

— Сакрел, — неудержима печаль в голосе Малцага. — Какая сила? Какая свадьба и семья? Я ведь нищий беглый раб, и не знаю, что нас ждет впереди, даже в порт выйти не смею, от жары дышать не могу.

— В этой жаре, — тверд голос доктора, — живут миллионы. А ты воин, и не такое повидал... Ты — наша надежда. И Шадому не забывай.

— Что ты от меня хочешь? — взъелся Малцаг, хотел уйти, но Сакрел его крепко ухватил, даже тряхнул.

— Твоя хандра — от безделья. Ты уединился в своей палате и ничего не замечаешь. А я, как доктор, вращаюсь среди мамлюков. Что-то неладное случилось, в портах слух... Должны были идти прямо в Египет, а не плывут. Ты думаешь, сейчас выйдут корабли на Бейрут ради нас? Нет. Эмир Хаджиб в сильнейшем беспорядке.

Эта информация Малцага не интересует, задело другое — Садда. Он, как обычно любил по ночам, уединился на самом носу корабля. И если прежде неведомый страх мрака ночи и бездонная толща шумящего моря навевали на него некий страх и тревогу, то ныне он почему-то склонился, как мог, и долго глядя, ввысь мощный корабль монотонно да упрямо рассекает в брызгах бесконечную волну. «Вот так и надо жить», — мелькнула в нем мысль. Следом он вспомнил Шадому, сравнил ее с почти ребенком Седой. И как он женится? Он ведь не любит Седу. И тут вспомнил слова Шадомы: «Жену не надо любить. Надо уважать, холить, лелеять... А любить надо Бога и только себя». Итог этих раздумий — он женится... А как содержать семью, и не только семью, пока не знает. Но уже чувствует, что Сакрел все-таки оценил его, ибо сердце мощно, учащенно, привычно, как перед битвой, забилося, и в нем жар, да не тот, что последние дни его терзал, а тот, что, вновь возгораясь, призывает преодолеть пороки жизни. Это состояние так его взбудоражило, что он хотел броситься в море, в эту неугомонную, кипящую пучину... А чуть позже он почувствовал безмерную усталость, потянуло ко сну. Как только он лег, по телу потекла приятная истома, и он провалился в позабытом богатырском сне, когда ничто не беспокоит. И если Бог даст день, то даст и силу, а значит сможет он отстоять себя, содержать семью, помогать близким...

Малцаг так долго спал, что жена Сакрела и Седа не раз перевигали наспех сооруженный тент для защиты спящего от солнца. Кавказец, может быть, спал бы еще долго, да явился молодой мамлюк: Малцага вызывает Хаджиб. Эмир поправился, отъелся, в море обветрился, и не скажешь, что пару недель назад он был бедный и больной.

— Малцаг, — сходу приступил Хаджиб к делу, — хочу о двух твоих качествах сказать. Первое: видел тебя в деле, у кавказцев поспрашивал в портах — ты воин, доблестный воин. Теперь второе, и это считаю главное: ты практически самовольно взял команду корабля на себя, победил и знал, что на корабле немало богатств. Не скрою, я за тобой установил слежку, но ты и повода не дал, не сунулся даже взглянуть сундуки.

— Не ласкай, — перебил Малцаг. — Если есть, а вижу — есть, говори сразу о деле и напрямик.

— Гм, — кашлянул главный мамлюк. — Если о деле, то слух твоя, — он огляделся, нет ли кого рядом, и уже очень тихо продолжил: — Султан Захир Баркук то ли убит, то ли умер от какой-то болезни, словом, говорят, его уже нет. А власть захватил главный визирь, друг детства Баркука, — эмир Катмос. У-у, я всегда знал, что Катмос — большая дрянь, но султан этому не верил.

— А что ж сын султана, Фарадж? — удивил Малцаг Хаджиба.

— А ты что, знаешь Фараджа?

— Мой покойный брат на моих глазах вызволил его из рук Тамерлана.

— О-о, слышал, слышал. Было такое, — эмир горестно потирает руки. — А сейчас, говорят, сын султана не смог бороться за трон, бежал с охраной в пустыню.

— Да, — как заговорили о военных делах, твердым стал голос Малцага, — помню я этого Фараджа — какой-то баловень, слизник, плакал пред Тамерланом, как баба.

— Ну-ну, — мягко одернул кавказца мамлюк. — Так нельзя говорить о сыне султана.

— Хе, так султана же нет, а сын бежал.

— Ну, доподлинно мы ничего не знаем, — Хаджиб испытующе взгляделся в глаза Малцага. — А если быть до конца откровенным, то я женат на дочери султана и ему многим обязан, — он замолчал, тогда Малцаг продолжил:

— И тебе, как и сыну султана, несдобровать, — на это мальчуган ничего не ответил, опустил взгляд. — Так что ж ты терпел у тебя столько богатств?

— С этими сундуками далеко не убежишь.

— Что ты от меня хочешь? — откровенен Малцаг.

— Завтра будем в Бейруте, там все окончательно прояснится. А ты мне нужен как надежный соратник, тем более что Фараджен тебе знаком.

— Хм, судя по твоим рассказам, знакомство с Фарадженом теперь ничего не сулит, — ирония в тоне Малцага, — а тебе даже мешает.

— Он брат моей жены, — злые нотки и в голосе эмира. — А у меня в Каире семья, дети.

От этих слов у Малцага дернулся глаз. Наверное, впервые в жизни он ощутил какое-то странное чувство — ревность. Этот турок значительно старше него, тоже пленный раб, и родина у него дальше, чем Кавказ, но он обрел новый очаг, тепло, семью и детей. Вот этим он живет, потому не бежит куда попало, а сундуками. Значит семья дороже богатств.

— Я в Бейруте женюсь, — вдруг выпалил Малцаг.

— На своей землячке? Прекрасно, — как будто это знал, быстро вымолвил мамлюк и, поманив рукой кавказца: — Пошли со мной. — Они спустились в трюм, прошли в ту сторону, где Малцаг никогда не бывал, и сундуков и всего богатства он не увидел, да и особо не желал, но представил, когда его пригоршни весов отяжелели от увлажненных дорогих изделий.

— Ты меня нанимаешь? — прямо спросил Малцаг, понимая, что это богатство было приготовлено заранее.

Раскосые глаза эмира совсем сузились, их не видать, лишь усы его едва дернулись.

— Понимай как хочешь, — процедил он и далее совсем привер судьбою. — На что ты собираешься жениться? Как содержать семью? Хе-хе, вот Бог тебе послал. Прими как благодарность.

— Принимаю, — нет выбора у Малцага, склонил он голову.

— Тогда служи, — уже приказной тон.

Малцаг, а тем более доктор Сакрел не могли знать стоимость драгоценностей. Уединившись на безлюдном носу корабля, они, как дети с игрушками, возились с каждым украшением.

— Я говорил, я говорил, что как только ты решишь жениться, тебе сразу же воздаст, — радостно шептал доктор, а чуть позже, сонсем озабоченно: — Неспроста, нет, неспроста, наемник — это не воин, это убийца... И тебя, не дай бог, убьют. Ой, что нам делать? Верни, верни эти безделушки. Без них до сих пор воли и слава богу, еще проживем.

Это Малцаг уже не слушал: другого, кроме как воевать, он не умеет, по правде, и не признает. И это в прежние времена он не представлял, презирал и не верил в воинов-наемников. Но тогда он защищал свою землю, свой народ, и была у него великая идея, он турпалхо — герой. А здесь, в этих знойных песках, какая может быть идея, если не заработать на жизнь, на семью? А Шадома? Он должен ее найти. А Тамерлан? Он должен ему отомстить. А пока наемник-мамлюк — это лучше, чем пленник-раб. И главное, он в своей стихии, он привык лишь к ратным делам.

И порт Бейрута прибыли на рассвете. Эмир Хаджиб предупредил, чтобы на берег никто не сходил. Сам в сопровождении нескольких мамлюков покинул корабль. Вернулся довольно быстро, вызвал к себе Малцага:

— Информация противоречивая, ждем два-три дня. За это время решиай свои дела.

Оставив женщин и детей на корабле, Сакрел и Малцаг пошли в город. Оказывается, в молодости Сакрел учился медицине в этом городе. После очередного нападения крестоносцев он попал в плен. Как врача его вели в Константинополь, но он угодил в Имир и там провел более тридцати лет в неволе. За это время Бейрут сильно изменился. Город не раз переходил из рук крестоносцев в руки мамлюков. Теперь Сакрел и город не узнает, и никого из родных и знакомых найти не может: кого уже нет, кто, как он, в рабстве сгинул, кто переехал в другие края. В самом городе вроде спокойно, да все боятся смуты. Кругом слух: султана мамлюков убили, в Каире дворцовый переворот. Что будет дальше — никто не знает. Словом, в городе чувствуется волнение и напряженность.

Соснедшим на берег не до политики, их цель — оценить драгоценности. С этой целью они шли на главный пункт любого города Востока — базар, как Сакрел, кого-то узнав, остановился.

— Боже мой! — произнес он. — Все изменилось, даже город, но только не он, — с этими словами доктор бросился навстречу одному старику.

Малцаг не понимал их языка, лишь увидел, как старик пустил слезу, обнял нежно Сакрела и поцеловал в лоб.

Дальше все было как во сне. Старик их привел в свой дом — мрачное, старое каменное здание, во дворе которого черное кожаное охранные.

— Пока мы остановимся здесь, — сообщил Сакрел кавказцу. — Пойдем, приведем детей. — Они уже были на улице, и доктор осматривался, запоминая местность: — Это местный бондарь, ювелир... Ты смотри, даже не изменился.

— Так что ты ему наши вещи не показал? — возмутился Малцаг.

— О! — очнулся доктор, пропал за калиткой, очень долго отсутствовал, а вышел бледный, аж вспотел.

— Ну что? Неужто подделки? — озабочен Малцаг.

— Нет, — вдаль устремлен взгляд доктора. — Говорит, за одну только брошь мы можем полквартала здесь купить.

Свадьбы и никаких торжеств не было. По протекции ювелира, рядом с ним, скорее всего, это был его участок, приобретен небольшой надел с тенистым двориком, напоминающим Имам и два отдельных домика — для семьи Сакрела и молодоженов.

Как наемник, Малцаг каждый вечер обязан отмечаться на корабле. Простояли в Бейруте не два-три дня, а уже две недели, свыклись с миром, уютом, семьей и, все печальней думая о равенстве, Сакрел как-то предложил:

— Давай выкупим тебя, я у ювелира одолжу.

На что Малцаг ничего не ответил, а в душе противоречивая страсть: Седа — почти подросток, и только с ней он может на родном поговорить, и как ее одну, пусть даже под присмотром Сакрела, оставить? Вместе с тем он дал слово служить, за счет этого вольготно живет и потому исправно каждый вечер на корабль ходит. А тут на рассвете за ним мамлюки пришли, ловят, значит следили.

У эмира Хаджиба от беспробудной пьянки мешки под глазами, лицом опух, совсем почернел, угрюм.

— Малцаг, — прохрипел эмир, — случилось самое удивительное, — он отпил из кувшина кумыс. — Для равенства сил у мамлюков

— это традиция — если султан бурджит, то есть кавказец, то его первой визирь бахрит, то есть азиат, тюрок Катмос. Оказывает-ся, Катмосу подлый Тамерлан подослал людей.

— Угу, — простонал Малцаг, услышав и здесь ненавистное имя.

— Что с тобой? — бессочувственно спросил эмир и, видя, что Малцаг молчит, продолжил: — Так вот, Катмос во время охоты убит султана и занял трон. Фарадж из Каира бежал, вокруг него собрались люди, верные его отцу.

— Это только кавказцы? — уже оценивает ситуацию Малцаг.

— Нет, при власти нет этнических привилегий, хотя кавказцы, в отличие от нас, турок, очень поддерживают друг друга... Но сейчас это не в счет, мамлюки разделились по расчету. На днях был под Каиром бой. Фарадж проиграл, бежал... Где моя семья — я не знаю. Сегодня отходим на юг, в Египет, — теперь эмир по подлостью устался на Малцага: — Теперь в твоих услугах мне нужды нет... ты от меня свободен.

— Иначе, — медленно произнес Малцаг, — я должен все вернуть?

— Нет, — твердо сказал мамлюк, — ты это заслужил. А теперь давай что хочешь, — разливая кумыс по усам, эмир сделал несколько глотков, тяжело встал, давая понять, что разговор окончен.

— Однако последние слова мамлюка, а главное, то, что Тамерлан и люди проник, сильно задела чувства Малцага, и он, тронув себя за рукав, спросил:

— А ты что намерен делать?

— Гм, — кашлянул эмир, — у меня выбора нет, буду искать Фараджа.

— А Фарадж? — не отставал кавказец.

— У него тем более выбора нет: либо трон, либо смерть.

— Я иду с тобой, — выпалил кавказец.

Тот день эмир дал Малцагу на прощание с близкими, а вечером их корабль взял курс на юг, на Египет. Видно, Хаджиб кое-что в Байруте предпринял: на борту много новых военных и еще каких-то, по всей видимости, очень богатых и влиятельных людей, и все озабочены, задумчивы, грустны; смена власти — для кого-то надежда, взлет, мечта, а для кого-то банкротство, забве-

ние, гибель... Это жизнь, это закономерный, объективный исторический процесс, движение, которое мы пытаемся подсмотреть, понять, уловить, но оно, как время, неуловимо и потому так многим непонятно, да это нас не остановит, и мы вновь и вновь пытаемся заглянуть назад, чтобы идти вперед...

* * *

Историческая наука гласит: чтобы стало возможно общение между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Это общее возможно при двух условиях: когда люди понимают друг друга и когда нуждаются друг в друге, чувствуют потребность один в другом.

Видимо, исходя из этого, Малцаг, или, как его стали здесь называть, «Красный Малцаг», был принят мамлюками в Египте с распростертыми объятиями, как герой. Ибо почти что все действующее в армии мамлюков воинство попало в местное рабство из разных стран в результате нашествия Тимура, и Тимур был общий враг этих людей, а этому врагу, как и в любой сказке и в любом повествовании, должен противостоять достойный соперник — некий герой-нарт. И этим героем, помимо воли самого Малцага, стал именно он, потому что все знали, а со временем и в далеких краях совсем идеализировали и мифологизировали образ героя, который в неравной схватке на Тереке сумел истребить сотни охранников-варваров и вплотную подошел к самому Повелителю, — оставался один взмах сабли, вроде бы смертельный и решительный, был нанесен, но какие-то дьявольские силы, что по жизни сопровождают Тимура, отвели в сторону богатырский удар, и клинок прошелся справа — по-божески правой стороне захватчика. С тех пор у Тимура правая рука не стибается, так что он, как все неверные, левой рукой кал подмывает, ею же ест, и правая нога стала хромой. И теперь по-персидски он Тимур-ленг, а в Передней Азии и на Ближнем Востоке, где наряду с арабским еще господствует латиница и греческий, он стал называться Тамерлан.

Но миф или сказка на этом не закончились. Наш герой — юный Малцаг — продолжал бороться за свой край и свой народ.

И если варвара-отца злые силы спасли, то его старший сын — старший не ушел от справедливого возмездия: нашел погит от руки героя. Хотя силы и были неравные, Красный Малцаг довел бы варвара, да Тамерлан подлый и коварный, подкупил всяких убудков-инородцев. Те предали родину, народ, Малцага.

Теперь бессильные щупальца Тамерлана достигли и Египта. С помощью своих шпионов, подкупа и посулов Великий эмир сделал брешь в рядах мамлюков, сумел их раздвоить. И вот могущественный черкес султан Баркук убит, к власти пришел тюрк-инородок, вроде родственник Тамерлана. Отныне Сирия, Египет и Палестина фактически могут стать подконтрольными Тамерлану. По крайней мере, если он сюда соизволит прийти, то все города городов ему откроют, истребит он все.

Однако есть в мире и добрые герои, которые огонь, и воду, и медные трубы пройдут, выстоят, злодея в конце концов, как сказано в сказке, накажут. И этот герой — Красный Малцаг. И потому-то история дьявола-Тамерлана помнит и даже как-то чтит, и вот Красный Малцаг в редкой летописи едва упоминает. Вот такова жизнь: убийцам — насильникам-супостатам — памятники, сотни фильмов и книг, а добрый герой — не герой, не оставил он след на земле, на лицах матерей морщин мало продолжил, мало их слезами орошали, всходов памяти не вышло.

Все это в далекой истории. А, как пишут хроники тех времен, Красного Малцага в Египте встретили как героя-избавителя. И нам кажется, что это сейчас информация расходится мгновенно. Так природа и физические законы мироздания и тогда, и сейчас неизменны. И, конечно же, не как сейчас, но и в средние века информация до всего мира доходила очень быстро. Ведь весь мир, как проводами-путепроводами, соединен многобленными караванными путями, по которым постоянно перемещаются люди, грузы, сообщения. И понятно, что материальная составляющая — товар или субъект — долго ходят из конца в конец. А вот такие нематериальные составляющие, как слух, мысль, тем более слово, перемещаются из уст в уста почти что со скоростью звука, то есть более трехсот метров в секунду в воздушной среде. Разумеется, все это утрирование, но все же вести

и в средние века перемещались довольно быстро. И пример тому Малцаг: еще в Египет не прибыл, а его уже ждут как спасителя, ибо он, как известно, хоть и попал в плен, и немислимым пыткам подвергся, вплоть до кастрации, среза ушей и прожигания пяток, и чего только в рабстве не пережил: в море тонув, в бочке с кислотой сидел, по «адовому» вечному кругу ходил, да как подлинный былинный герой все это выдюжил, воскрес, восстал и сходу от пиратов спас. Ну чем не сказочный герой, чем не кумир обиженных, тем более рабов? А людям нужны сказки, нужен добрый герой, нужен избавитель.

Сам Малцаг такого приема вовсе не ожидал. Поначалу даже было растерялся, а потом видит — его не на почетный трон сажают, а к руководству боем зовут, на его геройство, знание и умелость рассчитывают, в случае победы золотые горы с высоты пирамид сулят.

Малцаг и не раздумывал, сходу согласие дал. Враг у них общий — Тамерлан или его ставленник. И дела здесь не совсем плачевные, как он думал. Плачет лишь свергнувший Фарадж. Из другого Фараджа Малцаг и не знал. Этот манерный, изнеженный баловень судьбы и в Грузии плакал, и сейчас говорит, по отцу, а Малцаг знает, что сиди он сейчас на троне, слез бы не было, и его он вряд ли принял бы и даже узнал. А теперь он клянется, что его с Малцагом свела судьба, что он очень одинок и никому не верит, а его окружают эмиры и визири — все сплошные воры и бездари, ибо в ином случае их не выгнали бы из Каира и не проиграли бы они последний бой.

В этом Малцаг с Фараджем согласен. После великих побед над монголами прошло более полторы сотни лет. Ныне идет лето 1399 года, и у мамлюков соперников нет, так, редкие стычки. И живут они прошлыми успехами. И теперь эмиры и начальники свои звания не на поле боя приобрели, а в дворцовых интригах и баталиях. И здесь они не оттого, что верны Фарадду или какой-то идее, а потому что их стойла к казне другие захватили, их дворцы, земли и феллахов другим отдают, посты и должности тоже перепродают. В общем, ничего нового и удивительного в этом историческом процессе нет, все старое как мир... Но Малцаг знает, что если бы переворот в Каире совершил такой гений, как Тамерлан, то он ни на секунду не ра-

стабилизировался и не успокоился бы, пока не уничтожил бы такого престола наследника, как Фарадж, а следом и всех казнокрадов. Вот в чем его сила и могущество. А новый султан мамлюков этим гением и чутьем не обладает, он Фараджа изгнал, армию разбил и теперь, как полноценный султан, думая, укрепляет базу и тыл, занимается перераспределением богатств и назначением на посты.

А в это время по подсказке эмира Хаджиба, свергнутый Фарадж делает единственное назначение: главнокомандующий его войском — эмир Красный Малцаг, и по требованию последнего по этому поводу выдается письменная грамота.

Узнав о назначении, к эмиру Малцагу являются около сотни мамлюков-земляков — воины-горцы из Алании, которые либо лично знакомы с ним, либо воевали в одной армии с ним на Терсе или под Магасом. Из этой сотни горцев Кавказа Малцаг создает личную охрану и поручает каждому привести еще по десять армянских воинов. Так набирается тысяча бойцов — гвардия мамлюков Малцага.

После этого эмир Красный Малцаг назначает своим заместителем горца — эмира Хаджиба, создает группу разведки, засылает ее в Каир и проводит первый смотр местности и войск.

Численность войск Фараджа в три раза меньше, чем у султана Катмоса — двенадцать тысяч. Из них десять тысяч — конница. По виду и дисциплине это не регулярные войска, а скорее, набитыши-абреки, среди которых витает пораженческий дух, нет единства, цели, огонька в глазах. Вместе с тем, есть весьма существенные позиционные плюсы. Отступая из Каира, Фарадж убежал в сторону Палестины, занял провинцию Танис, так этот проход на Синайский полуостров оказался под его контролем, и помощи по суше, допустим, от Тамерлана, новый султан получить не сможет. А вот Малцаг просит у Фараджа нанять пять тысяч конницы у сирийцев и армян и пять тысяч пехоты у ассирийцев.

— У меня нет средств, — плачет Фарадж.

— А те, что мы привезли, — напоминает командующий.

— Так это последний резерв, — восклицает опальный султан.

— В могилу не заберешь, — едок тон Малцага, — а путь к трону и не этого стоит.

Ища поддержки, Фарадж глянул на родственника, эмира Каджиба. Тот просто развел руками, мол, иного пути нет. Эти приобретения воодушевляют Малцага, и помимо этого главного мандующий оценивает достоинства армии мамлюков. Во-первых, это кони, они быстры, легки, выносливы и, в отличие от низкорослых азиатских, очень грациозны и красивы. Во-вторых, на вооружении мамлюков много арбалетов — это оружие пехотинцев. Его тяжело перезаряжать, зато дальность полета и пробойная сила впечатляют. И, наконец, третье, то, о чем Малцаг даже не слышал: мамлюки переняли у арабов срочную связь — голубиную почту.

После первого смотра войск эмир Малцаг отдал два приказа: в двухдневный срок навести порядок и дисциплину в войсках, а также выкопать яму для преступников — зиндан. Через две недели мало что изменилось и тогда, к удивлению Фараджа, тридцать высших чинов были арестованы и помещены в яму. На их должности в тот же час произведены новые назначения и не просто так, а как в армии Тамерлана, чтобы постоянно держать командира между страхом и надеждой, он назначил каждому преемника.

Пока Красный Малцаг занимался кадровой чисткой, поступило донесение, что арестованные эмиры освобождены и находятся на приеме у Фараджа. Как и следовало, главнокомандующий первым делом поскакал к зиндану и, увидев пустую яму, не стал даже слушать оправдание начальника тюрьмы — своего близкого земляка. На глазах у всех разрубил его на две части, и пока все стояли, остолбенев от случившегося, Малцаг отдал новый шокирующий приказ своей гвардии — окружить лагерь Фараджа.

Лагерь Фараджа устроен по всем правилам фортификации находится в пустыне на высоком холме и там охраны более тысячи человек. Но это не охрана Тамерлана, и у Малцага выбора нет, не хочет и не может быть игрушкой в руках мамлюков. Ему как и Фараджу, нужна победа, а малочисленная армия сможет победить лишь при условии железной дисциплины. И когда он окружил лагерь, это была не просто угроза. Он занял позиции с юга, с наветренной стороны. И хотя еще только вечерело, были зажжены факелы и в любую минуту на войлочные шатры по-

и отогнанные стрелы, и он уже думает захватить власть, если не будут помыкать. А для начала он послал своего воина и не просто так, с жестким ультиматумом — выдать арестованных в плен или он, как главнокомандующий, исполнит свой долг.

Уже совсем стемнело, когда в окружении факелов к Малцагу приближался эмир Хаджиб. Под неровным светом на его лице играли зрачные тени.

— Эмир Малцаг, что значит «исполнить свой долг»? — видно, что он еле сдерживает гнев.

— Это значит, — внешне невозмутим Малцаг, — что я, как главнокомандующий, очищу окружение сына султана Баркука от трусов и дезертиров, что проиграли накануне бой под Каиром.

— А если мы проиграем? — чуть мягче тон.

— Хм, — ухмыльнулся Малцаг, конь под ним нетерпелив, все переставляет копытами. — Если бы ты не сказал «мы», то, — тут он сделал многозначительную паузу, резво дернул узду, — веди ко мне этих подонков.

В это время с юга, с бескрайней знойной пустоши, подул резкой ночной ветер, принеся с собой песчаную пыль. Заколыхались отны факелов. Совсем не стало видно лица Хаджиба, лишь слышался его грубый голос с треском песка на зубах:

— Что ты намерен с эмирами сделать?

— Побег из тюрьмы — казнить, — сух голос Малцага.

— В твоей башке не осталось разума. Ты хочешь ее лишиться?

— Хх-ха-ха, — действительно, как сумасшедший засмеялся Малцаг. Слегка прищпорив коня, он вплотную приблизился к эмиру Хаджибу, отчего тот едва не спасовал, хотел было дернуть коня, да главнокомандующий резко перехватил узду его коня, дернул к себе и под свист нарастающего ветра злобно прошипел: — По моей башке и Тамерлан грезил. Как видишь, пока не случилось. А вот ты, эмир Хаджиб, разума точно лишился, ибо ты, мой первый помощник, стал поперек меня. И как ты думаешь повести армию, превосходящую нас в три раза, без должной дисциплины? Ты видел этих эмиров? Они саблю держать позабыли, от них пахнет благовоний, как от салонных баб, как от твоего Фаджаля... И ты думаешь с ними победить? Как спасти себя, семью? Что ты молчишь? Говори!

Ища поддержки, Фарадж глянул на родственника, эмира Хаджиба. Тот просто развел руками, мол, иного пути нет. Эти приобретения воодушевляют Малцага, и помимо этого главного мандующий оценивает достоинства армии мамлюков. Во-первых, это кони, они быстры, легки, выносливы и, в отличие от низкорослых азиатских, очень грациозны и красивы. Во-вторых, на вооружении мамлюков много арбалетов — это оружие пехотинцев. Его тяжело перезаряжать, зато дальность полета и пробойная сила впечатляют. И, наконец, третье, то, о чем Малцаг даже не слышал: мамлюки переняли у арабов срочную связь — голубиную почту.

После первого смотра войск эмир Малцаг отдал два приказа: в двухдневный срок навести порядок и дисциплину в войсках, а также выкопать яму для преступников — зиндан. Через две недели мало что изменилось и тогда, к удивлению всех, тридцать высших чинов были арестованы и помещены в яму. На их должности в тот же час произведены новые назначения и не просто так, а как в армии Тамерлана, чтобы постоянно держать командира между страхом и надеждой, он назначил каждому преемника.

Пока Красный Малцаг занимался кадровой чисткой, поступило донесение, что арестованные эмиры освобождены и направляются на приеме у Фараджа. Как и следовало, главнокомандующий первым делом поскакал к зиндану и, увидев пустую яму, не стал даже слушать оправдание начальника тюрьмы — своего близкого земляка. На глазах у всех разрубил его на две части, и пока все стояли, остолбенев от случившегося, Малцаг отдал новый шокирующий приказ своей гвардии — окружить лагерь Фараджа.

Лагерь Фараджа устроен по всем правилам фортификации находится в пустыне на высоком холме и там охраны более тысячи человек. Но это не охрана Тамерлана, и у Малцага выбора нет, не хочет и не может быть игрушкой в руках мамлюков. Ему как и Фараджу, нужна победа, а малочисленная армия сможет победить лишь при условии железной дисциплины. И когда он окружил лагерь, это была не просто угроза. Он занял позиции с юга, с наветренной стороны. И хотя еще только вечерело, были зажжены факелы и в любую минуту на войлочные шатры по-

свои опустившие стрелы, и он уже думает захватить власть, если не будут помыкать. А для начала он послал своего воина и не просто так, с жестким ультиматумом — выдать арестованных Везиром либо он, как главнокомандующий, исполнит свой долг.

Уже совсем стемнело, когда в окружении факелов к Малцагу приближался эмир Хаджиб. Под неровным светом на его лице играли мрачные тени.

— Эмир Малцаг, что значит «исполнить свой долг»? — видно, что он еле сдерживает гнев.

— Это значит, — внешне невозмутим Малцаг, — что я, как главнокомандующий, очищу окружение сына султана Баркука от трусов и дезертиров, что проиграли накануне бой под Каиром.

— А если мы проиграем? — чуть мягче тон.

— Хм, — ухмыльнулся Малцаг, конь под ним нетерпелив, все переставляет копытами. — Если бы ты не сказал «мы», то, — тут он сделал многозначительную паузу, резво дернул узду, — веди ко мне этих подонков.

И это время с юга, с бескрайней знойной пустоши, подул резкой порывной ветер, принеся с собой песчаную пыль. Заколыхало в огни факелов. Совсем не стало видно лица Хаджиба, лишь все усилился его грубый голос с треском песка на зубах:

— Что ты намерен с эмирами сделать?

— Побег из тюрьмы — казнить, — сух голос Малцага.

— В твоей башке не осталось разума. Ты хочешь ее лишиться?

— Ха-ха-ха, — действительно, как сумасшедший засмеялся Малцаг. Слегка прищпорив коня, он вплотную приблизился к эмиру Хаджибу, отчего тот едва не спасовал, хотел было дернуть коня, да главнокомандующий резко перехватил узду его коня, дернул к себе и под свист нарастающего ветра злобно прошипел: — По моей башке и Тамерлан грезил. Как видишь, пока не случилось. А вот ты, эмир Хаджиб, разума точно лишился, ибо ты, мой верный помощник, стал поперек меня. И как ты думаешь повести армию, превосходящую нас в три раза, без должной дисциплины? Ты видел этих эмиров? Они саблю держать позабыли, не так поны благовоняют, как от салонных баб, как от твоего Фаруха. И ты думаешь с ними победить? Как спасти себя, эмир? Что ты молчишь? Говори!

Грузный эмир Хаджиб неуклюже спешился, ударом ладони отогнал своего коня, прильнул щекой к голенищу Малцага.

— Ты прав. Только прошу, Фараджа не трогай — символ, — он снизу пытался разглядеть выражение лица кавказца. Ничего не разглядев, сказал: — Что мне делать, мой командир?

В ту же ночь отпущенные из зиндана эмиры были выданы Малцагу. Сам Малцаг был на приеме у Фараджа, где, преклонив голову, поклялся в верности. А Фарадж был изрядно пьян, грозился отомстить за отца, напутствовал на скорый бой Малцага. При этом приказал эмиру Хаджибу не спускать глаз с главнокомандующего, а самого главнокомандующего — быть более добрым с подчиненными эмирами, ибо они служили его отцу, а память священна. Посему изворотливый ум Фараджа надумал поистине царское действие. На следующий день по призыву Красного Малцага тридцать эмиров поведут перед войсками на казнь, и в последний момент проявится благосклонность султана — всех помилуют.

— И что с ними будет? — Малцаг задал вопрос своему полководцу Хаджибу, когда они на рассвете покидали лагерь Фараджа. На что тюрк погрузстнел, не знал, что сказать. Тогда командир продолжил: — Либо они вновь займут высокие посты, либо убегут в Каир... И то, и другое — вред Фараджу, а я клятву верности дал.

В то же утро все эмиры были изрублены, закопаны в той же яме, а рядом был вырыт новый зиндан. В армии воцарилась суровая дисциплина. Не целый день, а почти что круглые сутки Красный Малцаг вымостровывал свои войска. Он боялся лишь одного — скорого выдвижения противника из Каира. Его разведка докладывала обо всем, что в столице. Сам он обследовал всю прилегающую местность. Принимать бой в открытом поле с численно превосходящим противником — верная гибель. Поэтому Малцаг, как только узнал, что в Каире готовятся к походу против него, сам с опережением выдвинулся к столице, заняв удобную, холмистую местность на западе города. Это были основные силы, которые должны были выманить врага из Каира. А еще один отряд (всего — тысяча) во главе с эмиром Хаджибом скрытно переместился на юг. С помощью голубиной почты этот отряд в решающий момент должен был спуститься по Нилу, по-

двинуться в город с другой стороны и внезапно захватить центр столицы и дворец султана.

А новый султан посчитал выдвижение войск Фараджа юношеской шаловливостью. Без особой разведки, как на параде, из Каира двинулась разнаряженная мамлюкская конница. В стане Красного Малцага забили барабаны, загремели трубы, поскакали гонцы, залетали голуби — это не шумовой фон и декорация, это четкие выверенные команды. Это был не бой, а короткая стычка. Конница, а пехоты у мамлюков нет, как в колючую стену, ударилась о походный строй пехоты, понесла потери, быстро ретировалась. А Малцаг, воспользовавшись этим, еще ближе придвинул войска к городу, не давая неприятелю особого пространства для маневра.

Это сражение, как показательное, описано в истории мировых войн... Видимо, в Каире поняли, что перед ними достойный соперник. Знали, что войска Фараджа почти что в два раза в численности уступают. Поэтому день-два войска султана Катмоса вели рекогносцировку на местности, а потом всей мощью двинулись вперед.

Как и прежде, по примеру Тамерлана, Малцаг выдвинул на встречу мощную пехоту. По его замыслу она должна была выдержать первый натиск, а потом, увлекая противника, отойти на юго-запад, в сторону принильских топей, и там обратиться в ложное бегство, чтобы заманить в болото конницу врага. Этот маневр разгадали, и над пехотой нависла угроза окружения. Малцаг дал команду отходить. Как бывает во время отхода, среди пехоты началась паника, бегство. Командующий направил туда свою личную гвардию. Беглецов стали безжалостно уничтожать. Тогда пехота пришла в себя и в строгом порядке стала отходить. Но инициатива упущена, и этот день Малцаг проиграл. Только строгая дисциплина и наступившая ночь спасли его от разгрома. Однако Малцаг не унывал. Этот день многое прояснил, и всю последующую ночь он вел передислокацию войск. У него был еще один вариант. И вновь против многотысячной конницы должна стать пехота, и здесь вновь расчет на природный фактор.

На следующий день атака на пехоту возобновилась. Под напором превосходящих сил конницы пехота Малцага стала отсту-

пять в узкую низину меж возвышенностями. По сигналу пехота расступилась. Конница, увидев брешь, бросилась вперед, там располагался стан Малцага вместе с флагом. В ограниченном пространстве межгорья многочисленной коннице стало тесно и тут, по примеру Тамерлана, заготовка Малцага: выдвинутые телеги, сцепленные цепями, на них высокие деревянные щиты, за которыми арбалетчики и стрелки, и бешеный барабанный бой, так что лошади испугались. Началась такая давка, лавина во лавиной, мясорубка.

В это время Малцаг стоял на возвышенности и ликовал. Еще утром он планировал, что в случае неудачи сам пойдет в атаку и найдет смерть. Теперь он просто рвался в бой, еле сдерживал азарт, но надо было руководить. И тут сообщение — голубь от эмира Хаджиба. Их замысел разгадали, операция провалилась, они отступают.

Это Малцага ничуть не расстроило. Главная арена действий — здесь. Его помощники настаивают, что пора задействовать конницу, фланги. Но нет, сейчас фланги противника должны пойти на помощь центру, как в котловину их низина межгорья засосет. Вот тогда, когда все уже фактически было предопределено, Малцаг двинул вперед свои фланги и весь резерв.

Вместе с остатками отступающих армия Малцага ворвалась в Каир. В городе были отдельные стычки, центр и замок султана сходу взяты. К вечеру узнали, что Катмос с большим отрядом охраны бежал на север, в сторону Средиземного моря. Вновь вспомнив уроки Тамерлана, Малцаг лично взялся за преследование. В ту же ночь в низовье Нила, у самого берега, беглецов постигли, те сдались в плен. Выяснилось, что султан во время отступления утопился, вслед за ним отправили и его бойцов.

Малцаг думал, что его будут встречать в Каире как триумфатора, а его никто и не вспомнил. В городе хаос, паника, следы погромов, кое-где пожар. Он очень устал, хотел спать, но понимал, что сейчас самый важный момент, поскакал в замок султана, прямо в тронный зал. А здесь толпа людей: визири, духовные лица, богатые люди страны.

— Ваше Величество, — выдвинулся навстречу Малцагу старик с убеленной бородой, — трон пустует, в городе и стране без порядок. Ваши грабят все, говорят...

И слышите, — оборвал старца Малцаг. Вот этот урок Тамерлану он никак не признает. — Армию в казармы и на охрану. Запрещено погромов наказать. До вечера навести в городе полный порядок, взять все объекты под контроль.

Эмир Красный Малцаг, — исправился старик. — Дело в том, что особо усердствуют в погромах твои мамлюки.

Что?! — закричал Малцаг. — Самых рьяных десятерых на центральной площади повесить! Бегом, исполнять приказ!

И этот момент он почувствовал такую усталость, что едва мог встать на ногах. По велению Красного Малцага его тотчас провели в соседнюю опочивальню дворца.

К нашим услугам гарем султана, — суетился рядом евнух Аврелий, увидев гримасу на лице главнокомандующего, он следом продолжил: — Может, доставить из «Сказки Востока»?

Что? — крайне удивился Красный Малцаг. — И в Каире есть «Сказка Востока»?

По всех крупных городах, — услужливо склонился евнух.

Оставь меня, через три часа разбудить.

Он мечтал о постели, думал, крепко заснет. Однако «Сказка Востока» заставила вспомнить своих женщин — Шадому и Седу. От этого, а может и от общего перевозбуждения, он долго не мог заснуть, ворочался и, казалось, только заснул, как его стали будить.

Малцаг, — это был его адъютант, молодой парнишка-нах, и говорил он на родном, — прибыли люди от Фараджа...

От султана Фараджа, — поправил Малцаг.

Да, — по-восточному этикету склонился юноша.

Нечего тебе кланяться, ты горец, кавказец, нах! — вновь перебил помощника Малцаг и спросонья, протирая лицо — Продолжай.

Султан Фарадж просит тебя и эмира Хаджиба выехать ему навстречу.

Кстати, что с Хаджибом?

Эмир Хаджиб был пленен и сейчас сидит в дворцовой тюрьме.

— Веди его сюда, — приказал Малцаг.

— Невозможно. Местная стража допускает в эту тюрьму лишь султана. Таков здешний закон.

— Хм, — усмехнулся главнокомандующий. — Что ж, придется на время стать султаном.

Сначала Малцагу просто любопытно было посмотреть торжеству. Но когда при свете факелов его повели по узким сырым и скользким лабиринтам дворцового подземелья, ему вспомнились свои страдания, и, словно боясь здесь остаться, он заторопился. Вот, до боли в зубах заскрежетали проржавевшие засовы, с мерным скрипом открылась тяжелая дверь. В этом непроветриваемом помещении смрад, удушливый воздух, точнее, дышать невозможно, и даже факелы еле разжигают этот мрак.

— Малцаг! — вдруг зазвенела цепь, он попал в объятия. — Ты победил! Победил! — Лишь по голосу он узнал эмира Хаджиба. — Спаси меня, выпусти, прошу тебя, Малцаг, — от силы это два Хаджиба здесь, но уже провонялся этой помойной вонью.

— Мы победили, — помягче попытался сказать Малцаг. — Освободить, — приказ главнокомандующего, и он уже заторопился уходить, как у другого помещения раздался крик.

— Помогите, спасите, не оставляйте меня! Лучше сразу убейте. Ради бога, прошу вас!

— Кто это? — встал Малцаг, этот высокий голос почему-то тоже всколыхнул память, тоже причинил боль.

— Купец Бочек, — был ответ, от которого Малцаг резко дернулся, словно пятки ему вновь прожгли.

Почему-то он прикрыл ладонью рот, будто боялся закричать. Так стоял в некой задумчивости очень долго, а из-за глухих дверей душераздирающий вопль, стон, мольба. Малцаг лишь кинулся. Эта дверь еще ржавая, как пилой по зубам, и вслед за ней удушливая вонь, что даже охрана Малцага сморщилась, прикрыв носы, отпрянула, и лишь когда главнокомандующий упрямо двинулся в этот смрадный мрак, вслед за ним проникли огни факелов.

— Спаси, прости, пощади, — по каменному полу гулко зазвенела цепь, смертельная хватка обвила ноги Малцага. Эта тень, умоляя, беспрестанно целовала сапоги. — Спаси, выпусти, все что угодно отдам, все! Нищим буду жить! Все отдам, вы-пусти! Пощади, мой султан, либо сейчас же убей!

— Ха-ха, — как-то неестественно начал смеяться Малцаг; поперхнулся, стал сухо кашлять, потом молчал и, наконец, словно

своим голосом, выдал: — Что, купец Бочек, каков ад на земле? Им, а что тебя ждет под землей? Ты представляешь?

— У-у! — застонал узник, еще громче зарыдал.

— Вставай, — приказал Малцаг. Видя, что целование сапог не прекращается, он злобно пнул. — Вставай, я сказал.

Защелкала истошно цепь, купец Бочек встал, только на коленях, и в ядовито-мерцающих огнях пытался заглянуть в лицо посетителя.

— Ты не узнаешь меня? — вот теперь у Малцага прорезался свой голос.

— Узнаю, узнаю, — сквозь непрерывные всхлипы прошептал узник, — голос уж очень знаком... Но я, я не могу вспомнить тебя... Кто ты? Кто ты? — он попятился, упал, задрожал. — Ты ангел или дьявол? Кто ты? Смилуйся, прости! Я так помогал бедным. Я сам бедняк, раб, из нищеты вылез. Всю жизнь в трудах.

— Небось, праведных, — не скрытая ирония.

— О-о, прости, прости! Все было, было, каюсь, виноват. Но я...

— Молчи, — прошипел Малцаг. — Ты что, не узнаешь меня? А я все помню и тебе напомню, — он начал склоняться. В это время факел дрогнул, зловещая тень поплыла под потолком, так что Бочек в крайнем испуге упал, а Малцаг вслед за ним сел на корточки, его рыжие волосы уже прилично отросли, он зачесал шломы. — А теперь, узнаешь?

— Боже! Малцаг! Мой любимый мальчик! — глаза Бочека беснували, он рванулся вперед. — Спаси, спаси, дорогой.

Выдвинув вперед руку, мамлюк не дал купцу приблизиться.

— Ты, любитель задниц, от тебя всегда воняло, а сейчас тошнит.

— Прости, прости, спаси.

— За то, что ты пятки прожог?

— А-а! — простонал узник, обхватил голову, рухнул, всем телом задрожал.

— Освободить, — пнул толстое тело Малцаг и, уже поднимаясь по лестнице: — Обоих привести в порядок и ко мне.

Наверху, в покоях султана, где стоял опьяняющий аромат благовоний и приятная прохлада, Малцаг хотел отдышаться, прийти в себя, отдохнуть, но, видя кругом многочисленную ох-

рану, прислугу, он понял, как нелегко быть султаном. А если в следом почувствовал от своего роскошного халата вонь подмышками, он представил, на скольких костях находится это старое массивное здание, из которого и выбраться без проводника невозможно, и та слабенькая искра — жажда власти — вмиг угасла. Ни за что и никогда он не хотел бы быть султаном, быть в этой жаркой и пустынной стране. Он захотел в пестрый, умеренный родной Кавказ, страшно затосковал по своим женщинам и почему-то больше по Шадоме. Ему казалось, что она зовет его, что ей тяжело. В тот же миг он рванулся бы в путь, на север. Но он не свободен, он ведь пока за султана, а это так тяжело, невыносимо: на него все глядят, его зовут, в рот смотрят, лебезят, перед ним трепещут. И по взглядам окружающих он видит, что от него все что угодно ожидают, ведь власть и сила пока что полностью в его руках. Не дай бог! Оказывается, султан — совсем не свобода, это бремя на плечах, и покамест Малцаг должен его нести. И он в управлении слаб, но усвоил по жизни одно: личности, семье, обществу, стране — нужен приказ, чтобы жить.

Он стремительно вошел в тронный зал. Толпа важных людей все склонилась в подобострастном молчании.

— Скоро, — как перед армейским строем закричал Малцаг, — прибудет его величество султан Фарадж. А пока вы все, как положено, исполняйте свои обязанности. И никаких поминаний — это приказ! — жестом он указал всем на выход.

Когда эмир Красный Малцаг остался один, он, как на поле боя, напряженно огляделся вокруг, вслушался; обладая острым нюхом, несколько раз глубоко вздохнул, и до того противный аромат, словно пыльца ядовитой амброзии, стал чихать. А приди в себя после этих кратких, резких мук, он явственно уловил этот вечный, величавый, мерзкий дух власти. Тронный зал султана Египта — это не блестящий временный шатер табунщика Тамарлана, это тысячелетняя, занимательная, противоречивая и удивительная история человеческой цивилизации, где сменялось все, было все и есть все, кроме искренности, простоты и мира. Быть султаном, фараоном или царем на земле — тяжелое бремя, зачастую грех, и порой не принимают небеса такого, и витает этот грешный дух над землей, словно некое историческое предостережение... Вот и помнят только о них, а не о тех простых, до

многих людей, коих, к счастью, абсолютное большинство. А сам Малцаг помнит изречение, что правитель — от Бога, хотя в действительности многие из правителей далеки от Него. Ведь в этом мире, куда входят, преклоняясь, где только лесть, гримаса, лицемерие и фальшь, не может быть ничего святого, кроме как алчности, похоти и злорадства.

С утайкой, искоса и вскользь поглядывал Малцаг не раз на великолепный золотой трон. И хотелось сесть, навсегда сесть на это высокое, важное, завораживающе красивое возвышение, но какое-то внутреннее чутье сдерживало его от поступка. Чисто инстинктивно он представлял, что этот трон — настоящий позор, место для казни, где выносят приговор не только другим, но в конце концов и себе.

Наразмыслив, Малцаг еще раз посмотрел на этот вечный трон с некоторой надменностью, даже с иронией. И не как прежде посещать, а из любопытства захотелось ему попробовать это жуткое место. Вбежал он по ступенькам, сел. Боже! Как нелегко! Снизу что-то подпирает — видимо, для того, чтобы выше вздымая; спину давит — дабы грацию и стать держать, а подлокотники из слоновой кости противно гладки — это цари за свой трон до потливости в руках навечно пытались ухватиться и никогда к себе не подпускали, кроме как лизоблюдов, которые до блеска полировали золотые ступени. И как все это высоко, что даже зоркий глаз Малцага еле различает замысловатые узоры на красном ковре. Да это не сказка, это быль, ибо в сказке конец счастливейший, а в жизни иной. И ничего в этом странного нет, странно в этом мире только то, что новый человек родился, а то, что кто-то умер — это ожидаемый удел, и всех это ждет, но не все об этом помнят... А взгляд Малцага уперся в ковер, отуманился, и кажется ему, что неспроста узоры на ковре. В них этот затаенный божественный посыл, чтобы султан не забылся, помнил и триумфом, но как это помнить и читать, если постоянно на самых важных узловых местах ковра кто-то постоянно стоит на коленях... Как сейчас. Малцаг протер глаза, вскочил:

— Хаджиб, мой брат Хаджиб, как ты смеешь так пасть?

— Здесь все, кроме единого, так обязаны стоять.

— Ну, только не передо мной, — звонок и чист голос Малцага, он уже стремительно шел к мамлюку, с желанием по-воински

обнять, как резко остановился. — Пстой, — поднял он руки, — они от трона грязны. Воды! — как хозяин крикнул он, и лишь обмыв руки, крепко обнял тюрка. — Как я рад, как я рад тебя живым видеть! Как ты в плен попал?

— Малцаг, среди нас был предатель. Меня ждали, попал в западню, — тут он пустил слезу. — Смерти я не боюсь, мы победили, но то, откуда ты меня вытащил, — ад! Ты спас нас всех, и я думаю, — тут Хаджиб замолчал, опустил взгляд, но Малцаг все это не нял.

— Ха-ха-ха! — залился он искренним смехом. — Ты думаешь, я на трон зарюсь? Никогда. Я не для этого рожден. Я жажду свободы, — он заходил по узорам ковра, ему казалось, что он все видит, все понимает, и, словно читая по этим знакам, он медленно, буквально по слогам выдал: — Если султан Фарадж даст мне какую-либо воинскую должность, то я буду счастлив и спокоен. У меня теперь тоже семья.

Хаджиб на это ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул. А Малцаг, считая это дело решенным, продолжал:

— Теперь нам следует выехать навстречу султану и торжественно возвести его на этот трон.

— Нет, Малцаг, — ожил Хаджиб. — Ты не знаешь дворцовый интриг и коварств, этот трон подолгу пустовать не может, кто-то должен на нем восседать. Я поеду навстречу Фараджу, а ты оставайся здесь, там будет видно, кто здесь султан.

— Ты это брось, — до боли сжал Малцаг руку Хаджиба, — а клятву дал, а ты встречай султана Фараджа.

Как только эмир Хаджиб ушел, Малцагу доложили, что на приезде рвется много военных людей, в том числе и духовные лидеры.

— Передай всем, — сказал Малцаг, — скоро прибудет султан. А пока приведите Бочека.

Вот этого коленапреклонения Малцаг жаждал всей душой. И он прилично продержал купца, пока сам к нему не подошел, слегка помог встать, при этом фамильярно потрогал оплывший бока.

— А ты не очень-то и похудел, — съязвил кавказец, — видать рано я тебя из подземелья достал, — он ушипнул его в неприличное место. — Ну что, рассказывай, ты-то как угодил в немилость? Вроде всех правителей подкупил.

— В том-то и дело, — тяжело дыша, встал Бочек, боязливо, испуганно поглядывая на кавказца, — всем помогаю, это дело богатых людей. Вот и Фараджу помог, за это чуть... — он выдохнул, тень пробежала по его обвислому, блеклому лицу. — Спасибо, Малцаг, вовек не забуду. Прости меня.

— Постой, постой, — оборвал его причитания эмир. — С какой стати ты Фараджу помогал? Ведь, как я знаю, ты новую власть сюда поддержать приехал?

— Власть и политика меня не интересуют.

— Тогда что? — изменился тон эмира, стал сух и тверд. — Говори, как есть. Соврешь, обратно упрячу... ты знаешь, я этого хочу, ты заслужил. Говори.

— Скажу, — совсем обмяк купец. На его размер халат не налез, и обтяжку, так что все выпирает, свисает огромный живот. — Тамерлан послал, к обоим.

— Чтобы перегрызлись и ослабли? — додумывает Малцаг.

— Наверное, — тих голос купца.

— Так, получается, что Тамерлан не тот правитель, которого ты можешь купить, а, наоборот, он тебя подкупает.

— Тамерлан баснословно богат. А после Индии весь мир купит, — когда речь зашла о деньгах, глаза купца заметно оживились. — Ты слышал об алмазе махараджей? Теперь «Рубин Тимура» он этот камень назвал... Я видел — чудо, с мой кулак.

— Меня это «чудо» не интересует, — грубо перебил Малцаг. — И этот подонок еще свое получит... впрочем, вначале я рассчитаюсь с тобой, хе-хе, — вновь ухмылка на его лице. — Ты свои пятки помнишь? Показать?

— Мстить собрался? Мсти! — некие нотки вызова в тоне Малцага. — Но вначале, будь добр, как бывший раб, выслушай раба, — тяжело ему стало говорить, видно, ком горечи подкасал к горлу, увлажнились глаза. — Вот в таком возрасте, — он опрощая рукой у колен, — на моих глазах варвары вырезали всю дрянь, и я попал в рабство. С тех пор не то что в пятки, а во все швырки моего тела каждый день совали мерзкую мужскую дрянь. Я вынес, выглотал, вылизал путь к своему богатству. Ты же знаешь, что я пережил, но дрянью я не стал, и пример тому хотя бы один: я и ты знаем, что твой земляк Молла Несарт упрямил главного внука Тамерлана не кастрировать тебя вопре-

ки указу. Я эту тайну сохранил и буду хранить, потому что знаю, что такое рабство, тем более кастрат, — он уже уверенно держится, смотрит прямо в глаза Малцага. — А говорю так, потому что знаю, ты благородных кровей, а иначе сидел бы там вон там, — он кивком указал на трон и, чуть погодя, добавил: — Вообще-то ты прав — гиблое место, и не лезь — эшафот из костей.

Бочек еще о чем-то говорил, но Малцаг его уже не слушал, он мысленно куда-то улетел, оказывается, в свое прошлое, и об этом вопрос:

— Молла Несарт меня не раз спасал... А где он сейчас?

— На юге Кавказа, в Тебризе, Там правит сын Тамерлана предок Мираншах. А Молла при нем важный чин, а больше какой-то обсерваторией занимается, все на небе счастье выскипает, раз на земле нет, — вдруг он резко спросил: — Ты меня отпустишь?

— Отпущу, — погрустнел почему-то Малцаг, — только один вопрос, — он заходил по ковру, как бы обходя знаки, встал, в упор глянул на купца. — Ты столько насилия сам пережил, а на этом же разврате империю возвел?

— Малцаг, все как раз наоборот, — у Бочек явно улучшилось настроение. — Понимаешь, даже первый пророк имел пороков, а что говорить о простых смертных. Разврат, как и рабство, был, есть и будет. Нам это не изменить! Да в том-то и дело, что я сумел всю эту человеческую неизбежность вытащить из грязи, болезни, насилия и поместить в красоту, чистоту, гигиену, с мушкетерской и искусством. Я во всех крупных городах создал «Сказку Востока», зарабатываю много. И, конечно же, это в целом — грех, но ты пойми, это лучше, чем то, что было. У меня врачи, питание, охрана и старость в почете, чем не забота? Чем я плох, в чем виноват? Так в моей империи нет прямого насилия, нет чумы, нет голода, и все зарабатывают на жизнь, а не на смерть. Разве это не «Сказка Востока»? — ожидая ответа, он внимательно всмотрелся в Малцага, тот явно где-то витал, шептал в никуда, а Бочек тронул его и повторил: — Разве плохо в «Сказке Востока»?

Тут Малцаг едва вернулся в реальность и тихо спросил:

— Ты Шадому знал?

— Шадому?! — встрепенулся Бочек. — А откуда ты ее знаешь? — и, не дожидаясь ответа: — Я на свете много повидал, но таких, как Шадома, не встречал. Что-то в ней колдовское было: то вмиг расцветет, как цветок, то тотчас увянет, как старуха, то шла в ней и прыть, то как дышленок больной... А в целом, красивая, умная, несчастная была девушка... Скажу честно, я ею откупился от шпиона Тамерлана — некоего Сабука, он ее увез, а более я ничего не знаю.

— Можешь узнать?

— Я постараюсь, так ты меня освобождаешь?

— Я тебя давно освободил.

Купец Бочек засеменил к выходу, вдруг встал, задумался, вернулся.

— Малцаг, скажу правду, в этом зале таких откровенных, равных и свободных речей никогда не велось и впредь не будет. Спасибо, — он вежливо и галантно поклонился, но не ушел. — Я тебе в отцы, а может, и в деды гожусь. Послушай меня. Во время смуты власти в первую очередь страдают такие как я — богатые, и такие как ты — лидеры, — он отвел Малцага в центр зала и шепотом, сдвигаясь: — Я знал отца Фараджа. Султан Баркук — прирожденный кавказец, как ты смелый и порядочный был. А вот его сынок, здесь рожден, от какой-то одалиски, и сын такой же. Хе-хе, — он невольно прыснул смехом. — Как ты меня давеча обозвал — «любитель задниц»? Так это больше про него. В «Сказке Востока» пропадает... Такому султану такой кумир, как ты, не нужен.

— Я разберусь, — вроде спокоен Малцаг. Он страшно устал и всем видом показывает, что встреча окончена. Но купец все стоит, мнетя на месте. — Что еще? — не выдержал Малцаг.

— Раз сделал дело, делай до конца — боюсь. Отвези до «Сказки Востока», заодно там расслабишься, отдохнешь.

Малцаг и не знал, что в этом здании столько тайных ходов. Поплутав по узким сырým коридорам и лестницам, их вывели за пределы замка, здесь закрытый экипаж под охраной гвардейцев. Они мчались по городу. Малцаг ничего не знал, кругом темно, все незнакомо. И вдруг — что это? Измир?! Нет, еще краше, еще блистательней, и целых три фонтана. Вмиг забыл он о том, сколько под землей рабов все это крутят, приводят в движение. Он рвался вовнутрь, будто там Шадома. А внутри тот же запах, та

же роскошь, рай на земле и разнаряженные люди, словом, точно, «Сказка Востока».

После столь напряженного периода эйфория всеобщего празднества была настолько заразительна и желанна, что Малцаг опьяненный не столько вином, сколько атмосферой веселья и бесшабашного кутежа, сам бросился танцевать в круг молодых девушек. Мелодия зажигала, ритм учащался, и в такт им все в большем азарте гарцевал Малцаг. Вряд ли кто смог бы ему помешать, да слуга «Сказки Востока» был весьма деликатен.

— Ваше Высочество, эмир Красный Малцаг, вас просит к себе купец Бочек.

Как и во дворце султана, в «Сказке Востока» замысловатые лабиринты: то вверх по лестнице, то круто вниз. Интуитивно Малцаг понимает, что они уже в подземных помещениях, но никакого мрака, даже намека на сырость: светло, прохладно, везде ковры. А купец Бочек, теперь роскошно одет, и, видно, по-походному:

— Эмир Малцаг, благодарю за все, — теперь он важен, спокоен, но не надменен. — Ха, как бы ты меня не обзывал, отныне мы друзья. Мой совет — здесь тебе не жить; в одной руке два арбуза не умещаются... И еще, этим владеют только двое, ты — третий. У меня в одиннадцати городах — от Венеции и Константинополя до Самарканда и Дели заведения с таким же названием, в каждом из них есть главный конюх, скажи пароль: «Сказка Востока» — «быль», тебе будет оказана всевозможная помощь... И последнее, тебе лучше ночевать здесь, чем в мерзких покоях султана. Прощай, он крепко Малцага обнял, поцеловал в лоб: — Да храни тебя Бог! Аминь!

Последнему совету купца Бочека Малцаг сразу же внял. Были водные процедуры, массажи, после которых он погрузился в мертвецкий сон и так бы долго и спал, если бы его не разбудил земляк Сурхо.

— Фарадж прибывает в Каир, — сообщил первым делом он и, чуть погодя: — В твоё отсутствие в покоях султана ночевали два евнуха, умерли, отравились.

— Кха, — кашлянул Малцаг: купец Бочек спас, а покушались на него. Этого он так не оставит. — Усилить охрану, всех допросить, пытать. Гвардию к дворцу, — отдал он приказ.

Под его подозрением был сам Фарадж, может, и эмир Халжиб, что оставил его во дворце, да кто угодно. Он ведь ничего не

онет, но скоро узнает, в нем кипит ярость, бунт. Надо торопиться и предпринять ответные самые радикальные меры, а иначе — конец, он теперь не нужен.

— Омир Красный Малцаг, — покачиваясь, капитан корабля стоит на их пути. — Слышал, слышал о твоём полководческом даре, — произнес капитан, думая, что Малцаг остановится, но Омир на ходу бросил:

— Тебя, изменника, еще не вздернули? — и так же продолжал путь, пока капитан дьянным голосом не прокричал:

— Таких как я гениев — раз, два, ты на суше, я на море, и мне замены нет. — Малцаг, не слушая, продолжал путь, как вдруг восточку услышал: — Я был в Измире, — он стал, резко обернувшись, подошел к капитану, до того как он это услышал, это уже произошло, — Шадому помнишь?

— Говори! — прошипел Малцаг.

— В «Сказку Востока», в Измир, восточку прислала. Тебя зовут, зовут, видно, плохо ей.

— Где она? — будто капитан виноват, надвинулся Малцаг и, услышав испуганное «не знаю», он рявкнул: — Где твой корабль? Готовься, отплываем.

В тот же день, как подлинный триумфатор, султан Фарадж вступил в Каир. (Забегая вперед, отметим, что он правил в Египте и Сирии до 1412 года, умер в возрасте тридцати пяти лет при необыкновенных обстоятельствах.) Все военные дали присягу верности новому султану. После этого был настоящий пир, во время которого султан Фарадж особо отметил заслуги эмира Красного Малцага и прилюдно пообещал последнему любую должность. Знающие дворцовые хитросплетения люди поняли, что это значит — главнокомандующим Малцагу не быть. А сам Малцаг, как только официальная часть торжества закончилась, попросил у султана неотложной аудиенции.

Чувствовалось, как султан занервничал, побледнел: он еще не окреп на троне, а то за такую просьбу к султану можно и пострадать. Однако сейчас отказать прилюдно Малцагу невозможно, и султан встревоженным взглядом зовет за собой охрану. Они удаляются в соседней от торжества комнате.

— Мой правитель, достопочтенный султан, — вежливо говорит Малцаг. — Я благодарен тебе за все. Служил и готов был слу-

жить всю жизнь. Однако обстоятельства сложились так, что и должен вернуться на Кавказ. Позволь срочно уехать.

— Ой, — вновь привычная манерность появилась в жестах и мимике Фараджа, — и когда же ты вернешься, мой дорогой?

— Боюсь, что никогда, разве что в гости.

— Фу, да ты что? На кого нас бросаешь?.. А впрочем, если дела, то перечить не буду. Лучший замок Египта в подарок, сколько хочешь земель.

— Спасибо, — чуть ли не перебил его Малцаг. — Подари мне корабль.

— Что? Так ты и вправду уезжаешь? — лицо Фараджа прояснилось, теперь он точно султан. — Так. Корабля — три. Хочешь свою гвардию — забирай. Будешь моим личным вассалом, представителем северных земель, полное обеспечение за счет каины. И десять тысяч золотых — вот мой братский ответ, земляк, — он крепко обнял Малцага.

Через неделю полностью экипированная гвардия мамлюков ушла через Синай на север, а Малцаг, погрузившись на корабль, отбыл в Бейрут, его провожал с почестями лично главнокомандующий эмир Хаджиб.

— Спасибо, брат Малцаг. Ты уходишь — это правильно. Двух кумиров, двух царей в одном Египте многовато... Прости за все. Я буду помнить, что ты меня не один раз спас.

Обычно, когда уходили в плавание, Малцаг любил становиться на корме, чтобы попрощаться с землей. На сей раз этого желания не было: чужая страна, и мамлюки, в принципе, — рабы чужбины, не кавказцы. И он уже о них не вспоминал, был рад, что избавлен от этих дворцовых интриг и властной мести.

...Он мчался спасать Шадому, а на самом деле в очередной раз Шадома спасла его. Он это понимал и, стоя на носу, твердил: «Где ты Шадома? Что с тобой?»

* * *

Ранее отмечалось, что Великий эмир Тимур ревностно относился к своему предшественнику Чингисхану и во многом пытался ему подражать, мечтал создать такую же огромную империю, значительно преуспев в этом деле. И, уже будучи в возрасте

те, по его прихоти льстивые придворные летописцы для великого завоевателя Тимур-ленга сочинили фиктивную родословную, чтобы связать его предков с Чингисханом. И если Чингисхан оставил после себя только одно сказание — свод законов «Великие Игры», то Великий эмир в этом преуспел; будучи фактически безграмотным, оставил два письменных памятника: «Автобиография» и «Уложение» — некое наизидание своим потомкам.

По мнению многих исследователей, «Ясы» Чингисхана и «Уложение» Тимура¹ во многом перекликаются, принято считать, что первоисточником является свод законов монгола. Однако, тщательнее изучив литературу, связанную с этими выдающимися полководцами, можно прийти к выводу, что в основе обоих сочинений является другой труд, ибо на это указывают соотнесения и Чингисхана, и Тимура.

Дело в том, что помимо вышеупомянутых, «Истории Завоевателя мира» Ата-Мелик Джувейни и «Сборника летописей» Рашид ад-Дина¹, до наших дней сохранился труд еще одного историка — Джузджайни. Последний прожил долгую жизнь, перенес вторжение монголов и, по-видимому, служил при Чингисхане. Из-за притеснений монголами Джузджайни бежал в Индию, в Делийский султанат, где и провел остаток жизни, описывая события тех времен. В отличие от Джувейни, который, как отмечают некоторые историки, до «тошнотворства» восхвалял Чингисхана, Джузджайни редко упоминает имя великого монгола без эпитета «проклятый». Тем не менее труд Джузджайни считается наиболее объективным, ибо наряду с захватничеством он приписывает монголам важные положительные аспекты, такие как честность, правдивость и некая сдержанная сексуальная нравственность. При этом Джузджайни отмечает, что при всем своем гении Чингисхан никогда не построил бы великую империю, если бы не китайцы. Именно после захвата Поднебесной Чингисхан взял на службу китайских управленцев, которые и познакомили кочевника с древнекитайским трактатом Сунь-цзы² «Искусство войны», на базе которого, по мнению Джузджайни,

¹ По некоторым данным Рашид ад-Дин родился в 1247 г. (ум. в 1318) и не мог, в отличие от Джувейни, лично знать Чингисхана (1155—1227).

² Сунь-цзы — китайский полководец, живший во времена Конфуция, написал «Искусство войны» почти 2500 лет назад.

и были составлены «Великие Ясы», с помощью коих Чингисхан и более его сын и преемник Угэ-дэй создали империю Монголов.

Китайские источники датируют «Великие Ясы» Чингисханом 1227 годом. Хотя по другому мнению, они вошли в «Сокровенное сказание» монгольской хроники 1240 года. Работы Джувенини и Джузджайни окончены примерно одновременно — то 1260 год. А полтора столетия спустя, где-то в 1402 или 1403 году, появилось «Уложение» Тимура, по поводу которого знаменитый арабский историк Ибн Хальдун¹ сказал, что это гениальное творение человечества, а после смерти Тимура добавив в «Уложении» нет ничего от Бога, ничего коранического, обращение языческое, только к силе и небесам — это древний Китай, а мы добавим — и их «искусство войны»... И если мы в свою очередь обратимся к первоисточнику Сунь-цзы, то в самом начале обнаружим: «...Вообще, желательно не производить разрушений на захваченной территории; оставлять после себя руины — худший выбор... Выйти победителем из сотни сражений — это еще не показатель высшей степени военного искусства; победить врага без кровопролития — вот вершина этого искусства».

Уходя от исторических заумствований, отметим, что Тимур всегда окружал себя всякими мудрецами, всегда пытался почерпнуть из источника кладези мировых знаний, тем более если это касается стратегии войн, однако, видимо, этот важный аспект он либо прослушал, либо усвоил неважно, либо привнес что-то свое, ибо действовал он порою жестоко, бесчеловечно, хотя при этом постоянно кичился своей набожностью, выступал борцом за веру, изредка некие ритуалы соблюдал... Так это Тимур — злой, но гений, и в нем сочеталось и возвышенное, и самое низменное. И характеризовать его можно хотя бы одним: он мог за день дать указ десятерых из своего окружения казнить, а наутро, перед казнью, девятерых, если не всех, простить. Это философия Сунь-цзы, в основе которой лежит идея разумного сочетания военной стратегии и изощренной государственной

¹ Ибн Хальдун — ученый, путешественник, просветитель. Рассказ о Тимуре, ум. в 1407г. Есть сведения, что Тимур не раз встречался с Хальдуном, уважал и даже преклонялся перед ним.

политики и управления. Так до этого Тамерлан дошел собственным опытом: претерпев в жизни все, он сам ковал свое бесспорное имя и «Автобиографию» и «Уложение» сочинял не для себя, а прежде всего для своих сыновей, чтобы они несли его непоколебимое знамя из века в век. Однако с детьми Великого эмиру не совсем повезло: двоих старших он уже пережил, а два оставшихся — Мираншах и Шахрух — с ревностью и даже с ненавистью относились друг к другу. Тимур все это видел, переживал и, желая как-то утихомирить, он сыновей назначил ханами и поставил править захваченными территориями. Так, Шахрух стал правителем Герата и всего Хорасана (это территории современного Афганистана, восточного Ирана и Туркмении), а старшего, Мираншаха, — еще дальше, на запад. Он стал правителем крупнейшего города в регионе — Тегриза, в котором проживало в то время около миллиона человек, и всех прилегающих территорий (это современное Закавказье: Армения, Грузия, Азербайджан, а также большая часть Ирана и весь Туркестан).

В то время как таковых границ меж государствами или, точнее, княжествами не было. Кто был способен собирать с людей дань, тот и считался хозяином земель и поселений. В сборе дани Мираншах преуспел, да так, что с его земель потянулись многотысячные вереницы беженцев. Это жуткая картина, ее невозможно описать. Это черная нить, на которую нанизаны одиночно серые судьбы людей. Здесь не то что смеха или улыбки нет, здесь даже голос редко кто подает, лишь истошный крик детей и стон прирезаемой скотины. А в широко раскрытых глазах лишь тоска, страх перед будущим, полная неопределенность, больба... С этим зрелищем столкнулся наш герой эмир Красный Малцаг, когда приступил к исполнению своих обязанностей — представителя мамлюкского султана на северных рубежах. Это функция не правителя, а в некотором смысле пограничника. Впрочем, то, чего хотел сам Малцаг. По сути, он волен и прямых указаний нет, а с другой стороны, содержание гвардии из казны и покровительство могущественного государства, что во все времена — сила. Правда, сам Малцаг в эту силу, опирающуюся на султана Фараджа, мало надеется. Да и что врать, даже судьба Египта его мало волнует, не смог он стать мамлюком, не смог он

стать султаном в другой стране, и что ни говори, и кем ни будь а Египет и Сирия — это чужбина, это другая история, и там о мамлюках там не вспоминают, разве как об извращенцах рабах, которые коварством узурпировали власть... Но это все история, по фактам которой мы с легкостью пробежались наискорей назад и потом вперед. И это наука, она бесстрашна, и любое современное историческое исследование тяготеет все-таки к реабилитации, чему удивляться не приходится. Такова жизнь: плохое необходимо забыть и можно восторгаться варваром... Однако в мире есть литература, которая несет в себе разум и сердце, которая все исторические факты пропускает через душу, которая улавливает и ощущает все человеческие чувства, даже заботу, боль, счастье и любовь. И, открыв всемирную историю конца четырнадцатого века, мы прочитаем лишь о Тамерлане, его деяниях, отпрысках, оргиях и войнах. И никаких эмоций — это средние века, нам там не жить, а если бы жить, то как Тимур, или подалее от него. (А что напишут историки про наш век, век цивилизации, прогресса и глобализации? Наверное, будет упомянут президент Буш, Садам, которого повесили, терроризм в Ирак, Афганистан, Чечня...) Так это все история — она фактографична, но бездушна, она рассматривает время как процесс лишь с одной стороны — хронологии и последовательности. Наверное, поэтому говорят, что история учит тому, что ничему не учит. По этому поводу английский историк Бокль¹ скажет, что «масса историков не считает для себя обязательным обширное предварительное образование, которое бы позволило изучать предмет во всех его ипостасях».

Несколько иначе обстоит дело в литературе. Конечно, здесь нет строгой научной доктрины, здесь много вольностей, фантазии, выдумки. И база в литературе иная, это не только научная историческая мысль, а больше фольклор, мифология и легенды. Так, вокруг личности Тамерлана тоже много легенд, и где правда, а где вымысел — самим историкам неизвестно, но вслух они говорят, а меж собой «Сказкой Востока» все это называют. Зато литература, в отличие от истории, знает, что, в конце четырнадцатого века помимо Тамерлана на земле были такие герои, как

¹ Бокль Г.Т. — известный английский ученый, историк (1822–1862).

Шаома и Малцаг, Молла Несарт и купец Бочек, доктор Сакрел в долине Седа. И не думайте, что это вымышленные персоны. Они, хотя бы в двух словах, упоминали историки, говоря о великой личности Тамерлана... Вот здесь просматривается роль литературы. Именно она должна этот вроде бы незыблемый фактологический материал несколько повернуть, присмотреться и увидеть в другом ракурсе и понять, что изучать и хулить надо не тирана Тамерлана, а людей, именно людей, которые ему противостояли, с ним боролись и не дали этой гнили разрастись, — они отстояли жизнь, они всегда есть, эти невидимые герои, и для них Бог создал не «искусство войны», а искусство мира, где есть доброе слово, появляется письменность и литература, а следом и культура жить...

С самого отрочества, если не с детства, Малцаг по воле судьбы владел лишь одним — оружием. Он не имел дома, не помнил семьи, у него не было привязанности к очагу, после гибели брата — племянника Тамарзо — у него только один друг, и то временный, — это конь под ним; бурка и седло — крыша над головой и палочка сна у изголовья.

Будучи воином, он, до пленения, всегда пребывал на войне, в там, где война, там всегда масса беженцев. Эту категорию людей он не то чтобы не признавал, он их даже не замечал, а если видел среди беженцев мужчину, тем более молодого человека, способного сражаться, то презирал, порою попрекал и оскорблял. А если кто из таковых начинал ему возражать, тем более огорчаться, он поучал плетью, а при малейшем противлении и до рабыни доходило... Да это было давно, еще на Кавказе. С тех пор много воды утекло, многое и сам Малцаг повидал, многое пережил, на многое по-иному стал смотреть, в том числе и на беженцев. И теперь, когда он видел среди беженцев массу мужчин, он не то что не презирал, а страшно жалел. Только теперь он понимал, каково им, отцам семейств, за которыми стоят голодные дети, беззащитные жены и сестры, старые и беспомощные родители. Как их всех прокормить? Как их всех огородить от бесчестия, издевательств и насилия диких варваров-захватчиков? Откуда они бегут? С благодатного Кавказа, с верховья рек Тигр и Евфрат, где в районе озер Ван и Урмия на прекрасном нагорье согласно Библии находился Эдем — райский сад, благодать,

и первые люди на земле. А куда они теперь бегут? А бегут-то они не куда-нибудь, а на юг, в сторону бескрайней, безводной, жестокой Сирийской пустыни.

А почему они бегут? Потому что пришли варвары с азиатских пустынь и выгнали их. А что их ждет на чужбине? Это читается в их глазах. Об этом расскажет литература, а истории это не интересно, ведь история человечества — это история войн. И с этим трудно не согласиться... Налицо противоречия с тем, о чем было ранее сказано. Такова жизнь, полная абсурда. Значит должна быть и история, и литература. Истина где-то посередине и читатель сам должен ее определить, помня, что «сказка — ложь, да в ней намек».

...Именно намек получил и наш герой Малцаг. Он на корабле прибыл в Бейрут и там провел три дня. За это время он ничего не делал, только спал, ел, общался с доктором Сакрелом. Что касается жены, Седа, то Малцаг понял: она по нему страшно скучала, каждую ночь, приликая к нему, как ребенок, тихо плакала и все повторяла: «Здесь хорошо, но поговорить на родном не с кем... Когда поедем домой?» «Где этот «дом»? — себя спрашивал Малцаг. — Отныне здесь, — пытался он сделать вывод.

Но это никак не вписывалось в его мироощущение, он никак не мог представить свою жизнь в этой стороне и как бы в унисон с его мнениями Седа выдала:

— Здесь так жарко, лишь камень и песок. Пыль в зубах... Ты меня здесь вновь одну оставишь?

Этот вопрос болезненно затронул какие-то давно позабытые струнки, душу всколыхнул. Нет, он не может рядом с юной и красивой женой сидеть, былой славе предаваться. Он воин, он ответственен за северные территории древней страны. Да и это не главное, главное — его зовет Шадома, она в какой-то беде нуждается в нем, зовет. И упрасивали Малцага хотя бы неделю в кругу родных побыть, но он через три дня засобирился в путь, и, когда уже расставались, доктор Сакрел твердо сказал:

— Малцаг, как доктор и как родной человек, намекну: ты скоро станешь отцом. Впредь имей это в виду.

Если бы Сакрел сообщил об этом иначе, мол, Седа ребенка ждет иль еще как, то Малцаг, может, так и не взволновался бы.

А доктор Сакрел то ли намеренно, то ли случайно именно его обвинил отцовством, и это как-то странно Малцага задело. Упавшая от Бейрута на север, он уже думал не только о Шадоме, но и о Седе, про себя отмечая, как она за время его отсутствия повзрослела, выросла и округлилась, и разговоры стала страннее вести: об очаге, о чужбине. «Неужто в ней проснулся материнский инстинкт?» — думал Малцаг, и на том же самом стал ловить и себя, с каждым днем все больше и больше ощущая, что он не тот свободный воин-мамлюк, что жаждал победы любой ценой под Каиром, и тем более не тот безрассудный дерзновенный мальчишка, что сломя голову несся напролом к Тимуру на Терек. Нет, теперь он осознал то, о чем говорили Шадома и Сакрел: он их единственная сила, их надежда. А теперь к ним прибавилась Седа, и он станет отцом.

Вот отчего все внутри перевернулось, и Малцаг теперь иначе смотрит на войну и мир, на смелых воинов и стойких отцов семейства. Что легче и что важнее — не понять. Однако Малцаг еще только воин, и он, ступив вновь на берег в районе Латаки, встретился со своей гвардией. Здесь же северный сирийский гарнизон мамлюков, состоящий из трех тысяч всадников.

Назвать этот сброд армией никак нельзя. Это остатки от тринадцатипяти тысячного корпуса, которые три года назад были разбиты под Мосулом передовыми отрядами Тамерлана. Уступив северный Ирак, мамлюки ретировались в сирийский город Алеппо, и здесь их атаковали другие турки-османы — армия Багдота.

Остатки северной армии мамлюков обосновались на сирийском побережье Средиземного моря. Это не регулярные войска, а права полубандитов, которые, применяя силу оружия, промышляют в близлежащих портах, на караванных путях. Они готовы служить любому, кто заплатит больше и быстрее. И дело дошло до того, что Дамаск и почти вся Сирия, которые находятся у них в руках, платит дань и османам, и тимуридам. Багдад, а значит и Ирак откупаются перед Тебризом.

Прибыв на север Сирии, Малцаг вначале думал лишь об одном: где Шадома и как ее спасти? Он считал, что с вымуштрованной личной гвардией в тысячу всадников он сможет легко маневрировать в любой местности и справиться с этой задачей.

Тем более что задействована его личная разведка, подключен купец Бочек и даже доктор Сакрел использует свои связи.

Время идет, а где Шадома — неясно. Правда, поступает порой противоречивая информация — то ее уже нет, то она в покое сына Тимура хана Мираншаха, то в каком-то гареме, то вовсе бежала в Грузию. И в это время приходит депеша из Каира, султан Фарадж, видать, уже освоился в Каире, навел там порядок и стал беспокоиться о северных территориях, требует, чтобы эмир Красный Малцаг вернул под контроль Египта весь север вплоть до их общей родины Кавказа. С этой целью он наделает Малцага дополнительными полномочиями и высылает на помощь десять тысяч мамлюков.

Даже не зная султана Фараджа, лишь от одного этого узнав колеблющемуся Малцагу нужно было бежать. Но куда бежать? Если впереди, вплоть до родного Кавказа, оккупанты-правители и там где-то любимая Шадома. А уйти от мамлюков, оставив на их территории жену, тоже невозможно. И, скорее всего, Малцаг с трудами Катада¹ не знаком, да из своей практики уже знает, что «Ум и порядочность у власти — довольно исключительное событие».

В то же время сам Малцаг не осознает, что и он в данный момент наделен огромной властью. Правда, эта власть распространяется не далее гвардии, и в подтверждение этого выясняется, что эмир северных территорий (это тот, под командой которого три тысячи разболтанных мамлюков) новоявленного султана Фараджа и тем более нового наместника с его «жалкой» тысячей воинов не признает. Однако, учитывая воинский опыт и авторитет эмира Красного Малцага, ему с восточной деликатностью предлагают явиться на милость правителя с поклоном, и тогда он будет назначен первым визирем Сирии и Палестины, а в дальнейшем и Египет станет под их объединенный контроль.

За время египетской кампании поднаторевший в дипломатии Малцаг понял, к чему это может привести, и первым делом посла с письмом арестовал, отправил для разбора в Каир, а сам, почувствовав знакомую стихию, взялся за воинское дело. Его

¹ Катада ибн Диамы (680–736) — арабский литератор, законовед, один из первых комментаторов Корана.

шапка уже следила за лагерем северных мамлюков. Это армия парандицев, никакой дисциплины: сброд и шатания.

Внезапным ночным маневром Малцаг окружил лагерь сепаратистов. Думая о численном превосходстве, те хотели было оказать отпор, но туча огненных стрел озарила небо, а потом возник пожар на земле, следом атака.

На рассвете более двух с половиной тысяч мамлюков стояли на колених. Малцаг понимал, что было бы эффективнее и по-тихому здесь же казнить командиров мятежников. Но в нем все теплились чувства отцовства и, понимая, что и у этих людей где-то есть семьи, не желая брать на себя грех, а главное, давая им шанс выжить, пять высших эмиров под охраной он отправил в Каир на суд султана Фараджа.

В тот же день он признал пленных мамлюков своими братьями и соратниками. По этому поводу он произнес пламенную речь, после которой все присягнули на верность султану Фараджу и ему, эмиру Малцагу. После этого несколько недель он подтянул дисциплину, собирал разведанные, и как только прибыл из Египта десяти тысячный корпус, он двинулся на Алеппо, там стоял пяти тысячный корпус турок-османов.

Здесь даже боя не было. Эмир Красный Малцаг уже слыл грозой. При приближении стройных рядов армии мамлюков в Алеппо местные жители подняли мятеж, османы бежали из города. Малцаг по своему усмотрению хотел назначить местного градоначальника, однако, словно все это уже ожидалось, вскоре со султана Фараджа прибыл наместник, какой-то мальчишка. Малцаг понял, что эти важные должности продаются, либо назначаются по родству. А его дело — воевать, и есть новое задание — Мосул, там стоят передовые войска сына Тимура Мираншаха. На помощь Малцагу выступит султан Багдада с кавалерией и двадцать тысяч.

Это направление совпадает с желанием самого Малцага. Он точно знает, что Шадома где-то в Восточном Азербайджане, и в «Сказку Востока», что находится в Тебризе, она подала сигнал о помощи. Кратчайший путь до Тебриза проходит через Мосул. Выдвинув вперед разведку, Малцаг в спешном порядке пошел свои войска, а это вместе с рекрутами из Сирии — около двадцати тысяч.

Расстояние около тысячи километров он преодолел за двадцать дней. Он торопился, внутри весь горел от нетерпения и жажды борьбы. Это не столько оттого, что там Шадома, а желание вновь скрестить оружие со своим заклятым врагом, желание мстить и убивать.

Правда, подойдя к Мосулу, он взял в узду свою страсть к новой атаке. Надо было разобраться на местности, а главное, дождаться султана Багдада, который по расчетам давно должен был быть здесь. Разумеется, что и в армии Мираншаха вели свою разведку. Видимо, там решили, что противников надо разбить по одиночке, не дожидаясь осады города коалиционными силами. Тем более что войска Тамерлана привыкли побеждать, и не могли понять, что на них нападают.

По численности противники примерно равны. Несмотря на то что уже была поздняя осень, утро, было душно, облачно, с ветерком, а вдали, в низине, блестящей ниточкой река — вечный Тигр, и вроде вечный покой. И вдруг, как психическая атака, яростный бой тысячи барабанов, сотни разукрашенных знамен, крик, конский пот, от предбоевой дрожи воинов, кажется, земля шатается. Поплыли круги перед глазами Малцага: этот пейзаж, этот бой, крик, запах и накал напомнили ему родину, Терек и то как в взмахе меча он видел ненавистную рожу Тимура... Это после он себя корил, а в тот момент не выдержал, вспомнив все свои страдания, как взбешенный буйвол, зарычал и сам бросился в атаку.

Эмир в атаке. Командир готов первым свою жизнь на поле брани сложить. Такое редко когда увидишь. Взбодрились мамлюки, до небес вознесся их моральный дух, а их смелый крик заглушил барабанный бой. Как такового боя даже не было, была короткая сшибка. Центр, где был Малцаг, сходу вклинился в ряды турков. От неожиданно яростного натиска последние дрогнули, попятились к реке. По боевой практике Малцаг знал, что нельзя врага припирать к непреодолимым преградам, ибо, не имея возможности бежать, они дерутся насмерть. Теперь и этого не было. Кто смог, бежал в степь, кто пал, кто бросился в реку, многие сдались в плен. А Малцаг все бегал по полю с саблей в руках, выискивая сына Тимура. Оказывается, Мираншаха здесь вовсе не было, не посчитал нужным против какого-то мамлюка выходить.

Вечеру того же дня мамлюки, как освободители, вошли в Мосул. Малцаг повидал немало городов. Мосул, судя по архитектуре, — город древний, небольшой. По сравнению с Измиром, и тем более Каиром — это какое-то захолустье: всюду грязь, мусор, вонь. Здесь живут в основном курды, а также много персов и армян. Жители города с восторженной радостью встречают армию мамлюков, по их лицам и виду города заметно, что самого разорения довела оккупация Тимуром и дань, выплачиваемая Мираншаху.

На центральной площади с символическими ключами от города и всевозможными подарками встречали Малцага местные чиновники и зажиточные люди. Малцаг всех тепло обнял, улыбался, непонятно за что, как и они, по-восточному щедро благодарил, хотя и понимал, что этот богатый люд при любой власти жирует, к любому деспоту подход найдет, любую слабость купит, и что ни говори, а и без них никак нельзя, а еще есть знающих управленцев, визирей и сборщиков налогов найти? А кто на месте владеет всей информацией, казной, религией и идеологией? Не привлекать же к делам безграмотную чернь. И с собой новых не привезешь: пока они с местом ознакомятся, все пойдет на кавардак. Вот и приходится Малцагу с парской вальяжностью прежнюю элиту у власти оставлять. А это и ответ в древний дворец города приглашают, там уже столы накрыты, будет пир в его честь. При упоминании дворца едкая горечь появилась у Малцага во рту, вспомнил каирский дворец султана, вспомнил, как в эту несомненную роскошь ковров и картин впиталась ядовитая аура борьбы за власть, лести и коварства, посулов и измен, смерти и торжества. Только теперь Малцаг понял, почему Тимур никогда не останавливается на ночь в завоеванных замках и дворцах, а лишь в своем шатре: он по опыту знает, что может присниться, а может, и приключиться в столь неблагочестиво-тронных местах... И почему-то в этот момент Малцаг с необъяснимой тоской вспомнил роскошь «Сказки Востока». По крайней мере, где-то открытвенней, веселее, красочней. И знаешь, что «Сказка Востока» — это иллюзия, кратковременно, обман. Но как хочется на время обмануться, забыться, отдаться неге кайфа и безрасчетства, понимая, что за стенами «Сказки Востока» сплошь се-

рость, заботы, тот же обман и путь в никуда. Думая об этом, Малцаг спросил:

— А есть ли в Мосуле «Сказка Востока»?

— Нет, — чуть не хором ответили сановники и, давая понять, что они знают, что это такое, стали наперебой объяснять: — Есть в Багдаде — несколько дней по реке. А ближе и лучше — в Тегеризе, но там Мираншах — изверг и сумасброд.

Ночью эти же сановники явились в лагерь мамлюков в пригороде Мосула, просились в шатер эмира Малцага, рассказывали, что некоторые воины занимаются мародерством. Малцаг обещал утром разобраться, виновных наказать. Остаток ночи он не спал, был очень зол и прежде всего на свою ненадежную охрану, которую богатые горожане Мосула, скорее всего, смогли подкупить и заставили его разбудить среди ночи. Такого нельзя было представить в лагере Тимура, и к утру все охранники и их командиры висели бы напоказ.

С авторитетом и силой эмира Малцага такого добиться не сложно и надо бы для порядка так поступить. Однако прежняя его жесткость и хладнокровие куда-то исчезли. Вместе с чувством будущего отцовства в нем пробудилась какая-то мягкость, терпимость, снисходительность. Тем не менее и это не главное, главное — он не чувствует опоры, будущности и надежности в мамлюках, в первую очередь, в их султанине Фарадже, все-таки, по сути, они и есть рабы. А он ощущает себя временщиком, наемником, которого в любой момент могут не только сместить, но и подло убить, как не станет нужным. Все это он понял еще в Каире. Поэтому Красный Малцаг особо не усердствует, но кое-какие меры предпринимает — ночной караул, а это его гвардейцы-кавказцы, — все без исключения в зиндан и пытки — кто подкупился. Следом он начинает разбираться с мародерами, и тут неожиданно ему доставляют тяжелый, инкрустированный узорами, с виду очень дорогой ларец.

— Что это такое? — закричал эмир.

— Ваша доля, — объясняет один из старших командиров, и тут же секунду открывает крышку — битком драгоценностей.

Первое чувство Малцага — омерзение. Он — грабитель! Сжав кулаки, приходя в ярость, он готов был всех разогнать, но помощник его опередил:

— У нас семьи, лафа¹ детей не прокормит.

Эта ночь током прошибла его сознание, он застыл с раскрытым ртом, словно только прозрел. Вспомнил свою беременную жену и силу почти ребенка. А Шадома? А ведь войны из-за богатств. И он знает, что деньги порою существеннее, чем войска.

В этом размышлении он пребывает довольно долго, пока ну-ср Сурхо на нахском не доложил:

— К тебе просится какой-то грузин, — и после паузы: — купец.

При слове «грузин» екнуло сердце Малцага, он вспомнил эмира Тамарзо, а вот «купец» — это настораживало: грузины — не торговцы.

Ларец спрятали, посетителя пригласили. Это был крепкий, смуглый, коренастый мужчина, по виду точно купец, а по одежке курд или иранец, но никак не кавказец. Тем не менее Малцаг для приличия стал задавать наводящие вопросы на грузинском, и тут выяснилось, что купец еле на нем говорит.

— Почему ты врешь? — в упор спросил Малцаг.

— Ложь несет душе и телу бесконечные мучения, — продекламировал на грузинском пришелец.

— О, ты знаешь поэзию Шота Руставели?! — улыбнулся Малцаг.

— Шадома знает, — был ответ, от которого эмир встrepенулся.

— Где она? — будто купец виновен, надвинулся грозой Малцаг.

— В гареме эмира Сабука. Говорят, бедствует.

— Кто говорит? Где именно?

— Мой двоюродный брат — евнух у Сабука.

Услышанному Малцаг не верить не может, — Шота Руставели — гарант. Вместе с тем на Востоке столько нюансов, что всегда надо быть начеку.

— Хм, — хладнокровным пытается быть хозяин. — С каких пор евнухи разглашают вести из гарема?

— Мир тесен, эмир Красный Малцаг, — склонился в почтении купец. — Отец Шадомы, достопочтенный визирь Грузии Атшрой, — наш родственник.

— Сколько ты хочешь? — теперь со спокойствием вспомнил Малцаг спрятанный ларец.

¹ Лафа — хорошо, везет (от араб. *ulafa* — солдатское жалованье).

— Хромой Тимур, а еще более его придурок сынок Мираншах, что теперь безумствует у нас, разорили нашу страну, мое дело и почти полностью истребили мою семью.

— Ты хочешь, чтобы я повел войско на Тебриз?

— Хм, — жалостливая ухмылка на лице купца. — У Мираншаха в Тебризе сорок тысяч войск. Недалече Тамерлан — сорок двести тысяч. Их никто не одолеет, кроме Бога, — потаенная мечта застыла в глазах пришельца. — Надо выживать и ждать.

Словно этого ждут, надолго замолчали, первым не сдержавшим Малцаг:

— Как помочь Шадоме?

— Не знаю, это почти невозможно.

— А если провести тысячу моих гвардейцев и на дом Сабук напасть?

— Как? — развел руками пришелец. — Да и Сабук в замке, что в центре Тебриза. Ни тысяча, ни десять тысяч туда просто так не дойдут. А если и дойдут, — он тяжело вздохнул, — там столько этих варваров — еле кормим.

— А деньги? — теперь Малцаг с теплой надежной вспоминает ларец.

— Даже не знаю, — совсем опечален пришелец. — Что мой отец сделал, — он всем своим видом показывает, что хочет уйти.

— А «Сказка Востока» в Тебризе есть? — теперь эмир не отстает от него.

— Есть, — тихо выдал купец. — А при чем тут «Сказка Востока»? — и, видя, что мамлюк о чем-то задумался: — Это проклятое место, там завсегда — безумный Мираншах.

— Проведешь меня в Тебриз? Заплачу! — вдруг выпалил Малцаг.

— Гм, — недовольно произнес пришелец. — Тимуриды все равно внушили, что если иранец, то падок на деньги.

— Извини, — сухо произнес Малцаг, — но я должен как-то помочь Шадоме.

— Всевышний сказал, — как в молитве вознес руки пришелец, — «Сколько раз небольшой отряд побеждал многочисленный с соизволения Аллаха! Поистине, Аллах — с терпеливыми». Я проведу тебя в Тебриз, а там, как Всевышний рассудит.

¹ Коран, 2:249.

Пришелец действительно оказался купцом. Даже в военные времена торговля ни на миг не прекращается: люди хотят жить. В отличие от Бочека этот купец имеет каноны: он не торгует рабами, всяким опьяняющим зельем и вином. Правда, в Мосул из окрестного виноградики окрестностей озера Урмия он привез виноградное сусло (пусть делают вино, а лучше шербет). Но главный его товар — это добываемый армянами розовый мрамор и еще древесина кавказского кедра. Обрато он намерен продать многое, что связано с судоходством. Из Персидского залива по Тигру приплывают лодки и даже небольшие корабли, привозят индийские и китайские пряности, африканский кофе и цейлонский чай, местный хлопок и привозной шелк, еще всякие мелочи и сувениры, а главное, что является основной статьей дохода, — это оливковое масло и священная вонючая грязь из долины Верхнего Заба. Как ни странно, эта грязь, как лечебное средство суставов, применяется в «Сказке Востока», там же из нее делают ароматические вещества и даже мыло. (Так что купец Бочека всюду партнер.)

Пока иранец занимался торговыми операциями, Малцаг обустраивал свои личные дела. Как и в прежние времена, он подал донесение в Каир султану Фараджу предоставить ему свободное время (по-современному — отпуск) в связи с семейными делами. Свои обязанности он возложил на своего нукера земляка Сурхо. Как и советовал иранский купец, Малцаг от всех (кроме Сурхо) скрывал свои помыслы.

Через неделю засобирались в путь. Малцаг, думая, что все будет как в Измире, облачился в уже привычный шикарный костюм мамлюкского эмира.

— Да ты что! — вскричал купец. — У первого поста турки разтерзают.

Решили, что Малцаг — торговый партнер иранца.

— Нет, — постановил иранец, критически осмотрев Малцага-суши, — кавказцам торговля не к лицу. — И после долгих раздумий и примерок костюма решил: — С твоим ростом, носом, без ушей, с такими волосами — только одно: странствующий дервиш¹, — а когда увидел ларец Малцага, произнес со свис-

¹ Дервиш (*перс.*) — мусульманский странствующий монах, нищий.

том: — О-о! Очень богатый дервиш, но эту «грязь» запрятан в грязь... А впрочем, что ни говори, деньги в Тебризе полезна и гвардейцев.

Малцаг думал, что за много дней он умрет от скуки с этим торговцем. Оказалось, что иранский купец был человеком глубоко просвещенным и очень интересным.

— Вот мы проходим мимо древних развалин Ниневии, — как путеводитель-экскурсовод рассказывает купец. — Калаха и Ниневия — столицы Ассирии и Месопотамии. А до этого здесь, в руслах Тигра и Евфрата, три тысячи лет назад возникли древнейшие государства Шумер и Аккад. Здесь, в Двуречье, был Древний Вавилон. Здесь возникло, пожалуй, первое литературное творчество, устное, а письменность, клинопись, впервые изобрели шумеры. То, что веками приписывается Торе, Библии и Корану, появилось задолго в древнешумерской литературе. Так, миф о сотворении мира есть в «Энум элише», братоубийство сыновей Адама, кораническое, или Каин и Авель, библейское, есть в поэме «Эмеш и Энтеп» как борьба между земледельцем и скотоводом. Но наиболее выдающимся литературным памятником является «Поэма о Гильгамеше»¹, в которой уже есть главы о сотворении человека, грехопадении, всемирном потопе. В этой поэме с большой художественной силой поставлен вопрос о смысле жизни, неизбежности смерти человека и отмечено, что блаженство в загробной жизни дается лишь тому, кто правдой жил на свете и верен был богам... Так это было в древности, — продолжает свой рассказ купец. — Однако и сейчас наша земля не оскудела:

*О мудрый, не должно ль в начале пути
Достоинства разума превознести.
Лишь в разуме счастье, беда без него,
Лишь разум — богатство, нужда без него.*

¹ Расшифровку клинописей данных произведений сделали в XVIII–XIX вв. ученые Нибур, Гротефенд, Роулинсон, Хипкс, Опперт и др.

*Доколе рассудок во мраке, вовек
Отрады душе не найдет человек.*¹

Через день иранский купец рассказывал Малцагу следующее:

— Персы — один из древнейших народов на земле. Они истинно проживали на южном побережье Каспийского моря и гор Эльбруса до Персидского залива и гор Загроса. Как у любого великого древнего народа, у них свой памятник — религиозно-литературный сборник «Авеста», своя языческая религия — Зороастризм.

История персов знает и взлеты, и падения. Порою они выступали как захватчики, потом и на них нападали. В седьмом веке до нашей эры царь Кир II объединяет все племена Передней и Средней Азии и образует Персидское царство, под ударами которого падает Ассирия, Ново-Вавилонское царство и Египет позднего периода. Наибольший расцвет Персидское царство приобретает при царе Дарии I.

Как передовой народ, персы во многом использовали культурные достижения древневосточных народов. Еще Геродот отметил, что «обычай чужеземцев персы принимают охотнее всякого другого народа. Они носят даже индийское платье, находят его красивее туземного, а для войны облачаются в египетские паншири»².

Персы — удивительные зодчие, чего стоит дворец Ксеркса в Персеполе. Персы создали высокую культуру земледелия и были основателями современной ирригационной системы и так преуспели в этом деле, что соорудили канал, соединяющий Нил с Красным морем, после чего «корабли пошли по этому каналу из Египта в Персию»³.

Персия — существенная страница в книге об истории человечества, и ее кульминация или одно из чудес света — клинописное послание, высеченное на знаменитой Бехистунской скале

¹ «Шах-наме» («Книга о царях»), автор Абдулкасим Фирдоуси (ок. 940–1020) — величайший поэт Востока, перс. или таджик., сравним с Гомером. (Пер. с фарси Ц. Бану).

² Геродот. История в девяти книгах. Пер. Мищенко Ф. Г. М., 1988.

³ Клинописная персидская надпись с египетским переводом, сохранившаяся в районе Суэцкого канала (сделана по приказу царя Дария I).

вдоль древнего караванного пути из Багдада в Тегеран, восточнее Керманшаха.

— Однако, — продолжал свой рассказ иранец, — как сказал поэт:

*Рассыплются стены дворцов расписных
От знойных лучей и дождей проливных,
Но замок из песен, воздвигнутый мной,
Не тронут ни вихри, ни грозы, ни зной.¹*

...Давно известно, роскошь развращает и в то же время стесняет.

Персидское царство постигла участь всех великих империй. Внутренние противоречия, сверхбогатство одних и бедность многих, аморальность нравов и беспечность властей, наемная армия и отсталость масс, словом, — это, как всегда называли, высокая культура, цивилизация, прогресс, а рядом варвары, тянутся на это счастье... Первый удар по Персии нанес Александр Македонский. После этого прошло полторы тысячи лет. Иранец, монголы оккупировали разрозненный Иран². Все эти захватчики так или иначе наносили урон; многое разрушали, сжигали, увозили, — продолжал свой рассказ купец, — но такого, как тимуриды, никто не «создавал». Посмотри туда, — указав он на несуразную огромную башню у древней мощеной дороги.

Малцаг ничего не мог понять. От вида этого строения в нем зашевелились какие-то противоречивые, непонятные чувства. С одной стороны, отторжение и все усиливающийся дурной запах, доводящий до рвоты. А с другой стороны, этот объект его не то что манил, он звал, он к себе влек. С каждым движением его шаг становился короче, медленнее, неувереннее, и с дрожью в ногах, но он шел, он все это видел, он это знал и уже было забыл. Ведь давно не встречался с тимуридами. Это скрепленный

¹ «Шах-наме», А.Фирдоуси.

² После таких нашествий многие страны, народы и диалекты исчезли с лица земли, не оставив даже памяти. И лишь те племена и языки сохранили право на существование, которые имели в своем арсенале высокохудожественную литературу и фольклор — кладезь генетической памяти.

шестью «башня» из человеческих голов. Все это еще свежее, только-только разлагающееся. Здесь вонь, черные мухи, которые день взлетать, и жирные белые черви из глазниц... Малцаг этого повидал, и не только такое, но теперь, видимо, с возрастом или ввиду еще чего-то, ему стало очень плохо, тошнота, усталились глаза, и он готов был упасть, но его подхватили рабы-иранцы, потащили к каравану.

— Знак Тамерлановой силы, — почему-то на шепот перешел иранец. — А это — памятник архитектуры принца Мираншаха.

Больше до самого Тебриза они практически не говорили, говорить не хотелось.

Всюду разруха, заросшие бурьяном бескрайние поля, покинутые деревни и Богом позабытый пригород.

— А для кого ты товар везешь? — неожиданно спросил иранец.

— Сорок тысяч варваров, у них денег не счесть... Да и наших монеток хватает, некоторые холопы так разжились, — он тяжело вздохнул. — Эх, война, все с ног на голову перевернулось. Кто не представляет, что я так буду жить, а живу, этим собакам прямоты доставляю.

Тебриз — город огромный, пожалуй, больше Каира. На окраинах убогость. Зато к центру картина меняется. И по мечетям, баням и синагогам можно определенно сказать, где проживают арабы, персы, армяне, евреи или грузины. И всюду усиленный иранский патруль. Вот это турки, в их раскосых надменных глазах уверенность, важность, сила. Они не раз останавливали с досмотром караван, подозрительно приглядывались к долговязому дервишу. И всякое могло бы случиться, да, видать, иранец-купец не усвоил повадки степняков. Он, широко и сладко улыбаясь, вынул им в руки какую-то мзду. Если недовольны, то еще и еще, потом, как патруль исчезал, он плевался, клял весь мир, скрежетал зубами от злости. Следом еще патруль, опять на лице умиление, и картина повторяется не раз, пока они не въехали в какой-то полузаброшенный огромный огороженный двор, где еще остались следы былого достатка и благополучия.

— Все, — устало сказал иранец. — Мой дом... Но смогу ли я там здесь схоронить, чем помочь — даже не знаю. Сам, как видишь, под мечами живу.

— А я здесь жить не собираюсь, — шельмоватая ухмылка на губах Малцага. — Где здесь «Сказка Востока»?

— В «Сказку Востока» верующие, а тем более деревни не ходят.

— Не меня веры, поменяем костюм, — вроде безмятежен Малцаг, у него приподнятое настроение. В этом городе Шадома он это уже чувствует, от этого буквально возбужден.

К вечеру, в costume зажиточного горожанина, сановитой средней величины, по большому носу и цвету — кавказец, скорее всего, грузин.

— Я Шадому никогда не видел, — провожая Малцага, говорит иранский купец, — а помогаю потому, что она твердит: «Отомщу Хромцу...» Бог вам в помощь.

Малцаг ожидал, что «Сказка Востока» в Тебризе будет, как и сам город, в запущенном состоянии. Ничуть. Все, как и в других городах: все во мраке, а центр огнями манит, всюду экзотические деревья, фонтаны, мрамор, чистота. И Малцаг знает, что никакой охраны не видно, но все под скрытым тщательным наблюдением. Здесь нет никаких ограничений, были бы деньги. Это действительно сказка, оазис, блажь, если не рай. И после стольких тяжелых дней ноги сами несут, и Малцагу хочется окунуться в эту беззаботную жизнь кайфа, изобилия, музыки, массажа, юных гурий, словом, совсем в иной мир. На сей раз он никак не вспомнил тех рабов, которые на последнем издохе, в грязи и в вони своих испражнений крутят тяжеленные жернова.

В «Сказке Востока» Тебриза несколько иной, ближе к персидскому, очень богатый узорчатый орнамент, весь колорит. Все блестит, даже сияет. Здесь царит атмосфера праздника, ионная эйфория, воздух пьянит, ни о чем и думать не хочется, даже деньги не в счет.

С любезной улыбкой всех посетителей встречает местный администратор, и Малцаг подумал, где купец Бочек берет этих служащих — на одно лицо. Ему захотелось по-настоящему расслабиться, забыть о войне. Но когда на сцене показались юные танцовщицы, он вспомнил Седу, Шадому и, не притронувшись к еде, вернулся в ослепляющий блеск парадного фойе, и прямо к колонне, где стоял в учтивой позе услужливый администратор.

— Вам нужен главный конюх? — вмиг озадачилось лицо администратора, и, услышав то же самое повторно, он сказал, что главного конюха в данный момент нет, но скоро придет — А пока отдыхайте, как почетный гость, — угодливо расшаркивается администратор.

После второго бокала вина Малцаг уже полностью был поглощен танцами маленьких гурий и не заметил, как рядом сел странный, средних лет мужчина с суровым скуластым лицом со шрамом, явно тюрк-монгол.

— «Сказка Востока» — бль? — почему-то в вопросительной форме и не без иронии выпалил Малцаг. В это, как в сказку, он верил и не верил. А главный конюх сквозь узкие раскосые глаза кристально посмотрел на Малцага и твердо ответил:

— Бль... Как тебя зовут? — и, не выслушав дела пришельца, бросил: — Я вернусь.

Вернулся он не скоро, пригласил Малцага пройти с ним по заведению, словно для экскурсии. Малцаг понял, что его ведут куда-то на показ. «Неужто Бочек здесь?» — с потаенной радостью думает Малцаг. А его поводили, вновь усадили на прежнее место. Много времени прошло, всякие мысли его за это время посетили, да змель, этот пьянящий воздух и юные гурии берут свое, выбивают из головы всякие заботы и мысли. И он уже мечтал, с которой из красавиц проведет эту ночь, как вновь появился конюх. На его заросшем лице никаких эмоций, молча поманил за собой. Они спустились в подземное помещение, проходя по коридору, попали в клубы дыма. Малцаг чихнул, сразу понял, что здесь жгут крепкую дурь, и она по вентиляции распространяется по всему заведению, отупляя мозги. Однако теперь Малцагу расслабляться нельзя: в подземных лабиринтах сыро, темно, страшновато, и неизвестно, что за очередным углом поджидает. Все может быть, и он крайне напряжен. Да вдруг стало светло, просторно, и воздух очень свеж, и знакомый аромат. Они оказались в огромном зале. Ласково поет ручеек, откуда-то витиеватые струйки пара и знакомый фальцет:

— О чающий движения воды¹, — из небольшого бассейна шпета небесной лазури видна лишь крупная голова и широчен-

¹ Жажущий какого-то улучшения. По евангельской притче о купальне Вифезда, к которой стекалось большое количество больных, ибо шпел Господень иногда сходил, возмущал воду, и кто первый входил в возмущенную воду, выздоравливал от любой хвори.

ные плечи Бочека. — Раздевайся, здесь твоих ушей никто не увидит, — не ответив на приветствие, купец стал выходить из воды. Малцаг изумился этой обрюзгшей массе, и, чтобы ответить на нескрытую надменность тем же, он язвительно заметил:

— А тебе каирское подземелье было бы полезнее.

— Гм, — недовольно кашлянул купец Бочек. — Мир вертится, и теперь ты в моих объятиях, — он облачался в простане и вдруг широко улыбнулся, дружески обнял Малцага. — Прости, я рад тебя видеть, ты тот же — боец. Ха-ха, не сдрейфил. Давай полюбуюсь на тебя. Молодцом. Раздевайся.

Они парились в турецкой бане, ужинали в огромном зале, а потом небольшая комната с камином, один кальян на двоих и никакой прислуги. Только здесь, после знака хозяина они говорили о делах.

— Я знаю, что подвергаю тебя огромному риску, — сказал Малцаг, — но иного не было.

— Правильно сделал, — Бочек выдохнул клуб дыма и после продолжительной паузы: — не говоря о том, что ты меня спас, и не учитывая мое слово, я горд и рад за твои дела... правда, твой султан Фарадж — трухля.

— Ты ведь понимаешь — выбора нет.

— Понимаю, но в Каир, даже если позовет Фарадж, не сунуся, — тяжело сопя, Бочек встал, подошел к деревянному шкафу, стал разливать какую-то вязко пахнущую жидкость. — Превосходный эликсир из Китая, — поставил он перед Малцагом флакон. — Если честно, встречи с тобой — и вправду, риск, но я очень рад. Хотелось тебя увидеть. Я давно не был в Тебризе, — он сделал небольшой глоток. — А ты какими судьбами?

Без обиняков Малцаг во все Бочека посвятил.

— М-да, — задумался купец. — Вызволить Шадому из гарема Сабука — немыслимое дело. — Он поднялся, тяжело захлопнул дверь, вдруг встал напротив мамлюка: — А ты знаешь, кого разгромил в Мосуле? Вот этого Сабука. Хе-хе, молодец... А Сабук бежал в свой гарем, видать, к этой Шадоме... Тимур за это его бы повесил.

— А что же Мираншах?

— А Мираншах — придурок. Опий и вино... Этому завелению, — почему-то как о чужом сказал Бочек о «Сказке Востока».

— около миллиона должен, в шеш-беш проиграл. Не отдает. Ничего нет... Ох, наверное, и сейчас здесь сидит.

— Здесь? — вскочил Малцаг.

— В этом заведении ничего быть не может, — строго постановил хозяин и, чуть погодя, добавил: — Тем более что это нашу задачу не решит, такой дурак нам нужен, — он опрокинул пиалу. — Понравилось? Очищает мозги, — он вновь подошел к шкафу. — Нам надо хорошенько подумать... Кстати, а я здесь из-за этого Сабука... Дрянь последняя. Мой дворец здесь отобран, — он сделал глоток. — Да дело не в дворце. Я его из тюрьмы в Измире вызволил, а сколько еще дел. Впрочем, сколько собаку не корми, — он отпил еще глоток. — Слушай, — Бочка вдруг осенило, — а может, ему передозировку афродизиаки¹ дать?

— А что это такое?

— Дорогое снадобье, у меня берет: смесь женьшеня, порошок из рогов оленя и носорога и амбры кашалотов.

— И что, помогает? — любопытствовал Малцаг.

— Ты это у Шадомы спроси, — ухмыльнулся Бочек и, увидев насупившееся лицо мамлюка, загадочно улыбнулся. — Убрать просто так Сабука — ничего не даст. Есть идея... М-да, ты можешь пожертвовать одним мамлюком?

— Мы воины и каждый день ожидаем смерти.

Дни спустя, на одном из въездных постов Тебриза по доносу поддержали мамлюкского шпиона. При нем нашли секретное письмо от эмира Красного Малцага эмиру Сабуку, где, помимо прочего, упоминалось об условиях освобождения Сабука из тюрьмы Измира. Последнего пытали, казнили, все имущество предателя, как полагается в таких случаях, ушло в казну. Гарем погнало на базар, Шадому выкупили первой.

Об этих перипетиях Малцаг мало что знает. Но о его появлении в Тебризе по каким-то каналам прознали. Его броскую, запоминающуюся внешность не узнать, не запомнить невозможно. Поэтому Малцаг уже не одну неделю прячется в подземелье. И вроде все, что хочет и не хочет, есть, а это не жизнь, в заточении. Он уже начинает терять терпение и самообладание, уже

¹ Афродизиака — средневековая «виагра», в честь богини любви Афродиты.

крайне зол на купца Бочека, которого тоже много дней не видит, и никого вообще он не видит: все поступает через скрытый ход, как случилась сказка — Шадома перед ним.

В глубине души он ждал этого, верил в это, но думал, что Шадома предстанет пред ним жалкой, замученной и постаревшей. Да она в «Сказке Востока» уже сутки. И, может, если не люди, то все остальное ей более чем знакомо, тем более что ей представлено все, и она сама, как разбухшая по весне высокогорная река, рвалась к Малцагу. Но явилась она к Малцагу только после того, как привела себя в порядок, навела необходимый для женщины лоск, отоспалась.

— Шадома! — вскакивая, прошептал Малцаг, любясь ею, как изваянием.

— Здравствуй, дорогой... Малцаг, — она слегка в почтении склонилась, да взгляд не потупила, ее темно-синие мягко-бархатистые глаза впились в него, излучая нескрываемую радость, любовь, страсть. — Ты брезгуешь мною? Не хочешь обнять, — это она уже говорила, будучи в его пылающих объятиях...

Здесь, в подземелье, когда день, когда ночь — не понять. И по до времени им — оно для них остановилось, не существует. И не могут они друг друга испить, насладиться не могут, да наверху время летит, там мирские дела, все кипит, все бурлит, и, видать, подгоняемый этими страстями, без стука и церемониала явился неожиданно купец Бочек.

— Ха-ха-ха, голубки, ну что, никак не уgomонитесь?! А пора... Малцаг, в этом мире все, что покупается, то и продается. Кто-то предал, либо продал, в общем, круг сжимается. Давно пора бежать. Собирайся, даю полчаса, — несмотря на габариты, Бочек как зашел, так и исчез, а Малцаг бросился к Шадоме:

— Ты со мной, только со мной!

— Нет, — выставила она твердо руку, — все изменилось, — в глазах леденящая твердость. — У нас один враг, разные к нему пути. Мы обязаны мстить, и сможем это только поодиночке.

— Шадома!

— Молчи, — отстранила она его, — все оговорено. У меня кроме тебя никого больше нет. И ты это еще раз подтверди. Береги себя, родной, для решающей схватки. Я верю, мы отомстим Хромцу. Мы обязаны мстить!

— Больше об этом не говорили. Это была их изначальная воля, жизненный приговор, судьба... Недосказанность, ненадежность, потаенная грусть висела меж ними, когда они собирались к очередной, может быть, последней разлуке.

Шадома у зеркала поправляла свои контрастно-смоляные на белой упругой спине, роскошно-притягательные густые волосы, и вдруг, в очередной раз справившись о Седе, тихо, словно отраженно, сказала:

— А Седа малвчика родила.

— Откуда знаешь? — оторопел Малцаг.

— Мне отдашь? — теперь в упор глядела она на него. Кадык забитал по длинной, мускулистой шее мамлюка, и прежде чем он успел раскрыть рот, вновь неожиданно появился купец Бочек.

— Пойдем, быстрее, — буквально за руку схватил он Малцага, тот вырвался, бросился к девушке:

— Шадома, Шадома, — обнял он ее.

— Прости за все, не забывай, — тяжело дыша, шептала она и, уже расходясь, — ты ларец забыл.

— Он твой.

— Постой, — она рванулась к нему. — Травы, помнишь горшочек травы? Доставь мне их.

— Опять за свое?

— А другого «оружия» нет, и оно твоего сильнее. Помоги, прошу.

Эмир Малцаг хотел было что-то возразить, но Бочек его потянул за собой, и он, углубляясь в какой-то темный проход, с полуиронией крикнул:

— Безоружной тебя не оставлю!

* * *

Мираншах был третий из четырех, а теперь старший сын Тамерлана. Безусловно, он был отважный воин, неплохой полководец, но как человек крайне неуравновешенный, импульсивен, заносчив и очень ревнив. Эта ревность, а более зависть распространилась на всех, в том числе и на отца. Тимуру уже шел шестьдесят четвертый год. Пора бы оставить завещание, объявить наследника, и было бы проще всем, в первую очередь самому По-

велителю. Вот если бы можно было довериться старшему, тогда и забот не было бы. Да в том-то и дело — Мираншах не достоин. Прямо об этом заявить Тимур не может (все-таки любит он всех детей одинаково), ибо знает: начнутся распри, подковерная борьба, и наследника могут свои же убить, что, как предполагалось, случилось с первенцем Джехангиром.

Вместе с тем, наследники — сыновья и внуки — уже взрослые воины, имеют свои семейства и должны иметь свой доход. Стали делить меж ними Тамерлан завоеванные земли. Начались ссоры, которые лишь он своей железной рукой сумел усмирить. И все же Повелитель поддался давлению старшей жены Сарай-Ханум, как-никак, а по традиции и по существующему положению дел, она — второй человек в империи Тамерлана, и ее сын, теперь старший, стал правителем не восточных, голодных монгольских степей, а богатого Кавказа, всей Передней Азии и Ирана.

Вот где много жителей и много богатств, вот где можно сколотить состояние, показать себя для престолонаследия. Однако Мираншаху не до этой суеты. Став, как и грезилось, полноправным хозяином, дань которому платят более пяти миллионов человек, он так вознесся, что даже не откликнулся на призыв отца в поход на Индию. Правда, послал запоздалое письмо Повелителю, что не сомневается в успехе, а сам очень занят, ибо отстаивает самые тяжелые западные рубежи империи, где проживают наиболее ретивые безбожники, идолопоклонники и иноверцы.

Мираншах действительно очень занят. Каждую ночь он в «Сказке Востока». Там все для него бесплатно, кроме одного — он играет на огромные деньги со всеми аферистами. Бывает, что выигрывает, но чаще проигрывает. И тогда в угарной злобе он может многое натворить, кого угодно избить, а бывало, чуть ли не убить. Но в «Сказке Востока» последнее недопустимо, тогда он крушит столы, стулья и все подряд. Вот и накануне он до утра гулял. Многое не помня, к обеду проснулся, в руке болят острая деревянная заноза глубоко засела в руке.

— Молла, Молла, где ты, шелудивый пес? — кличет он Моллу Несарта.

Хотя и есть у него другая прислуга, но он другим не доверяет. А вот Молла изначально прибыл сюда с личной пайздой Тимура, что дает особый статус и особые привилегии, но только не в сви

те Мираншаха. Не один фаворит отца и местный сановник был казнен, посажен в тюрьму или просто выгнан со службы пинкаван. Вокруг Мираншаха остались одни лишь проходимцы, лизобваши и льстецы. Как ни странно, Молла Несарт — один «должностель» в свите Мираншаха, и это не оттого, что он тоже предал в восхвалениях, а оттого, что он первый догадался очень мудро сказать:

— О сиятельный хан, на этой древней персидской земле было много великих царей. Но таких, как ты, — впервой. Ты — подлинный властелин. Настоящий шахиншах¹.

С тех пор не иначе как Шахиншах называют Мираншаха. За такую услугу Молла Несарт получил явные преференции; он отправился в Марагу и занялся своим делом — перевозкой в Самарканд местной разрушенной обсерватории, а заодно — любимой астролябией. Однако вскоре его вызвали в столицу, в Тебриз, и прямо на заседании двора, где Мираншах за какой-то пустяк отдал приказ казнить верховного судью и тут же объявил:

— Назначаю главным судьей этого звездочета, — указав на Моллу Несарта.

Вся свита кинулась поздравлять мудреца со столь высоким назначением. А Несарт любезно поблагодарил всех и попросил слова у правителя.

— О величайший Мираншах, скажи, разве ты поклоняешься звездам и веришь всяким шарлатанам-звездочетам?

— Хм, конечно, не верю.

— Тогда как ты можешь назначить какого-то звездочета верховным судьей? Я буду судить, как подскажут звезды. Прошу, отмени свое назначение.

Словно выпущенный из клетки, довольный Несарт вновь отправился в обсерваторию Мараги. А тут письмо из Индии от самого Тимура: «Есть сведения, что мой сын Мираншах совсем свихнулся. Доложи как есть».

Старик Несарт понял, что попал меж двух огней, да делать нечего, и он пишет ответ: «Повелитель! С ума сошел тот, кто скалу своей башкой бьет. А пока чужие чубы летят. Так что можешь гордиться — твой сын порою превосходит тебя».

¹ Шахиншах (перс.) — царь царей.

Неизвестно, попала ли эта переписка в руки Мираншаха, но Молла опять был вызван в Тебриз, где правитель заявил:

— Ты, Молла, в счетах, как я знаю, силен. А ну-ка, проверь, как расходовались наши средства. — Перед Несартом положили исписанный казначейский фолиант.

Молла Несарт несколько дней подбивал дебет с кредитом, разница была внушительной. Зная крутой нрав Мираншаха, Молла многое скрыл, показал лишь толику нестыковки. Но и этого оказалось достаточно: сын Тамерлана вызвал главного казначея прямо на обед, обвинил в воровстве и сказал:

— Пока я обедаю, съешь свои грехи, и тогда я, может быть, помилую тебя.

Молла Несарт при этом тоже присутствовал. Он видел, как краснощекий, упитанный казначей рвал на куски пухлый журнал и вместе с толстой кожаной обложкой пихал пальцами в рот и тяжело глотал. Вначале от чрезмерной спешки и усердия казначей стал пунцовым, потом темно-бордовым, и слезы из опалелых глаз.

— Поторопись, видишь, я заканчиваю есть, — хладен голос Шахиншаха, а казначей уже весь посинел, съел.

— В подвал, — выскребая меж зубов кусок мяса, встал из-за стола правитель. — Воды не давать, ничего не давать. А ты, — указал он тем же пальцем на Моллу Несарта, — отпиши казначей. Ха-ха.

Вновь вся свита бросилась к Молле, стала его поздравлять, перед ним выслуживаться, лебезить и даже своих дочек в жена предлагать. А Несарт думает о другом: бывший казначей в потшных криках, болях и мучениях спустя неделю в подвале скончался, все его имущество по указу Шахиншаха пошло на распродажу и в казну царя; эту бухгалтерскую проводку теперь осуществляет новый казначей и все по-новому. Вскоре Шахиншах узнает от Моллы, что денег нет, и требует представить отчет.

Перед ним выкладываются высохшие пласты армянского лаваша¹, на них четкие записи каламом².

¹ Армянский лаваш — большой, тонкий лист из теста.

² Калам (*араб.*) — тростниковое перо для письма, карандаш.

— Что это такое?! — заорал Мираншах. Молла смиренно молвил:

— О Повелитель! Твой покорный слуга ведет учет на этом лаваше, потому что желудок мой слабый, старый, больной и вряд ли сможет переварить незаслуженный обед.

Виронства здесь не было, и Мираншах казначея простил, но вскоре случилось совсем неожиданное. Выяснилось, что во время священного поста в армянском селе потребляли еду, из-за чего село наказали, отобрали почти все добро и не только у христиан-армян, но и заодно у всех подряд.

Обедоленные люди с жалобами пришли в город и, не попав к Шахиншаху, слезно обратились к казначею. Сжалился сердобольный Молла Несарт, как по учету был приход, так все и выдал обратно.

Тут же Мираншаху доложили: «Этот новый казначей, пусть говорит его отец в могиле, раздает из твоей казны деньги направо и налево».

Разгневанный Шахиншах вызвал казначея:

— Ты что же, хочешь повторить путь своего предшественника? Кому ты раздаешь мои деньги?

— О величайший из царей, — в почтении склонился старый Молла, — В честь великого праздника Рамадана раздаю деньги сиротам, сиротам и беднякам, ради твоего благополучия и благоденствия.

— Какое там благополучие и благоденствие? Ты разоряешь меня. Хочешь загнать в нищету и в могилу? Я казню тебя!

— Это всегда успеется, — выпрямился старик. — Но вначале, как положено перед казнью, выслушай меня.

— Говори, старый плут.

— Каждого, кому я даю деньги, предупреждаю, что они обязаны вернуть их после смерти твоего отца, великого Тимура.

— Ты что несешь?

— Погоди, Шахиншах. Все мы смертны, даже твой отец. А деньги я не просто так дал. Каждый из должников должен в проповедях и молитвах упоминать твое бессмертное имя и просить Бога даровать тебе долгих лет здоровья в царствовании, ибо ты престолонаследник, и сам Бог и весь народ должны постепенно привыкать к этой мысли.

Об ином, глубоко сокровенном, задумался сын Тимура, а Молла, видимо, понял его мысль и продолжил:

— Надо еще больше денег раздавать, милостыня — как свята обязанность — и Бога, и народ, и судьбу приучает.

— Да, — воодушевился Шахиншах, — только не особо разбрасывайся, поэкономней с деньгами. Пусть знают мою щедрость и молятся за меня!

— Прежде всего, я и те, кому я деньги отдал, только так и делают.

— Молодец! — выправил осанку Шахиншах, и тут же, что-то вспомнив: — А от кого я деньги тогда получу?

— О, что за беда? Сколько у тебя богатых визирей и нукеров! Пощекочи любого — не обеднеют.

— Хм, а за что? И с кого начать?

— А ты начни с того, кто больше всех тебя возносит.

— А может, и с того, кто поносит?

Молла Несарт понял, что Мираншах имеет в виду свою старшую жену Хан-заде, которая открыто ругается с ним из-за денег и измены. И не без лести и удовольствия:

— О, достойно Шахиншаха — очень мудро, начать обречение с обоих концов.

— А-а! Ха-ха-ха! — расхохотался Мираншах. — Во, ты первая меня восхваляешь. С тебя и начнем?

— Твое право, — склонился Молла. — Только учти, с меня, кроме старого осла и вшей в бороде, взять нечего.

— Ой-ой-ой, — манерно вскричал Шахиншах, — уберечь от меня этого простолоудина, продезинфицируйте все вокруг.

— Ой-ой-ой, — на его манер, только полушепотом, огрызнулся главный казначей. — Тоже мне, потомственный шурь. Недавно сам с собаками спал?

Впрочем, Молла был доволен, что так отделался, надеясь, что теперь его навсегда удалят со двора. Случилось обратное. Подозрительный, мнительный, вечно пребывающий в алкогольном или наркотическом угаре Мираншах никому не верил, всех обделался, а старый Молла накопительством не страдает, самодушен, дерзок на язык, зато честный, и хотя слышет молву, что Мираншах безумен, а он знает, что более чем Несарту, доверится никому. Поневоле Молла не только казначей, но и личный со-

ветник, когда надо прислуга, словом, постоянно при Мираншахе. И вот, после очередного дебоша в «Сказке Востока» в руку правителю угодила деревянная заноза.

— Вытащи ее, — приказывает Шахиншах казначею.

— Стар, слаб глазами, — хотел было увильнуть от ответственности Молла. — Надо позвать врача.

— Я сказал, вытащи! — закричал правитель. Вооружился Молла иголкой, неумело ткнул, Шахиншах от боли ветры выпустил.

— Вот проклятая заноза! — ухмыльнулся Несарт... — Голос подает, а сама выйти не хочет.

— Зато ты отсюда вылетишь! Вон! — рассвирепел сын Тамерлани.

Только после этого вызвали настоящего врача. В те времена стоящий врач — дело редкое, очень почетное, династическое.

Заноза, действительно, глубоко в мякоть вошла, пришлось врачу сделать небольшую хирургическую операцию, после которой было рекомендовано повязку не снимать, стерильность раны соблюдать. Мираншах ко всему относился наплевательски, тем более к рекомендации какого-то врача. Повязку раньше времени снял. Рука заболела, опухла. Мираншах от боли орет, от страха плачет, твердит, что врач специально заразу занес, на его жизнь покушался.

— Казнить его! Казнить весь род! — приказывает он.

А боль все усиливается. Других врачей нет, и те, что были, разбежались. И тут, надо же такому случиться, Молла Несарт оказался, по мудрости своих лет знает, как такое лечить. Набрал он полную ванну куриного помета, залил водой и объяснил Шахиншаху:

— Хочешь жить, держи руку в растворе целые сутки, не то зараза в кровь пойдет, и мучительный конец.

Через сутки, как и предсказал Молла, опухоли словно и не было. Мираншах весь от страданий исхудал, и, может быть, в нем что-то пробудилось, сказал он Несарту:

— За спасение любую просьбу выполняю, говори.

— Отпусти в обсерваторию.

— Ты что, дурак? Разве тебе плохо у меня? Я тебя женю, дом построю. Иди, служи. А звезды считать и на виселице успе-

ешь, — видимо, ожил Мираншах и первым делом справился об участии того, кто покушался на его святую жизнь. Узнав, что пра- ча без него уже казнили, он этим не насытился, приказал истре- бить весь род врача, а дома их с землей сровнять.

Кто-то из визирей осмелился возразить, что это невозмож- но — древнейшая династия Рашид ад-Дина, у них свои земли, свой замок и даже свой фамильный мазар¹, который и монголы чтили.

— Все сровнять с землей. Прахи мертвецов — на дороги, как символ моей власти. Исполнять приказ! — орал правитель.

Это было уж слишком, до такого и Тамерлан не додумался. И тогда, как явствует хроника, к нему явился шейх-уль-ислам², курайшит³, являвшийся потомком Пророка Мухаммеда, которо- го сам Тимур боготворил и даже есть сведения, при нем первым не садился. Да одно дело — Тимур, вчерашний табунщик, другое дело — его потомок, Шахиншах Мираншах.

— Как ты передо мною стоишь? — ответил сын Повелителя на приветствие шейха, сам он вальяжно восседает на древнем троне персидских царей.

— Смею заметить, правитель, — уважительно отвечает шейх, — что я так же стою перед самим Богом во время молитвы.

— А ты явился ко мне, чтобы просить за нечестивца, что по- кушался на мою жизнь?

— Правитель, позволь мне рассказать одну историю, может, будет она назидательна?

— Я не маленький, чтобы меня учить. Но к тебе я буду сми- нно ходителен, ваяй.

— Рассказывают, что отправил греческий император⁴ к Умару ибн аль-Хаттабу⁵, да будет доволен им Аллах, посланца, чтобы тот понаблюдал за его делами и посмотрел на его деяния. Войдя

¹ Мазар (*перс.*) — мавзолей.

² Шейх-уль-ислам (*араб.*) — букв. «старейшина ислама».

³ По некоторым данным, потомок династии Бармахидов, правящей в Иране во времена Халифата.

⁴ Имеется в виду император Византийской империи.

⁵ Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарух (различающий) (585–644) — второй из четырех праведных халифов (634–644), выдающийся государствен- ный деятель, сподвижник Благословенного Пророка Мухаммада.

Мидану, он спросил ее жителей: «Где ваш царь?», а те ответили: «У нас нет царя, но есть повелитель — он вышел за город».

Отправился посланец на его поиски и увидел, что повелитель сидит под солнцем на земле, прямо на горячем песке, подложив свою голову вместо подушки, и пот стекал со лба так, что промокла земля. И когда он увидел все это, благословение наполнило его сердце, и он сказал: «Такою положение человека, из-за страха перед которым все царя не знают покоя! Но ты, Умар, справедлив, и поэтому ты не боишься и спокойно спишь, а наш царь чинил насилие, поэтому несправедливо, что он все время не спит и боится. Свидетельствую, что ваша религия — религия истины. И я бы принял Ислам, если бы не то обстоятельство, что я пришел сюда посланцем, но потом вернусь к своему мусульманином¹. Так что, дорогой правитель Мираншах...

— И Шахиншах Мираншах, — перебивает его сын Тимура.

— Тем более, Шахиншах, ты должен знать, что опасность власти огромна, беды ее велики, и путь верный лишь один — справедливость, терпение, знание и милосердие.

— Хм, ты хочешь, чтобы я был мягким, податливым и послушным всяким речам?

— О нет! По этому поводу сказал Пророк, мир ему: «В Судный день приведут правителей, и скажет им Аллах, Велик Он и Всемогущ: «Вы были попечителями рабов Моих в земле Моих». Потом Он скажет одному из них: «Почему ты наказывал Моих рабов строже, чем Я постановил?». И скажет тот: «О Господи! Потому что они не повиновались Тебе и поступали наперекор». И скажет Он, Велико его Могущество: «Твой гнев не должен опережать Мой». Потом Он скажет другому: «Почему ты наказывал Моих рабов мягче, чем Я приказал?» И скажет Он: «Как можешь ты быть милосерднее Меня? Заберите того, кто прибавил, и того, кто убавил, и заполните ими углы геенны²».

— О боже мой, — странно замахал руками Мираншах, — Столько болтовни.

— Шахиншах, осмелюсь заметить, это не «болтовня», а Священный Коран. А что касается твоего досточтимого отца, то мы при каждой молитве упоминаем его имя.

¹ Цитирует Абу Хамид аль-Газали «Наставления правителя».

² Геенна (греч.) — ад, преисподняя.

— А мое?

— Гм, если мы говорим об отце, как старшем, то имеем и ни-ду весь тейп, значит и тебя... И поэтому просим дальше не чи-нить зло и...

— Хватит, — перебил Мираншах. — Лучше скажи, что это ты так беспокоишься о династии иноверца Рашид ад-Дина?

— О Шахиншах, Тебриз, коим ты правишь, — самый боль-шой город и сюда ведут много разных караванных путей. Так же и Бог велик, и к нему есть также множество дорог. Каждый вправе выбирать свой путь, искать свою истину. Под единым Богом, в одном городе, мы жили и должны дальше жить в мире и соуда-сии.

— Хм, все это слащавые слова. Но ты не ответил на мой во-прос, — наступила долгая пауза, которую нарушил прави-тель: — А может, и ты перс, или, хуже того, еврей? А прикрыва-ешься великим родом.

— Я чистокровный араб, — только теперь шейх чуть повысил голос: — А прикрываюсь чалмой, которая обязывает меня быть сдержанным. На поясе моем кинжал, который служит для защи-ты чести моей. А язык мой родной — арабский, на котором гово-рят в раю, красноречие которого ты не объемишь, путь себе в другую сторону ведешь.

— Ах ты, перс, собачий сын, — вскочил Мираншах, — ты смеешь мне угрожать?!

— погоди! — выставил вперед руки шейх. — Как духовное лицо я тебе должен последнее объяснить. Персы — великий на-род, и ты это подтвердил, нарекая себя Шахиншахом. Ну а я по-читаю твоего отца и прошу, чтобы ты почитал и моих родителей, и не обзывал, не зная их, «собаками».

— Ты хочешь, чтобы я извинился?

— Я хочу сказать, что основой любого счастья является раз-ум. И всяк, кто неразумен, не будет справедлив, — и место его в аду.

— Где чье место — не тебе решать! — грозно двинулся Миран-шах на шейха. — И не тебе меня уму-разуму учить!

Если говорить образно, то тучи сгустились и это не только в надвигающемся хмуром правителе, более — в его неестествен-но широко раскрытых, налитых кровью глазах. И может быть,

надо было бы уступить, отступить, и, наверное, абсолютное большинство так и поступило бы, да случай иной.

Шейх-уль-ислам не только не дрогнул, а даже несколько выстоял грудь и спокойным, хорошо поставленным в проповедях четким голосом:

— Гнев — это злой дух разума, его враг и беда.

— Ты снова о разуме? — Мираншах уже вплотную подошел, а тот продолжал:

— Я о гневе. Если гнев преобладает, то ты должен стремиться к милосердному обращению в делах и приучаться к щедрости и прощению. Когда это превратится в привычку, то ты станешь похожим на пророков и друзей Божьих, а если изливание гнева станет твоей нормой, то ты уподобишься животным и зверям.

— Ты смеешь меня оскорблять?! — зарычал Мираншах. — Ах ты, свинья, собачий сын, — резким, умелым движением он всадил с силой кинжал в гостя и, не без любопытства, сверху глядя в его искаженное от боли лицо, ухмыльнулся: — Ну, как там у тебя? Небось на арабском тебя приветствуют?.. Что-то непохоже, Хе-хе.

...Некоторые историки утверждают, мол, Мираншах на охоте упал с коня, ударился головой о камень, и с тех пор с ним случались припадки безумия и безмерной агрессии. Тем не менее логика многих его действий в значительной степени опровергает это предположение и подтверждает, что он был настоящий злодей, в свой интерес, пусть даже самый низменный, но для него желанный, всегда ценил, просчитывал и оберегал, и тому пример тот факт, что сразу же после убийства духовного лидера мусульман, предвидя возможные возмущения, даже бунты, он первым делом приказал вывести на улицы Тебриза свои войска и ввел временное ограничение перемещений.

Тут же, стоя над поверженным, Мираншах вызвал начальника личной охраны:

— Как прошел ко мне этот пес, с кинжалом на поясе?

— Потомка Пророка мы не смеем досматривать, — в три погубели согнувшись, виновато, тихо отвечал телохранитель.

— Повесить! — скорый суд. А чуть раньше появился Молла Нессарт и в полный голос заявил:

— Настоящий шейх не может носить кинжал, его оружие — знание.

— А это что? — Мираншах сапогом ткнул в поясицу убитого.

— О, нет ничего достойнее для человека, чем Перо, — Молла осторожно отстегнул от окровавленного ремня инкрустированный серебром прибор. — Только Пером можно возвратить прошлое, запечатлеть настоящее, заглянуть в будущее.

— Ну и что там, в будущем, ждет нас? — сарказм в тоне правителя.

— То же самое, — кивком Несарт указал на поверженного.

— Хм, — небрежно ухмыльнулся Мираншах. — А ну, пошли, — скривив подбородок, он поманил старика за собой.

Рядом с тронным залом роскошная комната отдыха правителя, или кальянная. Здесь терпкий запах, легкая пелена дыма для Мираншаха уже накаляют на спицах глинообразную ханку дурь. С помощью тоненькой тростниковой трубки он, склонившись, несколько раз глубоко втянулся, потом отпил глоток красного вина и, развалившись на подушках дивана, не глядя на старика, по-царски молвил:

— Что ж ты меня так обозвал, шелудивый пес?

— Если это ко мне, — Молла демонстративно огляделся, — ты меня достопочтенные родители нарекли Молла Несарт.

— Ха-ха-ха, — видимо, улучшилось настроение правителя. — Ты, наверное, хочешь вслед за тем мудрецом поскорее в рай попасть?

— Все в руках Всевышнего.

— Что? — вскочил Мираншах, схватил сморщенную иссохшую зашеину маленького старика, со злобой тряхнул. — Ты в моих руках! Понял? В моих!

Ничего старик не ответил, так и застыл в сгорбленной позе а в померкших глаза лишь слеза блеснула.

— Ты почему меня по-персидски каким-то шахиншахом назвал? — сын Тимура вновь развалился на диване, трость во рту.

— Э-э, понимаешь, — сухость в голосе Моллы. — Даже степная собака в городе по-персидски лает, — и, перехватив реакцию правителя: — это тюркская поговорка, ты ее знаешь.

— М-да, — в глазах Мираншаха нет теперь места для гнева, в них расплывчатая пелена, полная расслабленность, так что и встать лень. — Ты дерзишь, надеясь на пайзцу отца?

Наш забыл, как остр мой меч? Ведь того, — он вяло кивнул в сторону тронного зала, — всезнающее Перо не спасло.

О, ты прав! — старик уверенно приблизился к дивану. Твой великий предшественник Искандер¹ сказал: «Мир находится под двумя вещами: мечом и Пером. Но меч — под Пером».

— Дурак Искандер, — Мираншах вновь присосался к трости, и выдыхая густой темный дым, разваливаясь на подушках. — А вот твоё сравнение справедливо. Хоть теперь поумнел.

— Еще бы, — слащав тон старика. — Общение с тобой и этот твой благовоный даже такие мозги, как мои, вправит.

Вот только что, — правитель уже протяжно зевает, — ты не верь на всякие выдумки, придумай мне новый титул.

— А какой тебе нравится?

— Ну вот «Благословенный Аллахом», нет, лучше «Одаренный благовоением Всевышнего». Нет, длинно... А так «Избранный Богом», — в полупьяной дреме он закатил под потолок глаза, вновь широко зевнул. — Нет, все это мне приелось. Давай тебенибудь новое, — у него сомкнулись глаза, и тогда Молла тихо выдал:

— Самый подходящий тебе титул «Пронеси господи!», злодей.

Слышал это Мираншах или нет — непонятно. Известно, что он стремился, чтобы все перед ним дрожали... Да теперь он врозь в дреме и Молла хотел было уйти, — один глаз правителя раскрылся.

— Деньги приготовь.

— Нету, — отвечает казначей.

— А шейх покушался... Охрана где? Деньги шейха сюда... Вечером, «Сказка Востока».

«Сказка Востока» — как игорный и публичный дом, как место отвыха, развлечений и просто светского времяпровождения богатых людей — манит к себе многих. И понятно, Мираншах — тиран, да это предприимчивых людей мало трогает, тем более пугает. Очень многие стремятся, даже мечтают познакомиться с правителем. Это не только индульгенция — это воз-

¹Тюрк. — Александр Македонский.

возможность что-то выгодно продать, что-то купить, возможности получить выгодный государственный заказ на строительство, поставку коней, оружия, рабов. Да мало чего еще дармового можно рядом с сильным мира сего занять? Да чего уж тут еще городить: власть всегда беспринципна, такие же люди повсюду, и никакой риск, даже вероятность попасть в ад их не страшит. Главное, в бедняках не остаться, не стать хуже других, никому не завидовать, а чтобы тебе... Словом, когда известно, что Мираншах будет в «Сказке Востока», там ажиотаж, и не все, а кого охрана посчитает нужным, пропускают: это сливки общества. Вот это успех!

Сам бы Мираншах каждую ночь в «Сказке Востока» проводил. Да хоть и не особо он трудится, а есть государственные дела: то послы, то приемы, то вредная жена Хан-заде, то охота и проверка войск и, если честно, здоровья не хватает. Одно посещение — игра минимум сутки. А это — сверхнапряжение, потом кутеж, и он болен последующие дни.

Любой игорный дом, а тем более «Сказка Востока» — это пыльные состояния на кону. При Мираншахе в Тебризе — это по деньгам, бывает, и буквально, целые княжества, чуть ли не царства. И мало того, что сын Тимура деспот, после проигрыша ему не один человек покончил жизнь самоубийством, но и он не единожды банкрот.

Любимая игра — шахматы. Общеизвестно, он сильный шахматист, играет не хуже Тамерлана, но ему чаще проигрывает, видимо, давит харизма отца. В шахматах ему больше сопутствовал успех, и случалось так, что не было достойных соперников — просто боялись, и он то уменьшал ставки, или попросту переходил на другие игры, где многое зависело просто от удачи.

Видимо, весть о Мираншахе, как игроке, распространяется далеко. И вот появился индус, который раз за разом стал выигрывать у него. Мираншаху казалось, что это злой рок, ибо его отец в то время громил Индию, а индус у него за ночь, словно отыгрывается, отбирает десятки, а то и сотни тысяч золотых.

Зная власть, силу, грубость и наглость Мираншаха, можно было предположить, что индус вскоре получит по башке и все потеряет. Однако тогда с ним всерьез играть больше никто не бу-

лет, а игра — его жизнь. И в игорном зале, как в бане, все равны. Честно и он сдержан, вежлив, задумчив и тих. Да вечно проигрывать не может, и индуса, как достойного соперника, которого надо во что бы то ни стало обыграть, он отпускать тоже не желает. Вот и решил он пойти на мошенничество: вызвал из Самарканда Мошлу Несарта. Сидит старик в соседней комнате, куда в критический момент, будто по нужде, навещается Мираншах. Эти «консультации» всплыли, с тех пор на деньги в шахматы с Мираншахом никто не играет, и власть здесь не помогает. Вот и перешел он на заурядный да более азартный шеш-беш и огненный диск, где в целом — лишь удача, а разум — чуть-чуть. Вот и начались даже в «Сказке Востока» погромы. Только чудом дело до убийства не дошло, но Мираншах в наркотическом припадке ярости двоих ранил. Казалось бы, что после такого Мираншах прикроет «Сказку Востока» в Тебризе, и посетителей больше не будет. А случилось совсем наоборот. Правитель города не может жить без этого заведения, а проходимцев, всяких подхалимов и просто любопытных, мечтающих хотя бы увидеть, а по счастливому стечению обстоятельств, познакомиться с могущественным владыкой, все больше и больше, даже из далеких земель.

Вроде бы все это во благо заведению, и доходы, несмотря на бедообразия Мираншаха, растут. Но купец Бочек — дальновидный предприниматель, печется о репутации «Сказки Востока», где посетители, правда, за большие деньги, должны получить удовольствие, отдых, кайф, и никакого риска, шума, гама, тем более побоища, которое назревает. Дабы избежать этого, сметливый ум Бочека выдумал неожиданное: заведение посетил якобы какой-то прокаженный европеец, карантин, «Сказка Востока» в Тебризе закрывается на неопределенно долгое время.

И тут вновь странности судьбы: невменяемого Мираншаха не побоялись, а от проказы шарханулись в разные стороны богатые завсегдатаи «Сказки Востока». А что касается самого Мираншаха, то у него в Закавказье и Передней Азии десятки личных дворцов, где он может сам для себя организовать любую сказку — хоть востока, хоть запада. Да не все так просто. В том-то и заключается предпринимательский гений некоторых людей, что они так умеют свой товар и сервис преподнести, что от одно-

го вида, запаха, ауры и атмосферы клиент готов на все, и главное для купца, чтобы все это не приелось, не надоело, не наскучило.

Так и случилось: трое суток держался Мираншах без «Сказки Востока», а потом приказал открыть заведение, и никакой заразы или проказы. Администрация заведения хотела было сослаться, что Бочека в Тебризе нет и прочее. Однако Мираншах сам здесь хозяйничает: сначала сведущих в эпидемиях послал, потом своих людей на все ответственные должности поставил. Такая рокировка в шахматы дает полезный эффект, а тут случилось дрянно, образно говоря, безвкусица, скукота и только.

Может в иных делах Мираншах слабо разбирается, но только не в досужих, где он, как никто другой, поднаторел. По сверхважному указу повелителя Тебриза и всех ближайших земель срочно вызвали купца Бочека, дали ему всякие льготы, лишь бы вновь «Сказка Востока» превратилась в прежний рай, не то правитель места себе не находит. Мечтая о славе отца, он весь кипит, но в бой идти не может: силенок нет. А вот вместо этого выпустить страсть за игрой — вот это азарт, вот в этом его жизнь. Да и на это не то что сил, а денег как всегда не хватает, проигрывает он в последние времена... Вот и сегодня на конфискованные казенного шейха деньги, он трижды играл, играл по-крупному, трижды подряд проиграл, денег больше нет. Он подумал о казначее, и тут, что он видит — Молла Несарт.

— Фу, — ухмыляясь, как-то странно фыркнул Мираншах, — меня все попрекаешь, а сам что тут делаешь, старый осел?

— О повелитель, ты всегда прав, старый я осел, да видит Бог, черт попутал.

— Что ты несешь? В одну кучу и Бога, и черта приплел.

— Так оно и есть — и смех, и грех, но не могу на это чудо не смотреть... Эх, — топнул он ногой, — был бы как ты молод да могуч. А так, — он, как бы в бессилии, развел руками, мина на лице, чмокнул губами.

— Что распоясался, осел? — не вынес этого Мираншах. — Я за тобой нукера послал, а ты здесь, с чего бы это?

— Что, проиграл? — теперь ухмылка на лице Моллы Несарта. — А нукера посылай-не посылай — денег в казне нет.

— Как нет?! — рявкнул Мираншах. — Ты мои деньги здесь проваживаешь?

— Не вини зазря, — тих голос Несарта. — Ты почти все деньги взял, а что осталось — твоя жена Хан-заде забрала.

— Почему отдал? — крайне раздражен сын Тимура.

— Прости, повелитель, она мне так же грозит... А что мне делать? Ты — царь, Хан-заде — царица, а я обязан вашу волю исполнить.

— У-у! — побежали судорожно желваки по скуластому лицу царя.

— Не гневайся, — мягок голос казначея. — Меня здесь пока никто не знает, могу разок в шахматы сыграть, на одну-две партии тебе подзаработать.

— Им, — оживилось лицо Мираншаха. — Идея! Давай побыстрее.

— Ты не торопи, — за слабость правителя ухватился казначей, уже по-свойски похлопывает его руку. — Сам знаешь, шахматы — не шеш-беш, времени требуют. А ты пока расслабься, посмотри на эту чудо-красавицу.

Мираншаха, распутного правителя обширных земель, ничем не удивить, да ради праздного любопытства поддался он на магию Моллы, хочется посмотреть, на кого старик позарился, чтобы потом всласть над ним поиздеваться.

В сопровождении правителя засеменил Молла Несарт по роскошной лестнице на второй этаж. Все посетители «Сказки Востока» знают, что там, в специальных залах, постоянно музыка, танцы, всевозможные яства; там всегда галдеж, гульба, веселье. Раньше и Мираншах любил там расслабиться, отдохнуть, и даже, подвыпив, танцевал. Однако со временем многое изменилось, правитель стал нервным, неуравновешенным, сильно похудел. Теперь он не выносит шума и суеты второго этажа. Все знают, что это от наркотиков и безудержной игры. И вот Мираншах опять соизволил подняться по большой широкой лестнице. Даже по сравнению со стариком, он явно сдал, уже практически не поет: одышка, боль в груди, так что за торопливым Несартом не попевает. Он остановился, от барабанного боя в висках... Остановимся и мы, дабы несколько оглянуться, что порою исторически бесполезно.

...Как мы не раз упоминали, Тимур был человеком малограмотным, но от природы весьма одаренным, и в том, что он был разбойником и в этом деле преуспел, нет ничего зазорного, скорее, наоборот, ибо время, цивилизация и уровень сознания масс были таковы, что поступки Тамерлана даже сегодня, а тем более в те времена, принимались как доблесть, храбрость, пример.

Тимур, несмотря ни на что, — редкий тип человека, бунтарь, выражаясь по-современному, в каком-то смысле революционер. Он не захотел быть простым табунщиком, с возрастом — дехканином. Он восстал, рисковал, по молодости льстил, унижался, лицемерил и предавал. Где-то ему повезло, но многого он добился благодаря выдающимся личным качествам. А это многое для разбойника — богатство. Там, где богатство, появляется досуг, и как видим, такие, как Мираншах, проводят досуг впустую. Тимур же стал гением потому, что он не только и не столько предавался загулу, сколько умел в тиши походного шатра извлекать знания и обогащать свой недюжинный ум, общаясь с учеными мужами.

Понимая роль знаний и науки, Тимур все силы и средства направил на то, чтобы самые светлые умы того времени стекались в его столицу — Самарканд. И, конечно же, он сумел дать прекрасное образование своему потомству. Так, младший сын Шахрух и внук Улугбек стали выдающимися мыслителями и просветителями не только того времени, но и всей человеческой цивилизации.

Право, это случилось не сразу, а с возрастом, с опытом. Наверное, поэтому старшие дети Тимура были не совсем образованными, и это в первую очередь относится к старшему из оставшихся — к Мираншаху. И если даже умел, то не любил он писать, а держать Перо в руках считал делом, недостойным мужчины. Но мы Перо держим в руках и пытаемся держать бережно, ибо помним, что сказали древние ученые, «что нет ничего достойнее, чем Перо, потому что им можно возвратить прошлое...». Этим даром Пера мы воспользуемся и заглянем, а что же такое случилось, что наш праведный старичок Молла Несарт по своей воле в «Сказку Востока» явился? С тех пор времени немало прошло, все в пелене да кальянном дыму, но мы кое-что различаем

и попытаемся вкратце рассказать вам наиболее, на наш взгляд, интересное.

Оказывается, в Тебриз, именно в «Сказку Востока» еще раз давно прибыл наш герой — эмир Красный Малцаг. И прибыл не просто так, а с «магическим оружием» для Шадомы. И на сей раз здесь же, в «Сказке Востока» (то ли в нашей книге, то ли одноименном заведении), произошла тайная встреча Малцага, Шадомы и Моллы Несарта. Последний от радости долго не мог сдерживать старческих слез умиления.

— Не зря я прожил жизнь, не зря я все это терпел, снискал, — по-отечески все время обнимал старик молодых людей и при этом не раз повторял, что с юности, когда потерял в один день своих родителей, это первый момент подлинного счастья в жизни. А когда Шадома поведала, что у Малцага родился сын, Несарт в восторге закричал, что в этом и его заслуга; ликуя, он, окончив, начал танцевать лезгинку и тут же постановил:

— нарекаю своего внука именем Лом¹, и пусть он будет счастлив!

Это было выстраданное время радостной встречи. Они смеялись по поводу и без. Тему рождения ребенка с удовольствием долго обсуждали. Ведь никто из них сына не видел, а Шадома узнала первой. И под нажимом мужчин призналась, что никто ей ничего и не сообщал, просто по-женски время высчитывала, и то, что будет — не сомневалась: в войну мальчики рождаются.

— Это знак, добрый знак, — молвил Несарт. — Мы все печалимся по поводу смерти. Хотя знаем, что это изначальный удел любого человека, и особо печалиться об этом не стоит... А вот то, что Бог послал на свет новую жизнь — вот это повод удивляться, радоваться, жить.

Тут он со слезами на глазах рассказал то, что знаем при помощи Пера мы, но не знала Шадома, и даже в подробностях Малцаг, это история про то, как Тамерлан приказал Малцага кастрировать, и как Несарт этого не допустил.

Их встреча продолжалась всю ночь, точнее, всего ночь, больше не было смеха, улыбок, говорили вполголоса, лишь изредка от избытка вскипая. Эти эмоции и Пером не передать.

¹ Лом (чеч.) — лев.

Только старик сдержан, вроде спокоен, вот урывками его последние речи:

— Мечь — в голове, несвобода — в душе. Мы, кавказцы, тем и отличаемся, что любим и ценим свободу души... Нельзя быть рабом варвара, а тем более диких, варварских чувств... Тамерлан, как и любой другой человек, пожнет лишь то, что посеет. И здесь главное — то, что злодеяния отразятся не столько на нем, сколько на последующих его поколениях... Мысль о мести — удел слабого, раба. Конечно, бороться со злом надо. Но наша цель — вновь разжечь живой огонь в наших очагах, на родном Кавказе!

Среди этих троих один человек теперь весьма влиятельный, известный, относительно богатый, он эмир, командующий войсками — это Малцаг. Да в том-то и дело, что это кавказское общество, и здесь последнее, а значит постановляющее слово принадлежит не богатому, то есть сильному, а лишь старшему — это закон, традиция, честь... Однако конкретное время, под названием исторический процесс, всегда привносит в любую нравственность и обычаи некие заимствованные элементы. Засим молодые, очень деликатно отстаивают свою позицию, что, мол, мстить они не будут и не смогут, но бороться с врагом человечества надо. И Молла Несарт им должен по мере возможности помочь. И вот первое дело: вопреки своему желанию и миропониманию, Молла Несарт выводит сына Тамерлана Мираншаха на Шадому. Цель старика вроде проста — сделать так, чтобы сумасбродный правитель Тебриза увидел Шадому во время ее выступления.

Шадома, по средневековым меркам, — довольно зрелая, не просто красивая, а сочно-обольстительная белокожая девушка, актриса, и если подчиняться современному Перу, то она и автор сценария этого действия, в котором участвуют все, даже кунцы Бочек, и просчитано все, вплоть до мелочей.

В зале полумрак, лишь она то поет, то танцует, то играет на арфе, словом, блистает. И в этом зале сегодня никто не ест, не пьет, все поглощены ее изяществом, ее талантом. И, как издавна в среде великих артистов повелось, здесь своя клановость, что в конце каждой партии бросает деньги и цветы, выражая

свой восторг. И здесь не только подставные лица, уже есть масса поклонников, масса охотников, и ставки за ночь — немалые!

Да актриса выше низменных утех — не продается, и это, как бы вскользь, упоминает важный администратор для вскипевшей публички.

Но Мираншах — не публика! Молла Несарт предупредил, что правитель Тебриза посредством зелья и игры психически расстроен, к женскому полу охладел, а в целом, невежда, деспот, эгоист и ревнивец. На последних двух чувствах и хочет сыграть Шадомы. По незавидному собственному опыту и по расспросам местных девушек, что обслуживали Мираншаха ранее, она уже знает обо всех его слабостях и отклонениях, которые бывают при всякой разнузданности. А еще знает Шадомы, да и все, что Мираншах и такие, как он, ограниченные люди считают себя чуть ли не сверхлюдьми, если не полубогами, и встреча с ним для любой девушки просто честь и пожизненная слава. Он же таких одалисок и за людей не считает, посему никогда после проведенной с ними ночи, а чаще — пяти минут, имени не спросит, так, может быть, кинет монетку, если настроение хорошее, а более — за счет заведения: весь город — его. А тут, думая, что скоро уйдет, он простоял на ногах более получаса, очарованный ее игрой (ведь недаром говорят — подлинное искусство и зверя покоряет), и, толкнув в бок Моллу Несарта, в удивлении спросил:

— Кто такая? Как зовут?

— Шад-Мульк, — с некой загадочностью сказал старик и, словно правитель не расслышал, на ухо восторженно повторил, — принцесса Шад-Мульк.

— Какая принцесса? — заинтригован Мираншах, ведь это он вонючий принц на земле, других не приемлет, вроде быть их не должно: всех истребили... Но, оказывается, одна осталась, да какая! А какая?

Сима Шадомы хотела стать принцессой Грузии, что где-то еще правдоподобно, Византии, ну на крайний случай — Сельджукидов, а шик — персов со времен Дария. Молла Несарт это веление остудил, он знает, что Мираншах в географии, а тем бо-

лее в истории, совсем плох, и поэтому называется то, что единственно уважается — последняя принцесса Ильханов¹:

— Праправнучка Чингисхана, — с подобострастием шепчет он.

— А как она сюда попала? — любопытствует Мираншах. И тут стал Молла, как на Востоке любят, витиевато-красочно говорить и так же жестикулировать, так что в потемках, перед глазами Мираншаха темные змеи — такая же история: это что-то вроде истории про современную Золушку. Да это все, как само человечество, гораздо древней, и Молла Несарт, будучи уверенным, что правитель этого все равно не знает, импровизируя, пересказывает допотопный миф о богине Иштар². Чувствительная история мало тронула Мираншаха, однако он выказал желание тотчас усладиться ею.

— О, это не ко мне, — ушел от ответа Молла. Был вызван главный администратор «Сказки Востока», который уверял, что Шад-Мульк выдающаяся актриса-принцесса, на гастролях по особому приглашению, и общение с ней в корне невозможно, но, учитывая, что правитель тоже принц, будут уговаривать Принцесса, не испытывая терпение правителя, быстро снизошла. Представление резко прерывается, ведь правитель правит здесь, и Мираншах приглашается еще на один этаж выше.

Шад-Мульк, как теперь на восточный лад она себя именует, крайне рискует, затеяв эту игру. Она, как никто другой, понимает, на что идет, к этому давно стремилась, готовилась и понимает, что от первой встречи зависит многое.

Прервав концерт, она спешно приняла ванну с лепестками роз, переделалась в строгий наряд, как принято у монгольских цариц, на котором китайцы вышили золотом замысловатые узоры на степной мотив. Даже когда перед Мираншахом открыли дверь, она, все еще полулежа на диване, покуривала наргиле.

¹ Ильханы — монгольская династия, захватившая власть в Иране, принявшая мусульманство и правившая там до прихода Тимура. Основатель династии — Хулагу, сын хана Толуя, внук Чингисхана.

² Иштар — древнешумерская богиня, ее эмблема — восьмиконечная звезда, символ созидания, плодородия и секса.

И лишь когда он вошел, она поднялась, и, зная, что исконно восточные тюркские, а тем более монгольские женщины почти что равные с мужчинами, если надо, даже воюют, с подобающим достоинством встретила правителя.

В «Сказке Востока» за Мираншахом Шад-Мульк подглядывала не раз, его психологию с помощью Моллы и Бочека она уже провела. Это далеко не Тимур, просто выскочка, которого, если получится, надо сходу обуздать, и только так и возможно — будучи один на один, где он правитель, а несколько стеснен, как почетный гость.

— Эти апартаменты я временно снимаю, — после изысканных приветственных речей говорит Шад-Мульк. И это уже не Шаома, она действительно прирожденная актриса или стала ею. По крайней мере, если бы кто из близких подслушивал бы, он не узнал бы ее: голос совсем другой, звонкий, как ручеек, по натуре властный; нежно-манящий, но требующий дистанции. — Это мой родовой дом, его сожгли сельджуки, — на картине огромный замок на берегу живописного озера. — Это, как вы, наверное, знаете, мои предки — великие ханы Хулагу и Тогтаи. — Все эти картины куплены на днях. — А это Чингисхан, — демонстрируется портрет купца Бочека в короне, свежая краска бороды блестит. — Ну а эта картина не для всех, — она делает многозначительную паузу, — но вам показать, я думаю, можно. — Это подлинник, влюбленный Сабук пригласил специально из Генуи художника, чтобы навсегда запечатлеть белокожую богиню Шадому почти что в нагом виде, так что Мираншах, изумленный, надолго бы здесь застрял, — вот в чем сила настоящей красоты и высокого искусства. Однако Шад-Мульк вернула Мираншаха в реальность: — А вот это Повелитель Тимур. Узнаете? — у предприимчивого купца Бочека коллекция портретов всех великих правителей на всякий случай, каждый из которых он в нужный момент выставлял. Почти то же самое делает и Шад-Мульк: — Как вы похожи на своего отца! Только черты лица более утонченные, я сказала бы, благородные, и не в упрек отцу, умней... Конечно, порода, наша великоханская кровь. Вы ведь знаете, что мы родня: Чингисхан и Тимур про-

изошли от одного отца — Туменай-хана¹. — И пока Мираншах обдумывал сказанное, она уверено продолжала: — И в этом ряду достоин быть и ваш портрет. Вы согласны, чтобы я писала вас?

— Вы рисуете? — поражен Мираншах.

— Гм, — очаровательная улыбка на лице Шад-Мульк. Я впервые обращаюсь к мужчине с такой шепетильной просьбой, а вы... — она весьма искусно всем своим видом изображала обиду, слегка отстранилась.

— Конечно, согласен, — по-воински браво ответил Мираншах и хотел было изобразить галантность, да вышло так коряво и неумело, что Шад-Мульк чуть не прыснула смехом — и это от общей радости: ее первый, самый важный и опасный акт игры удался. Теперь нужна пауза, ей надо передохнуть, и надо, чтобы в опьяненном сознании Мираншаха это прочно осело. И в этот момент стук в дверь — Молла Несарт, у него нет дара Шад-Мульк, он уж слишком натянуто улыбается.

— Вот, — деньги в руках казначея отвлекают все внимание, — выиграл.

— Наступает долгая пауза. Взгляд Мираншаха заблуждается с Несарта на Шад-Мульк. Девушка, как говорится, нашлась:

— Достойный мужчина, — как бы про себя выдала она, направляясь к краю дивана, где у изголовья стоит наргиле, — воин и игрок. — Грациозно присев, она пару раз затянулась и, выдыхая клубы ароматного дыма: — Люблю азартных мужчин, — и следом: — уверена, вы сегодня и отныне победитель.

— Вы ясновидящая? — расширились глаза Мираншаха.

— О! Только не это, — она мило улыбается. — А то прославу еще ведьмой, колдуньей. Нет! Нет! Еще раз нет. Просто общению кровно-родственных душ должно обогатить нас. Мы должны помнить величие нашего рода. Никто против нас не устоит. Будьте уверены, и вы сегодня победите... Ха-ха, обещаю.

---

¹ Туменай-хан — предок Чингисхана, о котором есть данные в «Сокровенном сказании», где прослеживается генеалогия великого монгольского рода. А в 1398 г. не без помощи Тимура появилась новая генеалогия рода Чингисхана, где доказывалось тесное родство двух великих завоевателей, это пропагандировалось и насаждалось.

— А после я вернусь к вам? — то ли вопросительно, то ли прощайбой, что совсем не похоже на прежнего Мираншаха.

— Конечно, — уже по-родственному, вроде проста Шад-Мульк, — только три игры, а то я рано ложусь спать, — она уже устанавливает ограничения.

Мужчины ушли вместе, но, как и договаривались, вскоре Абдала Несарт вернулся, все ерзает, прячет взгляд.

— Ну как? — девушка опять на диване, теперь это голос прежней Шадомы, на лице усталость и опустошенность.

— Ты молодцом, — бросил старик, походил, нервничая, встала и, став перед ней: — Я так не могу, чувствую себя последним мерзавцем. Это не для меня.

— Значит, лишь для меня? — вновь блеснули жизнью ее глаза, от обильного пота смоляные волосы прилипли ко лбу и к вискам. — Ты что думаешь, мне все это доставляет удовольствие?

— Да, вот тут ты права: женщина, тем более кавказская женщина, не может заниматься такими делами.

— А какими может? — вскочила она, подбоченясь, встала в выпячивающей позе. — Что? Должна быть тихой, благо нравной и рожать детей?.. Что молчишь? Не могу я рожать, не могу я быть матерью и некому за мою честь постоять! — Ее не узнать, судорога прошла по лицу, застыла, искривив лицо.

— Успокойся, Шадома, успокойся, — бросился старик к ней, она усидел на диван, потом побежал за водой. — Выпей, выпей, Шадома, полегчает.

Зубами выбивая о стакан дробь, она большими глотками выпила все. Тяжело дыша, устала в пол и тихо вымолвила: — Чем им буду мстить, а ты поступай, как хочешь.

— Шадома...

— Замолчи, — вдруг она вскочила, выправила стать и голос иной: — Более не называй меня Шадомой, — ханский тон. — Отныне я для всех Шад-Мульк... А чтобы ты и Малцаг собою не мучились, скажу, что я больше персиянка, чем кавказских кровей. Но моя родина — Кавказ, и я борюсь за честь горняки, — она уже вошла в свою роль и, как принцесса, уселась чинно на диван.

— Э-э — как перед настоящей ханшей в повинной позе стал старик. — Понимаешь, дочь моя, при всех обстоятельствах мы не

должны равняться на этих варваров, у нас свой нрав, своя мораль, и мы должны это свято чтить и беречь.

— О Молла! О какой морали ты говоришь? О том, что женщина на Кавказе — хранительница очага, а мужчина — ее защитник?! Да нет уже этого очага, и защитников раз-два и обчелся. А знаешь, почему? Потому что у нас вроде бы такая высокая мораль.

— Да, — теперь тверд голос Несарта. — Женщина на Кавказе — свято!

— Вот я, смотри! — развела Шад-Мулк руками, вызов на лице. — Где здесь святость? Да ты знаешь, сколько в меня всажено гадости? Самой мерзко. И кто мою честь отстоял, отстоит? Один Малцаг да ты, старик, что весь в морали и сомнениях?

Она вновь резко вскочила, будучи выше него, глянула с неким недовольством, искоса, и с ухмылкой в тоне:

— А знаешь, к чему приводит наша высокая нравственность?.. Каждый год война и тысячи одиноких вдов, незамужних женщин, так называемых хранительниц очага... А у этих дикарей что? Муж убит, его жена спокойно перелезает в постель деверя, сводного сына, да кого угодно. Гаремы. Свободных женщин нет, а детей — море, вот и заполонили они мир, нас истребили, поработили.

— Ты меня не пугай, — суров голос Несарта. — И нас с варварами не равняй. Они, что звери, — ничего святого.

— О, как же, как же! Мы выше, нравственной!

— Замолчи! — топнул ногой Несарт. — Наши нравы не трогай!

— Ах! Теперь это «ваши» нравы? А как же! Вы, кавказцы, не покон веков не приемлете чужаков, словно сами арийцы... Хотите-то сейчас в прислугах и подстилках.

— Замолчи, судья дочь! — он замахнулся, так и застыл.

А она съезжилась и вправду прикрыла рот рукою, а затем тихим голосом Шадомы прошептала:

— Ударь, по-отцовски ударь, — и, не дожидаясь, прикрыла лицо руками, дрожа всем телом, заплакала.

— Успокойся, родная... Шадома, все будет хорошо, — он сам тяжело вздохнул, стал водить кончиком сапога по узорам роскошного ковра, — просто эта двуликость не по нутру... Хм, шире чем, ты и Малцаг вдохнули в меня жизнь, где-то дали надежду

ду, — от улыбки разошлась его борода, он встал, несколько пытаясь выправить грудь. — Действительно, а чем я лучше иль хуже Тамерлана? Ха-ха, я к вашим услугам, принцесса Шад-Мульк, я буду играть!

Его показная веселость никак не подействовала на девушку, молочно прикрыв лицо, она горько выдала:

— Ты прав, дед, мы куклы, можем только играть, как дети, в игру, зная, что уже давно проиграли.

— Почему же «уже проиграли»? — оторопел Молла.

— А потому, что мы с тобой уже не родим сыновей, — в тоне говоря тоска, которая явно задела старика, аж дернулся глаз, но он от возраста мудр, к тому же в «игре» и полностью отдавался игре, он вдруг просиял, сел на корточки перед ней, погладил ее по голове:

— Шадома, дорогая, на все воля Божья, и мы еще родим, мы победим, и знаешь, с помощью какой силы? — тут он сделал многозначительную паузу, но, видя, что она никак не реагирует, все же в том же бравом тоне, как великую тайну, продолжил: — Сила — в знании.

Тяжелым взглядом исподлобья, как на дурака, уставилась она на него, а старик продолжал:

— Каждому человеку Бог дал ум. Этот ум надо обогащать знаниями. А знание — такая сила, что не только Тамерлана, но и горы свернет.

— Ха-ха-ха! — словно припадочным смехом разразилась Шадома, встала, а в позе вульгарный вызов: — Так отчего ж ты прогнул, чтоб я свои знания и навыки применила в «игре»? — вмиг ее лицо изменился, стал ядовитым и властным. — Иль жалеешь этих подлюг?

— Боже! — отпрянул Молла, — глаза на лоб. — Как ты преобразилась? Точно ведьма, ой, — он осекся, — актриса, — виновато поправился старик, а она надменно:

— Не забывайся — я принцесса Шад-Мульк!

— Ты убьешь его?

— Кого? Придурка Мираншаха? Ха-ха-ха! Зачем? — она пошла к зеркалу, погладила длинную шею, всмотрелась. — Завтра утром либо я паду мертвой пред ним, либо он ляжет зараженный у моих ног, и тогда, — она уже демонстрирует, как это будет

наву, — я ступлю на его спину и стану гораздо ближе к логову Хромца проклятого, и я вот так, — ее пальцы как когти, — вырву душу из них, как они мою матку, такой же рукою... Ты это можешь представить, можешь понять?

— Боже! Неужели это правда, Шадома?

— Правда, — это голос Шадомы, а затем иной: — Отныне я помни, я принцесса Шад-Мульк! — она вновь глянула в зеркало, спокойно поправила волосы. — Мне надо готовиться: вся игра впереди. А ты пойди посмотри, как этот идиот играет. — И, как закрылась дверь, она ухмыльнулась: — Хе, — в зеркало, — ну что ж, смогу ль я отыграться? Смогу! Должна! — И следом, явно по грустнев: — Где ж мой Малцаг?.. Прости, — опустила она голову, слеза.

* * *

Что наша жизнь? — Игра. Отметим, что это было сказано давно. А в словаре читаем: «Игра — занятие с целью развлечения, забава; противоположное — труд, работа. Деятельность, занятие детей». Отсюда можно сделать не совсем лиценциозный вывод, что «жизнь — игра», удел праздных людей, каковым в нашем случае является правитель Тебриза — сын Тамерлана Мираншах. А если учесть, что «игра — занятие детей», то как не вспомнить, что даже чистые, невинные существа во время игры часто ссорятся, ругаются, порою дерутся. Что же тогда говорить об играх безгрешных взрослых, тем более, когда на кону целые состояния. И ясное дело, при таких ставках игра — это не детская шалость или забава, это большая вожденная страсть, для удовлетворения которой необходима концентрация всех человеческих сил, в первую очередь ума. Однако ум Мираншаха, который вновь пошел играть, в последнее время постоянно отравлен зельем, не соображает. И как тут не вспомнить опять его великого отца, ведь Тамерлан тоже игрок, к тому же очень страстный, и искал себе достойных противников игры в шахматы по всему свету. Есть поверье, будто во время индийской кампании во время осады Мултана (а это, как ни странно, по времени совпадает с описываемым периодом — когда Шадома встретила с Миран

шхом) Тамерлану доставили пленного юношу, который, по слухам, очень силен в шахматах.

Нам уже известно, что впереди было тяжелое сражение за Дели. Думая об этом, Тамерлан постоянно играл в шахматы с индийским юношей — побеждали поочередно. А вот после заката Дели Тимур стал раз за разом проигрывать, и даже стоклеточные тимуровские шахматы не спасали. Тогда Великий эмир обратился к своим советникам, к знахарям и звездочетам. Те раздумительного ответа не дали. И какова важность игры, если Тимур направил послания в Тебриз к Моле Несарту с описанием ходов последних игр, чтобы выяснить, где кроется ошибка? Ответ от Несарта был скор: «Ошибка в том, что ты под Дели истребил сто тысяч беззащитных рабов, еще столько же в самом Дели... Присвоив их имущество, ты стал еще богаче, значит, по счастью, еще счастливее. Оттого ты постоянно веселишься, пьешь... Свести не было, теперь отравлен ум — не до игры, бедный...»

Это уж слишком. За такую наглость Тамерлан решил послать письмо Мираншаху — казнить Моллу Несарта. Да не судьба: в это самое время из Тебриза пришла весть от жены Мираншаха Хан-шад. Сообщает она, что ее муж погряз в пьянстве, разврате, в шпоре. Все вокруг него жулики, отщепенцы, гашишники. Один лишь Молла Несарт, назначенный по ее рекомендации казначеем, соблюдает мусульманскую мораль, вовсе не пьет, не блудливый (деньги ей тоже дает). А попутала Мираншаха какая-то женщина по имени Шад-Мульк, которая выдает себя за принцессу. Вот ее то и надо казнить. Особо не вникая, кто такая Шад-Мульк, Тамерлан издает указ — эту женщину казнить, и мы об этом уже писали.

Вместе с тем, чтобы закончить этот сказ об играх, сообщим, что Тамерлан после индийской кампании действительно тяжело заболел, на носилках его привезли в Самарканд. А тут как раз священный рамазан, перед которым он обычно уходит в поход с палатками, газават, списывая этим самым грехи. Да вот на сей раз не до походов, и, будучи в окружении личного духовенства, он держит пост, оттого не пил, и не месяц, а ровно сорок дней. И ум его так просветлел, что он стал индийского юношу раз за разом в шахматы побеждать...

Однако мы несколько отвлеклись, забежали вперед на пару месяцев в историческом процессе. Но что такое два месяца на стыке XIV и XV веков, когда мы это все обозреваем с высоты XX и XXI века? И зачем мы сами мельчим, противоречим себе вопреки даже сказанному, говоря не о масштабных событиях, а о каких-то играх, интригах, любви, смерти? Да оказываются даже единичные, а не массовые факты влияют на судьбы народов, даже на сам ход исторического процесса. Для примера вспомним хотя бы, что случилось после убийства сына Тамерлана — Омар Шейха. Почти что полностью был истреблен нахский народ, прекратила свое существование страна Алания, цивилизация на Северном Кавказе была буквально стерта с земли, человеческой жизни там практически нет, лишь единицы горцев в непроходимых теснинах Кавказа...

Так, из-за этого примера мы несколько углубились, повторимся, да это все лишь для того, чтобы выяснить роль личности в ходе истории, тем более личности сугубо исторической, очень привлекательной, волевой, умной, о которой в хронике всего пара слов. Это и понятно: нет после нее тысяч жертв, погромов и пожаров, и в основном ее ненавидели те, кто о ней невольно писал, а это и понятно, ведь какая-то девчонка при поддержке такого же молодого человека и старца разнесла огромную империю, которую создал Тамерлан... Да что же это такое? Теперь мы снова забежали вперед. Это от вольности, точнее вольнодумия литературы, это знания, приобретенные посредством виртуальности Пера, а нам этот пыл надо немного поумерить — тогда побольше историзма, побольше скрупулезности, фактов, чисел, дат, персон, — тогда вернемся в сказку, образно говоря, в «Сказку Востока», в Тебриз.

В поисках пути к Мираншаху, Малцаг и Шадома по подсказке Моллы Несарта выбрали игру, как слабость сына Тамерлана Мираншах — человек малообразованный, оттого невежественный, верит во всякие суеверия, знаки, магию. Этому способствует и всякое зелье, что туманит рассудок и порождает ненормальную фантазию, порою галлюцинации. В этом плане Шадома — добрая, очаровательная фея на его жизненном пути, которая, как некогда дед ей самой, уже сама внушает силу и уверенность Мираншаху, предсказывая ему победу. Для этой цели при

вечными деньгами Малцага и, как резерв, средства купца Бочека; Мираншаху будет проигрывать подставной игрок, и даже есть запасной.

Вроде все шло по плану: Мираншах трижды выиграл. Обычно больше не играют, ведь напряжение колоссальное. Да взыграла Тимурова кровь — максималист, меры они не знают. От победы воспрял Мираншах, решил сыграть, точнее отомстить одному из своих давних обидчиков. Молла Несарт, что за этими делами наблюдает, так разволновался, искренне болеет за противника, что ему самому чуть плохо не стало. А Мираншах выиграл, и не раз.

После такого не только победитель, но и все присутствующие в игорном зале крайне удивились: аплодисменты, лесть, улыбки и ужимки. И это немудрено. Может, Мираншах до этого очень много проигрывал, но сегодня он не на поле брани, а за столом «захватил» как минимум полстраны. Как от такого не воспрянуть? С царской небрежностью он поручает денежные дела казначею, а сам думает об ином: другая страсть возгорится в нем — Шад-Мульк, вот что его теперь влечет. И он как мальчишка, словно крылья любви несует, побежал на второй этаж.

Принцесса Шад-Мульк — не какая-то одалиска из «Сказки Востока», и даже правителя Тебриза не сразу пускают к ней. А они, то ли ждала, то ли нет, теплая, улыбчивая, розово-белая, и пурпурной постели. Как положено при принцессе, сразу же появились служанки; свет, сладкий аромат восточной еды, терпкое молодое вино, благоухающий завораживающим маком кальин, родничок в углу, словом, сказка.

Обычно у людей с неуравновешенной психикой гнев и восторг проявляются в крайней мере. Мираншах на сей раз как мальчишка рад.

— Я выиграл! — ликует он. — И много раз!

— О, иного и быть не могло, — радостно сияет и лицо Шад-Мульк. — Сегодня произошла встреча звезд на небе, светил на земле, нам сопутствует удача. Я так счастлива, что встретила тебя.

— А я, я так давно не выигрывал!

— Немудрено, плохие люди вокруг тебя. — И следом, зная, что турки, впрочем как и другие невежественные народы, считают

себя сыновьями не кого-нибудь, а именно пророка Ноя, она говорит: — Мы, как истинные потомки Ноя, окружены порою злыми людьми; от них вред, беда, неудача. Таких людей надо избегать.

И пока Мираншах переваривал эту непонятную речь, следующий, с виду простой ход:

— А знаешь, что наш предок первым делом сделал после Потопа? Посадил виноградную лозу, — и она указывает на живую, изогнутую виноградную ветвь, посредине, чуть в глубине, чуть-чуть ку блестит сочная кисть, которую так и хочется съесть.

Молла Несарт застал Шад-Мульк за этим творением, удивленно спросил:

— Что это за манящий вход в пещеру?

— Правильно, — довольна принцесса. — Только ты, старичок, мало женщин видел — детородный орган, а рядом фаллос, — она с ударом поставила у лозы кувшин странной формы с вином.

— Фу, гадость, — убежал Несарт, а девушка залилась звонким смехом.

В этой комнате все должно напоминать влечение, в том числе раковины на полу, перевернутый хрустальный треугольник на столе, китайский символ «инь-ян»¹ на стене, но главное — божественное очарование юной Шад-Мульк в этой спальне...

Действие любой обольстительницы — тоже тонкая, сложная и напряженная игра. Здесь главная задача — не покорить мужчину, а, наоборот, всеми способами возвысить его, при этом создавая иллюзию покоренной, не допуская этого никогда. В этом ракурсе перед Шад-Мульк стоит почти что неразрешимая задача, ведь Мираншах, совращенный излишеством, тщеславием и зельем, — уже в корне испорченный человек, такой же мужчина, похабно-инертный к женщинам; в нем почти что иссякла мужская страсть; он, как Нарцисс², — вроде цветет

¹ Инь-ян — женское и мужское начало, древнекитайский образ балансирующего динамизма, символизирует взаимозависимость противоположных сил и принципов в космосе.

² Нарцисс — цветок весны, символ смерти в юности, сна и возрождения; в древнегреческой мифологии юноша, который влюбился в свое собственное отражение в воде и умер, не в силах оторваться от него. Греческое название этого цветка имеет общий корень со словом «наркоз» — «нечувствительность».

в ту же унывает. Обычно цель женщины лишь слегка разогреть мужское начало, дабы оно не возгоралось и быстро не сгорело в не тело, превращаясь в угли, и чтоб ее тепло, ее ласка, ее старание, как легкое, волшебное дуновение, этот огонек всегда воодушевляли, но не гасили... Однако в отравленном организме Мираншаха нет огня, нет даже углей, почти что сплошь зима. К тому же Шад-Мульк, уже опытная женщина, чувствует, что в этих «углях» какая-то обворожительница, а точнее, по рассказам Молды Несарта, жена Хан-заде, здорово «покопалась» в борьбе за ложе в гареме почти свела на нет многое, если не все.

И все же Шад-Мульк, как женщина, прошла ужасно-восхищательную школу гарема и публичного дома, теперь поставила перед собой большую цель, в ней жизнь бурлит, горит; нашла она слабенькую искорку в «углях» души Мираншаха, и кое-что всегда разжечь.

На следующее утро никто ни в чьих ногах не валяется. Вскружить голову Мираншаху Шад-Мульк не удалось: образно ее нет; видеть страсть — тоже, ее тоже вроде нет. И как ни странно, сама Шад-Мульк к такому результату их отношения подвела, и это не оттого, что Мираншах ей попросту мерзок, здесь дальний расчет, и она при встрече с Молдой Несартом говорит:

— Этот размазня и не мужчина. Правит здесь за счет отца... А если Хромец даже оставит завещание на него, он и дня на троне не усидит — без башки.

— А при чем тут трон? — удивлен старик.

— Хм, а что? — от прежней Шадомы нет и следа. — Ну, раз стала я принцессой, то до царицы — один шаг.

— Ты в своем уме, Шадома?

— В своем, и очень светлом, — она холодным, оценивающим взглядом смотрит в зеркало и даже на казначея смотрит едва ли не свысока, если только смотрит. — А ты, милый дед, запомни в последний раз: я — Шад-Мульк. Это раз! А два — то, что если какой-то безграмотный разбойник, пастух, смог покорить мир, то почему бы и мне, девушке, в жилах которой течет действительно княжеская кровь, которая образованна и культурна, не стать полновластной царицей.

— Господи! Ты заразилась от Мираншаха. Он тебя охмурил.

— Ха-ха-ха! — беззаботный смех. — Ты лучше деньги неси
— Деньги?... Я помогаю, чем могу, но воровать из казны — не воль, не вор.

— Ну а Хан-заде даешь?

— По письменному распоряжению правителя... она жена

— А я, по-твоему, кто?

— Доченька моя, не знаю статуса твоего, но одно скажу — твоя затея до добра не доведет... Ты, как и Мираншах, сошла с ума, пьяна, брось эту мерзкую игру.

— Ха-ха, да, я пьяна, пьяна борьбой, а не игрой. И, может, отступлюсь, но до смерти не отступлю.

Без Малцага, но при его протекции, помощи самого купца Бочека, Шад-Мульк при всей ее одаренности и целеустремленности никогда ничего не достигла бы. А так, плоды ее затеи на лицо. Отношение между нею и Мираншахом отнюдь не восточные, носят какой-то партнерский и даже дружественный характер. Это отчасти оттого, что сам Мираншах к женам и гаремам пристрастия не питает, а Шад-Мульк тем более. Предложил Мираншах ей для проживания один из своих замков, но и тут Шад-Мульк отказалась; она, вроде, свободная женщина, актриса, и желает жить в «Сказке Востока», тут ей безопаснее. А правителю как удобно, ведь Шад-Мульк — не его зловредная жена Хан-заде, которая его вечно попрекает, домогается, клянчит деньги. А с Шад-Мульк спокойно, умиротворенно, и, главное, она ничего не просит, не ругает за пьянство и игру, а более того, исход поединка может предсказать.

Вот здесь у Шад-Мульк большие проблемы, ведь она для Мираншаха счастливая фея. Ну а где взять столько денег, чтобы он постоянно выигрывал, да и зачем? И тут пригодился и острый ум Бочека. Он, как хозяин, знает все в своих заведениях, знает, что, пользуясь нетрезвостью Мираншаха, несколько сильных игроков не без мошенничества выигрывают у правителя огромные деньги. Об этом Мираншаху стоило только намекнуть и для наглядности подсказать момент, а он, и без того жестокий, разошелся — кого из противников казнил, кого посадил, кто бежал. После этого в «Сказке Востока» Тебрид сильных игроков не осталось, а если остались — ставки невысоки, так что ради удовольствия правителю порою полезно

и проиграть.

Теперь у Шад-Мулк есть время оценить ситуацию. Ее сознательная жизнь почти что полностью превратилась в войну. И хотя она женщина, а мыслит она не иначе как воинскими категориями. Вслух она об этом, конечно, не говорит, да Малцаг в ее глазах — воин, отличный воин, даже полководец; Молла Невари, что родной народ: выиграет она — будет рад; проиграет — не рад, вроде, вот и все. Купец Бочек — это тыл, обоз, пока она идет в бой — он при ней, проиграет — достанется другому. А вот сама она стратег — вровень Тамерлану. И недостаток лишь один — женщина. Но она будет бороться иным путем и, главное, уже вступила в бой: первая позиция — Мираншах — взята. Да что делать далее — не знает, надеется, что противник подскажет, как ей поступать, а она за время этой передышки займется личными делами, не может же она всю жизнь одинокой быть: кому достанутся плоды ее побед? Вот как дальновидно она мыслит. И в этом смысле у нее одна любовь — Малцаг, одна надежда и будущее — его сын.

С Малцагом посредством купцов у нее постоянная связь, и, захватив в Тебризе кое-какой плацдарм, она всеми способами попытается выманить его семью сюда, ссылаясь, что это почти что Кавказ, и в случае чего, в конце концов, до родной Грузии и даже Северного Кавказа — Алании — рукой подать.

Среди мамлюков добрая половина — кавказцы, а Малцаг знает, какова ситуация на Кавказе: в Грузии уже есть литературное творение — «Витязь в тигровой шкуре», а посему вокруг этого шедевра зиждется жизнь, она есть и будет, как это великое произведение. А вот нахов сплотить трудно — письменности нет, есть лишь устные илли¹, да и их воспевать некому. Словом, Малцага там никто не ждет. Да резон в предложении Шадома есть, ибо он сам мыслит, что оставлять семью под носом ненадежного и коварного султана Фараджа — в случае чего (а прецедент был) можно статься у него в заложниках.

Конечно, в этом плане много изъянов: семья в стане врага. А с другой стороны — где этих врагов нет? Кругом вражда, война. Но если инкогнито семью в Тебриз перевезти, то это го-

¹ Илли (чеч.) — легенда, сказание, былина.

род огромный, все нации и религии живут, купить небольшой домик, и никто не узнает, к тому же климат помягче, и Кант рядом.

Как и в других тайных делах, и здесь на помощь пришел купец Бочек и его влиятельные связи на караванных путях. Сопровождая Седу с младенцем, в Тебриз прибыл и доктор Сакрел, вслед за ними — Малцаг. Полтора года назад, вот так же тайно, под покровом ночи Шадома, Сакрел и Малцаг встречались в Персии. Сколько в тех встречах было отчаяния, тоски, надежды и, вроде бы, безысходности? Но они боролись до конца, и где-то им повезло, а в целом — не сдались, не покорились, не смирились. И теперь прошедшее время как миг, все события и не припомнят. И все равно как они рады встрече, как они рады даже такой жизни, ведь меж ними столько тепла и любви! И все это подкреплено верой в будущее. Так, у Сакрела старшая дочь вышла замуж, и не в гарем. Но в центре внимания, ласки и надежды маленький сын Малцага, такой же светлый, рыжеватый, светлоглазый, живой...

В историческом романе, казалось бы, не до чувств. Здесь должны превалировать бездушные факты. Да мы вновь огораживаемся о претензиях к литературному труду. И в этом контексте хотим сообщить, что наша Шад-Мульк, хотя и мыслит категориями войн, да, будучи женщиной, грезит о мире, и ее тайная мысль — не Тимурово племя истребить, а свое, не менее величавое иметь! Вот где ютятся ее амбиции, вот в чем ее месть: за утраченный род, за невозможность создать семью и стать матерью. В этом плане Шад-Мульк сына Малцага долго полюбила, а увидев, обомлела — это не просто обаяние, это смысл жизни — что-то родное. А Седу она ревнует, не любит, но это скрывает: мальчику нянька и кормилица нужна — так она смотрит на это. А вот очаровательно-чистый детский взгляд ищет не ее, а мать, и, будучи у нее на ее руках, постоянно к Седу рвется.

Без труда покоряя мужчин, Шад-Мульк надеялась, что и ребенок поддастся ее притягательному обаянию. Не тут-то было, все как раз наоборот. Это ее расстроило. Наглядевшись на Мираншаха, а может, уже вкусив власть принцессы, она стала нестоить себя довольно несносно с Седой. Благо, что Малцага в Тебриз

уже нет, и доктор Сакрел в женские дела пытается не вмешиваться, тоже на днях должен уехать. А Шад-Мульк так увлеклась рефератом, все внимание к нему. В нем средоточие всех сил, что, выражаясь военной терминологией, почти что полностью оголела свои тылы, в «Сказке Востока» расслабилась. А тут поджидает ее враг — враг сильный, достойный, не менее искусный в обобщительных делах: Шад-Мульк отравили.

И «Сказке Востока» все службы есть: и медицинская, и специальная должность кущи-баши для защиты от коварных отравителей. Они вряд ли спасли бы Шад-Мульк, да у нее, выражаясь современным языком, несколько степеней защиты: благодаря одной из одалисок, до Сакрела дошла весть. Прибыв в «Сказку Востока», он первым делом стал выяснять, чем отравили. Оказывается, Шад-Мульк, покоря других, покоряется и сама, и если быть точнее — с кем поведешься, от того и наберешься! Мираншах, до него Сабук, да и все мужчины вокруг Шад-Мульк и сама атмосфера «Сказки Востока» полностью пропитаны наркотическим ароматом. Шад-Мульк этого недостаточно, и она понемногу употребляет больше того, чтобы расслабиться. Этим воспользовались, подсунули сверхдозированную банджу¹.

Бать яд — есть противоядие. И пока доктор Сакрел приводит Шад-Мульк в чувство, хозяин «Сказки Востока» купец Бочек, который владеет своим огромным хозяйством во многом благодаря жестокой дисциплине и порядку, начинает расследование, возвращая пытке кущи-баши, администратора и начальника охраны «Сказки Востока». И тогда все быстро выясняется: так изобретено приказала отравить Шад-Мульк не кто иная, как уже известная нам Хан-заде.

Как известно, повторение — мать учения... Настоящее имя Хан-заде — Севин-бек. Она внучка хана Золотой Орды — Узбека. Ее отец, хан Хусейн Суфи, погиб, защищая родной город Ургенч от полчищ Тимура. И может, это легенда, а может, нет, но так написано, что когда Великий эмир взял в плен сына Хусейна Суфи Юсуфа, хотел казнить и уже собирался отдать дров-

¹ Банджа — сильное снотворное с наркотическим эффектом, изготавливают из конопли, мака и грибковой смеси.

ний город на разграбление своим варварам, к нему явились послы города, а среди них под чадрой сестра Юсуфа — сказочная красавица Севин-бек, и она, открыв свое прекрасное лицо, ни чего не страшась, и даже с вызовом, заявила захватчику:

— Пощади моего брата Юсуфа, жителей и сам город Ургенч, и ты получишь царский подарок.

— Что ж это за подарок, девочка? — сидя на коне, усмехнулся Тимур.

— Это я!

— Ха-ха-ха! Так все кругом мое!

— Тебе так кажется, — она скинула с себя грубый балахон, ярким золотом заблестело ее платье и серебром кинжал, прижатый острием к животу.

— Ну, я согласен, — на такую дерзость юной красавицы сдался Повелитель.

— Я тоже согласна выйти замуж за твоего старшего сына. Через месяц будет свадьба, — она уже диктует условия. — И не забывайте, чья я дочь и чей сын мой избранник?!

Мы читали, какой великой была свадьба первенца Тимура Джехангира и его невесты, нареченной Хан-заде. У них родился сын Мухаммед-Султан, а когда ждали рождения второго сына, Пир-Мухаммеда, Джехангир неожиданно умер. Это произошло вскоре после смерти его матери Алджай. Обе смерти случились, когда Тимур был в походе. Ходили слухи, что это гаремные распри. После этого Тимур навел в своем гареме надлежащий порядок. А Хан-заде, как это было принято в тюркских племенах, могла стать женой любого из тимуридов, но она сама выбрала Мираншаха, сводного брата своего мужа, и родила ему сына Халиля.

Может, все это от любви? Да нет и не было у Хан-заде никогда никакой любви, зато был строгий, четкий расчет, который зиждется на своеобразных семейных ценностях кочевых народов. У монголо-тюрков, как и у всех восточных народов, целые гаремы. Но есть мать хана, которая фактически главнее всех в семье, а если таковой, как, к примеру, у Тимура, уже нет в живых, то эти главенствующие функции на время отсутствия правителя, и даже когда он в столице, исполняет старшая жена, в данном случае, Сарай-Ханум, мать Мираншаха и Шахруха.

И пока Великий эмир жив, соблюдается иерархия: Тимур, далее Сарай-Ханум, остальные — ниже по рангу. Но Тимуру уже шестьдесят четыре, что по средневековым меркам очень много, к тому же он вечно в походах и в войне, много врагов. Так что вопрос о престолонаследнике стоит остро. Тимур вроде еще не решил — чей сын станет наследником, а это либо Сарай-Ханум, либо Хан-заде, та станет ханшей и проигравшей, и ее потомству недобровать¹.

После гибели второго сына Тимура, Омар-Шейха, на Кавказе, позиции Сарай-Ханум, казалось бы, укрепились, так как остались в живых только ее сыновья. Младший, Шахрух², — человек весьма мягкий, склонен к наукам и познанию, нежели править, тем более воевать. Надежда была на Мираншаха. Да, как считает Сарай-Ханум, с тех пор как он женился на Хан-заде, ее сын испортился: жена ставила.

Может быть, доля правды в этом и есть, ибо Хан-заде не приемлет традицию гаремов, она требует все внимание к себе. А время идет, она уже не молода, родила нескольких детей. И как такого сумасбродного мужа, как Мираншах, обуздать, удержать? Тем не менее до поры до времени ей это кое-как, видимо, удавалось, ведь ее муж с годами страсть к женскому полу почти утратил, и это Хан-заде в какой-то мере устраивало. А тут Мираншахи словно подменили. И, конечно, не то чтобы он образумился, скорее, еще хуже, совсем крайности — дикая жестокость, дело доходило и до массовых казней, с одной стороны; абсолютное пренебрежение к государственным делам — с другой. А теперь он сутками пропадает в «Сказке Востока» — третья меж ними появилась, какая-то «принцесса» Шад-Мульк.

Воочию лицезреть Шад-Мульк Хан-заде не смогла, да посредством своих шпионов знает: черноволосая, белокожая, огромные обворожительные чары, словом, ухоженное небесное

¹ В тюркско-османской империи было традицией, что новый султан истреблял всех своих братьев, как и жен отца. Впрочем, примерно то же было и в Византии, да и везде встречалось, где господствовал монархический строй.

² Шахрух (1377–1447) — правитель Хорасана с 1397 г., государства Тимуридов с 1409 г., один из выдающихся людей своего времени, основоположник Великотюркского ренессанса (возрождения).

создание. С такой молодостью Хан-заде тягаться уже не по делам. Единственная помощь — свекор; она пишет ему жалобное письмо. Тимур в это время в походе на Дели, ему не до женских сцен, но Хан-заде он любит и уважает, а посему указ — казнить некую самозванку Шад-Мульк. Кто такая Шад-Мульк — никто не знает. По всей империи ее ищут, чтобы исполнить волю Повелителя. Однако в Тебризе иной правитель — этот секретный указ Мираншах просто рвет. И тогда Хан-заде пошла своим, может быть, уже знакомым путем: Шад-Мульк прямо в «Сказке Востока» отравили. Как мы уже знаем, доктор Сакрел ее от смерти спас. Без всяких расследований пришедшая в себя Шад-Мульк понимает, кто на нее покушается. И тут новый удар: оказывается, была облава на дом Седы, служанку убили, дом сожгли. Лишь по счастливой случайности остальные отсутствовали.

Это для Шад-Мульк был страшный, но урок. Она расслабилась, недооценила соперника, а главное, наследила, навдя прага на святое — сына Малцага.

Сакрел настаивал, что необходимо время для поправки, да Шад-Мульк закаленная, не такие муки выносила, не из-под такого удара не раз возрождалась. А посему, раз бой завязался, и враг сделал ответный ход, она первым делом занялась семьей Малцага. Седу и сына перевезли в новое место, и туда уже и Шад-Мульк не идет. И вот после этого, когда тыл, как говорится, стал надежным, и терять ей более нечего, Шад-Мульк вновь пошла в атаку, решительную атаку, и не с флангов, не в обход, а прямо в лоб и со всей силой своего женского таинственного очарования.

Отпрыск Мираншаха и Хан-заде — Халиль, баловень судьбы, смазливый, избалованный юноша, воспитание которого заключается в том, что он — потомок великих людей, сам тоже великий, и, как подкрепление этому, деньги немереные дают.

Его родные братья по матери и двоюродные по отцу (и такое бывает) — Мухаммед-Султан и Пир-Мухаммед — несомненно старше него, но уже давно в походах с дедом, участвуют в самых настоятельных боевых операциях, считая их уже взрослыми, самыми настоящими людьми, и дабы набрались управленческого и государственного опыта, Тимур обоим выделил для владения от

домние области, где от края до края неделями ехать надо, правда, людей там немного, зато много овец.

Халилю это ни к чему. Он вырос в замке, горожанин. Походство, тем более кочевые традиции не признает, не любит, даже презирает. Он красив, умен, амбициозен — в мать; смелый, порой отчаянный, честолюбивый и сумасбродный — в отца. Как мать, он тонок в кости, в чем-то женоподобен и физически слаб. Он не любит мальчишеских забав, таких как охота, скачки, владение оружием. Зато он языкаст, эгоист, жесток ко всем, особенно к прислуге. Остротами и оскорблениями донимает даже визирей отца и евнухов. Своих родных братьев по отцу — Умара¹ и Абубекр-Мирзу он не любит. Зато любит себя, наслаждается жизнью, пытается, как отец, брать от нее все, то есть все удовольствия, а посему Халиль — нередкий посетитель «Сказки Востока», посетитель почетный, богатый, еще более капризный, чем его отец. Правда, страсти к игре не питает: всегда там, где девушки, танцы, музыка и вино.

Впервые увидев танцующую Шад-Мульк в «Сказке Востока», Халиль, не выдержав, рванулся сразу же к сцене, швырнул несколько золотых:

— Она на ночь моя!

Шад-Мульк уже знала, кто этот парнишка. Не обращая никакого внимания на эту щедрость, она как обычно закончила номер, после которого пнула ножкой одну из монет:

— Уберите, пожалуйста, этот мусор со сцены, — в сторону прислуги, и, видя, как сын Мираншаха мертвенно побледнел, добавив, как себя вести: такой щелчок он, видно, получал в жизни впервые, актриса, мило улыбаясь, объявила: — Следующую песню я посвящаю этому прекрасному юноше.

После концерта они ужинают вместе. Все на свете повидавшая Шад-Мульк, на несколько лет старше, она, как говорится, видит этого тщедушного телом и душой юнца насквозь. Без особого труда она покорила этого принца раз и навсегда, и, если ни странно, тем, что дальше дружественных ужинов их знакомство не заходит. А Халиль настырен, как мальчишка, влюб-

¹ Умир — прадед Бабура (1483–1530) династии Великих Моголов Индии.

лен, море цветов, подарки к ее ногам и к дверям, так что и Мираншах об этом прознал — смеется, пальчиком Шад-Мульк грозит.

Она этого не боится. Если откровенно, то чисто по-женски ей Халиль даже мил, и интуитивно она уже давно понимает, что для ее целей более подходит сын, чем придурковатый отец, хоть он и правитель. И никаких сдерживающих факторов либо каких-то иных обязательств перед родственниками Тамерлана у нее нет и быть не может. Тем не менее что-то внутри нее было такое, чего она не могла переступить, почему-то сама себя в чем-то сдерживала, о какой-то жизненной морали пыталась мечтать. Но после того как посягнули на сына Мальцага, она окончательно поняла — в жизни никаких норм, морали и ограничений нет, побеждает сильнейший... Она в очередной раз выползла из лап смерти, в очередной раз получила жестокий, но решительный урок, больше такой шанс вряд ли представится, и предвидя, что ее может ожидать, она с отчаянием раненой волчицы бросилась в смертельную схватку за юного Халиля.

Халиль, извращенный богатством отпрыск, думает, что он уже познавший жизнь мужчина. На самом деле — мальчишка: как искра горит, по-настоящему вкуса женщины не знает и оценить за юношеский миг не может. Вот такому действительно такая, как Шад-Мульк, женщина нужна. Да Шад-Мульк — это не только опыт, Халиль — ее очередная цель, которую она должна покорить.

В такие человеческие глубины, может быть, к счастью, наше Перо не заглядывает. Опишем, что Шад-Мульк лишь взглядом поманила молодого Халиля, и тот, бледный от случившегося, бросился наверх к ее вожделенным апартаментам. И когда она, мило вглядываясь в его потерянные глаза, как бы здороваясь, обхватила обеими теплыми ручками его кисть, заметила холодную испарину, вялость, дрожь и разбито-мерцающий ритм учащенного пульса, словно воробей в кулаке (этот женский кулак вряд ли кто разожмет).

И не будем описывать оргию или сладость их первой ночи. Позволим лишь процитировать историков, а не фантазию и чувственность литераторов, что на утро, даже лета спустя, «охвачен-

ши страстью Халиль часами находился у ног возлюбленной Шад-Мульк»¹.

После этого Шад-Мульк приняла сразу несколько решений. Но все по порядку. Первым делом надо было покинуть «Сказку Востока», дабы избежать дальнейших сношений с Мираншахом. Шад-Мульк, а с нею и Халиль поселяются в доме, точнее в небольшом древнем замке, что в самом центре Тебриза, на берегу реки. Никто не знает, что этот замок принадлежит купцу Ботску, а ранее он принадлежал Ильханам Персии, то есть предкам Шад-Мульк (теперь и Перо путается — где легенда, где быль, а, в общем, все — история). Словом, как внушается Халилю, этот замок принадлежит ей. Но это все огромная тайна, которую она доверила ему, надеясь на его честность, мужество, благородство. Если кто узнает, ее убьют, в первую очередь его родители.

— Верь мне! Я люблю тебя! — как заклинание повторяет Халиль. — Мы поженимся. Ты выйдешь за меня замуж?

— Женой... Только единственной, — требовательна она.

— Единственная!!!

— Как подобает нам, потомкам великих ханов, свадьба должна быть официальной, роскошной, царской.

— Только так!

— А дед согласится?

— А что дед?! У него сотни жен и наложниц, столько же детей, и он сам не знает даже их имена.

— Ну, это не наследники — ублюдки. А наследник — только ты, — она делает многозначительное ударение и паузу. — И я тебе в этом помогу... Ты ведь мечтаешь об этом?

— Да!

— Что ж, это помысел, достойный принца. Я буду об этом молиться, и мы вместе к этому придем, если ты будешь мне верен во всем... Клянись!

— Клянусь, клянусь, — он лежит в ее ногах, лобзает их. — Клянусь, принцесса Шад-Мульк!

— Можешь ласково называть Шадома.

¹ Цит. по книге Гарольда Ламба «Тамерлан: правитель и полководец» (первоисточник не указан).

— Шадома! Какое имя красивое! Под стать тебе! Пошли только мне так тебя называть.

— Только тебе, родной, я все позволяю...

— Если на этом фронте ситуация на вид завидная, то на других позициях все не так. Мираншах не только слышал, но он сам видел почти что бездыханную от действия яда Шад-Мульк. Он знал, что к этому причастна его жена Хан-заде.

Как известили правителя и слух в «Сказке Востока» — Шад-Мульк не оправилась, умерла. У нее нашлись влиятельные родственники, без каких-либо почестей, втайне ее захоронили на родовом кладбище монгольских правителей.

Оказалось, Мираншах Шад-Мульк страстно любил. Тяжело переживая потерю, он совсем стал буйным, безрассудным, на всех стал злость срывать. И на сей раз, как виновнице, попал и главной жене Хан-заде: теперь и ее жизнь ханской не пахнет; она вроде единственная жена, и ей больше всех достается. Гордая, своенравная Хан-заде, мать троих самых влиятельных в глазах Повелителя принцев, такого вынести не может. Она спешно засобиралась в Самарканд, зная, что Тимур после индийского похода находится в столице больной.

Спешно организовав сборы, Хан-заде надеялась быстро покинуть Тебриз, да случилось совсем неожиданное: ее младший любимый сын Халиль наотрез уезжать отказался, его словно подменили, не узнать. Он вечно где-то пропадает, а появляется — потерянный взгляд, синева под глазами, и в тот же час пытается вновь уйти. По-матерински, а более чисто по-женски Хан-заде понимает, что с сыном что-то не то. Она устанавливает за сыном слежку. Выясняется, что сам Халиль кого-то по всему городу отчаянно разыскивает. А разыскивает он не кого-нибудь, а любимую Шад-Мульк, которая, будучи в курсе всех дел Халиля, поняла, что наследный отпрыск в данной ситуации может ей только навредить. Поэтому она, уже скрываясь и от Халиля, вынуждена была сменить свое убежище, и, не имея иного, она согласилась на предложение главного казначея — поселилась в маленьком доме Моллы Несарта, что находится на обочине территории правительственных зданий.

Это немного облегчает ее положение, но надолго ли? Ведь Хан-заде, к ужасу, вскоре выяснила, кого ищет ее сын Халиль,

и сама начала поиски еще более ненавистной Шад-Мульк. Да это полбеда: сам правитель Мираншах, не веря, что Шад-Мульк умерла, приказал перекопать все кладбище предыдущих правителей Тебриза. В городе начался бунт, который Мираншах превратил в крови, засим с таким же рвением приступил к повальному обыску всего Тебриза, в этом задействовали почти всю армию и внутренний сыск.

До хибары Несарта еще не добрались, но кольцо явно сжимается, и это ощущается во всем и прежде всего в их настроении. И если Молла еще как-то держится, порою даже пытается шутить, то Шад-Мульк не до шуток: она увяла, сдала, полностью погружена в свои мысли. Ее замысел под угрозой: как свернется, погналась за двумя зайцами, а теперь сама ото всех выпадает. И никаких шансов нет. Один выход — бежать, лишь в этом спасение. А как после сложится ее жизнь? В чем ее смысл? И почему-то именно в это время, когда в каморке Шад-Мульк, где тщательно плотной тканью занавешено маленькое оконце, так что не понять, когда день, когда ночь, ей все не спится. И пройтись негде — как в клетке. И она все ворочается на жестких нарах, сдавливая вырывающиеся стоны в провонявшейся верблюжьей шерстью подушке. Ей то ли во сне, то ли наяву все чаще грезится картина счастливого детства, а потом грохот конский в ушах, дикий визг ошалелых варваров, языки пламени из окон их замка, вид насилюемой матери, как катилась голова ее отца Атчароя, а потом не сгибающаяся в локте грязная костлявая рука Тамерлана, которая шарилась по ее детскому телу.. И как она все это тогда пережила? И почему сейчас ей это все чаще и чаще вспоминается? Ей плохо, ее мечту не осуществить. Ей бы в «Сказку Востока», вложить бы полной грудью до опьянения дурманящий аромат обманичивого заведения, забыться бы во сне и навсегда. И вроде так и случилось. И что она видит? Ее старичок, ее милый дорогая дед улыбается беззубым ртом, но ничего не говорит. А ведь он как никто другой мог бы ей сейчас помочь. В отличие от порою ехидного моралиста и аскета Несарта, ее дед, хоть и слыл отшельником, а жизнь всесторонне знал, и знал, что многое в жизни, если не все, из того, что мы называем великим, подпитывается низменной чувственностью, почти что

животной страстью невежественного человека. И не надо стремиться все списывать на якобы предначертанную Судьбу со злом и невежеством надо так же жестко бороться... Но как? Увы, ее старичка рядом давно уже нет. А она на грани полного отчаяния, притупилась реакция, вялость во всем теле, и лишь лишь смогла лениво приоткрыть веки, чувствуя, что вокруг нее какое-то движение, а перед ней улыбающееся, заросшее седой бородкой, испещренное морщинами, почти как у ее старичкиа, лицо Моллы Несарта.

— Шадома, проснись... Мне кажется, я нашел верный ход.

— Какой? — встрепелулась она.

— Ты в шахматы играешь?.. Ну, это неважно, — махнул старик рукой. — Нам поможет Халиль, — в светло-блестящих глазах блеснула задорная искра. — Халиль — это пешка, которую при умелой игре мы сможем выдвинуть в короли. Хе-хе, и он не только нас спасет, а будет играть в нашу пользу.

— Это как?! — Шад-Мульк вскочила.

— Хе, — повел костлявыми плечами старик. — Как ты умеешь, а я лишь подскажу.

В тот же день Молла Несарт как бы ненароком встретился с Халилем. И, соблюдая все возможные меры предосторожности, принц был доставлен в лачугу казначея. Скромностью, значит честностью главного визиря юный, восприимчивый Халиль был потрясен. А когда вдруг увидел возлюбленную Шад-Мульк, он пал на колени и заплакал.

Несколько последующих ходов расписал сам Молла, да это только начало игры. И как сыграет противник — неизвестно, но игра или бой нашли продолжение. Для Шад-Мульк это — главное, и она вновь воспрянула духом, вновь в колодезях событий, и путь ее не легкий и далек.

Однако все по порядку. И этот порядок в первую очередь установлен в великой тюркской семье. Халиль с повинной, лаской и покаянием, предстал пред своей матерью Хан-заде. Признался, что был грех — связался он с некой Шад-Мульк, но она то ли умерла, то ли бежала. В итоге — все к лучшему, и сын, неукоснительно подчиняясь воле матери, отбывает с ней в Симарканд, так сказать, поближе к стареющему деду и мерцающему трону.

Несколько дней идут сборы. Хан-заде покидает Тебриз и невидимого, совсем свихнувшегося мужа Мираншаха навсегда, никому берет с собой все, что принадлежит ей; а это — огромные количества прислуга, подружки и охрана, в общем, ценный караван.

Халиль такими благами не обладает, но и у него, как у наследного принца, кое-что ценное есть: те же друзья-прихлебатели, слуги, наложницы, рабыни, набор дорогого оружия и табун чистокровных коней, словом, тоже приличный караван, главное сооружение в котором — его любимая Шад-Мульк, но это вряд ли кто определит: она под толстой паранджой, в стане рабынь, среди них чуть ли не главная (и к этой роли ей не привыкать). У нее одна лишь забота — как бы в зной многодневного пути ее белоснежная кожа не обветрилась, не загорела, не зашелушилась. Но это, хоть и невидимый, да чисто внешний антураж. А внутри Шад-Мульк тоже зной, все кипит. Что ее ждет в Самарканде? Кто ее ждет в Самарканде? Ведь там ни Малцага, ни Моллы Несарта нет. Один лишь человек знакомый — Халиль, на него, а точнее на свои собственные способности отныне должна надеяться неутомимая Шад-Мульк.

* * *

Любое монументальное сооружение, будь то Вавилонская башня¹ или Сады Семирамиды², — это не только богатство, это стремление увековечить свое имя, попытка стать вровень с Творцом, то есть чуть ли не Богом на земле. И если храмы и башни — это власть, амбиции, сила, то сад или парк — нечто иное — претензия на духовность, некий образ идеального мира, всеобщей гармонии — потерянный и вновь обретенный рай. Рай на земле.

¹ «Вавилонская башня» — рассказ из Библии о строительстве после Всемирного потопа города Вавилона и башни до небес. Разгневанный дерзостью людей Бог «смешал их языки» так, что люди перестали понимать друг друга, и рассеял их по всей земле.

² Сады Семирамиды — Семирамида (ассирийское Шаммурамат), царица Ассирии в конце IX в. до н.э. С ее именем традиция ошибочно связывает сооружение «висящих садов» в Вавилоне — одно из семи чудес света (созданы в VI в. до н.э.).

Будучи страждущим калекой и кровавым захватчиком на своей родине Тамерлан стремился к мысленному и натурализованному изяществу. Из индийского похода он пригнал в Самарканд огромное количество рабов, в том числе много искусных строителей, архитекторов и декораторов. И вот если до этого времени Повелитель строил величавые мемориалы для своих умерших сестер и дочери, то в конце 1399 года он заложил начало строительства грандиозного ансамбля Биби-Ханум¹, который был как дань уважения его старшей жене Сарай-Ханум, прозванной в народе Биби. Для нее же, для Сарай-Ханум, был заложен прекрасный сад, носивший имя Новый. Насмотревшись в Индии на местные парки и сады, Тимур приказал перезаложить Новый сад на делийский манер в форме мандалы², в центре которого небольшой дворец, павильон, фонтан, от которых лучами расходятся живописные аллеи — это главная, летняя резиденция Сарай-Ханум. Этот роскошный сад действительно напоминает рай на земле, и кажется, что в таком не может быть даже намек на какие-либо заботы. Однако здесь не до райских грез: у главной властительницы Самарканда неожиданно появились нешуточные заботы. Это не только борьба за власть, это борьба за будущее — тоже за жизнь или смерть. И виной тому коварная невестка Хан-заде, которая прибыла в столицу, и, несмотря на все усилия Сарай-Ханум, при помощи своего любимого внука Тимура, Мухаммед-Султана, добила личной встречи с Повелителем, несмотря на то, что он тяжело болен.

Тамерлан всегда симпатизировал жене своего первенца — умной и смелой Хан-заде. Он внимательно выслушал ее жалобу по поводу сумасбродства Мираншаха, и, к удивлению всех, одарил по-царски Хан-заде: выделил отдельный дворец, слуг, сад и массу привилегий, обозначая тем самым, что отныне Хан-заде — вторая женщина в империи после Сарай-Ханум. Но интрига в том, что она, как мать Мухаммед-Султана, вероят-

¹ Руины архитектурного ансамбля Биби-Ханум сохранились до настоящего времени.

² Мандала (древнеиндийский литературный язык, относится к индоевропейским языкам) — круг, шар. В буддизме — изображение схемы Вселенной, знак совершенства творения.

ней всего станет первой в случае кончины Тимура. Понятно, что при таком исходе событий наступает конец не только самой Сарай-Ханум, но и ее ветви потомства.

С первого дня пребывания Хан-заде в Самарканде меж нею и Сарай-Ханум началась нескрываемая вражда. В народе их провали госножа Большая и Малая. Близость и предрасположенность к главной госпоже сулит огромные барыши, поэтому прищипывая самаркандская знать мечется, не знает, к какой из фавориток примкнуть.

В этом споре главным и единственным арбитром является Повелитель. Но он, как и подобает главе клана, соблюдает нейтралитет, ко всем вроде бы одинаково чуток, внимателен и любезен. Тимур, будучи более чем преданным семье и родным, в то же время искусный политик, управленец и дипломат. Он пытается сохранить единство в семье, внешне — никакого предпочтения кому-либо. Вместе с тем, хоть и бьется его сердце не слабее прежнего, хоть и рвется он снова в бой и гуляет без удержу, а годы дают о себе знать: понимает, что не вечен. И если он еще при жизни не определит достойного наследника, то после его кончины распрей, смуты и внутрисемейной борьбы не миновать.

Тайно от всех, в присутствии лишь одного духовного наставника Саида Бараки, составляется Тимуром завешание, где назван наследник — Мухаммед-Султан. Чернила еще не успели высохнуть, а весь Самарканд об этом уже знал, и это немудрено, ведь на Востоке прислугу, охрану, евнухов, вроде как и за людей не считают. Они словно безмолвные тени, но за покоями Повелителя все же болтают.

После случившегося жизнь единственного наследника в корне меняется. Для полной безопасности его круглосуточно и пошеметно охраняет личная гвардия Тамерлана, он на всех приемах и торжествах по правую руку от Повелителя, и уже понемногу обучается управлять огромной империей самостоятельно.

Это решение в корне изменило расстановку сил при дворе. Авторитет и влияние Малой госпожи, или Хан-заде, значительно возросли, она в фаворе и ее вес день ото дня растет. Естественно, что при таких обстоятельствах дела Сарай-Ханум резко пошатнулись. Она отвергнута, покинута, словом, пока Тимур

жив, якобы в райском благоденствии будет доживать свой век. Но это со стороны так. А на самом деле это жесточайший удар судьбы, настоящий ад и фальшь благоденствия, когда и кусочек хлеба в горло не лезет, и роскошь претит; это катастрофа, поражение, крах, а в итоге — знать, что тобой рожденные сыновья по той закваски, не мужчины, не достойны династию продолжить.

Как повествует история средневековья, обычно отвергнутые государыни становятся на путь мести, и мстят они не кому-нибудь, а в первую очередь своим мужьям. Великая ханша Сарай-Ханум оказалась не такой: сохраняя внешнее беспристрастие, она была непоколебима в верности тюрко-монгольским традициям, свято охраняла имя рода и верность мужу. Она твердо верила, что решение Великого эмира безошибочно и только его следует признавать. Она вроде бы покорилась, и, покинутая всеми, зная, что ей уже давно за пятьдесят, в ожидании неминуемой скорой смерти, в уединении долгое время проводила в молитвах, но внезапный случай потревожил ее: младший, значит любимый сын Ханзаде и ее собственный внук Халиль попросил встречи наедине.

Он бросился на колени, что не свойственно принцам, беспрестанно стал лепетать о своей несчастной судьбе, о любви, о какой-то прекрасной девушке, потомственной шахине Шад-Мульк, что ее надо спасти, и он только на ней женится, они ждут ребенка, а иначе руки наложит.

Современники полагали, что в отличие от остроумной Ханзаде, стареющая Сарай-Ханум никогда смекалкой не отличалась. Однако на сей раз из всего этого юношеского сумбура она быстро сообразила, что это ее шанс, ей благоволит судьба. Зная об указе Повелителя казнить некую Шад-Мульк, тем не менее Сарай-Ханум соизволила ее принять.

Этой знаменательной встрече историки мало уделяют внимания и в основном говорят, что укрывшаяся под чадрой, дрожащая от страха девушка бросилась в ноги Сарай-Ханум, выманивая помощь и жизнь. На самом деле мы склонны поддержать другую версию. На центральной аллее Нового сада появилось доселе невиданное существо — черноволосая, светлокожая фея в воздушном, белом платье, рядом никого, легкая походка и лишь зонтик в руке — как символ достоинства и высокого положения.

Благодаря Халилю Шад-Мульк уже в курсе всех перипетий султановского дворца. Она знает, что сострадания и пощады здесь нет и быть не может. Здесь всюду богатство — значит строгий расчет и собственный интерес. Она также знает, что нагло брать, ссылаться на беременность или девичью невинность тоже смысла нет: опытные евнухи все быстро определяют, в том числе и то, для чего с неких пор предназначена ее плоть.

Обривающая даже женщин, несказанно прелестная, свободная, грациозная, как рысь, по-своему гордая Шад-Мульк предстала во всем своем великолепии и обаянии перед отвергнутой госпожой. И это не было дерзостью, грубым вызовом или невежеством — это был экзамен прожитых лет, виртуозное владение телом и духом, женское изящество, искусство обольщения, притягательности и любви.

Сохраняя некое достоинство и в то же время наклоня голову почти до пят, она, как подобает воспитанной девушке, поздоровалась с великой ханшей. В иное время такая вызывающая маэри, быть может, стоила бы госте большие неприятностей. Да здесь не только явный риск, но и продуманная психологическая игра, опирающаяся на ситуацию, и посему постоянно с невинностью думающая о молодой Хан-заде постаревшая Сарай-Ханум про себя невольно усмехнулась: «Хе, ведь Бог есть. Он все видит, слышит мои молитвы, не забыл меня... Ха-ха, какая коварная невестка мне досталась, такую же и на путь блудливой Хан-заде Бог нам послал».

— Подойди сюда, — тем не менее сух и строг голос пока еще главной хранительницы очага. Она с любопытством и не без усиления ущипнула атласную кожу на руке Шад-Мульк. — Больно?

— Я не такое выносила, государыня! А это ласка, как благодать, — из-за пушистых бровей блеснули странно большущие рескоусые, редкие для степей жгуче-синие глаза.

— Тогда иди сюда, садись, — это перед ее коленями, — расскажи, что в жизни такое юное создание могло повидать, — нескрываемый сарказм.

Не в тон ей, но и без какого-либо елейства Шад-Мульк очень медленно, порою заново переживая, даже смахивая слезу, повела старой ханше, почти что как есть, свою судьбу с того момента, как лишилась родителей и попала в неволю.

Образно этот рассказ из стана врага, и будь Большая Госпожа в другом настроении, она бы его не поняла. Да сейчас она сама в состоянии пораженца, понимает, что это такое, и буквально растрогана от искренних повествований Шад-Мульк.

— Ну а кто твой отец? — ожидаемый вопрос.

Вот тут она стала сочинять. Этот ход предвидел Молла Несарт и заставил Шадому выучить исторические имена персонажей, некоторые даты, факты события. А по правде говоря, она ведь совсем маленькой девчонкой попала в плен. И что она может помнить? Так, кое-что, но и это вроде достоверно, ибо напротив Сарай-Ханум, точнее за спиной Шад-Мульк, сидит старик — один из придворных летописцев — и согласно кивает.

Первую встречу, так сказать, предварительный тест, Шад-Мульк преодолела на ура. Да Сарай-Ханум — исконная кочевница, воительница и в первую очередь сама себе не позволит нарушать традицию царского двора, несмотря на жесткую борьбу и интригу, не пойдет в обход Великого эмира — значит должна лично получить благословение Тимура. А для этого Шад-Мульк надо тщательно проверить на предмет здоровья и болезней, продезинфицировать, прежде чем предстанет перед Властелином мира. Но это как Тимур пожелает, а до этого еще много времени. И вечером Сарай-Ханум, уважая юную гостью, приглашает ее на традиционный царский концерт.

Этот случай умудренный Молла Несарт тоже предвидел и убедительно наказывал:

— Шадомочка, смотри, не выказывай свои таланты где попало и перед кем попало. Это тайное твое оружие можно применять лишь в интимной обстановке, в крайней нужде, ведь надо помнить, что ты не какая-то актриса из «Сказки Востока», а ханская дочь, принцесса, и стремишься стать императрицей.

Шад-Мульк наставление помнила, да ноги ее не слушались, в такт мелодии сами собой выбивали на месте чечетку. И чего-то в этом представлении не хватало: не было раскрепощенности, полета духа, свободы и хотя бы немного фантазии. Эти актрисы — неплохие исполнительницы, но они рабыни — это видно по тусклым глазам.

— Бабушка, — вот так, а не иначе, зовет Шад-Мульк свою потенциальную покровительницу, и более того, она смеет нежно

поглядеть пальчиками старческую дряблость ее руки. — Позволь мне спеть для тебя.

Здесь Шад-Мульк разошлась, а может, просто забылась. Первую песню, аккомпанируя себе, она исполнила на грузинском:

*Ливень, розу леденивший,
Стал прозрачней и теплее,
Губ кораллы приоткрылись,
Перлы сделались виднее,
Улыбнулась мне царица,
На подушки посадила,
Пламень горестного сердца,
Улыбаясь, потушила.¹*

Слов Сарай-Ханум не поняла, но этот высокий, чистый, как горный родник, голос, грустная мелодия задела ее ослабевшие с годами чувства: она прослезилась, взгрустнула.

Следом Шад-Мульк исполнила песню на тюркском языке:

*Для тысяч вер угрозою угроз
Была любая прядь ее волос.
А стан ее — розовотелый бук,
Но гибок весь и строен, как бамбук.
Заговорит — не речь, — чудесный мед.*

...
*Но как смертельный яд он убивал
Вкусившего хоть каплю — наповал...²*

Лицо Сарай-Ханум изменилось, посуровело, а что в глазах — не понять. Наступила какая-то пауза, тишина, все замерло, кроме Шад-Мульк, которая в это время напялила на голову

¹ Шота Руставели, XII в. Витязь в тигровой шкуре (пер. с груз. Н.Заболоцкого).

² Алишер Навои (1441–1501) — узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель... А. Навои жил позже описываемых событий, но мы позволили привести его текст, зная, что он собиратель древнетюркского фольклора, лишь в таком ракурсе представлены здесь абзацы из поэмы «Фархад и Ширин» (пер. А. Пеньковского).

пестрый тюрбан, принимая некий образ мужчины, вновь пришла к арфе и чуть грубоватым голосом вновь стала петь:

*Я умер от дыханья твоего,
Погиб от обаянья твоего!*

*Но я не знаю, кто ты! Уж не та ль,
Чей образ вверг меня навек в печаль,*

*И отнял трон и родину, и дом,
И кем я был в скитальчестве ведам,*

*И на чужбину брошен, пред тобой
Повержен в прах, ничтожный камнебой?*

*Душа меня покинула, едва
Произнесла ты первые слова.*

*Нет, я не мог, как видно, умереть —
Тебе в лицо я должен посмотреть!..¹*

Лицо Сарай-Ханум в изумлении вытянулось, наступила розовая тишина, все напряженно замерли в ожидании ее реакции. Одна Шад-Мульк сделала вид, что ничего не замечает. Она уже хозяйничала на сцене: командным жестом подозвала к себе музыкантов, напевая мелодию, подсказала, что наперво исполнить. И, начиная с медленного, она, теперь уже пластикой тела, буквально заорожила своим чарующим танцем.

Танец, как утверждают ученые, предшествовал рисунку, песне и даже языку. Это некая форма колдовства, инстинктивного выражение радости и печали. Танец, как подлинное искусство, — это полная космическая гармония, ярко выраженная свобода и единение душ... Шад-Мульк, начав с медленных, танцевенных движений азиатских шаманов, перешла на танец Солнца, что в индуизме — символ избавления от невежества и рабства, а потом заискрились кавказские ритмы, и такой темп, такая чув-

¹ Алишер Навои.

ственность, аура и такой экстаз, что сама Сарай-Ханум рванулась в сцене...

Для ночлега Шад-Мульк предоставили огромный шатер, множество служанок, ванну, прохладу. Выступление так ее извело, что наутро ее с трудом разбудили.

— Госпожа ждет, — с нею все вежливы, и прежде чем ступить на царский ковер, ее с утра благовониями обихаживают.

Сарай-Ханум пила чай, когда к ней ввели девушку. От прежней резвости, даже дерзости Шад-Мульк к утру почти что ничего не осталось. Вчера она шла на бой, на испытание себя и судьбы, вся отдалась и выдохлась в игре. Теперь оценка и вердикт одни — жить или... Она упала на колени, поцеловала ковер, так и застыла в этой позе, ничего не видя, слыша лишь, как втягивается из пиалы чай и как стучит ее встревоженное сердце.

— На каком языке ты исполнила вчера первую песню? — не скоро был задан этот вопрос, значит, она может поднять голову.

— У меня мать грузинка, — глядя прямо в глаза, ответила тихо Шад-Мульк.

— Гм, хорошо... И слова, говорят, в этой песне хорошие, — и она жестом пригласила гостью к дастархану, и пока слуги наливали чай: — А кто отец?

— Отец был князь, перс по имени Атчарой.

— Да, вчера в песнях, сегодня за чаем ты выдала полную правду, — изящной золотой ложечкой из такой же пиалы Сарай-Ханум взяла кусочек белого гималайского меда, положила в рот, посмаковав, усмехнулась: — Гм, правда гору съедает, — и совсем низким голосом: — Собираешься мстить?

— Госпожа, — сидя на корточках, Шад-Мульк еще ниже опустила голову, — может, когда и мыслила, но теперь, — тяжело глотнув, она с явным вызовом подняла голову. — Разве ваша судьба не была такой же?

Прямо у губ Сарай-Ханум застыла пиала. Так и не отпив, она ее со звоном едва не уронила, взгляд затуманился, и это продолжалось довольно долго, пока она грустно не продолжила:

— У монголо-тюркской женщины в крови — быть верной мужу... А персидских и кавказских женщин я повидала немало: первые изменчивы, а вторые строптивы.

— Простите, но смею заметить, Хан-заде, насколько я знаю — тюркско-монгольская женщина.

— Мать троих принцев не подлежит обсуждению! — стал суровым тон Сарай-Ханум. Еще долго длилось молчание, пока она с трудом пыталась разжевать беззубым ртом миндаль. — А вообще, она поступила согласно нашей традиции — верность до смерти мужа.

— Простите, еще смею сказать, у нас, на Кавказе, хранят верность мужу, очагу, роду до самой смерти.

— Ты к ней готова? — вдруг резкий вопрос. Шад-Мульк вновь опустила голову, от волнения волосы прилипли ко лбу. А Сарай-Ханум с непонятной ухмылкой продолжила:

— Ну, раз даже Хан-заде не смогла тебя отравить, то, видимо, будешь жить... Хе-хе, небось, хочешь как я. Думаешь, я только мед хлебаю?!

— Я буду верной вам! — Шад-Мульк показала лицо, открыто глянула в глаза Великой ханши.

— Хе-хе, чертовка, я жажду вечером увидеть твое выступление. — Грузная телом, Сарай-Ханум с трудом попыталась встать, двое слуг ей в этом помогли, а она, будто после тяжелой работы, задыхаясь, поставила точку в их разговоре: — Хотя, мне кажется, что основное представление еще впереди, и ты тогда нам всем, что заслужили, покажешь...

Выражаясь современным языком, этот экзамен или предварительную экспертизу Шад-Мульк выдержала по-тюркски на ура. Да все еще было впереди: вопросы брака в великой семье решает лишь Тимур. И эта встреча предстоит, и по всему видно, что ее к ней тщательно готовят. Опытные евнухи ее обследуют, особенно не церемонятся. И вот вердикт Сарай-Ханум:

— Ты не родишь, а значит ханшей быть не сможешь.

— У Повелителя ведь много жен и множество детей.

— Неужто ты в Халиле видишь хана?

— Я знаю, что наследник — Мухаммед-Султан, но вам нужнее я, а значит мой Халиль.

— Вот в этом вся твоя игра!

— Простите, в этом наша жизнь.

— О да, и в этом, юное создание, ты права... Пусть же рассудит время и судьба, а ты меня очаровала.

Шад-Мульк не только готовили к встрече с Тимуром, но и она сама с все возрастающим трепетом к ней готовилась. И никто, видимо, даже сама Сарай-Ханум точного времени не знала. А время шло, дни шли. И Шад-Мульк знала одно — после индийской кампании у Повелителя появились какие-то язвы, он болел и мало кого принимает. Такая неопределенность угнетает. Шад-Мульк чувствовала, что эта задержка съедает ее волю, вселяет в душу страх, порождает нерешительность. И в тот момент, когда у нее уже не оставалось сил бороться даже с собой, ее стали спешно собирать.

Она думала, что отправится в эмирский дворец вместе с Сарай-Ханум, и это было бы значительным подспорьем. Но с ней были только евнухи Сарай-Ханум, которые ее бесцеремонно проверили, как будто в первый раз. А потом была долгая дорога в шайху закрытой повозке. И вновь грубый, унижительный осмотр незнакомых кальф¹ и евнухов. И тогда ее не приняли, отвезли обратно. И так продолжалось не раз и не два. И от такого напряжения она давно бы расклеилась, сдалась, но у нее помимо этой авантюрно-шпионской, где не столько она мстила, а сама стала тайным орудием мести и марионеткой во внутрисултановской борьбе, был островок идеалистических мечтаний, тихий уголок души, где есть Малцаг, любовь к нему, а с недавних пор — его сынишка, которого она мысленно постоянно ласкала, нежила, им грезила, жила, от которого, пусть даже далекого, она ныне получала тепло, энергию и новый смысл жизни. Этот ребенок разбередил ее нутро, и она все чаще и чаще думала: а зачем ей этот деспот Хромец, его жена Сарай-Ханум — грубая кочевница, пропахшая кобыльим молоком, возмнившая себя императрицей, и их внук Халиль, что, как его отец и мать, придурок и наркоман? Ведь Молла Несарт был тыщу раз прав, говоря, что «Бог им всем судья... Что посеют, то их потомки и пожнут».

Все это Шад-Мульк поняла и оценила лишь здесь, живя в эмирских хоронах Самарканда. Она бы нынче многое отдала, чтобы увидеть семью Малцага, жить рядом с ними, хотя бы

¹ Кальфа (*перс.*) — старая по возрасту, опытная рабыня, наложница, достигшая по службе влияния и должности.

в «Сказке Востока», на правах рабыни, зная, что будет часок на свидание с ребенком. Однако теперь она сама себя загнала в эту даль, в эти пески и эту жару, где культ один — кто с тобой спит, пусть даже он и отцеубийца.

Впрочем, винить судьбу нельзя: на сей раз она сама «приползла» к этому ложу.. И когда в который раз ее вновь повели во дворец, от внутренних противоречий она практически обессилела, от дерзости, решимости и смелости, как при первой встрече с Сарай-Ханум, и следа не осталось, единственное, на что она надеялась, — это в случае провала всей затеи хотя бы плюнуть в морду кровника. Однако, когда ее ввели, а как принято тут, два огромных чернокожих раба, обхватив руки, занесли в тронный зал, Шад-Мульк через шесть лет вновь увидев Тамерлана, буквально задрожала, сама склонила голову: до того этот человек был духом могуч, самоуверен, и наверняка обладал неким сверхъестественным, может быть, гипнотическим даром и силой. Ее поставили на ковер, такой пушистый, толстый, что тяжело стоять, ноги сами согнулись, и она плюхнулась — и так, что ворсинки в нос, едва может дышать, застыла. Думала, что Тамерлан ее уже узнал — головы не сносить, и ей теперь все безразлично. Об одном подумала — сын Малцага: смогут ли хоть его в свободе да на родине взрастить? И ей не себя, а его стало так жалко, так захотелось увидеть его повзрослевшим, его невесту, его свободу, его детей — ее внуков. И никаких войн, никаких богатств, а простая жизнь в кавказских горах среди цветущих виноградников и белых отар овец Алазанской долины, что эти слезы и эти мечты ей представились как последняя блажь на земле. И тут она вздрогнула от крика Сарай-Ханум:

— Почему ты, нарушая традицию, выбрал наследника не из сыновей, а внука. Мой Мираншах — настоящий воин, всюду с тобой, смел, умен...

— Был, — у Повелителя весьма высокий голос с легкой возрастной хрипотцой. — А теперь — отступник, возомнил, говоря, из себя, безумец...

— Он безумцем стал оттого, что твоя любимая невестка Ханзаде, не брезгающая любой постелью, дабы обуздать его, вскормила моего сына всякой колдовской отравой и гашишем.

- Не смей так говорить о матери наследника ханов.
- А что обо мне говорят? Ты даже половину моих слуг, раб-
бин и мой дворец Хан-заде подарил.
- Что ты несешь? Вся честь тебе! Мемориал Биби-Ха-
нум — такое делал только для сестер.
- Ждешь, когда помру? Пораньше склеп готовишь?
- Теперь я понял, в кого сын.
- Ты Мираншаха не казнишь.
- А это суд решит.
- Я знаю твоих судей.
- Судья один, на небесах.
- Хе-хе, общение с Хан-заде напомнило тебе о Боге.
- Молчи!
- Прошу, помилуй сына... Он верен был тебе всегда.
- Он мой позор! Он продал земли, а верен играм, анаше.
- То ты кормил их всех пред каждым боем.
- А мои внуки, дети Хан-заде?
- О, ты сравнил! Когда мой Мираншах был в возрасте, как
Мухаммед-Султан, с тех пор уж четверть века минуло, так ты,
мой дорогой, простой эмир — один тумен разбойников-голово-
резов, что от дурмана все с пути сносили. Теперь ты — хан и три-
ста тысяч войск, теперь расчет, ислам и ни соломки мака.
- Таких речей я раньше не слышал.
- И вешать сына раньше ты не думал.
- На днях в Тебриз я выступаю. Там все решу.
- И я с тобой. Хочу увидеть сына.
- Ты что, совсем с ума сошла? А на кого оставляю я столицу?
- Хе, образумился... А есть ведь Хан-заде.
- Ты не шути, — какой-то стук. — Не путай бабий треп и де-
ло нашей жизни. Я вновь иду в поход, и тыл быть должен проч-
ным.
- Возьми меня до вод Тебриза, позволь мне первенца обнять,
а пока я обернусь с Мираншахом, другой наш сын, Шахрух,
здесь будет мудро управлять.
- Смотри, жена. Ты мой оплот. Тебе казну, детей, столицу до-
веряю. А я борец, мой путь — вперед, ты мой удел, другого я не
знаю, а знаю лишь одно — пока в строю, я слышу сердце, пока я
жив — жива и ты. Но ты семью мне сохрани.

— Живи вовек, мой господин. А я, как Боженьки раба, всегда была тебе верна, любую тягу я сносила, и ничего я не просила, ты сам то можешь подтвердить. Но ныне, на исходе дней, не раслучай меня с собой, позволь теперь в последний раз мне лишь зреть того, кого впервой с тобой зачала... Неужто ты его убьешь?

— О дура! Ты сошла сума! Ведь Мираншах — мой сын родной! И кто его убьет? Народу нужен шум, чтоб поболтать, вскинешь, остыл и вновь прислушался к Великому эмиру!

— Послушай и меня хоть раз — оставь мне сына.

— Оставляю... но в остальном мне не перечь.

— Молчу, как в прежние лета. И ныне голос не подаю тебе, но сын — как много в этом слове! Хотя, узнают ли они? Такой удел всех матерей.

— Я ею никогда не стану, — Шад-Мульк и не знает, то ли она это вслух прошептала, то ли подумала, да словно она побеспокоила супругов.

Наступила затяжная пауза, и высокий голос Тимура:

— Ты о ней говорила?

Что отвечает Сарай-Ханум, сама Шад-Мульк не слышит, но после этого долгого взволнованного шепота, монолога, девушку поставили на ноги. Видимо, со слезами, и от этих «парских» речей вся трусость Шад-Мульк куда-то улетучилась. Клевету ее учили, она склонила голову перед Великим эмиром, однако острым, исподлобным взглядом впиалась в него. Это она за эти годы сильно изменилась, а Тамерлан — такой же крепкий, хмурый, орлиный острый взгляд, лишь по краям рыжеватая борода обесцветилась, поседела.

Все твердили, что у Повелителя феноменальная память, и Шад-Мульк до сих пор боялась, а теперь отчего-то даже хотела, чтобы он ее узнал, вступил с ней в диалог. Но Тамерлан что-то тихо спросил у жены. Сидящая сбоку чуть пониже Сарай-Ханум вытянулась к нему и снова что-то быстро зашептала.

— Это все доверяю тебе, — громко выдал Тимур, — сама реши, — жест, словно откупаясь, и еще один, после чего Шад-Мульк, более никого не интересовавшая, вдруг снова оказалась в приподнятом положении. В соседней комнате на нее накинули пропахшую чужими запахами ткань, — быть может, епанчи¹, так

¹ Епанча (турк.) — широкий плащ.

ее на руках закинули в повозку. Долго не трогались, а потом ехали очень долго, и по тому, как много было ухабов, Шад-Мульк поняла, что везут ее в другое место, может, даже в тюрьму. Однако это место оказалось прекрасным, возможно, прежняя резиденция Сарай-Ханум. Там есть все, благ даже больше, да взаперти.

Кроме служанок никого, даже Халиль ее не навещает, но и здесь Шад-Мульк чувствует — готовится какое-то перемещение: что-то увозят, привозят, торопят, суетятся. И вдруг на рассвете ее будят, в зале уже в походной форме, вспотевшая, тяжело дышащая Сарай-Ханум:

— Ну, как дворец царицы? — некая зависть в ее тоне. — Нравится? Привыкай... Я с Повелителем в поход, Халиль со мной. Вернусь, твою судьбу решу. Доселе жизнью наслаждайся!

Вроде бы история Тимура изучена основательно. Вместе с тем имеется немало разногласий, несовпадений и даже противоречий. Так, например, в одних источниках утверждается, что после делийской кампании Великий эмир выступил в поход на запад в конце 1399 года, в других — в мае 1400 года. Наше Перо придерживается второй версии, последуем за ним и мы...

Путь от Самарканда до Тебриза не близкий, тем более что Тамерлана сопровождает Сарай-Ханум, отобранная ею лучшая часть гарема Повелителя, а также невестки. Словом, изначально но якобы едут в гости к старшему сыну в Тебриз. Там, где женщины, там и вино, и соблазн. И если не каждый день, то после длинного перехода — очередной пир, после которого уже немолодой Тамерлан более не может сидеть в седле, и для него китайские инженеры соорудили специальную мягкую повозку на рессорах.

Тамерлан быстро оценил все преимущества комфортного перемещения. Ведь целый день трястись в седле или полужелеза в роскошном экипаже на широком ровном караванном пути — большая разница. Почему он раньше об этом не догадался? А потому что Тимур в 1400 году и всего пять лет до этого — это тоже два разных человека.

Тогда, пять-шесть лет назад, эти места — Ширван, Хорасан, Мазендеран, горы Эльбрус, Гилян и весь Иран — он только-только завоевывал. И, как предводитель войска, должен был показывать личный пример мужества, стойкости, выносливости и терпения. И путь пролегал не по обжитым местам, где всюду охрана, а более по тропинкам-проталинкам, чтобы внезапно,

быстро, врасплох. И было не до повозок, а порой пешком и вшаив приходилось идти. Лишь в 1395 году на Тереке он впервые одолел мощную армию — армию государства Золотой Орды. Вот когда он основательно разбогател, и только тогда о нем заговорили как о силе, и только после этого он мог содержать настоящую армию, подчинить себе почти всех.

Ну а после Дели, где среди многих захваченных сокровищ была мировая загадка — так называемый «алмаз Тимура» размером в его кулак, его авторитет, то есть богатство, стали вне конкуренции — это, в принципе, то, о чем он всегда мечтал. Так что и в его на старости лет, больного, вновь повлекло в поход? Амбиции, жадность, авантюризм? Конечно, теперь мы можем только предполагать, но, кажется, это уже болезнь — потребность воевать, побеждать, убивать, грабить, словом, если не «на коне», то хотя бы в повозке... Тем более что это ныне, учитывая возраст, удобно. Да и территории на тысячи верст кругом — все его... А ведь это места, где он в молодости лишь по ночам, которая по поровским тропам и тайным засадным местам знал, даже в плену побывал, раненый бежал. Так это только то, что мы знаем из его якобы под диктовку записанной биографии. А что было на самом деле — один Бог ведает. Так что теперь лежит себе Тамерлан в повозке во время долгого пути и блаженствует: то в шахматы играет, а захочет — писарю свой героический эпос диктует... Может быть, именно так была написана его личная биография, где в первой части содержится описание «блестящего спектра магических цветов, осеняющих голову Тимура, как идеального правителя, как человека, которому удивительными судьбами вручена непонятная власть над миром и бесчисленным множеством людей»¹.

Любая биография по-своему интересна, но биография незаурядной личности, как Тамерлан, — особое пристрастие. Разумеется, вопросов много. И то, что сейчас видится как обыкновенный бандитизм, терроризм, в те времена (да и сейчас кое у кого) — воспринималось как геройство. И это притом, что некоторые исследователи утверждают: данная «Биография», впро-

¹ Тамерлан. Автобиография. Уложение (пер. с джагатайск. и тюрк. В.А. Панова)

чем, как и «Уложение», — некие литературные компиляции, переписанные благодарными потомками через лета, если не века.

В этом смысле к ней претензий нет, ибо мы полагаемся на знания Пера, следуем за ним, но и у нас возник вопрос: а почему такая выдающаяся биография вдруг обрывается в возрасте 39 лет, когда самые великие дела еще впереди?

Может быть, потому, что в это время он вначале захватывает в плен, а потом коварно убивает свояка, брата жены, дядю его старших сыновей, соратника, а выражаясь современным языком, просто поделщика — эмира Хусейна, и становится хозяином обширных территорий и людских масс.

Об этом мы уже писали. И зачем притворяться? Ведь повторы в литературе скучны и даже губительны. Так дело в том, что наш роман с весомой претензией на исторический, по крайней мере, многие персоны, даты, факты и события сугубо историчны. Просто мы кое-где, в меру наших скромных возможностей, да полагаясь на силу Пера, пытались местами пофантазировать, либо выдвинуть свои версии, хотя бы логически представить ход исторического процесса.

В этом срезе, а именно историческом, некие отступления, тем более повторы необходимы. И это не потому, что есть заезженная фраза «история повторяется», а потому что нашему герою Тамерлану уже пошел шестьдесят пятый год, и, может быть, ранее о смерти он, как и все люди, уже думал, да все отодвигал от себя, богоизбранного, но теперь об этом стал всерьез задумываться, и тому подтверждение — написал завещание. Это серьезный жизненный рубеж. И интересно, поменялось ли с возрастом мировоззрение, критерии, нрав и мораль. Ведь что ни говори, а Тамерлан — порою — человек весьма верующий, по крайней мере, это на словах, в записях. А может, он где-то прав, действительно борется за веру, за очищение, во имя Бога и справедливости?

О, сколько можно философствовать, точнее, умничать, по своему рассуждать. Давайте лучше отдадимся Перу: Как было? Как стало? А выводы — у всех разные, свои. И если сегодня задать вопрос: вот вы живете в средневековой Азии, кем вы бы хотели быть — простым дехканином, купцом, ремесленником или Тимуром? Как бы кто ответил? Любопытно, интересно, парадок-

сильно... Но раз мы уже дожили с Повелителем до преклонного возраста, давайте не будем его бросать. Продолжим роман и эту историю.

...Едет Тимур на запад, едет покорять, на сей раз едет в повозке. Конечно, это очень удобно, учитывая его возраст, болезни. Да, оставаясь наедине в закрытом пространстве, все чаще представляешь гроб, могилу, смерть. Это не по душе. Нечего думать о будущем, пусть даже неизвестном. Лучше думать о прошлом, о его росте, становлении, величии. Поэтому рядом сидят писцы, историки: нечего время зря терять, надо писать о себе, ту же «Автобиографию», «Уложение»... Тут же отметим, что эти, скорее литературные, нежели исторические труды, не какие-то безграмотные, многословные опусы с бесконечными славословиями и самовосхвалениями — это весьма лаконичные и емкие труды. И первое, что бросается в глаза, — это безмерная самоирония и даже самокритика. Видимо, именно эти качества наряду с другими позволили Тимуру преуспеть в своих делах. Ведь самокритичный человек в первую очередь постоянно недоволен собой, ищущий себя и все время рвется все к большему успеху. А самоирония — противоядие против льстецов, этих главных врагов любой самобытной личности. И не из-за скромности, а только благодаря великому чувству самоиронии, которое не дает заштыться, кичиться, словом, сойти с ума, Тимур не называл себя ни Великим, ни Поднебесным и прочим, а всегда подписывался скромно: эмир Тимур.

В отличие от Великого эмира Тимура мы страдаем излишней словоохотливостью, но раз дошли до этой страницы, надо потерпеть, ибо, забегая вперед, скажем, что мы, как могли, уже описали шестьдесят пять лет жизни Тимура, осталась малая часть: попытаюсь дописать, а вы — дочитать...

...Как известно, Ибн Арабшах был бессменным рабом-писарем при Повелителе в последние годы его жизни. И при всей своей нелюбви к Тамерлану позднее отметил, что Великий эмир, диктуя «Уложение», постоянно общался с учеными-историками, и зачастую с помощью личного анализа он мог делать поразительные выводы. Так о чем же думал Тамерлан во время долгого пути на запад, полулежа в своей роскошной повозке? Неужто о смерти? Грехи замаливал? Конечно же, нет! И это вскоре про-

яснится. Он думал только о войнах, точнее, победах, и путях к ним. И в этом он теперь мог опираться не только на опыт своего предшественника — ревностного кумира Чингисхана, но и на не менее богатый свой.

Тимур всегда говорил, что «Бог мне благоволит», «мне сопутствовала удача», «я видел предзнаменование — вещий сон, свою победу». Так неужели он был таким суеверным невеждой, что полагался на знахарей и звездочетов, удачу и судьбу? Никогда. С самой молодости и до конца своих дней он был собран, расчетлив, гибок и силен. Что касается веры, точнее будет сказать, религии, Тамерлан был не просто терпим ко всем вероисповеданиям, он умело использовал религию в управлении массами. Например, будучи уже в зрелом возрасте, попав на службу к монголам, он довольно легко забыл, что мусульманин, и стал язычником и буддистом. Он воевал за веру, а в его рядах были целые тумены православных грузин и даже индусы. В его империи почти все финансовые потоки контролировали евреи, они были в близких отношениях с Тамерланом, и, тем не менее, в угоду местной знати, он в Бурсе согнал всех евреев в синагогу и заживо сжег их. Зная, что со времен монголов на азиатском континенте большое влияние имеют несториане¹, Повелитель тоже поддерживал их. Но когда возникала политическая целесообразность, он в угоду Византии и католической Европе казнил их лидеров. Его другом, послом и шпионом (как ныне говорят, видимо двойным агентом) был католик архиепископ Иоанн Султанский. Так что каноны веры Тамерлана никак не стесняли, и, как ранее отмечалось, он ими мало руководствовался, разве что в угоду своим целям.

На судьбу и случай он тем более никогда не полагался. К каждому поединку готовился основательно, разносторонне и тратил на это не месяцы, а годы, используя при этом дипломатию, мысль, расчет, хитрость, коварство, подкуп, измены, психическое воздействие, болезни, вплоть до того, что он, якобы для примирения, послал в жены своему злейшему врагу — турк-

¹ Несториане — течение в христианстве, основанное в Византии Несторианом в V в.; осуждено Константинополем и Ватиканом как ересь, преследовались, в основном бежали в Азию. Ныне встречаются в Иране, Ираке, Сирии.

нему Кара-Юсуфу — свою красавицу-дочку, рожденную наложницей, заразив ее страшной болезнью.

Даже если его силы гораздо превосходили, Тамерлан и тогда выискивал всякие уловки, выгоды, в итоге, любую мелочь, которая могла бы помочь в успехе. Отсюда очевидный вывод: если бы «звездный» и «расположение звезд» имели бы первенствующее или даже какое-нибудь влияние на сознание Тамерлана, он не стал бы таким, а в общем аспекте, сама история перестала бы быть частью.

И то же время глубоко ошибочно мнение, что стоит только потратить несколько лет на прочтение известного числа книг, как можно сделаться историком, который будет в состоянии написать историю великой личности, целого народа, и сочинение его станет авторитетом по тому предмету, на изложение которого высет пригызание (где-то про нас, но не про всезнающих Перо).

А если серьезно, то цель и задача любой науки, в том числе и исторической, — это изучение общих законов и закономерностей общественно-исторических явлений и общей истории человечества. В этом смысле необходимо изучать глобальные явления, массы, а не отдельные личности, их дни рождения, с кем были в браке, и прочее, чем грешим мы. Однако у нас есть оправдание — данное сочинение претендует быть историческим, но в то же время это роман, где мы с помощью Пера пытаемся этой истории придать некую поэтичность, романтику или, если проще сказать, интимность, с надеждой, что это где-то поучительный урок по части добродетели, а где-то — предостережение от безрассудного и безнравственного... Впрочем, о какой нравственности можно говорить, когда речь идет о завоевателе Тамерлане? Ведь с самого начала данного изложения мы награждаем его эпитетами: варвар, дикарь, деспот, тиран, равно как великий, гениальный, смелый, чадолюбивый, патриот, градостроитель, мыслитель... Так кто же такой Тимур, раз мы о нем пишем? А наше Перо подсказывает, что о том же самом думает и сам Повелитель, находясь на этапе нашего основного повествования в закрытой повозке. В этом смысле, действует чисто психологический аспект.

Когда Тимур ехал в седле, в кругу своих воинов, он чувствовал себя среди них как единое целое, как масса людей, подчи-

ненная одной цели, одной задаче — может быть, кого-то покорить, одолеть, разбогатеть. Теперь, глядя или подглядывая из маленького дребезжащего окна, он невольно ощущает себя изолированным или сторонним наблюдателем этой передвигающейся массы. И, может быть, задает вопрос: куда, за кем и зачем они идут? Почему они ему подчиняются, так возвеличивают, боятся и лебезят? Неужели он действительно такой выдающийся, сверхчеловек, богоизбран? Он сам не глуп и понимает, что это все не так. «А в чем же дело?» — задает вопрос он, зададим и мы. И раз взялись за эту тему, постараемся, как мы считаем, на этот вопрос хотя бы частично ответить, тем более что пишем древним Пером, рукою, а не современным компьютером, тем более что сам Тимур нам в этом поможет: ведь помимо варварств он оставил след своего пера. А там четкий намек, что в поисках самого себя он следовал по тому же пути, что и его предшественник — Чингисхан. А тут сразу же оговоримся, что расхожее мнение, будто личность творит историю, — это невежественный примитив, домысел литературы, но никак не научный взгляд¹.

Что касается личности, применяя дедуктивный метод, отметим, что общество, или человеческий род, формируется под воздействием физико-географических факторов, таких как климат, пища, почва, и другие составляющие природы. В зависимости от этих факторов идет развитие общества, а уже сама общественная среда создает условия и способствует вызреванию личностей, к примеру, таких как Гомер и Македонский, Чингисхан и Ибн Сина², Шекспир и Магеллан, Ньютон и Наполеон, Эйнштейн и Ленин.

¹ Здесь может возникнуть вопрос невежд, что судьба заранее предопределена. И хотя теология вне рамок данного повествования, как искренне верующие, попытаемся ответить, что Бог сотворил великое чудо и дал нам счастье быть рожденными на Земле. Можно предположить, что и время жизни предопределено. Однако путь по жизни мы прокладываем сами — это некий алгоритм нашего будущего или, если хотите, тот «багаж» (по Библии и Корану — это багаж истинных знаний), с которым мы предстанем в неизбежный час. А если проще — что посеешь, то и пожнешь.

² Ибн Сина (Авиценна) (ок. 980–1037), ученый, доктор, философ, врач, музыкант. Автор соч.: «Книга указаний и наставлений» и др. Жил в Средней Азии и Иране.

А возвращаясь к личности Чингисхана, отметим, что, согласно Дзювейни, местом обитания, происхождения и рождения монголов была огромная степь, ширина и длина которой такова, что путь от одного ее края до другого занимает семь или восемь месяцев. На востоке она граничит с землями китаев¹, на западе — со страной уйгуров², на севере — с землями киргизов³ и рекой Селенгой⁴ до озера Байкал, а на юге — с владениями тангутов⁵ и тибетцев. По рельефу — это сплошное нагорье, по почве — камни и пески, пустыня и полупустыня, по климату — резко континентальный, когда сухо и пески, но жарко летом, и порывистый ветер и мороз зимой, по общему виду — скудость. Словом, не жизнь, полупустынная голая степь. И сейчас, а тем более в древние времена здесь мало пищи, значит мало животных и людей.

И вместе с тем, как явствуют исследования, климат на Земле порою меняется. И вот в период с VI по IX век над Монгольским плоскоземлем и даже пустыней Гоби начались значительные осадки. Степь зацвела, расцвела. Там, где обильные пастбища, появились тучные табуны. А Библейский закон гласит: там, где много хлеба, много браков, большое потомство.

Монголы и их родоплеменные соседи — родоплеменные кочевники, они едят не хлеб, а больше мясо, конину, запивая кумысом. При такой еде и традиции, что такое понятие, как вдова или незамужняя, у детородной женщины отсутствует, численность населения стала возрастать чуть ли не в геометрической прогрессии. Кочевники под стать своей природе и догосу — люди свободные, независимые, своенравные. В таком относительно неза-

¹ Имеется в виду Северный Китай.

² Уйгуры — как ранее сообщалось, тюркское племя с развитой культурой, письменностью, своим алфавитом. В раннее время правило на Северном Китае и в Монголии, изгнано киргизами и обитает в оазисах Гариша, южнее Тянь-Шаня.

³ Тюрки-киргизы — в те времена населяли верховье Енисея.

⁴ Селенга — река, течет от хребта Хангай до Байкала.

⁵ Тангуты — тибето-бирманские народы. В X в. создали в Тибете самостоятельное государство, после разгрома Чингисханом почти полностью истреблены, оставшиеся в живых ассимилировали с другими народами.

висимом обществе нет строго классового расслоения, и в какой-то степени быстро происходит накопление богатства.

Определенное богатство обеспечивает некий досуг, а досуг — это возможность самого главного на земле, возможность приобретения знания. А какое знание у кочевника? Это скачки, игры, когда всадник сливается с выносливым конем, это охота-забава, когда легко пользуются луком во время галопа, это аркан, как удачливая жизнь, когда даже сайгак не убежит. С виду все это примитивные знания, но это знания того быта и того существования, и они, скорее всего, стали бы шагом или прелюдией следующей производной богатства — к тому строгому классовому расслоению, а впоследствии — к цивилизации.

Однако вновь в историю вмешалась природа. В X, а еще ответственнее в XI веке умеренный климат Монголии сменился на прежний — резко-континентальный. Количество осадков — совсем мизер, засуха, массовый падеж скота. А что делать огромному количеству населения? Чем питаться? Чем заняться? Ведь ограниченный природный ресурс не может прокормить столько людей.

Самые надежные источники — великие персидские историки монгольского периода Рашид ад-Дин («Сборник летописей») и Ата-Мелик-Джувейни («История Завоевателя Мира») — почти одинаково описывают жизнь кочевников дочингисхановского периода. «Каждое племя или два племени жили отдельно; они не были едины, и между ними не стихали войны, и не прекращалась вражда. Некоторые из них считали воровство и насильственный разврат и безнравственность занятиями, свидетельствующими о мужественности и превосходстве. Хан китаев взымал с них дань и забирал их товары. Одежда их была сшита из шкур собак и мышей, а питались они мясом этих животных и другой мертвиной. Вместо вина у них было кобылье молоко, а десертом им служили плоды дерева, напоминавшего сосну, которое они называли кушук¹, и рядом с которым в тех краях не было никаких других плодоносящих деревьев, растет оно даже кое-где в горах, где по причине чрезвычайного холода нет больше ничего. Отличительным знаком каждого военачальника были стремени, сдер-

¹ Кедровый орех.

важные из железа, поэтому можно представить, каковы были у них другие предметы роскоши. И они пребывали в бедности, лишениях и несчастьях, пока не взметнулось знамя удачи Чингис-хана»¹.

Джуве이니 был на высокой службе у внука Чингисхана — Хата ханов — Менгукаана, и, наверное, поэтому далее порой грешит излишним славословием, даже открытой лестью, намекая, что это дарованная Всевышним судьба. На самом деле это тип авантюриста, афериста, разбойника и в этом отношении человек сильного, смелого, упорного, жесткого, терпеливого и выносливого.

Настоящее имя Чингисхана — Темучин, что, странное совпадение с Тимуром, переводится с монгольского «железо» или «кузнец». На этом основании есть мнение, что он сам кузнец и происходит из династии кузнецов. На самом деле, его отец Батануй тоже был разбойником. В один из удачных дней, когда отец приволок в стан похищенного вождя соседнего татарского племени, у него родился сын, и его нарекли именем пленника Темучин.

Промысел разбойника всегда опасен. Отец Чингисхана прожил недолго, богатств не оставил, а то, что было, кровники отобрали.

Чингисхан, тогда еще Темучин, — старший из четырех сыновей. (Есть ли сестры — мы не нашли. В этом отличие от Тимура. Тимур своих сестер очень любил, построил мавзолеи и дворцы в их честь, и потому они известны.) На его юные плечи легла нелегкая ноша кормильца, эта ситуация экстремальна. А, как известно, в экстремальных ситуациях человек думает только о пище и о себе.

Наверное, была возможность у Темучина наняться пастухом, слугой, в охрану. Тогда он мог бы просуществовать. Но помощь семье? Словом, эта батрацкая жизнь его не прельстила, он пошел по стопам отца. И, скажем так, по молодости или слабости совершил ошибку, какое-то злодеяние по отношению к своим близким родственникам.

Если любое насилие над человеком иного племени — удаль и геройство, то то же самое по отношению к своим — позор

¹ Ата-Мелик Джуве이니. История завоевателя мира.

европейцев от некоей спячки. Они получили порох и, думая об обороне, изобрели стрелковое оружие; а вместе с этим — научный и технический прорыв, ренессанс в культуре, и, желая еще больше получить от загадочного Востока, европейцы устремились туда по морю, и так был открыт и завоеван целый мир.

Чингисхан был умным и простым человеком, он не пытался изменить уклад своей жизни и тем более не мечтал сравняться с Богом, стать вровень с ним, как другие императоры. Он любил свою столицу Каракорум, но не стал особо менять ее облик, не возвел храмов, дворцов, пирамид, в том числе и мавзолеей для себя, насилюя и истребляя сотни тысяч строителей. Зато он с помощью специальных гонцов и стоянок наладил скорую связь по конца континента в конец, по которой известие за десять тысяч километров доходило менее чем за месяц, и это где-то прообраз современной почты, телеграфа и даже Интернета.

Будучи человеком необразованным, даже неграмотным, тем не менее Чингисхан был наблюдательным, пытливым, узнающим и познающим этот мир, тонким психологом и дипломатом. Доказательство тому — Ясы Чингисхана. Это не самохвалческое, схоластическое «Уложение» Тимура — это свод законов, некий прообраз современных конституций и уголовного кодекса развитых обществ, на основании которых были созданы свободные от религиозной ереси суды. При монголах самым страшным преступлением было брать и давать взятку, лжесвидетельствовать, и тот, кто не докладывал о совершенном преступлении, наказывался более, чем сам преступник. Существует мнение, что, мол, Наполеон, когда был в заточении, сочинил свой кодекс по «Уложению» Тимура, — это, наверное, не так; первоосновой, скорее, были Ясы.

О полководческом гении Чингисхана не будем повторяться, только приведем одну фразу из Ясов: «Воин ест, спит и шлет только для того, чтобы в свое время, там, где надо, вступить в бой и победить или умереть».

И, пожалуй, самое главное, о чем почему-то мало говорят, — Чингисхан знал, что мощь государства — в армии, а армию надо содержать, и для этого нужна, выражаясь современным языком, соответствующая экономика и финансы. И именно при Чингисхане была разработана прогрессивная и диффе-

ренцированная система податей и налогов, которую впоследствии взяли на вооружение не только страны Азии, но и Европы. По этой системе налогообложения никто, вплоть до Великого хана, не освобождался от налогов. И у Рашид ад-Дина есть замечательный эпизод, когда хану на какой-то юбилей преподнесли послы много дорогих подарков, и он мучается, не зная, что в казну, как налог, сдать. От налогов никто и никогда не освобождался, в том числе, точнее, в первую очередь, сами воины должны были всю добычу, пленных и женщин обязательно сдавать в специальную службу. А за это получали щедрое, а главное, справедливое вознаграждение. И, что самое интересное, в период между походами, дабы не было разгула и разврата, каждый воин превращался в крестьянина, обязан был завести в любой точке новую семью, дом, хозяйство, работать, платить налоги с дома и быть готовым в любой момент выйти на смотр, выступить в поход и бой. Вот такая экономика, армия и простот населения...

Конечно же, Чингисхан — это личность в истории человечества, и если считать, что это случай, судьба или стечение каких-то обстоятельств, то мы скатимся к невежеству, примитиву, начетничеству. Чингисхан, как и всякая выдающаяся личность, — продукт природной среды, коей является и человек. Именно природные катаклизмы, земная среда обитания дала мощный импульс для бурного развития кочевников степи. А когда эта природная благодать так же резко исчезла, монгольское, точнее, все степное сообщество Дальнего Востока оказалось перед угрозой деградации и, может быть, исчезновения с лица земли, что случилось не с одним народом. Была альтернатива — не сдаваясь, ринуться в бой за существование. Это был мятеж, революция, переворот, и, как сейчас говорят, — необузданная пассионарность. Такое могло случиться только в свободном, независимом обществе кочевников, но никак в географически рядом находящемся рабовладельческом, угнетенном Китае. И это движение началось не сверху, не в так называемой «элите» общества, где критерий — только богатство, и от смены персон ничего не меняется, а снизу, когда голодный парнишка, сирота, за проступок изгнан из дома, из племени, с родины, но он бунтарь, он не сдавался, боролся, жил, и само степное, недовольное жизнью и существованием общество, на-

деясь на него, веря ему, о лучшем мечтая, выдвинуло его вожаком. И он их не подвел, повел в мир, в жизнь, в цивилизацию, в будущее. И понятно, и естественно, а может, и противоестественно, да иного в истории нет, этот путь в будущее, эта дорога в прямом и переносном смысле построена на костях, на судьбах, на горе одних, по которой будут ехать вперед другие...

Вот по одной из сотен построенных чингисидами через весь континент дорог, по широкой, ровной дороге через Мазендаран, Сари, Гилян, Решт, по прекрасной долине меж гор Эльбрус и Каспийским морем в сторону Передней Азии, в Тебриз, к сыну Мираншаху направлялся Великий эмир Тимур в летний зной 1400 года, наверное, вспоминая, думая о своем кумире Чингисхане, к которому он всегда относился с почтением, а с возрастом, очень часто сравнивая себя с ним, он стал к нему почему-то ревновать, даже завидовать.

Чингисхан прожил семьдесят два года, а ему всего шестьдесят четыре. Время еще есть. Но что это за время? Как стрела оно пролетает. А сколько еще дел, сколько планов, замыслов? И сердце вроде еще молодое, бьется, всасывает кровь, как голодный удав. И все же не то, не то, жизнь пролетает. А давно ли было время, когда он мальчишка, потом подросток, весь день телят пас, с одною мечтою — вечером пойти в чайхану, затеряться меж почтенных стариков и слушать рассказы о великом Чингисхане. А наутро в степи собирались мальчишки и начинали игру, и каждый хотел быть Чингисханом, но он и тогда всех побеждал, бил, как сейчас. А что? А что он получил? Вроде все. А подумашь — жизнь почти что прошла. А главное он не сделал — не покори́л, как Чингисхан, Поднебесную. А ведь над этой затеей он давно мыслит, все прикидывает, рассчитывает, уже давно там его шпионы, купцы, дипломаты работают, почву для него готовят, ведь там все — все богатство мира. Недаром, покори́в Китай, Чингисхан сразу стал великим и неуязвимым. И планировал, что если Дели возьмет, то следующий поход будет на Пекин — ведь это мечта всей его жизни. Однако дети, его сыновья, которые ему должны были стать опорой и поддержкой, стали обузой и позором.

Старший из оставшихся сыновей — Мираншах — пьяница, с ума сошел, его приказы не исполняет. А что тогда будут творить

остальные, какой пример? А почему? Ведь он все для детей сделал, целые царства подарил. Не хотят ценить то, что он с таким трудом, потом и кровью добыл. Зажрались? Конечно... Это сейчас, по совету духовного наставника Саида Бараки он в биографии приукрасил свою судьбу, мол, были скот, кони, даже рабы. Ничего не было, он сам был если не раб, то чужих телят пас. А Саид Бараки был старше, муталим¹ в их селе, так бы там, быть может, и остался бы. Да однажды, когда Тимура за мелкое воровство была свора сверстников, этот Бараки, проходя мимо, заступился за него. Став великим, Тимур не забыл услугу: теперь и Саид Бараки велик. Кстати, он занимался и занимается духовным воспитанием его детей и внуков. Может, зря биографию переделал. Отпрыски возомнили из себя, они его страданий, его трудов не poznали. А может, это из-за его грехов? Какие грехи? Он ярый борен за веру, за ислам!

А Мираншаха надо казнить... Сможет ли он? Должен. В назидание другим — должен. Именно для этого он с собой всех потомков, всех жен и невесток везет... Чингисхан уже на смертном одре лежал, когда за малый поступок — приказ, словно хана уже нет, посмел дать первенец Джучи, и лишь за это был жестоко казнен.

Сына казнить?! Миллионы казнил. А сына? Тяжело, ой как тяжело... И все же казнит. Мираншах наглец, мало всего прочел, так он посмел прислать письмо с претензией — почему наединком внука Мухаммед-Султана назначил? Каково? И принял: «Тогда уж есть еще внук — Халиль, чем он не достоин?»

А Чингисхан ведь наследника не назначал, сказал, что в свободном обществе пусть Курултай себе вождя выбирает. Да ныне времена не те. И Чингисхан был дикарем, что мир вообще не видел. После себя даже могилку не оставил². А он, Тимур, уже строит себе мавзолей, и не простой... Хотя об этом думать и не хочется, еще время есть. Он во всем превзошел Чингисхана и жить будет дольше. Аминь! И, как советуют ему врачи, нечего думать о плохом: хорошая пища, массаж, в меру старое вино и прекрасное юное тело, да спокойный сон... Он это заслужил, он этого

¹ Муталим (*араб.*) — учащийся в медресе и примечетских школах.

² До сих пор ведутся поиски, не могут найти.

и только этого достоин. А враг или недруг, пусть то даже сын, достоин смерти, и иного нет.

С этой еще не утвердившейся мыслью Тамерлан приблизился к Тебризу. Он хотел застать сына врасплох, чтобы самому убедиться в его беспорядочной жизни. Для этого он приказал основным войскам задержаться, а сам с небольшим эскортом, под видом посланца из Самарканда, прибыл в Тебриз. А город — словно вотчина¹ Мираншаха: везде его портреты, на арабском, персидском и тюркском лозунги о нем и его призывы.

«Сын действительно сошел с ума или его свели с ума», — горестно подумал Тимур и в это время ему доложили:

— Эмир Тебриза и всех западных земель, ваш сиятельнейший сын Мираншах находится сейчас в «Сказке Востока».

— Что он там делает? — разъярен Повелитель.

— В ералаш² играет.

— У-у! — выдал со злостью отец. — Так и есть — ералаш! — Теперь он пожалел, что инкогнито прибыл. К таким встречам он не привык, и, желая хоть на ком-то сорвать зло, он не то чтобы только сейчас вспомнил (вспоминал нередко), но почему-то именно сейчас ему захотелось увидеть Моллу Несарта. Он знал, что старика назначил Мираншах на высокую должность — казначея, — и представлял, что ученый, как и все смертные, уже, небось, отгрохал себе дворец, а то лучше — готовый купил: такова всежизненная практика министра финансов, и, как знает по своему богатому опыту Тимур, — вот секунду назад казначея казни, а очередь жаждущих этого поста не убывает.

Когда показали Повелителю жилище Моллы, он глазам своим не поверил: в такие хибары он давно не ступал и тем любопытнее стало туда пройти, ему давно не приходилось сгибаться в дверях.

В молитвенной позе на истертом коврикe сидит Несарт, что-то нашептывая, четки перебирает. Во время молитвы беспокоить нельзя, да на то он Повелитель — сел бесцеремонно, грузно на деревянные нары, так что скрип, расставил по-хозяйски ноги.

¹ Вотчина — наследственное земельное владение на Руси (XII—XVIII вв.).

² Ералаш (тюрк.) — старинная карточная игра, прообраз преферанса и виста. Беспорядок, путаница, неразбериха.

— Ты что делаешь? — очень громко, словно не видно. — Грех мамливаешь?

Хоть и ожидалось, но старик не вскочил, даже не двинулся. И том же медленном темпе закончил молитву, слегка повернул голову к гостю, наклонил и тихо ответил:

— Как видишь, нанизываю одну ложь на другую и приукрашиваю твои тщеславные деяния, молюсь за тебя.

— Гм, ты лучше за себя молись, — Повелитель осмотрел исхода Моллу, тот явно сдал, совсем побелела борода. — Чтоб в страсти не страдал — повешу я тебя.

— А я не стар, не более тебя, и чувствую себя как лошадь!

— Ты ж далеко собрался, коль от осла уже до лошади добрался.

— Так это только для того, чтоб в окружении твоём хоть как-то отличаться.

— Хм, опять дерзишь? Теперь недолго, — Тимур встал, осмотрел комнаты. — А дом хорош. Под стать тебе. Вот только кухня маловата — здесь даже мышам тесновато, а впрочем, что кому дано.

— О Повелитель! Размер кухни, что и любовь моя к тебе.

— На что теперь ты намекаешь? Твое ехидство не пойму.

— Что ж тут понять иль не понять? Будь у таких людей, как я, большая кухня, не будет у тебя больших дворцов.

— Ты ж казначей?

— Не значит вор.

— Ну, скупердай! Пойдешь на эшафот с мешком?

— Кто, как и с чем, за кем туда пойдет, лишь знают небеса.

— Ха-ха-ха! А знаешь то, что никогда ты не увидишь?

— О, мой эмир, ты вечен! — вознес руки Несарт. — А не увижу платы за свой труд.

— Во-во, хоть в этом мой сыночек оказался прав. За что ж тебе платить, разве за то, что ты в сношениях с мамлюком?

Наступила долгая пауза. Несарт, все еще сидя в молитвенной позе перед Тамерланом, тихо, но твердо произнес:

— Раз знаешь все, то растерзай.

— Змею пригрел.

— Хм, была б змея, здесь мыши б не водились.

— Мерзавец, изменник, — правой, не гнушейся ногой Повелитель пнул со всей силы Моллу, тощий старичок повалился на-

бок, немного приподнял голову, изо рта, по белой бородке темная струйка. Он издал какие-то чавкающие звуки, кашлянул и, глядя прямо в лицо Тамерлана:

— Насчет мерзавца я не знаю, а вот «изменник» — не ко мне.

— Ух, распоясался — свинья! — грузно встал Повелитель. — Твой приговор свершен... Но прежде ты доложишь о казни. — Вновь прогибаясь в дверях, Великий эмир стал выходить, а Несарт и тут не сдержался:

— Лишь о казни и деньгах дума. Вот ноша. И как ты с ней померишь?!

К старости у Повелителя обострились ревматические боли, с трудом повернув шею, процедил:

— Ты это о чем?

— Да так, о бренном, — Молла утирал кровь с бороды.

— Тьфу, — то ли в старика, то ли от брезгливости к его жилищу сплюнул едко Тамерлан, сделал жест, понятный охране, кривой походкой удалился.

Смеркалось. Город уже знал о прибытии Великого эмира. Вдоль улиц толпы людей, толпы нищих перекрывают дорогу. Личная гвардия Тамерлана полностью взяла Тебриз под контроль. Прямо по ходу процессии по городу ему докладывают о ситуации. Главное, его сын примчался в главный дворец, готовится к встрече.

Огромный, каменный центральный замок Тебриза весь в огнях, кругом суета, сдержанный шум. Даже в воздухе чувствуется смена власти: кто-то счастлив, кто-то встревожен, все в преддверии перемен. При появлении Тимура вся городская элита, а это визири, военные, духовенство и прочие богатые и влиятельные люди, — склонились перед ним, и тут же, по договоренности, старший от духовенства начал было произносить приветственную речь, но Повелитель лишь небрежно кивнул, в сопровождении многочисленной охраны прошел в здание.

Во входном зале, словно от бессилия, опершись на мраморные перила лестницы, стоял худой, бледный Мираншах. Увидев отца, он бросился было к нему, сделав пару шагов. Перехватив взгляд отца, он замер, хрустя суставами, пал на колени, опустив голову. На шее у него уже была веревка — петля.

— А ты, оказывается, не совсем дурак, — едко, со злобой ухмыльнулся Тимур, — об этом, слава Богу, сам догадался, — он сделал знакомый для охраны жест.

Охранники потащили Мираншаха под лестницу, из-за сплошных толстых занавесей соседней комнаты послышался вопль и стон Сарай-Ханум. Будто никого в мире более нет, Тамерлан своей кривой походкой двинулся по лестнице наверх. Это всякая мелюзга вроде Моллы Несарта может в ожидании скорой смерти, от которой ровным счетом ничего в мире не изменится, сидеть в плучуге среди мышей и беспрестанно четки наяривать. А на нем, на Великом эмире, большая ответственность, особая миссия возложена, и ему рано, даже некогда о смерти думать, он еще полон сил, здоров, и еще предстоит многое сделать; он обязан навести в мире порядок, очистить веру, показать всем истинный путь к Всевышнему и к добру. И всякая мразь думает о нем, что он алчный, лишь о деньгах печется. Он размышляет о своем высоком предназначении. А людской сброд — те же бараны, без хлыста ничего не соображают, и нужны ему средства, чтобы содержать армию. Если бы Мираншах на западных рубежах стоял надежным оплотом, он бы спокойно двинулся на восток, в Китай. Теперь этот поход придется отложить: в Тебризе много забот, здесь должна быть пятая часть его действующей армии — сорок тысяч воинов; с такой армией пора б Мираншаху еще далее пройти, а все наоборот — многие земли вновь отошли к противникам, казна пуста, армии нет, лишь на бумаге. И чтобы все это восстановить, надо все документально, безотлагательно проверить, и поэтому вновь, уже во дворец привезен казначей Молла Несарт.

Это кажется, что по велению Тимура или Чингисхана огромная армия, сотни тысяч людей двинулись туда, стали на постой здесь. На самом деле армия во все времена — это строгая дисциплина, которая базируется на учете, контроле, содержании. И нельзя ничего пускать на самотек, нельзя расслабляться — враги сожрут, они кругом. Поэтому сам Тамерлан присутствует, когда его доверенные счетчики проверяют дела Мираншаха. Тут же казначей Молла Несарт им пытается что-то объяснить. Общая картина и так понятна, но тут она четко вырисовывается. Тамерлан все видит, и в конце, не выдержав, он в гнев набрасывается на казначея:

— Подлец! Сорок две тысячи воинов на довольствии, еще две тысячи на охране — где эта армия? Сколько поражений?! Сколько уступили городов?! Ты куда деньги дел? Кому выдавал?

— Повелитель, — вроде спокоен голос Моллы, — мое дело, как казначея, — исполнять указ.

— Мразь! — замахнулся Тимур, на сей раз не ударил. — Я тебе пайзцу дал, послал обсерваторией заняться, сыну помогать.

— Видит Бог, последнее я делал, — чуть ли не перебивает его Молла, — по крайней мере ничего не воровал. Обсерваторией и сам занялся бы, да сын твой от любимого дела оторвал.

— А мой указ? Моя пайзца?

— О Повелитель, ты — звезда! Но тут ведь солнышко иное.

— Молчи! Мерзавец! — Тамерлан топнул ногой. — Скажи, где армия моя?

— О Повелитель, позволь мне байку рассказать? — неожиданно слащав голос Несарта и, видя молчание эмира: — Однажды пастух был вызван дать отчет о состоянии его стада. Счетчик спросил: «Сколько осталось овец?». — «Где?» — уточнил пастух. — «В списках». «Потому я и спрашиваю, — отвечает пастух, — что в стаде их нет»¹.

— Так, — грозен голос Тамерлана. — Байка хороша, вот ты напиши и мне список тех, кто это «стадо» съел.

— А-а! — стал запинаться Несарт. — А если то эмир, к тому же отпрыск Тюмбенея?

— Я сказал — всех, всех разбойников, воров и казнокрадов. Молла Несарт недолго составлял этот список, быстро протянул Повелителю, а там одно имя — эмир Тимур.

— Клянусь творцом Вселенной, да тебе и вправду жизнь надоела. По-твоему, я разбойник?

— О Повелитель мой, прости! Так оно на самом деле. Ведь твои слуги, сыновья управляют маленькими провинциями и разбойничают так же. А ты управляешь всем миром и весь этот мир грабишь. Вот и пришлось тебя записать, чтобы ты не обиделся.

¹ Взято у Ата-Мелика Джувеини.

² В «Сокровенном сказании» монголов Тюмбенея — хан великий, предок Чингисхана. Позже, по «Биографии» Тимура «выяснилось», что это их общий предок, родство.

— Но и ты не обижайся, — оскалился Тимур. — Как ты утверждаешь, все движется по кругу. Откуда взял — туда тебя верну. В зиндан!

По сведениям исследователей один из летописцев Тимура — Шами¹ — указал, что в Тебризе было арестовано более трех тысяч человек, причастных ко всякого рода злодеяниям. Это прежде всего военные, сановники, таможенники, полицейские чины, духовенство и даже женщины.

Разумеется, был суд, приговор которого гласил: «Наперснику правителя Мираншаха, как те, что своекорыстно использовали его болезнь — безумие, так и те, которые ничего не сделали для того, чтобы удержать его в рамках, дозволенного разумом, будут приговорены к смертной казни и преданы смерти».

Понятно, что все эти осужденные были люди весьма состоятельные, их имущество было конфисковано. Дабы не иметь лишних врагов, близкие мужского пола тоже были арестованы, и их жен и детей тоже ждала незавидная участь.

Такая жестокость Тимура вслед за бесчинствами его сына Мираншаха могла окончательно подорвать репутацию завоевателей. Да Повелитель недаром имеет такой титул: он знает, что Тебриз — крупнейший город этого края, более миллиона жителей, и ему нужен здесь весь его авторитет. И он умеет не только похвалять и разрушать: Тамерлан — дальновидный политик, ему нужен в Тебризе надежный оплот. Посему в город сгоняются строители и мастеровые со всей округи, к ним в подмастерья — сто сорок тысяч воинов Тимура, чтобы не расхолаживались. И началась грандиозная стройка и уборка города. Через месяц Тебриз не узнать. И к этому сроку назначен массовый праздник, во время которого будет свершена казнь над казнокрадами и предателями города и Тимура. К этому зрелищу город блещет, всюду фонтаны, порядок, благодать. И, наконец, последний штрих: за три дня до праздника бедному люду бесплатно выдаются разные дары, мука, сладости, деньги. Имя Тимура гремит, звенит. С минаретов после хвалы Богу благодарят его. Он

¹ Низамаадин Шами (Сами) — автор «Зафарнаме» («Книга о победах»), написана в 1401–1404 гг., вроде бы под контролем и содействии Тимура. В 1424 г. внук Тимура Ибрахим-Султан (сын Шахруха) заказал новую «Зафарнаме», автор которой Шерифаддин Язди.

популярен, кумир, и когда явился на главную площадь, на казнь, стотысячная толпа пела его имя, восхваляла его, а потом хотели стать на колени, но не смогли — тесно.

А Тимур, его свита, как положено, сели в первом ряду перед эшафотом. Казнь через повешение или отрубание головы — это самый зрелищный спектакль средневековья. Вновь зачитали приговор, объявили имена преступников. Чести быть повешенными на центральной площади удостоены лишь шестнадцать человек — самые злостные и влиятельные. Среди них Мираншах и Молла Несарт.

Когда приговоренных доставили на площадь, разъяренная толпа готова была растерзать их в клочья. Многочисленная вооруженная охрана еле сдерживала этот вопиющий гвалт, эти свирепые лица и рвущиеся к расправе руки. Вот преступников подвели к эшафоту, они босы, на них лишь балахоны из грубого льна. Все бледны, дрожат, кто-то плачет, скулит, молит Тимура о пощаде, и лишь старик Молла Несарт вроде невозмутим. Это первым и подвели к лестнице, ведущей на эшафот. Но в этот момент старик как-то вывернулся от охранника и с некой галантностью прогнулся перед вслед идущим Мираншахом:

— Только после вас, высокочтимый Правитель, я вечно уважаю вас.

Ссутулившийся, с поникшей головой, Мираншах медленно поднялся, остальные не желают, движение чуть застопорилось, и тут бодро скомандовал Молла:

— А ну-ка, веселей, как к казне, как к трону эмира Мираншаха!

Тимур, услышав это, захохотал. По его примеру даже те, что не слышали, стали смеяться. А в это время у каждой виселицы уже стояли приговоренные: первый — Мираншах, последний — Молла Несарт. Под барабанный бой на шею каждого накинули петлю. Настала тишина, страшная тишина: ждут кивка Тимура. И тут стон Сарай-Ханум. Вдруг Повелитель встал, подошел к эшафоту, прямо напротив Несарта, и спросил:

— Эй, шелудивый пес. Как-никак я с тобой немало времени за шахматами провел. Настали твои последние минуты. Если у тебя есть, что завещать, делай это.

— Никакого завещания у меня нет, — чуть ли не скороговоркой выпалил Молла. — Правда, есть одна очень маленькая просьба.

— Какая? — полная тишина, слышен лишь голос Повелителя.

— Мне щекотно, когда веревка дотрагивается до моей шеи, — как никогда бодр голос старика. — Прошу тебя прикапать, чтобы повесили меня не за шею, а за пояс.

Тамерлан вновь ухмыльнулся, ничего не ответил, медленно вернулся на свое место. Пальчиком поманил к себе кадия, что-то ему на ухо подсказал. Чуть ли не иноходью пожилой, упитанный кадий вбежал на эшафот, стал пространную речь держать. Итог ее таков:

— Умалишенные, согласно исламу, считаются в некотором роде святыми. И Мираншах, и этот старик Несарт, как вы имели честь убедиться, действительно больны, они не могут в полной мере отвечать за свои поступки. Может, их, согласно нашей гуманной вере, простим?

Гулкий хор.

— Простим!!!

* * *

Поверьте, жить в войну нелегко. Писать о войне — тоже мало приятного. Читать постоянно о войне — печаль. А куда от этого денешься, если взялись за исторический роман, зная, что история человечества — история войн? И слава богу, что мы не в средние века живем, с этими показными казнями и тысячами жертв. И мне кажется, что включу я спозаранку современное трелище — телевизор — и думаю, что вот сейчас покажут в новостях, как готовятся к Новому году на другом конце света, в Новой Зеландии, а вот построили современную больницу в Гондурасе, а следующий сюжет — как сдали в моем родном Шали, что в Чечне, среднюю школу, разбитую во время двух войн.

Но нет, миру это не интересно. Гораздо интереснее, как «реагируют» акции на фондовых рынках. Эти фонды и акции — удивительные изобретения умных людей. И вроде многих ученых-изобретателей мы поименно знаем, а вот кто и как выдумал акции — неизвестно. Но дело нужное, полезное, хотя, казалось бы, никаких материальных, духовных ценностей эти акции не производят. Но как влияют на цивилизованный мир! (А в нецивилизованном их нет.)

Вот президент Америки сказал, что в Ирак пошлют дополнительно еще двадцать тысяч солдат: цена на нефть резко упала. Кто-то выиграл, кто-то проиграл, в смысле денег. А кого-то убили... Ну, лес рубят — щепки летят. А вот американцы дополнительный контингент высылают в Афганистан и еще массу денег — на афганскую армию. И якобы теневой бизнес, никаких фондов нет, а по телевизору сообщают: цены на наркотики в России и Европе резко подскочили. Кто-то выиграл, кто-то проиграл, в смысле денег. А чья-то мать плачет. А вот следующий сюжет: Иран и Северная Корея атомные бомбы делают — ось зла. Но этими бомбами и ракетами вся земля напичкана. Да это в умных руках. А вот Китай еще выше голову задрал: уже в космосе ракетой спутник сбили. Ну, это уже не ось, а целый зигзаг — в Персидский залив и на Дальний Восток послать авиацию, подлодки и всех в ружье. А для надежности и в Европе надо новые базы создать. Россия пытается адекватно ответить. Вдруг снова конфликт? Фондовые рынки вновь реагируют, цена на нефть растет, акции падают, либо наоборот — это неважно. Важно, что кто-то проиграл, кто-то выиграл, в смысле денег. А духовность, нравственность?! Это о чем? Ах, да! Ведь двадцать первый век, прогресс, цивилизация, демократия. Ведь нет чумы, мы СПИД нашли. А надо что-то для души. И зрелища побольше — Новый год! И что тут думать — в корень зри, и почитай древнейших мудрецов, то Тамерлан нам подсказал, и лучше зрелища не бывает — повесили Саддама, всем на зло. Весь мир сидит, глядит, вновь и вновь смакует. Не смог этот Месопотамский царь дурачком вовремя прикинуться? И мамы у него уже нет — никто не заступился... Зато каков сюжет?! А мы о школе, что в Шали. Наивность. Просто детвора. А жить и мыслить надо категориями!..

Вслед за историками (а как иначе?) мы лишь вскользь упоминали, что Тимур изначально находился в вассальной зависимости от монголо-китайского хана. Со временем, по мере того как Тимур крепчал, эта зависимость становилась все более и более номинальной. Однако Повелитель о ней не забывал, постоянно посылал хану Хизир-хадже подарки, в вот после индийской кампании, когда Тимур окончательно стал властвовать на этих землях, уже он получил подарок — совсем юная китайка, дочь хана, стала его новой женой.

Это родство — как великий расчет. Тем не менее, исторически Тимур всегда побаивался Моголистана и поэтому в той стороне держал отборные войска и лучшего командира — наследника Мухаммед-Султана. Вместе с тем, дабы перешеголять Чингисхана, Тимур, как уже известно, вынашивал планы захвата и Моголистана, и Китая. К этому он давно готовился, давно этого ждал, ведь там осели несметные богатства Чингисхана и его потомков, которые не давали ему покоя, коими он жаждал завладеть. Однако дела в Тёбризе заняли его, а тут к нему зачастили бен Сельджукской империи, коих османский султан Баязид лишил унаследованных территорий. Вслед за ними к нему потянулись послы из Европы, из Франции, от Карла VI, некий архиепископ Иоанн Султанский, который стал другом Тамерлана и был в свою очередь назначен послом Великого эмира во Франции и Ватикане. Были люди из Генуи и Венеции, которые из-за того же Баязида потеряли свои колонии не только Малой Азии, но и на европейском континенте. Наконец, был посланец от Василиевса Константинополя Иммануила II, у которого дела были совсем плохи — он фактически в зависимости от Баязида, платит огромную дань помимо всего прочего.

Это историки пишут: послы приезжали, подарки привозили, пышные встречи-проводы были и якобы более ничего. На самом деле все баш на баш¹ — обмен, торг, обоюдная выгода. Баязид раз за разом европейцев громит, и они уже даже психологически не могут ему противостоять. Разве не легче и не выгодней Тамерлану заплатить? Пусть два великих тюрка, два мусульманина лбы расшибут — миру только польза будет.

Тамерлана эта политическая карта мира не интересует, главное — барыш, и он, к его удивлению, сулит быть не малым. Да сломя голову на Баязида не пойти! Если завязнет в Малой Азии, то монголы и китайцы только этого и ждут — ударят с востока. Два фронта не сдержат. И тут судьба, звезды вновь благоволят ему: пришло от наследника Мухаммед-Султана известие — новый тесть Тимура Хизир-хан умер, его четыре сына наверняка будут меж собой бороться за трон. «А ты меж ними кость брось, — шлет срочно гонца дед и зять. — Да невзначай, по-род-

¹ Баш на баш (*тюрк.*) — голову на голову, равный обмен.

ственному, подсоби каждому — пусть насмерть перегрызутся. Ты добей... После ты мне нужен. Здесь грядут большие дела — мы на Китай пойдем — и весь мир будет наш!»

Приняв окончательное решение сразиться с Баязидом, Тамерлан, как всегда, начал готовиться к этому событию. Сарай Ханум, все невестки и младшие внуки были отправлены в Самарканд. Тебриз превратили в плацдарм для развертывания боевых действий. Вновь агрессии подверглась Грузия, и ее царь быстро признал Тамерлана. Огромные табуны коней, верблюды и слоны были отогнаны на пастбища в Карабахскую степь.

Великий эмир обожал природу Кавказа. Здесь он проводил долгие месяцы. Вот и сейчас его шатер на прекрасной возвышенной лужайке у горной реки. Здесь он играет в шахматы с Моллой Несартом, думает, и, подготавливая почву, занимается дипломатией — пишет письма. Одно из первых — хану Золотой Орды, Едигею, который, как мы знаем, при помощи Тимура пришел к власти. Но и Едигей оказал услугу в разгроме Тохтамыша. С тех пор много событий произошло, теперь Тамерлану нужна поддержка Идикю — так он ласково кличет Едигея. А Идикю откровенно отвечает: «Эмир Тимур, ты упоминаешь о дружбе. Двадцать лет я находился рядом с тобой и знаю твои трюки. Дружить с тобой мы можем только с мечами в руках».

Теперь у Тамерлана два основных соперника — султан османов Баязид и султан мамлюков Египта Фарадж. Дабы между ними не возник союз, Великий эмир посылает в Каир посланца с хвалебным письмом и щедрыми подарками. А вот Баязида, как главного противника, надо вывести из себя, и он ему посылает письмо: «Хвала Аллаху, Властителю неба и земли, покорившему моей власти большую часть мира и пожелавшему, чтобы владетели и повелители разных стран склонили передо мной голову. Да будет милостив Аллах к своему смиренному рабу, который знает пределы, предписанные ему, а не преступает их дерзкою стопою. Все знают о твоём происхождении, и неприлично человеку твоей низкой крови выдвигать вперед надменную ногу, ибо ты можешь низвергнуться в бездну скорби и несчастья; не поддавайся наущению тех хитрецов, которые подстрекают тебя, преследуя свои личные цели, и которые про-

будили разрушение из сна, в которое оно было погружено. Беретись отворять разорению и несчастью врата твоего государства. Пришли ко мне тотчас Кара-Юсуфа¹, в противном случае при столкновении наших войск все, что скрыто под покровом судьбы, откроется тебе».

На это неучтивое послание Баязид ответил примерно тем же: «Знай, кровавый пес по имени Тимур, я истинный турок, и, помня это, не привык отказывать своим друзьям уклоняться от битвы с врагами или прибегать, как ты, ко лжи и интригам».

«Я тот, чья страна состоит из царей, — отвечает Тимур, — а твоя родословная — от туркменских матросов²... Может ли такой князек, как ты, тягаться со мной... Мои слоны тебя затопчут».

«Во что вмешивается этот бедолага? — отвечает Баязид. — Не думает ли он, что имеет дело с неким диким племенем горцев Кавказа или с трусливыми индусами? Ежели тебе приспела охота сразиться, приходи. Не придешь — я сам тебя найду и буду вить до Тебриза и Султании».

Это был повод для начала войны между двумя великими тюркскими державами, между двумя полководцами, до этого знавшими лишь победы и считавшимися неодолимыми.

Собрав все свои войска, Тамерлан ринулся на Анатолию³. Противостоять стопятидесятитысячной армии тут нет сил. Занят торговый город Эрзурум, потом после небольшого боя покорен крупный торговый город Сивас, где проживает жителей не меньше, чем армия Повелителя.

Здесь яростно начинает работать пропаганда Тамерлана. Несмотря на некое сопротивление, всех единоверцев-мусульман приказано пощадить, даже более того, кое-кому, беднейшим и богатым, оказана видимая и действенная помощь. При этом четыре тысячи сипахов⁴-армян, как христиане, были заживо зарыты в землю, детей бросали под копыта.

¹ Кара-Юсуф — предводитель туркмен-кочевников кара-коюнлу, которые никак не покорились Тимуру и всячески препятствовали ему.

² Тимур называет предков Баязида «туркменские матросы». Намек на то, что среди тюрков моряков не было, и Баязид не тюрк.

³ Примерно территория современной Турции.

⁴ Сипахи (*хинди, перс.*) — воин, в основном плененный.

Немногочисленные рассеянные османские войска бежали до Анкары и Кайсери. На захваченной территории и даже вглубь, вплоть до побережья Эгейского и Мраморного морей были посланы дервиши, которые восхваляли Тимура, защитника праведных, и низвергали Баязида, утверждая, что последний уже принял христианство, жена его, сербка Деснина, руководит им, а братья Деснины — всей страной, что армия Баязида — это одни янычары — сербы и греки, и сам Баязид более грек, тюрком вовсе никогда не был.

А что же сам Баязид? Баязид, которого называют Гром, Молниеносный! Как мы уже знаем, во время знаменитого боя на Косовом поле, где поочередно были убиты отец и старший брат, Баязид не дрогнул, взял армию в свои руки и сокрушал сербов. И первое, что он сделал после победы, — задушил младшего брата. После этого были еще победы, а самая громкая — это разгром последнего крестового похода во главе с королем Венгрии Сигизмундом, под командой которого были рыцари всей Европы, в том числе и маршал Бусико¹, оставившим истории после себя записи тех и последующих событий.

Баязид гордился своими победами, хвастался, что покорит всю Европу, и даже заявил: «Мой конь будет есть овес на алтаре Святого Петра в Риме». Сами европейцы в это уже верили, боялись, откупались. И тут появился Тимур. Ожидалось, что стремительный Баязид бросится ему навстречу и будет грандиозная ошибка. Да природа берет свое: Баязиду, как и Тимуру, уже давно за шестьдесят. В отличие от сухопарого Тамерлана, султан османов — обрюзгший старик, который уже давно не может сесть верхом на коня и перемещается в повозке, под балдахин². Как и разбойник Тамерлан, Баязид имел страсть к драгоценностям. Но помимо этой страсти у него была еще одна: он собирал в свой гарем самых красивых девушек в мире. Но это было в молодости и далеком прошлом. Теперь Баязид влюблен в одну Деснину, и правда то, что брат Деснины Стефан Лазаревич, равно как и сестра, более управляют Баязидом, чем тот страной.

¹ Маршал Бусико — французский полководец Иоанн Ле Менгра, который оставил воспоминания о Тамерлане.

² Балдахин (*итал.*) — навес на столбах (обычно матерчатый) над кроватью, повозкой.

У серба Стефана Лазаревича свои исторические счета к древней столице Византии — Константинополю. Константинополь почти под их пятой, готов вот-вот сдаться. А тут вдруг неожиданно ожил, стал сопротивляться, даже дань не выплачивал, и остальные европейские страны активно стали Константинополю помогать и оружием, и провиантом, и войсками по морю и по суше. Сюда вынуждены стянуть все войска османов. И не знают Баязид и Стефан Лазаревич, что эта активность профинансирована дальновидным стратегом Тимуром, коего они и за противника еще не считают.

А Тамерлан только этого и ждал, чтобы Баязид увяз под Константинополем, а сам двинулся на юг разобраться поодиночке сперва с мамлюками Сирии и Египта.

* * *

Эмир Красный Малцаг, будучи командующим северных территорий Сирии, такой разведкой, как у Тамерлана, конечно же, не располагал, но, контролируя основные караванные пути региона, он, по сведениям купцов, определил, что к Тебризу подтягиваются несметные войска, сам Повелитель выдвинулся из Самарканда на запад.

У Малцага не вызывает сомнений тот факт, что противостоять армии Тамерлана при данных обстоятельствах сил просто нет, даже если все объединятся. И хотя историки любят повторять крылатую фразу Тамерлана — «Численность войск ничего не решает», на самом деле именно этот фактор решает почти что все. И сам Повелитель это знает: одна лишь его личная охрана — более десяти тысяч, и еще тридцать — всегда под рукой. При таком раскладе сил десятитысячный корпус Малцага — ничто. Он шлет срочное донесение в Каир султану Фараджу, и оттуда ответ: «Этот дикарь не посмеет сунуться в мои владения, а если посмеет, я лично явлюсь и покажу вам всем, как надо с варварами поступать».

Тогда Малцаг просит оказать ему финансовую помощь для покупки наемников и дабы привлечь на свою сторону вождей местных полукочевых племен, под командой которых много тысяч сабель. «Что это за армия и кто у них командир, если они не

могут сами себя прокормить?» — следует из Каира ответ, и корпус Малцага просто на подножном корме, в то время как он знает — в Каире почти не прекращаются бесконечные празднества и пиры. Султан Фарадж, называя Тимура дикарем, уже забыл, что его отец был настоящий раб, да благодаря характеру, внутренней силе и целеустремленности выбился в люди, занял достойное место в истории. А вот его незаконнорожденный сын, уже якобы не раб, да душонка рабская, — теперь султан огромной, древней страны и, не осознавая ответственности, предастся разгулу, окружив себя такими же слащавыми юнцами, которые зачастую брезгают женским полом.

Малцаг в критической ситуации. Конечно, он не султан, как Баязид и Фарадж, тем более он не эмир Тимур. Однако он уже известный человек, с ним считаются, прислушиваются, и есть немало предложений. Так, султан Багдада Ахмед-Джалаирид зовет к себе на службу главнокомандующим. Туркмен Кара-Юсуф тоже не прочь заполучить такого полководца, и еще есть предложения, в предвидении очередного нашествия Тамерлана.

Если судить с материальной стороны, а она во все времена есть и превалирует, то все предложения были заманчивы. Но есть и иные факторы, например, репутация. Служить у султана Багдада — чести мало, ибо султан, будучи неизмеримо богат, также и труслив. Только заслышав, что приближается Тимур (это было летом 1393 года), султан Ахмед из города спешно бежал.

Кара-Юсуф, наоборот, смел, жесток, и, как Тимур, разбойник, только масштаб иной. В прямое столкновение с Повелителем Кара-Юсуф никогда не вступает — мало сил, но своими дерзкими выпадами он немало Тамерлану досадил. Может быть, по духу да некоторым целям — общий враг — Кара-Юсуф и близок Малцагу. Да вместе с тем Малцаг теперь ведь не один: за ним десять тысяч мамлюков — кавказцев-земляков, которые служат султану Египта, и, как во все времена, не просто так — есть, пусть и небольшое, но жалование и по выслуге лет перспективы получить земельный надел, и тогда доживать свой век где-либо в Сирии или Египте или продать участок — орошаемая земля дорого стоит, — и вернуться восвояси, если таковое есть, и тебя там ждут.

Зато Малцага ждут, ой как ждут. А как он скучает, места себе не находит. Шадома как уехала в Самарканд, лишь раз через лютого купца Бочека весточку дала, а потом — ничего. Он даже не знает, жива она или нет, ведь прямо в логово кровника угодила. Еще больше Малцаг тоскует по семье, по маленькому сыну. Они в Тебризе. И пока там правит Мираншах — более-менее спокойно, ибо там полное безвластие, каждый живет как может, и в огромном городе затеряться легко. А вот если появится Тамерлан, то это строгость и контроль во всем. Тысячи его шпионов — сыщиков, доносчиков — обойдут каждый дом, все проверят и все возьмут на учет. А если Повелитель узнает, что здесь семья его противника, — все выпытает. Словом, оставлять семью в Тебризе нельзя, поручить их кому-либо еще — тоже опасно. Более прежнего рискуя, Малцаг под видом погонщика вновь отправился в Тебриз.

Быть в семье, ласкать подрастающего сына, подолгу беседовать и советоваться с доктором, как с отцом, — большего счастья на земле нет. И что еще Малцагу надо? Плюнуть бы на все, и первую очередь на султана Фараджа, и жить бы тихо, мирно, как миллионы живут. Следом другая мысль. Тамерлан вновь надвигается, вновь будут погромы, пожары, смерть, вслед за этим — чума. И если не он, то кто будет со злом бороться, кто будет мстить, кто его семью защитит? А может, бежать с семьей? Бежать на родной Кавказ, укрыться в горах, куда Тамерлан уже не придет: там более грабить некого и нечего... Тогда он сам последний трус: своего сына спасая, убежит, а своих соратников-кавказцев, что сейчас в пекле лета стоят на болотах Тигра близ Мосула, мучаясь днем от слепней и мух, ночью — от комаров, он бросит их на произвол судьбы. Нет, так не должно быть.

А ведь и это не все. Где-то Шадома. Он не может и от нее бежать. Она ведь не струсила, себя не пожалела, прямо в нору удали сама заползла. А Молла Несарт среди них, и сколько раз помогал.

Как назло, в этот раз купца Бочека в Тебризе нет: как очень богатый и влиятельный человек он многое знает, купеческим чутьем предугадывает; он бы подсказал, посоветовал, помог.

И Молла Несарт предупредил, с ним контактировать теперь опасно. А так, с одной стороны, Малцаг в Тебризе счастлив, с другой — заботой омрачен. В общем, так ничего и не решив, он через три дня вновь засобирается к мамлюкам и, провожая его, все-таки как надежда прозвучало из уст Сакрела:

— Родной, защищаться надо, да на рожон не лезь, береги себя. Как видишь, скоро второй ребенок у нас. Это теперь главное! Держись. С Богом.

...По данным Малцага, Тамерлан еще не прибыл в Тебриз, а авангард разведки его армии показался в окрестностях Мосула. Эти места тимуриды уже покоряли, обложили данью, поставили своего наместника. Эмир Красный Малцаг восстановил прежние границы мамлюкского султаната. Видимо, это никак не сказывалось на настроении тюрков, небольшой отряд разведки вел себя с нескрываемо-надменным презрением, вызываясь смело, они так близко подошли: слышна едкая их брань и даже стрелы долетают. На этот пустобрех Малцаг приказал не отвечать. В тот же день появилась легкая конница, до боли знакомая Малцагу. Они сходу стали атаковать позиции мамлюков и тут же бросились отступать, пытаясь завлечь за собой противника. Этот маневр ложной атаки Малцаг загодя предвидел, выставил засады — более трех тысяч тюрко-монголов полегли, около тысячи попали в плен.

Авангард Тимура понес серьезные потери, понял, что против него стоит достойный соперник. Несколько дней идет активная обоюдная разведка, и если Малцагу ждать подкрепления неоткуда, то тюрки, уже зная численность мамлюков, ждут подкрепления из глубины — два тумена, двадцать тысяч легкой маневренной кавалерии.

Учитывая потери предыдущего боя, у мамлюков и девяти тысяч не наберется. Несмотря на то, что враг, как и ранее, сходу стал напирать, у Малцага еще была благоразумная возможность отступить, тем более что арабские скакуны более выносливы и быстрее ахалкетинцев Мерва. Однако внутренняя гордыня, окостенелая злость и мечта отомстить не дали ему тронуться с места, тем более что у мамлюков были свои преимущества — знание местности и, в отличие от соперников, вариативность действий.

Противник — лишь конница, превосходящая более чем в два раза, а Малцаг из своих воинов может организовать каре¹, водружен посередине нахский красно-белый штандарт. При такой тактике боя у обороняющихся цепь одна — плотный ряд пехотинцев, защищенных щитами, и копья впереди. За ними несколько рядов лучников, которые выпускают стрелы поочередно. Задача атакующей конницы — пробить брешь в рядах пехоты и пройтись в центр каре, тогда исход боя предрешен.

Как и под Каиром, Малцаг пытается использовать болота Тигра, что позади него. Тюрки эту хитрость разгадали, в болота не сушлись, зато мамлюков с тыла атаковать невозможно, и это крайне снижает возможности маневренности конницы противника.

Раз за разом с диким визгом и гиканьем тюрки идут в атаку, в них столько храбрости или рассудок так дурью опьянен, что они просто бросают взбешенных от галопа коней на копья. Брешь, и не одна, возникали, и не раз, и тогда в то место кидалась резервная конница мамлюков, что ждет своего часа в центре каре.

К обеду, когда Малцаг понял, что тюрков в болото не заманить, и усталый противник ненадолго отступил, он быстро поменял дислокацию — поставил пехоту полукругом. Когда и следующая атака тюрков захлебнулась, сработал отрететированный маневр — по ударам барабанов в трех местах пехота мамлюков расступается, выскакивает небольшая конница мамлюков, наносит неожиданный удар, от которого нападающие отходят к своему лагерю.

Дело шло к вечеру. Тюрки понесли большие потери, их командирам надо подумать, поменять тактику, а главное, надо дать отдохнуть людям, а более коням, которые еще накануне предали немалый путь.

Потери есть и среди мамлюков, и они устали. Зато большая часть коней вообще в бою не участвовала, они свежи, бодры и рвутся в бой. Перед самым закатом Малцаг внезапно атакует.

Конечно, у тюрков всегда разведка начеку. По тревоге успели коней оседлать, выйти навстречу и воины Тимура. Может, дух свой не утратили, сражались насмерть, но вот кони уже изнуре-

¹ Каре (*франц.*) — боевой порядок пехоты в виде квадрата, в центре которого конница. Известна в Древнем Риме, Египте.

ны, вялы, на них еще дневной пот пенится. Кто из тюрков погиб, кто сдался в плен, некоторые рассеялись, бежали.

Этот бой, равно как и предыдущие, был позади, и командиру необходимо уже думать о будущих сражениях. Лето на исходе. Ночь в сирийской пустыне прохладная, небо темное, звездное, безлунное. И хотя только завтра утром будет общее построение и смотр войск, Малцаг заранее знает, что более трети соратников погибло, много раненых, много пленных. Что с ними делать? Изрубить? Забрать с собой, или оставаться здесь — это гибель. А приказ еще не поступал. Султан Фарадж обещал прислать подкрепление, якобы сам в связи с приближением Тимура движется навстречу, и двух гонцов Малцаг уже в Каир посылал, а ответа — никакого.

Конечно, Малцаг уже давно привык действовать самостоятельно, он даже рад, что из Каира деньги не поступили. Как вдруг его нукеры доложили, что среди пленных, пытаясь выдать себя за простого воина, племянник Тамерлана, сын сестры, — эмир Хусейн.

— Что ж ты родословную забыл? От ханства отрекаешься! — эмир Малцаг крайне возбужден: надо же, сестричь кровника ему попался. — А может, боишься, что я, как твой дядя, отрезая твои уши, и башку прихвачу?

Ранее он так бы, не раздумывая, и поступил бы, но теперь, пообтершись в государственных верхах, Малцаг понимает, что такой человек может стать объектом политического торга. Он посылает султану Фараджу донесение, а первыми появляются гонцы от Тамерлана. Эти люди самоуверенные, поднаторевшие в дипломатии и подобных делах. Под белым флагом, внешне безбоязненно, немалым числом они прискакали в стан мамлюков, сдержанно и с почтением склонились перед эмиром Малцагом, вначале, справились о житье-бытье, потом преподнесли щедрые подарки Тимура. И, наконец, личное послание: «Эмир Красный Малцаг! Несмотря на все превратности судьбы, волею Всевышнего и своею силой ты утвердился в жизни, и наслышан о твоих славных делах... Я всегда ценю таких отважных, а главное, думающих воинов. Был бы очень рад, ежели ты, позабыв прошлые обиды, стал полководцем в моих рядах. Подумай об этом... Сестрича верни. Мы с тобой княжеских кровей и негоже

нишего же происхождения подвергать унижениям, как чернь».

Красный Малцаг освоился с Востоком: с местной любезностью да более ни с чем; он учтиво отправил послов, пообещав вскоре вопрос решить. А решил он после этого слащавого письма тотчас казнить эмира Хусейна, как тут гонец от султана Фараджа — пленника срочно доставить в Каир. Ситуация изменилась, хоть какая, а султан Египта и Сирии — опора, за ним мощь огромного государства, армия, без которой перед Тамерланом не устоять. И Малцаг уже готовил знатного пленника к отправке, как его дозорные доставили некоего купца, от Бочека, а с ним просьбу — выдать эмира Хусейна Тимуру.

Это не с открытым забралом в бой идти, тут дела похитрее. От раздумий голова разболелась, да Малцаг, служа Фараджу, его мужчиной не считал, и Тамерлана ненавидел всеми фибрами души. А Бочек, при всех пороках, — верный и надежный друг — эмир Хусейн отпущен. И без того напряженные отношения с султаном Фараджем должны были стать еще хуже — следует приказ из столицы Египта — немедленно прибыть. По своей воле Малцаг туда никогда более не сунется, с Фараджем надо помириться, значит, нет армии, опоры. А тут еще тоска по семье и Шадоме изнутри съедает его: сдаваться он не намерен. Многократно все взвесив, проанализировав всю ситуацию, он решил, что Тамерлан первым делом пойдет на османа Баязида, к этому явно готовится. Вот там пригодится воинский дух Малцага.

Собрав всех кавказцев-командиров, он поделился с ними своим решением. Никто не захотел его бросать. Снявшись с лагеря, он повел свой небольшой корпус на запад, и тут узнал, что в том же направлении, только севернее, уже далеко продвинулись войска Тамерлана. Взяты Эрзурум, разбиты османы под Сивасом.

Пытаясь опередить тимуридов, в середине сентября Малцаг шел к Баязиду, с юга минуя мамлюкский город-аванпост Малатью, как узнал, что к этой приграничной черте уже вплотную придвигаются тюркиты. По сути, за северную границу мамлюкского султаната вроде бы еще отвечал он, в последний момент он не смог бросить свои обязанности, тем более что местный гарнизон состоял из выходцев с Кавказа, а правитель-мамлюк сообщил, что у него приказ Фараджа задержать Малцага. Но как он

может кого-либо задержать, когда его корпус — всего пять тысяч, и враг буквально у ворот. Просьба к Малцагу, как к земляку, как командующему, не бросать, вместе противостоять нашествию.

Мужское достоинство, а более кавказская солидарность не позволила Малцагу уйти. Как раз в это же время к Малатье подступил первый тимуридовский отряд — как обычно, пять тысяч легкой кавалерии, которую мамлюки после небольшой стычки отогнали.

Зная, что следующий напор будет гораздо многочисленнее и мощнее, Малцаг стал готовить город к обороне, но в это время к нему явились местные старейшины — духовные лидеры антиохи¹, с просьбой не подвергать их города погрому и убийствам, мол, с Тамерланом они договорятся. Действительно, какая разница местным жителям, что мамлюкам дань платить, что тюркам: и те, и другие — бусурмане. Без поддержки местного населения, противостоять превосходящим силам противника — дело безнадежное, и до прихода основных тамерлановых войск Малцаг посчитал правильным отступить на юг. И тут приказ от султана Фараджа: главнокомандующим до прибытия самого султана Фараджа назначается правитель Алеппо, мамлюк-кавказец, фаворит султана, — некто эмир Сайдал. В его подчинение должен явиться эмир Красный Малцаг. Туда же с основными силами спешит султан Фарадж, который наконец-то имеет возможность отомстить Тимуру за позорное пленение, оскорбление и выкуп, свершенные над Фараджем еще на Кавказе.

У Малцага, от которого зависит жизнь многих тысяч земляков, теперь выбора нет — он отступает на юг, к Алеппо. А оказывается, значительная часть тимуридов, идя по его следу от Мосула, через Сирийскую пустыню уже вышла почти на них, преградила дорогу. Сходу вступили в бой, попали в капкан — это силы, преследующие мамлюков, ударили также с тыла. В этом бою Малцаг был ранен в плечо. Однако командование он не оставил, сумел вывести основные силы и укрыться за стенами небольшой крепости Эйнтай, которая тотчас попала в плотное окружение

¹ Антиохи — Антиохская православная церковь, одна из древнейших поместных автократических церквей. Издревле резиденция в Дамаске.

многочисленных войск Тамерлана. Не церемонясь, тимуриды поставили городу два условия — сдать эмира Малцага и колоссальный выкуп.

Если даже Малцага сдать, то выкуп несоразмерен. В небольшом городе началась страшная паника. Среди ночи часть мирных жителей стала рваться к воротам, надеясь покинуть приговоренный город. Местные старейшины пытались дойти до Малцага, думая, что он каким-то образом повлиял на их судьбу, а точнее, привел за собой варваров. Сам Малцаг от боли раны места себе не находит, ему бы отлежаться и подлечиться, но он понимает, что его враги и недруги не только за стенами крепости, но и внутри — тут возможна бесславная гибель, надо как-то бежать. Незадолго до рассвета раскрыли ворота и бросились на полусонные ряды блокады. Потери были не малые, но основные силы мамлюков смогли прорваться сквозь вражеский заслон.

На следующий день поредевшая группа Малцага прибыла в Алеппо. Здесь эмир Малцаг предстал перед новым командующим. Это назначение он воспринял как спасение, ибо из-за ранения уже не мог в полной мере командовать и управлять войсками, главное — с него спала вся ответственность за предстоящее поражение, а оно неизбежно, так как теперь весь гарнизон Алеппо чуть более пятнадцати тысяч — султан Фарадж с основными силами так и не подошел. У мамлюков единственная надежда — это мощные крепостные стены древнего красивого города. Защитники Алеппо понимают, ежели их город-крепость тюрки возьмут в кольцо, то вопрос о помощи основных сил мамлюков будет нелегким. А тут сами тимуриды показывают явную нерешительность, словно их очень мало и они тоже ждут подкрепления: никакой активности, вдали от города окопались, денно и ночью роют траншеи, будто собираются здесь зимовать.

Нового, еще неопытного командующего Малцаг предупредил, что Тамерлан очень хитер, и в этом направлении задействовано около ста тысяч войск, и что данные ночной разведки — всего пятнадцать-двадцать тысяч войск противника — явное заблуждение. Эти доводы были названы «закостенелой привычкой еще с Кавказа даже от имени Тимура бежать».

Мамлюки вышли из крепости, пошли на врага. Сам Малцаг из-за ранения в этом бою не участвует, напоследок он твердит лишь одно — строго держать строй, ни в коем случае не бросаться сломя голову за внезапно отступающим врагом.

Так и произошло. Тюрки, словно застигнутые врасплох, в неорганизованном, хаотичном порядке выдвинули несколько клинов навстречу и под напором стали отступать. С победным ревом мамлюки бросились вслед добивать, и тут, за ближайшими холмами, стройные ряды, а с флангов конница. Да в это время в атаку пошли экзотические слоны. Таких громадных животных мамлюки и не видали, а с этих передвигающихся гор полетели огненные горшки, началась паника, рубка.

Теперь и сам Малцаг убедился, что он привык перед Тимуром бежать, бежать на юг, по древнему караванному пути, вместе с нескончаемым потоком беженцев, среди которых масса женщин и детей, и он все думает, кого он здесь защищает, а кто защищает его женщин, его детей. Со съедающей тоской этих мыслей он бежал, бежал мимо крупных городов, таких как Хами и Хомс, которые буквально вслед за ним были вскоре захвачены несущимися вслед армадами Тамерлана.

Противостоять столь огромной силе могла лишь такая же сила. Этой силой обладал султан Фарадж. Он лично, а вместе с ним более шестидесяти тысяч войск уже стояли под Дамаском. Сам Малцаг был готов ко всему и ничему бы не удивился, но у него иного выбора вроде бы и нет, и он, полагаясь на судьбу, предстал перед султаном Египта и Сирии.

Да время многое меняет. Теперь Фарадж — это не тот плаксивый юнец, кто, убежав в знойную пустыню, клялся Малцагу в любви, обещал, ежели поможет вернуться на место отца — младшим братом ему будет. Ныне султан Фарадж, действительно, как султан, с животиком, что не обжорство, а на Востоке некий символ процветания, власти и достатка. И глаза его давно слезами не увлажнялись, в них сухая надменность, самоуверенность, вечность!

Вопреки ожиданиям, султан Фарадж встретил эмира Малцага сдержанно, но с почтением. Зато военачальники были рады, и под их дружным давлением, зная опыт Малцага, они вновь назначили его главнокомандующим войск мамлюков. От такого

познания судьбы Малцаг о своей ране забыл, сразу воспрянул духом, ведь он всю жизнь мечтал в равном бою сойтись с Тамерланом. У последнего, как всегда, значительное превосходство, а у Малцага — иное преимущество: его мамлюки свежи — в отличие от тюрко-монголов, продвигающихся с боями.

Это не позор Алеппо, здесь городские стены Малцагу не нужны, наоборот, он выводит всю армию навстречу: каждый день смотрит, построения, маневры. Он пытается предусмотреть каждую мелочь, в том числе и противодействие слонам: знающие индусы ему подсказали, что слоны, с которых швыряют огонь в горшках (некое подобие ядер), сами, как и все животные, страшно боятся огня, а если увидят крыс, или мышей — с ревом бегут. По Дамаску объявлен закуп крыс и мышей. Все готовятся не к обороне, а к бою.

Вместе с тем военному делу, как ратному, так и всевозможным уловкам, Малцаг учился у Тимура, а вовсе не наоборот. И посему, когда Великий эмир подошел к Дамаску, после двух-трех небольших стычек разведгрупп, он быстро оценил ситуацию, понял, что сразу в бой вступать нельзя: его воины устали. Однако противник на сей раз не дал себя провести: умелыми маневрами на местности Малцаг не позволил Тамерлану ни отступить, ни отдохнуть. Скорый бой стал неизбежным.

Это, конечно, не бой на Тереке, да тоже значительный масштаб, когда около двухсот тысяч воинов, крича один и тот же призыв «Аллаху Акбар!», ринулись друг на друга. Сшибка была грандиозной, Малцаг по опыту знает, что турки, как и монголы, больше внимания уделяют флангам. Поэтому Малцаг и свои фланги усилил, но ударные силы в центре, и он к полудню беспощадной смертельной рубки выявил явный перевес центра мамлюков. Вот когда Тамерлан выдвинул вперед свое тайное оружие — слонов с огнеметами. Противник этого ожидал: в бой двинулся специальный резерв, и это не только лучники с огненными стрелами, перед ними под барабанный бой выпустили из щитков тысячи грызунов. Реакция слонов была впечатляющей: стали затаптывать своих, среди тюрков началась паника, дрогнули, другие побежали бы. Да Повелитель не зря это имя носит: в его войсках строгая дисциплина, за отход без приказа — смерть, ведь позади стоит старая гвардия. Но и наступают не менее лихие мамлюки-кавказцы, на их стороне уже явный пе-

ревес. Тюрки морально уже сломлены, и лишь строжайшая дисциплина не позволяет им бежать. Но, как отступающая армия, они несут значительные потери. И был бы полный крах, однако Тамерлану всегда везет: начало зимы, дни очень короткие, ночь его спасла.

Этот день за мамлюками: удар нанесен впечатляющий, но далеко не сокрушительный. И Малцаг помнит, что во время схватки на Тереке именно золотоордынцы, конечно, не в той мере, но тоже с большим перевесом, окончили первый день сражения. А за последующую ночь Тамерлан внес такой вирус взаимной вражды в самую ставку Тохтамыша, что был проигран не просто бой, а фактически стерты с лица земли целые государства, прежде всего Золотая Орда, Алания и почти все северокавказские княжества.

Малцаг наверняка знает, что сейчас Тамерлан не спит, небось где-то в шатре в шахматы играет, а его страшно гениальный ум очередное коварство изобретает. Помня об этом, Малцаг не расслабляется, до самой полуночи лично объезжает все свои позиции и подразделения. Однако из-за ранения *Й* боли он очень слаб, устал, а на завтра должен быть мобилизован, и решитель. Поэтому, поручив руководство своему заместителю, Малцаг, избегая излишнего общения с султаном Фараджем, после полуночи лег спать.

— К нам перебежал сестричъ Тамерлана, твой бывший пленник эмир Хусейн, а вместе с ним его тумен в десять тысяч.

Главнокомандующий спросонья ничего не понимает, и когда ему вновь рассказали о случившемся, он сразу приказал:

— Немедленно казнить! Всех! В первую очередь Хусейна.

— Эмир Хусейн уже у Фараджа.

— Боже! — воскликнул Малцаг. — Какой подлец! — только он знал, что это о Тамерлане. — Коня!

Первым делом Малцаг поскакал к сдавшемуся тумену. Сомнений не было — это сплошь таджики и афганцы, которых Повелитель презирал. Замысел до смердящего прост и ему очевиден. Племянник эмир Хусейн страшно провинился: проиграл, а также угораздил накануне в плен. Он должен либо реабилитироваться, либо принять смерть. Последнее — если мамлюки разгадают его трюк. А расчет на то, что султан Фарадж — неопыт-

ный юнец, клонет на наживку. Так оно и случилось, когда Малцаг прибыл среди ночи в ставку султана, все огни горят, пир, Тамерлан уже почти повержен, приговорен, а Фарадж братается с Хусейном, пьет за его здоровье, благодарит, и приказал даже запустить фейерверк в честь «великого гостя».

От этого безумия Малцаг пришел в ярость, не сдержался:

— Это шпион Тамерлана, в лучшем случае, предатель. Его надо немедленно казнить, — и он ухватился за рукоять кинжала.

— Стража! — чуть ли не визжа, завопил Фарадж. — Кто здесь султан?! Что ты себе позволяешь? Кто тебе слово давал? Да это тебе давно пора повесить!

Наверное, так бы и произошло, но в ближайшем окружении Фараджа есть и здравомыслящие люди — Малцага быстро увели, потом кое-кто пытался образумить султана, но таких очень мало: в основном ведь в свите таких правителей льстецы, а они вредят, во всем поддакивают султану, а тот орет:

— Да кто такой этот безухий Красный Малцаг?! Это я из него сделал эмира! А на самом деле он ублюдок, раб! Он не знает, что мы с Хусейном люди царских кровей. Завтра мы покончим с Тамерланом, по-братски поделим этот мир, будем править века!

Эту параду Малцаг уже не слышит. Возвращаясь на свой командный пункт, он уже мало соображает от злости и зол прежде всего на самого себя. Как он мог в столь ответственный момент допустить слабость — уснуть? Это злые силы, бес попутал. Действительно, этот Тамерлан — сатана, удача всегда на его стороне, и даже в глазах эмира Хусейна он читал эту злорадную нескрываемую ухмылку варвара-победителя... Нет! Он этого не допустит. Он сейчас же вызовет свою гвардию и захватит всю свиту Фараджа. Этот переворот, безусловно, плохо отразится на войсках. А может, эмир Хусейн искренен в своих действиях, а он от ненависти к Тамерлану что-то не понимает? Малцаг уже путается в своих мыслях, не знает, что предпринять. И в это время прискакали близкие кавказцы из ставки Фараджа.

— Малцаг, — по-братски обеспокоены они, — даже если ты завтра бой выиграешь, Фарадж тебя не оставит.

— Наша главная цель — разгромить Тамерлана! — твердо отвечает Малцаг. — Все должно быть подчинено только этому. Го-

товьтесь к бою, все по позициям и как единый кулак. А что будет дальше — время покажет.

Уже брезжил рассвет. Готовясь к самому худшему, Малцаг вместе со своими командирами разрабатывал план предстоящих действий, когда мамлюки султана окружили ставку командующего — по указу Фараджа эмир Красный Малцаг должен быть арестован, срочно доставлен к султану.

В первый момент Малцаг отчего-то с болью подумал о Шадоме, семье, и мог он все изменить, самого Фараджа, как предателя арестовать, ведь армия в его руках. Но это отразится на моральном духе войск: султан есть султан. А впереди решающий бой — бой его жизни. И что его жизнь? Лишь бы Тамерлана одолеть.

Связанного Малцага бросили в полевой шатер, тут же забрили. А он лежит, боль в плече, еще большая боль в душе. А он молится за мамлюков, за султана Фараджа, чтобы Бог помог ему, и в мыслях участвуя в бою, он напряженно вслушивается. Вот прозвучал подъем, потом построение и забили барабаны к бою, так же заколотилось его сердце, давит в висках. Вот барабанный удалился — пошли в атаку. Здесь наступило страшное затишье. Оказывается, как было тяжело отлеживаться в тиши, не участвовать в сражении, не видеть, не командовать, ведь он так близок был к башке Тамерлана. И пусть хотя бы иные это справедливое возмездие свершат.

Думая об этом, слыша лишь ярый стук своего неугомонного сердца, Малцаг пролежал, позабытый всеми, много часов, а ему казалось — вечность, как появился шум, топот копыт, какое-то беспокойное движение, крик, и он сразу понял, что бой проигран. Сейчас турки все сметут. Неужто он в таком состоянии вновь попадет в руки Тамерлана? «Как бы с собой покончить?» — первая отчаянная мысль, только бы вновь не переживать позора. «Хоть бы Фарадж это свершил», — и как бы услышал это, за шатром крик, возня и вдруг появились его земляки-мамлюки.

Высвобождая Малцага от пут, они вкратце все описали. Оказывается, полупьяный, после ночных веселий Фарадж взял командование на себя. Правый фланг поручил беглецу эмиру Хусейну. В самый разгар боя Хусейн своим туменом ударил внезапно вбок. Еще можно было бы выиграть ситуацию, преимущест-

но все же было на стороне мамлюков. Да обескураженный тут султан Фарадж, сознавая меру враждебности его окружения к нему, просто убежал с поля боя, бросив на произвол судьбы всю свою армию. Это был крах. Началась неизбежная в таких случаях паника, тут вспомнили о Малцаге.

Словно он вновь командующий, Малцаг бросился к линии фронта. Таковой уже нет, есть полный хаос, мясорубка, бегущих в панике мамлюков просто вырезают. Теперь задача Малцага спасти как можно больше жизни земляков, соратников, вывести их из-под избиения. Вновь оказалось, что отступать и бежать от Тамерлана он действительно привык.

Все-таки он сумел в какой-то мере организованности вывести значительную часть воинов из-под уничтожения. На следующий день в голой степи он сделал общее построение и объявил, что он султану больше не служит. Теперь он вольная птица. Кто за ним — за ним. После такого заявления мамлюки еще день меж собой совещались, спорили, думали. Все-таки мамлюки — это рабы, вымуштрованные системой: подчиненные и многие ушли след за своим султаном в Каир. Малцаг этому даже рад: содержать огромную рать он не сможет и не хочет, а те, кто остался с ним, — это надежные земляки, помимо нахов, грузины, дагестанцы, овсы-осетины, кавказские тюрки-кумыки и карачаи и немного адыгов. Их цель — вернуться на Кавказ. А пока они двинулись к Средиземному побережью, к Бейруту, где у Малцага есть свои люди благодаря доктору Сакрелу.

Между тем тюрки вошли в Дамаск. Начался массовый грабеж. Надеясь на снисхождение, к Тамерлану обратилась делегация из уважаемых жителей древнего города. В их числе был уже шакомый Повелителю знаменитый историк Ибн Хальдун¹, который помимо прочего просил у завоевателя уменьшить выкуп, требуемый тимуридами за освобождение духовного лидера всей Сирии и Леванте. Исполнил ли Тамерлан эту просьбу — неизвестно, правда, сам Ибн-Хальдун, на удивление, очень лестно отзываясь о Великом эмире и об этой встрече, которая продолжалась в течение нескольких дней, в которой был поражен познаниями Тамерлана.

¹ Ибн Хальдун — Садр ад-Дин Манафи.

Другой историк, Ибн Арабшах, в то время совсем юнец — писарь при Тимуре, вспоминает, что было стыдно, как почтенный, уважаемый старик пресмыкался перед варваром. Правда, если бы было иначе, то там бы и кончил жизнь, либо, как многие остальные выдающиеся люди Дамаска и всей Сирии, был бы насильно отправлен в Самарканд, а может, разделил бы участь Арабшаха.

А Ибн Хальдун удостоился полной свободы, и, видимо, наше Перо представляет, какой в Дамаске царил ужас вместе с вакханалией, что Хальдун, уезжая, в благодарность вручил Тимурю несколько небольших подарков. Повелитель, сообщают, был в тот момент навеселе, гулял. Он лично вышел провожать ученого.

— Куда ты теперь направляешься? — поинтересовался он.

— На родину, в Магриб¹, — ученый возился около своего такого же престарелого мула.

— Через Каир? В ту же сторону едут мои войска, они тебя проводят. А одному небезопасно.

— О нет, благодарю! Я не один, со мной мой мул, и так нам все ж спокойней и быстрей.

— О да. За таким мулом наши кони вряд ли поспеют... А впрочем, не мог бы ты мне этого замечательного мула продать? Вижу я такую редкость! Почитаю за честь такого в табуне иметь.

— Что ж продавать! Дарю! Пожалуйста!

— Нет-нет, такую щедрость! Разве что куплю. Визирь, — ему в тот же миг поднесли мешок, он, не глядя, зачерпнул горсть монет и так же небрежно бросил их в карман халата историка. — Никогда не забуду твоей щедрости, — целуя, обнял. — В Каире еще увидимся, Фараджу привет, прощай!

Безусловно то, что Тамерлан привел свои войска в Дамаск не для благоговения. Тем не менее участь покоренных им городов была отнюдь не одинаковой, где-то он даже бывал более-менее сносным. Однако в Дамаске он лютовал, и виной тому все тот же султан Фарадж, который, убежав на значительное расстояние, немного очухался и послал противнику такое письмо: «Не думайте, что мы боимся вас. Нам пришлось отлучиться, чтобы на-

¹ Магриб (араб.) — запад, западная часть Северной Африки, сам Ибн Хальдун — тунисец.

вести порядок в нашей столице, но мы вернемся, как разъяренные львы, и поступим с вами, как поступали с созревшей пшеницей. Напрасны будут ваши слезы — пощады вам не будет».

Это письмо действительно вызвало слезы безудержного хохота, но трусливый Фарадж на этом ведь не угомонился: он всегда пытался неугодных исподтишка убивать. С этой целью по пути в Каир, будучи на землях Палестины, он свернул куда-то в неприступные горы, дабы встретиться с неким загадочным старцем.

Об этом старце, а точнее — странной династии, повествуют многие средневековые первоисточники. Дело в том, что где-то в горах Палестины некий местный князек-разбойник соорудил по настоящему райский сад. А потом заманивал к себе нескольких молодых людей, давал им выпить какого-то напитка, после чего они погружались в глубокий сон, а проснувшись, юнцы обнаруживали себя в райском саду, где всюду музыка, красивые девушки, удовлетворяющие любую блажь, всякие яства, золото и все, что можно и невозможно представить, и постоянно опий, гашиш и вино в фонтанах.

Когда от этого «рая» юнцы начинают получать полный кайф, уже вкусили и вживаются, их вновь усыпляют, а просыпаются они в темном помещении, где пред ними, как Господь на величавом кресле, восседает старец и спрашивает: «Откуда ты пришел?». — «Из рая», — отвечал юнец. — «А ты хочешь снова туда попасть? Тогда исполни священный обет — убьешь нечисть, что я укажу. И даже если ты погибнешь, я pošлю за тобой ангелов, и они перенесут тебя в вечный рай».

Таких юнцов-убийц называли гашишниками. Они убили немало известных в истории людей, в том числе и крестоносцев. Вот такого убийцу, и не одного, а двоих, к своим услугам купил султан Фарадж. Один из гашишников направился в Бейрут. Лишь воинская закалка спасла Красного Малцага от неминуемой смерти, и все же кинжал задел грудь, тяжело ранил.

А вот второй убийца прибыл в Дамаск. И до чего надо быть умелым и целеустремленным, чтобы, несмотря на многочисленную охрану, этот гашишник как-то умудрился приблизиться к Тамерлану и нанес удар в спину — кольчуга спасла. Гашишника пытали раскаленными щипцами. Как все вывели — с него

живьем стали отрезать мелкие кусочки мяса и кидать собакам. А Повелитель после этого свершил хотя бы одно доброе дело — «райский» сад и его хозяев буквально сровняли с землей. Почти что та же самая участь постигла и Дамаск: город был полностью разграблен, вся городская знать, в том числе и духовенство, были согнаны в древнейшую жемчужину Востока — священную мечеть Омеядов¹, и все было предано огню.

После Дамаска захватить Каир, казалось, не представляло особого труда. Почему-то Тимур на то не пошел. Наверное, потому, что боялся, как бы Баязид не ударил в тыл, когда углубится очень далеко, да к тому же надвигалось нещадное аравийское лето, и он решил отдохнуть в полюбившемся ему уголке земли — в прохладе Кавказских гор.

В начале мая Тамерлан был в районе Мосула, когда ему почему-то показалось, что сирийская добыча не так уж и велика, и он решил направить корпус в ранее покоренный вассальный Багдад за положенной контрибуцией. На горе багдадцев этот десяти тысячный корпус подвергся нападению туркмен Кара-Юсуфа, был полностью истреблен. Сам Тамерлан не мог поймать этого Кара-Юсуфа уже много лет, свою злость он решил выместить на Багдаде, в этот зной сам отправился город вновь покорять.

Багдад решил обороняться. Безуспешная осада длилась более двух месяцев. В июле, когда зной в месопотамской долине стал особенно невыносимым, а солнце пекло так, что, по словам летописца, «птицы падали с неба, как сраженные молнией», оборонявшиеся надели шлемы на копья, дабы создать видимость своего присутствия, а сами пошли отдохнуть в тени. Тюрки это заметили и использовали момент.

Если пять лет назад Тимур Багдад еще пощадил, то на сей раз обошелся жестоко. За малым исключением все, не сумевшие спастись бегством, были уничтожены. Из отрезанных голов в разных частях города были сооружены так любимые Тамерланом башни, сами турки посчитали — более десяти тысяч.

В такую жару трупы быстро стали разлагаться, началась эпидемия. Предав город огню, Тамерлан приказал срочно уходить. За последний год он дал два очень крупных сражения, почти что

¹ Омеяды — династия арабских халифов в 661—750 гг.

полностью устранил всех союзников Баязида. В середине июля Повелитель вновь прибыл в Тебриз, а оттуда уехал на Кавказ, дабы отдохнуть и подготовиться к решающему сражению на западе, после чего он двинется на мечту его жизни — Китай.

* * *

Из всех мест, где побывал Тимур, он более всего любил Кавказ. В последние десятилетия он здесь проводил гораздо больше времени, нежели в родном Самарканде. Вот и осень-зиму 1401—1402 годов он находился то в Нахичевани, потом в Карабахе, после — на реке Кура, в Алазанской долине и даже в верховье Аргунского ущелья среди остроконечных вершин главного Кавказского хребта.

Здесь мягкий и уютный климат, очаровательная природа, пестрый пейзаж и масса дичи, так что есть возможность вдоволь поохотиться, насладиться видами Кавказа и заодно, как приспичит, «поохотиться» на местных горцев, дабы усмирились, забыли гордыню и почитали его. А в целом это отдых, блажь, он делает только то, что хочет. И хотя дошла до нас молва, что Тамерлан — суровый человек, так это только в бою и при приеме заморских послов, а так — он любит шутить, острить, и, порой, сам не прочь подурачиться. Правда, всяких придворных шутов и юрликов он не любит, даже презирает, и ему, как дикому кочевнику, по нраву человек смелый, дерзкий и не льстец, как все вокруг него. Вот такого ему судьба послала в лице Моллы Несарта, и хотя последний за свою дерзость и непослушание должен был быть не раз уже казнен, да это, по мнению Повелителя, всегда успеется, такого непокорного и неугомонного он еще не встречал: кто ему еще в лицо правду скажет (разве что Сарай-Ханум, и та на старости лет свихнулась). А кто с ним в шахматы на равных сразится? А кто, в конце концов, обсерваторию Кавказа в Самарканд увезет? Только Молла Несарт, старый чудак. А этому старичку тяжело рядом с Повелителем жить, вот то прямо, то намском Тимуру он твердит:

— О Повелитель мой любезный, позволь науку постигать. Вдруг я умру, а то не новость, кто ж обсерваторию построит, кто твоих внуков будет обучать?

- Да не волнуйся, старичок, такие, как ты, не помирают.
- Земля тиранов тоже не берет.
- Ты что сказал?
- Жить тебе вечно! И всех ты жен переживешь!
- А-а! То — иное дело. И как тебя я отпущу? Где я найду такого звездочета и предсказателя-льстеца?
- Не звездочет я и не льстец.
- А кто ты? Разве что осел?! О, как насупился. Ну ладно, к тебе всегда я очень добр, пожалуй, лучше отпущу, но при условии одном — найди достойную замену своей ослиной бороде, а сам займись обсерваторией. Ну что, ты рад? А как я щедр.
- Не знаем, рад Молла — не рад, да только ровно через час к шатру явился он опять, но не один — с ослом.
- Ты что, совсем с ума сошел? Не видишь дорогой ковер? Твой запах еле выношу, а ты сюда еще осла?
- О Повелитель, не сердись, и я осел, вот мой осел. Какая славная замена. Он все предскажет, как то есть! Доволен будуешь, обещаю.
- Помилуй, боже, что несешь? Ведь он не знает даже слов. Как же он будет прорицать? Иль он способнее тебя?
- Гораздо, добрый Повелитель. Тому пример — большие уши, чтоб слушать глупости с утра.
- Ха-ха, а как же он ответит?
- Он так заржет, что ты поймешь, что он тебя напоминает.
- Ну ты наглец... И все ж ценю твои глубокие познания, а посему указ. Визирь!
- В шатер вбегает визирь, вслед за ним появляется главный писарь, глашатай и вся свита. Повелитель жестом подозвал к себе писаря, стал что-то шептать, тот быстро записывал. На готовом указе Тамерлан расписался, поставил свою печать и передал для зачтения глашатаю.
- Указ Его величества эмира Тимура Гургана... В связи с преклонным возрастом, а также уважая и ценя высоко духовные знания достопочтенного Моллы Несарта, назначаю его главным ословодом моей империи и всех прилегающих стран. Аминь!
- Поздравляю! — воскликнул Тамерлан.

Вся свита еле скрывает ухмылку. А Молла Несарт, как положено сановнику, получившему назначение, приложил к глазам печать, скрепляющую подпись, воткнул свиток в складки своей чалмы и отвесил трону и во все стороны по три низких поклона. Но затем он обошел Тамерлана и сел на террасу выше него.

— Новой должностью ты, я вижу, очень доволен, — улыбается Великий эмир, — только не пойму, почему залез так высоко?

— О Повелитель, по твоей милости и по прямому смыслу укази я должен здесь сидеть.

— Молла! — наигранно возмутился Повелитель. — Ты не только нагл, но и туп. Теперь даже сомневаюсь, отстоишь ли ты сам от осла хоть на шаг.

— Несарт, вскочив, быстро измерил расстояние между собой и троном:

— Именно, Повелитель, ровно на один шаг!

— Ну-у, это уж слишком. Палач! Где палач? Бросьте этого наглеца под ноги моего слона.

Молла медленно сошел, смиренно склонился в поклоне:

— Повелитель! Я не хочу, чтобы из-за меня твое войско, а значит и ты получили вред. Лучше брось под ноги слона своего первого визиря.

— Какой вред я принесу войску, — словно бы разъярен Тамерлан, — если слон раздавит ничтожество, как ты?

— Посмотри на меня, Повелитель. Я тощий, костлявый, и твой слон занозит свою ногу какой-нибудь моей костью. А в твоём великом визире десять пудов сала и мяса, и с ногой слона ничего не случится.

— Ха-ха-ха! — на Тимура напал приступ смеха, после которого он сказал: — Так и быть, все прошу, если выиграешь сегодня в шахматы.

Как сыграли в шахматы, наше Перо почему-то не ведает — мелочь, да, скорее всего, Молла выиграл, ибо ведомо то, что Тамерлан был рассержен, и он хоть как-то решил проучить Несарта:

— Слушай, старик, ты от своего тщедушия сколько задарма не жрешь — все не поправляешься, зато, смотрю я, твой осел, как свинья, обрюзг. А вдруг придется отступать, бежать, и как твой осел тебя спасет — вот будет горе для него.

— О Повелитель, от моей смерти у моего осла горя не будет, скорее наоборот. А твой конь вряд ли увидит такую радость.

— Ну ты наглец. Видать, и вправду твой ум, как и твой осел, дармовым жиром заплыли. Надобно вам обоим форму придать.

С этой целью Тамерлан приказал осла Моллы на тяжелые жернова поставить, которые гонят в шатер Повелителя родниковую воду из низины, а самого старика туда же, на присмотр за ишаком.

Вот прошел день-другой, скучно стало Повелителю, поизмываться не над кем, и он решил проведать — как там Молла. Подкрался тихо Тимур к жерновому хозяйству, слышит мелодичный звон колокольчика. Заглянул через дувал¹, видит, по кругу старый осел, на шее колокольчик в такт шагу звенит, а старый Молла у дувала на соломе лежит, дремлет.

— Эй, Молла, спишь? Хе-хе. Зачем повесил колокольчик на шею ишаку?

— О Повелитель! — вскочил Несарт. — Мой почтенный осел день и ночь крутит жернов, в твой фонтан гонит воду, а я, как видишь, порой чуть вздремну, и если глупое животное остановится, дабы оставить тебя без воды, то сквозь сон услышу, что колокольчик умолк. Тогда я встаю и подгоняю осла, чтобы ты от жажды в зиму не страдал.

— А скажи, мой милый друг, узнаешь ли ты, что осел стоит, если он в это время будет просто мотать головой.

— О Повелитель, — взмолился Несарт. — Где же мне раздобыть такого умного осла, как ты?!

— Ха-ха-ха! — у Тамерлана хорошее настроение и он не лишен помогающего ему в жизни чувства самоиронии. — Опять, твоя взяла, старый пес. Ну, я тебя все равно проведу.

И вот через несколько дней Тимур собрался в поход, чтобы напасть на местных горцев, и вполне серьезно сказал Молле:

— Ты тоже в поход готовься! Хватит тебе задарма пить, есть, спать. Наш век — век меча, а не длинного языка. Ты должен быть вместе со мной, как местный, будешь проводником.

От прямого приказа Повелителя не увильнуть. Делать нечего, и тогда Несарт нашел где-то облезлый лук, сел на осла и прибыл к Тимуру. Повелитель вдоволь нахохотался, а потом спросил:

¹ Дувал (*турк.*) — забор, глинобитная стена.

— Что же это, Молла? Разве ты не мог найти лошадь в моей конюшне? Что сел на осла?

— Повелитель! Не поверишь, но это мне не удалось — осел не позволил. Он сказал: «Если Государь не может разлучиться с тобой, дураком, то я с тобой — тем более! Куда бы ты ни шел, я должен быть с тобой».

— Гм, — заерзал в седле Тимур, он видит, что старик не дает вновь себя провести. Но подурачиться над ним еще надо, и он, пытаясь быть серьезным:

— Ну хорошо, осел так осел — все горцы ездят на ослах...

— У тюрков все наоборот, — перебивает Несарт.

— Хи-ха, дерзишь? Ну ладно, я к тебе всегда милосерден.

— Как Всевышний.

— Ага. Вот только, я смотрю, лук у тебя вроде есть, но я не вижу стрел. Чем же ты будешь стрелять во врагов?

— Теми стрелами, что они пошлют в нас.

— Ты глуп как твой осел! А если враги не будут стрелять в нас?

— Если враги не стреляют в нас, зачем стрелять в них, зачем посылать? И для чего нужна стрела?

— Дурак ты, Молла... Не будешь зариться на чужой берег, свой потеряешь... Эх! Так и не смог я из тебя сделать воина и мужчину.

Вскоре возвратился Великий эмир из похода по Кавказу, устроил по этому поводу пир, на котором похвалялся своими победами.

— Правитель Гурджаани оказался слабее мухи, и я раздавил его. А эмир Товуза ничтожнее паука, и от него я не оставил и следа!

— О-о! Живи в веках! Слава тебе, о Великий Тимур! — все придворные восторженно восхваляют силу и могущество Повелителя, лишь Молла Несарт молчит. Задело это Повелителя.

— Молла, а ты что угрюм, или тебе не нравятся победы и слава твоего Повелителя?

— Ты мой Повелитель, — поклонился Молла. — Только позволь спросить — слабее или сильнее тебя были твои противники?

— Конечно, слабее.

— Хм, что за доблесть в том, что ты победил слабого? Наступило тягостное молчание.

— М-да, — грубо выдал Повелитель, и, видимо, последовал бы жестокий вердикт. Однако не всегда же судьба благосклонна только к Тамерлану, в этот момент у входа в шатер возник шум. Все глянули в ту сторону, и в тот же миг буквально вбежал гонец, бросился к ногам Повелителя, тут же из-за пазухи достал свиток, протянул ему лично.

У Тимура ослабло зрение, или он так и не научился читать, впрочем, в этом нет необходимости: грамотеи кругом, а донесение сверхважное, и не иначе как от самого наследника Мухаммед-Султана, либо только от Сарай-Ханум, так как иного гонца к Тимуру и не допустили бы. А Великий эмир потребовал прочитать на ухо текст дважды, и по мере прочтения его борода аж вздернулась от удовольствия.

— Ты прав, старик! — бодро вставая, указал он пальцем в сторону Моллы. — Мы должны воевать с достойными, и этот час настает. Мой внук, сиятельнейший хан Мухаммед-Султан, идет по великой Хорасанской дороге, уже миновал Нишапур, а с ним двести тысяч отборных воинов. За хана Мухаммед-Султана! За нашу победу! Ура!!!

— Ура!!!

Этого известия Тимур ждал с нетерпением. Его войска на западе насчитывали более двухсот тысяч. Он просил, чтобы Мухаммед-Султан, покончив на востоке с монголами, прислал ему свои силы и мобилизовал бы всех, кого может, — хотя бы тысячу сто двадцать, а лучше — сто пятьдесят. И недаром Великий эмир выбрал своим наследником именно Мухаммед-Султана. Тамерлан за свой век многое повидал, многое знает, и только в этом внуке он видит будущее, и этот внук его ни в чем не только не подводит, а даже превосходит все ожидания. Вот только одно беспокоит Повелителя, почему-то не хочет он, чтобы наследник участвовал в этой кампании, сидел бы себе в Самарканде, к трону бы привыкал. Но и тут Мухаммед-Султан достойный внук, никак не захотел вне грандиозных событий оставаться: сам ведет двести тысяч!

И все прекрасно, жизнь — благодать, аж рваться в бой, как в молодости, хочется, да без ложки дегтя почему-то с возрастом

не обходится — эта старая Сарай-Ханум почему-то вновь вместе с Мухаммед-Султаном, не со своим внуком к нему едет. Наверняка опять какую-то пакость готовит, хотя пишет, что хочет напоследок, перед смертью, Повелителя увидеть — соскучилась. Ага, небось, он тоже!

Вместе с тем, как и все легендарные личности, Тимур четко знал основную линию своей жизни, и не позволял себе отвлекаться на всякие мелкие дела, тем более женские интриги. Главное, что Мираншах уже движется к Тебризу, ему тоже необходимо быть там, ибо как ни дурачься, а годы свое берут, и хочешь — не хочешь, а о смерти думаешь, и пора, чтобы весь мир знал, кто его законный наследник. Чтобы все, прежде всего свои, а потом и все остальные — послы, вассалы, мелкие князья, правители и духовенство — знали, привыкали и готовились бы подчиняться будущему тимуриду — Мухаммед-Султану.

Некоторое летописцы, видимо, не любили о сражениях писать, так как очередной акт Тимуровской жестокости или доблести (смотря кто пишет) обозначат порой даже вскользь. А вот это событие, как грандиозное действо, как яркий, необычный и масштабный праздник запечатлели почти все современники Тимура, ставя ему и наследнику в заслугу.

К востоку от Тебриза, в открытой степи, по приказу Тимура соорудили огромную смотровую площадку, как стадион, только гораздо более. Там трибуны, где вся знать, а далее горожане и сотни тысяч войск. И даже видавшие виды старая гвардия Повелителя застыла в изумлении, когда появились рати Мухаммед-Султана. Это четко отрететированный перекаточный барабанный бой и словно в такт ему, в строгом строю, шаг в шаг иноходь коней. Над ними развеваются разноцветные стяги. Тумены из Самарканда проходили в новом блеске своей мощи. И каждый всадник имел плащ, накидку для лошадей, и даже щиты и стрелы одного цвета... Это был завораживающий парад. А потом по песню Тебризу разбрасывали деньги и сладости. Ночью были сказочный фейерверк и многотысячный пир, про какой говорят — на весь мир.

Сам Тимур присутствовал только в самом начале застолья. Он совсем не пил, после уединился в своих хорамах, где по-

очередно, с глазу на глаз общался, как теперь положено, вначале с Мухаммед-Султаном, а потом с Сарай-Ханум. И после этого, уже глубокой ночью, он усердно молился, и если раньше он всегда просил себе здоровья, немощи — врагам, новых побед, неверным — смерть, то теперь он просит Бога совсем о другом — чтобы его наследника оградил от несчастья, от врага, от дурного глаза и всякой порчи. Сегодня он еще раз убедился в правильности своего выбора. К сожалению, среди многочисленных потомков лишь один Мухаммед-Султан, и никого равного ему нет. Зато Мухаммед-Султан — алмаз — высокий, статный, жесткий, рассудительный и честолюбивый. В бою первый, но этого больше не будет: им нельзя рисковать. К тому же не пьет, дурман не признает, с женщинами — как положено, уже свой гарем. В итоге, есть Тимуру на кого положиться, кому империю завещать, кто достойно его имя в веках пронесет. А иначе, зачем все эти старания? Много ли ему надо? Все для них... А как же остальные? Безусловно, как любой родитель, одинаково любит всех и всех, даже незаконнорожденных, уже одарил. Но даже среди детей приходится выбирать. И слава Всевышнему, что есть Мухаммед-Султан. Конечно, и другие, хвала Создателю, тоже достойны, но... вот накануне был у него здесь другой внук — Халиль. Ой, не дай бог, был бы единственным наследником. Что тогда? Лучше не думать и не вспоминать. И никто из летописцев-хронологов об этом не вспоминает, словно это малозначительное событие. Мы тем более не узнали бы, да у нас в руках Перо, оно обладает сверхмощью — знанием. И Перо знает, что в ту же ночь произошло немаловажное событие, на которое Великий эмир даже не обратил внимания, сразу же забыл. Знал бы он, что этот эпизод перевернет суть и характер его наследства. Но не будем с литературной кульминацией забегать вперед, лучше, как в истории, а в истории кульминации — каждый день, так что все по порядку.

А порядок таков, что сам Тимур, думая, что имеет право все менять, нарушил древнюю традицию: первым принял внука Мухаммед-Султана, а лишь потом старшую жену — Сарай-Ханум, иль традицией пренебрег. Для него главное — предстоящая грандиозная кампания — битва не на жизнь, а на смерть,

которая может в один день все перевернуть, и ему нужно получить от внука очень важную военную информацию, да и что там, соскучился он по своей надежде — любимому внуку. Ну и Сарай-Ханум, трон под которой уже подвинула противная невестка Хан-заде при содействии Повелителя, посчитала, что это очередное попрание ее достоинства, если не пощечина, и если до этого она думала, все расскажет как есть, — пусть Тимур решит (а как он решит — она знала), то теперь она все сделает сама — пусть будет что будет! Какая невестка досталась ей — похвально подсунет и она Хан-заде. А Тимур пусть на своем фронте поюет — в гареме хозяйка она, пока жива. А посему это раньше меж ними был диалог если не романтический, то в каком-то смысле поэтично-слаженный. Теперь она в опале, и разговор — витиевато-жесткая проза жизни.

— Мой Господин, мой Повелитель! Хвала судьбе и Небесам, что дали мне еще возможность лицезреть тебя, — Сарай-Ханум в почтении склонилась. — На мое счастье, ты так же бодр, лучезарен и здоров.

— О Биби! — Тимур приветливо встал навстречу. — А как я рад тебя увидеть, — соблюдая какой-то свой интимный ритуал, они тепло и душевно обнялись.

— Прости, без спросу. Не смогла пред смертью тебя не увидеть.

— О! О чем ты говоришь? Ты так свежа, по-прежнему стройна и молода. Ну, то кровь, недаром ханша ты. Вот только, Биби, на кого оставила ты мой гарем? А Самарканд — моя столица? Кто ныне управляет там?

— О, не волнуйся, дорогой! С тех пор как ты повесил тех вишей, эти прилежны, как китайский шелк. К тому же есть там Хан-заде, она отныне мать кумира.

— Ты отвергаешь выбор мой?

— Помилуй, как я смею, «Ты даруешь власть, кому пожелаешь»¹.

— О Биби, с каких пор ты отвергла свои языческие Небеса и увлекаешься Кораном?

— Мой Повелитель, я всегда предана тебе и Всевышнему.

¹ Коран, III, 5.

— Тогда ты должна знать, что «земля принадлежит Аллаху. Он дает ее в наследство, кому пожелает из Своих рабов»¹.

— Разве я против? Именно поэтому я решила лично сопровождать Мухаммед-Султана, дабы в пути не случилось чего.

— А на кого оставила Самарканд?

— Там Хан-заде... Иль ты не доверишь матери наследника? Иль вспомнил поговорку, что прогнившая яблоня даст червивый плод?

— Молчи! — прикрикнул Повелитель. За такого вида наговор на наследника любого бы он тотчас казнил. Да это его старшая жена, мать оставшихся сыновей, и надобно пока стерпеть. А дабы не потерять самообладание, у него успокоение — шахматы, на которые он лишь взглядом охраннику указал. И пока среди ночи вызывали постоянного партнера — Моллу Несарта, они беседовали о житье-бытье, о столице.

— Мой Повелитель, все хорошо, все, как ты указал, — после окрика голос Сарай-Ханум еще слаще, но, когда появился Молла Несарт и выдвинули тяжеленный стол, она не выдержала. — Я хотела поговорить о важных делах наедине с тобой.

— Дорогая, этот глух и нем, — кивнул он на Моллу, — те такие же — рабы. От Бога мы нигде не скроемся, а игра, сама знаешь, мне беседовать не мешает, — он быстро сделал ход, — так что говори — что хочешь?

— Я целый месяц в непогоду шла и не ждала к себе такого отношения.

— Биби, я повторяю, что ты хочешь?

— Тебя, мой милый, лицезреть.

— Последний раз я повторяю, чего ты хочешь и зачем пришла?

— Не для себя, Халиль со мной.

— Чего он хочет?

— Жениться на Шад-Мульк... На то твое благословение.

— Мои потомки женятся на ханшах.

— Она дочь хана!

— Что-то я не знаю, что, на Кавказе ханы есть?

¹ Коран, VII, 125.

— О Повелитель, не всем то счастье улыбнулось, чтоб с настоящим ханом было бы родство. Тебе вот дважды повезло¹. А шахе ханов не осталось — ты потеснил, твой внук добил².

— То Божья воля... Китайцы много пили нашу кровь.

— Мы не китайцы, мы — монголы.

— И все же, на одно лицо.

— О Повелитель, не пойму я, то ты монголами гордился и все твердил — у нас родство. А ныне что? Не возгордился?

— Чего ты хочешь?

— Чего же более. Свой век с тобой я в счастье прожила. А вот Халиль, наш внук, в печали, любовь беднягу извела.

— Где он? Зови его сюда.

Два огромных чернокожих негра, держа за руки, ввели Халили. Он упал на колени, и пока дед не позвал, даже голову не смел поднять.

— А где эта девица? — поинтересовался Тимур.

— Шад-Мульк в Самарканде, под моим присмотром, — отвечает Сарай-Ханум, а Халиль буквально дрожит.

— Ну и держи ее в гареме, — внуку дает совет дед. — А женись, на ком следует, кого я укажу.

И тут Сарай-Ханум сделала то, что до того никому бы не позволила, прежде всего самой себе:

— Шад-Мульк беременна. От этой новости даже Халиль дернулся.

От этой новости даже Халиль дернулся.

— Ну и «присмотр» у тебя, — съязвил Тамерлан.

— У меня всегда присмотр достойный, — быстро среагировала Сарай-Ханум, — да не забывай, это ты вознес до небес его мать Хан-заде. А теперь, когда ее старший сын стал наследником, она чувствует себя вовсе богиней. А один гарем двух хозяев не терпит.

¹ Намек на то, что Тимур вначале поступил на службу хана Казагана и женился на его внучке (1354–1355), а когда на Курултае избрали ханом Союргатмышша, Тимур женится на его дочери Сарай-Мульк-Катун и становится «царским зятем» (1370).

² Имеются в виду последние походы Мухаммед-Султана в Моголистан и в Северный Китай.

— Что мне делать? Подскажи, — легче было бы в бой пойти, чем это слушать. — Как мне вас теперь уладить?

— Повелитель, не волнуйся, все стерплю и все улажу. Только как мне с ними быть?

— Этот в бой со мной пойдет — поостынет, поумнеет, а беспутную девицу бросьге-ка быстрее в темницу и забудьте навсегда.

— Повелитель, помолись, — вдруг встрял в разговор Молла, — ваше семя в ее чреве. Как так можно согрешить?! И своих начнешь казнить?

— Как вы все мне надоели.

— Казнь или благословение? — крикнула Сарай-Ханум.

— У-у! — задумался Тимур. — Подойди ко мне, внучок, — впившись острым взглядом, словно видит Халиля, впервые подумал: «А что было бы, если бы Бог мне послал потомков только таких?», и тут же, думая о Мухаммед-Султане, он сурово спросил: — Ты согласен с моим выбором?

— Повелитель, — по-юношески тонок голос Халиля. — Ванна воля! А Мухаммед-Султан — лучший мой брат.

— Ты будешь верен ему?

— Как вам!

— Гм... Благословляю. Женитесь, — и, чуть погодя: — только тихо и без торжеств.

— Как ты прикажешь, — бабушка и внук склонились.

— Я устал, — это значит, что его надо покинуть. И когда они ушли, он действительно устало посмотрел на Моллу и спросил: — А на этот случай как бы ты сострил?

— Повелитель, прости, — на сей раз тон Несарта серьезный, — но мне кажется, что ты, как всегда, поступил благоразумно, как истинный верующий и как доблестный патриарх своего семейства.

— У-у! — и без того узкие глаза Тимура совсем прикрылись. — Чую я, что ты эту Шад-Мульк знаешь.

— Мой Повелитель, нельзя видеть во всем подвох, всех подозревать — и близких, и далеких.

— Ты намекаешь на поведение жены?.. Да, времена.

— Не горюй, Повелитель, все старо как мир, а дальновидная мудрость гласит:

*О ты, упрекающий любящих, оставь тех,
Кого Аллах ввел в заблуждение,
Ибо Он вернет их на путь истинный.
Упреки бессильны, и те, кто ближе всех к тебе,
Отдаляются от тебя.¹*

После этого Тимур надолго задумался, глядя на шахматные фигуры. Так и не сделав ход и не доиграв, не говоря ни слова, удалился в свою опочивальню. И когда главный евнух, как обычно, перед сном заглянул, надеясь узнать, что и кого желает на ночь Великий эмир, тот его грубо прогнал и стал усердно молиться.

* * *

Бесспорно, что появление компьютеров — это прорыв, прогресс, и сегодня невозможно представить цивилизацию без них. Дошло до того, что все чаще среди молодежи можно услышать: «Я уже позабыл, как Пером писать, — все на клавиатуре». А что, действительно, очень удобно, даже правил не надо знать, все, вплоть до дежурных, общепринятых фраз за тебя исполнит машина. В целом, это, конечно же, быть может, хорошо. Да вместе с этим, что-то приобретаая, мы что-то теряем. Наверное, канул в Лету такой интересный и неповторимый жанр, как эпистолярный. Вскоре мы, пожалуй, забудем данный нам судьбою великий, таинственный инструмент, чудо жизни — Перо! А сможет ли компьютер заменить Перо? Вероятно, нет, ибо колдовская сила Пера не только в том, что оно все знает, все помнит и обо всем напомнит, а еще в том, что в руках человека оно по-разному звучит, то есть по-разному отображается на бумаге (мы это называем почерк). А на самом деле это характер, воспитание, образ мыслей и действий. В конце концов Перо и его производное — почерк — это образ эпохи, язык народа и состояние души. И даже по тексту, набранному на печатной машинке, по многим признакам можно было определить настроение и характер наборщика. Компьютер и эту грань между людьми полностью ни-

¹ Мутанабби Абу-т-Тайиб Ахмед ибн аль-Хусейн (915–965) — арабский поэт, философ (построчный пер. Е. Харитоновой).

велировал. Все стало одинаково, трафаретно, по-моему, бездушно, зато очень красиво, быстро, эффектно, так что порою не то что самому что-то писать, но и читать не надо, смысл заранее понятен: заплати столько — получишь столько... Да это все меланхолия слабака о прошлой славе. А сильные духом должны идти только вперед. И что там почерк и Перо?! За свою историю человеческая цивилизация и не с такими ценностями рассталась. Скоро станет совсем легко, и мы не будем мучиться при потере отца и матери, ведь их не будет, все произойдет искусственно, в пробирке. А цель одна — деньги, за этим — власть! Такова жизнь?! А при чем тут Перо или компьютер? Ведь это было всегда. И примером тому наш роман и его главный герой — Тимур, которого, несмотря на все его зверства, наше Перо не раз отмечало как великого, легендарного, гениального. Словом, происходит технический прогресс, меняется природа и окружающая среда, меняются быт и горизонты познания. Но вряд ли меняется психология и нрав человечества, вряд ли исчезнет жажда власти и наживы. Просто все становится завуалированнее, под гриф масками улыбок и ухмылок. А теперь и компьютер скрывает характер человека. По одному лишь почерку Пера нам теперь не оставить след нашего времени, нашей эпохи — все под один шрифт, под единый стандарт, под единой программой, и никакой самоидентификации, никаких этнических, национальных и политических различий и самобытности. Всех под одну гребенку, на один манер. Полная глобализация и сверху перст. Логически понятно, что он может и должен быть в одних руках. Для этого создадим ООН, определим симпатии и определим сильнейшего и после этого его указ... Постой, Перо... Так ведь об этом мы уже писали: «Собрался Курултай, и они избрали Чингисхана... а потом избрали Тимура». Значит и в те времена были выборы, некая форма демократии, после чего монголы и тюрки стали жить очень богато и свободно... Постой, Перо. Ведь ранее, вслед за многими историками, мы тоже писали, что монголы и тюрки — это кочевники, варвары, дикари... Нет, тут «пахнет» политикой, идеологией. А мы пытаемся написать исторический, да роман. И это не научный обзор, где необходимо провозглашать историческую законосообразность. Мы попроще, попримитивнее, поскромнее — о былях и небылицах, анекдотах о государях и их дворах, о гареме и фаворитках, о карьеристах

и льстецах, и, что еще скучнее, длинными реляциями о походах, сражениях, осадах.

Правда, претендуя на литературу, мы порой все же пытаемся отобразить характер описываемого времени и даже рискуем определить характер такого человека, как Тимур, и, как ни странно, в этом он нам сам поможет, ведь хотя он и слыл, по свидетельствам его личных летописцев, неграмотным, и не было у него нужды писать: множество писарей и секретарей — некий прообраз современного компьютера. И все же даже Тимуру иногда приходилось вместо меча в руки Перо брать: надо же подписать указ и собственноручно написать пролог наставления своим потомкам. И вот что нам Перо через многие века доподлинно донесло. Почерк у Тимура размашистый, властный, в то же время угловатый, неразборчивый, но твердый, где каждая буква и знак с явным нажимом, с акцентом, с надавливанием, словно знает он, что велик, что будут и через сотни лет изучать это письмо. И потому здесь некая надменность, гордыня, тщеславие. Именно поэтому конец каждого слова и всего предложения несколько куцевато-витиеват, и не то что обрублен, а наоборот, вольный полет, мол, некогда, догадайся сам, итак он снизошел, что стал лично писать.

А что же в содержании? Признаемся, мы об этом уже упоминали, Перо нам это подсказало. Но тогда были иные времена, и в тех же словах было чуточку иное содержание, иной смысл и иное предназначение. Весной 1402 года, а если быть еще точнее — 8 апреля, Тимуру исполнилось шестьдесят шесть лет. По тем временам возраст очень солидный, и теперь вокруг Повелителя почти не осталось сверстников, свидетелей его разгульной залихватской молодости; вокруг почти что все юнцы, и в них огонь, напор, они все давят, наступают, пока безропотно, но мечтают его оттеснить. Однако сам Тимур о своей смерти и думать не хочет, и даже о старческом покое он не мыслит. Он думает лишь о вечном будущем, а это возможно лишь благодаря победам. И он готовится к очередному бою, пожалуй, к самому серьезному сражению в своей жизни — к схватке насмерть с Баязидом. И, забегая вперед, отметим, что если бы не это событие, может быть, имя Тимура так бы и осталось где-то на периферии истории. А в 1402 году Тимур стоял у ворот Европы, у ворот со-

временной истории, и интуицией гения чувствовал, что, несмотря ни на что, надо идти вперед, продолжать борьбу.

И, как известно, с позиции ученого, тех же историков или экономистов, война — это борьба за ограниченный ресурс, это алчность, власть, а в итоге — рост и развитие общества. Это продолжение мира. И эти выводы вроде бы прочно закованы в броню непреложных фактов, что подтверждает статистика и социология. Однако в том-то и сила литературы, что мы по-иному, особо не опираясь на материалистическую составляющую, смотрим на многие вещи, в том числе и на войну. И оперируя не бездушными цифрами, фактами, границами, а, как и обязана подлинная литература, думая о человеке, о его судьбе и скрытых дна науки душевных переживаниях, мы, понимая, что частенько вступаем в противоречие с ранее нами же излагаемым, все же отметим с позиции литератора, то есть гуманиста, что исторические корни всяких, прежде всего цивилизационных противоречий и столкновений происходят не столько из-за экономических и политических противоречий, сколько из-за психологии народов и человека. Войны, будучи в течение веков и тысячелетий неизбежным и естественным состоянием человечества, порождаются прежде всего этническим эгоцентризмом, ощущением избранности, чувством того, что «мы превыше всех и избраны Богом».

Именно такой характер «избранности» двигал Тамерланом в преклонном возрасте. Поэтому, в отличие от монголов, его призыв в борьбе — «борьба с неверными» и с инородцами. А когда перед ним стал тоже тюркит — Баязид, — Повелитель объявил, что Баязид вовсе не тюрк, непонятого происхождения, и далее прочие идеологические гадости, точнее, методы.

Впрочем, Тамерлан Баязида, видимо, боялся, ибо до сих пор он к войне так основательно не готовился и до этого еще никогда не собирал к бою столь огромные силы. А известно, что после того как к нему прибыл внук — наследник Мухаммед-Султан, под знаменами армии Повелителя стало более четырехсот тысяч воинов. Но и это не все. Почувствовав такую мощь, предвидя наживу, да и чтобы не впасть в немилость, к Тамерлану даже из далеких краев потянулись всякие князьки со своими тысячами.

Так, под командой Властелина мира собралось около полумиллиона войска. Это, конечно же, хорошо, но такую армаду и содержать надо. И не дай бог они до начала кампании излишне проголодаются, ведь это не те тюрко-монголы-кочевники, которые месяцами на подножном корму и охотой могут рыскать вперед за добычей по бескрайней степи. Теперь это воины, у которых за плечами немало доблестных побед и столько же богатств, жен и детей. Но это не у всех. Есть и такие новички, которые обо всем этом мечтают. Дай им слабинку, и эта масса выйдет из повиновения и разнесет не только огромный город Тебриз, но и самого Тамерлана может смести. Поэтому такой армией управлять не просто, постоянно надо быть начеку, и обычной строгостью дисциплину не удержать. И мудрый Тамерлан понимает, что на сей раз нужна солидная подпитка в виде приманки. С этой целью он объявляет указ, что до начала Анатолийской кампании против Баязида он выплатит всем годовое жалование¹.

Конечно, это колоссальная сумма, и тем не менее сам Тимур мог бы из своих сокровищниц выплатить ее, как он не раз это делал в начале своей военной карьеры. Да тогда времена были другие, он имел не теперешний вес и авторитет, и приходилось делиться всем, дабы слыть щедрым и справедливым лидером. Ныне из его казны ничего не должно уходить, только прибывать. И те дворцы, что возводятся в Самарканде, — не за его личный счет, это он просто поручает своим богатым визирям и военачальникам. А откуда они добывают эти средства — его повсе не интересует, так, для видимости он порой этих богачеев обвиняет в воровстве или измене и прилюдно вешает на удольствие толпы.

В Тебризе эту расправу Тимур уже свершил. Она не принесла Повелителю никакого удовлетворения, ибо у виселицы оказался его сын Мираншах. Наверное, поэтому, а может, и потому, что Тебриз был гораздо больше, богаче и красивее Самарканда, он этот город невзлюбил. И дня бы он здесь не провел, куда приятней по-кочевому в шатре, на фоне гор прекрасного Кавказа. Однако Тебриз на стыке многих дорог, здесь все купцы, послы, сю-

¹ Некоторые историки утверждают, что Тамерлан выплатил семилетнее пособие каждому воину.

да стекаются все деньги, товары, информация, а значит влияние. Теперь, непосредственно готовясь к схватке с Баязидом, Тамерлан просто обязан быть в самой гуще событий и по статусу должен жить в самом роскошном дворце Тебриза — это бывшее владение монголов Ильханов, где до этого находился Мираншах. Да Тимур суеверен, брезглив и осторожен. По своему опыту он знает, что в таких царских дворцах всегда есть тайные ходы, скрытые углы, всякие хитрости, гадости, и здесь свершались неимоверные мерзости, так что сниться будут одни лишь кошмары. Поэтому он сам лично объехал центр города, подыскивая себе подходящую резиденцию, и почему-то его взгляд сразу же покорила «Сказка Востока».

В заведении купца Бочек мощная охрана. Но как она может противостоять охране государя? «Сказку Востока» осмотрели, от ненужных лиц очистили, и лишь после этого туда направился Тимур.

— Вот это да! — даже всемогущий и вроде все повидавший Повелитель поразился невиданной роскошью. — Ну и Бочек! Молодец! — А попав со своей свитой в игорный зал, он радостно воскликнул: — А! Вот этот шахматный стол, где ты, Молла, мошенничал.

— Я в жизни не мошенничал, — в отличие от остальных Молла Несарт всегда подает голос, — а вынужденно исполнял волю твоего сына.

— Хе-хе, — доволен Тимур, — прекрасные фигуры, — рассматривает он шахматы. — А Мираншах вовсе и не дурак — здорово оболванил он игроков.

— Весь в отца, — такое тоже смеет сказать только Несарт.

— Хе, — улыбается Повелитель. — А как же иначе?! Жизнь — борьба, и противника надо всеми способами обхитрить, обыграть, в дураках, как тебя, оставить и в конце концов как навозного жука раздавить, что вскоре ждет и тебя.

— Я давно готов к смерти, — склонил голову Несарт, — хотя, впрочем, я уже не одного правителя пережил.

— На что ты намекаешь?

— Я буду жить, пока ты царствуешь, мой Повелитель.

— Хе, иначе, я царствую, пока ты живой?

— Ура! Ты просто гений, то бишь Властелин.

— Ладно. Тебя не переболтаешь... Расставляй фигуры, выигрешь — получишь обед.

— О Повелитель, у нас пост, и мусульмане не обедают в этот великий месяц.

— Ты учишь меня, шелудивый пес? Ты что, забыл, что я исполняю газават, иду в бой с неверными, а это выше поста.

— О Повелитель, вся твоя жизнь — газават! И если бы не ты, что бы служил Богу..

— Хватит болтать, — рявкнул Тамерлан. — Играй черными — твой цвет, плебей. А проиграешь — повешу за пояс, как ты доселе просил. Ха-ха-ха!

После таких оскорблений Молла Несарт играл с особым рвением, чего и добивался Тамерлан. Он, как прирожденный воин, уважал достойных соперников и на поле брани, и за шахматным столом.

— Хорош, хорош, — после очередного удачного хода стал хвалить Моллу Повелитель, а так как во время этой игры он был способен думать о многом остальном, то неожиданно спросил: — Слушай, старик, у тебя, я смотрю, еще остались проблески ума, по крайней мере, в шахматах ты по-прежнему силен. А вот ответь мне на такой вопрос. Вот я после покорения каждого города отбираю лучших поэтов, философов-мудрецов, врачей, архитекторов, ученых и прочих знающих людей, отправляю их в Самарканд, наделяю их лучшими домами, пожизненным жалованием, гаремами, влиянием при дворе и прочим всем, о чем они до этого даже не имели представления. И что в итоге? Они ничего дельного не изобретают, не предлагают, не выдумывают. Отчего же это? Может, они, в душе не любя меня, вредят? Или что еще? Ведь я богатств для них не жалею.

— Повелитель, позволю заметить, что эти умные головы много делают — они восхваляют тебя, своего царя, покровителя и мецената. А творить, созидать они уже не способны, потому что они, приобретя твое покровительство, потеряли свою независимость, значит свою энергию.

— Ты хочешь сказать, что голодные философы преобразились в богатых глупцов?

— Да, покорность стала их привычкой, а раболепство — удовольствием.

— Значит, если я тебя отправлю в Самарканд, ты будешь мне проигрывать?

— Нет, потому что здесь ты во время похода и сам внутренне мобилизован, играешь со всей силой. А ныне Самарканд — твоя столица. Это не тот город, что захватывал тридцать пять лет назад. Теперь ты сам будешь там расхлябан, под славословием краснобаев и богатых глупцов. Отчасти поэтому ты мало бываешь в родном городе, ибо там ты теряешь свой боевой дух, без которого ты жить не можешь и не сможешь. Ты в походе кончишь свои дни.

— Хм, каркаешь?

— Повелитель, я не предсказатель, но, думаю, лучше уж умереть здоровым, в походе, чем мучаться на смертном одре.

— В этом ты прав, — процедил Тимур, и сам положил свою главную фигуру. — На сей раз я проиграл. Живи пока.

После таких речей другой бы человек впал бы в состояние меланхолии, если не крайней депрессии. Да в том-то и сила великих людей, что не чувства и эмоции управляют ими, а они сами держат в руках свое настроение и телесный дух. Тем более что к своей неожиданной удаче он находится не в каком-то мрачном, сыром дворце, где величие расписных потолков просто давит, и, кажется, что ангелы вот-вот слетят либо на голову упадут, а он находится в гламурных помещениях «Сказки Востока», где все рассчитано для отдыха, расслабления, некоего обмана и наслаждения жизнью.

— Мы будем отдыхать! — уже так, про себя, постановляет Тимур.

— Вашего приема ожидает архиепископ Иоанн Султанийский, — в очередной раз докладывают Повелителю.

— Ну и прекрасно, вместе отдохнем, — постановляет Тимур. — Эй, ты, Молла, и ты будь с нами. Будет над кем поиздеваться... Начнем с бани, бассейна, а там... сами знаете, юных друзей, чтобы я хорошо заснул... О-о! Мой милый друг! Дорогой Иоанн, как я соскучился по тебе! Проходи, смелее, снимай свой балахон... Пред Богом в бане все равны. Зачем нам догмы суеверий? Ведь мы друзья!

— Мой Властелин, сочту за честь!

— Ой, ой, не надо церемоний. Опять подарки?! Какая щедрость короля... О, я польщен!

Это лет пять-десять тому назад, утверждаясь в своих глазах, и более в глазах приближенных и врагов, Тимур, как было принято даже во время тяжелых переходов, охоты, а тем более приемов, наряжался как мог, на голове всегда носил роскошный, тяжелый, инкрустированный камнями и рисунками массивный шлем, дабы обозначить свою значимость и влияние. Теперь в этих нарядах и обрядах потребности нет. Весь мир знает, какой он богатый, всемогущий, неподражаемый. Ныне ему приличествует скромность, престола. И так ему совсем удобно. А эстафету роскоши и благоухания переняли у него дети и внуки. Вот это он всемерно приветствует: они должны выделяться, и все должны знать, чьи это потомки, и какая в них течет кровь.

Что касается архиепископа, то сан обязывает его быть скромным и воздержанным. Но чтобы эти условные ограничения убраться, Тамерлан специально задумал встречу в купальне, зная, что и Иоанн такому общению будет только рад.

Хотя имя архиепископа Иоанна Султанийского отсутствует в Большой исторической энциклопедии, этот персонаж сугубо исторический. И, наверное, таких было в жизни немало, да этот пошел в историю, потому что дружил с Пером, оставил после себя записи в виде отчета, и они хранятся не где-нибудь, а в дипломатической библиотеке Парижа. Наверное, выражаясь современным языком, Иоанн Султанийский был так называемый двойной агент, под монашеской мантией которого скрывался искусный дипломат, а может, и шпион, ибо известно, что архиепископ, как официальный посол Тимура во Франции, Ватикане и во всей Европе, имел статус дипломатической неприкосновенности. Почти такими же полномочиями его наделил и король Франции Карл VI.

До наших дней сохранилось два письма Тимура королю Франции, написанные рукой Иоанна Султанийского, с личной печатью Повелителя. И там, помимо славословия, особой информации нет. Однако, по мнению историков, был очень важный документ — особый договор, согласно которому Карл VI и вся католическая Европа обязывались всеми способами помогать Тимуру в борьбе против заклятого врага континента Баязида, вплоть до того, что в состав войск последнего войдут под видом греков генуэзские, французские и венецианские рати, и во

время основного сражения они обратят свои силы против османов. Этот стратегический прием не внове в военной доктрине Тамерлана. И хотя данное коварство или военная хитрость очень важна, но она в некотором отдалении.

А сейчас ему необходимо решать насущные задачи — до начала военных действий ему нужны огромные средства для содержания армии и подкупа командиров противника. И для этого он уже долгое время ищет купца Бочека, который скрывается где-то на островах в Эгейском море, значит для Тамерлана практически недоступен. Это известие привез Иоанн Султанский.

— Однако есть иной ход, — говорит гость.

Нелегкая дипломатическая беседа (некий полускрытый торг) длится не один час. Уже ночь, и Тамерлан с послом перешли из ваннанных помещений в роскошный зал, где под звуки музыки и очарование юных танцовщиц они вкушают лучшие яства земли, запивая лакомства изысканным вином, оттого голос после уже громкий, развязный, вальяжный. Тамерлан значительно старше архиепископа, но еще крепок и вынослив за столом, ему при таком важном разговоре нельзя терять бдительность. А для этого у него известное противоядие — он тут же умудряется играть в шахматы с Моллой Несаргом.

— О, какой прекрасный ход, старик, — ненадолго призадумавшись, Тимур делает ответный ход и по-свойски, грубовато ткнул Иоанна в бок негнушимся локтем правой руки. — А тут у тебя какой ход?

Изрядно охмелевший гость в это время заигрывал с юной, чуть ли не голенькой танцовщицей. От повторного, более жесткого удара он недовольно оглянулся на Повелителя.

— Какой у тебя ход? — сурово повторил вопрос Тамерлан.

— А-а! — очнулся посол, потянулся к спелым золотисто-сочным черешням, сразу несколько штук кинул в рот и, выплевывая косточки: — Дело в том, что, по некоторым данным, здесь, в Тибризе, находится племянник Бочека, ему лет восемь-десять. Единственно родное существо, которое он любит, и-и, — в этом месте он сделал значительное ударение, — на него вроде бы завещание написал. У-у, сколько деньжищ! Пожалуй, купец Бочек по богатству может сравниться с тобой, — посол вновь потянул-

ся к черешням. — Вот купит он армию... Кстати, мамлюк — эмир Красный Малцаг — тоже на острове, у Бочека.

— Этот безухий? — расширились от природы сощуренные глаза Тамерлана. — А он как туда попал?

— Хе, в бою с тобой ранен был, теперь на острове Бочека до-лечивается.

— Как этого племянника Бочека зовут? Где он жи-вет? — встревожен голос Повелителя, от прежней хмельной рас-хлибанности словно и следа нет. — Оставь эту девчонку — кучу подарю, — по легкому знаку Повелителя, танцовщиц охранники удалили. — Где племянник Бочека?

— Здесь, в Тебризе... А девочек зря прогнал, хороши.

— Слушай меня! — рявкнул Тамерлан, отчего посол встре-пенулся, вроде взял себя в руки, протрезвел. — В Тебризе более миллиона жителей, как я этого племянника найду?

— Властелин, но у тебя полумиллионная армия.

— Идиот, армия — для боя, а тут тонкая игра, Бочек ведь на-показ племянника не оставит... Надо зацепку найти.

— А ты пошерсти служителей «Сказки Востока», — предлагает находчивый дипломат, — здесь наверняка его доверенное лицо есть.

— Хе-хе, умница! — ухмыльнулся Повелитель. — И как я до этого сам не додумался? Заслужил щедрый подарок, — Тамерлан тут же сделал шахматный ход.

— О Повелитель, — слащавость в тоне посла, — да не оскуде-ет рука дающего. Хе-хе, а у меня ведь еще четкие наводки есть.

— Говори! — встрепенулся Тамерлан.

— По нашим данным, здесь же, в Тебризе, проживает жена Красного Малцага, у нее двое детей — мальчиков.

— Где? Как зовут?

— Как зовут — не знаю, по данным осведомителей, дети в от-ца — рыжие и синеглазые.

— Хм, здесь все армяне рыжие и синеглазые.

— Так это не все, с ними некий доктор Сакрел, старик. Он был на острове, Малцага лечил. Сейчас вроде здесь, а может, и нет... Но у них здесь в любом случае есть опора и связные.

— Кха! — противно кашлянул Тамерлан прямо на шахматный стол и, взглядываясь в Моллу: — Что-то ты побледнел, как о бе-зухом земляке заговорили.

Словно это его не касается, Несарт двинул вперед фигуру и сказал: «Шах!»

— О-о! — редкая игривость в тоне Повелителя. — Ты, старик, сегодня явно в ударе... Я сдаюсь. Пожалуй, больше играть не буду, устал. Ты тоже отдохни.

— Можно я пойду в свой дом?

— В свою лачугу?.. Делай что хочешь, — как никогда добр Повелитель.

...Дальнейшее не имеет какого-либо значения в масштабе мировой истории, и это никого не интересует, об этом записей нет. Но как это было значимо для истребленного нахского народа, хотя бы для одной семьи, для одного человека, знает только Перо, и оно нам кое-что опишет.

В промежутках между походами, во время подготовки, прихоть играть в шахматы, как и что-либо иное, может возникнуть у Тимура в любое время. Поэтому Молла Несарт, другие люди obsługi должны быть рядом с ним круглые сутки, и никаких отлучек быть не может. На сей раз дело касается не столько Малцага, а его детей. И не то что рискуя, Молла считает просто обязанным как-то им помочь. Из-за этого отпрашивается, прекрасно понимая, что сознательно вызывает удар на себя, ибо уверен — за ним будут следить. Медлить никак нельзя. Дорога каждая минута, с утра начнется повальная облава, тогда семье Малцага, и не только им, конец.

Однако в этом мире не один Тамерлан — мужчина, воин и боец, не одному ему всегда должна сопутствовать удача, и не обязательно иметь под командой сотни тысяч солдат. Надо думать, не бояться и все возможное предпринять, пытаться обыграть хотя бы в этом. Вот так мыслит и действует Молла Несарт.

Это прозорливый купец Бочек, зная нравы некоторых людей, специально не вывез своего племянника и семью Малцага из Тэбриза, зная, что любой остров могут наемные пираты захватить. А найти безымянного человека в миллионном городе — посложнее. И для безопасности даже Молла Несарт не знает, где проживает семья Малцага. Но он догадывается, кто может все знать.

В редкие случаи, когда Молле Несарту удастся пойти домой, он предпочитает идти пешком, ибо заготовить впрок корма не смог, а его осел теперь, так сказать, на государственном содержа-

ши, в огромной конюшне «Сказки Востока», куда посреди ночи через огромный двор направляется он. На ходу, чувствуя, что за ним уже следят, он тяжело и громко кричит:

— Ох, устал. Где же мой помощник, осел? Небось соскучился по мне.

Вокруг конюшни, а тем более внутри, темно. Конюхи спят, тишина, только изредка в темноте фыркнет скотина. Другого бы посреди ночи сюда и не подпустили бы, но Молла Несарт — важный, известная личность, и если до этого был тих и улыбочив, то сейчас всех будит, словно пьяный кричит, ворчит, торопит.

— О-о! — вдруг во всю глотку завопил он, дойдя до своего ослика. — Почему не накормили? Вы что думаете, если это не конь, а ишак, то и ухаживать не надо? Навоз не убрали, не напоили! Где главный конюх? Где? Да вы знаете, кто я?! Я первый друг Повелителя! Одно мое слово, и вас всех казнят! Где главный конюх? Я спрашиваю, где?

Главный конюх в те времена — должность внушительная, и может случиться, что Молла сам наводит на него, да иного выхода нет. И, разыгрывая безмерный гнев, старый астроном рвется в жилище конюха. Маленький щедушный старичок от одного только движения мощного главного конюха «Сказки Востока» полетел бы наружу. Да пока последний спросонья приходил в себя, Молла успел на ухо бросить: «Сказка Востока» — быль», и, не дожидаясь ответа, стал горячо шептать, объяснять, зная, что они заочно друг про друга давно знают.

— Спасай детей и сам спасайся. Иди на север, в Грузию, в Алазанской долине.

Этот контакт длился не более минуты. Все-таки жизнь, полная интриг, при дворе Тимура кое-чему Моллу научила, по крайней мере, лицедействовать, корчить дурака. И так вошел в раж, наверное, понравилось, а скорее, просто от злобы и бессилия, он, вернувшись вновь в конюшню, еще кого-то наугад отхлестал кнутом, быстро оседлал осла, и, зная, что лучшие сыщики сейчас преследуют его — значит охраняют, и до рассвета иных действий Тамерлан предпринять не успеет, он, напевая песню, уводил их с собою на юг, за пределы города, где в стени до зари молился. Лишь на утреннюю молитву вернулся

в город, в мечеть, потом домой, мечтал поспать — сильно устал, провалился во сне и неизвестно, сколько спал — его буквально оторвали от ложа, накинули на голову мешковину и повезли. Он не знал, сколько проспал, куда везли, только по крикам и шуму понял, что в городе что-то невероятное происходит. А потом он уловил ныне до сладости знакомый, но уже увядающий аромат ауры «Сказки Востока». А когда с него сняли мешковину и стали дезинфицировать и проверять, он понял, что поведут к Тамерлану. Осмотревшись, удивился: по характерным признакам этого заведения уже был вечер. Он целый день проспал — это очень хорошо, значит, детей Малцага и племянника Бочека не нашли, иначе его не теребили бы. От этого он скрыто и пока что сдержанно внутренне ликовал, и даже предвидя, что, может, после допроса Тамерлана последуют пытки и казнь, он все теперь воспринимал как-то отстраненно, будто невменяем, все, даже смерть теперь нипочем. Почему-то в этот момент он думал только об одном: его миссия на этой грешной земле была лишь в одном — вот так, на старости, спасти кровно родных детей. И он, что мог, сделал... А смерть, она неминуема. И что уж он, дряхлый, бездетный старик, когда целые страны и народы под игом алчного варварства исчезают. И Молла Несарт понимал, что все когда-нибудь проходит. Но он думал, что такое заведение, как «Сказка Востока», куда могут попасть только богатые люди, будет существовать всегда. И даже такой деспот, как Мираншах, здесь превращался в заурядного игрока и повесу. А вот какова внутренняя энергия и мощь Тамерлана, что он этой ауре «Сказки Востока» ничуть не поддался, не соблазнился, ничуть не расслабился, а, наоборот, все своей харизмой подавил. И это уже не чарующее всех веселое заведение «Сказка Востока», а пропитанный потом гонцов и благовониями льстецов обычный караван-сарай, где не только петь-танцевать, где те же повара из тех же продуктов совсем невкусно готовят. И здесь нет былого, хоть и ложного, но приятного мимолетного флирта, некоего подобия любви, а порою и настоящей любви. Здесь теперь только насилие, только издевательство. Здесь Тамерлан, перед которым на колени брошен Молла Несарт.

— Мерзавец! — злой рык. — А ну встань!

Раньше здесь был большой танцевальный зал — наверное, самое веселое место в «Сказке Востока». Теперь на месте замечательной сцены, где даже был лифт, и при необходимости сама сцена двигалась по кругу, стоит на возвышении огромный царский трон, захваченный в древнем Багдаде. Перед троном расставлены шахматы, соперник Тимура — его сын Шахрух. Вдоль стен в порядке иерархии в угодливых позах стоят визири и придворная свита. Здесь теперь иная атмосфера, вроде масса всевозможных благовоний, а для бедного Моллы — просто пот и вонь.

— Ну, — кривой походкой подошел Тамерлан к Несарту, с грубой силой схватил убеленную бородку, напрягаясь, и даже скривив лицо от ярости, дернул так, что хилый старичок упал к его ногам. — Встань, собака! Быстрей, — вновь он схватил бороду. — Теперь скажи, как ты умудрился меня накануне обыграть?

— Повелитель, — еле может говорить Молла, — ты, видимо, отвлекался на беседу с послом.

— Я не о шахматах говорю! — рявкнул Великий эмир.

— Не понимаю.

— Сейчас поймешь. Пятьдесят палок! Охрана тут же стала срывать со старика одежду, а он вдруг безудержно засмеялся.

— Ты еще смеешь хохотать, когда я чиню суд и расправу? — в крайнем гневе Великий эмир.

— Повелитель, — слезы то ли от смеха, то ли еще от чего в глазах старика. — Посмотри на меня, — за двадцать лет отсидки в зиндане города Мараги Молла Несарт переболел чахоткой, с тех пор всегда был худой, а теперь к старости совсем кожа до кости, — зачем такая расточительность? Я и от пяти палок помру.

— Сейчас посмотрим.

— Мой Повелитель, — не унимается Молла. — Позволь последнее слово, точнее вопрос, — и, увидев молчаливое согласие: — Ты с Шахрухом в поддавки играешь? Хе-хе, там ведь давно сму мат.

— Хватит паясничать! — чуть мягче стал голос Тамерлана. — Учитывая мое милосердие и твое незавидное одинокое положение, вопреки жажде моей свиты увидеть скоро казненным тебя, выполню твое последнее желание, если оно есть.

— Конечно, есть, мой Повелитель. Скажи, в чем на сей раз моя вина?

— Хм, а ты не знаешь? Главный конюх «Сказки Востока» бежал.

— Боже, Повелитель! При чем тут я? От одного твоего имени весь мир бежит. А посмотри на меня, — голый Молла развел толстые руки. — Кто из-за меня может бежать, даже зайцы в поле меня не замечают.

— Кстати, а что ты ночью в поле за городом делал?

— Повелитель, не поверишь, у меня ведь легкие слабые, вот и пошел чистым воздухом подышать, — Молла Несарт оглядел большой зал. — Раньше в «Сказке Востока» такой аромат был!

— Что ты хочешь сказать?

— Боже! Только то, что ты велик и цветешь благоуханием... Вот только свита твоя, лишь бы ты их любил, душатся, как бабы, а боясь гнева твоего, тем более казни, так ветры пускают, что, порой, как сейчас, дышать нечем.

— Ха-ха-ха! — безмятежно расхохотался Тамерлан, небрежным жестом в сторону охраны дал знать, чтобы свита ушла, и после этого: — Клянусь, старик, вот в этом ты прав, — хлопнул он от удовольствия в ладоши.

Наверное, ошибочно говорят, что незаменимых людей нет. На самом деле каждый человек по-своему неповторим. Прозорливым умом Тимур это понимает. Он (и в него сын Мираншах) азартный игрок, без шахмат не может, и в этом, да и в том, что порой правду говорит, Молла Несарт ему очень нужен, и поэтому он, уже полушутя, предлагает:

— Так и быть — прощаю, если эту партию вместе с Шахрухом хотя бы до ничьей сведешь.

— У-у! — глядя на шахматную доску, задумался Несарт. — А если не смогу?

— Пять палок, — голос Повелителя совсем игрив.

— На двоих с Шахрухом? — торгуется Несарт.

— Играй, — предвкушая азартную схватку, потирает костлявые руки Тамерлан.

Как закончилась эта партия — неизвестно, да и неважно, скорее всего вничью, ибо Повелитель сам поддавался в игре со своим незадачливым сыном Шахрухом. Зато важно иное — жизнь.

Молла Несарта, как и всего заведения «Сказки Востока», стала совсем тягостной, незавидной. Теперь он даже спит под охраной. И шахматы по-прежнему играют почти каждый день или ночь, однако теперь при нем никаких важных бесед, либо их уже нет, потому что все почти что готово к походу, всюду военные. И «Сказка Востока» теперь как казарма, благо, что еще коней сюда не заводят. А сам Повелитель злой, видно, что он торопится, чего-то ждет не дожидается. Все-таки дождался. Как он радовался, просто ликовал. И когда гонец доставил известие, аж стал прыгать, как ребенок. И хотя это было втайне и секретно от всех, Молла Несарт вскоре узнал, что по заказу Тамерлана венецианские купцы-конкуренты предали Бочека, на каком-то острове он захвачен в плен, и сейчас его тайными тропами доставляют в Тебриз. А что же с Малцагом, ведь и он там был?

Вот где сломался Молла Несарт, тайком по ночам плачет. Днем он хмурый: не до острот и не до игры; глаза красные, воспаленные.

— Ты как отживший век пес, — ухмыляется над ним Тамерлан. — Даже не знаю... Тебе бы во благо — добить тебя. Хе-хе, да грех на душу брать тоже не хочется.

— С тебя не убудет, ты как малик¹, — кое-как огрызается Молла.

— Ничего-ничего, потерпи, — доволен Великий эмир. — Наших увидишь подарок.

«Каков же «подарок?» — мучился Несарт. И его догадка оправдалась: в огромном, некогда роскошном ярком холле «Сказки Востока», где теперь полумрак, у центрального фонтана что-то тяжелое бросили, развернули у ног Тимура, и он захохотал:

— Мой друг, Бочек! Как тебя так угораздило?! Вот гады! А ну вставай, дорогой, вставай... Да помогите же ему! Ух, скоты! Если бы он еще немного похудел — всех бы казнил. Пошли. Не хнычь... Теперь я рядом, и все будет хорошо. Ты ведь богатый, Бочек. А богатые не плачут, лишь откупаются. Пошли, дорогой, ведь это твое заведение. Узнаешь? Как я рад! Как я рад вновь тебя обнимать, лицезреть... Умница!

¹ Малик (араб.) — ангел.

Больше Молла Несарт купца Бочека не видел. Посредством прислуги-рабов, что еще сохранились в «Сказке Востока», он узнавал, что где-то в подвалах над Бочеком издеваются, что-то пыпытывают, вымогают, заставляют какие-то бумаги подписать.

А как-то вызвали Моллу Несарта прямо среди ночи к Тамерлану в шахматы играть. Войдя в огромный зал, Молла оторопел, вначале Бочека не узнал: лишь его подобие, жалкая тень, на коленях стоит, осунулся, постарел, обмяк, ноздри разорваны, зубов нет, а в глазах собачья тоска, никакой искры, жизни. Понял Молла, что это представление для него разыгрывается. Словно никого в зале нет, подошел он к Бочеку, так они ростом вровень, по-родственному обнял и сквозь выступившие неволью слезы:

— Терпи, Бог с нами... Отдай все, пусть подавятся.

— Уже отдал, — еле прошепелявил Бочек.

— О, какая братская встреча! — подошел Тамерлан. — Вот видишь, Молла, этот раб по чьему-то недоразумению получил свободу, всякими нечистыми способами, а более благодаря мне, обогатился. И что ты думаешь? Возомнил из себя господина, наперекор мне, своему хозяину и благодетелю, решил пойти. А я, как наместник Всевышнего на этой земле, свершу справедливость — верну на положенное ему место — он как был рабом, так им и умрет. Убрать! — небрежный царский жест.

Тут же Бочека уволокли. А Тамерлан словно по-дружески обнял Моллу Несарта, поманил к шахматному столу:

— Если выиграешь на сей раз — будешь жить.

— А если проиграю? — исподлобья жестко глянул Молла Несарт.

— Как твой дорогой Бочек — вернешься в положение раба.

— Сам ты раб! — Молла скинул с плеча тяжелую руку Тамерлана. — А я никогда рабом не был и не буду!

— Ха-ха-ха! Рабом не был? Не будешь? — Великий эмир сверху стал наносить яростные удары кулаком, потом поверженного еще пинал ногами, пока сам не выбился из сил, и, уже задыхаясь, приказал: — Этого туда же.

Так Бочек и Молла Несарт с парой тощих волов попали в подвальные помещения «Сказки Востока» крутить огромные жернова для подачи воды в ванную Тамерлана.

На вид крупный Бочек смог ходить по кругу только до полудня, а потом упал будто мертвый, и его таскали еще полдня.

А вот сухопарый Молла Несарт выдюжил до конца. И когда более даже волы не смогли передвигаться, их развязали. И тогда Несарт первым делом пытался заботиться о ближнем, кое-как в чувство его привел, заставил воды попить.

— Эх! — как в последний раз истошно простонал Бочек. — Знать бы, что с племянником, и смерть нипочем.

— А ты что, не знаешь? — кинулся к нему Несарт и на ухо стал шептать.

— О Боже! Неужели? Ты их спас! Как я рад! Я просто счастлив! — блеснули жизнью глаза Бочека, а чуть позже, уже грустно, на тяжелом выдохе он добавил: — А я поверил, что он у Хромца, — все отдал. Иначе и золотого бы он не получил.

— Не жалея, не жалея о бренном.

— Не жалею, Молла. Все вкусил... Я и вправду рабом родился, и то, о чем мечтал, сбылось — стал богатым и знаменитым. А вот подлецом всю жизнь быть не смог... А теперь мечта — наложить бы на себя руки. Помогите, друг.

— Ты что?! Надо терпеть, все в руках Бога.

— Вот веревка...

— Прекрати, успокойся, — как мог, заботился старик о Бочеке, и когда тот уже забывался во сне, не выдержал: — Бочек, я-то и спросить боюсь — а с Малцагом что, не знаешь?

— Меня предали... Мои же партнеры-купцы, которым я столько помогал. Продали. Врагов прямо в стан, на мой остров, скрытно привезли... Малцаг уже выздоровел. Через день-два мы собирались уходить. И тут, среди ночи... Малцаг словно почувствовал, как выздоровел, всегда был начеку, смог бы он нас спасти, если бы не мой живот — то в окне застрял. Потом еле-еле через набор он меня перекинул. До моря добежали. И опять мой кабанский вес — лодку я опрокинул. Пока пытались перевернуть — время, нас обнаружили, настигли. Меня первым схватили. Я ему в ночь кричал: «Уходи! Плыви!» Он в толщу нырнул. Туда — сотни стрел, и за ним бросились. В их руки он не попал — это точно. А вот что потом — не знаю.

— Добрый молодец, — выдохнул Молла Несарт.

— Замечательный человек. Смелый воин, отличный полководец, — как-то оживившись, Бочек даже приподнял голову. — Дерзость Малцага и мои деньги — мы могли бы обуздать Хромца, остановить этот мор... Кто-то за дирхем продал.

— А мог Малцаг до какого-либо берега доплыть? — надежда в голосе Несарта.

— Не знаю... Там много островов, если стрела не задела, Правда, и вода по весне еще прохладная.

— Давай за Малцага помолимся.

— Давай.

Так, с молитвами на устах они заснули, а предстоял новый день, совсем несносный. Это упомянутый накануне Малцаг, будучи еще молодым да крепким, еще какое-то время мог дни напролет крутить жернова, а истерзанный, пожилой Бочек на второй день и час не выдержал — упал. Маленький Молла Несарт кос-как, уже как увядший осенний лист, дрожа, до полудня продержался и тоже упал.

По традиции этого ремесла таких рабов просто добывают. Однако здесь иной случай, люди иные. Бочека и Несарта понесли на верхние этажи «Сказки Востока», и когда Молла Несарт увидел, что их развели по разным помещениям, он, уже прекрасно зная прагматичное нутро Тамерлана, подумал, что с него более иметь нечего, если он даже в шахматы более играть не будет, а вот с Бочека еще кое-что урвать, видимо, можно, либо нужен он для каких-то важных дел, ведь Бочек очень известный человек.

Случилось как раз наоборот. Несарта обихаживали, дали поспать, а на следующий день выдали новую одежду, под охраной повели в центр. И он издалека, по людскому восторженному гулу понял, что будет царская щедрость, веселье, зрелище, много сладостей и еды, и, как главное событие торжества, — массовая казнь.

Это был май. Уже с утра сильно припекало, духота. Людей — море. На центральной площади и прилегающих улицах не протиснуться. Великий эмир — любитель и страстный организатор всяких массовых мероприятий, будь то сражение, пир, массовая резня или праздник весны, умел эти представления сделать впечатляющими, так чтобы запомнили навсегда.

Словно почетного гостя, Моллу Несарта доставили на площадь перед самой казнью, усадили на довольно приличное место, так что он видит первый ряд, где сидит сам Тамерлан, рядом архиепископ Иоанн Султанский, а потом сын, внуки, жены, невестки и вся свита, усаженная строго по ранжиру.

За ними духовенство, купцы, всякие наперсники и прочий предприимчивый люд, мечтающий хотя бы попасть в поле зрения Великого эмира.

Когда к эшафоту подвели более двух десятков осужденных с накрытыми мешковиной головами, несчастное сердце Моллы Несарта больно ёкнуло — в ком-то очень крепком и высоком он стал угадывать Красного Малцага. От внутреннего мучения он весь напрягся, не мог оторвать взгляд, будто тоже наслаждается этим зрелищем. А эта процедура — чье-то удовольствие, смакуяют, растягивают. Долго зачитывают вину всех. Кадий еще раз выносит вердикт. Наконец мешки с голов снимают... Боже! Малцага среди них нет. Зато рядом с Бочekom стоит еще один старик — доктор Сакрел... Более Молла смотреть не мог, низко опустил голову, а когда услышал удушающий хрип, стоны, ему стало плохо. Его утащили, и вновь в «Сказку Востока», в маленькую комнатенку с узким оконцем, где раньше обитали самые невосребованные одалиски. Правда, к нему внимание повышенное, но крайней мере ни в чем нужды нет. И теперь Молла Несарт предчувствует, что будет еще одна встреча с Тамерланом. Он предполагал, что через два-три дня — обычно столько длится иршеский загул Повелителя. А тут до рассвета Моллу растормошили, стали мыть, проверять, что принято перед высочайшим приемом. Несарт неплохо разбирается в планировке «Сказки Востока»: его повели на второй этаж, в лучшие апартаменты, где некогда находилась Шадома — ныне принцесса Шад-Мульк, где теперь оказалась спальня Тамерлана, и по наличию духовенства, предсказателей, и астрологов Молла Несарт понимает, что Повелителю приснился страшный сон. И если позвали его, то сон опять «вещий».

— О Великий и Величайший! О защитник Веры, Посланник Бога, Надежда Мира и всего человечества! Твой тяжкий сон — предвестник людского счастья. Ведь снег, как белый свет, — это чистота твоих благородных помыслов, твоей божест-

венной души и явный признак нам, твоим рабам, что ты очередной Пророк на грешной земле...

Возлежа на роскошном ложе Шадомы, Повелитель лишь вяло махнул рукой. Охрана все поняла: умудренных старцев небрежно отодвинули, после еще одного движения руки их вовсе выставили. А Тамерлан почти негнушимся пальцем руки помянул Моллу Несарта. Приблизившись, последний увидел опухшее, изможденное лицо Повелителя, воспаленные под грузными веками блеклые глаза и потрескавшиеся сухие губы.

— Я видел сон, — хриплым голосом еле выдал Тамерлан.

— Излишки спиртного и похоти, — бесстрастно выдал Молла.

— Я видел тот же сон.

— Прости, а это вещий сон. Рано или поздно твоя одинокая башка окажется на далеком севере, в снегах, зато на пьедестале.

— Прочь! — все-таки слаб тон Повелителя.

А Молла Несарт, когда его уводили, думал, что это точно мучительный конец. И опять ошибся, вновь его внимательно обхаживают, а вскоре, через день, тщательно моют: неужели снова встреча?

Все-таки Тамерлан потрясающе выносливый, от природы крепкий человек. Как в былые времена становления, в «Сказке Востока» в кратчайший срок оборудован грандиозный тронный зал. На старинном золотом кресле восседает Великий эмир. В эти дни что-то произошло, и он вновь покрыл голову тяжелой короной, в руке скипетр с набалдашником в виде львиной головы, сам он важен, словно бог.

— Молла, — по-прежнему крепкий и сухой у него голос, — от моей щедрости у тебя два пути: один — сам знаешь, ну а второй — это то, что ты должен был сделать — разбери обсерваторию в Мараге и перевези ее в Самарканд.

— Великий эмир, в Священном Коране сказано: «Ты даруешь власть, кому пожелаешь»¹. Поэтому хамить правителю и презирать власть — от низости и безобразия характера... Я рад тебя видеть вновь, Повелитель, — он почтительно склонился. — А о «путях» скажу. Первый, как и все люди, предвижу, и в ломаный дирхем свою жизнь не ценю. А то, что ты предло-

¹ Коран, XXX, 5.

...и мне вновь заняться обсерваторией — честь и хвала тебе! Ибо это наука, значит знания и просвещение, лишь они могут дать свободу и процветание народу. А иначе, как сейчас, будет невежество, незнание, суеверие, и несчастный темный народ будет вновь и вновь плодить все новых и новых Тамерланов.

— Хе-хе, ты, как всегда, начал за здоровье, а кончил... Хе-хе, впрочем, твоя известная дурость от виселицы уберегла... Может, сыграем напоследок?

— Нет, — категоричен тон Моллы.

— Ну тогда, — голос Тамерлана тоже стал суровым, — займись обсерваторией. Полгода срок... Выдать ему пайзцу!

...В несвободном обществе, где один деспот решает все, можно в один миг все потерять, либо все получить. Еще одну ночь провел Молла Несарт в «Сказке Востока», и она в корне отличается от предыдущей — он вновь наделен пайзцой, то есть высшей благосклонностью правителя. Посему его перевели в личную комнату, собственная прислуга и все, что пожелаешь, в том числе приглашения на вечерний праздник, от которого Молла ввиду усталости отказался, но спать не смог: шум, музыка, фейерверки до утра. Он просто догадывается — что-то грандиозное случилось, но что именно, он не знает, зато знает Перо.

Оказывается, накануне днем, благодаря деньжищам, отобранным у Бочека, и посредством посла Иоанна Султанийского, удалось вслед за греками и латинянами подкупить некоторых туркменских полководцев, которые были в составе войска османского султана Баязида. Это немаловажный успех, да Тамерлан на это особо не обращает внимания и пока дает только малый задаток, ибо знает, что и без этих предательств под его командой почти в два раза больше войск, и они под прессом единопначалия. А если некоторые полководцы Баязида уже пошли на торг и сговор с ним, то это уже не армия — он должен победить! Да ликовать еще рано и расслабляться непозволительно, правда, праздновать повод есть. Тамерлан велик! И его власть признали почти все европейские монархи. От их имени король Франции Карл VI прислал договор, согласно которому Европа будет ежегодно выплачивать Тимуру дань. Правда, далее проливов Босфор и Дарданеллы, то есть границ Азии, Великий эмир не переходит. В общем мир поделен. (Как звучит современно.)

Но это при одном условии, если Тимур одолеет Баязида, освободит Европу от тюрко-османского ига.

Это был величайший дипломатический успех, и более того, в военно-политическом аспекте таких завоеваний не добивался никто — ни до, ни после Тимура, даже Александр Македонский, Чингисхан, тем более Наполеон.

Перо подсказывает, что сам Тимур понимал, что находится на пороге абсолютного величия и исторического бессмертия. Он также понимал, что до этого предстоит свершить, наверно, самый ответственный, тяжелый и решающий бой. И, примерно предчувствуя его исход, он думал о своем сверхвеличии, о вечной славе своей и своего рода.

От таких обстоятельств и мыслей даже такой сильный человек, как Тимур, несколько теряет жизненные ориентиры. Теперь он даже вспоминать не хочет, что когда-то телят пас, был на побегушках и нанятым разбойником у мелких князьков. Его сверстники-друзья, которые могли бы это вспомнить, — кто, воюя рядом с ним, погиб, кто сам умер, а кого он сам изжил. И ныне не может быть такого понятия, как выборный орган Курултай, — их род имеет древнейшую генеалогию, пересекающуюся с Чингисханом, а начало берет чуть ли не от пророка Ноя... И вроде все, о чем мечтал Тимур и даже не смел мечтать, сбылось. И он верит — пользуясь его плодами, потомки еще более расширят империю, династия Тимуридов будет существовать вечно, пока стоит этот мир. Вот только одна беда — после того, как скрытно написал он завещание в пользу внука Мухаммед-Султана, между наследниками началась открытая распря. А что будет, когда его не станет?

Вообще-то предпочтением по традиции должен пользоваться старший сын. Как известно, Мираншах уже ни на что не годится, он под неким домашним арестом в Самарканде. Другой сын, Шахрух, немного мягкосердечен, всем миром управлять не сможет. Но с ним следует объясниться.

— Дорогой Шахрух. Теперь ты сам отец. Скажи, ты ведь всех своих детей любишь одинаково? Вот так и я вас всех одинаково люблю... Быть моим наследником — нелегкая доля. А выбрал я Мухаммед-Султана, потому что он старше тебя, был мне верной опорой, свершая подвиги и великие дела. Но и это не главное,

главное — он старший сын моего покойного старшего сына Джехангира... Ты одобряешь мой выбор, и будешь верен ему?

— Отец, мой Повелитель, — бросился на колени Шахрух и поцеловал кончики сапог Тимура. — Клянусь, пока я жив, будет только так!

— И ты призовешь к этому остальных внуков?

— Твое слово — закон, Повелитель!

После этого в «Сказке Востока» Тебриза Великий эмир консультировался со своими секретарями, а потом собрал всех своих законнорожденных: сына и внуков и держал следующую речь, которую записывали трое писарей:

— Нашему Великому роду тысяча лет, и еще столько же он будет существовать, если вы будете следовать моим заветам, как и я следовал заветам моего отца... Я знаю своих предков в пятнадцатом поколении. Мы произошли от легендарной Алан-Гоа¹. Ее шестым потомком был Туменай-хан, от которого пошли две великие ветви — Чингисхана и наша.

Чингисхан, его сыновья и внуки были великими людьми. Они захватили и подчинили себе почти весь мир. Однако последующие поколения Чингисхана стали пренебрегать положением Судов законов — Ясов, они погрязли в излишествах, междуусобицах и распрях и почти что утратили свое могущество. Но, слава Всевышнему, есть мы. И отныне нам волей Небес выпала божественная миссия управлять миром и темными людьми... Мы избранный род и сохраним свое господство еще тысячу лет, если вы будете следовать наставлениям предков. Об этом можно долго говорить, но я лучше повторю то, что своим потомкам завещал Чингисхан... Он всегда призывал к укреплению согласия и упрочению привязанности между сыновьями и братьями, и всегда сеял семена гармонии и согласия в сердцах своих сыновей, братьев и родственников, и рисовал в них картины помощи друг другу и поддержки. И он упрочивал те здания и укреплял те основания с помощью притч. Однажды он собрал вместе всех своих сыновей и, достав из колчана стрелу, преломил ее. Затем

¹ Дева, зачавшая от сизого волка, проникшего в виде луча света в юрту, где она почивала (это из «Сокровенного сказания» монголов, хроника 1240 г.).

он достал две стрелы и также переломил их. И он продолжал так делать, добавляя к пучку по одной стреле, пока не набралось столько стрел, что даже богатыри не могли сломать их. Тогда, повернувшись к своим сыновьям, он сказал: «Так и с вами. Слабая стрела вместе с множеством других стрел становится прочной, и даже могучие воины не могут переломить ее и в бессилии опускают руки. Поэтому пока вы, братья, будете поддерживать друг друга и крепко помогать один другому, какими бы сильными и могущественными ни были ваши враги, они не смогут вас победить. Но если не будет промеж вас вождя, чьему совету смогут последовать другие братья и сыновья, и супруги, и товарищи, чьим приказам они могут повиноваться, то вы будете подобно змее о многих головах. И однажды ночью, когда стояла злая стужа, головы решили заползти в нору, чтобы укрыться от мороза. Но когда одна голова просовывалась в нору, другие мешали ей. И так они погибли все до одной. А другая змея, у которой была всего одна голова и длинный хвост, заползла в нору, где нашлось место и для ее хвоста, и для всех ее членов, и они спаслись от лютого холода¹. Смысл этой притчи состоит в том, — продолжал наставления Тимур, — чтобы умный человек учился на чужом примере, и это повествование служило бы ему уроком, ибо Всевышний сказал: «И не преไพрайтесь, а то ослабеете. И уйдет ваша мощь»². Вы согласны с этим решением?

— Клянемся, Повелитель, — дружным хором, все упали на колени.

— Вы будете так же верны моему наследнику — эмиру Мухаммед-Султану.

Тамерлан хоть и малограмотен, а прекрасно понимает силу, память и знание Пера. Поэтому составляется соответствующий документ — протокол, где расписываются все законнорожденные потомки. Этот протокол, как весомое доказательство, подкрепляется к уже заверенному завещанию Великого эмира.

¹ Ата-Мелик Джувейни. История завоевателя мира. Это же есть в «Сокровенном сказании». Данная притча очень древняя, встречается у многих народов в разной интерпретации, одна из них — в баснях Эзопа.

² Коран, VIII, 48.

К сожалению, эти документы, как и многие-многие другие, для истории не сохранились — были утеряны либо просто уничтожены. И вообще, после Тимура мало что в письменном виде осталось. Тем не менее есть один лист, как утверждают исследователи, написанный собственноручно, Пером, и на нем весь Тамерлан, его характер и, наверное, время абсолютного величия, когда он на большом листе во всю ширь, как властелин мира, размашистым, корявым почерком (правая рука больная), царящая, будто в руках не Перо, а меч, написал:

«Моим детям — счастливым завоевателям государств, моим потомкам — великим Повелителям мира».

... Нам кажется, что с помощью Пера мы как-то смогли определить характер нашего героя — некий господин на земле, и на веки. Да почему-то этот хищный эпитаф Тимур вынес как предисловие в своем «Уложении», а наше Перо вывело в самый конец главы. А мы повторно вспомним древнюю мудрость — «презрение к людям — от низости и безобразного характера»¹. Это Тамерлан?

* * *

Во «Всемирной энциклопедии войн» (есть и такая) написано, что битва между турками Баязидом и Тимуром, произошедшая во второй половине июля 1402 года под Анкарой, является самым грандиозным, массовым и судьбоносным событием средневековья, во многом изменившим и определившим дальнейший ход мировой истории.

Безусловно, это так. И, как есть в истории, это событие с разных позиций видится во времени по-разному. Так, для европейцев, которые накануне, в 1396 году, во время последнего крестового похода потерпели сокрушительное поражение под Никополем от Баязида (мы об этом вскользь упоминали), этот поединок был неким реваншем, возмездием, а в целом, можно сказать, избавлением от тюркского, точнее мусульманского проникновения в континентальную Европу.

¹ Абу-Хамид аль-Газали. Наставления правителя. XI в.

В противоположность этому мусульманские хронисты сообщают, что поход Тимура под знаменем Ислама на Анатолию нанес непоправимый удар по основам веры, подорвал развивающиеся силы новой религии и остановил продвижение учения пророка Мухаммеда на север, в Русские степи, и на запад — в Европу.

Тут у нашего Пера некоторое противоречие, а может, нет, ибо доселе мы утверждали, что война — это рост, развитие, прогресс, неизбежные и закономерные издержки единства и борьбы.

Однако вернемся к теме, и все по порядку. А для этого, раз мы дали некий портрет Тимура, то, считаем, было бы разумным показать и облик Баязида.

В отличие от своего противника — Великого эмира, который сам буквально по крупичкам и шаг за шагом, бой за боем, создавал свою державу и вынужден был выдумывать свою «славную» генеалогию, у Баязида многое изначально было. Его прадед Осман I наследовал своему отцу Этругрулу и в 1281 году заложил фундамент будущей Османской империи. Как мы ранее упоминали, Баязид потерял убитым отца, на второй день — старшего брата. И другой наверняка бы дрогнул. А Баязид, наоборот, в самой кризисной ситуации, когда сербы уже готовились праздновать победу, взял в руки себя и остатки армии, пошел в атаку и победил. С тех пор он поражений не знал, покорил значительные территории в Европе, властвовал и на суше, и на море.

У Тамерлана по жизни одна цель — власть и, как ее атрибут, богатство. Но у Тамерлана есть некоторая сдержанность: он величает себя «Великий эмир» (вроде нынешнего премьер-министра) и над ним формально есть хан (как в некоторых современных странах — президент).

Баязид такой сдержанностью не отличается, и скорее всего с его подачи европейцы называют его не иначе как Султан Гром, Баязид Молниеносный, Великолепный и прочее.

Поставив цель, прежде всего военную, и даже самую незначительную, Тамерлан, несмотря ни на что, добился ее, и ни разу не отступил. Баязид в этом отношении вальяжен, несколько снисходителен и менее жесток. Уже много лет, почти полностью окружив столицу древней Византии — Константинополь, он не рвется к решающим действиям, играет в «кошки-мышки», получает от города дань, назначает судей и министров, вплоть до то-

го, что сам император Византии, надеясь куда-то выехать, испрашивает разрешения и коридор у султана Баязида.

У Тимура, если можно так выразиться, была одна слабость — он любил, просто обожал своих близких родственников: сестер, детей, внуков, жен. В честь многих из них он возвел величавые сооружения. Баязид этой слабостью не страдал, напротив, как мы уже знаем, воцарившись на трон, на следующий день казнил своего младшего брата¹.

Правда слабость у него была, как мы уже знаем, Баязид буквально коллекционировал красивых женщин для своего гарема. Зная это, многие государи, дабы задобрить и услужить, преподносили ему красавицу в качестве подарка, и здесь уместно вспомнить, что в качестве оных каких-то семь лет назад был и сам Тимур — Великий эмир.

Помимо женщин Баязид также коллекционировал хорошие вина, и, как свидетельствуют летописцы, в значительной мере их потреблял; и в этом с Тамерланом нет отличия. А продолжая некий сравнительный анализ, отметим, что и Баязид в то же время выступал сторонником мусульманской веры, но без ревностных сцен. Так, его любимая жена, сербка Деснина, так и не изменила свою православную веру и даже совершала многие христианские обряды в присутствии Баязида.

Как и Тамерлан, Баязид хотел сохранить о себе память на века и поэтому, наняв художников, он подолгу позировал. И если Тимур руководствовался изображением реализма, то Баязид мечтал видеть себя вечно молодым, подтянутым, отважным.

Еще из общего — оба покровительствовали богословам, ученым, поэтам, архитекторам. И если Баязид, в отличие от Тамерлана, особых градостроений не оставил, то он сделал не менее значимое — за огромные деньги стал обладателем первого экземпляра Священного Корана. И, что тоже важно, когда ему в руки попала знаменитая Византийская библиотека, он, в отличие от Тамерлана, не только ее сохранил, но и построил новое книгохранилище, тут же новую библиотеку, университет и множество светских и религиозных школ.

¹ Это стало традицией Османской империи, каждый новый султан первым делом умерщвлял своих братьев, дабы не было конкурентов.

В итоге, что бы ни писалось, Баязид и Тимур — легендарные, по-своему выдающиеся исторические личности. Они были примерно одного возраста. И если Баязид в последние годы в крупных кампаниях не участвовал, почивал на лаврах, словно чувствуя, что напоследок, все время праздновал, пировал, оттого потерял форму, набрал вес и так уверовал в свою избранность и сверхъестественность, что под влиянием окружающих льстецов и наперсников уже потерял чувство реальности и, по данным хронистов, есть признаки некоего маразма, и это видно по его письму.

Несколько иначе подошел к этому рубежу Тамерлан. Конечно, этот тоже любит здорово погулять, выпить, и не хочется это упоминать, но в интимном отношении он с годами стал безобразным, не гнушаясь ничем и никем. Вместе с тем все это у Тамерлана на втором плане, а на первом — настоящий поиск, движение, войны, походы, все новые и новые цели. Он жаждет всего, он ненасытен, что-то вечно манит его к захвату. И даже когда нет похода, он лично проводит смотр войск, по-прежнему любит и увлекается охотой, несмотря на ранения и увечья, он вынослив, сухопар, силен. А в умственном отношении он тот же азартный шахматист, что думает о многих делах непосредственно во время игры. И в этом плане Тамерлан переиграл Баязида задолго до начала самого сражения.

Бой с Баязидом под Анкарой был одним из последних в легендарной полководческой биографии Тимура. За свою долгую жизнь он провел не один десяток боев и ни разу не проиграл, разве что в молодости.

Делить сражения на значительные и малозначительные, тем более легкие и тяжелые, — как-то непозволительно, ибо любой бой — это риск. Это не только приобретения, но и потери, когда любая выпущенная стрела может стать роковой. И все же различные сражения сыграли разную роль в судьбе Тимура, и это отразилось в его памяти, в памяти его летописцев.

По всем признакам и оценкам бой с Тохтамышем на Тереке в 1395 году продолжался не один день. Силы были практически равные. И Тамерлану в этом бою, наверное, в последний раз пришлось лично участвовать в схватке, где он был в полушаге от гибели. И узнав, наконец, что противник бежал, Тамерлан упал

нашемь от неудержимого восторга, благодаря судьбу и Небеса. Подтверждение этому — его автобиография, где поединку на Терреке отводится более трех страниц, а сражению с Баязидом — всего абзац: «...Я решил разбудить Баязида от сна беспечности. С этой целью я потребовал воинов от всех городов и орд. Получив их, я вышел из Азербайджана, в месяц раджаб, в 804 году от хиджры¹, чтобы вести войну с Баязидом. Я отрядил различные части моей армии, одну в поход на царство Рума, другие — охранять посты, воду и провиант. Сам я двинулся по дороге на Ангору (Анкара)²; Баязид во главе сорока тысяч воинов, наполовину конных, наполовину пеших, вышел мне навстречу. Завязалось сражение, и я его выиграл. Баязид был побежден, взят в плен и приведен ко мне».

Сразу за этим последний абзац из одного предложения: «После семилетней войны я возвратился победителем в Самарканд»³... Вроде и все. В историческом аспекте, действительно, ничего не случилось. Однако в жизни Тимура произошли значительные события, которые тоже в той или иной мере отразились на историческом процессе. Поэтому, если нам это еще интересно, последуем за нашим Пером. Что Перо нам расскажет? А оно расскажет все по порядку, как оно это видит и представляет.

Великий эмир прав: по данным своей мощной разведки он знал, что Баязид Великолепный, всячески наслаждаясь царственной жизнью, был в праздности и беспечности, когда узнал, что Тамерлан вторгся в его пределы и движется на запад. Баязид, впрочем, как и его противник, презирал, недооценивал Тимура так же, как и последний был уверен, что непременно победит, а посему он двинулся навстречу со своей армией, да при этом взял с собой обоз вина, лучших красавиц, музыкантов, танцоров, в общем, как на праздничный поход.

А в это время уже поступило известие: Тамерлан захватил не только Эрзурум, но вскоре и Сивас, и уже передовые отряды

¹ Апрель-май 1402 года (804 г. хиджры — мусульманского летоисчисления).

² Анкара — столица Турции. Во время Тимура небольшой провинциальный город. Основан в VII в. до н.э.

³ В июле 1404 г.

столкнулись. И тут Тимуриды одержали верх, многих взяли в плен. Это Баязида насторожило, и благо что вокруг него были одаренные визири и, как потом покажет история, достойные сыновья. Это они убедили Баязида занять выгодные позиции под Анкарой, преградив дорогу к столице османов — Бурсе.

По различным данным, силы Баязида насчитывают от 120 до 250 тысяч воинов. Это разношерстная армия, костяк которой составляет пехота янычар¹, приученных к строгой дисциплине и рабской покорности Баязиду, а также приведенные и покорные фракийцы, македонцы, греки, румыны, болгары и прежде всего сербы. С такой армией султан Гром абсолютно был уверен в своей победе: заняв очень выгодную позицию на пути Тимура, он, поджидая противника, пировал (шел непрерывный праздник в лагере османов).

Через своих многочисленных шпионов и доносчиков Тамерлан все знал о сопернике. И, имея в два-три раза больше войск, тем более ударную кавалерию, другой бы сходу стал бы атаковать, но не Великий эмир. Он оценил позиции и знал, что оборонительная пехота в таких условиях выдержит многое. Поэтому, немного поразмыслив, он, как всегда умел, двинул войска через скалистые горы, якобы в обход, и пустил слух о том, что обхитрил Баязида, обошел его и двинул войска прямо к столице, Бурсе, где казна и все остальное.

В такой ситуации Баязиду ничего не оставалось, как ринуться вслед за противником, а его войска — в основном пехота, очень медленно передвигаются. Тамерлан, сделав первый обходной маневр, теперь не спешит: он дал возможность Баязиду себя нагнать, а потом, не вступая в бой, как на подводке, повел его за собой, по кругу. И так получилось, точнее, в этом и состоял полководческий гений Тимура, что, поблуждав по горам девять дней, вновь вернулся под Анкару и занял те же выгодные

¹ Янычары (*тур., букв.: новое войско*). Янычары — некое производное средневековья, они по судьбе и положению сходны с мамлюками Египта, Сирии, Индии. Янычары — турецкая регулярная пехота, созданная в XIV в. Первоначально комплектовалась из пленных юношей, позже — путем насильственного отбора мальчиков из христианского населения Османской империи. Как и мамлюки, янычары пытались захватить власть. Ликвидированы в 1826 г.

позиции и лагерь, где до этого базировался Баязид. При этом Тамерлан, мыслящий всегда нестандартно, за один день, подключив двести тысяч воинов, отвел в другую сторону русло реки, что служила единственным источником воды для города Анкары, и которой мог воспользоваться Баязид. Еще один источник Тамерлан просто отравил (это он, а более его внуки любили делать).

Был конец июля, самый зной, когда усталые войска Баязида вновь оказались под Анкарой, но уже на плохих позициях, и самое страшное — нет воды. В такой ситуации Баязиду следовало бы уйти. Да гордость не позволила, и, главное, теперь Тамерлан не дал бы уйти. У османов один выход — сражаться, и они пошли в бой.

Повторяясь, скажем, что, по мнению исследователей, это сражение было одним из великолепнейших и грандиознейших из всех известных истории, ибо в тот день произошла ошибка миллиона человека. Для Тамерлана это был настоящий военный парад. По примеру своего внука, наследника Мухаммед-Султана, Повелитель каждый тумен (дивизию) разукрасил в разные цвета: белые, зеленые, синие, красные. Над ними такие же знамена, и это под грохот барабанов и труб. Сам Тамерлан тоже в роскошном одеянии, он, находясь на возвышенности, руководит сражением и, заранее предчувствуя исход, пригласил на это зрелище многочисленных гостей и послов. По этому поводу остались документы. Так, венецианский посол Джустиниани писал, что в великой армии Тимура восемьсот тысяч воинов. То же самое отмечает грек Францес, а хронист-иудей Рабби Иоуиф — миллион. Здесь же и оставил сведения Иоанн Султанский. Тут немецкий рыцарь Шлитбергер и француз Маршал Бусико. Двое последних потерпели поражение от Баязида при Никополе и попали в плен, были выкуплены за двести тысяч золотых. И теперь, по некоторым данным, тоже участвовали в бою, в поисках мести и реванша.

Все хронисты сходятся в одном: к обеду янычары — пехота Баязида — сломили центр и стали уверенно атаковать. Да Тимур словно играет в свои стоклеточные шахматы — есть свежие многочисленные резервы, что пошли в атаку по флангам, смяли их. И, как только весы качнулись, первыми дезертировали подкуп-

стью овладели бы таким древним богатством. И чтобы это доказать, а заодно европейцев наказать за предательство, Тамерлан двинул свои войска в сторону уже знакомого нам города Измира (Смирны). В черте этого города, прямо в излучине порта находилась неприступная крепость родосских рыцарей ордена Святого Иоанна. Эту крепость Баязид не смог покорить в течение многих лет (по некоторым данным — двенадцати).

Измир — большой портовый город, где мы, благодаря нашему Перу, уже побывали. И если до этого мы видели Измир глазами рабов, то теперь имеем возможность оценить и взглядом господ. С этой позиции Измир, как город-порт, богат, на пересечении морских и сухопутных караванных путей. Он, конечно, много меньше Тебриза, но и здесь проживает несколько сотен тысяч жителей, причем разных языковых групп и различных вероисповеданий. В этом красивом городе каждая эпоха оставила свой след. От Византии здесь много греков. После Халифата есть арабская община. Также много евреев, армян, ливанцев и торговые кварталы венецианских и генуэзских купцов. Не более других здесь турков-сельджуков, но, как наследникам последней эпохи, им в основном принадлежит местная власть. Перечисленные этнические группы проживают на так называемой открытой территории и фактически представляют город Измир. Наверное, из-за множества языков этот город в политическом отношении нейтральный. Он редко подвергается агрессии, по сему живет вне крепостных стен. Ну а если раз в сто лет такой варвар, как Тамерлан, объявится, то они предпочитают откупиться, принять новую власть, платить те же налоги, жить, нежели воевать.

Другое дело крепость Смирна. Она находится непосредственно на территории открытого города, прямо в гавани, у залива — просто город разросся, ушел вширь и построил свой, новый порт, административный, торговый и культурный центр. А крепость — цитадель рыцарей, здесь автономия, обособленная жизнь. Сами рыцари несколько надменны, живут по своему полувоенному-полумонашескому образу жизни. Они никогда не признавали власть православного Константинополя, тем более мусульман, в том числе и сельджуков. И Баязиду они дали достойный отпор и были этим, да и многим другим неимоверно

горды. Рыцари Смирны, как последний оплот крестоносцев на азиатском континенте, имеют тесный контакт и большую поддержку от всей католической Европы.

В мирное время ворота крепости почти всегда открыты, и горожане, да и сами рыцари свободно перемещаются. Правда, хозяева крепости на остальных жителей Измира смотрят свысока, ведь они рыцари, ведут почти что пуританский образ жизни... Но это не тема нашего повествования. По-нашему, куда интересней и многообразней Тамерлан, который, подойдя к Измиру, был встречен влиятельными людьми с «ключами» в руках и с покорностью.

После небольшого торга город был обложен обременительной данью. При этом, как обычно, Повелитель освободил от подати важных персон, духовных лиц всех вероисповеданий, то есть самых богатых. Понятно, какая тяжесть тогда легла на плечи рабов, которых пригнали в Измир вслед за Шадомой, Малцагом и доктором Сакрелом... Стоп. Мы ведь договорились смотреть на мир глазами господ... Тогда уж глазами Тимура, который мельком оглядел город — он много повидал, стал выбирать себе дворец для ставки, а когда узнал, что и в Измире есть «Сказка Востока», не раздумывая, приказал приготовить заведение для него.

Как ни странно, купца Бочека уже нет, а «Сказка Востока» в Измире еще есть. Сюда ведь только сейчас добрался Тамерлан. А он, как и все богатые люди, любит особую, дурманящую ауру «Сказки Востока». Но теперь здесь будет только один обитатель, он же полный хозяин, с уходом которого и эта «Сказка Востока» придет ли будет больше существовать.

Мы не знаем, с каким настроением вышел Тамерлан пасмурным осенним утром из «Сказки Востока». Впрочем, для истории это не столь важно, а как литераторы скажем, — с боевым. Под резкими порывами морского ветра он со всех сторон внимательно осмотрел всю крепость рыцарей. Это было мощное, грандиозное, с виду неприступное архитектурное сооружение. И на сей раз не было никакой дипломатии, подготовки, подкупа и шпионажа. Здесь, как в один голос утверждают историки, Тимур показал шедевр своего остроумия, отваги, решительности и мощи.

Оглядев крепость, Повелитель понял, что ее ему не окружить — нет кораблей, тогда как защитники явно надеются на помощь со стороны моря. Поэтому он принял решение быстро соорудить гигантский мол из бревен, покрыть их шкурами, отрезать крепость от пролива, то есть полностью окружить.

Защитники крепости хохотали над тем, что затеял Тамерлан. Но этот хохот быстро прекратился, когда они увидели, как двести тысяч воинов, став строителями, днем и ночью трудились, не испугавшись холодной воды. Плотины уже через две недели перекрыла морской проход. Моральный дух защитников крепости был сломлен, а Тамерлан в ход пустил огнеметы, саперов и стал делать подкопы... Когда в бухту пришли корабли помощи с островов Кипр и Родос, катапульты Великого эмира первым залпом пустили отрубленные головы рыцарей.

Надо ли вновь писать об устроенной в Измире Тамерланом резне, о двух «башнях», сложенных из голов, о насилии и пожаре? Наверное, не стоит: и читателю опротивело, и Перо скрипит.

* * *

Мир содрогнулся после Измира!

Великий эмир понимал, что его где-то использовали, потом обманули. Неужели эти дипломаты, послы и всякие шпионы под видом духовенства и купцов думали, что Тимур — это азиатский дикарь, кочевник, который, конечно, грозен, да дурак?

Как умный человек, Тамерлан умел держать себя в руках, когда это надо было. Говорят, мог напустить на себя приступ гнева, мог притворно улыбаться и скалить зубы. Он все мог, он был стратег, режиссер, дипломат, полководец. И только одержимое целеустремленный, порой сомневающийся, вечно трудолюбивый и думающий человек может достичь подлинного величия. Тимур достиг! Но он хотел величия Вселенского, а когда думал, что до этого рукой подать, то его попытались обвести... А он прикинулся дурачком, пригласил к себе послов, купцов и всяких вельмож-проходимцев на праздник в честь победы над османами и, как отмечают летописцы, держал перед ними речь:

— Сам по себе я ничто. Это Ты, Боже, превратил ничтожного принца в самого могущественного владыку в мире... Я думаю,

что такая честь меня ко многому обязывает... Вы знаете, что случилось с султаном Баязидом, который изменил истинной вере, стал перечить мне... Я слышал призыв свыше не останавливаться на моем верном благословленном Богом пути. Поэтому я хочу представить вам моего официального наследника — внука Мухаммед-Султана. Он вам уже известен по ратным делам. Хе-хе, Бурсу и Измир он брал.

Этот пир, точнее церемониал, происходит на тюркский кочевой манер в огромном шатре в открытом поле, на живописном берегу Эгейского моря. И вроде бы условия походные, да все на вышем уровне, роскошь — не описать. И хотя в шатре тепло, да зима, и посему Тимур на троне в дорогих мехах. И, как утверждают историки, будучи для того времени выше среднего роста (170 см), он не любил людей, что были выше него, тем более когда садились даже вровень с ним. А тут наследник, как и он, совсем рядом, уже осваивает власть и мир.

— Так вот, — продолжает Повелитель, и его голос вовсе не груб, а, наоборот, очень слащав, чуть снисходителен, — чтобы исполнить возложенную на меня Всевышним ответственную миссию, я думаю, следует привести к порядку некоторых заздравшихся неверных князьков, которые мнят себя государями... Мир не настолько велик, чтобы иметь двух царей. И если там, — он поднял палец, — один Бог, то и здесь, — опустил, — один царь!.. С этой целью я думаю послать хана, — так он и себя никогда не величает, — Мухаммед-Султана на юг, до Каира. Оттуда на кораблях он отправится в Европу. А я — по знакомым местам, в обход Черного моря. В Грузии и в Крыму меня уже ждут. Хе-хе, все хотят приструнить неверных в Европе... Я думаю, справлюсь не хуже Баязида. А вы как думаете? Хе-хе...

Никто не проронил ни слова. Все опустили головы, понимая намек и угрозу. А Повелитель дал последний шанс:

— Я буду в Анатолии еще месяц... Пейте, угощайтесь! Хе-хе. В Европе так же вкусно готовят? Посмотрим, попробуем и ваше гостеприимство.

Возможно ли было это осуществить, или было дипломатическое запугивание? Судя по прошлым переходам Тимура — вполне возможно. По крайней мере современники Повелителя, а им было гораздо видней, в это поверили.

Теперь мир не только содрогнулся, мир согнулся перед ним.

Император Константинополя Мануэль первым поздравил Тимура, признал себя вассалом и сразу же выплатил огромную дань. То же самое сделали генуэзцы и венецианцы, подняв над своими портами Тимуровский штандарт. Щедрые подарки выслал король Франции Карл VI. Так же поступили английский король Генрих VI и испанский Генрих III Кастильский. Султан мамлюков Фарадж также признал свою зависимость, постарался откупиться огромной данью и в дополнение к этому бросил в темницы всех своих друзей, что нашли у него приют, убежав от Тамерлана.

В общем, заверения в почтении и подчинении поступили отовсюду, даже с малых островов и от морских пиратов. Все, или почти что все искали покровительства, боялись его силы.

Тимур практически добился своего. Конечно, он не стал абсолютным Властелином мира, зато оказался своего рода всемирным арбитром, и вряд ли кто посмел бы перечить ему в любой точке Евразии.

Изменился ли после этого Тимур? По утверждению летописцев, сильно изменился. Оказывается, он к этой цели шел, полз, карабкался, но когда дошел, дал волю своим истинным инстинктам: стал грубым, надменным, недоступным даже для близких, очень жестоким, подозрительным. (Боже, а каким же он до этого был?) И особо удивляться нечему, ибо жажда сверхкапитала — один из главных призывов к войне. И стоит ли вновь говорить о деньгах, как и о пролитой крови? Стоит лишь потому, что Тамерлан в корне изменил упорядочение своей армии. Раньше все воины — братья-кочевники, свободные джигиты, и вся добыча делилась более-менее справедливо, исходя из заслуг. Теперь никаких вольностей. Армия, выражаясь современным языком, профессиональная, вне зависимости от побед и поражений — каждый получает жалование, а на большее рассчитывает в случае щедрости государя. И еще одно важное новшество: раньше армия Тимура — дисциплинированная шайка добровольцев-головорезов. Ныне на территориях, захваченных Тамерланом, введена строгая воинская повинность, а отчего ж еще полумиллионная армия? И если каждый из воинов, как после победы на Тереке и над Золотой Ордой, захочет иметь десять на-

ложниц, двадцать телег и столько же рабов, чтобы это богатство унести домой, то что станет с миром? Золотой Орды и цветущей Ллании на Кавказе более нет. Казна Баязида уплыла. И простые монны на многое рассчитывать не могут. А вот Тамерлан и его окружение основательно разбогатели. Все-таки не бедными оказались анатолийские города, если одного золота и драгоценных камней увозили в Самарканд на двухстах верблюдах и тридцати слонах. Помимо этого везли серебряные ворота Бурсы, украшенные фигурами святых Петра и Павла. А также знаменитую Византийскую библиотеку, которая с тех пор пропала (поиски шли до недавнего времени)...

Анатолийская кампания еще больше упрочила авторитет Тимура. И чтобы картина того времени (а она, в принципе, не меняется) и того миропорядка стала более ясной, обратимся к нашему Перу и приведем несколько примеров.

С падением власти египетских мамлюков над Сирией между городами Хама и Хомс начались земельные споры. Старейшины этих городов за тысячу верст явились к Властелину. А что он знает о Хаме и Хомсе? Но он послушал, подумал, решил — это закон! А вот правитель острова Лесбос взимает высокую плату за проход кораблей через пролив, и пираты разбойничают — жалуются заморские купцы.

В городах Хаме и Хомсе Властелин бывал, грабил, а на островах-то никогда не был. Однако и здесь он призвал правителя и пиратов к порядку, либо... Подействовало строго. Следом гонцы от наместника Багдада — нагрянули бедуины из Аравийской пустыни. И без того разоренный Багдад совсем обнищал, новым оброком обложен. И тут никаких войск посылать не надо: грамота — в Багдаде все мечети, синагоги и храмы бедуинам восстановить и убраться, выслав к нему гонцов с подарками. Так и случилось. Ну а армянских летописцев в пристрастии к Тимуру заподозрить никак нельзя. Но и здесь утверждается — воцарилась жесткая власть, порядок и спокойствие, вместе с этим подати умеренные, и началась торговля, бурный расцвет.

И вроде всюду так, никаких видимых поползновений, везде наместники, вассалы, надсмотрщики или его близкие и родня — дань отовсюду исправно поступает. Вот только в Грузии опять неурядки. И, конечно, Тимур доподлинно знает (свои

люди есть), что грузинский царь Георгий VII ни при чем — он как раз и лоялен. И сами грузины ни при чем. Тамерлан до этого не раз Грузию усмирал, и теперь в его армии два корпуса из грузин, и сами грузины в военачальниках. Это вновь какие-то горцы, что на землях, примыкающих к Большому Кавказскому хребту, никак не уймутся. И что только ни делал с ними Тамерлан: и истреблял, и поджигал, все родники отравил и чуму напустил. А они как-то выжили единицами в своих неприступных горах и теперь расплодились, себе весь Кавказ подчинили, так что царь Грузии и князя Азербайджана и Лезгии у Тимура защиты просят. А у него свободных войск нет (это было до боя с Баязидом), да боясь подвоха в тылу, послал он пять тысяч — погибли, послал десять — погибли, бежали.

После боя под Анкарой эти потери не в счет, и Тимур об этом уже забыл. И тут новая весть: на его обоз с драгоценностями горцы напали, ограбили. А горцами Кавказа руководил не кто иной, как сам Красный Малцаг, над многими населенными пунктами развеивается его красно-белый флаг, и даже в Тебризе кое-кто этот флаг ночью на минарет выставил.

Теперь, считая себя фактически Властелином мира, Тамерлан нескрывая надменен и презирает почти всех, но только не достойных воинов, тех, кто рядом с ним, а тем более того, кто упорно сопротивляется; к тому же это Малцаг, убийца его сына, который противостоит ему уже много лет... Это опасно. Пора этому мерзавцу пасть. Для этого Тамерлан снаряжает на Кавказ особый, испытанный в боях корпус старой гвардии. Он немало думал, кого из потомства поставить во главе. Шахрух за брата готов отомстить, но Тимур знает — этот не справится. Напросился наследник Мухаммед-Султан, он уже грезит самостоятельностью, так и рвется в бой и к славе. Умудренный дед тоже считал, что надо срочно отправить Мухаммед-Султана в Грузию, а сам двинулся в сторону своей ставки в Тебриз, проложив иной, южный маршрут через Тирс — Эгридар — Акшехир — Конья — Аксарай — Кайсери — Сивас.

Обратный путь — путь триумфатора. Тамерлан — любитель пиров, зрелищ — теперь гуляет на славу. Повсюду его встречают местные князьки с богатыми подарками, потом утехы, переходящие в массовые оргии, и далее в путь. Но вот возле живописно-

го озера Эгридир, где и небольшой город с таким же названием, местный правитель не смог сдержать слез, когда Властелину прилягнулись его дети. Тут же правителя казнили. А строптивый сынишка Тамерлана укусил — весь город поголовно, даже скотину, истребили, предали огню. Двинулись дальше.

А что переживать? Они явились воевать, побеждать, истреблять! И с этим они справляются более чем успешно. И надо ликовать — весь мир под пятой. Богатств у Властелина не счесть. А тут и весна 1403 года подоспела. Все цветет, все летает, щебечет, порхает, благоухает. Анатолийское плато пламенеет: маки шествуют! Небо бездонное, чистое, голубое. В горах ключи звенят, реки взбухли, пред Властелином журчат. Ну что не радоваться, что не жить, что не веселиться, раз это только тебе дано!?

Вот и следующее прекрасное озеро под названием Акшехир, здесь тоже город под таким же названием. Здесь уже знают, что красивых детей, тем более самых знатных, надо навстречу Властелину выводить, и притом молиться, мечтать, чтобы ваше чадо прилягнулось.

Однако это однообразие Властелину может наскучить. Посчитает он, что за убогость? И вот свита его изворачивается: как бы угодить? А повод налицо. Приближается день рождения Властелина, весь мир будет праздновать! В Акшехире музыка, всюду флаги Тамерлана, его портреты и его славных детей, особенно Мухаммед-Султана. Ну а свита посуетилась, угодила Тамерлану.

Загодя, пока Властелин еще не прибыл, на молодой, только расцветшей весенней траве стали готовиться к великому празднику победы. По заказу поваров специальные купцы доставили в Анатолию всякие специи и продукты из Китая, Индии, Африки, Руси и Европы. Одних фейерверков целый караван, и для этого приглашена тысяча китайцев. Здесь будет все и отовсюду. И вино лучшее, разнообразное, очень редкое, разноцветное, разновкусное, разнотерпкое, старое и не очень, да из одного погребного погреба — это сказочная коллекция вин самого Баязида. И еще один сюрприз для Властелина. Османские правители и сербский князь Стефан Лазаревич — молодцы: и принца перевезли, и казну, и себя, а вот гарем Баязида, даже родную сестру Деснину позабыли, на радость Тимуридам оставили.

И вот во время пира, как кульминация, весь этот гарем отобранных мировых красавиц, как пишет летопись, — «черноволосые армянки, светловолосые черкешенки, пышнотелые русские женщины и ясноглазые гречанки», — приведены в огромный зал под шатром. Под сладкую музыку эти красавицы должны танцевать, а потом под дикий визг и хохот, свист и пощипывание они раздеваются, и много на них не останется, лишь густой пьяный дым анаши и азиатской ханки кое-как скрывает их угнетенный взгляд. И все бы это в духе времени, как говорится, проникли в чужой гарем, да здесь же, рядом с Тамерланом, как самый почетный гость, восседает султан Баязид. На нем его царственный наряд-добыча — тюрбан с жемчугом, позолоченный расписной халат, а в руке золотой жезл — символ его прежних побед и власти.

— Что ж ты не ешь, не пьешь? — беспокоится Тамерлан. — А ты, старик, оказывается, не дурак — и вино редкое, и бабы сочные... За моего гостя султана!.. Пейте, пейте до дна! Ура!

— Ура-а-а!!! — содрогается шатер.

Как отмечают летописцы, султан Баязид ни к чему не прикасался, сидел горделиво, сурово, молчал.

— А хочешь свою красавицу Деснину? — то ли в шутку, то ли всерьез предлагает хозяин. — Подведите ее сюда... Ах, хороша! Ты глаза-то не опускай. Подыми, раскрой, любуйся... Раскрой глаза, — нет, он не угрожает, он будто просит. — Ну, приголубь Деснину. Только здесь.

Баязид молчит, словно оцепенел.

— Ну, давай, попробуй. Ты ведь соскучился по возлюбленной?! Что, не можешь?

— Властелин! — теперь только так зовут Тимура. — А можно я попробую ее? — выпирает грудь пьяный молодой командир.

— Спроси у мужа, — серьезен Тамерлан.

— А потом я-я-я! — стали орать все.

— Тихо! — рыкнул Тамерлан. — Слушаем, что муж скажет. Ну, так можно молодцу, раз ты не хочешь?

И тогда султан не дрогнул, лишь слеза скатилась из воспаленных, красных глаз.

— Ха-ха-ха! — хохот с хрипотцой. — Молчание — знак согласия. Приступай!.. А вы в очередь, в очередь!

Тучное тело Баязида затряслось, он тяжело встал, пытаясь уйти, его вернули, усадили. Не в силах вынести этого, он вновь молчаливо встал. Из его носа и рта уже потекла кровь с обильной слюной.

— Отведите его, — сжалился Властелин.

Этот содом¹ продолжался несколько суток, по окончании которых Властелину доложили — Баязид умер. Как пишут летописцы и даже некоторые современные авторы, тут Тимур «высказал подлинное рыцарство и врожденное великодушие» — отдал принцу Мусе тело отца и послал траурное сопровождение до самой Бурсы.

Говорят, что смерть Баязида, случившаяся в середине марта, опечалила Тимура. Отчего же? И вряд ли это так, ибо Властелин как ни в чем не бывало продолжил свой поход. И можно было двигаться напрямик, да он сделал небольшой крюк, дабы посетить город Конью — там приготовили ему положенную громадную дань и, как обычно, царский шатер в чистом поле, где после перехода должен состояться грандиозный той. Да вдруг Тамерлану доложили, что здесь есть «Сказка Востока». По его велению центральный фонтан заполнили слегка подогретым ароматным белым вином. После этих винных процедур Властелин ночью очень плохо спал: он увидел плохой сон, и, приказав сжечь «Сказку Востока» со всеми ее слугами, уже покинул город и был в пути, когда навстречу прибыл срочный гонец... Властелин ему не поверил, точнее, не захотел верить, и дабы не слышать еще раз, выхватил кинжал, но силы покинули, «он упал, рвал на себе волосы и одежды, катался по земле, стонал и кричал»...

* * *

Память или Перо? Почему-то именно этот вопрос, как пролог, случайно возник перед написанием данной главы. И, может, багаж лет небольшой, да и не малый — это кто как посмотрит, и все же, кажется, многое повидал, по крайней мере, две войны пережил и кое-что пытаюсь писать. Поэтому пишу, что память

¹ Содом и Гоморра — города древней Палестины, которые, по библейской легенде были уничтожены землетрясением и огненным дождем за грехи жителей.

(по словарю) — это способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. Неужели этот так? По своему опыту отвечу — отчасти.

Так, если окончанием второй чеченской войны считать день проведения референдума (23 марта 2003 года), то прошло ровно ничего — четыре года, и я уже многое не помню, даже не хочу вспоминать: мне больно. А вот открыл дневник тех лет и ужаснулся. Неужели это было? И как я такое пережил? Не дай Бог еще. И дело не в бомбежках и обстрелах, не в убийствах и насилии. А в том, что не понять — кто против кого? Кто за кого? И что в итоге получилось? Кто проиграл? Кто выиграл? Кто пострадал? Вот на этот вопрос могу ответить — пострадали простые люди. А в остальном, в принципе, ничего не изменилось — у власти практически те же лица, просто разрушений много, надгробий тоже... А память? А память многое хочет забыть, и из-за некой воспитанности вынужден всем, я подчеркиваю — всем, деликатно улыбаться. Так это к лучшему. Нам предписано всем все прощать, но не забывать. И в этом вопросе нельзя на добрую человеческую память полагаться. Тем более что в других, особенно официальных источниках, эти события описываются по-разному, чаще совсем наоборот. И ничего тут удивительного нет: у каждого своя правда, своя точка отсчета и ось координат. И если один высокообразованный человек видит эти события на экране компьютерного навигатора бомбардировщика словно игру, то другой, менее образованный, спрятав за спиной детей, глядит из подвала — неужто попадет? Это назовут столкновением цивилизаций. И кто тут варвар, а кто современный человек? И если с варваром вроде все понятно, то что значит «современный человек»? А может, древние были искренней и менее лицемерны, просто поделив мир — господин и раб?

А что сказать про описываемое нами время — XIV век. Вроде у кавказских горцев письменности не было. Приходится оперировать памятью, то есть устным народным творчеством — это илли¹, легенды, предания. А что там правда, а что вымысел? И что сохранилось за истекшие века? Да и не научный это подход, ссылку на свой первоисточник не сделаешь, а чужой — ин-

¹ Илли (чеч.) — героико-эпический эпос.

интересно, откуда у него точка отсчета? А, впрочем, кому какое дело? Побеждает сильнейший и деятельный. Такова жизнь и нечто «на зеркало пенять». Так что действовать приходится в рамках того, что в незначительной степени сохранилось, и то не сами первоисточники, а мифы в виде мемуаров, и то в переводе с одного языка на другой, и третий, где без редакции, сомнения и компиляции не обходится. И вспоминается «Гомер — великий мастер искусства рассказывать правдоподобные небылицы»¹. На роль великих данный текст не претендует, да что-либо подобное, «небылица», могут про него сказать. Быть может, суть и в этом есть. Хотя заметим сразу — водим мы Пером не по заказу, не со злым умыслом, а вопреки. И нет обид или мести-покаяния, но есть желание — видеть прошлый мир с высот Кавказа, во имя будущего и маршо².

Тут «не почему-то», а согласно теме нашего повествования приходит на память судьба замечательного средневекового художника Абу аль-Хайи, которого Тимур перевез из Багдада в Самарканд, обласкал, дал все привилегии, громадную пенсию, назначив главным живописцем своего двора. Так, этот художник написал с десятков портретов Повелителя, фрагменты различных сцен, которые были оценены. Однако перед тем как умереть, этот художник собственноручно истребил плоды своего труда. Сразу возник вопрос: может, назло Тимуру? Скорее от стыда за свои картины, ибо художник, получающий от двора и узурпатора пенсию и почет, желая покровителю угодить, выродился в льстеца и лицемера — это отразилось в его картинах, и он не захотел оставить после себя этот позорный след.

«К чему такое отступление?» — резонно бы спросить у Пера. И оно, наверное, ответит: «рука, держащая Перо, должна быть свободной». Следом, на счастье, попала в руки «чудная вещь — хорошая книга!» В ней написано: «приучи себя писать, а не без разбору читать, пусть станет это системой»³.

В этой же книге написано: «Имперская армия не в силах нанести варварам сокрушительный удар, варварские отряды очень

¹ Аристотель. Поэтика.

² Маршо (чеч.) — свобода.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории.

мобильны, практически неуловимы. Это особенно характерно для варваров-кочевников. Номадические¹ племена легко снимаются со стоянок перед лицом приближающейся армии врага. Однако в некоторой мере это справедливо и для оседлых варварских обществ, потому что ресурсы их скромной жизни легко и быстро восстанавливаются даже в случае их полного уничтожения. Большой урон от войны всегда несет цивилизованная сторона: победа ее пиррова, ибо она истощает ресурсы победителя, тогда как поражение варваров никогда не бывает окончательным в силу высоких рекреационных способностей примитивной экономики варварского общества. Тактика партизанской войны вполне оправдывает себя даже в современных войнах. Хотя нынешние партизаны — далеко не варвары, они очень искусно пользуются именно этими методами ведения войны, демонстрируя их явные преимущества в борьбе против врага, технически лучше оснащенного».

Скорее всего, здесь возник еще один вопрос: к чему этот опус? А это тоже в какой-то мере относится к нашей теме.

Когда Тимур впервые явился на Северный Кавказ, то это было нашествие варваров-кочевников на устоявшиеся государства: Грузию, Аланию, Золотую Орду и еще небольшие этнические княжества. От мощной Золотой Орды осталась жалкая тень, и она, как мы уже знаем из истории, приговорена. Алания, ее жители, а значит и города, практически полностью истреблены, в довершение — привнесенная зараза. Та же участь постигла и мелкие княжества.

В то же самое время за весьма короткий период времени, благодаря сверходаренности и одержимости Тимура, а точнее и научнее — бурного развития среднеазиатских народов и племен, последовавших от монгольского «взрыва» пассионарности, на огромных азиатских пространствах возникла новая держава, по всем признакам новая цивилизация. И почти все могущественные государи мира признали империю и ее Властелина.

Со времени начала нашего повествования карта мира претерпела значительные изменения. Безусловно, до нашествия Тамерлана Кавказ — цветущий, благодатный край. Некое доказа-

¹ Номады (греч.) — кочующие племена, народы; кочевники.

тельство тому — две мощнейшие армии того времени, а это более полумиллиона войск, сотни тысяч вспомогательных служб, более миллиона лошадей и тягловой силы содержались за счет ресурса данного края — Северного Кавказа. Что произошло далее, мы уже знаем. И теперь, спустя какой-то десяток лет Северный Кавказ, да, пожалуй, и весь Кавказ являются периферией, где обитают варвары-горцы. Они не подчиняются грузинскому царю, и никому они не подчиняются. А тут среди них объявился вождь, уже известный воин Красный Малцаг. Горцы вокруг него консолидировались и диким образом стали наносить по пограничным территориям Тимуридовой державы дерзкие, осязаемые удары. Дело дошло до того, что горцы посмели напасть на караван с добром Тамерлана. Следом стали угрожать многим вассалам Властелина, требуя с них дань. Правители Грузии, Армении, Азербайджана обескровлены. Будучи данниками Тимура, они бессильны, и ныне сами просят Властелина прислать войска для усмирения и уничтожения горцев. На эту роль, как мы уже знаем, напрашивается наследник Мухаммед-Султан, и это не только оттого, что руки чешутся: ему в деле надо доказать свою состоятельность, заложить имя на перспективу..

Здесь, раз уж мы начали эту главу с пролога «память или Перо?», считаем уместным обратиться к обоим этим дарам, ниспосланным человечеству, дабы кое-что для себя прояснить... Великий хан Мухаммед-Султан (так его стали величать после принятия завещания) — сугубо историческая личность (как и многие остальные). Вслед за одним авторитетным историком многие утверждают, что на момент сражения с Баязидом ему было девятнадцать-двадцать лет. Это неверно хотя бы по одному — его отец Джехангир умер в 1375 году. После Мухаммед-Султана от одной и той же жены — Хан-заде — родился еще один сын Пир-Мухаммед. Значит, по простой арифметике, Мухаммед-Султану около тридцати лет (это подтверждают и останки скелета).

Тамерлан не любил тех, кто был ростом выше него, низких тоже презирал. А вот внуков, что были выше него, он очень любил, боготворил. Как и дед, Мухаммед-Султан был ширококостным, крепким, выносливым. Мудрый Тамерлан был достаточно прозорлив, чтобы разглядеть в нем нечто такое, чего не имели остальные внуки. По своим действиям он был гораздо циничнее

и деспотичнее деда. И если дед любил применять как военную хитрость, коварство шпионажа, подкупа и дипломатию, то Мухаммед-Султан на эту тактику сил и времени не расходовал, его излюбленный прием — отравить врага, отравить все и всех. В его арсенале не только меч и лук, а всегда различные яды, и он управляет ими источники, которые поят осажденные города, управляет заразой продукты, которые повезут купцы во вражеский стан. Вокруг него всегда всякие шаманы и колдуны, а вместе с ними змеи, грызуны и птицы. При этом все в хрониках восхваляют его... Интересно, с какой точки отсчета они оценивали Мухаммед-Султана — из глазниц рыцарского шлема (пикирующего бомбардировщика) или из жалкой лачуги (тот же подвал).

Тимур и его окружение тщательно скрывали обстоятельства гибели Мухаммед-Султана. По версии летописцев Тимура, он умер от ран, полученных при сражении с Баязидом. При этом — после этого он руководит взятием и разграблением Бурсы. И еще упоминаются города, которые Мухаммед-Султан при помощи отравы источников истреблял. По другой версии, он умер внезапно от какой-то болезни (может, сам отравился). Однако достоверней научный подход. Весной-летом 1944 года советские исследователи проводили раскопки в Мавзолее Гур-Эмире в Самарканде, где помимо Тамерлана покоились и другие члены его семьи, в том числе и Мухаммед-Султан и духовный наставник семьи Саид Бараги. Полный отчет этих исследований не опубликован, а может, автор плохо искал. Да по некоторым данным, Мухаммед-Султан погиб от раны в грудь, так что пробиты ребра. И есть предположение, что голова была отделена от тела.

Если честно, эти данные не совсем интересны, и не уместно нашему Перу, мы словно смакуем. Да пролог главы «память и Перо» кое-чему обязывает, и мы теперь считаем возможным перейти к еще одному нашему герою — Малцагу, точнее, Красному Малцагу.

Уже зная название изложения, можно подумать, что Красный Малцаг — некий мифический герой. Безусловно, в большей степени это так. И здесь, вновь вернувшись к прологу данной главы, скажем, что хотя по всему тексту и с научной точки зрения приоритет всегда отдается Перу, то есть следу, оставленному Пером. Однако и память, как человеческую данность, надо ува-

жать. А память народа — это эпос. И, как известно, в памяти народа, который до последнего времени не имеет своей письменности¹, лучше сохраняется устное народное творчество и есть илли — героико-поэтическая баллада под названием «Семь голов Тимура-Хромца и витязь Красный (Огненный) Малцаг».

По этому преданию, явился на цветущий Кавказ варвар Тимур-Хромец из далеких песчаных пустынь, а с ним воинство многочисленное, как саранча. Объединившись, могли бы горцы противостоять Хромцу. Однако горцы Кавказа разъединены горами и ущельями. У них разные обычаи, а главное — языки, они не слышат друг друга, и если слышат — не понимают. Каждое племя поодиночке решало спастись в своих высоких горах, куда нелегко добраться. А у вождя племени нах был грех, от него незаконнорожденный сын, который показал тропинку в горы. По этой тропинке воинство не пройдет, всего один человек — это Тимур-Хромец. Вышел ему навстречу сам вождь нахов, а Тимур-Хромец превратился в дракона, съел он вождя, уполз. Понравилось. Вновь и вновь являлся Хромец; старшего сына съел, потом мать, дочь и даже сына-предателя. Когда Хромец явился в шестой раз, то навстречу ему вышел самый младший сын — Малцаг. Увидел Хромец, что Малцаг, как и он, рыжий. Понравился ему мальчик, не стал он его есть, с собой забрал, думал приучить. Однако Малцаг, когда вырос, окреп, не забыл своей родины, языка. Отомстил он Хромцу, вернулся на Кавказ и стал мирно жить со своей семьей. Да на этом миф не закончился. На седьмой раз (кстати, именно столько раз нападали Тимур и его внук на Кавказ) явился на Кавказ наследник Хромца, молодой, сильный, еще более жестокий. Стал он истреблять остатки горцев. И тогда горцы пришли к Малцагу, попросили его о помощи...

По жанру мифа, когда является злодей, то ему обязательно должен противостоять народный герой... Тут хочется вернуться к тексту нашего основного повествования и еще раз напомнить,

---

¹ Согласно исследованиям, у нахов, как горцев Кавказа, была письменность, базирующаяся на грузинском алфавите, но после нашествия Тамерлана на грани вымирания оказался народ, его культура, в первую очередь письменность.

что с позиций империи Тимура и по жалобам кавказских правителей, как раз Малцаг с их точки зрения выступает как злодей, нападает на караваны, обложил данью города, и на борьбу с этим варваром был послан Мухаммед-Султан. Последнее уже не мифология, а вроде бы исторический факт. И ради справедливости уместно отметить, что Красный Малцаг, несмотря на всю мифологичность, тоже, вероятнее всего, исторический персонаж. Ибо по данным историков есть о нем упоминание, как «белокожий рыжий горец, над ним такой же неувядающий огненно-белый стяг». Словом, в сказке ложь, да в ней намек. А мы постараемся превратить эту сказку в некую быль. Поэтому последуем призыву — писать, и последуем за нашим Пером, то есть вернемся к нашему повествованию... А там Малцаг, которого в Бейруте тяжело ранил нанятый мамлюкским султаном убийца.

Остальное нам до сих пор неизвестно. Вместе с тем знаем, что с Малцагом его воины-земляки — мамлюки. Они, а более прибывший по зову доктор Сакрел спасли Малцага от смерти. А когда кавказец несколько окреп, встал вопрос о смене места, ибо у Малцага много влиятельных врагов.

Первая мысль — пойти в Тебриз (там семья) и далее, на родину, до Главного Кавказского хребта, где теперь вроде бы безопасно. Однако путь до Тебриза и сам Тебриз наводнен Тимуридами. Внешность Малцага броская — опасно. И тогда решили воспользоваться морским путем, через проливы Дарданеллы и Босфор, прямо до Грузии, благо и корабль у Малцага есть.

Вначале, дабы пополнить запасы воды и провизии, остановились на Кипре, потом остров Родос, и собирались отдохнуть на острове Лесбос. Да в Эгейском море, кишашем пиратами, они, словно купеческий корабль, подверглись нападению. У Малцага на корабле воины, да и опыт боев, в том числе и морских. Они не только выстояли, потопили нападавших, правда, и их корабль получил повреждение, вряд ли выдержал бы приличный шторм. Поэтому, а может, по памяти прошлых событий своего рабства, Малцаг направил корабль в Измир, а там, понятное дело, первым делом направился в «Сказку Востока» к главному конюху.

Ожидая ремонта корабля, Малцаг некоторое время наслаждался райской жизнью «Сказки Востока», как подоспела весточ-

ки от владельца: купец Бочек находится на одном из своих островов, недалече в Эгейском море, просит Малцага к нему прибыть.

Купец Бочек — исторический персонаж. Один из известнейших богатых и влиятельных людей своего времени. Точно не зная, с помощью Пера мы можем только предполагать, как этот человек, бывший раб, сумел стать столь могущественным. Вероятно, он по-деловому использовал изъятия и всякие конфликты исторического периода. Как богатый человек, Бочек был близок со многими правителями, пользовался их поддержкой, и сам, где мог, оказывал услуги, соблюдая некий видимый нейтралитет. Однако хлынувшая на запад новая волна тюрко-монголов помешала баланс сил, резко перекроила карту мира и интересы. В такой ситуации воинственные правители первым делом позарились на немилитаризованную империю Бочека, дабы завладеть его богатством. Первым заманил его в темницу султан мамлюков Египта. Тогда Бочека высвободил Малцаг. Теперь и у Тимура аппетиты разрослись, он не довольствуется данью Бочека, хочет все разом, тем более что купец также щедро финансирует и врагов Повелителя, а последний теперь считает, что он один правитель на земле, империя одна, тоже только его.

Бочек от всех спрятался на своем острове, думая, что там его не достанет конница Тамерлана. А когда на острове объявился Красный Малцаг, Бочек воспрянул духом — у них общий враг, есть деньги, можно нанять армию, можно примкнуть даже к Базиду. Однако Бочек силен в финансовых хитросплетениях и операциях, но никак не в военно-дипломатических. Он просто переоценил свои возможности и не знал силу и коварство Тамерлана. Бочека выдали и даже предоставили корабли для атаки острова.

Мы уже знаем, что Бочек, как и Малцаг, мог бы спастись, но его невероятная тучность и грузность стали помехой. А кавказец бежал. И не потому, что уже привык от Тимура бежать. Он просто знает, что в неравной схватке благоразумней отступить и подождать более благоприятного случая. К тому же только рабы — мамлюки и янычары, в основном кастраты, — стоят до последнего в бою. У них нет семей, детей. А у Малцага семья, которую он должен защищать, кормить, растить.

До появления огнестрельного оружия главным качеством воина была храбрость, потом, как и во все времена, смекалка, сила и умение владеть оружием... Дабы застать Бочека и Малцага врасплох, на остров напали посреди ночи. Этой же ночью воспользовался и Малцаг. Под наугад выпущенным градом стрел нырнул он в прохладное, зияющее темнотой море, далеко от берега всплыл. Доплыть до другого острова он не смог бы, а вот спастись надо. На фоне лунного неба он увидел силуэт одного из прибывших кораблей. Туда он быстро поплыл, зная, что сейчас на борту всего два-три человека охраны да много прикованных рабов-гребцов, что, получив передышку, сразу же заснули.

На борту и впрямь было всего два воина, которые в наступившей дреме, находясь на носу, пытались разузнать в ночи, что на острове творят их соратники. С этой охраной Малцаг быстро и бесшумно разобрался, а гребцом-рабом сам был: под свист кнута удалился корабль от берега. Мореходной практики и неких навигационных навыков оказалось достаточно, чтобы Малцаг смог направить корабль на север.

Находясь в Мраморном море, у него еще был соблазн пристать к Анатолийскому берегу и влиться в ряды армии османа Баязида, лишь бы воевать против Тамерлана. Вместе с тем был и мамлюкский опыт. Неизвестно, где была семья. Под покровом ночи он сумел проскочить пролив Босфор и через несколько дней, примерно в то же время, когда в Тебризе казнили купца Бочека и доктора Сакрела, Малцаг пристал к черноморскому берегу Грузии. Здесь Малцаг был приятно удивлен, о его сирийско-египетских подвигах и поражениях в Грузии и Абхазии было известно, и его встречали как почетного гостя, даже героя. В то же время сам Малцаг, наверное, впервые в жизни не знал, что ему дальше делать, куда направиться, где семья? Зная, что в порты быстро стекается информация, он, словно чего-то ожидая, находился еще некоторое время у Черного моря. И тут первая черная весть — в Тебризе казнены Бочек и Сакрел. Следом Тамерлан разгромил и пленил Баязида. Под его покровом почти весь мир. После этого Малцаг был буквально сломлен морально и психологически.

Он понял, что Тимура ему, и никому более никогда не одолеть. Это был своеобразный приговор, казалось, жизнь закончи-

лась, оборвалась, и более цели и надежды нет. Однако в жизни не все так безнадежно: за ночью всегда наступает рассвет; люди Бочка выискали Малцага здесь и передали: из Тебриза семья Малцага — Седа и уже два ребенка, а с ними племянник Бочка и сын Сакрела бежали до Главного Кавказского хребта, на родину Малцага в верховья реки Алазани и Аргун.

Слух о семье пробудил у Малцага житейскую струнку. Довольно выгодно он продал корабль с гребцами и спешно двинулся на восток. Здесь, в Грузии, он был в последний раз лет десять назад, когда Тамерлан при помощи коварства расправился с эмиром Тамарзо. Картина печальная: поселения полупусты, и в них в основном доживают свой век старики. Храмы разбиты, всюду следы погромов и пожарищ, дороги безлюдны, а когда появляется тюркский разъезд, все разбегаются. И не видно главного — цветущих садов, виноградников. Правда, в Тбилиси и прилегающих городах жизненный пульс ощущается, здесь многолюдно, бойко, торговля есть, есть и строительство. Вот только люд, по мнению Малцага, резко изменился. И не то, что он никого теперь не знает, и его здесь не знают — это, пожалуй, к лучшему, просто облик людей явно изменился, больше людей смуглых, восточных, с характерным разрезом глаз, ростом и даже походкой. И не слышны в Тбилиси прежние, подобные бесконечному эху в горах мужские хоровые напевы, нет прежних улыбок, приветливости, беззаботности. Все, прежде всего и пришлые, угрюмы, нахмурены, молчаливы. И тем не менее в Тбилиси порыв жизни чувствуется. А двинулся Малцаг от столицы на север вдоль Картлийского хребта, в сторону Алазани, в Тушетию, там картина жизни совсем удручающая, да все равно счастья много, нашел он свою семью. Однако в рамках того времени и соответствующего изложения нашего Пера не до сентиментальности. А что касается героя Малцага, то он руководил и заботился о десятках тысяч человек, а тут всего пятеро, но это дети, семья — душа болит. Он понимает, что стоит наместникам Тамерлана прознать — Красный Малцаг здесь, дабы выслужиться, его продадут. А он здесь, в двухдневном переходе от Тбилиси, обременен семьей, малолетними детьми.

Наверное, даже будучи в рабстве, но не рабом, Малцаг не ощущал себя таким беспомощным, жалким и уязвимым. Необ-

ходимо что-то предпринять, семью обезопасить. Пока здесь еще хозяйничают ставленники Тамерлана, его детям жизни не будет. После мучительных раздумий он, по его мнению, принял единственно правильное решение — перевести семью за Главный Кавказский хребет, на север, туда после протравы Тамерлана никто и глаз не кажет, вроде там никто и не живет. А Малцаг решился за перевал пойти, ведь там страна Алания, там его родня, там он женился, сражался и попал в плен.

Пока еще лето и открыты перевалы, Малцаг двинулся в путь. Он не стал идти до Шатили и Аргунского ущелья, а пошел напрямик из Тушетии на перевал Юкериги, мимо вершины Нархиях; по скалистому ущелью вдоль говорливой горной речушки Тюалай он к вечеру дошел до развалин крепости Корхой, где его пленил Тамерлан.

Все эти годы Малцагу не раз снился ужас его пленения, и каждый раз испытывал страх. И почему-то сюда его все эти годы влекло, словно попав на это место вновь, он смог бы как-то изменить свою судьбу, по-иному жить. Теперь он видел здесь еще не совсем сгнившие лестницы, следы давней осады, обломанные копья, стрелы и сброшенные в пропасть человеческие кости. Ему стало плохо, стыдно, жалко самого себя. Ведь годы назад, когда он почти что в одиночку противостоял армаде Тамерлана, даже отступая и попав в плен, он не терял духа и на все смотрел бесшабашно, дерзко, даже снисходительно-презренно, свысока. А теперь страх за детей, да и он привык, просто обучен от Тамерлана бежать! Думал он, что здесь на Кавказе он ничего не будет бояться, что теперь будет спокойно жить. И спешил он до темна к этой своей последней крепости, чтобы здесь переночевать. Но здесь такое Тамерланом наворочено, страшно, какое-то безмолвие, давящая тишина, даже солнце спешит за перевал, в горах сумерки быстро сгущаются, и никакого признака жизни, лишь хрустальный родничок слух манит. Этот источник Малцаг вспомнил. В нем очень вкусная и приятная вода, так что вся живность к нему приходила. А теперь тропинка к водопою заросла толстым, пухлым слоем лишайника, и только пара свежих следов от копыт. Только хотел Малцаг зачерпнуть воду руками, как вздрогнул от родного человеческого голоса:

— Эй, молодой витязь, эту воду не пей.

Малцаг резко обернулся. Старик, совсем обветшалый, с длинной белой бородой. На нем грубый, выцветший бешмет, протертый до дыр на локтях, жалкие сапоги. Лишь светлые глаза и кинжал на поясе блестят.

— Похоже, ты меня понял, — старик двинулся вперед. — Марша воҟила¹, — они по-горски обнялись. — Давно здесь людей нет. А по тому, как ты все осматриваешь, вижу, бывал ты ранее здесь.

— А почему из родника пить нельзя?

— О, был здесь Тимур-Хромец. Тысячами людей истреблял, а смерть своего сына пережить не смог, люто мстил. Не только людей, но и всю природу отравил, все реки, все родники.

— А как вы живете, какую воду пьете?

— Вначале пили только из-под ледников, а теперь понемногу ирирода очищается, спускается с гор, и мы за ней... Вот, видишь, копыта серны. Откуда-то пришла, попила из родника. Если еще пару раз придет, то и мы сможем им пользоваться.

— А много вас здесь?

— Беда! Единицы. Большинство Хромец истребил, а потом сюда мор напустил, всю воду протравил. А ты, — старик еще раз, уже более внимательно осмотрел пришельца, — хоть и не положено в горах первые три дня гостя об этом спрашивать, да время такое — по каким-таким делам и откуда?

— Э-э, — замялся молодой человек.

— Можешь пока не отвечать, — помог ему старик, — тем более что, вижу, ты явился с добром. Горная серна пришла, из этого родника воды попила... Хорошо! Ты, молодой витязь, объявился — очень хорошо! Значит жизнь возвращается. А ведь это место святое! Легендарное! Здесь, вот в этой крепости, наш гордый сын Красный Малцаг почти в одиночку противостоял варварскому полчищу. Сотни-тысячи супостатов он здесь уложил.

— Эй, — усмехаясь, перебил гость. — А не преувеличиваешь ли ты, старик?

— О чем ты говоришь? Я лично сюда пришел после того, как Малцаг попал в плен, и видел все своими глазами, — он посмо-

¹ Марша воҟила (чеч.) — приходи свободным.

трел по сторонам. — Смеркается. Нам надо обратно, в горы, там мое жилище, а то ночью тяжело будет идти.

— Так разве еще выше можно жить? — удивился Малцаг.

— Как увидишь — живем. А ниже — до сих пор воду пить нельзя было.

Несмотря на ветхий вид, старичок оказался выносливым, приспособленным к горам, так что Малцаг еле за ним поспевал, а тот все шел и говорил:

— Я еще днем, у перевала тебя заметил. Думаю, что за странный гость в наши края, и за тобой... А ты что, не знал, что здесь все отравлено?

— Так, кое-что слышал. Но такого не представлял.

— Да-а, никто не представлял. Вначале сам Хромец кого мог, истребил, своих собак оставил, ушел. И тогда здесь еще много было народу. А потом, по-моему, через год после ухода Тамерлана здесь появились странные люди под охраной, с повязками на лицах. Вот они-то и прошлись по горам, все источники, реки, озера — все отравили. Люди и животные — с самых гор до равнины — все полегли. На эту пададь слетелись и приползли все паразиты. А с ними мор... Как с низин подует ветер, такая вонь, даже зимой. Так было пару лет — все вымерло, из живности ничего в низине не осталось. А если кто и рисковал спуститься — уже не возвращался. Вот год-два, как мир и природа понемногу приходят в себя. И ты — добрый вестник.

— Я хочу пить! — не сдержался пришелец.

— Вот, вот валун — нижняя граница, за которой все можно пить. Наблюдая за дикими животными, которые только два-три года назад сюда откуда-то пришли, мы спускаемся каждый год все ниже... Вот река, пей на здоровье.

Пока пришелец пил, а потом умывался, старик всем радостно делился:

— В этом году уже появились хищники: орлы, волки, даже летучие мыши и медведи — значит пища и питье есть, и мы к зиме немного спустимся. А то на вершинах зима лютая, ветер, дров не напасть, все на спине таскаем.

Было уже темно, когда они добрались до какого-то каменного строения, прикрепленного к горе. Такой убогости Малцаг никогда не видел. И если старик, видно, еще ходит по миру, быва-

ет, по возможности, и в Тушетии, то остальные, а это три семьи, совсем одичалые, забитые и не говорливые от суровости здешней жизни. Вместо стола и лежанки — плохо выделанные шкуры животных, от которых запах, напоминающий Малцагу адский труд по выделке шкур в Измире. Да и там быт был гораздо лучше. А здесь нищета, правда, в честь гостя зарезали дорогого барашка. И пока еда готовится, все сидят вокруг очага, что в середине лачуги.

— Этот огонь не должен погаснуть: мать — хранительница очага, тепла и уюта, — объясняет старик. — Иначе — конец. От сырости даже огниво еле искрится. Прошлой зимой такой ураган был, что всюду ветер, снег. Огонь задуло. Еле выжили. Соседи из-за перевала спасли. А так все летом, из-за перевала, из Тушетии. Вот и барашек оттуда привели.

— А корову как? — Тут же за перегородкой хлев.

— А корову привели через Аргунское ущелье... Очень тяжело было, от жажды к каждому водоему бросалась, еле удержал. Привел! — горд за себя старик.

— А почему не ушли, не переждали этот мор на чужбине? — поинтересовался гость.

— Многие ушли, — горестно ответил старик. — Но я уйти не мог. Это моя и твоя родина. А родина — это не кусок огороженной земли. Это люди, живущие на родине и поддерживающие огонь в этом очаге. И пока этот очаг горит, он согревает душу каждого горца, где бы он ни был. Потухнет очаг — не станет родины, охладят души, останется только плоть, которая будет следовать только за животом с целью удовлетворения лишь своих низменных желаний...

— Для гостя постелили лучшее, что было. Малцаг очень устал, хотел спать, но в последний момент не удержался, спросил:

— Скажи, старец, вот этот Малцаг, не причинил ли он со своей излишней прытью много бед своему народу?

— Ты о чем, сынок?! Не Малцаг привел сюда Тимура-Хромца, а он напал на нас. И если бы было единство, и не было бы продажных ублюдков, нас бы не одолели... А Малцаг — гордость! И пока народ способен возвращать таких сыновей, этот народ будет!

— Что-то народу-то маловато — хоть вой, хоть свищи, — горечь в голосе Малцага.

— Ничего, ничего, оживем... Мы Хромцу своих дочек, жен и коней в подарок не возили. Не кланялись как другие.

— Зато полегли.

— Ну, я думаю, тебе лучше знать, — а там, где был Хромец, всюду погибель. Так лучше стоя встретить смерть, чем прогибая стан... Ты спи, сынок. На родине ведь сладко спится.

Действительно, Малцаг, как зарыл глаза, словно провалился, и, наверное, долго бы спал, да его растормошил старик.

— Малцаг, Малцаг, вставай.

— Что случилось? — вскочил встревожено гость.

— С тобой радость пришла! — улыбается хозяин, обнажая беззубый рот. — К твоему роднику сегодня на заре целый косяк серн приходил, и рысь за ними охотиться пришла... Понимаешь? Это жизнь!

Гость протер глаза, только теперь проснулся:

— А с чего ты взял, что я Малцаг?

— Накануне у башни видел, как ты с болью все осматривал, да и по описанию знал. А ночью волосы сползли.

Обеими руками Малцаг прикрыл места, где должны были быть уши, словно не хотел это слушать. А старик все продолжал:

— Потери неисчислимы. Это трагическая, но не позорная, а героическая страница нашей истории... Мы отстали. Нам надо учиться и трудиться, дабы лучше жить на своей родине. А для этого мы сегодня, пока погожие дни, хотим переехать в башню, где ты сражался.

Пару дней Малцаг помогал горцам переносить хилый скарб и устраиваться на новом месте. А затем он вместе со стариком направился через перевал в Тушетию. Там он намеревался кое-что для хозяйства старика приобрести. Вроде недолго он отсутствовал, и здесь высокогорье, но за несколько дней все изменилось. Были сборщики налогов — грузины и лезги под охраной тюрков. Провели подушную и подымную опись, еще более повысили налоги. Благо, в горах издали, кто едет, видать. Многие, в том числе и семья Малцага, успели укрыться. А сборщики интересовались не только податью, но и выискивали молодежь как рекрутов в армию Тимура. В Тушетии и Алазанской долине начались народные волнения. Эти сборщики уехали, чтобы вскоре вернуться с большими силами. Ко-

го убили, кого повесили, кого из молодых, в том числе и девушек, увезли.

В этой ситуации Малцаг не знал, что ему делать, как бороться с бесконечным насилием и унижением своего народа. От бессысходности он мог только одно — благодарить судьбу, что и на сей раз горе обошло его семью. Но что будет дальше? Уже многие знают, кто он. Что он здесь — кто-то донесет. Но тут случилось неожиданное. У горцев Кавказа есть традиция: в тяжелую годину собираются старцы, держат совет, принимают решение... И вот пришли уважаемые старцы к Малцагу, и произошла торжественная процедура Махко вехна¹, что бывает лишь в исключительных случаях, в тяжелую годину, когда кто-то должен взять на себя ответственность за народ, страну, родину.

Как любой уважающий себя горец, предложение старцев Малцаг принял за честь, да вместе с тем серьезно призадумался: а сможет ли он оправдать оказанное доверие? В этой роли, правда, без решения старцев, а будучи самозванцем, он уже побывал. И нельзя сказать, что это принесло какой-либо успех ему, тем более отечеству. Хотя и ныне и противник все тот же, ситуация во многом другая. Сам Малцаг — это не тот сумасбродный, бесшабашный, дерзкий юноша, который, сломя голову, без оглядки шел на любого врага. Теперь Малцаг — зрелый мужчина, у него есть опыт, авторитет, да и взгляд несколько изменился. К тому же теперь он должен думать о своей семье и оберегать ее.

По традиции, если горское общество призвало к службе члена своего общества, то и о его семье должно позаботиться это общество. В принципе, может быть, это верно и надежно. Однако Малцаг теперь хорошо знает мощь, а главное, коварный нрав Тимура и его отпрысков и наместников. Поэтому он решает переправить свою семью за Главный Кавказский хребет, на Северный Кавказ, к обитающим там горцам — нахам. Конечно, жизнь там сурова, скудна, зато безопасней, и, учитывая, что зона зара-

¹ Махко вехна (чеч.) — дословно «родина зовет». По древнему обычаю горцев Кавказа, совет старейшин выбирает лидера и просит его, во благо народа, отрешиться от лично-семейных забот и возглавить общенародное дело. Это не только ратное дело, но, может быть, и дипломатическое, экономическое, просветительское и т.п.

жения с каждым годом отступает, вскоре можно будет перебраться на более благодатные, равнинные места. Разумеется, что это перспектива, а точнее, мечта. Вместе с тем, это родная земля, другой нет. Посему ее надо не только защищать, ее надо заново заселять, осваивать, возделывать. И для начала Малцаг, управляя своей семьей за перевал, первым делом закупил для них всякую хозяйственную утварь, скотину и даже пару пчелиных семей в корзинах, помня, что Алания всегда славилась изобилием меда.

Может быть, не всему, но многому Малцаг пытался учиться у Тимура. Так, зная, что Властелин особо чадолюбив (а нахский народ почти что истреблен), Малцаг самолично перевез семью, занимался ее обустройством на новом месте, и только после этого, уже в разгар осени, когда первый снег в горах мог бы перекрыть перевал, вернулся на юг, в Грузию, всецело отдался ратным делам, помня, что в этих местах на памяти его поколения славным командиром был его названный брат — азнаур Тамарзо.

Правда, с тех пор обстановка на Кавказе изменилась. И если азнаур Тамарзо был полководческим лидером не только народа, но и выдвинут и поддержан грузинским царем и духовенством, то ныне грузинский царь Георгий VII скрывается в горах и один за другим посылает к Тимуру послов, утверждая, что он лоялен. В руках Георгия власти нет, а фактически правит страной ставленник Повелителя — этнический армянин. При этом, в отличие от простого люда, духовенство и богатая знать, согласно оккупационной политике монголо-тюрокитов, живет, может быть, не как прежде, но более-менее вольготно и зажиточно. А вместе с тем следует вспомнить, что в армии Тамерлана несколько десятков тысяч воинов грузин, и есть крупные военачальники.

В такой ситуации Красный Малцаг уже не азнаур, скорее абрек, да это не умаляет его достоинств. Наоборот, под его бунтарское красно-белое нахское знамя стало сразу же более тысячи воинов, и это притом, что мужчин на Кавказе очень мало. Зато те, кто остался, сохранили кавказскую самобытность, гордость, достоинство, честь. И в движении под предводительством Малцага чувствуется горская сплоченность, преемственность. Тому пример: как только пошла по Кавказу молва о Малцаге, прискакал к нему из горной Сванетии младший брат Тамарзо, Вахтанг,

да не один, а с соратниками. Назначил Малцаг Вахтанга своим заместителем.

Это воинство, словно оголтелая шайка разбойников, жаждет мести, а вместе с этим грабежа и насилия. Да Малцаг — полководец, командовал не одной тысячью, а десятками. И цель у него иная. Поэтому он первым делом заставил всех принять присягу на верность. После этого строго разделил личный состав на сотни, десятки, выделив, как положено в войсках, группу снабжения и разведку. В первое время условия суровые, живут на подножном корму, помня тюркскую пословицу: «от сытой собаки — проку нет». Малцаг укрепляет дисциплину и порядок, каждый день смотр, маневры, словом, суровые армейские будни. Кое-кому из «свободолюбивых» горцев это оказалось не по душе, им ближе и характернее бесшабашная разнузданность, что в юности было свойственно и Малцагу.

Явный протест, а потом и разгорающийся бунт Малцаг попытался было погасить мирной дипломатией. Это не возымело действия, и, как последствие, несколько горцев, переманив на свою сторону более сотни человек, попытались самовольно покинуть лагерь.

Впоследствии действия Малцага кто-то осудил, кто-то оправдывал, а командир поступил по-тимуровски: недовольных — теперь клятвоотступников — по приказу Малцага с силой задержали. Был скорый трибунал, который приговорил зачинщиков к казни. После этого несколько горских тейпов объявили Малцагу кровную месть. На что Малцаг не без язвительности грубо ответил:

— Что же вы не объявили кровную месть Тимуру, когда он не только сынов, но и дочерей и жен насиловал, в полон уводил.

Это восстановило против него даже некоторых старейшин. Малцага обозвали мамлюком, то есть рабом, испорченным чужбиной, не своим, грозились отомстить. Если бы Малцаг следовал насильственным методам Тамерлана, то, уже имея, хоть и небольшую, но вполне дееспособную и организованную армию, он создал бы еще и личный карательный отряд, личную охрану, которые даже за малейший намек на такую угрозу полностью истребили бы, если не весь род, то семью предателей.

Следуя традициям Кавказских гор, а не азиатских степей, Малцаг эти угрозы пропустил мимо, у него и без того хватает забот — армию надо содержать, значит надо как-то действовать. Но он не хочет возглавлять шайку бандитов, хочет противостоять оккупантам, и не по духу ему мелкие стычки и погромы. Он хочет нанести удар прямо в сердце, по местной столице Тбилиси, где, по данным его разведки, находится тюркский пятидесятный гарнизон.

В данном случае Малцаг тоже опирается на слова Тимура: «Победы не зависят от численности воинов, ни от их вооружения, но лишь от воли Аллаха». Последнее подразумевает неनावось, а, наоборот, всестороннее знание, расчет, а в случае с Малцагом — внезапность атаки, строгую дисциплину, полную самоотверженность, удобный момент.

В грузинских хрониках это нападение характеризуется как захват горцами Тбилиси во время празднования дня рождения наместника, совпадающего с Рождеством. Тюркский наместник и его клика были в тот же день казнены, многие взяты в плен. Над Тбилиси развернулся свободный красно-белый стяг. Как характерный признак эпохи, не обошлось без погромов, грабежа, пожаров. С этим неотвратимым последствием войн Малцаг пытался бороться. Однако вскоре выяснилось, что грабежами занимались не столько его воины, сколько всякий обездоленный люд из бедных пригородных кварталов. Это зло могло бы продолжаться долго, да Малцаг знал, как эту волну насилия погасить: несколько казненных мародеров, и в городе воцарился порядок.

Малцаг в Тбилиси не задержался. Вскоре он двинулся на юго-запад, до Карса, а потом на восток, до Агдама. Популярность и слава Малцага неслась гораздо быстрее его армии. По всему Кавказу вспыхнули восстания. Даже там, где Малцаг не был, поднимался красно-белый освободительный флаг, и под его именем начинался бунт. А к самому Малцагу потянулись люди всех мастей: кто действительно из патриотизма, кто с надеждой разбогатеть. В такой ситуации он мог довести численность войск до двадцати пяти — тридцати тысяч. Это он посчитал неблагоразумным, ибо тогда, дабы просто содержать такую махину, пришлось бы заниматься захватами и грабежами городов. В то

же время его главная цель — пойти на Тамерлана, — и тогда численность несоизмерима по силе. Поэтому Малцаг подобрал себе оптимальную группировку — всего семь тысяч.

С такой армией Малцаг мог бы спокойно править в пределах всего Кавказа. Ростки этого господства были уже налицо. Так, многие правители, кто открыто, кто тайком, стали присылать к нему своих послов, а с ними, под видом подарков, некую дань, дабы Малцаг их не трогал, а покровительствовал.

В конце зимы 1403 года, пользуясь тем, что основные силы Тимура находились в Анатолии, Малцаг подошел к реке Аракс, что рядом с Тебризом, и где совсем близко проходит основной караванный путь, и свершил две вылазки. В одной попалась ему в руки часть награбленной у османов добычи Властелина. И тут же стало известно, что Мухаммед-Султан во главе двадцатитысячной конницы направляется по той же дороге, однако за Эрзурумом резко свернул на север, уже достиг Карса, и если дойдет до Тбилиси, то преградит путь к отступлению Малцага к горам Большого Кавказа.

Малцаг и Мухаммед-Султан почти что ровесники. Они знают друг друга в лицо, и не один год, и первый раз встретились в Грузии, у реки Куры, когда коварно был убит азнаур Тamarзо. Через полгода, они сошлись в бою на Тереке. И после этого еще не раз. И всегда, будучи под сенью своего великого деда, Мухаммед-Султан сокрушал Малцага. Но время летит, они возмужали, и теперь, как самостоятельные вожди, будучи заклятыми врагами, ринулись навстречу друг другу, сознавая, что выживет лишь один; каждый верил в свою удачу. И если для Малцага это месть и реванш, то для Мухаммед-Султана — полное утверждение своих полководческих притязаний, ибо Малцаг — это не тот воин, что просто убежал, это командир, что уводил свои малочисленные силы от неминуемого разгрома, а главное, это тот воин, что так долго противостоит его деду. И Тамерлан, как воин, даже восхищается им.

...По уже неоднократно протоптанной войсками Тамерлана дороге, что вела в сердце Кавказа, торопился Малцаг, когда долетела весть, что Мухаммед-Султан вошел в Тбилиси. А он, так случилось, лишь подошел к реке Кура, и, наверное, впервые в груди Малцага что-то защемило. Жгучая боль. Это то самое

живописнейшее место в излучине реки, где любил ставить свой богатый шатер Тамерлан, где погиб азнаур Тamarзо. Сама судьба привела Малцага на это место, которое он помнил всегда, где он юношей плакал от бессилия, злобы, крайнего отчаяния и позора. И почему-то ему показалось, что Мухаммед-Султан, стараясь во всем подражать деду, тоже помня, придет на это же место, либо Малцаг любимым способом заманит его сюда. Так и произошло. Они должны были столкнуться.

По данным своей разведки, Малцаг знал, что силы противника значительно превосходят, да это на сей раз его совсем не пугало, на его стороне родной Кавказ, та земля, по которой он ползал, та земля, по которой он тосковал, та земля, на которой он теперь должен либо победить, либо погибнуть, но никак более не убежать. И поэтому он до боя провел последний смотр войск и держал речь:

— Горцы, кавказцы! Может то была судьба, да много лет назад явившийся сюда варвар Хромой Тимур вывалял меня в этой родной земле и вышвырнул уродом и рабом на чужбину. С тех пор я много земель и морей исходил. Всюду голые камни, пески... Недаром наши отцы выбрали и отстаивали этот благодатный, цветущий край — наш Кавказ! Если сегодня мы не отстоим свои земли, то наши горные орлы увидят на Кавказе иной лик, иной говор, иную песнь... Я жажду победы, либо смерти. Клянусь, я не уйду с этого поля побежденным! Вершины Кавказа смотрят на нас!

У его противника мотивация совсем иная. Сызмальства он впитал — принадлежит к древнему венценосному роду, он привык и знает только победы, за ним дед и мощь всего мира. А перед ним малочисленный, к тому же битый не раз противник, и посему конница Мухаммед-Султана сходу ринулась в бой.

А Малцаг тщательно приготовился. Март, весна началась. Кура разошлась, в поймах болото. А тут, как обычно, только все расцвело, с севера тучи, дождь, похолодало, слякоть, потом мокрый снег — все на руку Малцагу И ничего нового: он, как и под Каиром, из половины своих всадников создал пехоту. Она приняла и выдержала первый удар, потом второй. А когда разъяренные турки пошли вновь, пехота по команде стала отступать в сторону припорошенного снегом болота. Видя, как увязла кон-

ница, Мухаммед-Султан без оглядки ринулся в бой. Сеча была жестокой, кровопролитной. И как только Малцаг разрубил одного врага, он с этого мгновения понял, что победит, ибо это был не тот бой, что на Тереке, где пред ним стояли полудикие, выносливые кочевники, жаждущие не жизни, а женщин и наживы. Теперь у этих воинов все это было в избытке, и они желали наслаждаться этой жизнью, им было что терять. Спасаясь, они начали отступать, бежать. Личным примером Мухаммед-Султан пытался выправить ситуацию, было поздно.

В пасмурный полдень с гор приползла тяжелая, снежная туча, стало темно как в сумерках, и тогда сам Мухаммед-Султан побежал с поля боя. Была погоня, коня ранили, наследника Властелина привезли к Малцагу, бросили к ногам.

— Ты помнишь, — пнул Малцаг поверженного, — как именно на этом месте вы отравили коня моего брата Тамарзо и убили его? Не помнишь? Верно... Потому что после этого вы, а особенно ты, травили все: родники, реки, сотни тысяч людей. Вставай, — еще раз пнул Малцаг. — Я даю тебе шанс победить в честном поединке лицом к лицу.

— Малцаг, — бросился к командиру младший брат Тамарзо Вахтанг, — позволь сразиться мне.

— Нет, — сухо парировал Малцаг. — Я старше. Если проиграю, тогда наступит твоя очередь.

Как и в ту ночь, ровно восемь лет назад, шел мокрый снег, зажгли сотни факелов, и сошлись один на один Красный Малцаг и Мухаммед-Султан. И на сей раз поединка не случилось: внешне крепкий наследник Тимура был уже сломлен, от первого же удара копья он был сражен и еще раздавался хрип из пробитой копьем груди, когда к тюрку подскочил Вахтанг, обезглавил, крича: «Отомстил! Отомстил!», бросился к холму, и, как голову своего брата, теперь водрузил на возвышении голову врага.

После этого всю ночь здесь, у красавицы Куры, бочками лилось вино, громыхала дробь лезгинки, а потом дружный родной мужской хор заваял вновь над Кавказом.

Малцаг, почти что все испытал на себе, не смог глумиться над врагом. По его приказу соорудили гроб и в следующую ночь, соединив части тела, втайне от всех он захоронил Мухаммед-Султана в одной из карстовых пещер, что в обилии вдоль берега Ку-

ры, зная, что Тамерлан любой ценой попытается заполучить тело любимого внука, а эта весть на Кавказе не задержится: со скоростью выпущенной стрелы она уже разлетелась по миру и ядовитым острием ударила в самое сердце Властелина.

Тимур не мог и не хотел поверить в случившееся. Год назад, продвигаясь на запад, готовясь к грандиозному сражению с грозным Баязидом, Повелитель тем не менее ощущал себя абсолютно вольготно, наслаждался жизнью в роскошной мягкой повозке. А теперь, когда он разгромил всех и стал, казалось бы, подлинным Властелином мира, судьба так коварно обошлась с ним... Он был прозорливым и не зря общался с учеными и познавал историю. Тимур прекрасно понимал, что его завоевания, как в волчьей стае, держатся на преданности вождю, опираются на силу личности, а не на устойчивую выбранную общественную систему, какой в некоей мере был монгольский Курултай. Поэтому Тамерлан, зная посредственность своего потомства, заранее определил единственного более-менее способного — Мухаммед-Султана, который, исходя лишь из личных жестких способностей, мог бы предотвратить ожидаемое после кончины Властелина падение с высот вселилия в трясину разброда, распрей, что характерно для судьбы варварской власти.

Не в повозке, а усаженный нукерами в седло, почти галопом мчался Тамерлан в Тебриз, до последнего надеясь, что весть не верна. Однако у границ города его встречала в трауре мать Мухаммед-Султана — ханша Хан-заде, ожидая, что ее горе Властелин утешит. Пытаясь от всех скрыть свою печаль, Тамерлан напустил мужественное бесстрашие и даже не обратил внимания на стенания снохи, проходил мимо, как увидел плачущих детей Мухаммед-Султана, силы покинули его. Дальше его понесли на руках, поместили в «Сказке Востока». Несколько суток, кроме врачей и главного евнуха, к нему никого не допускали. Был слух, что Властелин очень плох, даже не ест. (Интересно, а вспомнил ли Тамерлан в эти дни тех родителей, чьих сыновей и дочерей он миллионами истребил, надругался? Вряд ли. Ведь других людей он считал иного пошиба: рабами, плебейями, словно иные не Богом созданы, может, от свиней, собак, обезьян... Задолго до Дарвина.)

Горе Тамерлана велико. Все знали — нанесен жесточайший удар, который если не сломит, то приблизит его конец. В Тебризе, да и в Самарканде внешне траур. Но озабочены иным — кто теперь станет наследником? Явного фаворита нет, равнозначных претендентов много. Эта интрига так сильна, что ее мощь просачивается даже в сверхнадежно охраняемые апартаменты Властелина. Сыновья, внуки, жены и невестки, особенно Хан-заде, осаждают охрану, так и рвутся проведать и утешить больного старика. Да это что? Из столицы Самарканда, дабы выразить соболезнование старику и разделить с ним неутешное горе, в спешном порядке, и не вместе, тайно, отдельными группами, по внутриклановым интересам, выехал весь двор. Даже старая, больная Сарай-Ханум не выдержала. Видя, что все рванули к пошатнувшемуся трону, тоже двинулась в далекий путь, а с нею ее фавориты, в том числе внук Халиль, а с ним то ли жена, то ли любовница, то ли наложница — от всех скрываемая красавица Шад-Мулк.

Когда вся семья Тамерлана, то есть вся элита Самарканда — огромной империи, направилась в Тебриз, то и главный религиозный деятель, личный, пожизненный духовный наставник Тимура — уже старенький Саид Бараки — тоже решил не оставаться в стороне, в последний момент он примкнул к группе Сарай-Ханум.

Конечно, Тамерлану было плохо, и он понимал, что вокруг его трона и несметных богатств разворачивается нешуточная внутриклановая борьба. Да он борец, не привык сдавать позиции, тем более проигрывать. Будучи от природы сильным и выносливым, он сумел взять себя в руки, тем более что со всех концов света с соболезнованиями явились весьма уважаемые персоны, и этикет надо соблюсти. Правда, тела Мухаммед-Султана нет — какой позор! Как такое ему, Властелину, иережить?!

Тамерлан прекрасно понимает, что по сравнению с его армией силы Малцага вроде ничтожны. Вместе с тем, Властелин знает способности самого Малцага, и даже если он пошлет сто, даже двести тысяч против, горцы-дикари просто рассеются в горах. К тому же, в чем главная беда, он сам уже не может лазать по горам. Его военачальники сильны лишь под его личной коман-

дой и самостоятельно вести операции не могут, ибо он, боясь конкуренции и расчищая поле для своего потомства, не оставил вокруг себя ни одной более-менее достойной, сильной личности — все лизоблюды, преданные псы-исполнители, которые по его приказу растерзают любого, но на остальное не годны. И, как сообщает летописец Шерифаддина Язди, живший при дворе Тимура, «Повелитель правил единолично, без помощи визирей, и никому не доверял». А как же самая крупная армия в мире, разве не может она все решить? Не может, ибо Малцаг наверняка труп Мухаммед-Султана надежно схоронил. И, если вдруг самого Малцага кто убьет, как отыскать внука? Ведь это святое, останется на века.

В сущности, ситуация возникла нелепая. Тот юнец, которого Тамерлан вовремя не добил, но сделал рабом, выжил, стал достойным воином, все эти годы, пусть и проигрывая, ему противостоял, а теперь он нанес такой удар, что с ним надо считаться. И Властелин отправляет к Малцагу послов. Вызвались грузинские военачальники из армии Тимуридов.

Вернулись они быстро, правда, ни с чем, зато кое-что разузнали, докладывают Властелину: Малцаг совсем рядом, прямо за рекой Аракс, личной охраны особо нет, армия немногочисленна, но он пользуется огромной популярностью и поддержкой среди населения почти всего Кавказа. А труп Мухаммед-Султана ни за какие богатства не отдает, возможен только обмен на повешенных — купца Бочека и доктора Сакрела.

— Ха! — воскликнул Властелин. — Так этого добра у нас хоть отбавляй.

В спешном порядке откопали мужские захоронения, уложили словно мощи святых в красивые гробы, отправили за Аракс. Вскоре все это возвратилось обратно.

— Властелин мира! — докладывают послы. — Азнаур Красный Малцаг проверил кости, череп, зубы — не те. А еще сказал, что казненных в одежде закапывали.

— Где мне взять их одежду? — взбесился Тамерлан. Ему и полки не нужны, послал бы он лишь двоих из своих умельцев, и они вмиг бы отравили этого подонка Малцага. Да в том-то и дело, что убить его никак нельзя. А где этого Бочека и какого-то Сакрела взять? В это время на глаза Тимуру попал шахматный

стол (с момента гибели Мухаммед-Султана играть в любимую игру он уже не может и не хочет), и тут его осенило:

— Ко мне Моллу Несарта! — вот кто друг, земляк и защитник Малцага.

Благо, Молла Несарт недалече, в Мараге, все еще занимается переправкой своей обсерватории в Самарканд. Доставили его быстро. Чуть более года они не виделись, да Тамерлан за это время очень сильно изменился, явно сдал, и, как свидетельствует очевидец Клавихо, «это был дряхлый старик, у которого от старости даже веки не поднимались»¹.

— Властелин, — стал на одно колено Молла, склонил голову, и правая рука к груди, как того требует ритуал, — прими сердечные соболезнования.

— Гм, — кашлянул Тамерлан, — странно... но вижу, что искренне.

— Ничего странного, Властелин, — теперь Молла стоит, — любой благовоспитанный человек обязан выразить соболезнования даже отцеубийце.

— На что ты намекаешь? — суров, как прежде, голос Тамерлана.

— Все любят чад своих.

— Мухаммед-Султан — Великий хан.

— О Властелин, прости. Я думал, Божий раб, как все мы.

— Наглец, напрасны все мои труды, не смог тебя я передать.

— Ты ж не отец мне и не мать.

— Опять дерзишь, неблагодарный... Небось забыл, кто вытащил тебя из мерзкого зиндана?

— Такой, как ты, тиран меня в тюрьму поверг.. Ты вытащил меня, чтобы в шахматы играл и правду говорил, и я тебе служу по мере моих сил.

— А у меня беда — играть я не хочу.

— Не вся же жизнь игра, бывают и заботы... А то, что не играешь, — не от бед, а оттого, что сам и все тебе внушили — Властелин! И где найдешь ты равного партнера?

¹ Испанский (*кастильский*) посол доп Рюи Гонзалес де Клавихо, один из последних европейцев, встречавшийся с Тимуром, оставил письменный отчет о поездке, который сохранился.

— Ты предлагаешь мне игру?

— Я предлагаю исцеление. Ведь ты забудешься в игре.

— А дальше?

— Дальше все пройдет, ведь ты получишь поражение, оно вернет тебя с Небес, и ты увидишь — у всех горе, покуда алчность в нас жива...

— Молчи, я захотел с тобой сразиться.

— Вот так тебе всю жизнь служу.

По одному взмаху Тамерлана евнухи притащили шахматный стол. Вначале Властелин медленно, еле-еле передвигал массивно-инкрустированные фигуры, а потом словно на глазах ожил, стал быстро играть и, как прежде, заговорил о делах.

— Ты что ж это до сих пор обсерваторию не перевез?

— Властелин, дважды отвозил все в Самарканд, осталось чуть-чуть, но твои эмиры ныне мне не помогают, не подчиняются.

— Отчего же? Ведь у тебя моя именная пайзца!

— Властелин, в том-то и дело. Пайзцу мне выдал Великий эмир, когда остальные были простыми эмирами. Теперь ты Властелин, а простые эмиры, в свою очередь, стали «великими», и моя пайзца утратила вес.

— Не юли, говори, как есть!

— Видишь, Властелин, ты и в шахматы слабо стал играть, значит и в жизни, — тут Молла замолк.

— Не бывать тому! — стукнул кулаком Тамерлан.

— Да, — поддержал Молла, — лучше один хозяин, нежели смута князьков... Мат...

— Давай сыграем еще одну партию, — не любит проигрывать Властелин.

В этой партии он очень активен, давит, и в едва видимых глазах появился блеск, на лице легкий румянец, даже оспина стала незаметной. И когда его преимущество явно обозначилось, он, как и ранее любил, перешел к делу — о Малцаге и Мухаммед-Султане.

— Это, я думаю, смогу, — отвечает Молла, а чуть погодя: — И все же молодец Малцаг — заставил себя уважить.

Скривилось лицо Властелина, аж желваки нервно заиграли, а Молла в том же непринужденном тоне продолжает:

— Повесил бы ты нас обоих с удовольствием. Ха-ха, да вот видишь, теперь нельзя... Ты всегда руководишься расчетом и выгодой, а не эмоциями и прихотью. Поэтому и Властелин! — он прямо глядел в его лицо. — Когда выезжать?.. Понял, на рассвете. Только выдай мне новую пайзцу, та не в почете.

— Выедешь через три дня, — сухо постановил Тамерлан. — И увидишь, что моя старая пайзца всегда и всюду в силе... Пока я живой!

На следующий день, с самого утра, как член дивана¹, Молла Несарт вызван вновь в «Сказку Востока», сам Властелин выслушивает всех визирей, эмиров, прочих сановников и даже своих детей. На второй день — массовая казнь. На третий — Молла Несарт отправляется в путь, при виде его пайзцы даже большие военачальники падают на колени. Но эта благодать — лишь до Аракса. Севернее реки Молла Несарт боится, как бы эту пайзцу кто не увидел, пока он не встретит самого Малцага.

Их встреча была яркой, чувственной, не без слез на глазах Несарта.

— Я так рад, я так горд за тебя, — обнимал, как сына, старик Малцага, — а потом был праздник, и слегка хмельной ученый ликовал: — Вот и дожил. Всюду почет, всюду уважение. В Тебризе Тамерлан провожал — той устроил, тут — Малца гловзар² устроил.

Лишь на второе утро заговорили о делах.

— Молла, твое слово — закон, и все я исполню, — говорил Малцаг, — да Бочек и Сакрел так много для меня сделали, тоже родные, что я хотел, в знак уважения, их в мавзолее похоронить.

— Ты о чем, Малцаг?! Ты видел пирамиды в Египте? Ты видел мавзолеи и склепы в других городах? А знаешь, что зачастую эти грандиозные сооружения, которыми восторгается мир, соорудили сами для себя при жизни тираны, деспоты, узурпаторы, которые уничтожили тысячи, а может, как Тимур, и миллионы людей. Так эти усыпальницы и пирамиды они строят сами оттого, что Бог их покарал. После смерти, а она для всех неминуема, этих грешных господ даже в ад не берут, земля их не принимает,

¹ Диван (*турк.*) — в одном значении «совет при государе».

² Гловзар (*чеч.*) — игра, праздник.

Небеса — тем более. Вот и мучаются их страждущие души и тела в этих великих пирамидах, напоминая человечеству, как жить нельзя. Да мы это не понимаем, при жизни все денег и славы ищем, и после смерти такую же роскошь купить хотим... А в священных писаниях — Торе, Библии, Коране — ясно написано: умер человек, небольшой холм, даже траву не стричь, лишь она по нему может плакать.

— А как же память? — не удержался Малцаг.

— Человеческая память — это лишь обретенные человеческим знанием. Знания — это поиск истины. А истина — это и есть свобода и богатство... А остальное — мишура. Если не веришь, пойди, посмотри на Тимура. Чего он достиг? Окружение, даже самые близкие, ждут не дождутся, когда он помрет, чтобы завладеть его богатством... А он уже возводит мавзолей для Мухаммед-Султана и для себя.

— По-твоему, надо жить в пещерах, без уюта и удобств?

— Жить и умирать надо скромно. Не то земля превратится в сплошные мавзолеи, то бишь в кладбище... А нескромность хороша лишь в одном — в поиске истины, в знаниях!

— Скажи, Молла, а ты постоянно глядишь в небо, на звезды. Что ты там выискиваешь?

— Хе-хе, зрю в корень, выискиваю знания... Хоть и говорят, что земля — колыбель человечества, но, мне кажется, колыбель там, в Космосе, во Вселенной. Оттуда мы пришли — туда и уйдем, в вечность... А земля... Если бы была колыбелью, то вряд ли мы ее так, словно чужую, испоганили бы. Мы на земле, будто варвары Тамерлана, захватившие вражеский город... Ну хватит умничать, я устал, устал ждать смерти, но не устал познавать жизнь... Жизнь так прекрасна, когда в ней мир!

Их разговор продолжался всю ночь, под весенним, прохладным, бездонным звездным небом, у костра.

— Малцаг, как переменчив мир, — уже пред прекрасным рассветом сказал Молла. — Разве могли мы пару лет назад даже представить, что вот так свободно будем сидеть на родной земле, на Кавказе... А сегодня Тамерлан просит тебя и меня... Мы же верим в это. А как мечтали, вместе с Шадомой.

При упоминании этого имени Малцаг вздрогнул, тяжело вздохнул, но ничего не сказал. А Молла продолжал:

— В последнее время я дважды был в Самарканде, — он пристально оглядел молодого горца. — Что ж ты не спросишь, как Шадома?

— Что же мне спрашивать, чужая жена — жена врага.

— Не смей так думать, тем более говорить. Ты ведь знаешь ее цель.

— Ты встречался с ней? Как она?

— Плачет. Все о тебе спрашивала. Каждый твой шаг знает. Даже знает, что ранен был наемным убийцей... Говорит, могла бы матерью стать, тебя не упустила бы. А так, у вас, мол, какая-то миссия.

— Какая же у нее «миссия»?

— Сам знаешь — отомстить.

— А как вы встречались?

— Ее муж или как его, в общем, Халиль, под ее пятой: Шад-Мульк прикажет — он и деда убьет.

— Так пусть прикажет.

— Хе-хе, я ей тоже не без иронии предложил. А она совершенно серьезно отвечает — боится, что старик скоро умрет, а ей надо кое-что успеть.

— Что? — чуть ли не вскричал Малцаг.

— Примерно представляю — посадить Халиля на трон, а точно знаю, что она сейчас по Хорасанской дороге едет в Тебриз.

— Не может быть?! — вскочил Малцаг. — Ты можешь мне помочь? — взмолился он. — Подскажи как-нибудь, надо с Шадомой встретиться.

— Помогу. Будет посыльный, тот же пароль — «Сказка Востока» — будь». Но ты быстрее отдай мне Мухаммед-Султана.

— Уже здесь.

— Тогда с Тамерлана причитается, — Несарт снял с шеи тяжелый золотой знак, протянул горцу. — Думаю, тебе пригодится.

— Что это?

— Личная пайзца Тимура — всюду ход.

— А ты как?

— А я обсерваторию, если даст Бог, и так в Самарканд перевезу, чуть-чуть осталось. А дальше, зачем мне пайзца — пора к Богу, а туда не с талисманом на шее, тем более таким, а с чистым сердцем идти надо... Пойду.

Молла Несарт думал, что его в Тебризе будут встречать если не с триумфом, то точно как благодетеля, а сам Тимур где-то даже покается, по-братски обнимет его, пустит старческую слезу.. Ничуть. Приняли груз, поместили Моллу в одну из жалких комнатенок «Сказки Востока». А в это время сам Властелин пожелал удостовериться, что это останки именно его внука. Видимо, Тамерлан до конца еще не верил в гибель Мухаммед-Султана. Теперь он запил. Разумеется, что Моллу Несарта он даже не вспомнил. Однако визири двора ученому-старика напомнили, что надобно возвращаться в Марагу заканчивать дела с обсерваторией. Молла и сам мечтал об этом, да, помня обещание Малцагу, он прикинулся больным и усталым. За это время выведал, когда придет караван-миссия во главе с великой ханшей Сарай-Ханум, вместе с которой и Шад-Мульк.

Отправив одного из старых конюхов «Сказки Востока» с известием к Малцагу, Молла Несарт в тот же день отправился в Марагу. Ему претила не мирская суета, эта бессмысленная возня, итог которой уже читался на лице Тамерлана. Он мечтал заглянуть в свой прибор-астролябию, чтобы улететь от земной грязи в вечную чистоту бескрайнего звездного неба. Однако, живя на земле, трудно отрешиться и предаться небесам — земное светило беснуется. Вновь срочно вызывают Моллу Несарта в Тебриз. Но Властелин опять ученого не принимает, говорят, очень болен, а главный визирь сообщает, что случилась новая беда. В двух-трех днях пути от Тебриза горцы во главе с Красным Малцагом напали ночью на караван, шедший из Самарканда. В плен уведены ханша Сарай-Ханум и духовный наставник Тимура — Саид Бараки. Не доводя до военной бойни, требуют от Малцага выдать почтенных, старых людей. И вновь дипломатом этой миссии доброй воли и человечности должен выступить Молла Несарт. И если дикарь Малцаг в трехдневный срок не отпустит царственных особ, то двести пятьдесят тысяч воинов двинутся на Кавказ и все сровняют с землей.

Несарт понимает, что если бы Тамерлан и вправду не был бы так плох, этих угроз бы не было, было бы сокрушительное действие. Но ныне Властелин действительно немощен, да он крепкий старик, резко оживет и двинет войска. Тогда, как и Северный, разорит и Центральный Кавказ. И Малцаг такую махину

никогда не одолеет. Поэтому, позабыв о спокойствии звезд, Молла Несарт, несмотря и на свой возраст, и свои болячки, тотчас тронулся в путь. Через день уже подходил к Араксу, как догнала иная весть — доблестный внук Властелина принц Халиль в горах Селебана нагнал разбойников, пленных отбил, лишь чудом сам Малцаг еле-еле ноги унес.

Эта новость крайне удивила Несарта: что-то здесь не так, и его волнует судьба Шадомы. Он развернулся и как можно быстрее двинулся наперерез, в надежде до прихода путников в Тебриз встретить их, а главное — Шадому. Ему повезло. В сумерках, в одном переходе до Тебриза, усталые, потрясенные неожиданными перипетиями важные путники из Самарканда устроили привал на ночь.

Первым делом, как и принято, Молла Несарт попросился на прием к Сарай-Ханум, дабы выразить соболезнование. Сарай-Ханум, как и ее муж Тамерлан, всегда с некой надменностью относилась к Молле. Да это было прежде. Теперь ее потаенная мечта, вынашиваемая не только в молитвах, сбылась — Мухаммед-Султана нет. Вновь у ее колена есть возможность занять наследный престол, и всего один претендент — ее внук Халиль, который, как и она, знает, — оборванная тетива, да в руках изощренной Шад-Мульк даже этот молокосос стал подобием воина. И в ее гареме от Сарай-Ханум ничего не скроешь, знает, что тайком Шад-Мульк встречалась пару раз с Моллой Несартом в Самарканде. Думала, шашни, напоили Шад-Мульк опьяняющим зельем — все, что на душе, выболтала: Молла Несарт — родственник, а ее цель — Халиля на трон посадить. Так лишь об этом и Сарай-Ханум печется. Но она стара, да будучи молодой, конкурентке Хан-заде всегда уступала. А Шад-Мульк молодец, своего добивается. Вот и покровительствует теперь ей Сарай-Ханум как может. А тут наследник погиб. Так Сарай-Ханум ожила, хоть и тяжело, в дальний путь (а это заветный трон) двинулась, и Шад-Мульк — ее посох на этом пути. А раз никчемный, помещанный на звездах старикашка снова появился здесь, то не ею, а спохую интересуется. Так для пользы дела пусть немного пообщаются.

В поздних сумерках, выйдя из юрты, дабы никто не слышал, встретились Молла Несарт и Шадома, по-родственному, как по-

ложено на Кавказе, обнялись, и, зная, что времени совсем мало, Молла Несарт почти что сразу спросил:

— Ты Малцага видела?

Не смогла Шад-Мульк скрыть своей лучезарной улыбки, а глаза, словно звезды из-за туч, блеснули жизнью. И она так застенчиво вздохнула, будто всасывает весь нектар взбужшейся весны, застыла в мечтательном очаровании, тихо прошептала:

— Всю ночь!.. Как миг. Ныне ничего не жалко... Наш Малцаг герой.

— Хорош герой, — гневно шепчет Молла, — а как он умудрился Халилю проиграть?

— Я попросила.

— Что?.. Не пойму я ваших игр.

— И не надо, — она вновь обняла старика и совсем тихо на ухо: — Малцаг совершил невозможное, нам дорогу к солнцу расчистил.

— Кому «нам»? Какую «дорогу»? Какое «солнце»?

— Молла, мой милый старичок, — зашептала она, — ты забыл нашу поговорку: «Звезды — все мы звезды, пока солнце не взойдет».

— Солнце — ты?! — то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес Несарт. А она тихо в ответ:

— Не шуми. Нас подслушивают... Прощай, я дам знать о себе, пароль прежний: «Сказка Востока» — быть?»

— То ли быть, то ли небыть — жизнь нелегко понять.

* * *

Перо — ниспосланный дар. Лишь в руках человека Перо может творить. А руки разные. И что простых людей винить, если даже первый человек на Земле, созданный самим Творцом — пророк Адам — поддался искушению и соблазну? А может, любопытство и познание двигало им? А что тогда говорить о простых людях, что держат в руках Перо, ведь и они подвержены порокам? И недаром одно и то же Перо в разных руках оставляет совсем разную каллиграфию на листе, и это — память. И как тут не вспомнить древнюю мудрость: «Перо — начало,

а письмо — ремесло». А ремесло должно прокормить и даже принести доход, чем больше, тем лучше... Впрочем, а к чему бы это? Вернемся лучше к нашему повествованию. И раз Властелин мира — Тимур — тяжело болен, наше Перо благосклонно даст ему покой, но не вечный, а мы, как принято на Востоке, уделим больше внимания старцам, а то все молодым, да их вражде или любви. Но есть ведь и другие стороны жизни... Вот наш Молла Несарт, находясь во временном стане великой ханши Сарай-Ханум, встретившись с Шадомой, точнее Шадь-Мульк, позабыл обо всем. Он не понимал, зачем Малцаг, жертвуя своей репутацией, «проиграл» мальчишке Халилю? Если бы эту операцию или игру вел бы Тамерлан, то Молла понял бы — готовится очередная провокация, то есть коварство, вслед за которым произойдет захват власти со всеми вытекающими последствиями. А что могут задумать и воплотить в жизнь такие люди, как Шад-Мульк и Малцаг? Жаль, погубят они себя. Разве возможно с такой сверхсилой, как Тамерлан, даже старый Тамерлан, бороться?

Призыв к сумеречной молитве привел Моллу Несарта в чувство реальности. А когда он увидел, что муэдзин² не кто иной, как Саид Бараки — духовный наставник Тимура, теперь главный богослов Востока, Молла быстро совершил омовение, стараясь избавиться от земной суеты и грехов, и, как уважаемый всеми старец, стал первым, чуть позади от Бараки, во время молитвы.

— Достопочтеннейший Саид, искренне рад видеть вас в здравии! Позвольте свершить Хадж, обняв вас! — даже будучи столько при дворе Тимура, Молла Несарт лишь на расстоянии несколько раз видел Саида Бараки, и то во время очень важных мероприятий, этот старец очень авторитетен и популярен.

— О Молла! — на низкий поклон Несарта Саид, как подобает его сану и положению при дворе, лишь слегка наклонил голову. — Слышал, слышал о твоих трудах, об обсерватории, как учишь великого внука Улугбека. Похвально. Вот только ересь

¹ Ибн Гебироль (ок. 1021–1055 или 1070 гг.) — арабо-еврейский поэт и философ. Жил в Испании, писал на арабском. Трактат «Источник жизни» и др.

² Муэдзин (*араб.*) — священнослужитель при мечети, провозглашающий с минарета азан (призыв к молитве).

свою ты, наверно, забыл?.. А то, как это — Земля движется во-круг Солнца? Бред какой-то!

— Заблуждался, глуп был, — склонил голову Молла.

— Ну ничего, ничего, чего по молодости не бывает. Ты по-кайся.

— Каюсь, каюсь, ваша светлость.

— Во! Покаяние никогда не поздно. Всевышний милостив, и мы будем за тебя молиться, Он спишет твои грехи.

— Благодарю, ваша светлость, ваше высочество.

— Ну как там Властелин? Столько благих дел свершил Великий Тимур для мира и веры. Столько добра, а милости сколько?! И надо же такому случиться, такое горе — Мухаммед-Султан! Ах, эти безбожники, еретики... И знаешь, даже на нас позарились, напали. Какая неблагодарность раба! Вот невежество варвара! Ведь этого Красного Малцага лет десять назад Великий Тимур пощадил, живым оставил. А он, одно слово — дикарь! Да час его пробил, славный принц Халиль отомстил, показал, какого он рода, чей сын, и где его место.

— А что Малцаг, убит?

— Конечно, принц Халиль сказал, и я уже отправил послание с гонцом. Безмерно будет рад мой сын Тимур, услышав эту новость. Она придаст ему сил... О, зовут на ужин. Прикоснись вместе с нами к благам Властелина, и ему это будет закат¹.

Тюрко-монгольские женщины всегда были свободолобивы и даже трапезничают вместе с родственниками. Несмотря на походные условия, ужин царский, роскошный, он проходит в шатре Сарай-Ханум. При входе Молла Несарт замешкался, не зная куда сесть. Великая ханша помогла, усадила возле Шад-Мульк, и тут Несарт не сдержался, по-нахски, шепотом спросил:

— Что с Малцагом?

— Все хорошо, — и больше они не проронили и слова. Долгий ужин закончился молитвой Саида Бараки, и он же предложил:

— Молла, переночуй в моем шатре. Опять же, и мне будет нескучно, поговорим.

Сам духовный наставник проводил ученого в отдельно стоящий огромный шатер, который охраняют поболее, чем покой

¹ Закат (*араб.*) — милостыня, один из столпов ислама.

Сарай-Ханум, и это немудрено: Саид Бараки — почти второй человек в империи Тимура.

Даже в походных условиях — неописуемая роскошь, и Молла не без зависти посмотрел на расписной массивный стол. Над ним висит изумительный шелковый ковер, на котором якобы слова Пророка: «Больше всего я люблю три вещи: своевременную молитву, хороший запах и женщин».

— Только за ним могу работать, — перехватил взгляд Бараки, — вот пришлось взять с собой, во время привалов и по ночам я постоянно в трудах, для потомства и истории достоверно описываю славную жизнь Властелина мира... Э-э, ты располагайся, а мне еще надо переговорить с Сарай-Ханум, скоро вернусь.

Как всякий исследователь, из любопытства Молла Несарт подошел к столу — много исписанных листков, прекрасная выверенная каллиграфия, проза и стихи на фарси, сноски на арабском. Он не удержался, прочитал в прологе: «ничего не прибавив, не убавив, а также не позволяя себе никакой отсебятины, вроде лести...» Дальше он не стал читать, отошел от стола, понимая, что неприлично, к тому же наверняка подсматривают. Правда, когда хозяин стал задерживаться, Молла стал прогуливаться по шатру и как-то невольно вновь бросил взгляд на листки, слово «Кавказ» буквально приманило его к столу, и он не удержался, стал читать.

«Слава единому Аллаху, Который держит Свое слово и помогает Своим слугам и укрепляет Свое войско, а еретиков разбивает наголову! И мир, и благословление Пророку, после которого не будет другого пророка!

С того самого времени, когда в соответствии со словами «Будь!» — и оно бывает¹, небо впервые вложило ключи от земли Обитаемой части мира в руки власти Великого Тимура, сына Тарагая, чей предок — вождь турок Абуль-Турк, сын Яфеса, внук Ноя, которых в каждую эпоху в соответствии с этим повелением и желанием являло из невидимого мира вождей человечества, и на востоке, и на западе расшивало платье жизни этих вождей победами, аромат которых услаждал обоняние всего сущего, о чем было записано во чреве книг и сказано с минбаров²,

¹ Коран, II, 111.

² Минбар (*араб.*) — возвышение в мечети; род кафедры, с которой читаются проповеди.

до самого сегодняшнего дня, когда поверхность земли украсилась всеобъемлющей милостью и непогрешимой мудростью Всемогущего Властелина — Царя Царей — Тимура, источника благословенного мира и спокойствия, Повелителя Земли и Века, вознесенного чудесной силой Всемилостивого Аллаха — Тимура, и свет милосердия и добра зажегся на горизонте праведности и справедливости, ни один глаз не видел такой великой победы, и ни одно ухо о ней не слышало. И это истинное подтверждение слов «Мы даровали тебе явную победу»¹, ибо Аллах (велика Его слава и непревзойденна Его щедрость!) обеспечил ее достижение через поступки и решимость и развязал ее узел с помощью проныцательного ума Благословенного Царя и Справедливого Монарха Тимура Тарагая — Того, чей меч направляет вера, отличает богатство и величие императора.

Великий Тимур, чьих высоких устремлений касается главы Плеяд, в то время как молнии намеченных им целей попирают лицо земли. А поскольку Всевышний сказал: «Поминайте милость Аллаха»¹, ничтожнейший раб его (Тимура) день ото дня растущего могущества, Саид Бараки, муфтий империи, желает послать эту добрую весть во все страны мира, далекие и близкие, и издать возглас, который язык Веры донес бы до сердец всех истинно верующих:

*Явилась Истина, столпы которой прочны,
звезда восходит и строение высоко,
Но нечестивцы и заблудшие мятежники
руками потянулись ко злу.*

И он (Саид Бараки) даст краткое описание подробностей этих событий, которые навсегда останутся на лице времени, и в двух или трех строках расскажет, так чтобы это достигло ушей высоких и низких, великих и благородных, от самого крайнего востока и до срединных морей (да позволит им Аллах услышать эту благую весть!), что с тех самых пор, как благодатный щит Великого Тимура укрыл благословенной сенью Кавказ, и над эти-

¹ Коран, XLVIII, 1.

¹ Коран, V, 14.

ми странами и землями развернулись победоносные знамена, он следовал божественной заповеди, которая гласит: «И Мы не наказывали, пока не посылали посланца»¹, и посылал к Гайраху² гонца, чтобы одобрить и предостеречь его, надеясь, что вежливостью и учтивостью сможет вынудить его прийти и в покорности и повиновении найти спасение от превратностей Судьбы. Однако по причине своей незрелости он каждый раз давал ответ, в котором не было ни слова правды и который был далек от добродетели и явно показывал, что истинные его намерения были иными, а слова расходились с делами. И поэтому Великий Тимур благодаря своей проницательности, которая сияет, как солнце, и отражает суть вещей, которая есть эликсир мудрости, принял решение уничтожить Магас и все крепости и города Алании, а скалы, на которых они стояли, по причине своей высоты руками касались пояса Ориона, и славой не уступали дворцам Сатурна; и разрушить эти крепости с мужами, и переломить спины тем людям, которые в своей беспечности повернули их к горам; и сделали зенит славы Гайраха надиром падения, а его веселость — унынием; и превратить его родовое гнездо — Магас, в котором, как он считал по своему невежеству, заключалась его сила, его проклятием и погибелью.

Жалкий правитель Алании, думал, что хитростью и обманом и глупой ложью можно избежать того, что предопределено. «Далеко, далеко то, что вам обещано!»³ А последний к своим преступлениям, что касаются веры, добавил лживые оправдания и глупые отговорки, и если бы он вышел навстречу Властелину с чистым сердцем, тот преподал бы ему урок, сказав: «Кто старое помянет», и бросил бы взгляд снисхождения и прощения на его обиды, и улыбнулся бы улыбкой согласия в ответ на его просьбы.

Когда тюркские войска Властелина достигли Алании и окружили ее столицу, то местный правитель Гайрах понял божественную мощь Тимура и обещал исполнить долг (выплатить дань), но поставил условие — дать ему время, не подвергать осаде горо-

¹ Коран, XVII, 16.

² Гайрах — правитель Магаса, Алании, части Северного Кавказа.

³ Коран, XXIII, 38.

да, чтобы в них не было боев и грабежей, и согласился, как залог, отдать в аманатство своего сына с тремя сотнями людей в заложники и открыть ворота крепости.

Будучи человеком великой мудрости и проницательности, Великий Тимур понял, что это был лжесын, ублюдок — Тума. Однако дальновидный Царь Царей принял лжесына, приласкал, и последний преклонился пред величием Господина, принял истинную веру, стал на путь достойной покорности и не ушел, как прочие горцы, в пустыню заблуждений. Он подсказал ключ к воротам крепости ереси и порока, и Властелин исполнил свою миссию черным огнем, что как жирные отходы ада вытекали на той земле, залил он рассадник идолопоклонничества и невежества, истребил род правителя-нечестивца.

Из человеколюбия и своей доброты, дабы дикое горное общество стало на путь истины и веры, Великий Тимур, отрывая от себя любимое дитя, поставил наместником тех земель старшего сына — Омар-Шейха, но его варвар Красный Малцаг коварно убил. И тогда Великий Тимур понял вещий сон, ниспосланный ему Всевышним — этот дикий горский народ стереть с лица земли. Он отправил в разведку тюрков, забывших о сне и отдыхе и сытых лишь блеском мечей. А с ними был и Тума. Он указал очаг прародительницы горцев, что в лесах Вед-Ана (Ведено).

— Ичинэ-гирмэ! — воскликнул Тимур, проник туда.

Однако на этом все не кончилось. Подлый Малцаг с кучкой людей бежал в высокие горы, надеясь там спастись от праведного возмездия. Да когда светлоликое Солнце вытянуло шею из-за горизонта, войска Тимура ударили в походный барабан и отправились через Аргунское ущелье, которое имело такие изгибы, как тело возлюбленной, — нет, был таким же узким и черным, как дорога в ад. Там негде было поставить ногу, как же можно было продвигаться вперед? И если серне было трудно удержаться на скалах, что могли сделать люди? Однако Великий Тимур пренебрег этим и предпочел трудности и тяготы легкому пути. И язык Провидения пропел эту песню:

*Прислушайся к своему внутреннему голосу,
ибо он и есть душа мира, заключенная в прекрасной душе,
которой ты обладаешь.*

И вот, миновав Шатой и Итум-Кал, тюркские отряды и полки прибыли к подножию крепости, где скрывался подлый Малцаг. И в полдень для размышления и отдыха Властелина тот балдахин, пред которым склоняет голову само небо, который подобен облаку, закрывшему Солнце, был раскрыт на вершине холма напротив крепости.

А от Коргой и Тазбичи, которые лежали справа от ущелья, по дорогам крутым и таким же ненадежным, как обещание нечестивцев, пролегающим между горными вершинами и ущельями, прибыли отборные войска, являющими собой ярость и пламя. И за ними еще пришли полки, подобные горе из железа. Горы и долины покрылись волнующимся людским потоком. И гордые горы Кавказа, чьи головы были высоко подняты, а сердца не ведали страха, теперь лежали поверженные, со сломленными шеями, попираемые копытами лошадей и верблюдов. И слух мира оглох от пронзительных криков верблюдов и от звуков труб и литавр, а ржание лошадей и сверкания копий ослепили сердца и глаза врагов. «Дело Аллаха было решением предрежденным»¹.

Однако мудрый Тимур, хоть и был уверен в своей силе и мощи, пожелал заманить горцев в свои сети наилучшим средством, чтобы не подвергать страданиям свое войско. Поэтому он послал к Малцагу его земляка Туму, с милосердной выгодой сдать-ся. Да неучтивый Малцаг, по причине молодости его лет, глаза его мудрости еще не пробудились от сна легкомыслия.

И посол доброй воли возвратился неуваженный. Тогда, на следующий день, когда из груди ночи потекло молоко рас-света, и в мире воцарилось смятение от рокота громopodobных голосов мужей и львов, Властелин лично поехал посмотреть все подходы к крепости варваров и еретиков. А еще через день, когда вестники Небес вынули свои блестящие мечи из ножен горизонта и развеяли черное войско Ночи утренней зарей, тюркское войско ударило по струнам арфы войны, и, намереваясь разорвать завесу, за которой скрывались их противники, они приготовились привести в действие баллисты и осыпать их камнями. И они срубили и срезали для этих катапульт деревья, которые горцы оберегали и поливали уже

¹Коран, XXXIII, 38.

много лет, не ведая, для чего они растут, или какие плоды принесут в будущем.

Каждый день я учу его стрелять, и когда его цель станет ясна, он застрелит меня¹.

Тем временем защитники крепости горцы-головорезы основательно приготовились к сражению, свою башню, возвышающуюся к небу, они не собирались сдавать.

И с этой стороны такие были юноши-тюрки, которые разрывали волос острыми стрелами, а сами не уклонялись ни от стрелы, ни от камня. И стрелы, которые были стрелами Судьбы, пущенные Ангелом Смерти, обрушились на этих несчастных, словно ливень из подобных решету облаков.

*Стрела прошла сквозь железо кольчуги,
как предрассветный ветер сквозь лепестки цветов.*

Когда солнце закрылось щитом тени гор, они прекратили сражение, но на четвертый день, который стал переломным моментом их недуга и доказательством истинности правого дела, когда начала занимать заря и когда были испробованы все средства, в этих глупцов было решено стрелять из арбалетов, построенных китайскими мастерами и бившими на две с половиной тысячи шагов, и тогда эти дьяволы-еретики сломились, и тогда ловкие, как змеи, и бесстрашные воины взобрались на эту башню и наголову разгромили всех злодеев и ядовитых гадов, разрубили их на куски и их главаря Малцага бросили еще живым к ногам Властелина. Да безмерно великодушие Тимура, дабы другим был урок, оставил он нечестивца Малцага живым, правда, как вьючного мула кастрировал. Но, как проклятый иблис², воскрес, вновь причинил невиданное зло, да его пыл сила праведная, принц Халиль, укротил. И об этом другой сказ.

А на севере Кавказа, в этом рассаднике ереси, колыбели нечестивых и низких идолопоклонников, неверных и еретиков, не осталось камня на камне. Рок Судьбы воскликнул такие сло-

¹ Точное авторство не установлено.

² Иблис — черт, дьявол; в мусульманской мифологии соответствует Люциферу — ангелу, восставшему против бога и превратившегося в дух зла.

ва: «Да погибнет народ неправедный». И их жены и дети были уничтожены все до последнего, как и их воды и родники, которые отравили, чтобы в мире больше не было безумцев, лицемеров и обманщиков, что выдавали свинец за чистое золото.

Сегодня, благодаря великой победе Освещающего Мир Властелина Тимура, если еще в каком углу и остался горец с Кавказа, то он раб и занимается женским ремеслом, и не имеет честь.

Князья и правители по соседству с Кавказом, что бледнели от страха перед этими проклятыми горцами и платили им дань, и не стыдились такого положения, теперь вкушали сладость покоя. И все обитатели Кавказа, Степей, прибрежного Понта и Каспия, и в особенности правоверные, были избавлены от их злых козней и нечистот. Все разделили это ликование. И эта великая победа занимала мысли всех людей, и украсила его свет дня, освещающий мир. «И усечен был последний из тех людей, которые были неправедными». «Хвала Тимуру — Господу миров!»¹

Молла Несарт так зачитался, что даже не заметил, как в шатре появился Саид Бараки.

— Достойно ли читать летописную рукопись?

— Ох, недостойно, — быстро нашелся Молла, — от непомерной лести так сладко, что меня чуть не вырвало, да тут такие ковры.

— Что-то не пойму я твоей иронии, или вновь изображаешь ты шута?

— Шут не тот, кто смеется, а тот, кто заставляет смеяться, написав литературную ложь.

— Всякая литература содержит в себе что-то истинное и много ложного, и действие ее будет зависеть от искусства, с которым истина будет отделена от лжи.

— Это как твоя проповедь?!

Лицо духовного наставника потемнело, тронув бородку, он постарался грозно сказать:

— По-моему, ты к старости совсем лишился ума, и для тебя к утру поставят виселицу.

¹ Компиляция составлена по трудам: Тамерлан. «Автобиография, Уложение»; Ата-Мелик Джувейни «История завоевателя мира»; Агустин Аленьяль «Аланы в древних и средневековых источниках»; Сулейманов А. «Топонимия Чечено-Ингушетии»; «История Грузии», под ред. С. Джанашиа. Тбилиси, 1946 и др.

— О! Это говоришь ты, духовное лицо? Не выйдет, — Молла печально повел пальцем перед носом Бараки. — Я здесь не ниже тебя, ибо на моей шее личная пайзца Тимура, — бравирует он, хотя пайзца давно у Малцага. — Так что уважь векила¹ Тимура. Я послан им, чтобы тебя спасти. Но понял, что спасать-то надо от тебя... Твоя литература — ложь, гнусна, вредна.

— Как смеешь ты чернить первоисточник? Все мои выводы закованы в броню непреложных фактов.

— Тогда скажи о тысячах убитых, о насилии, войне.

— Война с неверными, за нравственность людей.

— У всех народов нравственность одна, лишь мера алчности различна.

— О! То зависть гложет. Ты видел ныне Самарканд?

— Чтобы воздвигать сооружения в таких чудовищных размерах, чтобы правители были тираны, а народ — рабы.

— А то судьба у всех своя.

— Смерть Мухаммед-Султана — тоже судьба. Что же вы все так опечалились, с места сорвались?

— Не путай, Мухаммед-Султан — потомок царей.

— А это мы оба хорошо знаем. Дед Мухаммед-Султана — Тимур, будучи подростком, попался на воровстве у товарища, и сверстники его били, когда мимо проходил ты, юноша, бедный муталим, который заступился за воришку — будущего правителя. И он твоей услуги не забыл. А ты взамен ответил ему неблагодарностью, вредительством, даже предательством.

— Что ты хочешь сказать?!

— А то, что полукочевое тюркское общество, где ты и Тимур росли, хоть и было полуварварским, да оно было относительно свободным, без ложных предрассудков и религиозных догм. В таком обществе могли развиваться бунтари, как Тимур, которые в боях крепчали и могли стать личностями. Теперь же ты, став духовным лидером империи, упразднил всякое сомнение, насадил дипломатию суеверия, подчинения, лицемерия и лжи. Насулькивая Тимура, ты постоянно заставлял его воевать, якобы во имя веры, а на самом деле для все большей добычи. И теперь ты даже в походе окружил себя невиданной роскошью, рабами, ох-

¹ Векил (*араб.*) — уполномоченный, доверенный.

раной... Истребив все личности, кроме Тимура, который всегда нужен тебе, ты окружил и себя, и Властелина одними лицемерками, подхалимами, лжецами. А иное считается инакомыслием, ересью... Ты, как духовный лидер, создал общество, где осталась лишь кучка богатеев, а остальные — рабы. И среди богатых ложь стала одной из ежедневных потребностей, а лицемерие — одним из обычаев, общий дух и образ мыслей всей нации подвергся порче, и сумма существующих в ней пороков и заблуждений страшно увеличивается. Итог тому — вокруг Тимура нет личности! Где наследник, кому бразды отдать? Не ты ли претендент?

— На сей раз в Тебризе тебя точно повесят, — прошипел Бараки, от гнева дрожит.

— Только этим ты мыслишь, прячась за суры Корана.

— Вон! — срывается на писк старческий голос, и вдруг: — А ну, стой!

Молла обернулся.

— А скажи, мой дорогой ученый, что ж ты так печешься о нашем обществе?

— Понимаешь, в твоей летописи, как ты и сам сказал, много лжи, но и правда есть. И она в том, что твой ученик Тимур, с твоего благословения, почти полностью уничтожил горцев Кавказа. Да вместе с тем, те, кто остался, и я в том числе, теперь должны жить в этом обществе, обществе невежд и лицемеров у власти и забитых твоими проповедями темных, поработанных масс. Это тьма, никакой перспективы и прозябание на периферии истории.

— Хе-хе, тебе это не грозит. Бог тебя миловал.

— Конечно, миловал, — в свою очередь усмехнулся и Молла Несарт. — А вот тебе и твоему ученику, пока еще есть время, не грех покаяться.

— Каюсь только в одном, что тебя, глупца и врага, до сих пор при дворе держали. Несносно мне с тобой под одной крышей. Иди!

— А мне под одним с тобой небом. Пойду.

На улице было совсем темно. Только Молла Несарт вышел, как его схватили, скрутили, связали, бросили на землю.

— Пайзца, пайзца, — полушепотом, шипя, крутился вокруг Саид Бараки. — Где пайзца? — дернул он за бороду Моллу.

— Ха-ха, — залился смехом Несарт, словно его пощекотали. — А зачем мне теперь пайзца? Иль она и на небесах помогает?

— Ух, — пнул его Бараки. — Молись, неверный. Недолго тебе осталось.

— Сколько осталось — не тебе решать.

— Молчи. Живьем на заре закопаем.

— Хе-хе, мне не привыкать, да и отжил я свое. И, надеюсь, примет меня земля. А вот будет ли у тебя и у Тимура могила? Примет ли вас земля? Вряд ли... Прощай.

— Убрать! — провизжал Саид Бараки.

По тому, как бросили на верблюжьих испражнения, Молла Несарт понял, что на рассвете рабы, очищая место стоянки, все закопают вместе с ним.

Времена средневековья были жестоки, смерть и убийство никого не удивляли. А дожить до седьмого десятка лет тоже считалось крайней редкостью. Может быть, поэтому и сам Молла Несарт отнесся к своей судьбе как к предназначению. Единственно, он думал о Шадоме и Малцаге. Их пропащей молодости, да и всей их жизни было жаль. И еще ему было очень жаль, что не успел восстановить в Самарканде обсерваторию, обобщить и закончить свои научные труды. А так, что уж горевать? Жестокость никого не удивляет: время и нравы такие. Может быть, поэтому он к полуночи забылся в глубоком сне, благо, что летняя ночь оказалась теплой. А на утро Моллу еле растолкали, развязали, сам принц Халиль важно приказы отдает. И когда его раздевали, он все понимал, а когда стали надевать шелковые наряды — крайне удивился и хотел противиться, мол, он исламской веры. А его накормили в шатре Сарай-Ханум, потом на верблюда усадили, и не простого, а белого, и лишь тогда он от караванщика узнал, что накануне ночью духовный наставник Тимура Саид Бараки скоропостижно скончался.

Весь день ехали. Был небольшой привал на молитву и скорый обед, когда кто-то обмолвился: Бараки задушен. Поздней ночью прибыли в Тебриз. И только Молла спешился, как его кисть попала в теплую женскую ладонь: знакомый, пьянящий аромат и шепот в ухо, как поцелуй дочери:

— Пожалуйста, молчи! Ты нам нужен... За Халиля скажи.

Тотчас Несарта подхватили сильные руки, только по силуэту огромного здания на фоне лунного неба он узнал, что ведут в «Сказку Востока», но это даже не «Сказка Востока», не тот благоухающий аромат жизни и веселья, и даже деньги здесь не помогут — гнетущая тоска, и моют с болью, значит, к Тамерлану поведут.

Властелин болен, в постели, видно, лечится изрядной дозой спиртного. На коленопреклонное приветствие он даже не ответил, а сразу задал вопрос?

— Ты был у Саида последним?

— Вроде я, — сходу выпалил Молла.

— Что с ним случилось?

— Поистине дивны дела Аллаха, — не понять тон Несарта. — Пока наставник был на ваших глазах, он никогда так не поступал.

— Гм-м, — как старый зверь, зарычал Тамерлан.

— Властелин, — вздрогнул Молла, — поверь, я так устал с долгой дороги, что сразу же заснул... И только утром, как и все, узнал... И кто удивится, если я или Саид Бараки умер, уж сколько лет! Лишь бы тебе Бог дал здоровья. Ты столп земли, богатство мира!

— Молчи, — резанул Тимур, — тебе лезть не идет. Да сразу видно — пообщался ты с Бараки.

— Чуть-чуть... Уж больно он Халилем восхищался.

— Да... вот последнее письмо... Неужто вырос так Халиль?

— Да, так возмужал. Герой!

— Хоть эта благостная весть.

— О Властелин, ты заслужил. И как иначе, твоя кровь, Всевышний это знает!

— Гм, а вот тебя не узнаю.

— О, как же, как же! Встреча с таким человеком, как Бараки, не могла не оказать влияния.

— Да, потерял я надежного друга, — и, словно стараясь лучше разглядеть Моллу, он протер глаза, неизвестно что разглядел, но думал все же о будущем. — Быстрее заканчивай обсерваторию. Понял? Бегом! Бегом, я сказал!.. О-го-го! Лучший друг меня покинул, о-го, о-го!

«О-го-го!» — дразнящим эхом разнеслись рыдания по «Сказке Востока».

Стоит ли более лямку тянуть, да и что лукавить — знает наше Перо, уже знаем и мы, что из шестидесяти девяти лет жизни Тимур почти все уже прожил. Оставалось менее года.

Почему-то этот период, как и молодость Тимура, описан очень скупо. Впрочем, в молодости при нем еще не было летописцев, и это еще не тот полководец, который только побеждал, всякое бывало. Так что многое и самому Тимуру вспоминать не хотелось. А вот последний год жизни, ведь он Властелин, при нем множество секретарей, и если не сыновья, то некоторые внуки весьма образованны. Почему же даже они об этом последнем годе жизни не оставили должной информации? Почему в своей «Автобиографии», которую он, конечно же, сам не писал, об этом периоде ни слова? А ведь вроде бы, сам уже чувствовал, что конец — мог бы подвести некоторый итог. Нет! Тамерлан в это не верил и не хотел верить. Он Велик, он стал Властелином! Но почему-то именно после этого Тамерлан понес тяжелые для него утраты: наследник Мухаммед-Султан и духовный наставник Саид Бараки. Останки обоих торжественно отправлены на родину. Уже был дан указ возвести в Самарканде мавзолей в честь Мухаммед-Султана — Гур-эмир. После того как умер духовный наставник, последовал новый указ — мавзолей расширить и для Саида Бараки, а потом, видимо, подумал все-таки и о себе, Гур-Эмир стали перестраивать с невиданным размахом, особой роскошью.

А почему же сам Тамерлан не поехал хоронить своих столь любимых людей? Может, болен был? Или путь не осилит? Да, болел, и неделю не вставал с постели. А потом, как не раз бывало, он вдруг оживал — тогда смотр войск, гуляния, охота. Так почему же он не ехал в Самарканд? Может, любил Кавказ?

Да, любил, очень любил, так что из ревности к краю многих истребил, да, словно раскаиваясь в своих злодеяниях, как по датам отмечают летописцы, напоследок Тимур на юге Кавказа приказал построить новый город на развалинах Байлакана, и даже грандиозный канал, отведенный от Аракса силами своей же армии.

Похвально! И, как пишет один из нынешних ученых-кавказоведов в диссертации (ссылка есть только в рукописи), «даже

один этот факт говорит о покаянии, великодушии, гуманизме и реабилитации перед Кавказом».

На самом деле (наверное, Перо подсказывает) Тамерлан в межсезонье, то есть в период между войнами, всегда занимался грандиозным строительством, и потому прослыл созидателем. А это простой полководческий гений и расчет в управлении войсками. Сотни тысяч воинов нельзя оставлять без дела. Разладится дисциплина, начнется мародерство, а кончится тем, что войска не станут подчиняться, возможен даже переворот. Вот и занимают армию строительством. А они строят из рук вон плохо. И в том же научном исследовании отмечается: «Тимур был всегда строг, но справедлив... за допущенные при строительстве халатность (современная терминология: — К.И.), вредительство и воровство, в течение одного месяца трижды было казнено все правительство». (Гуманизм?!)

И далее «...после всех этих смертей (имеются в виду Мухамед-Султан и Саид Бараки, но не миллионов других), которые Тимура потрясли и как бы приблизили его собственную... он стал усердно молиться, исполнять все предписания ислама и выказывал примерную набожность, окружив себя дервишами и учеными по вопросам веры».

А живший в это время личный секретарь Ибн Арабшах пишет, что в последний год Тимур сильно изменился: внезапные приступы дикого гнева, непонятной жестокости, убийственные расправы даже над духовенством, считал, что они ему противоречат либо мстят.

— Я слишком великий государь, чтобы кто-то смел мне перечить! — грозно заявлял Повелитель.

И снова массовые казни смутьянов и нечестивцев, после чего грандиозные празднества, на которые съезжались и вызывались все подданные, вассалы, князья, феодалы «большой и малой руки», и все получали подарки из того, что досталось казне из конфиската казненных.

...Признаемся. Исследовать Тимура: его жизнь, наследие и влияние — просто необходимо. Он многому научил. Например, упорству... И мы с неким упорством вновь зададим вопрос: а почему Властелин не возвратился в Самарканд похоронить самых близких своих людей? Ведь мы знаем, что ранее он бросал

все ратные дела и спешно возвращался в столицу, когда умер его первенец Джехангир, его сестры. А что же на сей раз случилось? Здоровье? Да, оно не то, но не в той степени, чтобы лежать под роскошным балдахинном, под присмотром врачей, и когда тебя, если надо, даже на руках на край света понесут... Так в чем же дело? Ведь любопытство движет миром. И, разумеется, это не научное исследование, тем более не диссертация, — всего лишь роман, где, как известно, много вымысла. Однако, хотя нигде даже намеков и фактов таких нет, да в то же время смеем предположить, что его кое-что держало, и это амбиции, его вроде бы завоеванное и узаконенное величие, которое по прибытии в Самарканд будет поставлено под сомнение. В первую очередь его окружением, которое он теперь не щадит. А почему?

Потому что он вассал Китая, династии Мин, потомков Чингисхана, что восседают в Пекине. И потому, что он после каждого похода, по прибытии в Самарканд, должен отчитаться, послать подарки. Так, после Индийского похода он послал в Китай слона, ларец, наполненный алмазами, двести коней и прекрасных наложниц. Вроде подарок символический, да сам факт, который он до сих пор пренебречь не мог.

И, кстати, сам Тамерлан и его преемники тщательно скрывали кабальную зависимость. Однако есть запись придворного хрониста Тимура — Абу аль-Разака Самарканди, который это подтверждает, и дотошные историки в китайских источниках «откопали» официальное письмо Тимура, где он «признал себя вассалом Китая... и никогда не переставал слать подарки и слов».

Это было. Никто не отрицает... Но тогда Тимур был всего лишь Великий эмир, а теперь он всесильный, непобедимый Властелин, перед которым содрогается мир. И он теперь будет слать подарки в Китай? Более не бывать этому. Э-э! Кое-кто подумал, что Тимур уже стар, болен, зачах, сдал. Нет! Не бывать этому. Они усомнились в его гении, терпении, решительности, целеустремленности и коварстве. Да, он не возвращается в Самарканд по одной причине. Нельзя заранее вспугнуть мощного врага. А он, находясь на далеком Кавказе, уже готовится в поход. Тысячи разведчиков направлены в сторону Китая, столько же, с таким же заданием, купцов, нищих, дервишей. Все они прораба-

тывают все, в первую очередь маршрут. И не просто так, а специальные хлебопашцы за год-два должны заложить на возделываемых землях Монгольского Алтая пшеничные поля, дабы запас зерна был в малообитаемой местности. А потом пустыня Гоби — и здесь уже роют глубокие колодцы, для обеспечения водой, а затем обследуют три возможных места, где Тимур преодолет Великую Китайскую стену, а Пекин, он в этом уверен, сходу возьмет... Да когда это будет? Ведь на авось не попрешь, он ведь всегда все обдумывает, просчитывает, тщательно готовится, вплоть до того, что даже при осаде крепости он лично, рискуя под стрелами, порою мелом прочерчивал, где поставить катапульту, где лестницу, где щиты... Ох! Ну почему он ныне не под Пекином? Время же идет, уже бежит, и как бы он ни крепился, силы не те, даже его, Властелина, покидают. Он может просто не успеть. Неужто вассалом умрет?!

Вот что его бесит, от чего он сходит с ума. И, конечно же, гибель Мухаммед-Султана — это урон, но это не сдача позиций. Он покорит Китай, тогда полностью покорит мир. Его голова всецело занята походом в Китай. Боясь не успеть, он злится на весь мир, приступы гнева и бешенства все чаще, ведь он чувствует наступающую немощь, самообладания уже нет, а он Властелин. Как же это ему не подвластно? Он хочет жить, вечно жить! Жить Властелином!

Самые искусные врачи, знахари и предсказатели, что неотлучно при нем, лечат и калечат, поставили правильный диагноз — приступы Властелина от зловредной ауры «Сказки Востока», да и всего Тебриза. Недаром и Мираншах здесь сошел с ума.

Тамерлану прописали покой, подальше от городов, где-нибудь на живописном Кавказе, где уже наступившая зима гораздо мягче и приятней, чем в Средней Азии. И поохотиться можно, и отдохнуть, подлечиться и подумать. А дума у него теперь одна — Китай, она его поддерживает, ею он грезит, она его будущее, его вечность... А здесь, в Тебризе? Здесь более делать нечего, весь цвет сорвал, нектар испил, так, доедает прошлогодние плоды. А взгляд — на Восток, на Дальний Восток — Пекин. А на Кавказе что? А что? Да ему теперь безразлично, теперь это мелочь. Другое дело и масштаб — Китай. А пока, раз уж так все на-

стаивают и подсказывают, пусть наместником будет Халиль, пора в деле посмотреть.

...Вот мы и спустились с Тимуровых Небес, или Поднебесной, на грешную истерзанную землю, в Тебриз. Снова «Сказка Востока», где теперь новый правитель, молодой Халиль и его окружение. А в этом окружении главная — Шад-Мульк (Халиль и сейчас днями и часами лежал бы у ее ног, но теперь Шад-Мульк его буквально погоняет, заставляет служить, управлять, командовать). Она, во всех смыслах, — его путеводитель, его единственный идол поклонения, можно сказать, Господь.

Знает ли об этом Властелин? Вряд ли. Он ослаб, его гнев так страшен, что любое общение, тем более науськивание, он может воспринять неадекватно, и только за это наказать, даже казнить. Поэтому Тамерлана уже избегают, да и врачи никого особо не допускают, берегут его покой.

А знает ли дворцовая элита о влиянии на нового фаворита некой Шад-Мульк? Конечно же, знают почти все. И так получилось, что этот Халиль, пусть и под руководством какой-то куртизанки, как человек недалекий, пустой, устраивает всех при дворе. Он сын Хан-заде, и в то же время внук Сарай-Ханум. Если им пока что управляет какая-то Шад-Мульк, то настанет время, и им управлять будет тот, кто сможет и захочет.

Образно, вся эта дворцовая знать, скажем, элита Тимурова двора, — это некая социальная среда наподобие муравейника или пчелиного роя. Не по воле «самки-вожака», а во имя своего будущего они сами закладывают и взращивают новую «самку-вожака» — это чисто природный инстинкт. Видимо, так же срабатывает инстинкт выживания и в деспотично-монархических закрытых обществах, где главное — не личные качества лидера, при которых становился, к примеру, Тимур, прикрывающийся догмами, суевериями и насилием, а господствующий невежественный, консервативный класс, в котором строгая «упорядоченная» иерархия, и главная цель — оказаться поближе к трону. И царь только тем и озабочен, кого из фаворитов приблизить, кого отодвинуть, словом, кто более и слаще подлизнет. Кругом интрига, коварство, ложь и месть. Но все это подкреплено и держится на огромных богатствах, которые захвачены хищничеством, обманом, эксплуатацией (ныне называется предпринимательской смекалкой).

Знает ли Шад-Мульк об отведенной ей роли — некоей прелюбимой «няньки-матушки-куклы» при фаворите? Прекрасно знает, и все понимает. Она в борьбе, в нешуточной борьбе, которую она искала.

А есть ли у Шад-Мульк хоть какой-то шанс не то что выиграть, а просто выжить? По мнению двора, никакого, и в этом никто не сомневается. Ведь это вроде смазливая простушка, в которую влюбился мальчишка Халиль. Пока это устраивает всех. А сядет Халиль на трон, вслед за властью обзаведется гаремом, и все станет на свои места.

А что делает Шад-Мульк? А Шад-Мульк, действительно, внешне ведет себя как «простушка», тоже влюбленная в Халиля, что немудрено... Но мало кто знает, что Шад-Мульк — это Шадома, девушка благородных кровей, по тому времени прекрасно и всесторонне образованна, в отличие от тех же ханш. А главное, за ее плечами, пусть по времени недолгий, да огромный жизненный опыт: рабства, унижения, насилия, что оставили горький след в ее душе, но только не на теле, лучезарном, улыбающемся всем лице. Ведь она не то что прирожденная, а уже приносившаяся артистка, которая исполняла любую роль пред любой публикой. И понятно, царский двор — это не благодушная отдыхающая публика «Сказки Востока», но и она не в одиночку солирует на авансцене, она искусно заставляет всех подыгрывать ей, так же улыбаться ей в лицо и даже любезничать, потому что она не просто артистка, совсем не кукла. Она кукловод, потому что в ее руках Халиль. И тут не до иллюзий, жесточайшая диалектика жизни — там, где единство, там и борьба противоположностей.

Нынешняя знать, а это зажавшиеся, пресытившиеся особы, избавилась от жесткого, умного и расчетливого, как дед, Мухамед-Султана. Почти всех устраивает Халиль такой, как есть: мягкий, инфантильный, влюбленный, романтический, чтобы легче было управлять, то есть жить. Совсем иного хочет Шад-Мульк. Теперь ей нужен Халиль сильный, мужественный, решительный. Наверное, этого же хочет и сам Халиль. Однако природу человека не переделать. И если Халиль слаб, то хотя бы рядом с ним должен быть сильный человек. У Шад-Мульк выбор один, и он кажется невероятным — поставить позади Халиля Малдана.

В это трудно поверить. Но в истории человечества, тем более в борьбе за власть каких только зверств не бывало. А тут, обойденный вниманием летописцев, право, это и немудрено, все было в строжайшей тайне, а не в масштабе грандиозных войн, либо революций и переворотов, да некий историзм был, ибо встретились Халиль и брат Шад-Мульк — Малцаг.

Более своего брата полюбил Халиль известного героя Малцага. А знал ли Халиль, что Малцаг убил его брата Мухаммед-Султана? Конечно, знал. И он этому рад. У Тимура не было братьев, никто не оспаривал с ним престол. Зато были друзья-соратники, но и они были до поры до времени, потом кто за него погиб, кто на кухне остался пожизненно, а кого казнили. Оставил бы Мухаммед-Султан так Халиля? Вряд ли. А если бы оставил, то где-то на задворках истории.

А знает ли кто о налаженной связи между Малцагом и Халилем? Кое-кто знает. Ведь Халиль принц, наследник, фаворит. У него своя свита, своя армия, своя разведка и командиры. Кульминация событий налицо. И тут нет друзей, нет врагов. Есть политика, где допустимо все, что соответствует интересу и расчету. Так и только так действовал и учил всех сам Тамерлан. Так и в интригах, в коварстве, в борьбе, где дозволены были любые приемы, пришел к господству Тамерлан, и иначе не может действовать и его наследство. А Малцаг, опытный воин, полководец, которым восторгался сам Тимур. Теперь он для кого-то уже погиб, для других, кто все знает, просто нейтрализован. А зачем распыляться, не лучше ли иметь такого полководца в своих рядах, тем более что врагов кругом предостаточно, а тюркские воины — уже не те дикари, что выросли в степи, всосав молоко волчицы, и уж точно кобылы. Та старая, легендарная гвардия полегла, добывая Тимуру славу. Нынешнее поколение тюркских воинов — это остепененные роскошью, городами и благами завоеваний отцов сыны, у которых мало мотивации для побед, тем более погибели на чужбине. Так что тайно, под чужим именем использовать Малцага не только можно, но и нужно.

Согласен ли сам Малцаг служить в армии, против которой сам всю жизнь воевал? Конечно же, нет! Это обстоятельство уже обсуждалось, и не раз, не раз Малцаг и Шад-Мульк встречались. То это было чуть севернее Тебриза, в пойме реки Аха-ра-Чай, ку-

да Халиль и Шад-Мульк ездили на охоту. Было так, что Малцаг приходил и в Тебриз, и они втроем встречались в условленном месте. Малцаг не согласен, а Шад-Мульк, одержимая, сама выехать не может и вновь Малцага зовет. Он всегда мчится на ее зов, благо у него есть пайзца, но теперь и она особо не нужна: люди Халиля под охраной доставляют его в Тебриз. А Шадома не только актриса, она еще и режиссер.

Халиль, как правитель Тебриза, по традиции живет в «Сказке Востока». Тут же, в тех апартаментах, где некогда была рабыней, расположилась и Шад-Мульк. Она могла бы набраться наглости и провести Малцага прямо к себе, хотя там всегда Халиль. Однако Шад-Мульк замыслила ошеломить Малцага позабытым прошлым, когда и он был рабом, и она, якобы для тайны, назначила встречу в темных, сырых, вонючих подвалах, где, как и прежде, сотни, может, тысячи рабов, как когда-то и сам Малцаг, крутят сутками жернова, обеспечивая жизнедеятельность верхних этажей, — это и есть образ времени, то есть «Сказка Востока».

От воспоминаний, от этих запахов пота, испражнений, рвоты, тоски и смерти, от этого ужаса Малцаг весь побелел, задрожал. Он об этом забыл, он не мог и не хотел это помнить, более знать. А она пришла. Пришла как на деловое свидание, вся в наряде и в блеске.

— Вспомнил нашу жизнь? — почти что бесстрастен голос Шад-Мульк, будто это ей никогда не грозит и не грозило.

— Знал бы, ни за что сюда не пришел.

— Хе-хе... Мир все тот же, мало что изменилось.

— А как там, наверху?

— Той идиллии, подлинной «Сказки Востока», нет и не будет: Тамерлан все цветы срубил... Одна роскошь. И пустота. Тишина! Лишь муэдзин на молитву поет... Ни души. Редко-редко прислуга, как тень, пройдет... Зато здесь еще больше рабов. Тут не Бочек экономит, тут щедро-вороватый казначей, который этих людей как скотину спишет... Помнишь? И мы были в этом ярме.

— Помню, но больше не хочу.. Зачем звала?

— Малцаг, — ее глаза в темноте блеснули, как у хищника. — Ты думаешь, что мы уже вырвались из этого рабства, и это нам более не грозит? Нельзя все бросить на полпути.

- Я не буду служить под знаменем Тамерлана.
- Ты будешь служить у Халилия.
- И как ты это представляешь? Ведь меня знают.
- Знали, — она сделала акцент. — И то по имени, но не в лицо.
- Есть и те, кто знает в лицо.
- Ну, к Тамерлану тебя и не подпустят. И еще двое-трое, что тебя еще помнят, будут убраны.
- Мне нельзя, — уперся Малцаг. — Я кавказец, и всю жизнь воевал с тюрками.
- О чем ты говоришь? — злится Шад-Мульк, она уже примеряется к роли царицы. — Под знаменем Тамерлана десятки тысяч кавказцев, в том числе и твоих горцев-земляков... А у Халилия разве не твоя охрана?
- Им можно. Мне нельзя. К тому же я рыжий, безухий — все узнают.
- Ну, уши твои давно никто не видел. А волосы? Посмотри сюда, — она сдвинула платок, раздвинула прядь волос, — видишь, корни все седые. Я крашу волосы, и твои будут черные.
- Нет, — сухо парировал Малцаг.
- Малцаг! — теперь мольба в ее голосе. — Ты оставишь меня одну? Ведь мы в любой момент можем двинуться в Самарканд. А Хромец уже вызвал Халилия, о Китае говорил, видимо туда хочет пойти в поход.
- А где это? На краю света... Нет! Не проси, Шадома, не могу.
- Знаю, все знаю, — со злобой придвинулась она. — Это я потеряла все: родину, родных, и самое главное, вот так, рукой, — она перед его лицом сжала кулак, — вырвали последнее мое счастье на материнство, и поэтому я до конца пойду! А ты! А тебя спас от кастрации Молла Несарт, у тебя нынче семья, дети, и они манят тебя, атрофировали твою способность воевать, бороться до конца.
- Я прекратил борьбу, потому что ты попросила.
- Какая борьба? Всего пять тысяч против двухсот... Ну, убил ты Мухаммед-Султана, да хоть Хромца убей, ну и что?
- А ты что хочешь, что?
- Не кричи! — она осмотрелась. — Я хочу изнутри, до конца изничтожить этих кровопийц!

— Это невозможно.

— Возможно! — злобно шипит она. — Мы в шаге от цели. Дай сполна отомстить.

— Нет. Хватит. Давай вернемся. У нас дети, семья.

— Это у тебя дети, семья... А может, ты ревнуешь к Халилию?

— Это ты ревнуешь меня к семье... А я обязан их вырастить, на ноги поставить.

— И кем они вырастут? Горцами-дикарями? Будут дань тюнкам платить, либо воровать. Все равно на обочине истории.

— Замолчи! Я никому дань не платил и никогда не воровал.

— Ну что ты, Малцаг, — тут она его дернула. — Один год. Всего год побудь со мной. Не ревнуй.

— Ревнуй — не ревнуй, а своему красно-белому знамени не изменю.

— Хе-хе, это в мой огород? Ну ладно. Прозябай в своих горах, деток ласкай. Сама как-нибудь попытаюсь, мне все равно терять, кроме тебя, нечего и некого.

— Прости, Шадома!

— Прощай, Малцаг! — она крепко прижалась к нему, быстро отстранилась, и, артистично указав рукой: — Только не забывай, что «Сказка Востока» была и такой, и без борьбы такой же будет. — И когда Малцаг, словно боясь, что его здесь задержат, спешно покидал этот мрачный, смрадный подвал, Шад-Мульк с вызовом крикнула вслед: — Прошу, помни, мой дорогой Малцаг, чему Несарт учил — только знания спасут нас — знания, что мы не рабы и не варвары!

* * *

Предыдущий затянувшийся диалог никак не тянет на историзм. Ведь история — это действительность в процессе развития. Тогда надо вернуться снова к Тамерлану, пока он еще живой и по-прежнему дееспособен. И тогда, как отмечают летописцы, в зиму уже наступившего 1404 года, когда на Кавказе установились невиданные холода, Властелин нагрнулся с проверкой на строительство канала от Аракса. Увиденным он оказался крайне недоволен, дал срок неделю, чтобы все закончили. Не успели. И тогда были казнены все командиры и каждый двадцатый свой

же воин, всего около пятисот человек. Да это не в счет, человечество — воспроизводительный ресурс или материал. А вот что действительно останется в истории, так это строительство, ведь это созидание, развитие и цивилизация.

Стоп. Отчего-то Перо закрипело. Наверное, и Перу описывать эти зверства надоело. Тогда оставим историзм и обратимся к литературе. Вот где человечность: о душе, о чувствах, об эмоциях. Тогда другой герой Малцаг — вот кто вернулся в Грузию с разбитой душой.

С одной стороны, Шадома — это уже не любимая женщина, а самый близкий, дорогой человек, с которым он пережил очень многое, почти всю жизнь. С другой — семья. Он знает, что такое сиротство. И как бросить малолетних детей в суровых горах? Как о них не заботиться? Ведь горец Кавказа — ныне редкость, и надо бороться за каждую жизнь, тем более детскую. С третьей — знамя. Лишь над ним теперь развевается красно-белый нахский стяг. А это издревле символ: красный цвет снизу — цја — огонь, очаг, дом; белый цвет всегда наверху — чистота, равенство, свобода. И как от этого отказаться? Как можно под ненавистные Тамерлановы штандарты стать? Оказалось, в жизни все возможно, даже то, о чем никогда бы и не подумал. Так порою складываются обстоятельства. А конкретно с Малцагом — следующее.

Он многому научился у Тамерлана. В частности тому, что у каждой яркой личности всегда есть завистники и враги, тем паче в военные времена. Поэтому, не как Властелин, по десять тысяч, а два-три верных охранника Малцаг всегда держал при себе. А тут пригласили его, как почетного гостя, на кавказскую свадьбу, ведь жизнь продолжается всегда. И вышел он в круг один лезгинку танцевать, и в этот момент подлый выпад — кинжал блеснул. Не знал убийца, что под бешметом Малцага надежный подарок купца Бочека — добротная сирийская кольчуга. Оттого небольшая рана, коих на теле Малцага множество, — и внимания не надо обращать. А вот покушавшегося скрутили, оттащили. Думал Малцаг, что это наверняка подосланный Тамерланом убийца, а это свой, горец-нах, оказывается, уже давно за ним охотится. Словом, кровник, за казненного Малцагом брата хотел отомстить. Вот чего Малцаг никак не ожидал, вот чем он был крайне потрясен.

— Вот дрянь, — тряс он поверженного, но все еще горделивого земляка, — от нашествия Тамерлана, кой все и всех истребил, ты со своим родом в пещере скрывался и никак не пытался мстить. А я, твой земляк, казнил твоего брата, клятвоотступника, и ты посчитал зазорным с таким оскорблением жить?! Мразь, все равно от тебя пользы не будет, — сжал горло мощной рукой.

И после этого задумался, а какую пользу он ныне несет? Ведь он сам-то практически перестал бороться. В это время от Шадомы тревожное послание, она им живет, спрашивает: «Как ты? Береги себя!»

Теперь Малцаг вновь на перепутье, и к Шадоме хочется, помочь, рядом быть, бороться. А семья тянет к себе. И тут новое послание из Тебриза: «Тамерлан в первые дни весны отправился в Самарканд. Халилю поручено возглавить войска и следовать за ним». Это по делу, а потом еще несколько слов от Шадомы. Все это не в письме, а на словах. И что может передать гонец — сухие фразы. Но Малцаг слышит в этих словах столько шемящей тоски, столько грусти и любви. Ведь в них расставание, быть может, теперь навсегда. Она в одиночку в пекло пошла. Этого Малцаг вынести не мог. Зачехлил он свое красно-белое знамя, и вместе со средствами, что у него еще оставались, отправил за перевал, в Аргунское ущелье. А сам, более не мешкая, накинул на шею Тимурову пайзцу, этот ярлык, точнее ярмо, которое с самой юности висело на нем, довлело над ним и, как ошейник, вело на поводу лишений, испытаний, борьбы. Так Малцаг, и не один, а еще много кавказцев, стали под знамя тюрков, под командование Халиля.

Путь от Тебриза до Самарканда немногим более двух тысяч километров. Конная армия преодолевает это расстояние за полтора месяца. Однако Тамерлан теперь не спешит, он останавливается почти в каждом крупном городе. В честь него всегда грандиозный пир, во время которого на Властелина что-то находит, он начинает чинить самосуд: кого-то вешают, кого-то, кто ему понравился, поощряют. Говоря об этом периоде жизни, все летописцы сходятся в одном: Тамерлан всегда был жесток, но то, что он чинил теперь — настоящее зверство и все без разбору, свойчужой, да в массовом порядке. При этом не забывал об управлении и власти. Так, сын Шахрух был назначен правителем Хора-

сана и всех западных земель; внук Пир-Мухаммед, младший брат покойного — Мухаммед-Султана — назначен правителем Индии, а Халиль остался при нем.

Лишь в августе Тамерлан прибыл в Самарканд. Он не стал жить в городе, а поселился в новом, сказочном саду под названием «Диль-шад». Потом он осмотрел строительство, нескольких архитекторов наказал, после чего приказал строить новую гробницу для внука Мухаммед-Султана из белого мрамора с золотым куполом.

Об этих последних месяцах жизни Властелина никто бы с достоверностью не узнал. Да в чем могущество и привлекательность Пера? Перо не только оставляет след истории, оно также возвеличивает того, кто это Перо в руках держит, кто Перо уважает и ценит.

При дворе Тимура было много послов великих держав: Китая, Египта, Монголии, Золотой Орды, Византии и Франции. Да никто из них неизвестен. А вот посол маленькой, далекой Кастилии, уже упомянутый Клавихо, с Пером дружил, оставил след — отчет о своей поездке в Самарканд. И вот он пишет, что объехал почти весь мир, побывал во многих городах, но такого богатого и процветающего, как столица Тимура, даже представить не мог — это город-сад, где дома придворных и богатых — целые замки, утопающие в зелени и цветах. Здесь даже балдахины, под которыми разносят богачей, отвечивают блеском драгоценных камней. И всюду юные, красивые девушки-рабыни, привезенные со всех стран, они песни поют, на лютнях играют, всеми способами публику услаждают. А зрелищ в Самарканде — на любой вкус: от боя слонов, собак и змей до всяких музыкантов, фокусников и шутов. И нищих в Самарканде нет. Нищета Тимура угнетала. В этом городе нет воришек и попрошайек. По этому городу хочется медленно ходить пешком, созерцать и удивляться. Словом, Тимур молодец, разгромив и уничтожив сотни, если не тысячи поселений, он создал в своей столице утопию благоденствия на земле.

И вот настал день, когда посол Кастилии был допущен на прием. Обычно европейцы (это касается времен позднего средневековья) пишут о традициях и ритуалах восточных правителей с явной иронией и нескрываемой надменностью к примитивиз-

му. В отчете Клавихо все наоборот. Процедура прохождения к Тимуру очень сложна, многоступенчата, в ней описываются слоны, еще какие-то экзотические животные, потом старик, дети-внуки, под конец на руках заносят, а посол трижды падает ниц, готов еще, пока Властелин не кивнет. А вокруг такие строения, такая роскошь, великолепие и шарм, что невозможно в это поверить, на ногах устоять.

«Государь Тимур сидел в портале на полу, перед входом в прекрасный дворец. Перед ним взмывали высоко вверх струи фонтана, а в бассейне плавали румяные яблоки. Государь сидел, скрестив ноги на шелковых с орнаментом коврах среди круглых подушек. Он был одет в шелковые облачения и высокую белую шапку, верх которой украшал большой рубин с жемчужинами и драгоценными камнями вокруг».

А далее очень интересная деталь. Посол далекой Кастилии вряд ли знал о намерениях Тимура, да описал очень важный исторический эпизод. При всех дворах, во все времена очень важно, кого куда посадят, — это вроде признание, амбиции, иерархия и анахронизм. Так вот, посла крошечной Кастилии посадили, как положено, несколько ниже того места, которое занимал посол императора Китая. И когда Тимур это заметил... Тимур этого не заметил, Тимур это прекрасно знал, и, как опытный режиссер, все спланировал и артистично выдал:

— Посол короля Испании прибыл от друга и сына, посадить его выше посла Китая, который представляет вора, нечестивца и врага.

Это акт объявления войны, после чего Властелин сделал следующее заявление:

— Два месяца подряд будет пир, будут свадьбы. И не спрашивайте меня, почему.

Видимо, столько времени, по данным его служб, было еще необходимо для завершения подготовки похода в Китай. А до этого Тимур собирался основательно повеселиться. На празднестве он пил и ел без меры. Приглашенные им послы с удивлением наблюдали, как ночью он продолжал кутеж, точнее оргию, где допустимо было все. Усталые послы посреди ночи удалялись, чтобы хоть немного передохнуть, а вернувшись, на следующий день они видели Тимура, который, как ни в чем не бывало, про-

должал возглавлять пир. И тут еще один любопытный момент, описанный тем же Клавихо.

Бытовал ритуал при дворе Тимура, когда сам Государь выступал в роли виночерпия и, уже зная, что посол Кастилии не пьет, он обходил его, а остальным сам наливал. Это обстоятельство в одном из научных трудов названо не менее как деликатность Тимура. На самом деле кажется, что посол Кастилии Тамерлана мало интересовал. А сам ритуал виночерпия никак не вписывается в образ «борца за веру». Такого ритуала не должно быть при мусульманском дворе. И представляется, Тимур, потому сам спиртное разливал, чтобы никто, никто, в том числе, может, и духовенство, не мог отказаться от вина. Так он создавал круговую поруку, точнее поруху.

Недосыпание, чрезмерное потребление мяса и спиртного, половое увлечение значительно подорвали его телесное здоровье. Однако рассудок Тамерлана всегда оставался крепким.

В конце осени он собрал военный совет, на котором правый фланг — треть армии — поручил возглавить Халилю, и приказал двинуться через пару дней. Левый фланг, то есть войска покойного Мухаммед-Султана, он никому не отдал, и вместе с центром возглавил сам, выступив в поход спустя десять дней после Халиля.

Говорят, Тимур сказал: «Чтобы идти с войной на Китай, надо обладать огромной мощью». Для этого было сделано все: конница до двухсот тысяч, несметная пехота, транспортные средства, продовольственные склады вдоль пути следования. Он любил выходить в поход зимой — это был расчет: реки подо льдом, либо мельчают, продукты не портятся, нет всяких насекомых, значит инфекций, а в данном случае, зимой легче пересечь пустыню Гоби. На весь путь три месяца, и весной он должен стоять под Пекином.

Этому замыслу не суждено было сбыться. Одна из причин — погода. Выпал очень обильный снег, так что в ущельях высотой в два копья. А потом ударили сильные морозы, много людей, коней и животных полегло. Халиль, заместителем у которого был Малцаг (в походе была и Шад-Мульк), по настоятельной рекомендации последнего сделал остановку в Ташкенте, чтобы переждать холод. Тамерлан его нагнал и из-за невозможности

держат столь огромную армию на одном месте, Властелин двинулся к Отрару, где находилась первая база с продовольствием.

Здесь Тамерлан заболел. К тому же произошли мрачные предзнаменования: ночью загорелся дворец, где остановился Властелин, он, конечно же, не пострадал, да вслед за этим звездочеты заявили о неблагоприятном расположении планет. Это Тимура не волновало — он шел на Китай. И пока вынужденная стоянка, он решил затеять пир, приуроченный к прощанию с юными принцами и принцессами, сопровождавшими его до Отрара и которым надлежало возвращаться в Самарканд.

Этот пир Тимур не выдержал. От сильнейшей лихорадки он слег. Одни историографы утверждают, что у него случилось воспаление легких, которое он лечил огромным количеством спиртного, другие — просто перепил.

Не долго, но тяжело он болел, то впадая в беспамятство, то приходя в себя. У него было одно желание — увидеть сына Шахруха, но он был далеко. Тогда Тимур, уже поняв, что более не встанет, назначил своим наследником Пир-Мухаммеда и повелел командирам принести ему присягу. Была просьба, чтобы Тимур сделал письменное завещание. Однако Властелин верил в своих потомков и сказал: «Я повелел. Разве этого не достаточно?»

Еще одно завещание — похоронить его у ног Саида Бараки, дабы духовный наставник заступился за него на Страшном суде.

Последние слова Властелина внукам записал Ибн Арабшах:

— Не стоните! Не кричите. Помолитесь за меня Аллаху, — и, чуть позже: — Дети мои, я оставляю вас еще очень юными... Не забывайте тех правил, что я сообщил вам для упокоения народов. Интересуйтесь состоянием каждого. Поддерживайте слабых, укрощайте алчность и гордыню вельмож. Пусть чувство справедливости и добродетель постоянно руководят вашими действиями... Всегда помните последние слова умирающего отца, — было утро, весь лагерь молился, когда Тимур произнес последнее: — Аллаху Акбар! — и испустил дух».

...Со смертью Тимура история не закончилась, наоборот, разгорелась с невиданной страстью. Еще до кончины весть, что Властелин плох, домчалась до Самарканда. Сарай-Ханум тотчас тронулась в Отрар. Хан-заде, вторая фаворитка двора, замешка-

лась на день, и она подросла к лагерю Халиля, когда навстречу пришло известие, разлетевшееся мгновенно по всему миру — Тимура нет!

Безусловно, эта весть не оставила равнодушным почти никого. Да и неожиданности в ней не было. Ведь следом летела другая весть — наследником был объявлен Пир-Мухаммед. Скрывавшая радость, Хан-заде засобиралась обратно в Самарканд, чтобы встретить своего сына, и тут перед ней встал Халиль:

— Я тоже твой сын, — твердо, как его научила Шад-Мульк, выдал он. — Я тоже внук Тимура, и войсками командую я... Либо ты со мной, либо...

— Что «либо»? — властно закричала Хан-заде.

В это время вошла Шад-Мульк, грациозная, молодая, уверенная; черный траурный платок еще более оттеняет белизну ее очаровательного лица, а в глазах блеск молодой хищницы. Хан-заде была достаточно прозорлива, чтобы понять — ее мир резко изменился, великого покровителя, который удовлетворял любое ее желание и любой каприз, более не было. На карте просто ее жизнь, и, пытаясь услышать приговор, она уже тихо повторила:

— Так что «либо»?

— Либо вы будете жить с Халилем, то есть с нами, — слово держит Шад-Мульк, — ибо Халиль ваш младший сын, — с этими словами она подошла к двери, ведущей на балкон, резко отдернула темные занавеси, и, видя, что стекла обледенели от сильного мороза, она быстро вернулась, взяла дорогую вазу со стола и швырнула ее в окно. Звон, колючий ветер, а она царственным жестом поманила Хан-заде к окну: — Смотрите, — там во весь обзор глаз выстроены войска, перед ними брат Шад-Мульк — Малцаг.

— Что это? — испуганно прошептала Хан-заде.

— Сейчас войска принесут клятву верности Халилю, — слово держит Шад-Мульк. — Вам предоставляется почетная миссия, которая никого не удивит, — первой выдвинуть своего сына в правители и поддержать... Ступайте! Вы мать!

— А если, — на полуслове Хан-заде умолкла, увидев решительный взгляд Шад-Мульк, и следом — ее слова, как команда:

— Тимура нет, есть Халиль!

— Наш Халиль, — выдохнула Хан-заде.

В тот же день Халиль был провозглашен Государем. Была присяга, после чего началась гонка, гонка в Самарканд — кто первый займет трон.

...Если бы данное повествование претендовало на приключенческий жанр, то можно было все отнести к выдуманной кульминации. А вместе с тем все именно так и было.

Ближе всех к Самарканду, на полпути к Отрару находился сын Шахрух (он мчался к отцу), где его застали известия, облетевшие всю империю. Шахрух был благоразумным (это подтвердило время), при нем не было армии, а лишь охрана и ближайшее окружение. К тому же он получил в наследство огромные территории, там и без того забот хватает. Так что пусть сыновья Хан-заде — Пир-Мухаммед и Халиль — сами разбираются, видимо, решил он, и убрался восвояси, в Хорасан.

В Отраре, где явного лидера уже не было, зато была Сарай-Ханум, наступило раздвоение, разлад, вражда. Фанатично почитавшие Тимура полководцы настаивали, что надо продолжать поход на Китай, как завещал Властелин. Так они и поступили. Другая половина, наверное, более предпочитавшая земные блага, примкнула к Сарай-Ханум, которая, сопровождая гроб, направилась в Самарканд.

Дальше всех от мест событий, в Индии, находился нареченный наследник — Пир-Мухаммед. Однако когда он прибыл в Самарканд, на троне уже восседал Халиль. Правитель столицы — друг Тимура — уже ему присягнул, и ворота города не открыл. И это не все — в Самарканд не впустили и саму Сарай-Ханум, которая сопровождала гроб Тимура.

Ненавидящий Тимура личный секретарь Ибн Арабшах по этому поводу писал, что Тамерлан был изверг, кровопийца, коварный и подлый, но при этом он был храбрый воин, любил родню, семью, свой город, свой народ... Про его наследников ничего хорошего нельзя сказать: алчные, аморальные нечестивцы, «про которых даже не хочется Перо марать».

Последуем мудрому совету, тоже Перо особо марать не будем, тем более что после смерти Тимура и летописцев как бы не осталось, да и хвалиться особо нечем, словом, сведений почти нет. Да Перо, которое уж вдоволь исписалось, еще сильнее скрипит, наверное, поможет нам, ведь оно все знает, точку, когда надо, поставит.

Халиль и Пир-Мухаммед посредством переговоров договорились об одном — все-таки впустили в Самарканд гроб Тимура, Сарай-Ханум и еще некоторых важных персон. После этого братья стали готовиться к бою. У Пир-Мухаммеда, как осаждающего, явное преимущество, к тому же, у него поболее сил: гвардия Властелина с ним, и еще прибыло подкрепление от Шахруха.

Халиль, молодой, красивый, элегантный, он со всеми щедр, ласков и любезен. Да этим в противостоянии ничего не добьешься. Все знают, что он не воин, вся надежда на Малцага. Последний, получив полную свободу действий, просто расцвел. Наконец-то свершилась его мечта. Под каким бы флагом он ни стоял, он воевал против внука Тамерлана, и не как прежде, возглавляя пять-десять тысяч против несметных сил, а в более-менее сносном соотношении — тридцать тысяч против пятидесяти.

Вот под Самаркандом сошлись тюркские рати, сошлись братья, те, кто вчера воевал бок о бок. С врагом... Только не надо думать, что случилось что-то необычайное, и виной тому какая-то Шад-Мульк.

Вражда между братьями была всегда — где-то традиция, и пример для Халиля и Пир-Мухаммеда сам Тимур. Тридцать четыре года назад, не под Самаркандом, а южнее — Балх, Тимур напал, завладел землями и взял в плен своего шурина — эмира Хусейна. А именно эмир Хусейн помогал Тимуру в самые тяжелые годы, сделал из него командира, давал деньги, не раз спасал, и был даже ближе, чем брат, ибо они поклялись в верности друг другу на Коране и на мечях. Почему-то этим событием заканчивается славная «Автобиография» Тимура. И хотя авторство Тимура подвергается сомнению, другого документа нет, и продолжения «Автобиографии» нет, словно Тимур более не жил. А он жил. Как стал известным, женился на ханше Сарай-Ханум, а его первая жена Алджай, у отца которой он служил, умерла при загадочных обстоятельствах, так же умер и ее первенец Джехангир. После этого настала очередь эмира Хусейна. Он попросил у Тимура пощады, пожелал совершить паломничество в Мекку и там умереть. Тимур соглашается, и даже дал двух слуг в сопровождение, и когда Хусейн немного удалился, произнес:

— Вы видите спину человека, которого более никто не увидит.

Тогда Тимуру было тридцать пять лет, а первоначальный спор произошел из-за якобы несправедного дележа награбленного у купцов. А что говорить о юнцах: Халилю — двадцать, Пир-Мухаммед — лет на пять-шесть старше. А делят они почти весь мир и горы-горы несметных богатств, что хранятся в сокровищнице Самарканда. Такое неделимо, они готовы перегрызть горло друг другу.

Халиль (это по документам), а точнее, полководец Малцаг знал уязвимость крепостных стен, вывел войско за город.

Перо не хочет более о ратных баталиях писать, опять кровь и насилие. Правда, остался интересный эпизод. В полдень, после ожесточенного противостояния, Малцаг совершал привычный маневр — ложное отступление. С высоты холма наблюдающий эту картину Халиль испугался, подумал — конец и бежал за городские стены, поближе к Шад-Мульк. А вечером, когда разгромленный Пир-Мухаммед бежал, Халиль, встречая Малцага, с крепостной стены кричал:

— Где мой брат? Где башка Пир-Мухаммеда? Больше соперников не было. Халиль теперь уверенно сел на трон и первым делом объявил, что будет грандиозная свадьба. Так Шад-Мульк стала царицей. Все-таки добилась своего.

Стоит ли описывать ее ликование? А было ли оно? Конечно, было. Шад-Мульк сама назначила министров, сама их снимала. Почти что все было под ее контролем. Хан-заде и Сарай-Ханум у нее в услужении. Она противница гаремов, потому всех жен и наложниц Тимура раздарила. Она жила на широкую ногу, делала что хотела.

А изменилась ли Шад-Мульк? И осталось ли что от Шадомы? Такая власть не может не изменить. Изменилась — словом, превращение рабыни в царицу.

А как же Малцаг? У Малцага маниакальная идея — оторвать голову Тамерлана (труп забальзамирован, в гробу, но еще не захоронен в Гур-эмире. Это сделает Шахрух в 1407 году), водрузить на какой-либо снежной вершине и вернуться после этого на Кавказ. Ни то, ни другое ему Шад-Мульк не позволяет. Она понимает, что без Малцага ей не обойтись, и она не может без него. Вот в этом не изменилась. Она назначает Малцага министром и просит подождать еще один год.

А где же еще один герой — Молла Несарт? Он в обсерватории, неподалеку. Открыл свою школу, его лучший ученик — внук Тимура, Улугбек (впоследствии знаменитый астроном). Несарт уже очень стар, болен, тяжело ходит. Вначале он изредка появлялся в царском дворце. Жить во дворце со всякими удобствами и привилегиями категорически отказался, а Малцагу говорил: «Уходи, уходи на Кавказ. Ведь там семья». А спустя год: «Совсем испортились, на кавказцев не похожи — азиаты, словно потомки Тимура, теперь вы рабы его богатств».

Потом он вовсе во дворец ходить перестал. Говорил тяжело, Шад-Мульк его лишь раз навещала, иногда — Малцаг и всякий раз сетовал:

— Царица не отпускает, говорит, подожди, подожди еще чуть-чуть.

— Несчастливая девочка, — вздыхал Несарт. — Хоть ты уезжай.

— Давай вместе.

— Я куда? — по-старчески ухмылялся Несарт. — У меня там никого нет, а тут моя обсерватория. Да и не дойду.. Жду..

— Вот, Шадома тебе передала, щедрые гостиницы.

— Хм, — грустная улыбка старика, — Шадомы нет, есть Шад-Мульк... Бедная девочка!

— Ну, она самая богатая, — возразил Малцаг. — Добилась своего! Отомстила! Правый суд вершит.

— Ничего она не добилась. Суд вершить только Бог. И никто ей спасибо не скажет. Никто ее не вспомнит, над могилкой не всплакнет.. Нет у нее детей, нет у нее будущего... Забери ее, уходите, пока не поздно.

— Хе-хе, как царицу забрать?!

— Не царица она, а несчастная девочка... Плохо она кончит.

Сама Шад-Мульк это уже понимает и чувствует. Ее муж, молодой красавец Халиль, уже не юноша-принц, коих немало, а полноправный государь. А государь без наследника — что лия в пруду, любая волна на песчаный берег швырнет, сразу иссохнет. Халилю нужна детородная царица. Больше ждать он не может. И тогда сама Шад-Мульк подбирает ему наложницу, думает, сына заберет, и все останется как прежде.

Позабыла Шад-Мульк свое рабство, как сама к вершине шла. А ведь она наложницу выбирает, и должна будущая мать всему

лучшему соответствовать, как-никак — для царя! А наложница красивая, умная и, главное, очень сильная — молодая она.

Вкусил Халиль эту сладость, с Шад-Мульк сравнил, и понравилось ему сравнивать. Пока не было детей, Шад-Мульк еще держала ситуацию в руках, а потом появился сын, второй. Вот когда позиции ее явно ослабли, Халиль словно угорь выскользнул из ее рук, в другие так и не попал — почти «бесхозный». И с Шад-Мульк он постоянно ссорится. Этим воспользовались враги, заговор давно зрел: связь Малцага и Шад-Мульк продемонстрировали Халилю. Власти Шад-Мульк еще хватило, чтобы Малцага не повесили, посадили в тюрьму.

Шад-Мульк сразу сдала. Вот теперь они убежали бы с Малцагом. Да кто ее отпустит. Халиль — повеса, пьяница, стал, как предки, развратником, в целом — охвостье. Но он не дурак, как и дед, расчетлив, и сквозь опийно-винный сквозняк понимает, что его к власти привела Шад-Мульк, и она, а не он, удерживает власть. А Шад-Мульк, оказалось, без Малцага не может. Она уже чувствует заговор, чувствует, как вожжи неумолимо выскользывают из ее рук. И тут в ней что-то переменялось. В ней появились две страсти. Первая — желая что-то воссоздать, она начала в самом центре Самарканда строить «Сказку Востока» наподобие той, что в Тебризе. А вторая — стала сумасшедше расточительна. Она очень щедро поощряла свое окружение и охрану, этим продлевая свою жизнь. А по ночам она ездила по городу, и наутро находили целые россыпи драгоценных камней (об этом сообщают летописи). Она швыряла и раздавала деньги, золото, бриллианты. Она отсылала полные мешки на Кавказ, не зная кому и куда. Не с царской, а с баснословной щедростью она опустошала Тимурову казну. Что только она не делала, а гора еле уменьшалась.

Вскоре слухи о расточительстве Шад-Мульк дошли и до Халиля. Он ее избил. Это был конец Шад-Мульк. Но она добилась последнего — умудрилась казну поджечь. Полыхающий пожар был не только знаком, он окончательно сплотил противников Халиля и Шад-Мульк. К Самарканду с войсками подступил Шахрух. Город быстро взяли. Халиля бросили в тюрьму и там же казнили. Шад-Мульк этой участи избежала, потому что, оказалось, уже сошла с ума, ее просто бросили на площадь на поругание.

И та толпа, те нищие и прихлебатели, что толпились у ее балкона и пользовались ее щедростью, стали ее заживо разрывать на куски.

Смена власти. В городе переворот, хаос. Самарканд неуправляем, и, как бывает в таких случаях, первым делом открываются ворота тюрем. Но Малцаг в особой тюрьме, он еще взаперти. Да Молла Несарт сумел дойти, показал охраннику подарок Шад-Мульк — алмаз невероятной красоты.

Рванулся Малцаг на центральную площадь, всех раскидал — было поздно. Она открыла глаза, даже улыбнулась, и на последнем выдохе прошептала:

— Любимый, Малцаг, спас...

...Удивительно, но абсолютное большинство исследователей жизни Тимура, а это не только поэты-романтики, а в основном маститые ученые, в целом поддаются очарованию мощи, пусть и злого, да все же гения завоевателя земель. И почти все только вскользь упоминают о Шад-Мульк, в один голос называя ее куртизанкой, наложницей из чужого гарема, рабыней, которая разорила Тамерланово гнездо.

На самом деле Шад-Мульк — это славная и самоотверженная женщина, которая боролась не против Тимура и его наследников, не за власть, разоряя казну, а боролась против своего одиночества, за своего нерожденного ребенка, за свое исковерканное материнство, за будущих детей и матерей! Ей нигде не поставили памятник, лишь небольшой безжизненный валун. И хоронили тайно, в холодную ночь наступившей зимы 1407 года, в голой степи, недалеко от обсерватории.

— Бедная Шадома, упокой тебя Бог, — закончил молитву Несарт.

— Шадома, — простонал Малцаг.

Они просидели у небольшой могилки до рассвета, вспоминали, горевали, плакали.

— Пойдем со мной, — молил Малцаг.

— Я не ходок... Остался один путь, к Богу. А туда, как сказали мудрецы, что отсюда, что с Кавказа — все равно... А ты иди, иди на Кавказ, только там наше будущее — наш язык, наши дети. Береги их! А я здесь рядом, с дочкой, с моей Шадомой... чтобы не скучала. А ты ходи.

— Я уйду, но не прощаюсь, верю, что увидимся еще.

И мы не прощаемся. А наше Перо никогда не прощалось и не попрощается с Моллой Несартом.

Молла Несарт (или Молла Насреддин, или Ходжа Насреддин) — кто он такой? Исторический персонаж, собирательный образ, мифологизированный и легендарный герой? Шут, юморист, ученый, чародей? Двадцать три народа называют его своим или претендуют на это. Если вы приедете в Азербайджан, Турцию, Иран, Узбекистан, Дагестан, Чечню или еще куда (любую страну Востока) и спросите о Насреддине, то вам обязательно расскажут почти что похожие анекдоты и более того, даже покажут могилку, где он похоронен, якобы с надписью задом наперед.

Жил ли Несарт, или Насреддин, во время Тимура? Одни ученые утверждают, что это анахронизм, ибо Насреддин жил там-то и там-то и тогда-то, и тому есть доказательства и прочее. Другие утверждают, ссылаясь на литературу, что Насреддин жил во времена Тимура и встречался с ним. Точнее, представляется иная версия — Насреддин, или Несарт, жил и живет всегда. А такие, как Тамерлан, изредка, то здесь, то там, появляются, когда общество забывает о Насреддине, ибо Несарт или Насреддин — это не шут, не балагур, напротив, — это бунтарь, гордый, независимый человек, свобода которого подкреплена вечным поиском истины, правды. Его не оболванит богатей, судья, мулла, правитель или иной невежественный вельможа, так как он вооружен знаниями, а не суевериями. Такие люди, как Несарт, к счастью, всегда есть. Это гении, которые по крупницам постигают жизнь, собирая кладезь человеческих знаний — путь к цивилизации, к миру и добру!

Эпилог

«Из всех различных видов искажения истины воображением нет ни одного, который бы сделал так много вреда, как преувеличенное уважение к прошедшим временам». (Г.Т. Бокль)

Хотелось этот эпиграф, а может, и надо было бы поместить в самом начале повествования, да что-то Перо, оно, конечно же, лучше знает, вписало здесь. Это, видимо, оттого, что Перо пощадило меня, ведь я историк, живу «прошедшими временами». А впрочем, какой я историк?

Самому стыдно вспомнить, и нечего оправдываться, мол, молод был, навязали. А ведь моя кандидатская диссертация называется «Роль большевиков Северного Кавказа в победе над денкинцами».

Представляете, кто-нибудь случайно найдет мою работу через тысячу лет и скажет: «По данным летописца (может, и имя упомянет) был такой народ — большевики на Северном Кавказе, так они в середине двадцатого века отбили варварское нашествие племени денкинцев, что с севера пришли».

Так это лишь кандидатская. А я, глубже развивая данную тему, уже заканчивал докторскую, как — «бах!», и такой страны, как СССР, нет, коммунистов нет.

Кстати, каюсь, я сам был комсомольцем и коммунистом, и с каким рвением я служил делу коммунизма, с таким же рвением боролся против. Ведь с распадом СССР в маленькой Чечне, что на Северном Кавказе, началась революция, народно-освободительная борьба, которую я всей душой поддержал.

До сих пор не знаю, то ли я струсил, то ли прозрел, да вскоре понял, что эта «революция» и «борьба» ведут совсем в другую

сторону, как мне казалось (и я до сих пор так думаю), — в пропасть.

Я отошел от революционеров, а вот мои сыновья, зараженные лживыми лозунгами, пошли дальше, они вооружились не только революционным, но и религиозным фанатизмом. В итоге, отвернулись от меня.

Это была трагедия не одной семьи, а всего народа, но и она ничто, ибо вскоре началась ожидаемая война между Чечней и Россией. Как тяжело было ее пережить. Чечня, вроде бы, победила. В семье потерь нет. И я где-то счастлив, ведь я остепенен, историк. И пусть зарплата нищенская, а наука бессмертна, и я занимаюсь любимым делом — написал две работы: «Россия и Чечня: поиск компромисса» и «Северный Кавказ на перепутье веков и конфликтов».

Не знаю, найдут ли данные труды через тысячу лет, а вот в Москве, в Российской академии наук нашли, и вскоре меня пригласили. Эта поездка, как некий отчет, описана в прологе. Пролог, это, конечно же, претензия на литературу, где возможен вымысел, а не строгая история. А мне так и хотелось, ибо я после этой поездки заразился личностью Тимура и последствиями его нашествия на Северный Кавказ. А интуиция литератора, которая развилась у меня в работе с материалами первоисточников, помогла понять, что личные летописцы Тимура в основном были поэты, а не историки, к тому же придворные, карманные, и вряд ли они были всегда объективны. А других-то нет. И чтобы расшифровать эту летопись, надо самому тоже поэтом постараться стать, по крайней мере посмотреть на все с романтических позиций. Что я сделал, когда вновь приехал в столицу и попросил моих новых знакомых — ученых Калмыкова и Новопалова — помочь мне в исследовании.

Я такого и предвидеть не мог — мне была оказана колоссальная поддержка. В гостинице Российской академии наук, в самом центре Москвы, мне был выделен отдельный номер со всеми удобствами. Все библиотеки и архивы рядом. К тому же приняли на работу и, что самое важное для тех лет, временно прописали в Москве, а иначе чеченцу в столице очень трудно.

Ну, казалось бы, наслаждайся жизнью — ищи, твори. Так оно и было почти что около двух лет. Да я сам все испортил.

То, что будет и должна быть вторая чеченская война, я знал, да и все в Чечне знали. Но я ведь не в Чечне, я в Москве.

И война началась в Москве — стали взрываться жилые дома в столице. Обвинили чеченцев. У меня в номере был обыск — ничего. А потом, каюсь, я был пьян, и вновь с проверкой милиция. Я стал грубить, рукоприкладствовать, тюрьма.

Мое заключение длилось столько, сколько и война в Чечне. О дальнейшей жизни в Москве не могло быть и речи. Я вернулся в родное село. Мой дом полуразрушен, и я уже знал — почти что одинок, а меня, наверное, тюрьма спасла. И до сих пор не знаю, кто сохранил и как, но мои записи, мой архив по исследованию Тимура здесь, весь в пыли, в гари, мышами с краев прогрызен, но цел, аккуратно перевязан, в углу, словно никому не нужен. А как меня это спасло. Окунулся в прошлое, нового ничего нет. Так что свое горе забыл. Да вот одна беда — на свои же выводы стал иначе смотреть, стал все переделывать, переписывать. И, когда понял, что все для диссертации почти готово, поехал в Москву.

Столицу России не узнать — блеск, чистота, люди богатые, ухоженные, красиво одеты. А сколько иностранных дорогих машин! И всюду «банк», «казино», «ресторан», «страховая компания», «салон красоты», восстановленные храмы, музеи, старинные особняки, прекрасные памятники. И как за столь короткий срок Москва могла так преобразиться? Сейчас очень модно говорить «гламур». А такого слова даже нет в русском словаре, есть «глянец». Это точно не ко мне, и я пошел к знакомым местам.

Высотное здание Российской академии наук. Стоит так же величаво, неприступно. Только и здесь много нового: чисто, больше молодых, энергичных людей. А к зданию не подойти — столько машин, тоже заморских, и мощная военизированная охрана, меня даже не подпустили. Зато издалека «лабиринт» на крыше видать, но и он не тот — золотом блестит, сверкает; глянец либо гламур.

Я уже знал, что моего замечательного учителя-тимуроведа Новопалова Олега Кузьмича уже нет. Я побывал у супруги с заболеваниями, и она подсказала телефон Калмыкова Ивана Силантьевича, а заодно поведала, что сын последнего выбился в большие люди, и сам Калмыков ныне восседает в какой-то богатой фирме.

Калмыков меня вначале не узнал, а потом засмеялся в трубку:

— Я как раз должен быть вечером в РАН, жди меня. Боже, даже люди в Москве изменились. Я бы Калмыкова не узнал, если бы не он меня. Шикарный лимузин и все остальное, а сам, действительно, помолодел, и на мое удивление:

— А что? Ха-ха-ха, фитнес, питание, массаж, операции — подтяжка, волосы посадил, ну и прочее-прочее... Ну, — вздыхая, он осмотрел меня, — ладно, пошли, чеченская наука... Он со мной, — как пароль процедил Калмыков, и меня в Академию пропустили.

— Так, мне к вице-президенту, по делам, — уже в лифте говорил Калмыков, — а ты — на третий этаж, в ротонд, пообщайся со своим другом.

Скоростной лифт бесшумно ушел, а я бы вновь заблудился в лабиринте здания, да всюду стрелка «ротонд».

Большой, светлый павильон, и ни души, лишь бюсты. Я его сразу узнал, хотя, конечно же, это не оригинал. Правда, тоже под стеклом, и табличка: «Тимур — выдающийся полководец, правитель (1336—1405)».

Эта бронзовая копия не вызвала никаких чувств, только странную мысль. Здесь еще бюсты стоят, в том числе и Петра Первого. Но они отдельно, в глубине, как бы в почете. А вот Тимур прямо у входа, и, что удивительно, первая — обезьяна, потом неандерталец и далее — эволюционный ряд Дарвина, и, под конец Тимур, а за ним Улугбек. Это все отдельно, для меня стало символично. И пока я об этом думал, появился Калмыков, и я сходу спросил, почему так.

— Не знаю... А впрочем, мы ведь ученые. Значит кто-то, такие как Тамерлан, произошли и вправду от обезьян, а есть и от Бога! Ха-ха, ну что? Разве не идея? Только я бы не рискнул это публиковать... Пошли.

— А настоящая голова Тимура там же? — о своем заговорил я.

— Да, ха-ха, как ты на нее позарился, сразу же перевезли на свое место в Санкт-Петербург, в Кунсткамеру¹, теперь, наверно, навсегда... Кстати, и башка Хаджи-Мурата там.

¹ Кунсткамера (нем.) — в старину: собрание разнообразных редкостей, а также помещение для такого собрания (по словарю).

Мы подошли к лифту, и там рекламный плакат: «Вас приглашает ресторан «Вершина!», 22 этаж».

— О! — воскликнул Калмыков. — А там, где был музей, где мы Тамерлана килькой кормили, теперь обалденный ресторан. Посмотрим?

В здание Академии в моем костюме меня еще впустили, а вот в этот ресторан — вряд ли. Да Калмыков сказал пароль «Сомной».

— Это один из самых дорогих ресторанов Москвы, — пояснил Калмыков, когда я уставился в меню. — Брось! Тимур так не гулял... Лучше пошли на балкон.

Вид Москвы был потрясающий. Я посмотрел вверх, прямо над нами «лабиринт», отсюда выглядел как что-то невразумительное, несуразное.

— Да, — перехватил мой взгляд Калмыков. — Теперь это называется не «лабиринт», а знаешь как? — «Золотые мозги России».

Мы сидели около часа. Уже стемнело. У Калмыкова все время звонил мобильный. Принесли блюдо. Я даже не знал, как это морское чудо есть.

— Да, это не то, — угадал мою мысль Калмыков. — Слушай, давай тряхнем стариной... Поехали.

Уже наступила ночь. Москва горела огнями, стала еще краше, загадочней. Мы ехали недолго. По набережной не проехать — столько машин, пришлось идти пешком. Прямо на Москве-реке многопалубный корабль, огнями зовет: «Развлекательный центр. Ночной клуб. Казино «Сказка Востока». Внутри ковры, огни, роскошь, и даже воздух пьянит. По отдельной лестнице нас подвели к стеклянному лифту. Наверху открытая палуба, тихая музыка, уютно, прохладно.

— Как обычно, — видно, Калмыкова здесь знали.

Вот это был восточный размах. Все свежее, вкусное, стол просто ломится. Одно плохо — и здесь телефон Калмыкова не угомонится, вскоре пришел какой-то партнер.

— Пойду пройдусь, — чтобы не мешать, я удалился.

Что-то меня потянуло на нижние этажи, там было многолюднее, веселее, шумно. Вот казино, игорный зал. Еще ниже — концерт, полуголые девочки выступают. Еще ниже — ресторан, там

уже сами посетители резвятся. Здесь официанты — все молодые девушки и мальчики — восточные лица. Они на месте не стоят, с подносами носятся. Я одного остановил.

— Ты откуда? Откуда приехал? — кричу я.

— Самарканд... Самарканд.

Я удивился. Девушку-официантку остановил.

— Бухара... Бухара.

Что-то меня задело. Я решил спуститься еще ниже, откуда приносили еду и доносились всякие запахи. Мне кажется, что такого, как Калмыков, даже со знанием пароля, сюда не пустили бы. А мой невзрачный вид — пропуск именно туда. Это трюм, точнее подвал. Здесь кухня, склады, тусклый свет, воздух тяжелый. А работа, несмотря на ночь, кипит. Сотни, сотни молодых людей в поту трудятся. И даже спрашивать, откуда они, не надо — сплошь люди с Востока, да и спросить невозможно — конвейер, то ли колесо не остановить.

А вот, я вижу, группа усталых, еле стоящих на ногах юношей и девушек спускается еще ниже по лестнице. Я за ними. Ужас! Вонь, запах крыс. Спят вповалку, а дышать нечем. Свет еле горит, и камера тюрьмы показалась бы раем. Хотелось бежать, да за ширмой детский стон, я любопытный — лучше бы не видел. Бежал.

Через день я был в Питере, попал в Кунсткамеру. Лучше бы и этого не видел. А башка, и не одна, надежно стоит. Зачем? Я быстро вышел, хотел на чистом воздухе покурить, а те же восточные парни пыль подняли, улицы выметают.

Позже, на вокзале, на базаре, в Москве и в Питере, я уже не глянец вижу, а сплошь восточные лица. И мысль мечется — то ли невольно пригнали, то ли новое нашествие. А может, наследие, порожденное Тимуром? Не знаю.

Зачем думать? Лучше наукой заниматься. Калмыков помог ускорить защиту. Ох, жарко было. А я спорил, не сдавался. Да председатель Совета мудрым человеком оказался, постановил: «Как Молла Несарт сказал спорящим — и ты прав, и ты... Так что, учтите наши замечания, и ждем».

А Калмыков уточнил:

— Если двадцать замечаний, то десять исполни, и вперед. Замечания разные. И то, что мне казалось сначала самым труд-

ным, оказалось самым легким. Оно заключается в том, что научно правильно и верно писать не Тамерлан, а только Тимур. А вот эпитеты «Великий», «Властелин» и прочие — можно. Так я думал, как же всю диссертацию Пером изводить. А оказалось все просто. Текст в компьютере. Программу задал: вместо «Тамерлан» — «Тимур», и пять секунд — машина все исполнила. Так ведь это лафа, а я, дикарь, даже этого не знал. А как знать, если у меня в селе и электричества последние десять лет практически не было, а когда, бывало, напряжения лишь на слабую лампочку хватало — война. Зато теперь я овладел машиной. Боже! Сколько я зря трудился? В компьютере все есть, все запрограммировано, все подсказано, вся информация, и как докторскую, хоть про Тимура, писать... Стоп! А писать можно только то, что задано в программе. Тогда диссертация готова, этот экзамен я сдам. А зачем мне этот экзамен, этот диплом? Столько, вроде, прожил, а ничего не понял. Экзамен-то будет перед Всевышним...

Видимо, Тимур его не сдал... Сдадим ли мы? Не знаем. Правда, знаем, что ответ-то пишем мы сами. И поэтому напишем, пора походатайствовать за тех, кто в кунсткамерах, мавзолеях, пирамидах, музеях. Пора, наверное, земле предать. А то эти вечные памятники соблазняют одних, эксплуатируют других... Дай Бог нам свободу мыслить, свободу действовать, свой ответ «подобием Божьим» самим творить, писать! Да не иссякнут чернила нашего Пера! Аминь!

Послесловие
(или вместо автора)

Эту рукопись, конечно, в несколько ином варианте, мне передал мой односельчанин, можно сказать, сосед.

Года два назад, в самом начале лета, ко мне пришел мальчишка и сказал: «Зовет профессор». Мой коллега, лет на пятнадцать старше, преподавал в университете, кандидат исторических наук. В последнее время живет бобылем, болеет, редко появляется на людях, поэтому я с неким любопытством к нему направился.

Я ожидал удрученности во всем. Нет, всюду порядок, и в доме чистота, и сам профессор бодр, или хорохорится.

— Так, — без особых церемоний и предисловий он сунул мне толстые старые папки «Дело», каких я уже лет двадцать не видел. — Я очень прошу, доработай, обработай и опубликуй — ты ведь нынче писатель.

— Гм, — невольно усмехнулся я, — под чьим именем?

— Под своим, чужим, любим, но только не моим. Понял? Это неперемнное условие.

— Тут, наверное, история? А какой же я историк, — попытался я возразить.

Но он был суров и категоричен.

— В том-то и дело, что история. А у истории не может быть автора, она общечеловечна.

— А как же опубликовать без автора?

— Поставь свою, если неловко — любую, псевдоним, но только не мою. Прошу, требую, не указывай нигде моего имени... Договорились? — он подал руку и, глядя в глаза: — Я еще кое-какой материал додам. Работы много, — он явно выпрова-

живал меня. Я с удовольствием быстро ушел: от сигаретного дыма не продохнуть, ну и хотелось рукопись посмотреть.

Смотрел — страничку-две. Написано авторучкой, чернилами, на дешевой бумаге; слова местами размылись, есть кляксы. А почерк, вроде ровный, да мелкий, трудно читать, к тому же столько исправлений, вставок... А я над своей рукописью мучаюсь, так что бросил я «дела» профессора в угол, забыл. Однако через пару недель вновь мальчишка на велосипеде у ворот стал, не уважить взрослого нельзя. По пути я выдумывал, что скажу в оправдание, но говорить ничего не пришлось, профессор по моему виду сразу все понял, и на его лице появилась такая досада страдания, боли и разочарования, что, видно, во мне что-то еще было, и я сходу выпалил: «Все сделаю, сделаю, опубликую». С этим ушел, а как только изможденное лицо осталось за бором, я подумал, зачем мучиться, отдам машинистке, пусть набирает, тогда поглядим. Но до этого надо все просмотреть, систематизировать, хотя бы страницы правильно пронумеровать, а то столько сносок, ссылок, каких-то приклеенных обрывков из разной бумаги. Пригляделся, а это листки библиотечных требований, и что я вижу — «Ленинка», библиотека РАН, центральный государственный архив. Это все Москва и Петербург, а потом Ташкент, Баку, Тбилиси, Тегеран, Тебриз, Анкара, Стамбул, Каир, Махачкала, Астрахань и даже Дербент. Вот это да! Профессор! Где только не побывал. Столько библиотек!

Одна эта география меня заинтриговала. Я стал читать. Вновь тяжело, да манит, и не только содержание, а само письмо, почерк, по которому я уже могу определить, когда у профессора настроение и здоровье хорошее, когда плохое, когда он доволен и пишет «браво», ставит восклицательный знак, а вот много-много вопросительных и сбоку «дрянь» (про кого?). А вот что-то, по его мнению, не получилось — окурком листок прожег, но не выкинул, не переписал. И видно, спешит, на полях даты, план на день, в том числе количество страниц, словно бухгалтерия. По записям видно, он даже в Новогоднюю ночь и в праздник Уразы работал. А вот редкий день не работал: праздник — внуки приехали! А потом вновь труд, и среди этого его длинный волос, уже поседевший, тонкий, выпал, а в спираль сжался — не сдается...

Месяц он меня не звал, я сам пошел. Было жарко. Он работал за столом, и первое, что я заметил, ручка в руке необычная, в виде красивого птичьего пера. А еще, он был в майке, на плече грубый, выжженный шрам. Он накинул рубашку.

Профессор не любил пустословий, приветственных церемоний, поэтому и я сходу задал вопрос:

— Это некая месть?

— Никак нет. Наоборот! Всепрощение. Покаяние, — сходу ответил он, даже вскочил, и, пройдя, задумавшись, по комнате, нервно закурив: — Знаешь, любое зло, даже самое страшное, со временем забывается. Любое добро со временем забывается. Остается лишь знание, а оно должно быть истинным... Мой труд — не абсолютная истина, но и не заблуждение. История — это не биография какого-то деятеля, это характер времени, это поведение человеческих масс. И когда ложь становится одной из ежедневных потребностей, а лицемерие — привычным состоянием, общий дух и образ мыслей общества подвергается порче, сумма пороков и заблуждений страшно увеличивается. И кто-то это назовет свободой, кто-то безнравственностью, а в целом презрение и надменность одних к другим, и это — конфликт. И вроде сегодня больше говорят о мире, но готовятся-то к войне — заряженное оружие в конце концов стреляет. А как оно стреляет — мы-то с тобой знаем.

К сожалению, знаем... А вот самого профессора, хотя он и недалеко живет, я знаю очень мало. Порасспросил. Он с юности был активистом, комсомольским вожаком, в чем-то бунтарем, а кое-кто называл его выскочкой. Он был коммунистом, даже членом парткома университета, а перестройку в СССР воспринял как кровное дело, проявил энтузиазм и кипучую энергию.

С таким же рвением он позже возглавил революционное движение в Чечне. Многие его до сих пор обвиняют, говоря, что именно его митинговая страсть, его свободолюбивые статьи и выступления заразили людей и породили вакханалию.

Как обычно бывает, революцию делают одни, ее плоды пожинают другие. Профессора выкинули из революционного совета, а может, он и сам, разочаровавшись, ушел в тень. В любом случае, он вновь стал простым преподавателем, историком, и нигде более не появлялся.

А вот два его сына, изначально став возле отца, не сошли с военно-революционного пути, более того, как говорят, они разошлись с отцом во взглядах. И профессор вынужден был уехать в город, там он вовсе потерялся. Потом тихо перебрался в Москву, и позже новость — посадили в тюрьму.

Интерпретация его заключения, сделанная им самим в эпилоге не верна, точнее, не полна. Дело в том, что когда в Москве начались взрывы жилых домов и стали обвинять в этом чеченцев, профессор, зная, к чему это ведет, и имея организаторский опыт, стал обзванивать и встречаться со всеми более-менее известными чеченцами, живущими в Москве, то есть с диаспорой. Они планировали провести митинг-протест. Почти все поддержали, обещали прийти — никто не пришел, один профессор с плакатом в центре Москвы стоял. Говорили, лозунг был антиправительственный. На самом деле антивоенный. Эту акцию не заметили, по крайней мере, СМИ. Зато в тот же вечер профессора арестовали.

То ли в знак протеста, то ли просто для утверждения самого себя, он в заключении выбил на плече татуировку — «Маршал»¹. Дальше сплошные «то ли», «либо», ибо все слухи. Словом, то ли как политического, то ли тюремные уголовники не вынесли, что какой-то ученый-очкарик, а сразу кликуху Маршал взял. Его, как на жаргоне говорят, прессовали, и либо он сам, либо кто помог — татуировку выжгли. Видимо, профессор взбунтовал. Знаю точно, что его так и не осудили: то ли не было суда, то ли прямо из зала суда освободили.

Он вернулся в родное село. Дом был полуразрушен, пуст. Жена умерла. Его младший сын стал известным командиром. Про него до сих пор говорят и плохо, и хорошо. Он был убит в самом начале второй чеченской войны. А вот старший сын женился, остепенился, вроде стал мирным человеком, но его тоже во вторую кампанию, как пособника, прямо из дома забрали, исчез.

От старшего сына остались жена и двое детей. Это они навещают профессора, убирают, готовят и прочее.

Еще у профессора есть дочь, она замужем в Европе. Это она оплачивала адвокатов, это она содержит его и даже дает возможность ездить по миру.

---

¹ Маршал (чеч.) — свобода.

Мы с ним работали около года. К моему стыду, виделись очень редко: то я в отъезде, в работе, то он, хотя и больной, тоже вечно в трудах. А в последний раз он как-то посветлел, улыбался:

— Вот, дочка деньги прислала, «целевые». Говорит, только на поездку к ней. Сама она приехать не может, паспорта нет. Вот, заканчиваю труд... Тимуру только месяц жить осталось... Хе-хе, а сколько мне? Может, меньше того.

В ту ночь работа у меня не клеилась, и спать почему-то не мог, было много вопросов. На заре я пошел к профессору. Он всегда подчеркивал, что свободен, и потому никогда не запирался.

Я открыл дверь и сразу все понял: из дома не валил привычный табачный дым. Видимо, профессор знал, ждал. В последний момент, уже криво, успел закончить фразу, даже дату поставить. Умер за рабочим столом, лицо к выходу и прямо под настольной лампой ярким светом озарено... Я захотел взять его чудо — ручку-Перо — на память, разжал кулак, а на ладони выжжена надпись — «Маршал!»

Апрель 2007, Шали

Оглавление

<i>Вместо предисловия</i>	7
<i>Часть I</i>	27
<i>Часть II</i>	110
<i>Часть III</i>	178
<i>Часть IV</i>	316
<i>Часть V</i>	448
<i>Эпилог</i>	626
<i>Послесловие</i>	633

Литературно-художественное издание

ИБРАГИМОВ
Канга Хамзатович

Роман

СКАЗКА ВОСТОКА

Корректор
Ю.Р. Камалова

Компьютерный дизайн и верстка
Е.В. Абрамова

Сдано в набор 31.10.09.

Подписано в печать 10.06.10.

Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 40,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 1284.

ISBN 978-5-900231-90-7

ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс
«Грозненский рабочий»

ЧР, 364026, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35.